62-3
32387

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории

А. М. Станиславская

РУССКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ (1798-1807)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1962

Ответственный редактор
доктор исторических наук
С. А. ФЕЙГИНА

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Введение

Восточное Средиземноморье во внешней политике царской России с последней трети XVIII в. играло значительную и неуклонно возраставшую роль. Политика великих держав на Средиземном море, позиция Турции в международной борьбе, режим черноморских проливов затрагивали непосредственные интересы царизма. От этого во многом зависели как экономика помещичьего хозяйства тех областей страны, товарная продукция которых шла на экспорт через черноморские порты, так и развитие связанных с восточными рынками отраслей русской промышленности. Зависела от этого и безопасность русского Причерноморья, южных границ, тем более что султанская Турция становилась орудием враждебных России великих держав, на которые она опиралась, строя планы военного реванша и захвата Крыма. На средиземноморскую политику России влияли также и опасения, что ее европейские соперники захватят выгодные стратегические и политические позиции на Ближнем Востоке и Балканах — это положило бы конец надеждам царизма на преобладание в этих зонах.

Вместе с тем, царское правительство на путях экспансии искало выхода из конфликтов феодально-крепостнической системы. Присоединение новых территорий и рост международного престижа должны были разрядить общественное недовольство и укрепить позиции господствующего класса в борьбе с антикрепостническими силами.

Политика царизма в Восточном Средиземноморье и на Балканах определялась сочетанием этих экономических, стратегических и политических интересов господствующего

класса. Стратегические и политические моменты играли при этом не меньшую роль, чем экономические.

С конца XVIII в. в Восточном Средиземноморье завязался запутанный узел противоречий великих держав. Восточный вопрос — «все тот же неразрешимый вопрос, все тот же неисчерпаемый источник затруднений: как быть с Турцией?» [1],— столкнул их в борьбе за наследство «больного человека» — дряхлевшей Османской империи.

Автор предлагаемой вниманию читателя работы ставит перед собой задачу осветить одну из важных сторон русской внешней политики конца XVIII — начала XIX в.— историю русско-английских отношений в их связи с проблемами Средиземноморья (преимущественно восточного его района). В задачи монографии входит вместе с тем общая характеристика некоторых сторон того особого, по мнению автора, периода русской политики в Восточном Средиземноморье, который начался в конце 90-х годов XVIII в. и завершился в период Тильзитского мира, и отличался чрезвычайной, небывалой до этого времени и не повторявшейся уже более в таких масштабах активностью России (за исключением 30-х годов XIX в.), рядом исключительных успехов ее средиземноморской политики (открытие Босфора и Дарданелл для русского военного флота, блестящие операции крупных военно-морских сил под командованием Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина, протекторат России над Ионическими островами, расширение и укрепление ее связей с балканскими народами и т. д.).

Изучаемый период имеет особое значение не только для истории средиземноморской политики России, но и для истории русско-английских отношений. В них сталкивались тогда две тенденции: к взаимодействию против общего врага — сначала революционной, а затем наполеоновской Франции,— и к соперничеству. При одностороннем изображении русско-английских отношений как истории одних лишь соперничеств и противоречий реальная картина нередко искажается. Автор стремится подойти к изучаемой им проблеме исторически и раскрыть ее различные стороны.

Начало этого периода приходится на 1798—1799 гг.,— годы, когда Россия заключила с Англией, Турцией и Неаполитанским королевством союз против вступившей на путь завоевательных войн Франции; русский военный флот получил право на проход через проливы; Ионические острова стали опорным пунктом политики Павла I и Александра I на Средиземном море. Конечная грань этого периода — 1806—1807 гг. В конце 1806 г. началась война между Россией и Турцией, закрывшей проливы для русского военного флота, в 1807 г. последовал разрыв союза России и Англии и Тильзитский мир, уход эскадры Д. Н. Сенявина из Восточного Средиземноморья, переход Ионических островов к Франции. Этим определяются и хронологические рамки монографии.

Автор сосредоточил свое изложение на тех вопросах отношений России и Англии, которые связаны с их политикой в Восточном Средиземноморье. Именно в Константинополе, на Ионических островах, в греческом вопросе, в Албании общие интересы борьбы против французской агрессии связывали обе страны. С другой стороны, здесь завязался узел русско-английских противоречий в восточном вопросе.

Не столь детально, хотя также на новом материале, исследованы русско-английские отношения в связи с политикой обеих держав в центральных районах Средиземноморья. Неаполитанское королевство и о-в Мальта в это время привлекали бдительное внимание России, но роль их в ее политике нельзя сравнить с ролью Турции, Ионических островов, проблемы проливов.

В работе анализируются также особенности позиции России и Англии в египетском вопросе, хотя Египет — крайний восточный участок Средиземноморья — и не имел тогда самостоятельного значения для русской внешней политики.

Автор не ставит себе целью дать всестороннее освещение политики России на Средиземном море и Балканах, в частности отношений ее с Турцией и балканскими народами — эти вопросы интересуют его преимущественно в той мере, в какой они связаны с темой исследования. Однако в работе в основных чертах охарактеризованы проводившаяся Россией в этот период политика союза с Турцией, условия, при которых в 1799 и 1805 гг. были заключены русско-турецкие союзные договоры, роль Ионических островов и греческого вопроса в отношениях России и Турции, причины вспыхнувшей между ними в 1806 г. войны и др.

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 4.

Автор не имеет возможности, оставаясь в рамках поставленной им себе задачи, нарисовать и полную картину борьбы России и Франции в Восточном Средиземноморье. Было бы тем не менее неправильно показать русско-французские противоречия на Средиземном море лишь как фон для основной темы исследования — Франция здесь была главным противником России. Автор поэтому считал возможным поставить в своей работе историю русско-французских отношений в 1798—1807 гг. как одну из самостоятельных проблем исследования (хотя и не главную) и уделить ей значительное место.

Марксистская историография международных отношений строится на основе положения о тесной связи внешней и внутренней политики. В. И. Ленин учит, «что характер войны и ее успех больше всего зависят от внутреннего порядка той страны, которая вступает в войну, что война есть отражение той внутренней политики, которую данная страна перед войной ведет» [2].

Раскрытие социально-экономических предпосылок внешней политики, целей и интересов тех господствующих классов, которые ее направляют, борьбы общественных сил по международным вопросам, а вместе с тем и показ обратного воздействия внешнеполитических акций на политическую обстановку в стране — таковы пути установления связи внешней и внутренней политики в марксистской историографии.

Историк внешней политики царской России конца XVIII — первой половины XIX в. исходит из того, что она велась в интересах класса дворян-помещиков, стремившихся за счет внешнеполитических успехов укрепить свое господство в стране.

Отношение классов и различных общественных группировок России к тем событиям, которые в начале XIX в. разыгрывались на международной арене и в которых она была одной из главных действующих сил, почти совсем не изучено. Это в значительной степени ограничивало возможности автора, стремящегося, однако, показать экономическую подоплеку внешнеполитических действий царского правительства, позиции различных дворянских группировок и (в той мере, в какой это позволяет собранный

[2] В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 131.

историками материал) буржуазных кругов и русских просветителей в восточных делах, русско-английских отношениях, вопросах мира и войны. Автора интересовал также вопрос, как царизм в своей внешней политике отвечал на те сдвиги, которые совершались в Европе с развитием капиталистических отношений и национально-освободительного движения. Эта проблема ставится на примере политики царизма на Ионических островах в 1799—1807 гг. и некоторых других внешнеполитических мероприятий правительства Александра I, в частности в греческом вопросе.

Царское правительство преследовало в своей внешней политике глубоко реакционные захватнические цели. Тем не менее некоторые ее стороны в отдельных случаях объективно способствовали тому, что создавались социально-экономические условия для более быстрого развития капиталистических отношений.

Классики марксизма беспощадно разоблачали контрреволюционную роль царизма — жандарма Европы — на международной арене. В то же время они отмечали, что угнетенные Турцией народы видели в русском народе свою защиту и опору. Ф. Энгельс подчеркивал: «И не только греки,— живущие как в Греции, так и в Турции,— а также славяне видят в России свою естественную покровительницу...» [3]. Прочные культурные и политические связи привязывали славянские народы к России [4]. Использованные автором материалы позволяют осветить роль России в создании Ионической республики — центра греческого национального движения на раннем его этапе.

В работах русских дореволюционных историков, некоторых представителей зарубежной буржуазной историографии, и в особенности в трудах советских ученых, собран материал по истории политики России в восточном вопросе, отдельных сторон русско-английских отношений, экспедиции Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина в Средиземноморье. Однако история русско-английских отношений конца XVIII — начала XIX в. в связи с проблемами Средиземноморья не нашла доныне углубленного изучения, и лишь некоторые ее стороны были затронуты учеными. Не получил должной характеристики также и тот особый период

[3] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 22.
[4] См. там же.

политики России в Восточном Средиземноморье, который начался с открытием проливов для русского военного флота и союзом России с Турцией и Англией, завершился же в Тильзите.

В русской дворянско-буржуазной историографии внешней политики России конца XVIII — начала XIX в. наиболее содержателен труд С. М. Соловьева «Император Александр I. Политика — дипломатия». На основе дипломатической переписки Лондона и Петербурга здесь дан точный, хотя и чрезвычайно сжатый суммарный очерк отношений России и Англии с первых дней царствования Александра I. Однако Соловьев не привлек архивных материалов по сношениям России с Турцией, Ионическими островами и т. д. и даже не затронул фактическую сторону русско-английских отношений в Восточном Средиземноморье. Политике России в Восточном Средиземноморье в дотильзитский период Соловьев уделил очень мало внимания.

В теоретическом отношении С. М. Соловьев — виднейший представитель государственной школы в русской историографии — стоит на идеалистических позициях. Восточный вопрос он полностью отрывает от его социально-экономической основы и сводит к борьбе между «европейским и азиатским духом», морем и степью. Россия в этой борьбе представляла «европейское начало» и осуществляла особую историческую национальную политику, защищая единоверные и единоплеменные народы [5]. Завоевательная политика царизма нашла в лице Соловьева убежденного и по-своему последовательного защитника.

Ф. Ф. Мартенс в IX(X) и XI томах своего известного издания «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами» излагает русско-английские дипломатические документы, хранившиеся в архиве МИД и не доступные большинству историков, что и определило крупное научное значение его труда для того времени. Все же скупые комментарии Мартенса к публикуемым им документам нельзя считать научным исследованием в полном значении слова.

Статья В. Александренко «Император Павел I и англичане» содержит некоторые сведения о репрессиях, предпринятых Павлом против английской торговли в связи с конфликтом России и Англии в 1800—1801 гг. Н. Фирсов в статье «Отношения России и Англии в царствование императора Александра I» ограничивается общим обзором фактов.

[5] С. М. Соловьев. Восточный вопрос. В кн.: С. М. Соловьев. Собрание сочинений. СПб., изд. «Общественная польза», стр. 904—907. Библиографическое описание упомянутых в Введении трудов см. далее в подстрочных примечаниях.

Представители официального монархического направления, отчасти М. Богданович в работе «История царствования императора Александра I и России в его время» (т. I, II), в большей мере Н. К. Шильдер в пространных жизнеописаниях Павла I и Александра I, подходят к истории внешней политики России в плане рассказа о деяниях русских самодержцев. Значительно полнее данная тема раскрыта в произведениях русских военных историков, большая часть которых также примыкала к охранительно-монархическому направлению русской историографии (А. И. Михайловский-Данилевский. «Описание в царствование имп. Александра I турецкой войны с 1806 до 1812 года»; А. Н. Петров. «Война России с Турцией 1806—1812»; Н. Ф. Дубровин. «Материалы для истории царствования императора Александра I. Турецкая война 1806—1812 года»). Особое место в ряду военно-исторических работ занимает фундаментальная и очень богатая архивными материалами книга Д. Милютина «История войны 1799 г. между Россией и Францией в царствование императора Павла I». Дореволюционные историки русского флота (Р. Скаловский, К. Головизнин, Н. Каллистов, Д. Афанасьев) оставили ряд работ по истории экспедиции Ф. Ф. Ушакова и Д. Н. Сенявина на Средиземное море.

В связи с ростом в период империализма захватнических тенденций во внешней политике царской России усилился и интерес русской дворянско-буржуазной историографии к истории проблемы проливов. Специальное исследование об этом по архивным материалам написал С. Горяинов. Его «Босфор и Дарданеллы» очень кратко освещают роль вопроса о праве русского военного флота на проход через проливы в возникновении русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Специальный вопрос о содержании русско-турецкого союзного договора 1805 г. рассмотрен С. Горяиновым в статье на эту тему.

Некоторый материал о политике России в восточном вопросе содержат специальные работы по истории русско-французских отношений в период наполеоновских войн (А. С. Трачевский, С. С. Татищев, А. Редкин). Особого

упоминания заслуживает сделанный А. С. Трачевским пространный очерк русско-французских отношений в годы французской революции и консульства (1793—1802), предпосланный в качестве введения первому тому его фундаментальной публикации «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I».

Труды русских дореволюционных историков по интересующей нас теме содержат в общем лишь разработку отдельных сторон и частных эпизодов истории отношений России с Англией, Турцией, Францией, мальтийским орденом, русской политики на Ионических островах и не дают полного и систематического освещения этих вопросов.

В теоретическом и методологическом отношении работы по истории внешней политики, авторы которых большей частью принадлежат к охранительному направлению, стоят обычно (за исключением С. М. Соловьева, отчасти А. С. Трачевского и некоторых других) не ниже того уровня, которого к этому времени достигла буржуазная историография при изучении других исторических проблем (истории крестьянства и аграрного вопроса, проблемы государства и т. д.). Возведенный в принцип отрыв внешней политики от ее социально-экономической основы, признание мистического «национального духа», либо деятельности царей, государственных деятелей, полководцев силой, направляющей внешнюю политику, идеализация царизма как носителя освободительной миссии на Балканах, защитника православных народов Османской империи — таковы общие черты русской дворянско-буржуазной историографии внешней политики.

Зарубежная буржуазная историческая литература по международным отношениям революционной и наполеоновской эпохи поистине необозрима. Мы остановимся лишь на немногих наиболее значительных для нашей темы работах.

В числе исследований по средиземноморской политике Англии наиболее обильные фактические сведения содержит книга английского военного историка П. Макези «Война на Средиземном море (1803—1810 гг.)». Макези рассматривает события в Центральном и Восточном Средиземноморье как единый военно-дипломатический комплекс. Книга Макези — проявление империалистических тенденций в английской историографии. Автор видит свою

основную задачу в том, чтобы дать «историческое обоснование» британского владычества на морях, показать непомерно преувеличенную им роль английского флота в борьбе с Наполеоном и подчеркнуть превосходство английской «морской стратегии» в наполеоновских войнах по сравнению с «континентальной стратегией». Боевые действия русского флота во главе с Д. Н. Сенявиным на Средиземном море в 1806—1807 гг. Макези тщится изобразить как второстепенные малоудачные операции.

Отношения Англии с Турцией и Россией в связи с восточным вопросом (1806—1807 гг.) всего полнее освещены в большой монографии американского историка П. Ф. Шапа «Европейские державы и ближневосточный вопрос (1806—1807 гг.)». Автор старается выдержать объективный тон, но все же отдает дань обычной для зарубежной буржуазной историографии фальсификации внешней политики России. Шапп в общем ограничивается изложением собранных им в большом количестве архивных материалов без углубленного анализа, но в фактическом отношении его работа очень содержательна.

Один из центральных моментов английской политики начала XIX в. в восточном вопросе — экспедиция вице-адмирала Дакуорта к Константинополю в 1807 г.— разобран в специальной статье крупного английского буржуазно-либерального историка Дж. Х. Роуза, пытающегося снять с Англии ответственность за ее провал. Ему же принадлежит очерк английской политики на Мальте в этот период — апология захватнических действий Англии.

Общие сведения и о русско-английских отношениях, и о политике Англии на Ближнем Востоке и Средиземноморье можно найти в работах по истории Англии времен наполеоновских войн и в первую очередь в трудах Дж. Х. Роуза о Наполеоне и У. Питта, касающихся второй и третьей коалиции.

Характерная черта указанных работ английских историков — открыто апологетический подход к внешней политике Англии, которую они выдают за бескорыстную защитницу Турции от «русской угрозы». Тенденциозно преувеличивая роль Англии в разгроме Наполеона, эти историки создали своего рода культ У. Питта. Нарастание националистических настроений особенно ярко выражено в работах таких консервативных историков, как Ч. Петри, автор книг «Дипломатическая история» и «Когда Британия

спасла Европу», и А. Брайант («Годы терпения. 1793—1802», «Годы победы. 1802—1812»).

Позиция Англии в египетском вопросе в связи с экспедицией Наполеона освещена в двухтомном труде французского историка Ф. Шарль-Ру. Автор вскрывает агрессивный характер английской политики, но в свою очередь идеализирует действия Наполеона в Египте.

История соперничества великих держав на Ионических островах в 1789—1807 гг. и греческого вопроса на раннем его этапе освещена очень слабо. Отметим работы греческих историков Е. Родоканаки, Доры д'Истриа, А. Пападопуло-Вретоса, которые сообщают кое-какие сведения о действиях России.

Литература об отношениях России с Неаполем также бедна. Материалы о роли России в политике Неаполитанского королевства в 1799 г. есть в книге итальянского историка К. ди Сомма. Коротко говорит об этом французский историк Ш. Ориоль.

Особое место в изучении итальянской политики России занимает исследование марксистского историка Дж. Берти «Россия и итальянские государства в период Рисорджименто». На материалах советских и иностранных архивов автор осветил отношения России с Неаполем и Сардинским королевством, показал объективно прогрессивную роль русской внешней политики в истории объединения Италии.

В богатой историографии внешней политики Наполеона рассматриваются и русско-французские отношения в связи с восточным вопросом. Особо эта тема поставлена лишь в небольшой работе С. Брадиштеану — представителя той части румынской историографии, которая ориентировалась на Германию и была резко враждебна России. Ученическое сочинение Брадиштеану об отношениях России и Франции с Турцией представляет некоторый интерес как сводка дипломатической переписки. Отношения наполеоновской Франции с Турцией, борьба представителей России и Франции в Константинополе освещены правым французским историком Э. Дрио в его труде о восточной политике Наполеона и в серии работ о наполеоновской дипломатии периода консульства, Аустерлица и Тильзита. Дрио — представитель французских колониальных кругов — видел в России соперницу Франции и говорил о русской политике в восточном вопросе во враждебном тоне.

Деятельность наполеоновской дипломатии в Константинополе в 1801—1807 гг. описал в ряде статей П. Кокель. Э. де Марсер дал очерк деятельности посла Директории в Константинополе Декорша. Специальная работа о роли проблемы проливов в политике Наполеона принадлежит американскому историку В. Дж. Парьиру, который ограничился пересказом архивных документов и недостаточно использовал историческую литературу, что снижает научную ценность исследования. Хотя оно и основано на богатом материале, нового в нем, по существу, немного. При освещении политики России в проблеме проливов В. Дж. Парьир резко тенденциозен и в ряде случаев отождествляет ее с извращаемой им политикой Советского Союза.

О политике Наполеона на Балканах есть материал в работах А. Бошна, Н. Иорги, П. Пизани, а также в названном труде П. Ф. Шанша.

Наиболее полное представление об основных направлениях и вехах внешней политики Франции дает многотомное сочинение А. Сореля «Европа и французская революция».

Общая черта значительной части произведений французских историков — националистический культ Наполеона. В завоевательной политике французской буржуазии в Средиземноморье и на Балканах некоторые из них усматривают прямое продолжение «национальных традиций» королевской Франции и вместе с тем осуществление освободительной и цивилизующей миссии революции. Те историки, которые писали во времена франко-русского союза, обычно говорят о России в сравнительно дружелюбном тоне (кроме Дрио), что отнюдь не мешает им крайне преувеличивать агрессивные тенденции ее внешней (особенно восточной) политики.

Своеобразный эпигон русской дворянско-буржуазной историографии эмигрант Б. Муравьев — автор книги «Русско-турецкий союз во время наполеоновской войны». Он видит в политике России на Средиземном море 1798—1807 гг. осуществление исконных «национальных традиций». Название книги Муравьева не отвечает ее действительному содержанию — читатель находит в ней не анализ русско-турецкого союза, а общий обзор (преимущественно по давно известным источникам) действий русской дипломатии и истории экспедиции Ушакова и Сенявина на Средиземном море.

Общие работы буржуазных зарубежных историков по восточному вопросу бедны фактическим материалом в отношении нашей темы. Еще в большей степени, чем специальные исследования, они служили созданию версии о непосредственной угрозе со стороны России самому существованию Турции в конце XVIII — начале XIX в.

Греческий проект Екатерины II, переговоры Наполеона и Павла I о походе в Индию, планы сановника Александра I — Чарторыйского некоторые зарубежные историки восточного вопроса выдают за первоочередные внешнеполитические мероприятия России, направленные к господству на Средиземном море, что никак не соответствует историческим фактам [6].

Резко отрицательно расценивая действия России в Средиземноморье и на Балканах, некоторые современные буржуазные историки в то же время восхищаются теми сторонами ее политики, которые в действительности имели глубоко реакционное историческое значение. В первую очередь это можно сказать о необычайной популярности в послевоенной буржуазной литературе темы царизма как организатора Священного союза. Объясняется это прежде всего тем, что в нем реакционные историки ищут прообраз «Объединенной Европы» — орудия борьбы против Советского Союза. Один из важных этапов в развитии идеи «Объединенной Европы» они усматривают и в предложениях Александра I и А. Чарторыйского (1804—1805 гг.) об образовании федерации европейских государств, выработке норм международного права и т. п. (работы Х. Г. Шенка, Ж. А. Пиренна, П. Рэна, М. Кукеля, М. Лейзерсона, Е. Морли и др.).

Изучение дипломатической истории либо в отрыве от ее социально-экономических предпосылок, либо с позиций экономического материализма (при этом игнорируется влияние классовой борьбы и расстановки общественных сил на внешнюю политику) — характерные черты зарубежной буржуазной историографии (так же, как и историографии дореволюционной России). Националистиче-

[6] См., например, E. Driault. La question d'orient depuis ses origines jusqu'a nos jours. Paris, 1909, p. 56—58; W. Miller. The Ottoman empire and its successors, 1801—1927. Cambridge, 1936. p. 8, 15; J. A. R. Marriott. The Eastern Question. An Historical Study in European Diplomacy. Oxford, 1924, p. 154—156, 173; J. Ancel. Manuel historique de la question d'Orient (1792—1927). Paris, 1927, p. 49, 55—56.

470

ский подход к истории международных отношений, апология восточной политики «своей» страны, культ «национального героя» (Наполеона — во французской историографии, У. Питта, Кэслри, Каннинга и др.— в английской), а вместе с тем и тенденциозное, зачастую фальсифицирующее и просто клеветническое изображение политики соперника на ближневосточной арене (для Франции и Англии таким соперником в первую очередь была Россия) — излюбленные приемы реакционных буржуазных авторов. Западные державы — защитники и покровители Османской империи, Россия — ее исконный враг, уже в XVIII в. поставивший себе непосредственной целью захват Константинополя,— такова в общих чертах схема восточного вопроса, предложенная зарубежной буржуазной историографией. О том же, что целью западных держав в восточном вопросе было превращение Османской империи в орудие их политики, в объект колониальной эксплуатации,— она предпочитает умалчивать.

Марксистская историческая наука по-новому поставила основные проблемы, связанные с восточным вопросом, наполнила их принципиально иным содержанием. Советские историки изучают политику великих держав в связи с ее социально-экономическими предпосылками, с ее классовым содержанием и объективно-историческими последствиями.

Хотя история политики России в Восточном Средиземноморье конца XVIII — начала XIX в. не была еще предметом монографического изучения в советской исторической науке, некоторые частные ее вопросы не раз привлекали внимание наших историков. Наиболее основательно, пожалуй, освещена военно-историческая тема в монографиях Е. В. Тарле «Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798—1800 гг.)» и «Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807)», написанных с присущим ему несравненным мастерством исторического повествования. Они содержат сведения не только о военной, но и о дипломатической деятельности великих флотоводцев, показанной на широком международном фоне. Последнее можно сказать и о весьма содержательной книге А. Л. Шапиро «Адмирал Д. Н. Сенявин». Г. П. Шторм раздвинул обычные рамки биографического жанра, поставив в своей книге об Ушакове вопрос о его роли в создании Ионической республики.

Статья А. Л. Шапиро о средиземноморских проблемах внешней политики России в начале XIX в. интересна для нас тем, что в ней, пожалуй впервые, подчеркивается единство, военно-стратегическая и дипломатическая связь отдельных сторон средиземноморской проблемы (Неаполя, Мальты, Ионических островов, Западных Балкан) в 1800—1803 гг. Автор использовал опубликованные источники (сборники РИО, архив кн. Воронцова и т. д.) и дал хотя и хронологически суженный, но яркий очерк. На ту же тему написана статья В. Г. Сироткина, который по архивным материалам, кратко, но очень живо рассказал об отношениях России в 1801—1805 гг. с итальянскими государствами, с Испанией и Португалией. О политике России на Ионических островах, проблеме проливов, русско-турецких отношениях автор, однако, не говорит.

Русско-турецкие отношения рассматриваемого периода по существу детально не исследованы. Общую их картину и ряд важных и глубоких наблюдений читатель находит в капитальной монографии А. Ф. Миллера «Мустафа паша Байрактар» (положительная роль русско-турецкого союза в истории реформ Селима III, отрицательное значение для Турции ее ориентации на Францию в 1805—1807 гг., вопрос о равноправии христианских подданных султана в русско-турецких переговорах 1804—1805 гг. и т. д.). В статье Г. А. Клейнман сжато изложено содержание союзного договора России и Турции 1799 г. Большое значение для изучения истории русско-турецких отношений имеет исследование Е. И. Дружининой о Кючук-Кайнарджийском мирном договоре. Е. И. Дружинина глубоко осветила черноморские проблемы в 60-е годы XVIII в., основные этапы войны России и Турции 1768—1774 гг. и их мирных переговоров, содержание и историческое значение Кючук-Кайнарджийского договора. На русско-албанских отношениях останавливается Г. Л. Арш в своих серьезных работах по истории Албании.

Советские историки (А. Р. Иоаннисян, О. П. Маркова, Н. А. Смирнов) создали ряд работ о роли Кавказа и Закавказья в международных отношениях конца XVIII — начала XIX в. Они не относятся непосредственно к основной теме нашей работы, но ставят вопросы о восточной политике Англии и Франции и о позиции Турции в борьбе великих держав. Восточной торговле Франции посвятили свои статьи также О. Л. Вайнштейн и В. Ф. Грачев.

Р. С. Ланину принадлежит статья о внешней политике Павла I в первый ее период (до начала войны с Францией). Ш. Д. Вербицкий в своей кандидатской диссертации детально (хотя преимущественно по опубликованным материалам) исследовал русско-французские отношения в 1800—1804 гг. и в специальной статье рассмотрел роль, которую играл в них германский вопрос (1800—1803 гг.).

Особое место в советской историографии занимает М. Н. Покровский. Большой научной заслугой его была страстная борьба с дворянско-буржуазной идеализацией внешней политики царизма. В ряде работ Покровский выпукло (хотя и упрощенно, сбиваясь на точку зрения экономического материализма) показал влияние экономики на внешнюю политику и вскрыл ее классовые корни. На проблеме проливов Покровский специально остановился в статье «Константинополь» (1916) — лучшей, на наш взгляд, своей работе по истории внешней политики царской России [7]. Здесь он высказал глубокую и плодотворную мысль, что устремления царской России в 60—70-х годах XVIII в. на Черное море и Средиземноморье были попыткой найти выход из внутренних трудностей крепостного хозяйства (последние он, впрочем, преувеличивал, говоря о хозяйственном кризисе уже в 60-х годах XVIII в.) и вели к распространению крепостнической эксплуатации. Правильно подчеркнув, что турецкие войны объективно служили «поддержанию устаревшего типа народного хозяйства», Покровский не понял другую сторону — их до известной степени прогрессивное значение для развития капиталистических отношений в России.

В своей работе автор опирается на серьезные достижения советской исторической науки в изучении внешней политики России и продолжает его на документальной основе материалов советских архивов.

Нами использовано значительное количество русских, английских, французских, немецких опубликованных документов. Наиболее ценной из них является выдающаяся по полноте материала и тщательности научной обработки советская публикация «Внешняя политика России XIX и начала XX века», первый том которой содержит документы Российского министерства иностранных дел за март

---

[7] В кн.: М. Н. Покровский. Внешняя политика. Сборник статей (1914—1917). М., 1918, стр. 3—25.

1801 г.— апрель 1804 г.[8]. Чрезвычайно полезны для исследователя дореволюционные русские публикации по внешнеполитической истории России: Архив кн. Воронцова (томы 5, 8, 9, 16, 18, 20, 22, 28—30), фундаментальное издание Ф. Мартенса (томы II, VI, IX (X), XI, XIII), превосходная четырехтомная публикация Трачевского по истории русско-французских отношений в 1800—1807 гг., мемуары кн. А. Чарторыйского, опубликованные вел. кн. Николаем Михайловичем, документы гр. П. А. Строганова, Архив Государственного совета и др. Использованы также мемуары и письма русских людей того времени и частично русская печать.

В основу монографии наряду с литературой и опубликованными источниками положены архивные источники. Автором привлечены богатые материалы, касающиеся отношений России с Англией, Турцией, Ионическими островами, Неаполем. Использованы материалы сношений русского министерства иностранных дел с командованием русской армии (переписка с Д. Н. Сенявиным, с генералами Михельсоном, Анрепом, Ласси и др.).

Большое значение имеют для исследователя архивные фонды, в которых хранятся неопубликованные материалы виднейших русских политических деятелей того времени (записки и доклады императору по различным вопросам гр. В. П. Кочубея, кн. А. А. Чарторыйского, гр. А. Р. Воронцова и др.). Очень ценны неопубликованные отчеты канцлера А. Р. Воронцова и товарища министра иностранных дел А. А. Чарторыйского.

Указанные источники служат для характеристики не только внешней политики России, но также и иностранных держав (Англии, Франции, Турции и др.).

[8] Второй том ее (апрель 1804 г.— декабрь 1805 г.) вышел из печати после того, как настоящая работа была набрана.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Политика России в Восточном Средиземноморье в конце XVIII в. и ее социально-экономические предпосылки. Русско-английские отношения в 80—90-х годах XVIII в.

1

Внешняя политика России конца XVIII — начала XIX в. складывалась в переломный исторический период. Свои основные внешнеполитические задачи русскому правительству приходилось теперь решать в значительно более сложных условиях, чем в прежнее время: в передовых странах Западной Европы победил капитализм, в самой России складывались новые общественные отношения.

Рост производительных сил страны привел к усилившемуся в последней трети XVIII в. разложению феодально-крепостнического строя. Развитие общественного разделения труда вело к специализации отдельных районов страны на тех или иных видах общественного производства, что вызывало усиливавшийся обмен между ними. Укреплялись товарные связи, расширялся всероссийский рынок, ускорялся процесс разложения натурального хозяйства.

Хотя основой экономики страны по-прежнему оставалось натуральное сельское хозяйство, с ростом промышленности и городов, с появлением специализированных промышленных районов увеличивалась потребность в сельскохозяйственном сырье и продовольствии. Сельское хозяйство, преимущественно помещичье, все в возрастающей степени начинало работать на рынок, втягиваясь в систему товарно-денежных отношений. Производство помещиками хлеба на продажу В. И. Ленин считал предвестником

разложения крепостного хозяйства [1]. Помещик-предприниматель, как правило, шел не путем повышения производительности своего хозяйства, а путем увеличения числа дней работы крепостного на барщине, расширения барской запашки и соответственно — сокращения крестьянского надела, увеличения оброка. Усиление крепостнической эксплуатации вело к разорению крестьянского хозяйства, что в свою очередь означало сужение возможностей хозяйства помещика-предпринимателя. В этих социально-экономических условиях подъем сельского хозяйства шел медленным темпом. Однако постепенное развитие капиталистического уклада сказывалось и на нем. Происходивший в начале XIX в. рост новых сельскохозяйственных отраслей (увеличение посевов сахарной свеклы, разведение овец-мериносов), освоение нераспаханных земель, образование специализированных земледельческих и скотоводческих районов были в этом отношении важными симптомами [2].

Складывание капиталистических отношений в промышленности шло несколько быстрее и принимало относительно более отчетливые формы. Из трех основных стадий развития капитализма, трех основных форм капиталистического производства — мелкого товарного производства, капиталистической мануфактуры и фабрики, отмеченных В. И. Лениным [3], в России в конце XVIII — начале XIX в. господствовали две первые формы. Широкое развитие получила мелкая крестьянская промышленность. Усиливались отрасли мануфактуры, пользовавшиеся преимущественно вольнонаемным трудом и работавшие на частный рынок (хлопчатобумажное, шелковое, полотняное производство). Обе эти формы складывавшегося капиталистического производства основывались на относительно низкой технике и на ручном труде. Русская промышленность этого периода не дошла еще до стадии капиталистической фабрики, крупной машинной индустрии. Но процесс перехода мелкого крестьянского промышленного предприятия в мануфактуру в конце XVIII в. зашел довольно далеко. Выделились уже центры будущей крупной фабричной

[1] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 158.

[2] М. К. Рожкова. Сельское хозяйство и положение крестьянства. В кн.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.», под ред. М. К. Рожковой. М., 1959, стр. 12—13.

[3] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 475.

промышленности. Быстро росла обрабатывающая промышленность [4].

Господство феодально-крепостнических отношений препятствовало росту тех отраслей русской промышленности, в которых они преобладали (суконная, горнозаводская). Феодально-крепостнический строй тормозил и техническую перестройку русской промышленности. Техническая и экономическая отсталость сказывалась также в низкой производительности вольнонаемного труда. Вольнонаемные рабочие в большинстве были крепостными оброчными крестьянами.

Развитие промышленности было связано с ростом промышленного населения за счет земледельческого [5]. Из общей численности населения, составлявшей в 1817 г. свыше 43 млн. человек, городское достигало 6,6% [6]. Крупные города — Москва, Петербург насчитывали по 200—300 тыс. жителей.

Растущее разделение общественного труда, рост товарного хозяйства, образование отдельных экономических районов и усиление обмена между ними, применение вольнонаемного труда и ускоренное развитие основанных на нем отраслей, появление новых видов производства в сельском хозяйстве и промышленности, расслоение крестьянства, формирование буржуазии — все эти процессы разлагали феодально-крепостническую систему.

Усиление крепостнического гнета и эксплуатации вело к новому подъему антифеодального крестьянского движения [7].

Социально-экономические сдвиги, обострение классовой борьбы обусловили более четкое разграничение основных направлений русской общественной мысли.

В. И. Ленин указывал, что «в ту пору, когда писали просветители XVIII века..., когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками» [8].

[4] В. К. Яцунский. Крупная промышленность России в 1790—1860 гг. В кн.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.», стр. 118—220.

[5] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 18.

[6] П. Г. Рындзюнский. Городское население. В кн.: «Очерки экономической истории России первой половины XIX в.», стр. 276—280.

[7] См. об этом следующие главы.

[8] В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 475.

Характер основных общественных направлений в России на рубеже XVIII—XIX вв. определялся различным решением этого отмеченного В. И. Лениным коренного вопроса социально-политического развития России.

Самой выдающейся фигурой русского общественного движения конца XVIII в. был А. Н. Радищев — непримиримый, последовательный противник крепостничества и самодержавия, защитник интересов угнетенных народных масс. Революционная проповедь Радищева оказала значительное влияние на последующее развитие русской передовой общественной мысли. Русское просветительство конца XVIII — начала XIX в. при всей своей идеалистической ограниченности и непоследовательности было проникнуто освободительными идеями [9].

Идеологии русского просветительства противостояла реакционная идеология дворян-крепостников, защитников сословных дворянских привилегий и неограниченного самодержавия (Н. М. Карамзин, Г. Р. Державин, Ф. В. Ростопчин, А. С. Шишков). Относительно более либеральных взглядов придерживалась другая общественная группа, отражавшая интересы той части дворянства, которая до известной степени была уже втянута в систему буржуазных связей. Представители этой группы видели отрицательные, с точки зрения помещика-предпринимателя, стороны крепостного права и трепетали вместе с тем перед угрозой крестьянской революции. Частичное ограничение крепостнической эксплуатации, фиксация крестьянских повинностей, охрана собственности крестьянина должны были, по их мнению, смягчить назревающие противоречия и отсрочить ликвидацию феодальных порядков. Многочисленные проекты ограничения крепостного права, выдвинутые видными сановниками — А. А. Безбородко, П. А. Зубовым, С. П. Румянцевым, Н. С. Мордвиновым и другими,— преследовали эти цели.

Внутренняя политика царизма, проводившаяся в условиях нарастания классовых противоречий в стране и победы буржуазных порядков в передовых странах Европы, ставила целью сохранение феодально-крепостнического строя и подавление сопротивления закрепощенных крестьянских масс.

[9] См. В. Орлов. Русские просветители 1790—1800-х годов. М., 1953.

На внешней политике России конца XVIII — начала XIX в. сказывались внутренние социально-экономические процессы. Завоевательные войны царизма велись в интересах господствующего класса. Присоединение новых территорий означало развитие феодализма вширь, расширение сферы крепостнической эксплуатации. Внешнеполитические успехи приводили к частичному и временному смягчению внутренних противоречий феодально-крепостнической системы. Однако некоторые результаты внешней политики, несмотря на преследовавшиеся царизмом классовые цели, объективно способствовали складыванию капиталистических отношений в России.

Одной из центральных задач внешней политики России в 60—80-х годах XVIII в. была борьба за выход к Черному морю. Россия была отрезана от Причерноморья. Это тормозило развитие русской экономики. Черноморская проблема [10], рассматриваемая с ее экономической стороны, была в первую очередь проблемой свободы русского экспорта, независимости южнорусской морской торговли. Однако свободный выход к Черному морю был необходим не только в интересах южнорусского экспорта. Экономика тяготевших к Черному морю земледельческих районов — Южной Украины, Приазовья, части Белоруссии и центральных черноземных областей,— также зависела от этого. Неограниченное господство Турции на Черном море и северном его побережье в 60 — начале 70-х годов XVIII в. искусственно задерживало развитие не только южных русских районов, Новороссии и Приазовья, но и Украины, Белоруссии и великорусского центра.

К экономическим моментам присоединялись и соображения стратегическо-международного порядка. С конца XV в. крымские ханы стали вассалами турецкого султана. В XVI—XVII вв. Крым превратился в плацдарм для опустошительных турецких набегов на южнорусские области. Россия в XVI—XVII вв. вела борьбу против турецкой агрессии [11]. В дальнейшем побережье Черного моря

[10] О значении черноморской проблемы в 60-е годы XVIII в. и об экономическом, стратегическом и международном ее аспектах см. Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. Его подготовка и заключение. М., 1955. стр. 29—68.

[11] См. Н. А. Смирнов. Россия и Турция в XVI—XVII веках, т. I—II. «Ученые записки Московского гос. ун-та им. М. В. Ломоносова», вып. 94. М., 1946.

постепенно становилось предметом особого внимания той или иной враждебной России европейской державы, в данный период державшей в своих руках нити турецкой политики и старавшейся во время русско-турецких войн побудить Турцию произвести высадку в Крым.

Важным этапом на пути разрешения черноморской проблемы был Кючук-Кайнарджийский мир, завершивший русско-турецкую войну 1768—1774 гг. Для русской торговли было открыто свободное плавание по Черному морю, Россия получила право держать там военный и торговый флот [12]. Значение этого крупнейшего международного достижения России было многообразно. Результатом Кючук-Кайнарджийского мира было укрепление южнорусской границы и стратегических позиций России (она получила порты Керчь, Еникале, Кинбурн, Азов, Большую и Малую Кабарду), усиление борьбы славянских народов за свое освобождение, независимость Крыма от Турции [13].

Но Кючук-Кайнарджийский мир не решил полностью задачи получения свободного выхода к Черному морю. Борьба за Черноморье продолжалась. Крым был объявлен независимым, но Турция делала попытки вернуть его. В последовавшие за Кючук-Кайнарджийским миром годы из-за этого между Россией и Турцией не раз возникали острые конфликты [14]. 10 (21) марта 1779 г. в Айнали-Каваке была заключена Изъяснительная конвенция, по которой Турция еще раз подтвердила независимость Крыма и обязалась не вмешиваться в его внутренние дела [15]. Борьба за Крым завершилась присоединением его в 1783 г. к России [16], в косвенной форме признанным Турцией по конвенции 28 декабря 1783 г. (8 января 1784 г. [17]).

[12] Т. Юзефович. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869, стр. 24—41, G. Noradounghian. Recueil d'Actes Internationaux de l'Empire Ottoman, vol. I. Paris, 1897, p. 319—334.

[13] Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, стр. 278—307.

[14] В. Д. Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии. Одесса, 1889, стр. 162—207.

[15] G. Noradounghian. Op. cit., vol. I, p. 338—344; N. Jorga. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. V. Gotha, 1913, S. 18—19; В. Д. Смирнов. Указ. соч., стр. 207—208.

[16] Манифест 8 (19) апреля 1783 г. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., СПб., 1830, собрание первое, т. XXI, № 15708 (далее: ПСЗ).

[17] G. Noradounghian. Op. cit., vol. I, p. 377—378.

Присоединение Крыма укрепило оборону юга России, дало ей практическую возможность держать сильный военный флот на Черном море, ускорило экономическое развитие южных районов.

Последняя четверть XVIII в. ознаменовалась энергичным хозяйственным освоением Северного Причерноморья [18]. Поднимались нетронутые земли: к началу XIX в. на Южной Украине было распахано 800 тыс. десятин [19]. Появлялись новые мукомольные, винокуренные, кожевенные предприятия; возник ряд предприятий тяжелой промышленности (Луганский медеплавильный завод, Херсонский литейный двор, Кременчугский оружейный завод). Крупные центры кораблестроения, явившиеся базой строительства черноморского флота, были созданы в Херсоне и Николаеве. Экономическими и административными центрами края стали вновь построенные города. Были восстановлены города старые, пришедшие в упадок. Правительство, заинтересованное в укреплении обороны края, стимулировало заселение его. Степной юг превращался в крупный экономический район, а к черноморским портам (Одесса) тяготели центральночерноземные районы, Правобережная Украина (Киевская, Волынская и Подольская губернии), Южная Украина [20]. Делались попытки привлечь к черноморским портам и польскую торговлю.

В 1780 г. была основана польская компания; в Херсоне было учреждено польское консульство. Черноморская торговля оказывала положительное влияние на экономическое развитие юго-восточной Польши [21]. В первые годы

[18] Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг. М., 1959.

[19] А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, стр. 21.

[20] Г. Неболсин. Статистические записки о внешней торговле России, ч. I. СПб., 1835, стр. 78; А. А. Скальковский. Торговая промышленность в Новороссийском крае. «Журнал министерства внутренних дел», 1850, ч. 29, стр. 208—213, 318; Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., стр. 260—264.

[21] Я. Рутковский. Экономическая история Польши. М., 1953, стр. 355—356. См. письма неаполитанского посланника в России А. Серра Каприола о черноморской торговле Польши, приведенные в работе Дж. Берти «Россия и итальянские государства в период Рисорджименто» (М., 1959, стр. 121).

XIX в. экономические связи с Польшей оживились. Из Галиции по Днестру шел хлеб в Одессу [22].

Вновь присоединенные южные земли жадно расхватывались дворянской верхушкой. С 1775 по 1788 г. в степях Предкавказья помещики получили 235 тыс. десятин. В Одесском уезде в 1792—1808 гг. было роздано 550 тыс. десятин [23]. Однако получило развитие также и недворянское землевладение — земли доставались купцам, чиновникам и прочим лицам «разного звания». Указом 12(23) декабря 1796 г. был запрещен крестьянский переход на Украине, в Крыму, на Дону. Развертывался процесс закрепощения новопоселенцев. Но все же удельный вес закрепощенного крестьянства на юге в середине XIX в. не превышал 25% [24].

На юге России складывался новый экономический район, характерной особенностью которого было наличие более благоприятных условий для развития капиталистических отношений, чем в центральных областях. Хозяйственный подъем юга создавал более широкие возможности для роста производительных сил, подрывавшего феодально-крепостническую систему.

Россия стала, таким образом, черноморской державой. С освоением Причерноморья и созданием военного флота ее экономические и стратегические позиции на Черном море были упрочены.

Превращение России в черноморскую державу вело за собой усиление ее интереса к Восточному Средиземноморью.

Экономической основой политики русского правительства в Восточном Средиземноморье было желание дворянства и купечества обеспечить своим товарам доступ на южноевропейские рынки. Попытки России при Петре I и его преемниках добиться для русского торгового судоходства свободного плавания на Черном море и в проливах не увенчались успехом [25]. По Кючук-Кайнарджийскому миру русский торговый флот впервые получил право на свободный проход через проливы. Русская купеческая верхушка сумела оценить выгоды, которые сулила ей торговля через черноморские порты со Средиземноморьем. Анонимный автор записки «Обозрение торговли и способов, служащих к обогащению российского купечества и всего государства» (написана после 1791 г.) подчеркивал, что отныне открыт «путь к новой и весьма полезной торговле не только на Черном море, но и на других морях, ибо... оное имеет сообщение с Белым (Мраморным.— *А. С.*) и Средиземным морями». Теперь Россия получит возможность, продолжал автор записки, завязать непосредственную торговлю с Италией и Египтом «и от них получать те товары, кои нам потребны, которые до нас доходят уже через тысячу мытарских рук и за весьма дорогую цену» [26].

Большое внимание значению торговли со Средиземноморьем через черноморские порты уделялось на заседаниях Комиссии о коммерции, в 1793 г. обсуждавшей причины падения вексельного курса. Петербургский маклер М. Пастухов считал одним из наиболее верных путей повышения вексельного курса именно развитие торговли через черноморские порты, так как она поможет «увеличить выпуск наших произведений в южные области Европы», будет способствовать появлению новых предметов экспорта, большая часть которых «не составляла... предмета внешней торговли до сего времени». Наряду с экспортом будет развиваться и импорт, дешевле будут «многие товары полуденной части Европы, как-то: деревянное масло, вины, сухие фрукты, ладон и прочее». Украинские и белорусские области, ранее вывозившие свои товары сухим путем через западную границу, будут теперь экспортировать их через черноморские порты [27].

Отметим в этой связи работу близкого к Вольному экономическому обществу В. Х. Фрибе [28], горячо защищавшего преимущества черноморской торговли по сравнению с

---

[22] «Об Одессе в 1805 г.» Статистический журнал, издаваемый К. Германом, т. II, ч. 2. СПб., 1808, стр. 306—307.

[23] А. В. Фадеев. Россия и восточный кризис..., стр. 17—18.

[24] Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., стр. 58, 120—121, 160—162, 184—185, 195—196, 198, 205, 262.

[25] См. В. Ульяницкий. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883, стр. 22—106; Б. А. Дранов. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948, стр. 39—47.

[26] Н. Н. Фирсов. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II. Казань, 1902, стр. 51.

[27] Н. Н. Фирсов. Указ. соч., стр. 141—142.

[28] W. Ch. Friebe. Über Rußlands Handel, landwirtschaftliche Kultur, Industrie und Produkte, Bd I. Gotha und St. Petersburg, 1796.

балтийской. Несколько позднее проблему черноморской торговли обстоятельно разобрал Г. Шторх [29].

Право русских торговых судов на свободный проход через проливы было в полной мере реализовано только в начале 80-х годов. Все изучавшие историю черноморской торговли современники сходятся на том, что лишь с присоединением Крыма впервые возникли условия, в которых возможно было относительно быстрое развитие черноморской торговли: те порты, которые Россия имела до этого на Черном и Азовском морях, не годились (за исключением Керчи) для торгового судоходства, чем отчасти и объясняется подъем основанного в 1778 г. Херсона. «Без обладания Крымом торговля на Черном море оставалась бы вечно в младенчестве»,— справедливо замечает Г. Шторх.

О том же говорит и В. Х. Фрибе [30].

С середины 70-х годов правительственное законодательство было направлено на поощрение торговли со Средиземноморьем через черноморские порты [31]. В 1775 г. был дан указ, снижавший для черноморских портов ввозную и вывозную пошлины на 25%. Установленная указом 1775 г. 25% скидка с пошлины вошла затем в общий тариф 1782 г. и была распространена на подданных тех иностранных государств, с которыми были заключены торговые договоры [32]. Современники отмечали, что льготный тариф 1782 г. имел целью стимулировать развитие черноморской торговли [33]. В 1784 г. последовали указы о скидке пошлин на греческие и итальянские вина и о скидке на польские товары, идущие транзитом через Херсон [34]. Последняя мера имела целью направить к Черному морю

[29] H. Storch. Historisch-statistisches Gemälde des russischen Reichs am Ende des achtzehnten Jahrhunderts. T. VI. Leipzig, 1801; его же. Supplementband zum fünften, sechsten und siebenten Teil des historisch-statistischen Gemäldes des Russischen Reichs. Leipzig, 1803.

[30] H. Storch. Hist.-stat. Gemälde..., t. VI, S. 144; W. Ch. Friebe. Op. cit., Bd. I, S. 40—43, 134.

[31] О торговой политике русского правительства см. С. А. Покровский. Внешняя торговля и внешняя торговая политика России. М., 1947.

[32] ПСЗ, т. XX, № 14355, т. XXI, № 15520.

[33] [S. J. Anthoine.]. Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer Noire. An XIII [1805], p. 120—121.

[34] ПСЗ, т. XX, № 16093.

польскую торговлю, которая в 60—80-х годах шла через западную границу, где ее сильно теснила Пруссия.

Большое значение имело открытие манифестом 22 февраля (4 марта) 1784 г. Херсона, Севастополя и Феодосии для торговых судов дружественных России держав. Вслед за тем в 80-х годах были заключены торговые договоры с рядом стран — Турцией (1783), Францией (1786), Неаполем (1787), Австрией (1785), Португалией (1787), по которым купцы Австрии, Франции и Неаполитанского королевства получили существенные льготы: снижение пошлины на 25% на товары, шедшие через черноморские порты, разрешение платить ее ходячей русской монетой, а не ефимками [35]. Россия в торговле с этими странами получила права наиболее благоприятствуемой державы, в том числе снижение пошлин на русские товары и освобождение (во Франции и Неаполитанском королевстве) от уплаты фрахтовых пошлин.

С начала 80-х годов иностранные подданные стали получать разрешения (патенты, бараты) на право плавания своих торговых кораблей под русским флагом. Подобные патенты давали их обладателям те же торговые привилегии, какими пользовались русские подданные (в торговой и дипломатической практике того времени это называлось обычно пользованием «правом флага»). С 1783 г. «право флага» давал Г. А. Потемкин, с 1792 г.— черноморское адмиралтейство. Давали «право флага» и русские дипломатические агенты в Леванте.

К концу XVIII в. черноморская торговля достигла заметных результатов, хотя удельный вес ее был все еще невелик. В 1793—1797 гг. торговый оборот через Черное и Азовское моря не шел ни в какое сравнение с оборотами Петербурга [36].

Однако размеры черноморской торговли с течением времени неуклонно увеличивались. В 1786 г. на Черном море плавало 80 судов под русским флагом; в черноморские порты вошли также 80 судов под турецким флагом.

[35] Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России, под ред. В. И. Покровского, т. I. СПб., 1902, стр. XXVII; А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности, ч. II. СПб., 1859, стр. 81—85; ПСЗ, т. XXI, № 15757; т. XXII, № 16284, 16489, 16498.

[36] H. Storch. Supplementband..., tab. V, S. 10; W. Ch. Friebe. Op. cit., Bd. I, S. 99—109.

В 1793—1797 гг. число посетивших русские черноморские порты кораблей дошло в среднем за год до 471, в том числе под русским флагом плавало 164 корабля, под турецким 276 (корабли под турецким флагом большей частью принадлежали грекам) [37]. Вывоз из черноморских портов, по данным Г. Шторха, в 1786 г. составлял 519 тыс., в 1797 г.— 1229 тыс. руб. [38].

Таблица 1

Торговля некоторых русских портов в 1793 г.
(в тыс. руб.)

Порт	Оборот	Ввоз	Вывоз
Петербург . .	38 339	14 581	23 758
Таганрог . . .	584	156	428
Очаков	453	244	209
Херсон	148	—	148
Евпатория . .	425	91	334

Расширились торговые связи Черноморья со средиземноморскими государствами. Марсельский купец Антуан открыл филиал своей фирмы в Херсоне и развил кипучую энергию, стараясь проложить французской торговле новые пути. Торговые обороты фирмы Антуана быстро увеличивались. В Херсоне были консулы Австрии и Неаполя, купцы Генуи, Триеста и Ливорно установили с городом регулярные торговые связи [39].

В первые годы XIX в. черноморская торговля начала расширяться особенно быстрым темпом. Увеличивался как общий оборот торговли юга и вывоз через южные порты, так и доля юга в общем торговом обороте и вывозе страны.

Как видим (см. табл. 2), вывоз через черноморско-азовские порты вырос за короткий срок (1802—1805 гг.) более чем в два раза. Более чем в два раза увеличился за эти годы и оборот черноморско-азовской торговли. Баланс ее неизменно был активным.

[37] H. Storch. Hist.-stat. Gemälde..., t. VI, S. 181, 189.
[38] H. Storch. Supplementband..., tab. VIII, S. 32.
[39] [S. J. Anthoine.] Op. cit., p. 71—73, 155—158, 178.

Таблица 2

Русская морская торговля в начале XIX в. [40]
(в тыс. руб.)

Год	По всем русским портам			В том числе											
				через балтийские порты						через черноморские и азовские порты					
				ввоз		вывоз		оборот		ввоз		вывоз		оборот	
	ввоз	вывоз	оборот	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%
1802	36 254	54 789	91 043	32 983	90,9	46 917	85,6	79 900	87,7	2 055	5,6	2 986	5,4	5 041	5,5
1803	34 394	59 308	93 702	30 126	87,5	49 431	83,3	79 557	84,9	2 961	8,6	4 924	8,3	7 885	8,4
1804	32 470	52 386	84 856	27 108	83,4	45 152	86,1	72 260	85,1	4 216	12,9	4 915	9,3	9 131	10,7
1805	35 542	63 399	98 941	28 930	81,4	52 115	82,2	81 045	81,9	5 365	15,1	7 403	11,6	12 768	12,9

[40] Таблица составлена по материалам «Государственной торговли в разных ее видах» за соответствующие годы.

Черноморские порты притягивали к себе торговлю Средиземноморья. В первые времена освоения Причерноморья в южные порты заходило лишь несколько десятков судов.

Совсем другую картину дает начало XIX в. Быстро рос и удельный вес черноморского судоходства.

Таблица 3

Торговые суда, прибывшие в русские порты в начале XIX в.[41]

Год	В балтийских портах		В черноморских портах		Всего по всем русским портам
	всего	%	всего	%	
1802	2768	74,2	706	18,9	3730
1803	2863	69,3	977	23,6	4132
1804	2371	68,2	986	28,3	3478

Южнорусские порты вели наиболее интенсивную торговлю с Турцией и Австрией (точнее — с итальянскими портами, принадлежавшими тогда Австрии).

Таблица 4

Торговые суда Австрии и Турции, прибывшие в русские порты в начале XIX в.[42]

Год	Всего пришло судов в азово-черноморские порты	В том числе			
		австрийских		турецких	
		всего	%	всего	%
1802	706	143	20,3	406	57,6
1803	977	295	30,2	353	36,2
1804	986	206	20,9	369	37,5
1805	1251	283	22,7	412	33,0

Заметную величину составляли суда, принадлежавшие купцам покровительствуемой Россией Ионической республики. Их прибыло в южные порты в 1802 г.— 21, в 1803— 37, в 1804—22 и в 1805 — 51.

Прямые торговые связи с Францией оставались незначительными: в 1802 г. в азово-черноморские порты прибыло лишь одно французское торговое судно, в 1803 г., правда, число их увеличилось до 22, но в 1804 г. снова упало до одного. Объясняется это тем, что Средиземное море стало ареной военных действий между Англией и Францией.

Примечательной особенностью южной торговли было слабое участие в ней английского торгового капитала — в прямую противоположность торговле балтийской, где он господствовал. В 1803 г. в южные порты прибыло семь английских торговых кораблей, в 1804 их насчитывалось 25, а в 1805 — 35.

Главным центром черноморской торговли была Одесса. За короткий срок своего существования — с 1794 г.— она с необычайной быстротой превратилась из маленького поселения в крупный торговый город. Причиной этому был общий экономический подъем края. Правительственное законодательство также способствовало тому. В 1795 г. жители Одессы были освобождены на 10 лет от податей и постоев, в 1796 г. Одесса получила разрешение на вывоз пшеницы, в 1800 г.— правительственную ссуду в 250 тыс. руб. на 14 лет; в 1802 г. льготы, полученные в 1795 г., были продлены еще на 25 лет; десятая часть одесских таможенных сборов шла на нужды города[43].

В 1804 г. Одесса получила «право склада», т. е. право устраивать таможенные склады для иностранных товаров с уплатой пошлины[44]. Население города выросло с 2349 человек в 1795 г. до 9 тыс. в 1802 и 12 500 в 1808 г.[45] Торговля Одессы в первые годы ее существования была незначительной и пассивной; в 1795 г. ввоз составлял

[41] Таблица составлена по материалам «Государственной торговли в разных ее видах» за соответствующие годы.

[42] Расчет дан по материалам «Государственной торговли в разных ее видах».

[43] К. Смолянинов. История Одессы. «Записки Одесского общества истории и древностей», т. III. Одесса, 1853, стр. 358, 361, 375, 378—382; А. А. Скальковский. Торговая промышленность в Новороссийском крае. «Журнал Министерства внутренних дел», 1850, ч. 29, стр. 316—317; статья «Об Одессе в 1805 г.». «Статистический журнал», стр. 300.

[44] ПСЗ, т. XXVIII, № 21197.

[45] «Одесса. 1794—1894». Одесса, 1895, стр. 165, 174. См. также записку генерал-губернатора Новороссии Ришелье об Одессе (Сборник РИО, т. 54, стр. 369).

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

43 тыс. руб., вывоз — всего 25 тыс.[46] Но уже в 1802 г. торговый оборот города превышал 2 млн. руб.[47] По данным видного историка юга России А. А. Скальковского, в 1804 г. вывоз уже преобладал над ввозом, составляя соответственно 2339 и 1223 тыс. руб.[48] Количество прибывших в одесский порт судов выросло с 1798 по 1804 г. более чем в пять раз (с 87 до 500)[49].

Подъем черноморской торговли был связан с положением на европейском хлебном рынке. Во время войн конца XVIII — начала XIX в. истощились хлебные запасы южноевропейских государств. К тому же урожай хлебов на юге Европы в 1804 г. оказался ниже ожидаемого. В результате спрос средиземноморских стран на русский хлеб быстро увеличился[50], цены на хлеб с 1804 г. начали расти[51].

Экспорт хлеба из России вырос с 11 128 тыс. в 1802 г. до 20 964 тыс. руб. в 1805 г., в том числе пшеницы — с 4056 тыс. до 11 752 тыс. руб.[52] В 1802—1807 гг. хлеб (в денежном выражении) составлял в среднем за год 18,7% русского экспорта[53]. Черноморские порты занимали в экспорте хлеба, особенно пшеницы, видное место. Вывоз пшеницы из Одессы составлял в 1803 г. 600 тыс., в 1804—538 тыс., в 1805 г.— 771 тыс. четвертей[54].

1803—1805 годы были в истории черноморской торговли годами расцвета[55]. Однако благоприятная обстановка

[46] H. Storch. Supplementband..., tab. V, S. 14; ср. J. de Hagemeister. Mémoires sur le commerce des ports de la Nouvelle Russie, de la Moldavie et de la Valachie. Odessa, 1835, p. 6.

[47] «Одесса. 1794—1894», стр. 172.

[48] А. А. Скальковский. Торговая промышленность в Новороссийском крае. «Журнал Министерства внутренних дел», 1850, ч. 29, стр. 320.

[49] H. Storch. Hist.-stat. Gemälde..., t. VI, S. 189; К. Смолянинов. Указ. соч., стр. 361, 386.

[50] [S. J. Anthoine.] Op. cit., p. 204—205, 235.

[51] «Об Одессе в 1805 г.». «Статистический журнал», стр. 304.

[52] «Государственная торговля в разных ее видах» за соответствующие годы.

[53] В. И. Покровский. Указ. соч., т. 1, стр. 3.

[54] J. de Hagemeister. Op. cit., p. 8; А. А. Скальковский. Торговая промышленность в Новороссийском крае. «Журнал Министерства внутренних дел», 1850, ч. 29, стр. 319.

[55] Антуан говорил о «поразительной активности, которую получила в 1803 и 1804 гг. торговля и навигация Черного моря». [S. J. Anthoine.] Op. cit., p. 236. В статье «Об Одессе в 1805 г.» подчеркивалось переломное значение 1804 года в истории города: «С сих пор решилась судьба Одессы». «Статистический журнал», стр. 304.

[56] «Государственная торговля в разных ее видах» за соответствующие годы.

[57] Сокращение черноморской торговли в военные годы было обычным явлением, то же имело место в 1797—1799 гг. (К. Смолянинов. Указ. соч., стр. 372) и в период греческого восстания 20-х годов XIX в. (J. de Hagemeister. Op. cit., p. 18—20).

[58] «Государственная торговля в разных ее видах» за 1806—1807 гг.

[59] К. Смолянинов. Указ. соч., стр. 389—390.

1129

сохранялась недолго. На Средиземном море снова завязались сражения между английским и французским флотом. В конце 1806 г. началась новая война России и Турции. Это сразу отразилось на оборотах южных портов (см. табл. 5).

Оборот черноморско-азовских портов снизился в 1806 г. по сравнению с 1805 г. на 4410 тыс., а в 1807 г. соответственно на 11 785 тыс. руб. Резко сократился и вывоз — в 1806 г. на 3775 тыс. руб. по сравнению с 1805 г., а в 1807 г. на 7005 тыс. руб. Торговые корабли, еще недавно спешившие в южные порты за русским хлебом, железом, лесом, теперь не решались пускаться в опасный путь. Число прибывших в черноморско-азовские порты судов сократилось с 1251 в 1805 г. до 594 в 1806 г., а затем до 66 в 1807 г.[56] Черноморская торговля фактически вернулась к уровню 90-х годов XVIII в.[57]

На упадке черноморских портов выиграла Австрия: центром торговли с Марселем стал Триест. Однако потребность в русских товарах была так настоятельна, что турецкие торговые суда, несмотря на войну между Россией и Турцией, продолжали приходить в порты Черноморья: в 1807 г. их было 24[58]. Лишь в 1810 г. указом 13 (25) февраля был запрещен вывоз хлеба из азово-черноморских портов, а указом 26 мая (7 июня) 1810 г.— вход турецких судов в русские порты. Однако это запрещение пришлось снять уже в 1811 г.[59]

Говоря о черноморской торговле, следует учитывать, что русское торговое мореплавание, т. е. ввоз и вывоз товаров на торговых судах, хозяин и экипаж которых были уроженцами или коренными подданными Российской империи, в конце XVIII — начале XIX в. далеко еще не занимало в ней ведущего места. Правда, число русских торговых кораблей, посещавших черноморские порты, было

Таблица 5

Русская морская торговля в 1806—1807 гг.

(в тыс. руб.) [60]

Год	По всем русским портам			В том числе													
				через балтийские порты						через черноморские и азовские порты							
				ввоз		вывоз		оборот		ввоз		вывоз		оборот			
	ввоз	вывоз	оборот	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%	всего	%		
1806	32 754	56 599	89 353	27 192	83,0	49 144	86,8	76 336	85,4	4 730	14,4	3 628	6,3	8 358	9,3		
1807	29 642	46 898	76 540	27 395	92,4	43 027	91,7	70 422	92,0	585	1,9	398	0,8	983	1,2		

[60] Составлена по материалам «Государственной торговли в разных ее видах» за 1806—1807 гг.

значительно и быстро возрастало, как показывают приводимые ниже данные.

Но следует при этом иметь в виду, что к числу русских торговых судов зачастую причислялись суда, принадлежавшие на самом деле представителям отнюдь не национального русского, а иноземного торгового капитала. Как

Таблица 6

Русские торговые суда в азово-черноморских портах в начале XIX в. [61]

Год	Всего пришло судов	В том числе русских судов	
		всего	%
1802	706	135	19,2
1803	977	225	23,1
1804	986	326	33,1
1805	1251	403	32,2
1806	594	297	50,0
1807	66	14	21,3

сказано выше, в 1792 г. черноморскому адмиралтейству было предоставлено право давать иноземным купцам разрешение вести торговое плавание под русским флагом («право флага»). Указ 1792 г. разрешал давать русский флаг лишь «людям известным» на срок не более шести лет [62]. На практике это не было осуществлено и привело к большим злоупотреблениям. «Иностранных кораблей, под названием российских, умножилось, и все сие делалось, единственно, чтобы воспользоваться пошлинною уступкою...»,— жаловалась Коммерц-коллегия в 1800 г.[63]

Русское правительство отменило поэтому в 1797 г. скидку в 25% и затруднило условия торговли для купцов нерусского происхождения. Однако указ 1797 г. вызвал протест со стороны русского купечества [64]. В 1803 г. эта

[61] Составлено по материалам «Государственной торговли в разных ее видах» за соответствующие годы.

[62] ПСЗ, т. XXIII, № 17026.

[63] [М. В. Познер.] Исторический обзор правительственных мероприятий для развития русского торгового мореходства. СПб., 1895, стр. 127—128.

[64] Там же, стр. 138—139.

скидка на привозные и отпускные товары через черноморские и азовские порты была восстановлена [65].

Русское правительство в целях борьбы против засилья иностранцев в русском вывозе установило систему навигационных премий. Русским судам уплачивалось 20 руб. с ласта [66] за рейс в Средиземное море, 15 руб. с ласта за плавание в Черном море. Все же преобладание иностранного торгового капитала (главным образом греческого и итальянского) в черноморской торговле сохранялось еще в 50-х годах XIX в.[67]

Видное место в средиземноморской торговле России занимала торговля с Турцией. Условия ее в конце XVIII в. были значительно облегчены. По Кючук-Кайнарджийскому договору Россия получила те же торговые привилегии, которыми пользовались в результате ряда капитуляций Англия и Франция (особенно выгодны для Франции были капитуляции 1740 г.) [68]. Как и купцы этих стран, русские купцы платили трехпроцентную пошлину, были освобождены от ряда налогов, пользовались правом экстерриториальности. Русские представители в Турции получили право давать турецким подданным разрешения (патенты, бараты) на торговое плавание под русским флагом. В русско-турецком торговом договоре 1783 г. были с некоторыми изменениями воспроизведены эти статьи Кючук-Кайнарджийского трактата [69].

Русская торговля с Турцией развивалась очень быстро. В 1782 г. вывоз товаров из русских портов в Константинополь превышал 337 тыс. руб., ввоз — 190 тыс. руб.[70] К 1798—1799 гг. положение значительно изменилось. В 1798 г. было вывезено товаров на 903 тыс. руб., ввезено на 536 тыс. руб.

[65] ПСЗ, т. XXVII, № 20738.

[66] Единица вместимости судна, равная двум тоннам.

[67] А. А. Скальковский. Записки о торговых и промышленных силах Одессы. СПб., 1865, стр. 108; Г. Неболсин. Статистические записки, ч. 1, стр. 81—82; J. de Hagemeister. Op. cit., p. 66.

[68] См. торговые статьи Кючук-Кайнарджийского договора в кн.: Т. Юзефович. Указ. соч., стр. 29—31. Комментарий к ним см. в кн.: Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, стр. 287—295.

[69] ПСЗ, т. XXI, № 15757.

[70] Е. И. Дружинина. Северное Причерноморье в 1775—1800 гг., стр. 88.

Русская торговля с Турцией имела активный характер. В 1799 г. вывоз морским путем и по сухопутной границе превышал ввоз на 86 тыс. руб.

В русском морском вывозе в Турцию преобладали железо и пшеница, за ними шли юфть, сало, парусное полотно. В русском импорте преобладали греческие губки, вина,

Таблица 7

Русская торговля с Турцией через Константинополь в 1798 — 1799 гг.

(в тыс. руб.)[71]

Год	Морским путем		Сухим путем		Всего	
	вывоз (на русских и турецких судах)	ввоз (на русских и турецких судах)	вывоз	ввоз	вывоз	ввоз
1798	903	536	19	290	922	826
1799	801	339	35	411	836	750

изюм. Постепенно усиливался ввоз бумажной пряжи. Пушнина, занимавшая большое место в русском экспорте, шла преимущественно сухим путем. Торговля мехами была монополией России. Русские меха вытеснили канадские. Английские купцы попытались вырвать у греков роль агентов в торговле русскими мехами, но потерпели в этом неудачу [72].

Константинополь и Смирна были центрами русской торговли с Турцией. Значительное количество прибывавших в них товаров расходилось по городам и деревням Турецкой империи (часть шла в Египет и Сирию). По данным английского современника-экономиста Дж. Одди, Константинополь и Смирна вместе ежегодно ввозили до 3300 т русского железа.

После 1774 г. русское железо на турецком рынке вытеснило железо английское. Часть непоглощенных Турцией

[71] Таблица составлена по ведомостям русского посланника в Константинополе В. С. Томары. Архив внешней политики России (далее: АВПР), ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 889, лл. 26—30, 32; 1800 г., д. 910, лл. 37—43.

[72] F. Beaujour. Tableau du commerce de la Grèce, formé d'après une année moyenne, depuis 1787 jusqu'en 1797, vol. II. Paris, An VIII (1800), p. 141.

русских товаров шла в Испанию, Италию, Францию, Венецию, Триест [73].

В 80-х годах XVIII в. доля России в торговле с Турцией была ничтожна. Видный французский историк торговли Леванта П. Массон о ней даже не упоминает [74]. Но уже в первые годы XIX в. Ф. Божур, французский консул в Греции, определяет долю России в одном лишь греческом импорте в $^1/_5$ [75] (следует сказать, что подсчеты Божура вряд ли точны и могут служить лишь для приблизительной ориентировки).

Быстрый рост и выгодный для России характер ее торговли с Турцией привлекли завистливое внимание французского торгового капитала [76]. Ф. Божур, опубликовавший в начале XIX в. большое исследование о торговле Греции, видел в баратерах — владельцах выданных Россией баратов (разрешений) на право торговли под русским флагом — опасных конкурентов для французских купцов [77].

Для Турции торговля с Россией была жизненно необходима: оттуда шли к ней хлеб и железо. Даже во время войны 1806—1812 гг. турецкие суда, как мы говорили, несмотря на риск, заходили в русские порты. В 30-х годах XIX в. Россия сохранила свою роль поставщика железа и хлеба на турецкий рынок, хотя русские меха Турция покупать перестала [78].

Русская правящая верхушка была заинтересована в расширении черноморской торговли. Однако было очевидно, что до тех пор пока Турция держит проливы закрытыми для торговых судов европейских держав, русская черноморская торговля будет скована. Проход через «Константинопольский канал», как называли Босфор в XVIII в., был разрешен лишь русскому и с 1784 г. австрийскому торговому флоту. Все попытки Франции, Испании, итальянских городов добиться этой привилегии оставались тщетными.

Бесконечные затруднения и помехи, чинимые турецким правительством черноморской торговле,— многочисленные и разнообразные сборы и пошлины, продолжительные карантины, произвол и вымогательства таможенных властей, нередкие захваты торговых кораблей европейских держав — доводили марсельских и левантийских купцов при всей их предприимчивости до отчаяния. Антуан указывал, что манифест 1784 г. об открытии черноморских портов для иностранной торговли не дал ожидаемых результатов, «потому что турки, хозяева прохода из Средиземного моря в Черное, лишь с неохотой допустив русские и австрийские суда пользоваться этими коммуникациями и питая надежду рано или поздно лишить их этого, постоянно отказывали в том другим морским державам» [79]. На той же точке зрения стояли В. Х. Фрибе и Г. Шторх, указывавшие, что торговля с Францией, Неаполем и другими итальянскими государствами «оставалась... еще, несмотря на все снижения (пошлин) и трактаты, в своем первоначальном ничтожестве, ибо никто из этих народов не получал разрешения на проход через Константинопольский канал» [80].

Лишь в начале XIX в. Россия добилась открытия проливов для торгового флота ряда государств. Но для этого ей пришлось вести долгие переговоры с Турцией, которая не всегда давала свое согласие. Тем не менее провоз товаров через проливы был в первые годы XIX в. значительно облегчен по сравнению с 80-ми годами XVIII в. [81]

* * *

В политике России в Восточном Средиземноморье не меньшую, если не большую роль, чем экономические соображения, играли ее стратегические и международные

[73] A. C. Wood. A History of the Levant Company. Oxford, 1935, p. 160; J. Oddy. European Commerce; Shewing New and Secure Channels of Trade with the Continent of Europe. London, 1805, p. 177—178.

[74] P. Masson. Histoire du commerce français dans le Levant au XVIII siècle. Paris, 1911, p. 416.

[75] Ф. Божур оценивает весь вывоз Англии, Германии, России и Франции в Грецию в 4971 тыс. пиастров. Русский вывоз в Грецию составляет, по его подсчету, 960 тыс. пиастров (F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 163).

[76] F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 127; A. de Juchereau de Saint-Denys. Révolutions de Constantinople en 1807 et 1808, vol. I. Paris, 1819, p. 139—140.

[77] F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 284—288.

[78] Ю. Гаемейстер. О европейской торговле в Турции и Персии. СПб., 1838, стр. 87, 77—79.

[79] [J. S. Anthoine.] Op. cit., p. 120.

[80] H. Storch. Hist.-stat. Gemälde..., t. VI, S. 180; ср. S. 173—177; ср. также W. Ch. Friebe. Op. cit., Bd. I, S. 122—123.

[81] Ср. [J. S. Anthoine.] Op. cit., p. 201—203, 243—247.

интересы. Турция отнюдь не отказалась от желания вернуть те позиции в Крыму, Закавказье, Дунайских княжествах, которые были ею утрачены в результате успехов России. В свою очередь русская господствующая верхушка стремилась к новым завоеваниям. В условиях частых военных конфликтов России и Турции Восточное Средиземноморье, и особенно черноморские проливы, приобретали особую важность. «Торговое значение Дарданелл и Босфора,— говорит Ф. Энгельс,— делает их одновременно также первоклассными военными позициями, то есть такими позициями, которые будут иметь решающее значение в каждой войне» [82].

В русско-турецких войнах 1768—1774 гг., 1787—1791 гг. Причерноморье было постоянным театром военных действий. Безопасность юга России в этих условиях во многом зависела от военной и политической обстановки в Восточном Средиземноморье. Держа в своих руках проливы, Турция получала огромные стратегические преимущества. Путь к русскому Причерноморью был для нее открыт. В войнах последней трети XVIII в. России все время приходилось считаться с угрозой турецкого десанта в устье Днепра и в Крыму. С другой стороны, операции русского флота на Средиземноморье складывались в очень трудных условиях. Для него прямой путь из Черного в Средиземное море был закрыт. Русская экспедиция в Архипелаг шла длинным кружным путем — из Кронштадта через Атлантический океан и Гибралтар. Переход эскадры адмирала Г. А. Спиридова продолжался 200 дней. К тому же при закрытых Турцией проливах экспедиции русского флота на Средиземном море были возможны лишь при сохранении дружественных отношений с Англией, владевшей Гибралтаром и державшей сильный флот на Средиземном море.

Международно-стратегические позиции России в Восточном Средиземноморье зависели от сложившейся во второй половине XVIII в. в этой зоне обстановки.

В конце XVIII — начале XIX в. Турция переживала общий тяжелый кризис [83]. Господствовавшая в XV—

[82] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 14.

[83] Всемирная история, т. V. М., 1958, стр. 203—206; т. VI, М., 1959, стр. 97—98; А. Ф. Миллер. Мустафа паша Байрактар. Османская империя в начале XIX века. М.— Л., 1947, стр. 29—69.

XVI вв. система военно-ленного феодализма, при которой владельцы ленов, как правило, не вели собственного хозяйства, сменилась феодальным владением на праве собственности и развитием личного хозяйства. Рост феодальной эксплуатации, обезземеливание крестьян, тяжелое налоговое бремя вели к упадку сельского хозяйства и запустению деревень. Промышленность развивалась крайне медленно; низкая покупательная способность населения, система цехов, бюрократическая регламентация стесняли ее. Государственный аппарат разъедала общая продажность.

Застой производительных сил, слабое развитие капиталистических отношений привели к усилению процессов децентрализации, росту сепаратистских тенденций. Феодальные владетели Египта, Сирии, Албании и других провинций Турецкой империи постепенно ослабляли свою зависимость от султана.

Упадок военной силы Турции, падение боеспособности турецкой армии отражали общий социально-экономический застой. Недисциплинированная, не имевшая подготовленных офицеров, обладавшая отсталой техникой турецкая армия численно была еще очень велика, но лишь небольшая часть ее была действительно боеспособна [84].

Турецкие завоеватели — военные оккупанты, по определению Ф. Энгельса [85], оказались не в силах организовать хозяйственную и политическую жизнь захваченных ими огромных территорий. Хищническая эксплуатация покоренных народов путем получения дани и контрибуции была экономической базой паразитической турецкой феодальной верхушки. Экономическая эксплуатация сопровождалась системой варварского национального угнетения и притеснения.

Ко второй половине XVIII в. в режиме турецкого господства произошли существенные изменения, еще более тягостные для входивших в Османскую империю народов. Если ранее Порта сохраняла в общем местные феодальные порядки и самоуправление в покоренных ею странах, то теперь все более сокращались права городских и

[84] См. описание военной системы Турции в работах: M. D'Ohsson. Tableau général de l'Empire Othoman, t. VII. Paris, 1824, p. 308—438; Th. Thornton. The Present State of Turkey. London, 1807, p. 161—215.

[85] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 35.

сельских общин, местные органы власти заменялись турецким управлением. Турецкие феодалы захватывали крестьянские земли. Вместе с тем росли налоги, обострялась национальная дискриминация.

Турецкое господство искусственно задерживало развитие балканских стран. Несмотря на это, в ряде районов Балкан шел подъем производительных сил, создавались новые города, все большую роль получала внешняя и транзитная торговля.

В наиболее передовых в экономическом и культурном отношении балканских странах зарождалось национально-освободительное движение.

Ослабление Турции привело уже в XVIII в. к усилению влияния великих держав на ее внешнюю политику. Это было связано с проникновением иностранного торгового капитала в экономику Османской империи.

В течение нескольких столетий официальной покровительницей и союзницей Турции считалась Франция. Экономически Франция в XVIII в. господствовала в Леванте [86]. По капитуляциям 1535, 1604, 1673 и особенно 1740 г. французская торговля получила большие привилегии, способствовавшие ее процветанию. В XVII в. французская торговля в Леванте была пассивной. Но уже во втором десятилетии XVIII в. французский торговый капитал вытеснил английский. Левант стал основным рынком сбыта привозимых из Лангедока легких сукон. Экспорт их вырос с 10 тыс. кусков в 1700—1705 гг. до 58 тыс. в 1736—1741 гг. и до 85 тыс. в 1763—1773 гг.[87] Левант был нужен Франции не только как рынок сбыта, но и как источник сырья: французские мануфактуры потребляли большое количество левантийского хлопка и шерсти. Торговля с Левантом занимала важное место в оборотах Марселя [88].

С середины 80-х до середины 90-х годов французский экспорт сукон снизился вследствие ухудшения качества

[86] О французской торговле в Леванте см. P. Masson. Op. cit. (о ввозе Франции из Леванта см. стр. 431—471; о французском вывозе — стр. 472—508). Об организации дореволюционной торговли Франции в Леванте см. О. Л. Вайнштейн. Французская буржуазная революция конца XVIII века и турецкий Восток. «Ученые записки ЛГУ», серия исторических наук, вып. 6. Л., 1940, стр. 193—207.

[87] P. Masson. Op. cit., p. 477—478.

[88] Ibid., p. 423, 425.

их, сокращения турецкого рынка, конкуренции английских и других тканей [89]. Однако французский торговый капитал все еще занимал первое место в торговле Леванта. Конец 80-х годов был, по мнению как современников, так и историков, одной из блестящих эпох французской торговли, оборот которой вырос с 44 млн. ливров в 1763—1769 гг. до 70 млн. в 1785—1791 гг. Французские дипломаты прямо называли Турцию своей торговой колонией. В 80-х годах Франция, по подсчету П. Массона, сосредоточила в своих руках около $^3/_5$ внешней торговли Турции [90].

Господствуя в Леванте экономически, Франция была связана с Турцией и тесными политическими узами: обе они соперничали с Австрией и Россией. Войну 1768—1774 гг. против России Турция начала под воздействием Франции. В 70-х — первой половине 80-х годов Франция оставалась главным противником России на Ближнем Востоке. Франция сильно сопротивлялась присоединению Крыма к России.

С началом революционных войн французская торговля с Турцией фактически прекратилась. Не оживилась она и в последующие годы — еще в 1807 г. французское правительство говорило о крайнем упадке экспорта в Левант [91]. Причиной тому было господство в эти годы английского флота на Средиземном море.

Позиции Англии на Ближнем Востоке были в 70-х — начале 80-х годов XVIII в. значительно слабее французских. Экономические интересы Англии в Турции были в этот период еще незначительны. Английская торговля с Турцией велась монопольной Левантийской компанией, основанной в 1581 г. В XVII в. эта торговля достигла значительного развития. К 1715 г. преимущество на турецком рынке принадлежало англичанам. Однако уже к середине 30-х годов Англия его потеряла. Более дешевые французские сукна из Лангедока вытеснили английские сукна. Торговля Англии с Турцией в 70-х — первой половине 80-х годов резко сократилась.

[89] P. Masson. Op. cit., p. 490—491; F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 145.

[90] F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 229; P. Masson. Op. cit., p. 416, 279.

[91] Е. В. Тарле. Континентальная блокада. Сочинения, т. III. М., 1958, стр. 336.

Резко уменьшилось число английских торговых домов в важных центрах торговли Англии — в Смирне и

Таблица 8

Торговля Англии с Турцией
(в фунтах)[92]

Годы	Импорт в Англию из Турции	Экспорт из Англии в Турцию
1714—1723	290 523	213 755
1774—1783	105 477	88 065

Алеппо [93]. Число английских факторий в Константинополе сократилось с 25 в период расцвета до 5 в 1794 г.[94] Турецким рынком завладела Франция. По мнению современников, на сокращение английской торговли оказали влияние отсталые формы деятельности Левантийской компании[95]. Товары, ввозимые ею в Англию, стоили дороже, чем товары, ввозимые через Италию французами и голландцами.

Дипломатическая активность Англии в Леванте в 60—70-х годах была незначительной. Лондон проявлял мало интереса к восточным делам. Английский посланник в Константинополе назначался Левантийской компанией и от нее же получал свое жалование.

Однако с половины 80-х годов в торговле Англии на Ближнем Востоке появились известные сдвиги. Английский импорт из Турции вырос в 1784—1793 гг. до 182,6 тыс. ф., экспорт Англии — до 114,5 тыс. ф.[96] Во время кризиса русско-турецких отношений в связи с присоединением Крыма к России англичане действовали в Константинополе весьма активно — пока что в пользу России.

В 90-х годах в связи с военными действиями в Средиземном море англо-турецкая торговля резко сократилась. Экспорт из Англии (без Шотландии) упал со 189,3 тыс. ф. в 1791 г. до 62,2 тыс. ф. в 1798 г.[97]

Вслед за тем, однако, условия английской торговли в Леванте улучшились.

[92] A. C. Wood. Op. cit., p. 140—142.
[93] P. Masson. Op. cit., p. 367—368, 374.
[94] A. C. Wood. Op. cit., p. 162.
[95] W. Eton. A Survey of the Turkish Empire. London, 1798, p. 463—488; F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 5—6.
[96] A. C. Wood. Op. cit., p. 159.
[97] J. Oddy. Op. cit., p. 187.

В первом десятилетии XIX в. спрос на английские товары возрос[98]. Англия поставляла преимущественно хлопчатобумажные товары, сукна, металлы, металлоизделия, часы, колониальные товары (кофе, сахар); вывозила хлопок, табак. Особенным успехом на турецком рынке пользовался английский шалон (особый вид ткани), нанесший смертельный удар французской торговле сукнами.

Этому подъему торговли способствовало господство английского флота на Средиземном море. Основной же причиной его были начавшие в это время сказываться результаты промышленного переворота. Экспорт хлопчатобумажных изделий из Англии за несколько десятилетий вырос во много раз: с 355 тыс. ф. в 1780 г. до 7 млн. ф. в 1801 г.[99] В английском экспорте в Турецкую империю хлопчатобумажные изделия стали основной его статьей; в турецком импорте их Англия с течением времени заняла первое место [100]. Однако в первые годы XIX в. кривая английской торговли с Турцией оставалась неустойчивой, падая в периоды военных действий на Средиземном море, поднимаясь в мирное время.

Таблица 9

Торговля Англии и Турции в конце XVIII — начале XIX в.
(в тыс. ф.) [101]

Год	Импорт в Англию из Турции	Экспорт из Англии в Турцию
1798	42,3	56,6
1799	33,1	200,5
1800	199,8	157,5
1806	136,2	129,7
1807	113,3	19,1
1808	57,4	13,7
1809	184,9	101,9

[98] Об английской торговле в Турции в начале XIX в. см. A. C. Wood. Op. cit., p. 192—194; P. Masson. Op. cit., p. 370; F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 1—52; J. Oddy. Op. cit., p. 167—168, 187—188.
[99] A. C. Wood. Op. cit., p. 192.
[100] Ю. Гагемейстер. Указ. соч., стр. 67; см. также стр. 54—55, 61.
[101] A. C. Wood. Op. cit., p. 179, 180, 188. Ср. J. Oddy. Op. cit., p. 187—188.

Степень активности английского торгового капитала на турецком рынке в начале XIX в. не следует преувеличивать. Лишь в 20-х годах англо-турецкая торговля достигла по-настоящему крупного размера. В 1825 г. вывоз Англии в Турцию составил 1 079 671 ф., ввоз — 1 207 035 ф.[102], что не идет ни в какое сравнение со скромными масштабами первого десятилетия XIX в.

Современники, еще не уловив совершавшихся в английской торговле сдвигов, по-прежнему считали англо-турецкую торговлю незначительной. А. де Жюшеро де Сен-Дени (французский офицер-эмигрант, состоявший в первые годы XIX в. на турецкой службе, впоследствии историк Турции) говорил «об упадке в настоящее время этой слабой ветви огромной торговли Великобритании»[103]. Сам английский посол в Константинополе лорд Т. Эльджин вел речь «о малости торговли его нации в империи Оттоманской»[104].

Англо-русское соперничество на турецком рынке в этот период лишь зарождалось, и не оно лежало в основе противоречий Англии и России.

Торговля Англии через русские черноморские порты была, как уже сказано, ничтожна, и число посещавших их английских судов незначительно. До известной степени это объясняется условиями транспорта: путь из Лондона в русские черноморские порты и обратно продолжался очень долго[105]. Английские дипломаты в Константинополе жаловались (1802 г.) на то, что торговля с Россией через Черное море обходится английским купцам слишком дорого[106].

Однако английский торговый капитал и правительство Англии были заинтересованы в расширении своей черноморской торговли с Россией. Их побуждали к этому, во-первых, надежда сделать ее источником таких же огромных прибылей, каким была для англичан торговля балтийская, во-вторых, боязнь, как бы ею не завладела

[102] A. C. Wood. Op. cit., p. 193—194.

[103] A. de Juchereau de Saint-Denys. Op. cit., vol. I, p. 129.

[104] Русский посланник в Константинополе В. С. Томара Александру I 16 (28) июля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, л. 409.

[105] J. Oddy. Op. cit., p. 180.

[106] Томара Александру I 16 (28) мая 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2222, л. 162 об.

Франция. Уже в середине 70-х годов XVIII в. Англия пыталась получить разрешение на свободный проход своих торговых кораблей в Черное море. В 1784 г. она возобновила свои попытки — пока что неудачно, в 1799—1802 гг. снова осаждала Порту подобными просьбами и в конце концов в середине 1802 г. получила на это ее согласие[107].

Россия, стремившаяся привлечь в свои черноморские порты торговлю европейских государств и желавшая сохранить дружественные отношения с Англией, в первые годы XIX в. не противилась английским домогательствам; русским представителям в Константинополе было предписано поддержать англичан[108].

Англичане пытались изобразить равнодушие к черноморской торговле: в 1802 г. секретарь английского посольства в Константинополе Стратон заявил В. С. Томаре, что «двор его не интересуется в торговле Черного моря и требует оной на случай, что дозволена будет французам»[109]. В действительности это было далеко не так: в 1805 г., уже после того как опасность проникновения французского торгового капитала на Черное море была сведена на нет в связи с конфликтом России и Франции, англичане по-прежнему старались сохранить для своей торговли доступ на Черное море. В английский проект договора с Турцией в 1805 г. была включена статья о свободной торговле Англии на Черном море[110]. Того же требовала Англия и от России[111]. Англия пыталась увеличить импорт кораблестроительных материалов из Южной России[112].

[107] A. C. Wood. Op. cit., p. 181; V. Puryear. Napoleon and the Dardanelles. Berkeley and Los Angeles, 1951, p. 10.

[108] Руководитель Коллегии иностранных дел гр. В. П. Кочубей Томаре 28 декабря 1801 г. (9 января 1802 г.). Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 259—260; рескрипт 28 октября (9 ноября) 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2216, лл. 16—18 об.; Александр I Томаре 14 (26) июля и 1 (13) апреля 1802 г. Внешняя политика России XIX — начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. Серия первая, 1801—1815 гг. М., 1960, т. I, март 1801 г.— апрель 1804 г., стр. 244, 193—194 (далее: ВПР).

[109] Томара В. П. Кочубею 16 (28) июля 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2223, л. 195—195 об.

[110] АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6783, лл. 186—199 об.

[111] Промемория английского посла в Петербурге лорда Левесон-Гоуэра товарищу министра иностранных дел кн. А. А. Чарторыйскому. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 4326, лл. 70—71.

[112] P. Mackesy. The War in the Mediterranean. 1803—1810. London, 1957, p. 10.

Упадок Османской империи, внедрение иностранного капитала в ее экономику, нараставшая зависимость ее международной позиции от великих держав были характерными чертами обстановки, сложившейся во второй половине XVIII в. в Восточном Средиземноморье.

Переплетавшиеся экономические, стратегические и международные интересы русских господствующих классов привели к тому, что уже в 70—80-х годах XVIII в. Восточное Средиземноморье играло во внешней политике России видную роль. В 70-х годах XVIII в. средиземноморская политика России получила широкий размах. Во время войны 1768—1774 гг. на Средиземном море вели действия несколько русских эскадр [113]. Весной 1770 г. русские войска совершили высадку десанта в Морее. Турецкий флот потерпел сокрушительное поражение в битве при Чесме. Русский флот блокировал проливы. Россия обратилась к населению Греции, Далмации, Черногории с манифестами, в которых призывала поддержать действия русских войск. В Морее и на островах Архипелага вспыхнуло восстание против турецкого гнета. Русская экспедиция в Архипелаг способствовала зарождению национально-освободительного движения балканских народов, хотя царское правительство ставило себе в этой экспедиции лишь чисто военные цели.

Активизация средиземноморской политики побудила Екатерину II попытаться в 70—80-х годах завязать связи с орденом св. Иоанна Иерусалимского, владевшим островом Мальтой [114].

Выход к Черному морю и упрочение связей с балканскими народами способствовали укреплению позиций России в Восточном Средиземноморье. Однако раздел Османской империи, овладение Босфором и Дарданеллами, открытие их для русского военного флота не были и не могли быть в 70-х — 80-х годах XVIII в. конкретными задачами русской внешней политики. Осуществить их было невозможно — слишком сильна была еще Турция, ни при каких обстоятельствах не допустили бы этого великие

[113] Е. В. Тарле. Чесменский бой и первая русская экспедиция в Архипелаг 1769—1774. М.— Л., 1945.

[114] А. А. Алябьев. Сношения России с Мальтийским орденом, ч. 1 (до 1789 г.). Сборник Московского главного архива МИД. 1893, вып. 5, стр. 185—218; E. von. Berg. Der Malteseorden und seine Beziehungen zu Russland. Riga, 1879.

державы, да и внутренние возможности царизма были недостаточны для политики столь грандиозных масштабов.

Россия не стремилась в 70-х годах XVIII в. к территориальным приобретениям в Восточном Средиземноморье. Правда, во время войны 1768—1774 гг. Россия первоначально включила в проект будущего мирного договора с Турцией условие о переходе к ней какого-либо острова в Архипелаге. Проект этот был сообщен Пруссии, «добрые услуги» которой для переговоров с Турцией приняла Россия. Однако через некоторое время русское правительство исключило из своего проекта мирного договора статью об уступке ей одного из островов Архипелага [115].

Экспансия в Средиземноморье не входила в задачи реальной политики России, в ее ближайшие цели. Это не значит, однако, что проекты подобного рода не выдвигались правящей верхушкой. В 80-х годах XVIII в. (еще до присоединения Крыма) в русских правительственных кругах намечался широкий план проникновения на Средиземное море и на Балканы, известный под названием «греческого проекта» [116]. План этот имел целью раздел Европейской Турции между Россией, Австрией и Францией и образование Греческой империи (формально независимой от России) во главе с представителем русской императорской фамилии (на роль будущего императора Греции предназначался внук Екатерины Константин Павлович). Фактически, таким образом, будущее греческое государство должно было находиться в зависимости от России. Из Молдавии, Валахии и Бессарабии предполагалось образовать буферное государство Дакию, также непосредственно подчиненное влиянию России. Для себя царское правительство предназначало по «греческому проекту» Очаков с территорией между Бугом и Днестром, Крым и несколько островов Архипелага. Австрия должна была получить земли в Валахии, Сербии, Истрии, венецианской Далмации, Франция — Египет.

[115] Е. И. Дружинина. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года, стр. 121, 126, 131—132.

[116] Изложен в записке А. А. Безбородко (Сборник РИО, т. 26, стр. 385) и в переписке Екатерины II с австрийским императором Иосифом II. См. A. R. von Arneth. Joseph II und Katharina von Russland. Ihr Briefwechsel. Wien, 1869, S. 143—157, 182—188, 169—175, 197.

«Греческий проект» был выдвинут в тот момент, когда международная обстановка складывалась для России в высшей степени благоприятно. В войну американских колоний против Англии за независимость втянулись Франция, Испания и Голландия. Англия и Франция, истощенные продолжительной и тяжелой взаимной борьбой, боялись восстановить против себя Екатерину II. Англия за содействие России предлагала ей остров Минорку; Франция в 1779 г. оказала существенную поддержку России в Константинополе при заключении Изъяснительной конвенции с Турцией.

В Центральной Европе русская дипломатия также сумела завоевать себе господствующее положение и роль третейского судьи между Пруссией и Австрией, соперничавшими за гегемонию в Германии. Если во время первой турецкой войны Фридрих II, играя на внутренних и внешних затруднениях России, угрожал сближением с Австрией, то с конца 70-х годов в связи с новым обострением прусско-австрийских противоречий прусский король и австрийский император, с одинаковым рвением соперничая в лести и угодничестве, добивались благосклонности Екатерины II.

В этих условиях Екатерина считала возможным начать с австрийским императором Иосифом II (Россия в 1781 г. заключила союз с Австрией) переговоры о своем «греческом проекте», который она раскрыла ему в письме 10 (21) сентября 1782 г. Иосиф II в письме от 2 (13) ноября 1782 г. согласился на осуществление «греческого проекта», но потребовал в возмещение округ Хотин, часть Валахии и Сербии, Истрию и Далмацию [117].

Переговоры Екатерины II и Иосифа II имели предварительный характер и не являлись окончательным договором. К тому же благоприятная международная обстановка, в которой намечался «греческий проект», сохранилась недолго: в 1783 г. Англия и Франция заключили мир, что развязало им руки против России. «Греческий проект» был снят с порядка дня.

Западные буржуазные историки, выдвигая на первый план «русскую угрозу» на Ближнем Востоке и рисуя Турцию жертвой «русской агрессии», обычно считают «греческий проект» центром и непосредственной целью внешней политики России в 80—90-х годах XVIII в. [118] На самом деле Турции, развязавшей войну в 1768 г. и готовившейся к новой войне с Россией, отнюдь не приходилось трепетать за свое существование, как это обычно изображает реакционная буржуазная историография. «Греческий проект» лишь формулировал крайний предел стремлений царского правительства и был выдвинут в надежде на стечение исключительно благоприятных международных условий, которого Екатерине II и ее преемникам так и не удалось дождаться. Порожденный выгодной международной ситуацией начала 80-х годов, «греческий проект» фактически угас вместе с ней.

«Греческий проект» не был, однако, лишь бесследным и платоническим обменом мнениями между Екатериной II и Иосифом II. Переговоры их имели хотя и предварительный, но вполне официальный характер. Через несколько лет условия, выдвинутые Екатериной II в письме от 10 (21) сентября и Иосифом II в письме от 2 (13) ноября 1782 г., были включены в новый договор России и Австрии. В секретную декларацию 23 декабря 1794 г. (3 января 1795 г.) относительно союза между Россией и Австрией была включена статья, гласившая, что «в случае новой общей войны двух императорских дворов (т. е. России

[117] A. R. von Arneth. Op. cit., S. 143—157, 182—188, 169—175, 197.

[118] Большая заслуга в разоблачении мифа, созданного вокруг «греческого проекта» зарубежной буржуазной историографией, и в постановке вопроса о том, что «греческий проект» не был непосредственной целью внешней политики России, принадлежит О. П. Марковой (см. ее статью «О происхождении так называемого греческого проекта (80-е годы XVIII в.)». «История СССР», 1958, № 4, стр. 52—78). Я расхожусь, однако, с О. П. Марковой в ряде вопросов и не считаю возможным принять один из основных ее выводов, что Екатерина II не относилась серьезно к «греческому проекту» и выдвинула его в переписке с Иосифом II лишь в порядке дипломатической игры и «рекламного эллинофильства», как она утверждает. Неверно, на мой взгляд, и мнение О. П. Марковой, что переписка русской императрицы и австрийского императора была их сугубо личным делом, частным обменом мнениями и не имела официального характера. О. П. Маркова совершенно права, энергично подчеркивая, что царизм в 80-х годах был не в состоянии осуществить «греческий проект». Это не означает, однако, что часть русской правящей верхушки не могла строить планы экспансии в Средиземноморье. Выдвижение завоевательных планов и осуществление их — не одно и то же. О. П. Маркова же смешивает эти два вопроса в своей статье.

и Австрии.— *А. С.*) против Оттоманской Порты е. и. в. обязывается содействовать всеми средствами к тому, чтобы согласно содержанию собственноручной переписки покойного е. и. в. Иосифа II, славной памяти, с е. и. в., и в особенности писем от 10 сентября и 13 ноября 1782 г., вполне исполнен был план, в них начертанный, насколько позволят обстоятельства, и чтоб, в частности, Молдавия, Валахия и Бессарабия навсегда были бы отделены от Турецкой империи и возведены в независимое государство, на вечные времена предоставляемое князю или княгине российской императорской фамилии и их потомству обоего пола». Россия же по этой декларации обязалась содействовать тому, чтобы к Австрии перешли те земли, на которые предъявил притязания Иосиф II в письме от 2 (13) ноября 1782 г. [19]

Статья о реализации в будущую войну с Турцией «греческого проекта» сопровождалась характерной оговоркой: «насколько позволят обстоятельства». Конкретно речь шла лишь о Дунайских княжествах. Но официальный характер переговоров Екатерины II и Иосифа II был еще раз подтвержден этим новым русско-австрийским договором.

Крупнейшие политические деятели России впоследствии считали, что указанные выше письма Екатерины II и Иосифа II имели характер официального договора относительно «греческого проекта». Так, Павел I, сообщая Томаре в 1799 г. о попытках Австрии склонить Россию на раздел Турции, приводит аргументацию австрийцев, согласно которой «тайные условия, между блаженной памятью императрицы, родительницы нашей, и императором Иосифом II положенные, определяют в разных случаях индемнизацию (возмещение, вознаграждение.— *А. С.*) обоим дворам... насчет владений Порты Оттоманской» [120]. Павел отверг предложения о разделе, но отнюдь не оспаривал официальный характер переговоров Иосифа II и Екатерины II. В свою очередь канцлер А. Р. Воронцов, обсуждая в 1804 г. условия нового союзного договора с Австрией, также вел речь о содержавшихся в переписке Екатерины II и Иосифа II условиях относительно раздела Турции, «о будущих приобретениях на ее счет, о которых между покойной императрицей и Иосифом II условлено было» [121].

Павел I, Александр I и А. Р. Воронцов, говоря о политике Екатерины II в восточном вопросе в 80-х годах XVIII в., не отрицали ее завоевательных тенденций. А. Р. Воронцов упрекал Екатерину II за то, что она лелеяла «химерические виды о восстановлении греческой империи» [122]. Павел в 1799 г. заявил неаполитанскому политическому деятелю маркизу Галло, что он не одобряет направленную на ослабление Турции политику Екатерины II [123]. Александр I писал в 1805 г. султану Селиму III в личном письме, что Екатерина II к концу своего царствования «переменила образ мыслей относительно империи Турецкой и приняла ту же систему, которой следовал затем мой покойный отец и которой я ныне придерживаюсь» [124] (т. е. систему нормальных отношений с Турцией, установившуюся со второй половины 90-х годов). Александр I делил, таким образом, турецкую политику Екатерины II на два периода и признавал, что в первом периоде имели место завоевательные тенденции.

«Греческий проект» был неосуществим и фантастичен. Но появление подобных тенденций у русской правительственной верхушки — не случайность. Планы широкой экспансии в Средиземноморье были продиктованы ее стремлением смягчить процессы разложения феодально-крепостнической системы путем завоевания новых земель, надеждой укрепить политические позиции царизма [125].

---

[119] Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. II, стр. 244—245. (Подчеркнуто нами).

[120] Павел I В. С. Томаре 1 (12) ноября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 886, л. 61.

[121] Замечания А. Р. Воронцова на письмо австрийского императора, не позднее 17 (29) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярии, 1804 г., д. 7855, л. 44 об. (Подчеркнуто нами).

[122] Там же. См. также «Замечания» А. Р. Воронцова (1804 г., б/д). Там же, л. 5 об.

[123] Carlo di Somma. Une mission diplomatique du marquis de Gallo à St. Petersbourg en 1799. Napoli, 1910, p. 73.

[124] Александр I Селиму III 5(17) июля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6232, л. 4 об. Ср. Н. Ф. Дубровин. Сербский вопрос в царствование императора Александра I. «Русский вестник», 1863, т. 46, июль, стр. 91—93.

[125] О планах продвижения на Средиземном море и Балканах, выдвигавшихся русской правительственной верхушкой в начале XIX в., см. следующие главы настоящей работы.

* * *

Значительная часть русских верхов в 70—80-х годах относилась к планам продвижения в Средиземноморье отрицательно. Объяснялось это в первую очередь опасениями того, что внешнеполитические авантюры могут ослабить внутренние позиции царизма в борьбе с антифеодальными силами. Отпугивали и тяготы (рекрутские наборы, налоги), которые война приносила дворянскому хозяйству. Враждебно относились к средиземноморской экспансии и те влиятельные представители крупнопоместного дворянства и купечества, которые вели через балтийские порты широкую торговлю с Англией. Да и связанные с хозяйством Северного Причерноморья дворянство и купечество опасались застоя в черноморской торговле, к которому вели обычно войны между Россией и Турцией или военные действия на Средиземном море, нарушавшие торговые связи. Отсюда — стремление части дворянских кругов сохранить в Восточном Средиземноморье существующее положение вещей и нормальные отношения с Турцией, возражения против активной политики в восточном вопросе, игравшие очень важную роль во внешней политике России в начале XIX в.[126]

В 80-х годах XVIII в. выразителями этой точки зрения были А. Р. и С. Р. Воронцовы, М. М. Щербатов и др.[127] В первые годы XIX в. тенденция к сохранению статус-кво в восточном вопросе была представлена очень сильной дворянской группировкой[128]. После Тильзита, в канун войны 1812 г., против значительного расширения южных границ России и присоединения к ней Молдавии и Валахии выступали М. М. Сперанский и Н. С. Мордвинов[129], что было связано как с международной обстановкой (Сперанский и Мордвинов в ожидании войны с Наполеоном стояли

[126] Этот вопрос рассматривается в следующих главах работы.

[127] См. М. М. Щербатов. Сочинения, т. II. СПб., 1898, стр. 240, 255—256, 259—260.

[128] См. главы IV, V настоящей работы.

[129] Записка Сперанского императору «О видах французского правительства по управлению Польши» (август 1810 г.). «Русская старина», 1900, кн. 11, ноябрь, стр. 436—440; записка Мордвинова императору «Об ускорении мира с турками» (август 1810 г.). Архив графов Мордвиновых, т. IV. СПб., 1902, стр. 15—17; проект Мордвинова «О политическом равновесии» (1811 г.). Архив графов Мордвиновых, т. IV, стр. 576—579.

за заключение скорейшего мира с Турцией), так и желанием их сосредоточить силы на внутренних делах.

Передовые русские круги были принципиально враждебны завоевательной политике как своей страны, так и других великих держав. Внешнеполитическая тема в высказываниях передовых русских общественных деятелей играла подчиненную роль, уступая первое место вопросам об отношении к крепостному праву и самодержавию. Не имея возможности открыто обсудить конкретные вопросы внешней политики, представители русского передового общественного мнения с живым интересом относились к проблемам международного права, мира и войны. И. Богданович в 1771 г. перевел «Проект о вечном мире» Сен-Пьера; Р. М. Цебриков перевел книгу французского просветителя А. Гудара «Мир Европы... или проект всеобщего замирения» с многозначительным подзаголовком: «Переведено с французского языка в стане перед Очаковым в 1788 году». Я. П. Козельский, признавая необходимость тех войн, которые ведутся для защиты страны, укрепления обороноспособности государства, дал резкую критику современного ему международного политического устройства и несправедливых войн. Козельский выдвигал требования об ограничении численности армии в мирное время и введении всеобщего военного обучения.

Значительно дальше пошел А. Н. Радищев. Для Радищева милитаризм и завоевательные войны были злом не потому, что они противоречили «естественным законам», а в первую очередь потому, что они несли с собой тяжелые бедствия для народных масс. Завоевательную войну Радищев считал губительной не только для побежденной стороны, но и для страны-победительницы. «Но что обретаем в самой славе завоеваний. Звук, гремление, надутлость и истощение... Но вопроси, чего жаждет завоеватель, чего он ищет, опустошая страны населенные, или покоряя пустыни своей державе?.. Несмысленной, возри на шествие твое... Не разсуждаешь ты, о ярый вепрь, что, опустошая землю свою победою, в завоеванной ничего не обрящешь, тебя услаждающего... Плод твоего завоевания будет — не льсти себя — убийство и ненависть»[130]. В «Сне» Радищева Прямовзора упрекает завоевателя: «Ты виною

[130] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. I. М.— Л., 1935, изд. Academia, стр. 253—255.

будешь, если мать восплачет о сыне своем, убиенном на ратном поле, и жена о муже своем, ибо опасность плена едва оправдать может убийство, войной называемое» [131]. В последних словах, несомненно, содержится намек на обычный прием царского правительства, как и правительств других классово-антагонистических обществ, оправдывать свою завоевательную политику необходимостью обороны страны. Так это и поняла Екатерина II, сделавшая в этом месте гневную помету: «Убийство, войной называемое! Чего же они желают? Чтобы попасться в плен туркам и татарам, либо покориться шведам?» [132]. Здесь налицо столкновение двух принципиально враждебных систем мировоззрения.

Для Радищева милитаризм и завоевательные войны были неразрывно связаны со всей системой крепостного строя и самодержавия.

Русские просветители последних лет XVIII — начала XIX в. уступали Радищеву по глубине постановки вопроса о характере завоевательных войн. Но и они разделяли антивоенные взгляды Радищева и выступали со страстной и убежденной проповедью против войны [133]. В 1798 г. в просветительском «Санктпетербургском журнале» была помещена статья неизвестного автора, излагавшего взгляды французского просветителя Шарона [134]. В примечании к ней содержалась резкая критика завоевательных войн («разум никогда не одобрял сего варварского употребления»,— восклицает автор примечания). Причину войн он в согласии с идеями рационалистов видит в недостаточном распространении просвещения: по его мнению, «ежели бы люди захотели друг друга слушать и все делали сходно с разумом, то никогда не дошли б до необходимости убивать друг друга».

В 1803 г. в Петербурге вышла маленькая анонимная книжка под названием «Рассуждение о мире и войне», автором которой (он скрылся под инициалами В. М.) был известный просветитель В. Ф. Малиновский [135]. «Рассуждение...» противопоставляет (в свойственной просветителям абстрактной, отвлеченной манере) блага общего мира ужасам войны и провозглашает, что славу и счастье государства составляют науки и просвещение, а не завоевания, которые лишь разоряют его. Малиновский резко осуждает тайную дипломатию и требует издания «ведомости верной и справедливой о всех политических (т. е. международных.—*А. С.*) происшествиях так, чтобы каждый народ... мог справедливые делать заключения». Русский просветитель безбоязненно говорит, что государственные доходы — результат народного труда и должны поэтому употребляться на благо народа вместо ненужных ему завоеваний. Малиновский в своей книге выступает за «общий союз Европы», за «общий Совет» и разработку международных законов, которым должны подчиниться отдельные государства. Говоря о текущих европейских событиях, он явно берет сторону Англии против Франции.

Смелая книга Малиновского встретила благожелательный отклик в просветительских кругах. В «Северном вестнике» была напечатана на нее очень интересная сочувственная рецензия [136], автор которой сумел вполне сознательно, надо думать, привлечь внимание читателя к наиболее ярким по своей антифеодальной направленности страницам «Рассуждения о мире и войне».

* * *

Во второй половине 80-х годов Средиземноморье уже не стояло в центре русской внешней политики. На первое место выступили замыслы меньшего масштаба, но большего непосредственного значения для России. Создание и укрепление оперативной базы русского флота на Черном море, овладение Очаковом, являвшимся важнейшим стратегическим пунктом на северном Черноморском побережье, дальнейшее продвижение в Закавказье, образование зависимого от России государства из Молдавии, Валахии и Бессарабии — такова была конкретная программа внешней политики России во второй половине 80-х годов XVIII в.

---

[131] А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву, т. I, стр. 76.

[132] Замечания Екатерины II на «Путешествие...» Радищева см. в Архиве кн. Воронцова, т. 5, стр. 409.

[133] Об антивоенных взглядах Радищева и просветителя В. Ф. Малиновского см. кн.: Г. Шторм. Дети доброй надежды. М., 1959, стр. 626—629.

[134] «Мнения Шарроновы». «Санктпетербургский журнал», 1798, ч. II, июнь, стр. 235—236. Существует предположение, что автор примечания И. Пнин. См. И. Пнин. Сочинения. М., 1934, стр. 194.

[135] [В. Ф. Малиновский]. Рассуждение о мире и войне. СПб., 1803.

[136] «Северный вестник», 1804, кн. 2, стр. 311—323.

На этих путях Россия снова столкнулась с Турцией. Екатерина II достигла весьма существенных преимуществ в Дунайских княжествах, а особенно в Закавказье. После упорного сопротивления Турции пришлось допустить в Бухарест и Яссы русских консулов [137], которые завязали прочные связи с местными антитурецкими кругами и зачастую фактически руководили ими. В начале 1784 г. Россия добилась от Турции очень важной и благотворной для населения княжеств уступки — султан дал хатти-шериф, по которому фиксировался размер собираемых с населения княжеств податей и давалось обязательство впредь смещать господарей Молдавии и Валахии не по произволу Порты, а лишь в случае доказанной вины.

Еще важнее были достижения русской политики в Закавказье. По Георгиевскому договору 1783 г. Грузия стала под покровительство России, что избавляло ее от угрозы порабощения шахской Персией или султанской Турцией.

Турция отказалась признать Георгиевский договор и пыталась подорвать протекторат России над Грузией, натравив на нее азербайджанских, дагестанских, кабардинских, черкесских владетелей и спровоцировав в 1785—1787 гг. под флагом «защиты ислама» реакционное феодальное движение на Северном Кавказе во главе с так называемым шейхом Мансуром (Ушурмой). Ряд направленных против России мер Турция приняла и в Дунайских княжествах. Турция хотела вернуть Крым, аннулировать Георгиевский договор, положить конец расширению русского влияния в Дунайских княжествах.

В августе 1787 г. Турция, спровоцированная Англией и Пруссией, начала действия против России в тот момент, когда русское правительство, не подготовленное в военном отношении, озабоченное неурожаем и голодом и связанное рядом международных затруднений, пыталось временно оттянуть войну и шло на частичные уступки Турции.

В 1788 г. предполагалось снова направить на Средиземное море русскую эскадру в составе 15 линейных кораблей и 6 фрегатов [138]. Военные задачи экспедиции состояли в том, чтобы сковать турецкие морские силы в Средиземном море и облегчить таким образом операции русского флота

[137] N. Jorga. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd. V, S. 16.

[138] Архив Государственного совета, т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины II, ч. 1. СПб., 1869, стлб. 471.

на Черном море, уничтожить средиземноморский флот Турции, блокировать проливы и совершить высадку в Константинополе [139]. Но этими военными мероприятиями цели ее не ограничивались. Было решено, как и в войну 1768—1774 гг., только на еще более широкой основе, поднять против Турции общее восстание угнетенных ею народов Греции, Далмации, Черногории, Албании [140].

Экспедицию в Средиземноморье сорвали неожиданное нападение подстрекаемой Англией и Пруссией Швеции на Россию и враждебная позиция Англии (правительство У. Питта фактически сделало невозможным остановку русских кораблей на их пути в Средиземноморье в английских портах). Все же частично цели экспедиции осуществились: представители России распространили на Балканах манифесты, призывавшие к восстанию против турецкого владычества [141]. Греки и албанцы-христиане по призыву России восстали против Турции. Греческие моряки, среди которых особенно отличался своей отвагой и талантом Ламброс Кацонис, действовали на Средиземном море против турецкого флота.

В войну 1787—1791 гг. вопрос о каких-либо территориальных приобретениях на Средиземном море не поднимался даже при предварительном обсуждении проекта мирного договора с Турцией в самых узких правительственных кругах — тогдашняя международная обстановка не позволяла и думать об этом.

Хотя планы экспансии в Средиземноморье в войну 1787—1791 гг. не играли существенной роли в политике России, тем не менее в этот период в истории средиземноморской проблемы произошел сдвиг: вступили в новый этап противоречия держав в восточном вопросе, выявились новые явления — ослабление Франции и активизация Англии.

[139] Рескрипт адмиралу С. К. Грейгу 5 (16) июня 1788 г. А. Н. Петров. Вторая турецкая война в царствование императрицы Екатерины II. СПб., 1880, т. 1. Приложения, стр. 19—27.

[140] Инструкция генерал-поручику Заборовскому при отправлении его в Средиземное море в 1788 г. «Русский архив», 1866, стлб. 1373—1394.

[141] Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврического. 1774—1788. Сборник военно-исторических материалов под ред. Н. Ф. Дубровина, т. VI. СПб., 1893, стр. 212—214; Р. Скаловский. Жизнь адмирала Ф. Ф. Ушакова, ч. 1. СПб., 1856, стр. 79—81.

Позиция первой из них в 80-х годах не отличалась особенной последовательностью. Вследствие обострения отношений с Англией Франция пыталась сблизиться с Россией. В первую очередь Франции при этом нужно было открыть себе дорогу к черноморской торговле, к которой французский торговый капитал в конце XVIII — начале XIX в. проявлял особый интерес. В 1787 г. появилась книга М. Пейсонеля, пропагандировавшая выгоды, которые принесет Франции торговля с Россией через черноморские порты [142]. В 1805 г. вышла посвященная той же теме неоднократно упоминавшаяся нами книга Антуана. За развитие черноморской торговли с Россией — источника зерна и материалов для кораблестроения — горячо ратовал Ф. Божур (1800 г.) [143]. Франция надеялась одновременно, завладев черноморской торговлей, противопоставить ее английской торговле с Россией через балтийские порты.

Существенное значение для Франции имели и соображения международного порядка: идя в 80-х годах на сближение с Россией, она рассчитывала предотвратить тем самым заключение русско-английского союза. Все более слабевшая феодально-монархическая Франция пыталась соединить несоединимое и поставить на службу своим интересам одновременно и Турцию и Россию. Французская политика в восточных делах представляла собой в 80-х годах ряд непрерывных колебаний. Присоединение Крыма вызвало в русско-французских отношениях новый кризис. Но вслед за тем французское правительство снова начало делать шаги к сближению с Россией. В январе 1787 г. был заключен русско-французский торговый договор — крупное достижение французской дипломатии. Однако во время войны 1787—1791 гг. враждебная России позиция Франции стала совершенно ясной. Группа французских военных инженеров и конструкторов развернула энергичную деятельность, укрепляя турецкие крепости и обучая турецкие войска [144]. Двойственную политику вел и французский посланник в Константинополе Шуазель-Гуффье.

В общем все же Франция во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. большой роли не играла. Причинами

[142] M. Peyssonnel. Traité sur le commerce de la mer Noire, t. 1—2. Paris, 1787.

[143] F. Beaujour. Op. cit., vol. II, p. 262—264.

[144] P. Masson. Op. cit., p. 275; L. Pingaud. Choiseul-Gouffier. La France en Orient sous Louis XVI. Paris, 1887, p. 98—102.

тому были экономический кризис 80-х годов, падение ее международного престижа после капитуляции перед Англией и Пруссией во время интервенции последних в Голландию в 1787 г. и основное — начавшаяся в 1789 г. революция, которая заставила Париж на время отказаться от активной внешней политики.

Иначе обстояло дело с Англией. Во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и активность ее в Константинополе и влияние ее на Турцию получили характер, какого они до этого отнюдь не имели. Вместе с тем в эти годы произошел резкий перелом и в русско-английских отношениях [145].

2

В истории отношений России и Англии конца XVIII—начала XIX в. красной нитью проходит борьба двух противоречивых тенденций, обусловивших резкую смену периодов вражды и дружбы, военных конфликтов и военного сотрудничества, притяжения и отталкивания. В 1790—1791, в 1800—1801, в 1807—1812 гг. Россия и Англия оказывались то на грани военного столкновения, то в состоянии войны. Вслед за этим, однако, неизбежно наступала новая фаза, и узы военного сотрудничества вновь связывали обе державы. При этом весьма характерно, что даже в период открытого конфликта некоторые политические и экономические круги обеих стран не скрывали своих симпатий к другой стороне и энергично добивались скорейшего примирения.

Как в английской, так и в русской дворянско-буржуазной литературе эти сложные и во многом противоречивые исторические явления не получили необходимого анализа. Причина этого заключается в том, что по мере нарастания в XIX в. соперничества России и Англии буржуазная историческая литература в обеих странах становилась все более тенденциозной. Английская буржуазная историография, проникнутая враждебным России духом, сосредоточила свое внимание на соперничестве обеих держав в Европе и Азии, обходя явственно выраженную тенденцию английской внешней политики и английского обществен-

[145] А. М. Станиславская. Россия и Англия в годы второй турецкой войны. 1787—1791. «Вопросы истории», 1948, № 11, стр. 26—49.

ного мнения второй половины XVIII — начала XIX в. к дружественным отношениям с Россией. Русская дворянско-буржуазная историография также лишь поверхностно коснулась вопроса о проанглийской позиции русских дворянских кругов во время военных конфликтов 1800—1801 и 1807—1812 гг. История международных отношений конца XVIII — начала XIX в. получила, таким образом, упрощенное, однобокое освещение.

Во второй половине XVIII в. стала своего рода традицией та историческая тенденция, которая толкала Россию и Англию к сближению и сотрудничеству.

К 60—70-м годам XVIII в. прочно укоренилось представление о России и Англии как о «естественных союзниках». Для большинства английских политических деятелей того времени это казалось чем-то само собой разумеющимся. Крупнейший из них — У. Питт Старший — открыто подчеркивал свои русофильские симпатии. Английская дипломатическая переписка и английская печать, когда им случалось затрагивать вопрос о русско-английских отношениях, также исходили из представления о России и Англии как об «естественных союзниках».

В свою очередь в России среди правительственных кругов и дворянской верхушки были широко распространены проанглийские настроения. В 60—70-х годах Н. И. Панин строил свою внешнеполитическую систему исходя из того, что Англия окажет поддержку русской дипломатии. Планы Екатерины II на Ближнем Востоке также в значительной степени имели предпосылкой уверенность императрицы в благожелательном отношении к ним со стороны Англии. Хотя в последнем Екатерине II пришлось горько разочароваться, она до конца своих дней считала, что любой конфликт с Англией — лишь результат случайных и преходящих недоразумений, дружественные же отношения между ними имеют корни во все той же «естественной» природе вещей. Наконец, виднейшие русские сановники и в первую очередь влиятельные А. Р. и С. Р. Воронцовы всеми доступными им средствами добивались прочного союза с Англией.

Эти тенденции во внешней политике обеих стран объясняются прежде всего причинами чисто экономическими. Англия в середине XVIII в. вступила в стадию крупной машинной индустрии, совершила переход от мануфактуры к фабрике и быстро превращалась в передовую промышленную страну [146]. Население ее к началу XIX в. составляло уже около 15 млн. человек [147]. Быстро развивалась английская торговля. Общий товарооборот Англии вырос с 1750 по 1800 г. почти в три раза [148]. Экспорт Великобритании в 1783 г. составлял 12 613 тыс. ф., а в 1800 г. уже 34 382 тыс. ф. [149].

Во второй половине XVIII в. Англия стала крупнейшей колониальной державой. Главным объектом английской колониальной агрессии была Индия [150], где ею к началу XIX в. были захвачены Бенгалия, значительная часть Майсура и Ауда. В ходе наполеоновских войн Англия захватила ряд колоний Франции и ее союзников — Мартиник, Табаго, Тринидад, Цейлон, Кейптаун и др. (некоторые из них ей пришлось в конце концов вернуть их старым хозяевам, но пока что английская буржуазия успела развернуть широкий колониальный грабеж).

Нищета и угнетение трудящихся классов Англии усилились в результате тех экономических трудностей, которые принесла война с Францией. В 90-х годах в Англии развернулось широкое демократическое движение, подавленное правительственным террором.

Русско-английская торговля складывалась к выгоде Англии, что в значительной степени объясняется более высоким уровнем социально-экономического развития последней. В XVIII в. эта торговля получила широкий размах [151]. Ряд торговых договоров (1734, 1766, 1797) обеспечил интересы английского купечества (особенно выгоден был для англичан договор 1734 г.) [152].

[146] П. Мантy. Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М., 1937.

[147] Там же, стр. 295. См. также J. Oddy. Op. cit., p. 493; Clarke. Coup d'oeil sur la force et l'opulence de la Grande-Bretagne. Paris, An X (1802), p. 257; J. Mac Arthur. Financial and Political Facts of the Eighteenth and Present Century. London, 1803, p. 219.

[148] J. Mac Arthur. Op. cit., p. 274—276.

[149] L. Levi. History of British Commerce and of the Economic Progress of the British Nation. 1763—1870. London, 1872, p. 491.

[150] К. Антонова. Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958.

[151] Этому вопросу посвящена кандидатская диссертация В. Г. Сарычева (Русско-английские экономические отношения в XVIII веке. М., 1954. Машинопись).

[152] См. П. А. Остроухов. Англо-русский торговый договор 1734 г. СПб., 1914; D. Reading. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven, 1938.

Формально баланс русско-английской торговли складывался в пользу России.

Русско-английская торговля имела огромное значение для обеих стран. Англия получала от России абсолютно необходимые для ее промышленности и в особенности для

Таблица 10

Англо-русская торговля в конце XVIII — начале XIX в. (в тыс. ф.) [153]

Год	Вывоз в Англию из России	Ввоз из Англии в Россию	Баланс
1790	1710	434	1276
1800	2382	1025	1357
1801	2247	920	1327
1802	2182	1376	1806
1803	1904	1339	565

ее кораблестроения товары (мачтовый лес, пенька, парусина, канаты) [154]. Русское железо долгое время было основным источником удовлетворения потребностей английской промышленности. В течение нескольких десятилетий Россия занимала первое место в английском импорте. В 1800 г. доля ее в европейском импорте Англии составляла 22,8%, в 1799 г. в импорте льна доля ее была равна 82%, пеньки 99%, мачт 76% [155].

Но и для России английский рынок был чрезвычайно важен. В 1802—1806 гг. в Англию ежегодно шло: льна 91% общего количества, вывозившегося Россией, сала — 77%, железа — 71%, фламского полотна — 43% [156]. Меньшую роль играли в XVIII в. в русской экономике английские товары.

[153] J. Oddy. Op. cit., p. 207—208.

[154] В. Г. Сарычев. Русские кораблестроительные материалы в экономике Англии XVIII века. «Сборник научных работ Ленинградского института советской торговли им. Ф. Энгельса», 1958, вып. 14, стр. 102—123; его же. Роль русского металла в экономике Англии XVIII века. Там же, 1955, вып. 8, стр. 120—134.

[155] В. Г. Сарычев. Русско-английские экономические отношения в XVIII веке, стр. 356, 352, 348.

[156] С. А. Покровский. Указ. соч., стр. 168

Однако на рубеже XIX в. положение изменилось, и английский экспорт в Россию значительно увеличился [157]. Россия ввозила из Англии ткани шерстяные (составлявшие в 1798—1799 гг. более половины всего импорта) и хлопчатобумажные, стальные изделия [158].

Однако, несмотря на активный для России баланс, в русско-английской торговле господствовали англичане. Вывоз русских товаров совершался в значительной степени английскими купцами и на английских судах. В балтийской торговле у англичан была своего рода монополия. С 1734 по 1786 г. две трети всего вывоза из петербургского порта шли через руки англичан [159]. В 1795 г. в общем обороте петербургского порта англичане имели 45% [160]. Доля участия английских купцов в русском импорте через петербургский порт составляла в 1794—1800 гг. 29%, в экспорте — 64% [161]. В первые годы XIX в. положение в общем не изменилось, как свидетельствуют данные статистики того времени [162].

Господство англичан в русском экспорте объяснялось слабым развитием русского торгового флота.

В балтийской торговле доля англичан была особенно велика: в 1801—1806 гг. из Петербурга и Кронштадта в среднем ежегодно выходило 987 торговых судов, из которых 500 было английских (51,2%) и только 28 русских (2,9%) [163].

[157] См. таблицу 10.

[158] См. об английском экспорте в Россию J. Oddy. Op. cit., p. 207—208.

[159] D. Gerhard. England und der Aufstieg Russlands. München und Berlin, 1933, S. 78.

[160] W. Ch. Friebe. Op. cit., Bd. II. Gotha und St. Petersbourg, 1797, S. 185, Tab. I.

[161] Ф. Г. Вирст. Рассуждения о некоторых предметах законодательства и управления финансами и коммерцией Российской империи, т. II. СПб., 1807, табл. 20.

[162] См. материалы Ф. Г. Вирста (указ. соч.) об участии русских и английских купцов в торговле через петербургский порт. См. также Е. Зябловский. Статистическое описание Российской империи в нынешнем ее состоянии, кн. 2, ч. V. СПб., 1808, стр. 98 и J. Oddy. Op. cit., p. 117, 132.

[163] Ф. Г. Вирст. Указ. соч., табл. 28. Данные Дж. Одди за 1801—1804 гг. очень близки к данным Вирста (J. Oddy. Op. cit., p. 121—122, 133). По подсчету В. И. Покровского, в 1802 г. доля английских судов, приходящих в русские порты, составляла 25,8%, русских — 7,2% (В. И. Покровский. Указ. соч., т. I, стр. XXXV).

Таковы были экономические причины, толкавшие Россию и Англию к сближению. Наряду с ними существовали и веские, с точки зрения тогдашних дипломатов, международные соображения, также приводившие к этому. Основную роль играло общее стремление России и Англии к

Таблица 11

Участие русских и английских судов в русском вывозе в начале XIX в. [164]

Год	Всего пришло судов в русские порты	В том числе			
		русских судов		английских судов	
		всего	%	всего	%
1797	3517	408	11,6	1014	28,8
1802	3730	269	7,2	917	24,6
1806	4414	468	10,6	1194	27,06

ослаблению и изоляции Франции. Разумеется, в большей степени этого добивалась Англия, для которой Франция была главным соперником в борьбе за мировую торговую, морскую и колониальную гегемонию. Однако и для России Франция была опасным противником в Польше, Швеции, на Ближнем Востоке, где Россия неоднократно наталкивалась на враждебную деятельность французской дипломатии. Для Англии же любой противник Франции был желанным союзником.

Все же наряду с указанными экономическими и политическими факторами, лежавшими в основе широко распространенных и ставших в середине XVIII в. традиционными представлений о России и Англии как о «естественных союзниках», существовали и другие процессы, в 60—80-х годах неясные еще для современников.

К концу XVIII в. в отношениях России и Англии все резче стала выступать вторая тенденция, противопоставлявшая их друг другу.

Одной из причин этого было стремление России (при всей ее заинтересованности в торговле с Англией) освободить русский морской экспорт от зависимости, в которой держал ее английский торговый капитал.

[164] Для расчета за 1797 г. использованы материалы: H. Storch. Supplementband..., tab. VII, S. 37; за 1802 и 1806 гг.— данные «Государственной торговли в разных ее видах».

Засилье английского торгового капитала во внешней торговле России привело к естественной реакции. В русских кругах понимали необходимость борьбы с английской торговой монополией. М. М. Щербатов в записке, поданной им в 1774 г. в Комиссию о коммерции, указывал, что благодаря предоставлению англичанам таможенной льготы перед другими иностранными купцами «коммерция российская передается яко в монополию одному сему народу... Англичане, быв наиболее в сем случае фаворизированы, привлекают к себе все комиссии и чрез самое сие отгоняют совместничество (т. е. конкуренцию.— *А. С.*), толь нужное в торговле, и учиняются самовластные попечители» [165].

Очень яркий очерк отрицательного действия английской экспортной монополии на русскую экономику дал Г. Шторх. Благодаря своему господству на морях, географическому положению и ухищрениям своей торговой политики, говорит Шторх, Англия сумела завладеть посреднической торговлей между Россией и южноевропейскими странами; вывоз русского железа, парусины и льна целиком попал в руки англичан. Англичанам помогало наличие у них крупных капиталов: английские купцы открывали своим русским поставщикам широкий кредит, давали им крупные задатки. Английские торговые конторы в России были связаны с лондонскими фирмами, финансировавшими их. Своих конкурентов — французов — англичане умело устраняли [166]. Жалобы на захват английскими купцами посреднической торговли и на их бесцеремонные методы торговли слышались довольно часто [167].

Интересно мнение об иностранном засилье в русской внешней торговле В. Попугаева, видного русского просветителя начала XIX в. Попугаев, стоявший за сосредоточение усилий и внимания на развитии промышленности и внутренней торговли, полагал, что торговля внешняя «долженствует быть большею частью в руках других коммерческих народов», но вместе с тем решительно возражал против монополизирования внешней торговли России

[165] К. Лодыженский. История русского таможенного тарифа. Приложения. СПб., 1886, стр. 30.

[166] H. Storch. Hist.-stat. Gemälde..., t. V. Leipzig, 1802, S. 228—236.

[167] В. Г. Сарычев. Русско-английские экономические отношения..., стр. 303, 315.

купечеством какого-либо одного государства (т. е., очевидно, Англии) [168].

Русское правительство в своей торговой политике пыталось стимулировать независимость внешней торговли. Во время переговоров с Англией в 1766 г. о заключении торгового договора отчетливо выявились, с одной стороны, стремление России к независимости от английского торгового капитала, с другой,— стремление англичан сохранить свою монополию на русском рынке и в русском экспорте. Англия отказывалась принять требование России о включении в торговый договор статьи, гласившей, что «Россия по примеру великобританского акта о мореплавании сохраняет за собой право принимать внутри государства все меры, которые окажутся полезными для поощрения и развития российского мореплавания» [169]. Английское правительство заявило, что упомянутые в проекте этой статьи меры могут нанести ущерб торговле английских купцов в России, т. е. поколебать их монопольное положение [170]. В конце концов после долгих прений англичанам пришлось уступить. Однако эта формальная декларация равноправия русской торговли не изменила действительного соотношения сил: реальное преимущество оставалось на стороне английского торгового капитала.

Важным шагом в развитии русского торгового мореплавания был первый морской вооруженный нейтралитет 1780 г., в такой же степени сближавший Россию с европейскими державами, в какой он оттолкнул последних от Англии. За вооруженным нейтралитетом в начале 80-х годов последовал ряд торговых договоров России с европейскими державами [171]. Вооруженный нейтралитет охранял русские торговые суда от разбойничьих нападений английских кораблей.

Русское правительство старалось преодолеть недостаточное развитие русского торгового флота [172].

---

[168] [В. Попугаев.] О благодействии народных обществ. СПб., 1807, стр. 76—77.

[169] Н. Д. Чечулин. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762—1774. СПб., 1896, стр. 154.

[170] Там же, стр. 154. См. также В. Уляницкий. Указ. соч., стр. 210—213.

[171] H. Storch. Hist.-stat. Gemälde..., t. VI, S. 38—49.

[172] А. Семенов. Указ. соч., ч. II, стр. 48—51; [М. В. Позднеер.] Указ. соч., стр. 96—102, 136—139.

Стремление России к экономической самостоятельности на международном рынке, попытки русского правительства создать собственное торговое мореплавание воспринимались в Лондоне как недружелюбные мероприятия. В 80-х годах в связи с этим появились явственные признаки начавшихся трений. В 1787 г. истек срок русско-английского торгового договора. Переговоры о возобновлении его в 1787 г. кончились неудачей, и в английских экономических и политических кругах стали раздаваться жалобы на то, что русская экономическая политика имеет антианглийскую направленность.

Ярким примером этого была неоднократно упоминавшаяся нами работа английского экономиста начала XIX в. Дж. Одди (1805 г.). Одди с большим озлоблением говорил о первом и втором вооруженном нейтралитете и пытался доказать, что Россия никогда не сможет вести самостоятельную внешнюю торговлю без английских кредитов и английского торгового флота [173]. В том же духе высказывался и У. Итон (английский дипломат, автор известной работы о Турции) [174].

В английских кругах сознавали, что Россия в качестве единственного поставщика жизненно необходимых для Англии товаров и в особенности кораблестроительных материалов держит ее в известной зависимости. Видный историк русско-английских отношений в конце XVIII в. Д. Герхард, автор книги «Англия и возвышение России в XVIII веке», считал даже, что целью антирусской политики У. Питта в конце 80-х — начале 90-х годов было желание освободиться от этой зависимости и заменить Россию в качестве поставщика кораблестроительных материалов Польшей. Это, несомненно, является преувеличением: антирусская политика Питта определялась в первую очередь международными, а не торговыми интересами Англии. К тому же зависимость от России, как от поставщика, более чем искупалась огромными барышами, извлекавшимися англичанами из русской торговли. Верно, однако, что английские экономисты и политические деятели подумывали о необходимости иметь для своего кораблестроения не только русские, но и какие-либо иные ресурсы. Очень ярко и выпукло эта задача сформулирована в книге Одди.

---

[173] J. Odd'y. Op. cit., p. 50—51, 203, 209—210, 459.

[174] W. Eton. Op. cit., p. 427.

Одди — убежденный сторонник экономической автаркии, основной его лозунг: Англия должна сама производить нужные ей товары (пеньку, лен, железо, лес, сало) [175].

К началу XIX в. внешняя торговля России стала менее зависима от англичан. Ранее англичане кредитовали русских купцов, закупавших товары для экспорта, теперь же они делали эти закупки на собственные деньги, что давало им возможность диктовать англичанам свои условия и повышать цены [176]. Дж. Одди с горечью говорит об ослаблении зависимости русских купцов от их «старых благодетелей» [177]. Постепенно (хотя и крайне медленно) рос русский торговый флот. Число русских торговых кораблей, прошедших через Зунд, выросло с 28 в 1772 г. до 84 в 1801 г. и 399 в 1816 г. [178] Число дальних рейсов, за которые были выплачены установленные в 1800 г. навигационные премии, увеличилось с одного в 1802 г. до 29 в 1808 г. [179]

Наряду с противоречиями экономическими постепенно нарастали и противоречия политические. Важнейшим из них было зарождавшееся соперничество России и Англии на Ближнем Востоке.

Было бы большой ошибкой преувеличивать остроту этого соперничества и переносить на XVIII в. расстановку международных сил, сложившуюся значительно позднее. Экономические интересы Англии на Ближнем Востоке были, как уже сказано, в этот период невелики.

Английская политика на Ближнем Востоке в 60—70-х годах XVIII в. не имела активного характера. Основной целью ее до второй половины 80-х годов оставалось стремление подавить или хотя бы ограничить царившее в Константинополе влияние Франции. В борьбе России против Турции руководящие английские политические деятели готовы были видеть — до определенного момента — атаку на опорные пункты своей главной соперницы.

Эта тенденция ближневосточной политики Англии нашла выражение во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. и во время присоединения Крыма к России в

[175] J. Oddy. Op. cit., p. 52—53, 210, 454—459, 463, 486, 489.
[176] Ср. H. Storch. Hist.-stat. Gemälde..., t. VIII. Leipzig, 1803, S. 258, 265—267.
[177] J. Oddy. Op. cit., p. 201—203.
[178] Г. Небольсин. Статистические записки, т. II. СПб., 1835, стр. 104.
[179] [М. В. Позднер.] Указ. соч., стр. 152.

1783 г., когда Англия оказала частичную поддержку России.

Однако поддержка эта была ограниченной и временной. Английская дипломатия хотела ослабления позиций Франции на Ближнем Востоке, но отнюдь не замены ее влияния влиянием России. Укрепление России на Черном море английское правительство рассматривало как первый шаг к проникновению ее на Средиземное море. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Англия возражала против выставленных Россией требований независимости Крыма, Молдавии и Валахии, против передачи ей острова в Архипелаге и предоставления русскому торговому флоту права на свободный проход через Дарданеллы [180]. Испуганные успехами русского флота в Архипелаге, английские власти отозвали служивших в нем офицеров-англичан.

Позиция Англии на Ближнем Востоке в 60-х — первой половине 80-х годов XVIII в. была, таким образом, двойственной и отражала борьбу двух противоречивых тенденций политики Англии по отношению к России.

В конце 80-х годов в русско-английских отношениях наступил острый кризис. Предвестником его было выступление России 28 февраля 1780 г. с направленной против Англии декларацией о вооруженном морском нейтралитете. В русско-английских отношениях после этого появилась трещина. К тому же после фактического удаления с международной арены предреволюционной Франции, охваченной острым внутренним кризисом, политика Англии на Ближнем Востоке изменилась. Теперь она сама стремилась к преобладанию в Константинополе.

В новой войне между Россией и Турцией в 1787—1791 гг. Англия заняла резко враждебную России позицию. Английская дипломатия (в сотрудничестве с прусской) подстрекала Турцию к объявлению войны. В 1788 г. Англия заключила направленный против России тройственный союз с Пруссией и Голландией; толкнула на войну с ней Швецию; вместе с Пруссией на время подорвала русское влияние в Польше; способствовала затяжке давно уже проигранной Турцией войны. Англия потребовала от России заключения мира с Турцией на основе довоенного статус-кво и возвращения последней занятого русскими войсками Очакова.

[180] В. Уляницкий. Указ. соч., стр. 291—295.

После решительного отказа Екатерины У. Питт, решив развязать войну, начал в 1790—1791 гг. широкую дипломатическую кампанию и пытался организовать против России коалицию Австрии, Польши, Дании и Швеции. В марте 1791 г. У. Питт обратился к парламенту с сообщением о намерении начать вооружение английского флота и с просьбой о военных кредитах. Россия, по замыслу Питта, должна была в десятидневный срок дать согласие на англо-прусский ультиматум об отказе от Очакова и области между Бугом и Днестром. Война казалась в этот момент неизбежной[181]. Однако планы Питта сорвало решительное выступление против войны торгово-промышленных кругов самой Англии, ведущих выгодную торговлю с Россией. По всей стране шли митинги против войны, широкое распространение получили дружественные России брошюры, в парламенте виги обрушились с градом упреков на антирусскую политику торийского правительства. Питт вынужден был уступить и отказаться от войны. Вслед за тем Россия заключила Ясский мир с Турцией (1792 г.), по которому получила Очаков и область между Бугом и Днестром. Тройственный союз потерял влияние на европейские дела.

Развернувшаяся в кризисные дни вооружения против России (Russian Armament) борьба двух противоречивых тенденций в русско-английских отношениях закончилась на этот раз полной и убедительной победой тех кругов, которые стояли за сотрудничество России и Англии.

* * *

Решение вопроса о том, кому будет принадлежать господствующее влияние в Восточном Средиземноморье, было связано с расстановкой сил в центральном районе Средиземного моря. Через порты Южной Италии, островов Мальты и Сицилии шли на Ближний Восток важнейшие торговые пути и стратегические коммуникации. Обладание ими создавало возможность давления или даже прямой атаки на Османскую империю.

[181] О военной тревоге весны 1791 г. (Russian Armament по наименованию английской историографии) см. А. М. Станиславская. Англо-русские отношения в конце XVIII века. «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», 1956, № 12, стр. 104—120.

Как правильно отмечает видный итальянский историк-марксист Дж. Берти, политика России в Италии была непосредственно связана с ее восточно-средиземноморской политикой. В период русско-турецкой войны 1768—1774 гг. внимание России к Италии, а вместе с тем и к Мальте заметно возрастает[182]. В 1778 г. были установлены дипломатические отношения с Неаполитанским королевством, положившие начало последующей дружбе обеих стран. Неаполь в 1780 г. присоединился к провозглашенному Россией вооруженному нейтралитету и в своей внешней политике ориентировался на сотрудничество с Россией[183]. В 1787 г. торговый договор укрепил русско-неаполитанские экономические связи.

К исходу первой половины 80-х годов XVIII в. Россия установила дипломатические отношения и с другими крупными итальянскими государствами (Пьемонтом, Венецией, Генуей, Тосканой) и занимала видное место в их политике[184].

Менее удачными были попытки России завязать связи с орденом св. Иоанна Иерусалимского, владевшим Мальтой. Предложение России в 1768—1769 гг. о заключении союза против Турции были орденом отвергнуты[185], в чем определенную роль сыграл враждебный России Ватикан.

* * *

К середине 90-х годов XVIII в. расстановка сил на международной арене и положение в Восточном Средиземноморье были чрезвычайно благоприятны для России. Еще ранее такие важные международные акты, как Кючук-Кайнарджийский мир (1774), гарантия Тешенского мирного договора Австрии и Пруссии (1779), вооруженный нейтралитет (1780), очень укрепили ее позиции. После же заключения Ясского мира и краха Тройственного союза Россия была близка к тому, чтобы стать первенствующей европейской державой. По существу у нее в этот момент не было сильных соперников (что не означает, конечно, что у нее не имелось врагов). В 90-х годах позиция России в тех или иных вопросах европейской политики зачастую играла решающую роль.

[182] Дж. Берти. Указ. соч., стр. 63—67.
[183] Там же, стр. 73, 108, 113—115.
[184] Там же, стр. 83.
[185] Там же, стр. 167.

Средиземноморская политика России складывалась при сравнительно благоприятных условиях. Англия и Франция были в то время до известной степени отвлечены от Восточного Средиземноморья; ареной их соперничества в основном являлись другие зоны.

В 1787—1791 гг. восточная политика Англии резко активизировалась и получила антирусскую направленность, но так как кончилась она полным провалом, то непосредственные следствия этого были невелики. Франция в конце 80-х — первые годы 90-х годов была скована начавшейся революцией.

Большую роль сыграло и то обстоятельство, что Россия не принимала участия ни в войне Англии против Франции, Испании и Голландии, ни в войне первой коалиции против Франции. Это дало ей возможность сосредоточить свое внимание на делах Ближнего Востока и Польши.

Наконец, те преимущества, которые давал Англии и Франции их более высокий уровень экономического и социально-политического развития, сказались в ближневосточных делах далеко не сразу.

В последние годы XVIII — начале XIX в. обстановка на Ближнем Востоке резко изменилась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Основные направления политики России в Восточном Средиземноморье в годы второй коалиции (1798—1800)

1

После Ясского мира русско-турецкие отношения приняли ровный и спокойный характер. Англия, так решительно выступившая против России в 1787—1791 гг., теперь держалась на Ближнем Востоке пассивно: все ее силы были устремлены на борьбу против Франции; к этой борьбе она жаждала привлечь Россию. По союзному договору 7(18) февраля 1795 г. Англия обязалась оказать содействие России в случае оборонительной войны с Турцией [1]. Второй и третий разделы Польши, подготовка коалиции против Франции, война с Ираном занимали в 1792—1796 гг. царское правительство. Урегулирование отношений с Турцией стало для России необходимостью. Екатерина II желала «отдалить всякий повод к разрыву с турками» [2]. Посольство М. И. Кутузова в Константинополе в 1793—1794 гг. и дипломатическая деятельность посла В. П. Кочубея в 1793—1798 гг. служили в первую очередь этой цели. Правительственные инструкции предписывали Кочубею держаться умеренной и осторожной тактики и прежде всего сохранить мир с Турцией [3].

Турция в свою очередь лучшего не желала. Плачевный исход войны 1787—1791 гг. на время отбил у нее охоту к

---

[1] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. IX (X), стр. 382.

[2] Письмо гр. А. А. Безбородко 15(26) июля 1794 г. Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 302.

[3] Кочубей русскому посланнику в Лондоне гр. С. Р. Воронцову 18(29) января и 14(25) сентября 1794 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 75, 85.

реваншу. Предательство Англии и Пруссии, бросивших ее на произвол судьбы в 1791 г. после провала планов войны против России, вселило в нее глубокое и справедливое недоверие к великим державам. Решающую же роль в позиции Турции в 1792—1797 гг. играли внутренние дела — мир был нужен и для осуществления реформ, задуманных Селимом III и его приближенными, и для того, чтобы хоть как-то справляться с мятежными провинциальными пашами и с постоянными тяжелыми экономическими трудностями.

И все же, несмотря на взаимное стремление двух главных сторон к миру, стабилизации положения в Восточном Средиземноморье не последовало. Причиной этому были резкие изменения в соотношении сил и общем направлении политики великих держав и в первую очередь бурная активизация Франции в Средиземноморье во второй половине 90-х годов.

С началом революции дипломатические отношения между Францией и Турцией были фактически прерваны. В 1792 г. Турция отказалась принять французского представителя Семонвиля. Это не помешало Франции строить широкие планы возрождения своего экономического и дипломатического преобладания в Леванте [4].

В 1794—1795 гг. между непринятым Портой посланником Франции в Константинополе Декоршем и Кочубеем шла борьба вокруг вопроса о признании Турцией Французской республики, чему Кочубей, разумеется, всеми силами противился [5]. Однако в мае 1795 г. Порта возобновила дипломатические отношения с Францией. Это дало Директории возможность попытаться создать направленный против России военный союз Франции, Турции и Швеции [6]. Французский чрезвычайный посол Вернинак, сменивший Декорша, пытался запугать Турцию «русской угрозой» [7].

[4] О. Л. Вайнштейн. Французская буржуазная революция конца XVIII века и турецкий Восток. «Уч. зап. ЛГУ», серия исторических наук, вып. VI. Л., 1940, стр. 220—221.

[5] Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 42, 45—46, 48, 50, 53.

[6] А. Р. Иоаннисян. Присоединение Закавказья к России и международные отношения в начале XIX столетия. Ереван, 1958, стр. 5; E. de Marcère. Une ambassade à Constantinople. La politique orientale de la Révolution française, t. II. Paris, 1927.

[7] О борьбе Кочубея с Вернинаком см. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 99, 107, 113, 116 и I. de Testa. Recueil des traités de la Porte Ottomane avec les puissances étrangères..., t. 2. Paris, 1865, p. 222—243.

Директория выдвинула широкую программу вооружения Турции и надеялась использовать против России кавказских горцев (Вернинаку было предложено направить на Кавказ своих агентов) [8]. Для усиления военных средств Турции, в которой Директория видела будущего союзника, в Константинополь осенью 1796 г. была направлена военная миссия во главе с послом генералом Обером Дюбайе [9]. Последний стремился втянуть Турцию в войну против Австрии, причем в качестве приманки Директория обещала вернуть султану Крым [10]. К антирусскому блоку Франция пыталась привлечь также и Иран, куда были направлены французские агенты Оливье и Брюгьер [11].

Деятельность Директории в Средиземноморье и на Ближнем Востоке в 1795—1796 гг., направленная на завоевание восточных рынков для французской буржуазии, была подчинена продуманному плану и несла для России гораздо большие опасности, чем непоследовательная и упадочная дипломатия последних предреволюционных лет. Теперь России противостояла не слабеющая королевская Франция, а уже вступившая на путь завоевательных войн сильная и молодая французская буржуазная республика. Значение происходивших перемен было до известной степени понятно современникам этих событий. Умный и хорошо знакомый с обстановкой в Европе Кочубей отмечал, что «никогда монархическая Франция не уделяла этой стране (Турции.— *А. С.*) такого внимания, которое показывает ей при каждом случае французская республика» [12].

Однако до определенного момента Россия в своей средиземноморской политике ограничивалась дипломатическим противодействием наступлению Директории. Это было связано с тем, что Россия в 90-х годах XVIII в. далеко не сразу определила свое место в борьбе великих держав, свое отношение к двум основным претендентам на мировое господство.

В 60—80-х годах Россия, как сказано выше, в соперничестве Англии и Франции за мировую морскую и торговую монополию сохраняла в общем нейтралитет, который во

[8] E. de Marcère. Op. cit., t. II, p. 258.

[9] О миссии Дюбайе см. Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 69; т. 18, стр. 117—120, 125; I. de Testa. Op. cit., t. 2, p. 244—247, 252.

[10] E. de Marcère. Op. cit., t. II, p. 261.

[11] А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 9—34.

[12] Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 119.

многом способствовал успехам ее внешней политики. Серьезные изменения в позиции России произошли с началом французской революции. Правительство Екатерины II вело по отношению к революционной Франции враждебную политику. В 1795 г. был заключен союз Англии, Австрии и России, направленный против Франции. Все же Россия не приняла прямого участия в военных действиях первой коалиции.

В 1797 г. правительство Павла I сделало попытку урегулировать отношения с Францией [13]. Причиной тому было отнюдь не желание Павла I во всем и в том числе во внешней политике идти наперекор политике ненавистной ему матери, как это рисуют русские дворянско-буржуазные историки, а политический расчет: император хотел вернуться к традиционной, с таким успехом проводившейся в 60—80-х годах XVIII в. политике нейтралитета в англо-французском соперничестве [14]. Сразу же после своего вступления на престол Павел отказался от задуманной Екатериной II войны против Франции, прекратил все военные приготовления, отменил рекрутский набор. На пользу Франции и в ущерб Англии шли и некоторые другие его действия. Так, находившейся в Англии русской эскадре вице-адмирала Макарова Павел приказал вернуться в Россию [15]. Правда, когда русский посланник в Лондоне С. Р. Воронцов по собственной инициативе, склонившись на мольбы статс-секретаря по иностранным делам лорда Вильяма Виндхема Гренвиля, задержал возвращение эскадры в Россию, Павел это одобрил [16]. Но причина на сей раз была особая — эскадра Макарова понадобилась для подавления восстания в английском флоте, и в этом Павел своему английскому собрату, понятно, отказать не мог.

[13] Об общем направлении внешней политики Павла в этот период см.: Р. С. Ланин. Внешняя политика Павла I в 1796—1798 гг. «Уч. зап. ЛГУ», серия исторических наук, вып. 10, 1941, стр. 6—15. Мы несогласны, однако, с той преувеличенной оценкой целеустремленности и последовательности внешней политики Павла в этот период, которую дает Р. С. Ланин.

[14] О борьбе в русских правительственных кругах по вопросам мира и войны, нейтралитета и активной политики см. ниже.

[15] Павел I Макарову 5(16) апреля 1797 г. Архив кн. Воронцова, т. 28, стр. 167; ср. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. IX (X), стр. 414.

[16] Павел I С. Р. Воронцову 10(21) июля 1797 г. Архив кн. Воронцова, т. 28, стр. 169.

Известные антианглийские тенденции дали себя знать при заключении нового русско-английского торгового договора 30 апреля (11 мая) 1797 г. [17]

Директория приказала французскому посланнику в Берлине Кальяру начать при посредничестве Пруссии с русским посланником С. А. Колычевым переговоры о восстановлении отношений. Предложения Директории встретили в Петербурге благоприятный отклик. Павел надеялся на этой основе осуществить широкий план превращения России в посредницу между Францией, с одной стороны, Англией и Австрией — с другой. Русское правительство предполагало созвать конгресс воюющих держав для обсуждения условий будущего мира. После того как Австрия в свою очередь обратилась к России с просьбой о посредничестве, в Петербурге было решено приступить к осуществлению этого проекта. В Берлине переговоры с Кальяром начали гр. Н. П. Панин и кн. Н. В. Репнин. Условия, выдвинутые Россией в ходе начавшихся в Берлине переговоров с Францией, были, однако, довольно жесткими: в качестве крайнего предела уступок Франции Россия была готова согласиться на переход к ней Нидерландов, но решительно возражала против установления границы по Рейну. В Голландии предполагалось восстановить власть штатгальтера. Павел не возражал против того, чтобы Франция получила Пьемонт, но считал недопустимым дальнейшее усиление ее в Италии. Павел был готов на войну против Франции в том случае, если она откажется принять эти условия [18].

Курс на нейтральную позицию между Англией и Францией, с успехом проводившийся в предреволюционных международных условиях, в новой исторической обстановке оказался неудачным.

Победившая французская буржуазия показала в конце 90-х годов, что она может развить внешнеполитическую агрессию такой силы, на которую была неспособна монархическая Франция.

В результате молниеносной Итальянской кампании 1796 г. французы получили господство в Северной и

[17] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. IX (X), стр. 390—408.

[18] Павел I Н. В. Репнину 19(30) апреля 1797 г. Д. Милютин. История войны 1799 года между Россией и Францией в царствование императора Павла I, т. I—III. СПб., 1857, т. I, стр. 32—33; т. III, стр. 54—58.

Центральной Италии. Созданные Бонапартом новые итальянские государства — Транспаданская (Ломбардия), Цispаданская (Болонья, Модена, Феррара) и Лигурийская республики (Генуя) беспрекословно ему повиновались. В июне 1797 г. была создана Цизальпинская республика, объединившая первые два государства.

Европейские державы, казалось, были не в состоянии отразить наступление Франции. Пруссия после Базельского мира (1795) держалась пассивно и перестала быть опасной для Франции. Англия захватила ряд французских колоний, но, верная своей обычной тактике, отказывалась от участия в действиях на европейском театре войны. В июле 1797 г. Англия начала в Лилле мирные переговоры с Францией [19] (в английском кабинете в этот момент были разногласия: Питт стоял за мир, влиятельный Гренвиль — за продолжение войны). Австрия также вела переговоры с Францией в Леобене.

При подобных обстоятельствах выдвинутый Павлом план замирения при посредничестве России и на указанных выше условиях был для Франции невыгоден. Директория желала лишь заключения мира с Россией и расширения русско-французской торговли. Дальше этого она идти не хотела. Русское посредничество казалось ей опасной ловушкой. Для Павла же весь смысл задуманной им сложной дипломатической комбинации был именно в этом. К расширению французского экспорта в Россию он относился отрицательно (французские товары, говорил царь Панину, служат «к одной суетной и показательной только роскоши») [20]. В итоге Директория отвергла и предложенный ей Россией проект мирного договора и русское посредничество. В свою очередь контрпроект Директории, в котором шла речь лишь о торговых выгодах для Франции и возобновлении русско-французского торгового договора 1787 г., был неприемлем для России [21].

[19] А. Сорель. Европа и французская революция, т. V. СПб., 1906, стр. 177; A. W. Ward and G. P. Gooch. The Cambridge History of British Foreign Policy 1783—1919, vol. I, 1783—1815. Cambridge, 1939, p. 278 (далее A. W. Ward); E. D. Adams. The Influence of Grenville on Pitt's Foreign Policy. 1787—1798. Washington, 1904, p. 55—65.

[20] Павел I П. П. Панину 5(16) июля 1797 г. Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 58—59.

[21] О переговорах России и Франции в 1797 г. см. Сборник РИО, т. 70, стр. V—X, 634—642; А. Сорель. Указ. соч., т. V, стр. 133, 143—144, 178, 187; Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 52, 58—59; т. I, стр. 35—37; В. Тимирязев. Отношения между Россией и Францией сто лет тому назад. «Исторический вестник», 1897, кн. 12, декабрь, стр. 968—990; А. Трачевский. Россия и Франция в конце прошедшего века. 1794—1799 гг. «Вестник Европы», 1885, кн. 6, июнь, стр. 536—540; G. Grosjean. La France et la Russie pendant le Directoire. Paris, 1896, p. 47—48, 55—58, 61—63, 70, 77—78, 80—87.

Предварительный мирный договор Франции и Австрии в Леобене 7(18) апреля 1797 г. и мирный договор в Кампо-Формио 6(17) октября 1797 г. похоронили планы Павла о роли посредника и арбитра.

Так закончилась мертворожденная попытка царя. Сдержать наступление Франции средствами кабинетной дипломатии, как хотел Павел, было невозможно. Выжидательная тактика правительства Павла в 1796—1797 гг. до известной степени была наруку Директории и Бонапарту.

Сделанные по Кампо-Формийскому договору приобретения (Австрийские Нидерланды, левый берег Рейна, Ионические острова, контроль над новыми итальянскими республиками) ни в малейшей степени не насытили французскую буржуазию и лишь толкали ее на новые завоевания. Французское господство в Германии, полный контроль над Швейцарией и Италией, включая Венецию и Пьемонт, проникновение на Балканы (Котор и Ратуза), установление связей с Албанией, Северной Грецией, Боснией и Герцеговиной, обладание Мальтой и Египтом [22] — таковы были конкретные и первоочередные цели Бонапарта.

Наступление Франции развивалось поразительно быстрым темпом. В феврале 1798 г. Цизальпинская республика была открыто провозглашена ее вассалом. Папская область в феврале 1798 г. была занята французскими войсками и преобразована в Римскую республику. В апреле 1798 г. Директория заключила кабальный договор с Пьемонтом, оккупированным затем в конце того же года. Итальянские республики рабски повиновались Франции. В марте 1798 г. она фактически подчинила себе Швейцарию, ставшую вассальной Гельветической республикой, укрепила свой контроль над Батавской республикой.

Однако главный удар Франции был направлен на Средиземноморье и Ближний Восток. Французская буржуазия рвалась к восточным рынкам. От традиционной политики покровительства Турции Франция перешла к

[22] А. Сорель. Указ. соч., т. V, стр. 189, 232.

завоевательной политике на Ближнем Востоке и в Средиземноморье. Бонапарт и Директория обсуждали планы нападения на Османскую империю. Обладание Ионическими островами, писал Бонапарт Директории 5(16) августа 1797 г., даст Франции возможность либо сохранить Турецкую империю, если это окажется возможным, либо захватить часть ее [23]. Последнее отстаивал министр иностранных дел Директории Талейран [24].

Франция стремилась создать себе на Средиземном море опорные пункты. Еще в 1796 г. Директория приняла решение о завоевании Египта [25]. Талейран в 1797—1798 гг. ратовал за проникновение в Албанию, Грецию, Македонию, за захват островов Кандии (Крита) и Лемноса [26].

В 1797—1798 гг. Франция приступила к осуществлению своей средиземноморской программы. В июне 1797 г. она завладела Ионическими островами и полосой побережья Ионического моря с городами Паргой, Превезой, Вонпцей и Бутринто (договор в Кампо-Формио в октябре 1797 г. лишь оформил фактическое положение) [27]. 8(19) мая 1798 г. французский флот вышел из Тулона и Генуи, направляясь к Египту. На пути Бонапарт в июне 1798 г. захватил о. Мальту. Совершив 20 июня (1 июля) высадку в Египте, французская армия заняла Александрию и вслед за ней Каир и двинулась в Сирию. Победа Нельсона при Абукире 21 июля (1 августа) и уничтожение французского флота осложнили положение французов. Наступление французской армии было остановлено под крепостью Акка (Акра).

Франция добилась в 1798 г. больших успехов на пути к господству в Восточном Средиземноморье. «Если французы господствуют в итальянских портах, на Корфу, Мальте и в Александрии, Средиземноморье становится французским озером»,— говорил впоследствии на острове Св. Елены Наполеон [28].

Захват французами Мальты, Ионических островов и ряда пунктов на Ионическом побережье резко изменил отношение России к Франции. В русских правительственных кругах царила тревога: Франция могла теперь сосредоточить свои силы в непосредственной близости от центров Оттоманской империи. Возможности французского давления на Порту, использования Турции против России (а, как мы помним, именно на это была направлена восточная политика Директории в 1795—1796 гг.) колоссально возросли. Руководители внешней политики России с испугом твердили, что теперь Франция имеет «удобность владычествовать над Портою и ею нам наносить вред при всяком случае», что Турция, «обольщенная или устрашенная французами», может начать войну против России, что «Франция уступкой Венецианских берегов (т. е. побережья Ионического моря.— *А. С.*) получает вящую удобность распоряжать турками и их подкреплять» [29].

Внушала страх и возможность революционизирования Балкан: французы, «без сомнения, постараются возмутить греков и албанцев и распространить зверские свои правила и в Турции, и если к несчастью в том предуспеют и Порта, не усмотрев угрожаемую ей гибель, им в том не воспрепятствует, то можно легко заключить о пагубных следствиях ко вреду и нашему из того произойти могущих»,— говорил вице-канцлер кн. А. Б. Куракин [30].

В Петербурге знали, что французский флот концентрируется в Средиземноморских портах и готовится к крупной экспедиции. Однако цель этой экспедиции, даже после того как французский флот двинулся в путь, была покрыта глубокой тайной. В русских кругах опасались, что цель эта — русское Причерноморье. «Я уверен, что они (французы.— *А. С.*) готовят экспедицию на Черное море, дабы заставить турков... соединенно противу нас действо-

---

[23] Correspondance de Napoléon I, t. I—XXXII. Paris, 1858—1870; t. III, № 2103, p. 311.

[24] E. de Marcère. Op. cit., t. II, p. 348—349, 355, 357.

[25] Ibid., p. 354.

[26] Ibid., p. 355—356; M. Herbette. Une ambassade turque sous le Directoire. Paris, 1902; p. 213—214.

[27] До мира в Кампо-Формио Ионические острова и указанные города принадлежали Венецианской республике. Франция и Австрия разделили венецианские владения в Адриатике, Ионическом бассейне и на западных Балканах. Австрия при этом получила Венецию, Истрию, Далмацию и Которскую область (Бокка ди Каттаро).

[28] Цит. по работе: E. de Marcère. Op. cit., t. II, p. 356—357.

[29] Канцлер кн. А. А. Безбородко С. Р. Воронцову 2(13) декабря 1797 г. и 19(30) марта 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 380—382, 388.

[30] А. Б. Куракин Панину 14(25) ноября 1797 г. А. Брикнер Материалы для жизнеописания гр. Н. П. Панина (1770—1837). т. II. СПб., 1890, стр. 406.

вать...»,— говорил Безбородко [31]. Того же мнения был и Кочубей [32]. Даже в августе 1798 г., уже после высадки войск Бонапарта в Египте, русские (еще не получившие об этом известий) продолжали опасаться, что французы двинутся к турецкой столице, «чтобы в ней произвесть революцию, пойти к Варне или далее к стороне канала (Босфора.— *А. С.*) и там высадить войско...» («...но, дай бог, до сего не доходить»,— с трепетом заклинал при этом Безбородко) [33].

Россия приняла ряд превентивных мероприятий. Вице-адмиралу гр. Н. С. Мордвинову, главе Черноморского адмиралтейского правления, было приказано «быть во всякой готовности во всех портах» на случай попытки французов прорваться в Черное море. То же было предписано и вице-адмиралу Ф. Ф. Ушакову, эскадра которого должна была крейсировать между Севастополем и Одессой. Войска, расположенные в южных губерниях, были переведены на военное положение [34].

Тревога России не улеглась и после того, как выяснилась действительная цель французской экспедиции. Завоевание Египта и Сирии, преобладание на Средиземном море и в Адриатике были лишь ближайшими целями Бонапарта. При благоприятных для Франции обстоятельствах следующим ее шагом могло явиться овладение Константинополем, проливами и Балканами. Образование Французской империи на Востоке, началу которому положили военные действия Бонапарта на Средиземноморье, в Египте и Сирии, не говоря уже о неизбежном в этом случае крахе планов дальнейшего укрепления русского влияния на Балканах и овладения проливами, создало бы непосредственную опасность для русского Причерноморья.

Это было тем опаснее, что Франция давно мечтала вытеснить Россию из Причерноморья. В кругах Директории

[31] Безбородко А. Р. Воронцову 26 мая (6 июня) 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 395.

[32] Кочубей С. Р. Воронцову 23 июня (4 июля) 1798 г. Там же, т. 18, стр. 141.

[33] Безбородко С. Р. Воронцову 15(26) августа 1798 г. Там же, т. 13, стр. 406.

[34] Рескрипты и указы Павла I Н. С. Мордвинову и Ф. Ф. Ушакову. Архив графов Мордвиновых, т. I. СПб., 1901, стр. 267—269; см. также Д. Милютин. Указ. соч., т. I, стр. 54—55; «Адмирал Ушаков». Под ред. Р. Н. Мордвинова, т. II. М., 1952, стр. 3—5, 7—8, 19, 21.

в 1795 г. поговаривали даже о разрушении Херсона. Оберу Дюбайе в 1796 г. предписывалось добиться отправления Турцией экспедиции на Черное море для разрушения черноморских портов и организации восстания казаков и татар против России [35]. Талейран в записке Директории 10 июля 1798 г. выдвигал план экспедиции на Черное море с тем, чтобы разрушить Севастополь и Херсон [36].

Как ни далеко было до осуществления восточных планов Бонапарта, уже сейчас Россия имела все основания для беспокойства. В Греции и Албании французские агенты по указке Бонапарта вели пропаганду в пользу Франции. 6(17) июня 1798 г. Бонапарт издал приказ о смертной казни для жителей островов, поддерживающих политические или торговые сношения с Россией, и о потоплении греческих судов, идущих под русским флагом [37]. Русский консул на острове Занте (Закинф) был арестован новыми французскими властями. Все это говорило о намерении Бонапарта положить конец экономическим и политическим связям России с балканскими народами.

Франция в 1794—1798 гг. делала также попытки завязать связи в Дунайских княжествах, направив туда вопреки сопротивлению России своих дипломатических агентов [38].

Очень волновала русские правительственные круги и завязавшаяся в 1797—1798 гг. игра Наполеона на польском вопросе. Франция «нимало не теряет из виду возмущать поляков», Бонапарт собирается «подать руку через Молдавию в Польшу и противу нас возбудить»,— писал Безбородко весной 1798 г. Характерно также письмо Кочубея С. Р. Воронцову 16(27) августа 1798 г. о распространенных в Петербурге опасениях, что французы совершат десант в Салониках, откуда двинутся к Румелии и затем к польской границе [39]. В Северной Италии был создан польский легион; французская дипломатия в Константинополе и Берлине поддерживала польских эмигрантов.

[35] E. de Marcère. Op. cit., t. II, p. 258, 262.

[36] А. Сорель. Указ. соч., т. V, стр. 278.

[37] Correspondance de Napoléon, t. IV, N 2687, p. 168—169.

[38] E. de Marcère. Op. cit., t. II, p. 254—255; E. de Hurmuzaki. Documente privatóre la Istoria Românilor. Supplement I, vol. II, 1781—1814. Bucureşti, 1885, p. 127—133, 136—138, 145—147, 150—151, 156—157, 163—165, 171—173.

[39] Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 388, 395; т. 18, стр. 156.

Наконец, проникновение Франции в Германскую империю также шло вразрез с интересами господствующих классов России.

По всем основным направлениям — в Восточном Средиземноморье, в польском и германском вопросах, в Италии — интересы русского господствующего класса сталкивались с интересами французской буржуазии.

По мере усиления Франции росла враждебность великих держав к ней. Характерная для конца 1796— первой половины 1797 г. тенденция к примирению исчезла. В конце сентября 1797 г. были прерваны мирные переговоры Англии и Франции в Лилле[40]. Раштадский мирный конгресс Франции, Пруссии, Австрии и второстепенных германских государств кончился убийством французских представителей. Перед правительством Павла также стал вопрос о необходимости изменить политику по отношению к Директории. Толчком к тому было утверждение по договору в Кампо-Формио совершившегося еще ранее перехода Ионических островов и побережья Ионического моря к Франции. После этого — в октябре 1797 г.— были прерваны переговоры Панина и Кальяра в Берлине, бесцельность которых, впрочем, и ранее была очевидна. Но этого было недостаточно. Становилось все яснее, что дипломатическими средствами не обойтись и что не миновать войны. Уже в марте 1798 г. канцлер кн. А. А. Безбородко писал, что «надобно, да и время, положить преграду дальнейшим французским замыслам»[41].

Политика России в Восточном Средиземноморье определялась теперь тем, будет ли с Францией мир или война.

Однако в вопросах о мире и войне, об активной и пассивной политике в Европе, о характере отношений с Францией в русских правительственных кругах в этот момент не было единодушия. Бóльшая часть петербургских сановников и представителей России за границей стояла за активную политику в Европе, за войну и была решительно враждебна проектам какого бы то ни было соглашения с Францией. К этой группировке в 1796—1798 гг. принадлежали такие влиятельные лица, как графы А. Р. и С. Р. Воронцовы, канцлер гр. И. А. Остерман[42], посланник в Берлине гр. Н. П. Панин, посол в Вене гр. А. К. Разумовский, гр. Ф. В. Ростопчин (потом изменивший свою точку зрения). Численно она преобладала. Ее поддерживали и те, кто имел на Павла личное влияние,— императрица и фаворитка Нелидова сошлись на ненависти к Франции.

Но наряду с провоенной группировкой существовала и сильная группа сторонников сохранения мира, нейтралитета, урегулирования в той или иной форме отношений с Францией. В нее в конце 90-х годов входили канцлер кн. А. А. Безбородко, племянник его гр. В. П. Кочубей, ставший в октябре 1798 г. вице-канцлером, гр. П. В. Завадовский, вице-канцлер кн. А. Б. Куракин.

Сторонники активного вмешательства в дела Европы и войны действовали под влиянием противоречий интересов России и Франции, а вместе с тем и страха перед революционной угрозой в самой России и за рубежом.

Внутренняя общественно-политическая обстановка давала для этого основания.

Усиление крепостнического гнета и эксплуатации, разорение крестьянского хозяйства привели на рубеже XVIII—XIX вв. к новой вспышке антифеодального крестьянского движения. Наибольший размах выступления приняли среди крестьян, ранее принадлежавших казне и лишь сравнительно недавно переданных в частное владение. Политика царского правительства, столь широко практиковавшего раздачу государственных крестьян помещикам — по подсчетам В. И. Семевского, Павел I за 1796—1800 гг. роздал в частное владение до 600 тыс. душ[43],— дала толчок волнениям конца 90-х годов.

В равной степени поводом к волнениям явилась вынужденная работа крестьян на помещичьих мануфактурах. В 1796—1797 гг. с этим было связано более 40 случаев крестьянских выступлений, в том числе особенно крупные волнения крестьян ген. Апраксина и кн. Голицыной в Орловской губернии.

Наибольшего подъема крестьянское движение достигло в 1797 г. Волнения охватили 32 из 41 губернии, входившей

---

[40] А. Сорель. Указ. соч., т. V, стр. 186.

[41] Безбородко С. Р. Воронцову 19(30) марта 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 387.

[42] И. А. Остерман был канцлером с ноября 1796 г. по апрель 1797 г., когда его сменил А. А. Безбородко.

[43] В. И. Семевский. Пожалование населенных имений при императоре Павле I. «Русская мысль», 1882, № 12, стр. 153—192.

тогда в состав царской империи. Для подавления их была организована карательная экспедиция, во главе которой был поставлен генерал-фельдмаршал кн. Н. В. Репнин. Отряд Репнина сравнительно быстро усмирил возмутившихся крестьян Вологодской и Владимирской губерний, но в Орловской губернии он встретил ожесточенное сопротивление восставших.

Общее число крестьян Орловской губернии вотчин кн. Голицыной, ген. Апраксина и других, так или иначе захваченных восстанием, достигало 13 тыс. человек [44].

Манифест 29 января (9 февраля) 1797 г. о том, чтобы «все помещикам принадлежащие крестьяне, спокойно пребывая в прежнем их звании, были послушны помещикам своим в оброках, работах и, словом, всякого рода крестьянских повинностях» [45], и манифест 5(16) апреля 1797 г. о запрещении барщинной работы в воскресные дни [46] (неправильно толковавшийся дворянско-буржуазной историографией как «манифест о трехдневной барщине») свидетельствовали о стремлении царского правительства поддержать расшатывавшиеся антифеодальным крестьянским движением основы классового господства дворянства. В этих же целях был ограничен крестьянский переход в Новороссии и на Северном Кавказе, что означало расширение сферы крепостнических отношений [47].

Сильнейшую тревогу у Павла I вызывала возможность проникновения революционных идей в Россию. Ряд царских указов 1798—1800 гг. (о закрытии частных типографий и о запрещении въезда иностранцев в Россию, выезда за границу с образовательными целями, ввоза книг из-за границы) должен был, по мнению царя, воспрепятствовать развитию «вольнодумства».

Прямая связь между реакционным направлением политики Павла и страхом перед революцией была видна даже некоторым представителям консервативного дворянства. Очень характерно в этом отношении свидетельство крепостника А. С. Шишкова. «Причиною сей раздачи деревень,— говорит он,— сказывают, был больше страх, нежели щедрота. Павел Первый, напуганный, может быть, примером Пугачева, думал раздачею казенных крестьян дворянам уменьшить опасность от народных смятений (разрядка наша.— *А. С.*). Сия, можно сказать, несчастная боязнь часто тревожила сердце сего монарха и была причиною тех излишних осторожностей и непомерных строгостей, какими, муча других, и сам он беспрестанно мучился» [48].

Внутренняя политика царизма, проводившаяся в условиях нарастания классовых противоречий в стране и укрепления буржуазных порядков за рубежом, ставила себе целью сохранение феодально-крепостнического строя и подавление сопротивления закрепощенной крестьянской массы; самодержавие охраняло феодальную собственность на землю и сословные привилегии дворянства.

Обострение классовой борьбы и внутренней реакции в стране сказались и на внешней политике царизма, усиливая ненависть реакционных сановников к Французской республике, которую они по-прежнему считали носительницей «революционной заразы». Царизм боялся проникновения революции в Польшу. Группа Воронцовых, осуждавшая ранее первый раздел Польши, в канун третьего раздела стояла за то, что теперь нужно «совершенно ее разделить и кончить тем семя якобинское, в соседстве нашем отрасли давшее» [49].

Упоминавшаяся выше попытка Павла вернуться к нейтральной позиции в англо-французском соперничестве и восстановить дипломатические отношения с Францией была принята противниками последней в штыки. Панин, которому была поручена «негоциация» с Кальяром, считал эти переговоры принципиальной ошибкой. Указывая на рост и крайнюю опасность «революционной угрозы», Панин подчеркивал, что «потеря каждого дня на совещания — новый триумф для якобинцев» [50] (для Панина члены

---

[44] Е. П. Трифильев. Очерки из истории крепостного права в России царствование императора Павла Первого. Харьков, 1904, стр. 31—35; М. де Пуле. Крестьянское движение при императоре Павле Петровиче. «Русский архив», 1869, стлб. 546—572.

[45] ПСЗ, т. XXIV, № 17769.

[46] Там же, № 17909.

[47] Там же, № 17638.

[48] [А. С. Шишков.] Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. I. Берлин, 1870, стр. 22.

[49] Записка А. Р. Воронцова о польских делах (май 1794 г.). Архив кн. Воронцова, т. 9, стр. 510.

[50] Панин Куракину 2(13) марта 1798 г. («Граф Н. П. Панин». «Русская старина», 1874, кн. 7, июль, стр. 562). См. также его письмо Куракину 30 августа (10 сентября) 1797 г. (там же, 1873, кн. 9, сентябрь, стр. 350—351).

Директории — органа господства крупной буржуазии — были теми же якобинцами). Он с гордостью говорил, что постарался сорвать переговоры с Францией [51].

Особенный трепет угроза революции вызывала у С. Р. Воронцова, напуганного подъемом демократического движения в Англии в 1798 г. Прекрасно понимая влияние, оказанное французской революцией на усиление антифеодальных настроений в Европе, Воронцов страстно призывал Павла к войне с Францией — лучшему, по его мнению, средству пресечь проникновение революционных идей в Россию [52]. Сообщая о восстании в Ирландии («сие то есть плоды от проклятых французских правил и от старания французской республики заражать все народы и опрокидовать все правления»,— писал он об этом), Воронцов молил царя не допустить революционной вспышки в России: «Я уповаю, что в. и. в... не дозволит, чтоб неистовые и святотатственные французские правила вкрались между народов, и что правнук Петра Великого удержит непоколебимо счастие своего государства, основанное его прародителем» [53].

Любопытно, что английское правительство спекулировало на маниакальном страхе Павла перед революцией: если Россия не выступит против Франции, «падение всех престолов неизбежно»,— говорил Гренвиль Воронцову. Охранительные меры Павла нашли горячего поклонника в Георге III: он был в восторге от запрещения русской молодежи выезжать за границу для получения образования [54].

Но бывало и так, что аргументы о «революционной угрозе» пускались в ход просто для того, чтобы припугнуть Павла. Так поступил в 1799 г. русский посланник в Константинополе В. С. Томара, уговаривая царя не отзывать с Корфу русские военно-морские силы. Подобная мера, говорил Томара, приведет Турцию к внутреннему кризису. «Не должно верить,— писал он,— чтоб в правлении турецком остались те же добрые ленивцы, которые ныне составляют оное. Якобинцы займут их места, и якобинцы-турки столь же деятельны и подвижны, как французы» [55]. До якобинского правительства Турции было, конечно, очень далеко.

Против нормализации отношений с Францией очень решительно выступал и Н. В. Репнин. Мир, подчеркивал он, поможет распространению революционных идей, так как «война образа мыслей и правил республиканских (т. е. распространение революционных идей.— *А. С.*)... мне кажется для Европы опаснее, нежели их (французов.— *А. С.*) оружие. Следственно, из развратности повсеместной те же последствия произойдут, что и у них, и внушения их о том будут приняты с готовностью и согласием» [56].

Другая правительственная группировка, стоявшая в 1797 г. за сохранение мира и нейтралитет, за восстановление отношений с Францией (Безбородко, Кочубей, Куракин), отнюдь не меньше пеклась об интересах благородного российского дворянства. Не меньше она боялась и революционной вспышки в России. Безбородко в середине 1794 г. стоял за окончательный раздел Польши, так как там утвердилось «семя якобинское» [57] (а следовательно, и угроза для феодально-крепостнических порядков). «Верьте, что ежели сии правила утвердятся в Польше, то немного времени надобно, чтобы сие несчастие до нас распространилося. Смежные наши провинции весьма схожи в языке и с Польшею; с них начнется, а от них легко и скоро пойдет, до чего, боже, не допусти. Тут можно пожертвовать всеми другими политическими уважениями...» [58]. Словом, не надобно только спать, а инако никаким бдением и, можно сказать, никаким человеческим предусмотрением ни отвратить, ни поправить нельзя»,— говорил он [59].

---

[51] Панин С. Р. Воронцову 8(19) ноября 1797 г. Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 6.

[52] С. Р. Воронцов Павлу I 23 апреля (4 мая) 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 493, лл. 32—33.

[53] С. Р. Воронцов Павлу I 18(29) мая. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 493, лл. 70—71 об.

[54] С. Р. Воронцов Павлу I 23 марта (3 апреля). АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 492, л. 75; 30 июля (10 августа). Там же, д. 494, лл. 65—66 об.

[55] Томара Павлу I 25 ноября (6 декабря) 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 897, л. 118.

[56] Репнин Куракину 20(31) мая 1798 г. «Русский архив», 1876, кн. III, т. 10, стлб. 168. (Подчеркнуто нами).

[57] Заметим полное сходство и аргументации, и терминологии у Безбородко и А. Р. Воронцова (см. выше).

[58] Термин «политический» на языке русских людей того времени означал «внешнеполитический» и «международный». Например, выражение «политическая система» означало «международная система».

[59] Письмо Безбородко 15(26) июля 1794 г. Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 302.

Спустя несколько лет после третьего раздела Безбородко все еще продолжал опасаться, что если в Польше под влиянием и с помощью Франции начнется революционное брожение, то оно может перекинуться в Россию. Говоря об образовании польского легиона в составе французской армии и о стечении польских эмигрантов в Молдавии, Болгарии и Боснии, Безбородко подчеркивал: «Я боюся, что Польша восставится (восстановится.— *А. С.*). Да и как по акту инсургенции, вновь в Молдавии сделанному, полагают они равенства и правила французские основанием, кто поручится, что и наши порубежные провинции (я разумею мещанство и чернь, а отчасти и мелкое дворянство) к ним не пристанут? Вот и конец всему!» [60].

Другие сторонники примирения с Францией разделяли страхи Безбородко перед возможностью распространения в Европе революционных идей. Об опасности революционизирования Балкан говорил франкофил А. Б. Куракин. П. В. Завадовский твердил, что «по левую сторону Рейна привита зараза якобинизма» [61].

Однако из тех же предпосылок сторонники нормализации отношений с Францией делали совсем не тот вывод, что противники ее. Безбородко считал, что лучшее средство отвратить революционную угрозу — мир (а отнюдь не война) с Францией. («...и чем то можно отвратить иным, как не миром с Францией, которая сама того ищет...»,— вопрошал он). Именно поэтому Безбородко энергично выступил за восстановление дипломатических отношений с Францией. Переговоры Панина с Кальяром были начаты под его давлением, и он возлагал на них большие надежды как на средство предотвращения «беспокойств» («...авось либо бог даст мне под конец министерства (канцлерства.— *А. С.*) еще миром отвратить бурю, которая теперь была бы гораздо посильнее») [62]. Осенью 1797 г. Безбородко все еще надеялся на мирное соглашение с Францией и бранил Панина за срыв переговоров с Кальяром. Когда Павел приказал прервать переговоры, Безбородко довольно смело попытался воспрепятствовать этому [63].

[60] Письмо Безбородко 2(13) июля 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 401.
[61] Письмо Завадовского 28 сентября (9 октября) 1797 г. Там же, т. 12, стр. 188.
[62] Письмо 2(13) июля 1798 г. Там же, т. 13, стр. 401.
[63] Там же, стр. 397—399.

Безбородко полностью разделял настроения тех кругов, которые из страха перед внутренними потрясениями и в интересах дворянского хозяйства, страдавшего от рекрутских наборов и финансовых затруднений, стояли за сохранение мира и нейтралитета. Войну он в 1797—1798 гг. считал делом очень рискованным: «нам покой всего нужнее», «деньги меня более всего беспокоят, при крайней дороговизне, при худом курсе, при больших издержках и многом, чего и изъяснить нельзя. Если мы с честью и добром выйдем из всего сего, то велика милость божия» [64]. Даже в конце 1798 г., когда уже шла война с Францией, Безбородко все еще продолжал вести речь о необходимости соблюдать осторожность [65].

Другим противником войны с Францией был В. П. Кочубей, убежденный сторонник политики невмешательства в европейские дела и концентрации сил и внимания правительства на «поправлении» дел внутренних. Кочубей делал упор на то, что расстройство финансов и торговли не позволяет вести активную внешнюю политику и уж тем более начинать новую войну. «Чем больше я размышляю, тем больше вижу, что мы плохо сделали, что не искали примириться с французами. Воевать нам истинно ни с кем теперь не должно. Вы бы в сем сами удостоверились, ежели бы видели, какие раны нанесли последние годы царствования Екатерины II и что еще в малом количестве предприняли мы в изменение оных. Что порчено было годы и годы, то трудно исправить в полтора [года] царствования настоящего, сколько активно оно ни есть, и надобно непременно более на то времени и особливо покою. Я поэтому искренно желаю, чтобы мы ни до какой крайности не дошли, и верьте мне, что желание сие основано на убедительнейших доводах»,— писал он [66].

Из тех же соображений Кочубей в середине 1797 г. был (хотя и с некоторыми оговорками) против отправления русского флота на помощь Турции в Средиземное море [67].

[64] Письма Безбородко 2(13) июля 1797 г. и 15(26) августа 1798 г. Там же, стр. 402, 406.
[65] Кочубей С. Р. Воронцову. Там же, т. 18, стр. 186.
[66] 28 июня (9 июля) 1798 г. Там же, стр. 142. См. также письма Кочубея Воронцовым в 1797—1798 гг. Там же, т. 14, стр. 75; т. 18, стр. 146, 151.
[67] Там же, т. 18, стр. 157, 212—213.

За мирное соглашение с французами стоял и гр. П. В. Завадовский [68]. С самого начала французской революции Завадовский был убежден, что для России она не опасна — «не в натуре вещей, чтоб их правила в нашем холодном севере произвели пожар. Привить философию народу неграмотному кому удобно». «...Я такой неверующий Фома, что против всех и общих пугливых мнений не боюсь, чтоб в наш век на холодный север перевалилась умственная горячка»,— говорил он. В отличие от Безбородко, Завадовский считал невозможным профранцузское восстание в губерниях, присоединенных к России по польским разделам: «Положим, есть дворяне недовольные, но число их значит ли что-нибудь против целой массы народа смиренного и простого, и сей могут ли взволновать пришедшие войски чужого языка?»,— писал он А. Р. Воронцову в 1796 г.

Безбородко, Кочубей, Завадовский и др. отнюдь не были сторонниками союза или какого-либо сговора с Францией [69]. Они выступали лишь за сохранение мира, за нейтралитет в борьбе между Англией и Францией, за восстановление отношений с последней, опасаясь, что война обострит революционную угрозу, усилит финансовые трудности и принесет тяготы дворянскому хозяйству.

Группировка, стоявшая за войну с Францией, оказалась сильнее. Безбородко, в последние годы тяжело болевший, умер в апреле 1799 г. Кочубей прежде всего заботился о своей карьере и не любил противоречить большинству, к тому же в августе 1799 г. он перестал быть вице-канцлером. Его место занял Н. П. Панин, сторонник войны с Францией.

Но еще до этого, в середине 1798 г., вопрос о войне был решен. Французская агрессия, противоречия России и Франции в Европе и прежде всего в восточном бассейне Средиземноморья вели к войне. Правительство Павла I решило покончить с политикой неучастия в англо-французских войнах, которой Россия держалась в течение нескольких десятилетий и с которой она при всей ненависти феодально-крепостнических кругов к революционной Франции не порвала окончательно и в 1791—1796 гг. Во

[68] Архив кн. Воронцова, т. 12, стр. 76—77, 198, 169; см. также стр. 189, 192, 195.

[69] См. письмо Безбородко С. Р. Воронцову 25 ноября (6 декабря) 1798 г. Там же, т. 13, стр. 411.

внешней политике России начался новый длительный этап войн с Францией (1798—1815). Павел теперь был готов присоединиться к коалиции великих держав против Франции, которую сколачивала Англия.

Основой второй коалиции явился русско-английский союз. Переговоры о заключении союза начались в июле-августе 1798 г. Зная, что собственных средств Англии для борьбы против Франции недостаточно, Павел решил прийти к ней на помощь [70]. В начале июля в Англию прибыла эскадра вице-адмирала Макарова, в августе — эскадра вице-адмирала Тета, в начале ноября — эскадра вице-адмирала Карцова [71]. 18(29) декабря 1798 г. был заключен русско-английский союзный договор [72]. Россия обязалась немедленно направить в поход корпус численностью в 45 тыс. человек. Англия должна была ежемесячно выплачивать субсидию в 75 тыс. ф. ст., не считая единовременных ассигнований в 225 тыс. ф. «на первые и самые неотложные расходы».

Следующим важным шагом в формировании второй коалиции было заключение русско-турецкого союза. Борьба России и Франции за влияние на Турцию, продолжавшаяся на всем протяжении 90-х годов XVIII в., завершилась решительной победой России. Причиной этого был сам Наполеон. Захват Ионических островов Францией насторожил Порту [73]. В начале 1797 г. французские инженеры и мастеровые, посланные Директорией в Турцию для строительства крепостей и укрепления артиллерии, были отосланы из Константинополя [74]. Египетская экспедиция Бонапарта заставила Турцию порвать с Францией. Экспедиция была прямым вызовом Турции, независимо от того, хотел или не хотел этого Бонапарт [75]. В сентябре 1798 г. Турция объявила Франции войну.

[70] Павел I С. Р. Воронцову 27 апреля (8 мая) и 28 июля (8 августа) 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 238—242.

[71] Д. Милютин. Указ. соч., т. I, стр. 55; т. III, стр. 65.

[72] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. IX(X), стр. 418—425.

[73] А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 82; Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 64; т. 18, стр. 129.

[74] Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 134.

[75] Это утверждает французский историк Ф. Шарль-Ру. См. F. Charles-Roux. L'Angleterre et l'expédition française en Egypte, vol. I. Le Caire, 1925, p. 135—137. См. также M. Herbette. Op. cit., p. 227—228.

При сложившихся обстоятельствах Турции не оставалось ничего другого, как пойти навстречу России, в свою очередь желавшей этого. Русско-турецкие отношения во второй половине 90-х годов заметно улучшились. Павел не упускал случая подчеркнуть, что в восточной политике он следует правилам, прямо противоположным тем, которыми руководствовалась, по его мнению, Екатерина II, и что цель его — сохранение, а не разрушение Османской империи. Порта в свою очередь была обрадована миролюбивыми заявлениями Павла [76]. Со второй половины 1797 г. турецкая дипломатия стала склоняться к сближению с Россией [77]. В апреле 1798 г., т. е. еще до начала экспедиции, Россия предложила Турции свое военное содействие в случае нападения Франции.

Призыв Турции о помощи после нападения Бонапарта на Египет [78] нашел у России самый сочувственный отклик. Была достигнута договоренность о совместных действиях русского и турецкого флотов против Франции. 24 августа (4 сентября) русская эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова в составе 6 линейных кораблей и 6 фрегатов прошла Босфор. На совещании в Константинополе Ушакова, турецких сановников и английского посланника в Константинополе Чарльза Спенсера Смита было решено, что объединенный русско-турецкий флот под командованием Ушакова двинется на освобождение Ионических островов.

Осенью 1798 г. французские войска были выбиты с островов Цериго (Китира), Занте (Закинф), Кефалонии (Кефаллиния), Св. Мавры (Левкас); жители их вместе с русскими сражались против французов. Сложной задачей было овладение важнейшей стратегической позицией — островом Корфу, считавшимся неприступным и вследствие природных условий и благодаря тому, что французы тщательно укрепили его. В течение нескольких месяцев силы Ушакова блокировали остров; 18—20 февраля (1—3 марта) 1799 г. острова Видо и Корфу были взяты в результате ожесточенного штурма. В истории военного искусства штурм Корфу — редкий пример успешных действий одних

[76] См. письма В. П. Кочубея из Константинополя С. Р. и А. Р. Воронцовым. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 127—129, 133.
[77] В. П. Кочубей А. Р. Воронцову 15(26) сентября 1797 г. Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 90.
[78] Д. Милютин. Указ. соч., т. I, стр. 67.

лишь военно-морских сил по овладению сильно укрепленной и упорно обороняемой крепостью.

После относительно непродолжительных переговоров (их тормозил вопрос о таможенном тарифе, но русское правительство пошло в этом отношении на уступки) [79] 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) был заключен союзный договор России и Турции [80].

Россия приняла обязательство послать для защиты Турции от Франции эскадру в 6 линейных кораблей и 6 фрегатов, содержание которой Турция принимала на свой счет, и армию в 75—80 тыс. человек. Турция дала разрешение на свободный проход русского военного флота через проливы на время войны против Франции [81] (с заключением мира эта статья договора переставала действовать). Договор был заключен на 8 лет.

Русско-турецкий союз был событием исключительного международного значения. Прежде всего военная помощь, оказанная Россией Турции, нанесла сильнейший удар французским планам владычества в Средиземноморье и оградила вместе с тем безопасность юга России.

Далее, русско-турецкий договор оформил и закрепил те сдвиги в расстановке сил в Средиземноморье и в русско-турецких отношениях, о которых речь шла выше. Франция — недавний союзник — выступала теперь в качестве злейшего врага Османской империи, Россия — в качестве ее покровительницы. Сами турки с этого времени иначе Россию и не называли. Русское влияние в Константинополе стало преобладающим.

Наконец, с этого момента в средиземноморской политике России открылся качественно новый этап. Отличительной и наиболее существенной чертой его было то важнейшее обстоятельство, что русский военный флот получил (хотя бы и временно — до конца войны) право на свобод-

[79] Г. А. Клейнман. Русско-турецкий союз 1799 г. «Доклады и сообщения ист. ф-та МГУ», вып. 3. М., 1945, стр. 16—17.
[80] G. Noradounghian. Op. cit., vol. II, p. 24—27; ПСЗ, т. XXV, № 18797. См. также Д. Милютин. Указ. соч., т. I, стр. 71—72; т. III, стр. 79—80 (в работе Милютина опубликованы секретные статьи договора относительно прохода русского военного флота через Босфор).
[81] Еще до этого Турция особой декларацией 25 августа 1798 г. разрешила русскому военному флоту на время войны проход через проливы. «Адмирал Ушаков», т. II, стр. 78—79.

ный проход через проливы [82]. Одна из важнейших задач экспансионистской политики царизма была в какой-то мере (хотя и не окончательно) решена.

Трудно было переоценить значение этих событий (совершавшихся к тому же с чрезвычайной быстротой), и современники немало дивились такому необычайному зрелищу, как союз России и Турции против Франции. «Надобно же вырость таким уродам, как французы, чтобы произвести вещь, какой я не только на своем министерстве, но и на веку своем видеть не чаял, то-есть союз наш с Портою и переход флота нашего через канал» (Босфор.— *А. С.*),—писал Безбородко [83].

За русско-турецким союзным договором последовало заключение союза между Турцией и Англией. Правительство Питта далеко не сразу поняло отрицательные последствия египетского похода Бонапарта для Англии во всем их значении [84]. Однако уже в августе-сентябре 1798 г. английская дипломатия ревностно старалась побудить Турцию выступить против Франции [85]. Турция предложила заключить союзный договор; осенью 1798 г. Лондон и Константинополь оживленно обсуждали его проект [86]. В ноябре в Константинополь была направлена английская военная миссия во главе с генералом Келлером [87].

Русская и английская дипломатия действовали единым фронтом. Русский посланник В. С. Томара и Спенсер Смит постарались изолировать французского поверенного в делах в Константинополе Рюффена и дружно разжигали антифранцузские настроения Порты. Петербург и Лондон информировали друг друга о ходе переговоров с Турцией и о содержании своих проектов союзного договора с нею [88].

---

[82] О значении русско-турецкого договора 1799 г. в истории международно-правового режима черноморских проливов см. Б. А. Дранов. Указ. соч., стр. 63—64.

[83] Письмо Безбородко 15(26) августа 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 13, стр. 405.

[84] F. Charles-Roux. Op. cit., vol. I, p. 6—24, 44—47.

[85] Ibid., p. 65, 69—70, 93—96.

[86] Письмо Гренвиля Спенсеру Смиту в октябре 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 497, лл. 27—29.

[87] С. Р. Воронцов Павлу I 13(23) ноября 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 496, лл. 44 об.— 45.

[88] Английский проект договора см. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 497, лл. 31—37. Русский проект см. АВПР, ф. Лондонской миссии, 1798 г., д. 528, лл. 84—94 об.

Павел просил, чтобы английский флот на Средиземном море оказал содействие эскадре Ушакова [89]. Гренвиль заявил, что Англия особенно довольна тем, что Россия обязалась не требовать от Турции никаких территориальных уступок (ст. 9 русского проекта союзного договора с Турцией), и в свою очередь обещал, что и Англия не будет этого требовать [90].

Союзный договор между Англией и Турцией был заключен одновременно с русско-турецким договором — 25 декабря 1798 г. (5 января 1799 г.) [91]. Основные статьи его говорили о совместной гарантии владений в довоенном их виде (восстановление status quo ante bellum). Практически это означало, что Англия дала гарантию возвращения Египта Турции. Турция обязалась создать для совместных действий армию в 100 тыс. человек, Англия — послать флот для действий против Франции.

Союз России, Англии и Турции был дополнен союзом с Неаполитанским королевством (королевством обеих Сицилий). Неаполитанские порты Бари, Бриндизи, Отранто, Таранто, Неаполь, Гаэта имели большую стратегическую ценность, давая возможность контролировать пути в Сицилию, Грецию, Египет. Отрантский полуостров с портами Отранто и Бриндизи соседствовал с островом Корфу. Это создавало в стратегических планах великих держав прямую связь между Ионическими островами и Неаполитанским королевством; базируясь на порт Корфу, можно было осуществить десант в Южную Италию (что было дважды предпринято в рассматриваемый нами период) и, напротив, базируясь на неаполитанские порты, можно было создать военную угрозу Ионическим островам и Греции.

В период революционных и наполеоновских войн Неаполь был поэтому объектом яростной борьбы великих держав, в первую очередь Франции и Англии. Фактическая правительница Неаполя королева Мария-Каролина (король Фердинанд IV был полнейшим ничтожеством и не

---

[89] Павел I С. Р. Воронцову 13(24) августа 1798 г. АВПР, ф. Лондонской миссии, 1798 г., д. 528, лл. 19—22.

[90] С. Р. Воронцов Павлу I 10(21) сентября 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 495, лл. 18—21.

[91] G. Noradounghian. Op. cit., vol. II, p. 28—31. Англия присоединилась к договору России и Турции от 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.), что означало признание ею ведущей роли России в восточных делах.

интересовался ничем, кроме охоты) исступленно ненавидела революционную Францию. Неаполь в союзе с Англией вел войну против Франции, завершившуюся мирным договором в сентябре 1796 г. Установление в Северной и Центральной Италии фактического контроля Франции в 1797—1798 гг. побудило Неаполь снова выступить против нее. В мае 1798 г. он заключил союз с Австрией. В июле 1798 г. Франция потребовала закрытия неаполитанских портов для англичан и уступки порта Мессины (Сицилия). В ответ Неаполь осенью 1798 г. начал военные действия, предприняв поход на Рим. Французские войска смели слабую неаполитанскую армию, союзная же Австрия не оказала помощи. Королева и ее министр-фаворит генерал Д. Актон засыпали русское правительство просьбами о поддержке и о давлении на Вену.

Англия и Россия вели переговоры о совместных действиях для защиты Неаполя от Франции [92]. 18(29) декабря 1798 г. последовал договор между Россией и Неаполем; на время войны против Франции Россия обязалась предоставить Неаполю вспомогательные войска [93]. 20 ноября (1 декабря) 1798 г. Неаполь заключил союзный договор с Англией, 10(21) января 1799 г.— с Турцией.

Вслед за тем в Неаполитанском королевстве в январе 1799 г. вспыхнула революция, в результате которой была свергнута династия Бурбонов и провозглашена Партенопейская республика. Французская армия заняла столицу. Король и королева бежали в Палермо.

Таким образом, с конца 1798 г. мощный блок России, Англии, Турции и Неаполя противостоял наполеоновской агрессии на Средиземноморье и Ближнем Востоке. Организация восточносредиземноморского блока шла сравнительно быстро — острая заинтересованность в этом его участников на время сгладила их противоречия.

Не так обстояло дело с формированием антифранцузского блока держав Центральной и Восточной Европы. Здесь соперничество Пруссии и Австрии из-за гегемонии в Германии явилось сильнейшим препятствием для второй коалиции.

[92] С. Р. Воронцов Павлу I 6(17) апреля и 5(16) ноября 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 493, лл. 3—8; д. 496, лл. 1—11.

[93] G. F. Martens. Recueil des principaux traités..., vol. VII. Gottingue, 1801, p. 303—307.

Программа Павла в Центральной и Северной Европе весной 1798 г. состояла в заключении союза России, Англии, Пруссии, Австрии и немецких князей с последующим присоединением к нему Дании и Швеции. В случае агрессии Франции против участников коалиции или нападения ее на Северную Германию и особенно ганзейские города державы должны были начать против нее военные действия. Замысел этот осуществился лишь частично. Прежде всего не удалось добиться, чтобы Пруссия прямо и открыто выступила против Франции. Репнина, посланного с этой целью в мае 1798 г. в Берлин, постигла неудача [94]. Пруссия отказалась присоединиться к коалиции. Даже и после этого русское правительство не оставило своих видов на Пруссию: по приказу Павла русский посланник в Берлине (1798—1799) Н. П. Панин продолжал все те же попытки — по-прежнему безрезультатно. Дания и Швеция также к коалиции не присоединились.

В итоге на Севере Европы антифранцузский блок организован не был. В Центральной Европе он был создан в значительно более скромных масштабах, чем этого хотели Питт и Павел: пришлось ограничиться присоединением Австрии к коалиции (Россия и Австрия были связаны союзными договорами 1781, 1792, 1795 гг.).

В ходе формирования второй коалиции противоречия основных ее участников не были и не могли быть разрешены. Напротив, великие державы, подгоняемые неотложной необходимостью объединиться против наступающей Франции, сознательно старались по возможности отодвинуть, отложить в долгий ящик спорные вопросы.

По существу не получили решения в переговорах России, Англии и Турции проблемы Восточного Средиземноморья, хотя именно ими было в конечном счете определено заключение союза. Не была достигнута Англией и Россией окончательная договоренность относительно будущей судьбы Мальты, хотя Россия с известным основанием считала, что ей удалось получить от Англии определенные гарантии [95]. Оставалось неясным также будущее Иониче-

[94] О миссии Репнина весной 1798 г. см. Д. Милютин. Указ. соч., т. I, стр. 57—60; т. III, стр. 67—74; Сборник РИО, т. 70, стр. X; Ф. Мартенс. Указ. соч., т. VI, стр. 257—259; А. Сорель. Указ. соч., т. V, стр. 270—271; Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 32—33.

[95] Подробнее о мальтийском вопросе и его роли в русско-английских отношениях в 1798—1801 гг. см. ниже.

ских островов и Египта (предполагалось, что Египет будет возвращен Турции). Россия пока не заводила речи о каких-либо изменениях в положении христианских подданных Турции — народов Сербии, Дунайских княжеств Греции, хотя это было острейшей проблемой ее балканской политики. Англия и Россия при переговорах о заключении союзного договора старались не касаться и проблемы русско-английских торговых отношений, вокруг которой уже несколько десятков лет шли споры обеих держав. Точно так же был обойден молчанием и весь комплекс вопросов, связанный с вооруженным нейтралитетом.

Подобным же образом Россия и Австрия уклонились от рассмотрения противоречий, разделявших их на Балканах и в Италии. Наконец, была неясна позиция коалиционных держав в германском вопросе, хотя Павел и сделал весной 1798 г. попытку организовать европейский конгресс для обсуждения его.

Вторая коалиция была наспех сколоченным военным союзом, далеко не объединившим по-настоящему великие державы, преследовавшие совершенно разные и зачастую противоположные цели. Отодвинуть и замолчать эти противоречия можно было лишь на время. В недалеком будущем они должны были взорвать коалицию изнутри.

Основной удар Франции союзники предполагали нанести в Италии, Швейцарии и Голландии. Главным театром военных действий были Италия и Швейцария, где сражались русские и австрийские войска под единым командованием А. В. Суворова [96]. В июле 1799 г. Россия объявила войну союзнице Франции — Испании, но на русские стратегические планы это не повлияло — военные действия против Испании не велись.

Стратегический план Суворова был рассчитан на полное и окончательное сокрушение Франции — великий полководец предполагал начать войну освобождением от французов Ломбардии и Пьемонта, закончить же ее вторжением во Францию. В сражении при реке Адде 15—16(26—27) апреля 1799 г. русские войска отбросили части генерала Моро и открыли себе путь на Милан, взятый 18(29) апреля. Перейдя через реку По, Суворов 16(27) мая овладел Турином и выбил из Пьемонта армию Моро, отошедшую к генуэзской Ривьере. Австрийцы, отозвав часть своих войск для осады Мантуи и оголив тыл Суворова, не дали ему возможности развить энергичное преследование Моро.

Находившаяся в Неаполе французская армия под командованием генерала Макдональда в начале апреля двинулась на север для соединения с армией Моро, который в свою очередь начал наступать из генуэзской Ривьеры. Суворов стремительным маршем направился навстречу Макдональду и во встречном бою при Треббии 7(18) июля нанес ему сокрушительное поражение. Затем Суворов повернул свои силы на Моро и принудил его к отступлению.

В этот момент столкнулись тактические планы великого полководца и бездарного венского гофкригсрата. Суворов настаивал на наступлении в генуэзскую Ривьеру с последующим вторжением во Францию, австрийцы — на переброске войск для осады не взятых еще союзниками крепостей в Северной Италии, в первую очередь Мантуи. В результате настоянний гофкригсрата силы союзников были разбросаны, значительная часть их была связана осадой крепостей.

Тем временем армии Моро и Макдональда соединились в Генуе, командование над ними получил талантливый и отважный генерал Жубер, перешедший в наступление. Но и его постигла та же участь, что Моро и Макдональда. В битве при Нови 4(15) августа армия Жубера была наголову разбита, а сам он убит.

Действия армии Суворова в Северной Италии были поддержаны операциями адмирала Ушакова на юге. 22 апреля (3 мая) русские военно-морские силы, базировавшиеся на порт Корфу, взяли Бриндизи, затем совершили десант в Манфредонии и вместе с английскими и неаполитанскими частями заняли Неаполь. Неаполитанская реакция, поддержанная царскими и английскими войсками, потопила в крови Партенопейскую республику. Затем 30 сентября (11 октября) русский отряд вступил в Рим.

К середине 1799 г. положение на Средиземном море коренным образом изменилось в пользу союзников. Франция потеряла Неаполь и Ионические острова. Мальта была блокирована англичанами. Египетская экспедиция Бона-

[96] А. М. Лещинский. Итальянский и швейцарский походы — вершина полководческого искусства А. В. Суворова. В кн.: «Суворовский сборник». Под. ред. А. В. Сухомлина. М., 1951, стр. 89—131.

парта потерпела неудачу. Северная Италия была в основном освобождена от французов.

Решающую роль в военных успехах союзников сыграли операции русских армии и флота, возглавленные А. В. Суворовым и Ф. Ф. Ушаковым.

* * *

Войну развязала наступавшая французская буржуазия. Присоединиться ко второй коалиции Россию заставила явная угроза господства Франции в Европе.

«Дочерние республики» (Батавская, Гельветическая, Цизальпинская, Лигурийская, Партенопейская) были не более чем сателлитами Франции. Директория, а впоследствии и Наполеон искусственно тормозили их экономическое развитие, превращали их в полуколонии Франции. Контрибуции, содержание французских войск, прямой грабеж разоряли население. Национальное угнетение, грубо пренебрежительное отношение французских властей к национальным чувствам народов покоренных стран были особенно тяжелы для них. Уже тогда кое-где начались освободительные восстания против французской оккупации (в Италии [97], на Ионических островах).

Русские войска освободили итальянские земли и Ионические острова от жестоко тяготившего их французского господства.

При все том военные действия коалиционной армии в Италии в 1799 г. служили реакционным целям. Объективно, не желая того, французские завоеватели расшатывали феодально-абсолютистские порядки в подвластных им странах. Упразднение королевской власти и сословного строя, отмена феодальных привилегий дворянства, конфискация имущества церкви, судебные реформы и ряд других мероприятий Франции имели прогрессивный характер. До известной степени французские завоевания давали толчок национальному движению за объединение Италии и антифеодальным выступлениям народных масс и широких буржуазных слоев. Так, в Италии вступление французских войск в 1796—1799 гг. сопровождалось рядом буржуазных переворотов [98]. Войска же коалиции, как правило, несли с собой восстановление отжившего феодального строя, и

[97] Дж. Берти. Указ. соч., стр. 196.
[98] Там же, стр. 159—160, 200—203.

именно это в конечном счете имеет решающее значение при характеристике итальянского похода 1799 г.

Однако роль России в коалиционных войнах 1798—1799 гг. имела некоторые отличительные черты, в особенности по сравнению с ролью Австрии. Русское правительство не ставило себе в Италии тех прямых захватнических целей, которые осуществляла там Австрия (в Пьемонте, Ломбардии, Венеции), не старалось присвоить итальянские земли. Австрия несла Италии смену французского национального гнета австрийским. Россия же, по крайней мере, восстанавливала суверенитет итальянских государств, хотя вместе с этим восстанавливались отсталые социальные и политические институты Италии.

Таким образом, исторические последствия участия России в войнах второй коалиции были для Италии во многом двойственны.

2

Наряду с открытием проливов для русского военного флота одним из крупнейших успехов внешней политики России было утверждение ее на Ионических островах — главной ключевой позиции в восточном бассейне Средиземноморья. Порты Ионических островов, и прежде всего важнейший из них — Корфу, стали оперативной базой действий русского флота в Адриатике и на Средиземном море. Без этого экспедиция Д. Н. Сенявина в 1805—1807 гг. была бы невозможна, так же как и русские экспедиции в Неаполь в 1799 и 1805 гг. Для борьбы против агрессии Франции в Южной Италии и на Балканах, для развертывания военно-морских операций во время войны с Турцией в 1806—1807 гг. Ионические острова имели огромное значение. Очень важны они были и как опорный пункт в борьбе за политическое и идеологическое влияние на Грецию.

После освобождения Ионических островов от французской оккупации Ф. Ф. Ушаков в условиях ожесточенной борьбы ионического нобилитета (родового дворянства) и местных антифеодальных слоев способствовал тому, что население островов получило в 1799 г. относительно либеральную прогрессивную для того времени конституцию («План временного правления»), отвечавшую интересам буржуазных элементов ионического общества («второго

класса» населения) и способствовавшую развитию его передовых сил [99].

Международный статут Ионических островов определила заключенная 21 марта (1 апреля) 1800 г. в Константинополе русско-турецкая конвенция [100]. В силу этой конвенции Ионические острова были преобразованы в республику Семи соединенных островов под гарантией и покровительством России. Турецкий султан был объявлен сюзереном новой республики, в знак чего она должна была платить Порте вассальную подать. Под власть Турции (с некоторыми выговоренными Россией ограничениями и с привилегиями для христианского населения) перешло побережье Ионического моря с городами Превезой, Паргой, Воницей и Бутринто [101].

Эти статьи конвенции были уступкой Турции со стороны России, на которую последней пришлось пойти, чтобы сохранить русско-турецкий союз. Все же основным результатом конвенции было утверждение русского влияния в Восточном Средиземноморье.

Первые годы русско-турецкого союза — быть может, самый спокойный период в истории отношений России и Турции в XVIII—XIX вв. (хотя в ряде вопросов между ними и были противоречия). Русскому правительству нужно было прежде всего удержать Турцию в антинаполеоновском лагере. Военно-морские силы России и Турции при освобождении Ионических островов от французов действовали совместно, хотя серьезной помощи Ушакову, на которого легла вся тяжесть этой операции, турки не оказали, несмотря на то что были заинтересованы в этом не менее России. Одновременно Павел старался вовлечь Турцию и в дальнейшие военные действия на Средиземноморье: в апреле 1799 г. Россия просила Порту оказать военную помощь Неаполитанскому королевству [102], которое в это время было оккупировано французами и для освобождения которого в Неаполь были направлены русские войска. Павел хотел вместе с тем еще больше углубить пропасть, разделявшую теперь Турцию и Францию. Порвав дипломатические отношения с входившей в орбиту влияния Франции Испанией, Россия в июле 1799 г. потребовала от Порты сначала высылки испанского посла в Константинополе Буллини, а затем, в сентябре того же года, разрыва Турции с Испанией [103].

[99] А. М. Станиславская. Россия и Греция в конце XVIII—начале XIX в. Из истории политики России на Ионических островах (1798—1807). «История СССР», 1960, № 1, стр. 59—76.

[100] ПСЗ, т. XXVI, № 19336; ВПР, т. I, стр. 704—706.

[101] Большинство жителей Превезы, Парги и Воницы — греки. В гор. Бутринто преобладало албанское население.

[102] Томара Павлу I 16(27) апреля 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 890, лл. 44—47 об.

России удалось извлечь из союза с Турцией и некоторые экономические выгоды. 11(22) августа 1799 г. была заключена русско-турецкая конвенция о новом таможенном тарифе в Турции, что соответствовало интересам России [104].

Бурное и успешное наступление Франции заставило правительство Павла I сделать целостность и неприкосновенность Турецкой империи как бы официальным лозунгом русской дипломатии. Именно в эти годы была пущена в ход крылатая и столь часто повторявшаяся фраза о «слабом соседе», о том, что России выгодно иметь на своих границах отсталую, раздробленную, бессильную, подчинившуюся русскому влиянию Турцию [105].

Павел любил повторять, что он порвал с завоевательными тенденциями времен «греческого проекта». Когда в 1799 г. Австрия предложила России раздел Турции, Павел именно в этом духе и отвечал австрийцам. «Граф Кобенцль (австрийский посол в Петербурге.— *А. С.*),— писал Павел В. С. Томаре,— искал убедить нас, что тайные условия, между блаженной памяти императрицы, родительницы нашей, и императором Иосифом II положенные [106], определяют в разных случаях индемнизацию (возмещение, вознаграждение.— *А. С.*) обоим дворам (Австрии и России.— *А. С.*). а именно, между прочим, насчет владений Порты Оттоманской». Русское правительство, подчеркивал Павел, наотрез отвергло эти предложения и заявило, что Россия будет защищать Турцию от всех покушений на нее [107].

[103] Павел I Томаре 19(30) июля 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 886, лл. 39—43; Томара Павлу I 1(12) сентября. Там же, 1799 г., д. 895, лл. 1—3 об., 5 об.

[104] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 894, лл. 58—60.

[105] Об этом см. ниже.

[106] Т. е. русско-австрийская секретная декларация 1795 г. и обмен письмами между Екатериной II и Иосифом II в 1782 г.

[107] Павел I Томаре 1(12) ноября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 886, л. 61.

Чтобы прочнее привязать к России Порту и рассеять инсинуации соперничающих держав, Павел предложил Селиму III в личном письме заключить двухстороннюю конвенцию (без участия союзных Англии и Неаполя) о взаимной гарантии владений и границ [108].

Турецкое правительство понимало, что военная помощь России ему абсолютно необходима. Пребывание крупных русских военно-морских сил в турецких водах тревожило Порту. Однако еще больше она боялась, как бы Россия не отозвала свой флот. Когда в октябре 1799 г. Павел решил вывести из Средиземноморья эскадру Ушакова, Томаре пришлось временно утаить это распоряжение от Порты — настолько она была заинтересована в том, чтобы русские военно-морские силы там оставались [109].

Отдельные возникавшие время от времени неприятные инциденты разрешались обычно благополучно. Так, в декабре 1800 г. пьяные турецкие матросы убили на улицах Константинополя нескольких прохожих и в их числе двух морских офицеров-греков, состоявших на русской службе. Виновные были наказаны Портой, и примечательно, что при этом общественное мнение турецкой столицы приняло сторону русских [110].

Столь же мирно и дружественно был разрешен вопрос об аресте, наложенном Россией в 1801 г. в связи с русско-английским конфликтом на турецкие суда, находившиеся в русских портах (в основном в Одессе) [111].

Во временном урегулировании русско-турецких отношений сыграли известную (разумеется, скромную) роль

[108] Павел I Томаре 22 августа (2 сентября) 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 905, лл. 12—13; Томара Павлу I 16(27) октября 1800 г. Там же, д. 918, лл. 54—55.

[109] Павел I Томаре 23 октября (3 ноября) 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 886, л. 60—60 об.; Томара Павлу I 25 ноября (6 декабря) и 9(20) декабря. Там же, 1799 г., д. 897, лл. 116—120; 1799 г., д. 898, л. 18—18 об.

[110] «В приключении сем не токмо министерство, но и вся публика, и наипаче турецкая, приняли сторону нашу, сравнивая тихость поведения, можно сказать, армий российских, дважды прошедших канал (Босфор.— *А. С.*), со своевольством малого числа корабельной их (турок.— *А. С.*) сволочи». Томара Павлу I 2(13) декабря 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 920, л. 5—5 об.

[111] Нота Турции России 29 марта 1801 г. Нота Томары Порте 13(25) апреля. Реляция Томары Александру I 16(28) апреля. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, лл. 338—339, 237, 241—241 об.

также личный такт и ловкость Томары. Русский посланник сумел подобрать себе в турецких верхах агентов («каналов» — на языке тогдашних дипломатов), ревностно ему служивших и дававших необходимую информацию: то были драгоман Порты в лагере великого визиря; секретарь константинопольского драгомана; Овни эфенди; Янко-Караджe («наилучший канал»,— по словам Томары) [112]. Осторожному и умелому Томаре удавалось иногда проводить весьма деликатные дипломатические операции. Так, в августе 1799 г. Томара через одного из своих «друзей» тайно передал непосредственно самому Селиму III письмо, в котором жаловался на плохую организацию снабжения эскадры Ушакова [113].

Итак, в политике России в Восточном Средиземноморье, в действиях русского правительства в 1799—1800 гг. не содержалось элементов агрессии против Турции. В этом отношении политика России резко отличалась от политики Франции, что понимала Порта. Турецкие дипломатические документы тех лет пестрят излияниями благодарности России, именуемой не иначе, как «самым верным союзником Оттоманской Порты». Союз с Россией, писал Селим III Павлу в личном письме, «охраняет меня от любой иностранной агрессии не только в настоящее время, но и во все времена и при любых обстоятельствах» [114].

Вместе с тем союз с Россией дал Турции мирную передышку, позволившую Селиму III развернуть его внутренние реформы [115].

Говоря о политике и целях России на Ближнем Востоке в начале XIX в., о русско-турецких отношениях в начальный период наполеоновских войн, зарубежные буржуазные историки ставят обычно в центр своего внимания широко известную записку Ф. В. Ростопчина о разделе Турции, поданную императору в октябре 1800 г. (Ростопчин был тогда первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел).

В какой степени это справедливо, можно ли действительно считать, что русская политика определялась

[112] Томара Панину 16(27) февраля 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 921, л. 19—19 об.

[113] Письмо Томары Селиму III (август 1799 г.). АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 894, лл. 11—12 об.

[114] Селим III Павлу I (1801 г., без даты). АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., ф. 6226, л. 3.

[115] А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 116.

целями, изложенными в записке Ф. В. Ростопчина? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо остановиться подробнее на обстановке и условиях, породивших проект Ростопчина.

Основами его были, во-первых, резко враждебное отношение к Англии [116], желание организовать против нее коалицию европейских держав; во-вторых, расчет на то, что война Англии и Франции затянется и Россия будет иметь возможность сыграть на этом.

Ростопчин предлагал заключить мир и затем союз с Францией и (в этом была цель его проекта) перенести центр тяжести внешней политики России с Запада на Восток. Конечной целью России, по мнению Ростопчина, должен быть раздел Турции с Австрией и Францией. Доля России при этом — Румелия, Булгария и Молдавия; доля Австрии — Босния, Сербия и Валахия («не много ль?»,— написал на полях Павел); доля Франции — Египет. Грецию и Архипелаг Ростопчин предлагал сделать пока что независимой республикой в надежде на то, что с течением времени «греки и сами подойдут под скипетр российский» («а можно и подвести»,— лаконически заметил Павел). Павел утвердил проект Ростопчина [117].

Агрессивная, захватническая сущность замыслов Ростопчина очевидна. Необходимо, однако, для полного и объективного освещения политики России на Ближнем Востоке подчеркнуть, что проект Ростопчина имел случайный, эпизодический характер. Ничто в русско-турецких отношениях во время его появления на сцене не свидетельствовало о враждебных замыслах России против Турции. Русское правительство и по форме лояльно выполняло свои союзнические обязательства, и по самому существу своей политики в этот период не стремилось к приобретениям за счет Турции. Отношения между Россией и Турцией в первый период русско-турецкого союза были самые мирные и дружественные.

Ростопчин в своей записке предлагал заключить союз с Наполеоном, в основе которого должен был лежать раздел Турции. Можно было бы ожидать, следовательно,

[116] О русско-английском конфликте в 1800—1801 гг. см. ниже.

[117] Записка гр. Ф. В. Ростопчина о политических отношениях России в последние месяцы павловского царствования. «Русский архив», 1878, кн. I, стлб. 103—110.

что Россия начнет с Наполеоном соответствующие переговоры. На деле произошло обратное: усилия Павла во время кратковременной «дружбы» с Наполеоном были направлены на то, чтобы вырвать у Франции Египет и вернуть его Турции [118]; никаких предложений о разделе Османской империи Россия французскому правительству не делала.

В январе 1801 г. Ростопчин приказал Томаре успокоить Турцию, убедить ее в отсутствии у России «системы, клонящейся к потрясению Оттоманской империи», сообщить, что С. А. Колычеву, направленному в это время для переговоров с Францией в Париж, было предписано защищать интересы Турции и требовать освобождения Египта [119]. Ростопчин, вероятно, вопреки собственному желанию, говорил правду. Именно таково было *реальное содержание* русской политики в Средиземноморье. Пресловутая же «Записка» будущего московского генерал-губернатора принадлежала к числу тех бумажных проектов, которыми так богата была эта эпоха.

Россия имела все основания быть довольной создавшимся положением. Русское влияние почти безраздельно господствовало в Константинополе (позиции Англии были намного слабее). Русский военный флот получил свободный выход на Средиземное море.

Мирными средствами, на основе русско-турецкого договора 1799 г. Россия завоевала такие преимущества, которыми она, несмотря на крупные успехи в войнах с Турцией, не пользовалась ни в предшествующий, ни в последующий период (за исключением 30-х годов XIX в.).

* * *

С конца 90-х годов XVIII в. политика России в Восточном Средиземноморье складывается в новых исторических условиях.

В середине 90-х годов у России в Константинополе не было сильных соперников. Франция потеряла свои былые позиции первенствующей державы. Англия после краха Тройственного союза и планов войны с Россией вернулась к пассивной политике на Ближнем Востоке; восточный

[118] См. ниже.

[119] Ф. В. Ростопчин Томаре 3(15) января 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2217, л. 2—2 об.

вопрос снова, как и в 70-х — первой половине 80-х годов, перестал играть существенную роль в английской политике.

В конце 90-х годов происходят резкие изменения. Слабевшую монархическую Францию сменяет молодое буржуазное государство, стремящееся к колониальным завоеваниям. Из традиционной «покровительницы» Турции Франция превращается в ее врага. Египет, Сирия, Мальта, Ионические острова становятся первоочередными объектами французской агрессии в Средиземноморье.

Вслед за тем резко активизируется и Англия. Английский флот развертывает крупные операции на Средиземном море. Неаполь, Мальта, Египет стоят теперь в центре внимания Англии.

В политике России в Средиземноморье также открывается новый этап. Союзный договор с Турцией и Англией, открытие проливов для русского военного флота, утверждение на Ионических островах и превращение ионических портов в военно-оперативные базы русского флота, действия русских войск в Южной Италии в сильнейшей степени усилили позиции России.

Специфика политики России, характерная для данного периода, заключается в том, что все эти крупные достижения были завоеваны не посредством войны с Турцией, а благодаря союзу с нею. Отношения России и Турции приняли дружественный характер. Появлявшиеся время от времени в правительственной верхушке экспансионистские тенденции (проект Ростопчина) практически не оказывали влияния ни на средиземноморскую политику России, ни на русско-турецкие отношения.

Однако России приходилось ныне иметь дело с гораздо более сильными соперниками, чем в XVIII в. Возможности Англии после промышленного переворота, Франции после революции, равно как и степень заинтересованности их в восточном вопросе, резко возросли. Феодально-крепостническая Россия начинает отставать от своих перешедших на капиталистические рельсы соперников.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Соперничество великих держав в Восточном Средиземноморье и распад второй коалиции. Военный конфликт России и Англии (1798—1801)

1

Плодами побед Суворова в Италии воспользовалась не Россия, а Австрия. Одной из основных целей Австрии, побудивших ее присоединиться к второй коалиции, было стремление к овладению Северной и Центральной Италией. Ближайшими объектами захватнических замыслов Австрии стали Пьемонт, Равенна, Феррара, Болонья, Тоскана и в более отдаленной перспективе Неаполь.

Австрийские планы овладения Пьемонтом натолкнулись на решительное сопротивление со стороны России, опасавшейся усиления Австрии. Русская дипломатия в 1796—1799 гг. завязала связи с королем Карлом-Эммануилом IV. В 1799—1800 гг. пьемонтский посланник Бальбо вел в Петербурге переговоры о заключении союза [1]. К тому же Павел считал недопустимым подобное нарушение прав «законного» властителя Пьемонта — это шло вразрез с его общей реставрационной легитимистской программой. Восстановление независимости Пьемонта (Сардинского королевства) стало одной из задач русской политики в Италии, что оказало серьезное влияние на отношения России с Австрией, а впоследствии и с Францией.

[1] J. Greppi. Révélations diplomatiques sur les relations de la Sardaigne avec l'Autriche et la Russie pendant la première et la deuxième coalition. Paris, 1859, p. 114—118, 122—125, 141—158; М. А. Полиевктов. Проект союза России с Сардинским королевством в царствование императора Павла I. В кн.: «Сборник памяти Л. Н. Майкова». СПб., 1902, стр. 35—47.

После формальной реставрации Сардинского королевства Австрия постаралась, однако, не допустить фактического восстановления его независимости. Австрийские власти подчинили Пьемонт своему управлению, Вена противилась возвращению короля Карла-Эммануила IV в Турин, на чем настаивал Павел. Реакционное туринское правительство боялось Австрии и не решалось заключить союз с Россией [2]. Пьемонт стал одним из поводов русско-австрийского конфликта.

Россия и Австрия сталкивались и в Южной Италии. Между Россией и Неаполем с 80-х годов XVIII в. существовали политические связи; Неаполь играл известную роль в русской черноморской торговле. Союзный договор 1798 г. и последующие действия войск Ушакова в Неаполе упрочили позиции России в Южной Италии. Для русской политики сохранение этих позиций имело теперь особенно важное значение. Установление протектората России над Ионическими островами усиливало ее внимание к положению дел в Неаполе — от портов Отрантского полуострова до Корфу было недалеко. По стратегическим соображениям Россия в конце XVIII — начале XIX в. была заинтересована в целостности Неаполитанского королевства.

У Австрии не было прямых планов захвата Неаполя, однако ее усиление в Северной и Центральной Италии создавало для него угрозу. Россия в соперничестве Австрии и Неаполя решительно приняла сторону последнего [3].

Неаполь сделал попытку найти у России защиту от Австрии. В Петербург был направлен со специальной миссией маркиз Галло, прибывший туда в конце июня 1799 г.[4] Галло был горячим сторонником ориентации на Россию — единственную, по его мнению, державу, не добивающуюся территориальных приобретений в Италии и

[2] Дж. Берти. Указ. соч., стр. 187.

[3] В. П. Кочубей С. Р. Воронцову 4(15) июня 1799 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 211.

[4] О миссии Галло см. C. di Somma. Une mission diplomatique du marquis de Gallo à St. Petersbourg en 1799. Napoli, 1810. См. также письма Панина 3(14) ноября 1799 г. (Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 94—97), Ростопчина 15(26) ноября, 22 ноября (3 декабря) (там же, т. 8, стр. 262—266, 271), Кочубея 2(13) ноября 1799 г. (там же, т. 14, стр. 117—119). Статья И. Н. Борецкого-Берфельда «Император Павел I и исторические судьбы Италии» («Русская старина», 1912, март, кн. 3, стр. 509—522) представляет собой изложение книги ди Сомма. См. также Дж. Берти. Указ. соч., стр. 178—183.

способную сдержать притязания Австрии [5]. Просьбы Неаполя о покровительстве [6] были сочувственно выслушаны Павлом (Галло в конце июня был лично принят императором). Павел предложил созвать в Петербурге конгресс держав — участниц коалиции для решения итальянского вопроса [7]. План Павла вызвал сопротивление Австрии [8], которую поддерживала Англия. Галло был дезавуирован королем Фердинандом IV и выслан из Петербурга.

К противоречиям России и Австрии в Италии присоединялось соперничество их в Адриатике и на Балканах. Получив по Кампо-Формийскому миру Истрию, Далмацию и Которскую область (Бокка ди Каттаро), Австрия в 1798 г. делала попытки проникнуть на Ионические острова [9], а также вела против России интриги в Черногории и Дубровнике (Рагузе).

К концу 1799 г. в полной мере дал себя знать один из основных пороков второй коалиции — неясность и несогласованность конечных целей ее участников. Союзники были согласны между собой лишь в том, что нужно разбить Францию. Что же собственно должно последовать за этим, какова будет судьба Италии, Мальты, Ионических островов, Египта после того, как коалиция разобьет Францию и заключит победоносный мир,— этого великие державы себе не представляли, да и не особенно утруждали себя подобными вопросами; каждая из них заботилась лишь о том, чтобы захватить добычу побольше. Результаты этого особенно резко сказались в Италии, где столкнулись Австрия и Россия, и на Ионических островах, из-за обладания которыми соперничали Россия, Турция, Англия, Австрия. Одновременно начинались разногласия союзников из-за Мальты и Египта.

Русская дипломатия осознала в какой-то степени опасность подобного положения вещей для «общего дела»

[5] C. di Somma. Op. cit., p. 44—47, 56.

[6] Галло во время своего пребывания в Петербурге подал Павлу I и Ростопчину ряд докладных записок. C. di Somma. Op. cit., p. 316—340.

[7] C. di Somma. Op. cit., p. 69—84, 193—197. См. также рескрипт Павла I посланнику в Неаполе гр. Мусину-Пушкину 15(26) июля. АВПР, ф. Сношения России с Неаполем, 1799 г., д. 271, лл. 2—3.

[8] C. di Somma. Op. cit., p. 117—118, 213—215, 219—224.

[9] А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. V. СПб., 1894, стр. 304.

(cause commune), как называлась на условном дипломатическом языке коалиция, и сделала попытку спасти положение. В середине 1799 г. Павел предложил союзникам собрать в Петербурге конгресс коалиционных держав и обсудить на нем наряду с итальянским вопросом, о чем уже говорилось, военные цели великих держав и условия будущего мира с Францией. Со своей стороны Павел выдвинул проект, в основных чертах сводившийся к восстановлению в Европе довоенного положения (status quo ante bellum). Павел предполагал присоединить Австрийские Нидерланды (Бельгию) к Голландии, вернуть Францию в границы 1792 г., восстановить старые порядки и границы в Германии и Италии. Исключение из этой строго восстановительной программы он делал для Пруссии, которой намеревался предоставить возмещение на Рейне, и для Англии, за которой он оставлял ее завоевания в колониях [10].

Проект Павла рухнул из-за нежелания Австрии и Англии поддержать его [11], чего, собственно, и следовало ожидать. Отказ от территориальных приобретений в Италии никак не устраивал Вену.

Австрия решила, что она сможет хозяйничать в Италии свободнее, если удастся выжить оттуда Суворова. После победы при Нови Суворов готовился к атаке на Геную, а затем — на Ниццу и Париж при одновременном наступлении на Швейцарию из Южной Германии. Но не так решила Вена. Гофкригсрат дал Суворову приказ направиться в Швейцарию. В швейцарском походе армию Суворова встретили тяжкие испытания. Наступление через упорно оборонявшиеся французами альпийские переходы потребовало от солдат и командиров сверхчеловеческого героизма. Перейдя с боями через Сен-Готард и взяв 14(25) сентября штурмом Чортов мост, Суворов вышел в Муттенскую долину. Здесь русских окружили дивизии Мортье и Массена. В отчаянных боях 19—20 сентября (30 сентября — 1 октября) Суворов прорвал окружение и вывел измученную, понесшую большие потери, но покрывшую себя бессмертной славой армию через гребень Паникса к верхнему Рейну.

В то время как Суворов штурмовал Чортов мост, корпус Римского-Корсакова потерпел в районе Цюриха тяжелое поражение. Значительную часть своей армии австрийцы из Швейцарии вывели. Реальных возможностей для нового наступления не было, и Суворов отвел войска на отдых. Своей цели Австрия в какой-то степени достигла — русских сил в Северной и Центральной Италии больше не было.

Коварный маневр австрийского командования послужил толчком к начавшемуся распаду второй коалиции. Добившись ухода суворовских войск из Италии, Австрия стала бесконтрольно хозяйничать в Пьемонте и Ломбардии. Мольбы сардинского короля о том, чтобы царь снова послал русские войска в Италию, были напрасны: Павел в это время принял уже противоположное решение. Еще в сентябре русское правительство пришло к выводу, что лучше вести военные действия отдельно от австрийцев. 11(22) октября Павел в очень резком письме заявил императору Францу II о конце русско-австрийского союза.

Судьба второй коалиции в этот момент во многом зависела от того, какую позицию займет Англия — она могла либо сдержать, либо разжечь вожделения Австрии. Павел надеялся на первое и просил Питта использовать свое влияние на Австрию, чтобы «удержать австрийский дом, удвоить свою власть насильственными завладениями» [12]. Однако надежды и расчеты Павла оказались ошибочными: Питт счел за благо поддержать действия Австрии в Италии. В октябре 1799 г. английское правительство рекомендовало России согласиться на переход Пьемонта к Австрии и предложило свое посредничество. Георг III в личных письмах Павлу уговаривал его не противиться Австрии [13].

Проавстрийская позиция Англии в вопросе о Пьемонте объяснялась ее страхом перед проникновением русского

---

[10] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 3.

[11] См. письмо В. П. Кочубея С. Р. Воронцову 27 августа (7 сентября) 1799 г. о двойной игре Австрии и ее отрицательном отношении к проекту созыва конгресса. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 220—221.

[12] Павел I С. Р. Воронцову 21 ноября (2 декабря) 1799 г. Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 623.

[13] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 2; Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 621; т. II, стр. 472; Select Dispatches from the British Foreign Office Archives Relating to the Formation of the Third Coalition against France 1804—1805. Ed. by J. H. Rose. London, 1904, p. 43—44 (далее: J. H. Rose. The Third Coalition).

влияния в Италию. К этому присоединялось желание английского правительства перенести центр военных операций союзников из Италии во Францию. По этим соображениям Англия поддерживала Вену в ее настояниях на переброске корпуса Суворова из Италии в Швейцарию [14].

Полного единства в английских правительственных кругах, однако, не было. Питт стоял за активную поддержку австрийских планов овладения Пьемонтом, Австрию поддерживал лорд Минто [15]. Но среди влиятельных англичан были и противники Австрии. К их числу принадлежал прежде всего статс-секретарь по иностранным делам Гренвиль [16].

Англия поддерживала Австрию в ее борьбе против России в неаполитанском вопросе. Английский посланник в Неаполе Артур Пэйджет старался воспрепятствовать сближению Неаполя с Россией [17].

В этом же духе действовал и Нельсон, с тревогой следивший за описанными выше переговорами Галло в Петербурге [18].

Итальянская политика России нашла в Англии не менее опасного, хотя и более осторожного противника, чем в Австрии.

Поддержка Англии окрылила Австрию. В ноябре 1799 г. Австрия сбросила маску и в поданной России ноте к вящему возмущению Павла официально потребовала себе Пьемонт и Феррарское, Равеннское и Болонское легатства [19]. Ответом на это был приказ Павла Суворову 27 декабря (7 января) о немедленном возвращении его войск в Россию. В апреле 1800 г. были порваны дипломатические отношения между Россией и Австрией.

Вторая коалиция быстро и неудержимо шла к своему концу. Англия тщетно пыталась приостановить ее распад и сохранить для борьбы против Франции неисчерпаемые военные ресурсы России [20].

Нарастание кризиса русско-английских отношений пошло еще быстрее после краха объединенной экспедиции в Голландию в 1799 г.

Голландская экспедиция была нужна одной лишь Англии: в Лондоне было решено захватить или уничтожить голландский флот. Это было далеко не в интересах России — Голландия могла явиться известным противовесом морского господства Англии. Впоследствии, уже после Венского конгресса, Россия делала попытки сблизиться с Голландией, чему противодействовала Англия.

Некоторые представители русских правительственных кругов понимали, что России невыгодно усиливать Англию за счет Голландии. К их числу принадлежал, например, В. П. Кочубей [21].

В результате настойчивых просьб Англии Павел согласился послать русские войска для экспедиции в Голландию. 11(22) июня была заключена новая русско-английская конвенция о совместных действиях [22].

16(27) августа 1799 г. объединенная русско-английская армия под общим командованием сына Георга III герцога Йоркского начала высадку в районе Гельдера (Северная Голландия). Действия союзников протекали неудачно. Первое же крупное сражение при Бергене 8(19) сентября закончилось их поражением. Главной причиной неудачи были распоряжения английского командования. Утомленные русские части были поставлены против сильных французских войск, тогда как на себя англичане взяли более слабых голландцев. В ходе сражения русские и англий-

[14] A. W. Ward. Op. cit., p. 292, 293; J. H. Rose. Life of W. Pitt. London, 1923, part II, p. 376—377; Report on the Manuscripts of J. B. Fortescue, Preserved at Dropmore, vol. V. London, 1906, p. 144—145, 251—258 (далее: Dropmore Papers).

[15] О проавстрийской позиции Питта говорят его письма Гренвилю в сентябре 1799 г. Dropmore Papers, vol. V, p. 380—381, 396—397. См. также J. H. Rose. Pitt and Napoleon. London, 1912, p. 264—265; The Paget Papers. Diplomatic and other Correspondence of... sir Arthur Paget, vol. I. London, 1896, p. 227 (далее: The Paget Papers); J. Greppi. Op. cit., p. 159—161; Д. Милютин. Указ. соч., т. II, стр. 472.

[16] Об антиавстрийской позиции Гренвиля см. J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 378; J. H. Rose. Pitt and Napoleon, p. 264—265; Dropmore Papers, vol. V, p. 236—237, 356—357, 400.

[17] Письмо Пэйджета Гренвилю 23 июня (4 июля) 1800 г. The Paget Papers, vol. I, p. 239—240.

[18] Нельсон первому лорду адмиралтейства гр. Спенсеру 15(26) сентября 1799 г. The Dispatches and Letters of Vice-Admiral Lord Viscount Nelson. Ed. by sir Nicholas Harris Nicolas, vol. IV. London, 1845, p. 29 (далее: Nelson. Dispatches).

[19] Д. Милютин. Указ. соч., т. II, стр. 473—474.

[20] См. вербальную ноту английского посланника в Петербурге Ч. Уитворта с протестом против отзыва русских войск. А. Брикнер. Материалы для жизнеописания гр. Н. П. Панина..., т. V. СПб., 1891, стр. 33—36.

[21] См. письмо Кочубея С. Р. Воронцову 16(27) июля 1799 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 217—218.

[22] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. IX (X), стр. 430—440.

ские силы действовали разрозненно: англичане не поддержали наступавшие русские части. Наконец, русские не имели возможности пустить в ход артиллерию, так как английское командование не дало им лошадей, что оно обязано было сделать по условиям конвенции 11(22) июня. Потери русского корпуса значительно превышали английские потери. Командующий русским корпусом генерал-лейтенант Герман был взят в плен. За этим последовали второе сражение при Бергене 21 сентября (2 октября), на этот раз более удачное для союзников, но все же не давшее им реальных преимуществ, и сражение при Бакуме 25 сентября (6 октября) — также с неопределенным исходом. И на этот раз англичане не оказали русским частям необходимой поддержки: английская колонна, назначенная прикрывать наступление русского правого фланга, не двинулась с места. После этого союзная армия начала отход. 5(16) — 8(19) ноября союзники оставили Голландию.

С эвакуацией из Голландии мытарства русских войск не кончились. По прибытии к английскому порту Дилю они не получили разрешения на высадку и были отправлены в Портсмут, а оттуда на острова Джерси и Гернси, где их также не приняли и в течение шести недель держали на кораблях в самых тяжелых условиях. Расположившись затем на зимних квартирах на островах, русские войска терпели жестокую нужду.

Для России итоги экспедиции свелись к тому, что она потеряла более трети экспедиционной армии. Англия же, хотя и не достигла цели, все же могла считать себя в выигрыше: ей достался после капитуляции при Текселе голландский флот.

Для английской буржуазной историографии характерна попытка свалить на Россию ответственность за фиаско голландской экспедиции. Сравнительно осторожно об этом говорил «старомодный» Дж. Х. Роуз [23]. Намного дальше его пошел современный реакционный консервативный историк А. Брайент. Русские войска в сражении при Бергене 8(19) сентября, пишет он, «были не более, чем отважная толпа (brave mob), дико стрелявшая во всех направлениях» [24]. Обратившись в паническое бегство, русские при Бергене увлекли будто бы за собой британские

[23] J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 382.
[24] A. Bryant. The Years of Endurance. 1793—1802. London, 1942, p. 288.

войска. А. Брайент изощряется в пошлых шовинистических анекдотах по адресу русских солдат, изображая их какими-то полудикарями, лишенными элементарных культурных навыков [25].

Немногим лучше А. Брайента в этом отношении и более либеральный автор раздела о голландской экспедиции в капитальной работе «Кэмбриджская история британской внешней политики» [26].

Большую роль в надвигавшемся конфликте России и Англии играло упорное нежелание правительства Питта начать крупные военные действия на континенте и совершить совместно с русскими войсками десант во Францию. Между тем проект этого объединенного десанта стоял в центре военных планов Павла в конце 1799 — начале 1800 г.[27]

В 1798—1799 гг. завязался узел противоречий между Англией и ее союзниками по коалиции, противоречий, столь часто и столь мучительно сказывавшихся в дальнейшем ходе наполеоновских войн. Английское правительство не скупилось обычно на обещания употребить свою армию для активных действий на континенте, поддержать операции своих союзников десантом. Когда же союзники, напрягавшие все силы и приносившие огромные жертвы в борьбе с Наполеоном, начинали требовать от Англии помощи не на словах, а на деле, Англия отказывалась выполнить обязательства, прикрываясь ссылками на малочисленность своей армии, экономические трудности, военную неподготовленность и т. п. Подобная тактика английского правительства была одной из причин, приведших Россию в 1800—1801 гг. к сближению с Францией, в 1806—1807 гг.— к Тильзиту.

О сознательном намерении английского правительства уклониться от оказания России той боевой помощи, на которой она настаивала, говорит переписка В. Виндхема, стоявшего тогда во главе военного министерства Англии. В августе 1798 г. Виндхем вместе с Д. Каннингом (Каннинг был тогда помощником статс-секретаря по иностранным делам) считали: «Все или ничего: страна должна

[25] Ibid., p. 287, 293.
[26] A. W. Ward. Op. cit., vol. 1, p. 295.
[27] Павел I С. Р. Воронцову (без даты). Архив кн. Воронцова, т. 28, стр. 209; Павел I С. Р. Воронцову 21 ноября (2 декабря) 1799 г. Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 623.

оставаться так же, как теперь, на позициях чистой обороны, пока она не будет иметь повсеместного содействия» [28]. Через год, в сентябре 1799 г., Виндхем стоял на прежней точке зрения (хотя за это время, казалось бы, Англия уже заручилась желанным «повсеместным содействием») и старался убедить правительство в том, что русско-английское вторжение во Францию не имеет шансов на успех [29].

Уклончивая и явно двусмысленная тактика английского правительства в вопросе о десанте дала последний толчок давно уже назревшему раздражению Павла против Англии. Зачастую анализ поводов к русско-английскому конфликту 1800—1801 гг. сводится в литературе к вопросу о захвате Мальты Англией. Но это не так: Мальта была занята англичанами 25 августа (5 сентября) 1800 г., резкое же ухудшение отношений между Россией и Англией последовало еще в феврале — апреле того же года.

Нарастанию напряженности русско-английских отношений способствовали и недоразумения в вопросе о субсидиях. Англичане под разными предлогами увиливали от платежа и занижали сумму причитавшихся России субсидий, хотя последние далеко не покрывали расходов на содержание русских войск. К концу августа 1800 г. Англия задолжала России около полумиллиона фунтов стерлингов [30].

Несмотря на плачевный конец экспедиции в Голландию, английское правительство осенью 1799 г. все же продолжало требовать от России подкреплений, в чем получило отказ. В конце ноября 1799 г. Павел приказал зимовавшему на островах Джерси и Гернси русскому экспедиционному корпусу и эскадре Макарова возвращаться в Россию, что чрезвычайно напугало английское правительство [31]. В марте 1800 г. было окончательно решено приостановить военные действия и отказаться от планов вторжения во Францию [32]. Находившиеся в Англии русские сухопутные войска и эскадра начали постепенно возвращаться в Россию.

Конфликт России и Англии стал быстро развиваться, пока, наконец, не привел к окончательному разрыву. 1(12) февраля 1800 г. Павел потребовал отзыва Ч. Уитворта — «лживого министра». Заменить Уитворта другим представителем английское правительство отказалось [33]. Вслед за тем, по естественной логике вещей, впал в немилость С. Р. Воронцов — знаменосец англофильской группировки русских сановников [34]. В июне был выслан из Петербурга остававшийся там после отъезда Уитворта английский поверенный в делах. Дипломатические отношения между Англией и Россией фактически были порваны.

Но раньше, чем говорить о дальнейшем развитии русско-английского конфликта, посмотрим, как складывались отношения обеих стран в Средиземноморье.

2

Россия, Англия и Турция были тесно связаны союзными договорами 1799 г., задачами общей борьбы против Франции. Русские и английские дипломаты в Константинополе старались действовать единым фронтом. И все же иной раз независимо от тех, кто направлял внешнюю политику России и Англии, интересы обеих стран в Средиземноморье сталкивались. Англия и Россия начали как союзники, кончили как враги.

Русско-английское соперничество в Константинополе за влияние на Турцию не приняло открытого характера.

---

[28] Запись в дневнике Виндхема 7(18) августа 1798 г. W. Windham. The Diary. 1784—1810. London, 1866. p. 400—401.

[29] Виндхем Гренвилю 26 августа (6 сентября) 1799 г. The Windham Papers, vol. II. London, 1913, p. 121—122.

[30] Панин С. Р. Воронцову 1(12) марта 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1800 г., д. 534, лл. 14—18; С. Р. Воронцов Павлу I 2(13) марта. Там же, 1800 г., д. 528, лл. 1—2 об.; Русский поверенный в делах в Лондоне В. Г. Лизакевич Ростопчину 28 августа (8 сентября). Там же, 1800 г., д. 532, лл. 51—52.

[31] С. Р. Воронцов Павлу I 14(25) марта 1800 г. Там же, 1800 г., д. 528, лл. 29—30. Ср. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 4 и Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 335.

[32] Ростопчин Суворову 16(27) марта 1800 г. Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 637.

[33] Павел I С. Р. Воронцову 1(12) февраля 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1800 г., д. 526, л. 6; С. Р. Воронцов Павлу I 24 марта (4 апреля) 1800 г. Там же, д. 528, лл. 39—45.

[34] 4(15) апреля 1800 г. Ростопчин приказал С. Р. Воронцову просить увольнения от службы (Архив кн. Воронцова, т. 28, стр. 215). Затем, однако, Павел несколько смягчился и заменил это, так сказать, «освебождение по собственному желанию» разрешением отправиться «к водам на континент» (Рескрипт 13(24) апреля. Архив кн. Воронцова, т. 28, стр. 212—213). В конце концов Воронцов выпросил себе разрешение остаться в Англии (Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 330—331).

Здесь Россия была преобладающей державой, и Англии приходилось действовать осторожнее.

Представителям России и Англии в Константинополе было приказано поддерживать тесный контакт и действовать солидарно и согласованно. Так они в ряде случаев действительно и поступали. Например, осенью 1799 г. оба дружно потребовали от Турции разрыва отношений с Испанией [35].

Но, несмотря на это, Англию тревожил рост влияния России в Константинополе, и она старалась его ослабить. Питт твердо решил, что руководство турецким флотом и армией должно принадлежать Англии. Английское правительство пошло ради этого на необычный в дипломатической практике шаг. Кроме Спенсера Смита в Константинополь был назначен в ранге полномочного министра талантливый, отважный и предприимчивый Вильям Сидней Смит (брат предыдущего), который должен был по замыслу Питта возглавить военные действия против Франции.

С этого времени английская политика на Ближнем Востоке тесно связана с именем Сиднея Смита, особенно прославившегося успешной обороной в 1798 г. крепости Акки (Акры) от французов. «Братья Смиты», как именовал их обычно в своих депешах Томара, относились к России враждебно. Одной из основных задач Англии Сидней Смит считал борьбу против русского влияния на Турцию. Турция беспомощна; если ей не помочь, то она попадет под иго России, говорил он командующему английским флотом на Средиземном море адмиралу Д. Кейту. Турция, писал он в 1806 г. маркизу Р. К. Уэлслею, «вынуждена считаться с одной лишь Россией, так как именно сейчас она боится ее меньше, чем Франции. Но ее (России.— *А. С.*) исключительное влияние проистекает только из того, что мы никаким влиянием не пользуемся. Это невыгодно для нашего союзника (Турции.— *А. С.*), который считает нас арбитром в своих делах, сознавая, что у нас не может быть других интересов, как целостность Турецкой империи, тогда как других (намек на Россию!— *А. С.*) можно заподозрить в советах, продиктованных корыстью». Англия, наставлял Уэлслея считавшийся экспертом в восточных делах Смит, должна взять под свой контроль русско-турецкие отношения [36].

[35] Совместная русско-английская нота Порте 5(16) сентября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 895, лл. 70—71 об.

Сидней и Спенсер Смиты во время своей деятельности в Константинополе усердно старались подчинить Турцию британскому влиянию [37]. С особым рвением Сидней Смит заводил связи в турецком флоте. Строительство новых канонерских шлюпок в турецком адмиралтействе велось по его собственным чертежам [38]; из Лондона он требовал денег для укрепления турецкого флота.

Капудан-паша [38] Кючук Хюсейн сдружился с Сиднеем Смитом и стал открытым сторонником англичан, «яко непомерный почитатель превосходства их в знаниях морских и вообще приписываемой характеру их нации честности» [39]. Сиднею Смиту удалось получить едва ли не решающий голос в делах, касавшихся турецкого флота. В конце концов он стал в Константинополе весьма крупной фигурой. Ту же роль пытался играть глава английской военной миссии в Константинополе генерал Дж. Ф. Келлер, составлявший для турецкого генерального штаба планы предстоящей кампании против Франции [40].

В экономическом отношении Англия, субсидировавшая вторую коалицию, также занимала сильные позиции — Турция надеялась получить у нее заем [41] (для этой надежды у нее были известные основания: в 1796 г. подобный заем получила Австрия).

Пользуясь своими преимуществами, Англия вмешивалась в международные и внутренние дела Турции. Так, Англия в мае 1799 г. потребовала от Турции прекращения связей с правителем Майсура Типу-султаном, который в

[36] Сидней Смит Кейту 17(28) сентября 1800 г. The Keith Papers, vol. II. London, 1950, p. 225—226. Он же маркизу Уэлслею 22 января (3 февраля) 1806 г. The Wellestey Papers, vol. 1. London, 1914, p. 206. Речь идет о русско-турецких переговорах в 1805 г. о возобновлении союзного договора.

[37] См. о деятельности Сиднея Смита в Константинополе в 1799—1800 гг. F. Charles-Roux. Op. cit., vol. I, p. 138—140.

[38] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 890, л. 37.

[38а] Начальник военно-морских сил.

[39] Томара Павлу I 2(13) декабря 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 920, л. 16.

[40] F. Charles-Roux. Op. cit., vol. I, p. 159—160.

[41] Томара Павлу I 1(12) мая 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 891, л. 7 об.

это время выступил против английского владычества в Индии [42].

В октябре того же года коммодор Сидней Смит, недовольный слабостью, проявленной Портой по отношению к непокорным пашам Кипра и Родоса, потребовал, чтобы Порта обратила против них оружие. В своем письме каймакаму-паше (главе временного кабинета) Смит обрушился на нерешительность Порты, неспособной подавить сепаратистские тенденции пашей [43].

Несмотря на связывавший Россию и Англию союз, братья Смит не считали нужным скрывать своей враждебности к России и свои взгляды относительно того, что Англии должна принадлежать доминирующая роль на Ближнем Востоке. Уже в декабре 1798 г., т. е. в «медовый месяц» русско-английского сотрудничества, Кочубей считал, что Спенсер Смит — неумелый дипломат и должен быть отозван [44]. «Неправильное разумение обо всем (т. е. о международной обстановке на Ближнем Востоке.— *А. С.*), подкрепляемое странными отвлечениями остроумия о впредь будущей участи государства (т. е., надо понимать, внушениями Смита о русских проектах раздела Турции.— *А. С.*), делают Спенсера Смита совершенно неспособным к трактованию»,— писал и В. С. Томара С. Р. Воронцову в конце 1799 г.[45], когда англо-русский союз сохранял еще полную силу.

По мере развертывания русско-английского конфликта отзывы Томары о Смитах становились все резче. «Оба Смита,— сообщал он Павлу в мае 1800 г. (накануне разрыва с Англией),— почитая в будущее время Россию главною соперницею по сим видам Англии, всемерно старались вредить доверенности к нам турков и не допустить нас помогать им в Египте». Сидней и Спенсер разжигали недоверие Порты к планам России относительно Ионических островов [46].

[42] Нота Спенсера Смита Турции 4(15) мая 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 891, лл. 45—48 об.

[43] Томара Павлу I 17(28) октября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 896, лл. 84—86 об.

[44] Письма Кочубея С. Р. Воронцову в декабре 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 188, 191.

[45] Письмо 16(27) декабря 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 898, л. 36—36 об.

[46] Томара Павлу I 1(12) мая и 1(12) июня 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 914, л. 3; д. 915, л. 2 об.

Даже сменивший Спенсера Смита новый английский посол в Константинополе лорд Т. Эльджин (правда, им двигала личная ненависть к Смитам) не скрывал от Томары, что он «находит разумения господина Смита о России в отношениях ее с Портой не сходственными со справедливостью и с настоящим положением дел в Европе» [47].

Предметом особых забот Смитов была английская торговля в Леванте, которой они усиленно покровительствовали. До 1804 г. представитель Англии в Константинополе был то полностью, то частично на жаловании у Левантийской компании. Личные связи Спенсера Смита с компанией были особенно крепки, и не случайно после своей отставки он стал ее представителем в Константинополе. И Сидней и Спенсер верно блюли интересы английского торгового капитала. «Министры аглинские у Порты,— говорил по этому поводу Томара,— служат гораздо прилежнее Левантской компании, которая их содержит, нежели королю. Таков точно есть министр Смит» (Спенсер.— *А. С.*) [48].

Вызванный войной между Францией и Турцией кризис французской торговли в Леванте вдохновил находившуюся в упадке Левантийскую компанию на попытку воспользоваться обстоятельствами и расширить свои операции на турецком рынке. Для этого ей было нужно затормозить развитие русской торговли в Турции и использовать, перехватить те торговые связи, которые в свое время завели в Леванте французские купеческие фирмы. Братья Смит всячески содействовали в этом Левантийской компании. Сидней Смит во время пребывания в Константинополе принимал под английское покровительство крупнейшие французские купеческие дома, вызволял из заключения и отправлял во Францию арестованных турецкими властями французских купцов и т. п. [49] Поддерживали британские дипломаты — наймиты Левантийской компании — и попытки английских купцов ограничить торговые связи России с Турцией. В 1799 г. последняя обратилась к России с просьбой о поставках по казенным ценам

[47] Томара Павлу I 17(28) декабря 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 898, л. 33 об.

[48] Томара Ростопчину 16(27) сентября 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 924, лл. 56 об.— 57.

[49] Томара Павлу I 1(12) мая 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 914, л. 3.

пороха, ружей, якорей и т. п. Русское черноморское адмиралтейство замешкалось с поставками, и тогда инициативу перехватили англичане: Спенсер Смит предложил туркам в качестве комиссионера казначея Левантийской компании Тука (правда, Туку сделка эта не удалась, и ему самому пришлось обратиться за помощью к одесскому адмиралтейству) [50].

Наиболее энергичную попытку расширить сферу своей деятельности и завязать широкую торговлю с черноморскими портами Левантийская компания при поддержке английской дипломатии предприняла в 1799—1800 гг.[51] В июле 1799 г. Спенсер Смит по просьбе компании потребовал от Турции разрешить свободный проход английских торговых кораблей на Черное море. Одновременно Англия начала хлопоты об учреждении консульства в Одессе. Павел держался того мнения, что английская торговля на Черноморье несет для России отрицательные последствия. Царь приказал Томаре «представить Порте, что через сие она поставит себя в зависимость противу Англии и вместо того, чтобы иметь по коммерции дело единственно с нами, принуждена найдется делить свои выгоды и с Англиею, на что мы согласиться не можем», и заявить о решительных возражениях России [52].

Томара стал убеждать турецких министров, что и для турецкого и для русского купечества будет равно нежелателен «дележ малых выгод сей весьма посредственной торговли с нацией (с англичанами.— *А. С.*), столько в купеческом деле искусной и так превосходные и единой ей принадлежащие торговли имеющей», и что развитие английской торговли на Черном море «будет токмо вредно подданным обеих империй (России и Турции.— *А. С.*), которых взаимный торг через допущение в Черное море агличан вскоре до ничего доведен быть может» [53]. Это оказало свое действие. Первоначально Порта предполагала дать англичанам разрешение, рассчитывая в виде компенсации получить согласие Англии на новый таможенный тариф для иностранных товаров, ввозившихся в Турцию, о котором велись переговоры, и возражала было, что «по незначительности всей торговли аглинской в империи Оттоманской мало пользы принести может Англии распространение оной в Черное море» [54].

Кончилось дело, однако, тем, что Турция, хотя и дала в ноябре 1799 г. Англии условное согласие на свободную торговлю в Черном море, но сопроводила это согласие такими оговорками, которые свели его на нет [55].

Отъезд Сиднея Смита из Константинополя и замена Спенсера Смита новым английским послом Т. Эльджином в октябре 1799 г. ослабили ту первоначальную горячность, с которой англичане ранее добивались разрешения на проход своих торговых судов в Черное море [56] (недаром Левантийская компания принесла официальную жалобу в Лондон на пассивность Эльджина в этом вопросе) [57]. Правительство Павла продолжало и в дальнейшем зорко следить за тем, чтобы англичанам не удалось проникнуть на Черное море [58].

* * *

Ионические острова в дотильзитский период наполеоновских войн не играли в средиземноморской политике Англии той роли, какая принадлежала Мальте и Египту,

[50] Томара Павлу I 16(27) мая 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 891, лл. 34—35 об.

[51] A. C. Wood. Op. cit., p. 181.

[52] Томара Павлу I 1(12) июля 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 893, лл. 5 об.— 6; Павел I Томаре 2(13) августа и 30 ноября (11 декабря) 1799 г. Там же, 1799 г., д. 886, лл. 44 об., 64.

[53] Томара Павлу I 1(12) октября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 896, л. 42 об.

[54] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г. д. 896, лл. 43, 86 об.

[55] Турецкая нота Англии 23 октября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 897, л. 26—26 об.; Томара Павлу I 1(12) ноября. Там же, л. 3.

[56] Рвение Смитов в вопросе о черноморской торговле объясняется отчасти их личными интересами. Летом 1800 г. в Константинополь прибыло принадлежавшее им торговое судно с египетскими товарами, направлявшееся в русские черноморские порты. Вместо того чтобы, согласно правилам, получить у Томары паспорт и заплатить пошлины, Смиты попытались переправить свои товары в Черное море путем фиктивной продажи судна одному русскому подданному (реляция Томары Павлу I 16(27) июня 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 915, лл. 112—113 об.).

[57] Выписка из письма шести членов Левантийской компании лорду Гренвилю. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 919, л. 10—10 об.

[58] Павел I Томаре 3(14) мая 1800 г.; Томара Павлу I 16(27) июня 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 915, л. 112.

не были первоочередными, непосредственными объектами ее захватнических устремлений. Тем не менее они также привлекали внимание дипломатии и военного командования Англии, старавшейся подготовить позиции для своего будущего преобладания в этих районах.

Деятельность английской военно-дипломатической агентуры создавала постоянные затруднения и препятствия для русской политики на островах и была причиной трений.

Первоначально британское военное командование было даже не чуждо планам захвата Ионических островов. Основную роль в этом играл Нельсон. Верный своей ненависти к России и своему глубоко укоренившемуся убеждению в непримиримой противоположности интересов Англии и России на Средиземноморье, он видел в закреплении последней на Ионических островах угрозу («занозу в боку», по его выражению) для Турецкой империи, а фактически для английских колониальных планов. Британский адмирал собирался послать для овладения Ионическими островами находившуюся в полной готовности эскадру во главе с капитаном Троубриджем, когда к сокрушению своему получил известие об успешных действиях Ушакова [59].

Лондонское правительство желало использовать русский флот для египетской кампании [60] и убрать его подальше от Ионических островов. Того же хотел и Нельсон [61].

После того как закрепление России на Ионических островах стало свершившимся фактом, британская дипломатия и британское командование перешли от прямых планов захвата их к более осторожным и гибким методам. Непосредственной целью Англии теперь стало установление тайных связей с населением Ионических островов и побережья Ионического моря, создание опоры для английской политики.

Одной из первых акций английского правительства в этом отношении была миссия генерал-лейтенанта В. Виллетса в конце 1799 — начале 1800 г.[62], целью которой была вербовка албанцев на английскую службу; своим сборным пунктом англичане при этом хотели сделать остров Корфу.

План английского командования при кажущейся его безобидности шел вразрез с интересами России. Начать с того, что в этом случае на английскую службу отвлекалось значительное число первоклассной боевой силы (англичане предполагали завербовать две тысячи албанцев), которую могло бы использовать само русское командование. Главное же — Корфу, предполагаемый сборный пункт, превращался фактически в нечто вроде английского военного центра на островах, а английская агентура получала практически неограниченные возможности для расширения своих связей и для происков против России.

Неудивительно, что Ушаков и Томара распознали опасность, которую несла с собой миссия Виллетса. Когда в августе 1799 г. Спенсер Смит обратился к турецкому правительству за разрешением, Томара выступил против этого [63]. Ушаков же, по возвращении на Корфу в начале 1800 г. уже нашедший там Виллетса, буквально пришел в ярость и категорически потребовал прекращения вербовки. Характерно, что в миссии Виллетса Ушаков увидел прежде всего именно политическую ее сторону. Ушаков подчеркивал, что планы вербовки албанцев на английскую службу нацелены на расширение английского влияния на островах за счет влияния России [64].

---

[59] Нельсон Спенсеру Смиту 6(17) декабря 1798 г. Русские, писал Нельсон, должны бы заняться районами, лежащими к востоку от Кандии. «Я никогда не хотел, чтобы они были к западу от нее. Все эти острова должны были бы уже давно быть нашими. Капитан Троубридж был совершенно готов к отплытию, когда я с огорчением услышал, что русские уже там» (N e l s o n. Dispatches, vol. III. London, 1845, p. 204—205. См. также Е. В. Т а р л е. Адмирал Ушаков, стр. 146—149, 153).

[60] 1798 г. октябрь. Инструкция Гренвиля Уитворту. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 495, л. 38—38 об.

[61] См. письма Нельсона в конце 1798 г. командующему английским флотом на Средиземном море адмиралу гр. Сент-Винсенту и Кадыр бею [Абдэль Кадеру] (N e l s o n. Dispatches, vol. III, p. 164—165, 203—204).

[62] См. Д. М и л ю т и н. Указ. соч., т. II, стр. 487—488.

[63] Томара Павлу I 1(12) сентября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 895, л. 18—18 об.

[64] «Вот какие их замыслы и производства и что можно угадать на будущее время... Думаю, что продолжат они все это время, пока мы будем здесь, а после произведут то, что им желается»,— писал Ушаков Томаре 25 января (5 февраля) 1800 г. (АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 911, лл. 12—13 об.). В другом письме Ушаков писал Томаре, что цель англичан «нас от всех настоящих дел отщетить и, просто сказать, заставив ловить мух, а чтобы они вместо того вступили на те места, от которых нас отделить стараются. Корфу всегда им была приятна, себя

Ушаков настаивал на том, чтобы русское правительство запретило вербовку. Этого, однако, не последовало. Напротив, Павел, недооценивавший значение Ионических островов как стратегической базы и не видевший еще до захвата Мальты англичанами (сентябрь 1800 г.), сколь далеко идут цели их средиземноморской политики, приказал Томаре поддержать просьбу английских дипломатов в Константинополе о разрешении вербовки [65].

Миссия Виллетса способствовала еще большему обострению и без того уже весьма натянутых отношений Ушакова и Нельсона. Виллетс был чрезвычайно озлоблен препятствиями, чинившимися ему Ушаковым. Резкую реакцию они вызвали и в английских дипломатических кругах. Эльджин обвинял в связи с этим Россию в агрессивных планах и настаивал на усилении английского флота на Средиземном море и в Адриатике, ибо только это «может обеспечить ту степень влияния, которой мы хотим достигнуть» [66].

Надеясь, что, может быть, удастся заставить турецкое правительство потребовать вывода русских сил с Ионических островов, английская дипломатия пыталась стравить Россию и Турцию. Турция в 1799—1800 гг. заняла резко враждебную позицию по отношению к преобразовательной деятельности Ушакова на островах. Известную роль в этом сыграли происки Англии: донесения английского консула на Корфу С. Форести в Константинополь рисовали политику Ушакова в самом черном свете [67].

При всем том английское правительство старалось не давать Павлу явных поводов для недовольства и действовало по видимости примирительно, что, впрочем, объяснялось также необходимостью «менажировать» Турцию, бывшую вместе с Россией протектором Ионической республики. В конце 1800 г. Англия признала республику Семи соединенных островов [68].

они к ней прочили, а нас разными и напрасными видами без нужды хотели отделить или разделением нас привесть в несостояние» (Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков, стр. 153).

[65] Томара Ушакову 14(25) марта 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 912, л. 56—56 об.

[66] The Paget Papers, vol. I, p. 187; см. также p. 199.

[67] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 910, лл. 9—9 об., 23.

[68] Гренвиль Эльджину 1(13) января 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 1, л. 107—107 об.

Один из самых ярких эпизодов в истории проникновения Англии на Ионические острова и вместе с тем одно из самых убедительных доказательств того упорства, с которым английская политика добивалась своей цели,— события на острове Занта в 1801 г.

Либеральная конституция 1799 г., введенная на Ионических островах по инициативе Ушакова, не была утверждена. Ионическое родовое дворянство (нобилитет) заключило блок с Турцией и добилось по Константинопольской конституции 1800 г. полного восстановления своего господства, поколебленного в результате проведенных Ушаковым реформ. Ответом на это было развернувшееся на островах в 1800—1802 гг. широкое демократическое движение против нобилитета и стоявшей за ним Турции. Особенной силы народные волнения достигли на острове Занте. Главари движения понимали, что на успех можно надеяться лишь в том случае, если удастся найти опору в той или иной иностранной державе, которую можно будет противопоставить Турции. Выбор их пал на Англию, к чему в общем были известные предпосылки: с Англией зантийцев связывали торговые интересы, английская дипломатия пользовалась влиянием в Константинополе и могла при желании удержать турецкое правительство от вооруженного выступления против восставшего острова.

В результате 7(19) февраля 1801 г. в знак принятия покровительства Англии на Занте был поднят английский флаг. В церквах начались молебны за английского короля [69]. В Константинополь был послан представитель острова Занте для переговоров с Эльджином об установлении британского протектората.

В какой степени Англия причастна ко всему этому?

Нужно сказать, что командующий английским флотом на Средиземном море адмирал Д. Кейт (он занял этот пост в середине 1799 г., сменив адмирала Сент-Винсента), Эльджин и английский консул на Корфу С. Форести сразу же заявили о своем решительном отказе признать законность

[69] B. St. Vincent. Histoire des îles Joniennes. Paris, 1823, p. 345; E. Rodocanachi. Bonaparte et les îles Joniennes (1797—1816). Paris, 1899, p. 183; Томара Павлу I 16(28) марта 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 1, л. 159 об.; Генеральный консул в Морее М. Я. Минчаки Томаре 14(26) апреля 1801 г. Там же, д. 2218, ч. 2, л. 299.

действий зантийцев. Эльджин, не пожелавший вступить в переговоры с их представителем, который затем был задержан турецким правительством, в дальнейшем последовательно держался принятого им курса и просил направить на Занте английский военный корабль [70]. Официальная британская дипломатия и британское командование не только сумели остаться в стороне от зантийских событий, но и приняли, как увидим ниже, участие в подавлении движения.

Однако в действительности дело обстояло значительно сложнее, и можно с полным основанием предположить, что английская агентура принимала непосредственное участие в разыгравшихся на Занте событиях.

Следует заметить, что еще некоторое время до этого англичане старались привлечь на свою сторону политические симпатии зантийцев. Особенно энергичную инициативу в этом отношении проявил Нельсон. С. Форести удалось добиться того, что зантийские нобили поднесли Нельсону шпагу и трость с бриллиантами, сопроводив свой подарок пышным адресом, в котором униженно благодарили его за... освобождение Ионических островов (к которому он не имел ни малейшего отношения). Болезненно падкий на лесть, Нельсон как должное принял совершенно не заслуженное им звание освободителя Ионических островов и ответил зантийцам 10(21) декабря 1799 г. не менее красноречивым посланием, полным лишь слегка завуалированных многозначительных намеков на свою готовность и в дальнейшем играть роль их «освободителя» [71].

Глубоко оскорбленный Ушаков справедливо увидел в этом попытку Англии отодвинуть на второй план роль России в освобождении островов. Об этом свидетельствовало, по его мнению, и то, что Нельсон в своем ответном письме «всеми словами сам себя называет точным избавителем» Ионических островов [72]. Характерно, что Ушаков подчеркивал отрицательное отношение большинства населения островов к затее зантийцев: она была, говорит он, делом рук одного лишь нобилитета, когда же «в островах узнали о таковом худом и бесчестном поступке дворян на Занте, тех, которые к Нельсону писали с таковым наименованием, все обыватели островов Ионических беспредельно крайне на них негодуют, называя их сумасшедшими глущами» [73].

Посулы Нельсона зантийцам, надо полагать, подготовили почву для последовавшего через год с небольшим провозглашения английского протектората над островом.

Английские агенты имели, видимо, непосредственное отношение и к организации проанглийского выступления зантийцев. Когда на острове развернулись описанные выше события, там оказался — вероятно, не случайно — англичанин полковник Календер, принявший на себя роль официального представителя Англии и обещавший зантийцам ее покровительство [74]. Календер в письме Кейту заявил, что обе борющиеся на Занте партии избрали его, Календера, посредником и «единодушно заявили о своем твердом намерении жить и умереть под британским протекторатом». Судя по этому письму, Календер видел в России главную соперницу Англии на Ионических островах. Правительство Занте поднесло Календеру золотую шпагу и устроило в его честь торжественную публичную церемонию [75]. По сведениям русских консулов, в том же духе действовали на Занте и агенты Левантийской компании [76].

Проанглийская демонстрация на Занте непосредственно была направлена не против России, а против Турции, вдохновлявшей нобилей и поддерживавшей ненавистную ионийцам Константинопольскую конституцию. Правительство Занте обратилось к Порте с вызывающей декларацией. В ответ турецкое правительство в июне 1801 г. наложило эмбарго на зантийские суда, находившиеся в турецких портах [77].

[70] Письмо Томары 8(20) апреля. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2219, лл. 134—137 об.; Эльджин командующему английским флотом в Западном Средиземноморье Дж. Б. Уоррену 13(25) августа 1801 г. The Keith Papers, vol. II, p. 194—195.

[71] Nelson. Dispatches, vol. IV, p. 151—152; Томара Павлу I 22 марта (2 апреля) 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 910, л. 2.

[72] Ушаков Томаре 25 января (5 февраля) 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 911, л. 13.

[73] Там же.

[74] Календер Кейту 20 февраля (4 марта) 1801 г. The Keith Papers, vol. II, p. 188—189. Видимо, «герой» событий на Занте полковник Календер — не кто иной, как сэр Джемс Кемпбелл, генерал-губернатор Ионических островов с 1814 г. (см. Dictionary of National Biography, vol. III, p. 706, 715).

[75] Минчаки Томаре 2(14) апреля. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, л. 299.

[76] Томара Александру I 8(20) мая 1801 г. Там же, лл. 274—276.

[77] АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2219, л. 188.

Не ограничившись этим, Турция в сентябре 1801 г. двинула против восставших зантийцев свой флот. Русские в подавлении зантийского восстания не участвовали — проницательный Томара понимал, что лучше оставаться в стороне от дела, которое может навлечь на его участников лишь ненависть и негодование греков. В экспедиции на Занте приняли, однако, участие английские корабли — британская дипломатия стремилась примирить с собой Турцию.

В середине сентября 1801 г. объединенная англо-турецкая эскадра в составе одного линейного корабля и нескольких фрегатов под командованием англичанина капитана Рикетса прибыла на Занте. Восставшие готовились к обороне, к главному городу острова собралось несколько тысяч крестьян [78].

Если официальная британская дипломатия в лице Эльджина не оказала, как сказано, поддержки зантийцам, то иначе действовал представитель Левантийской компании в Константинополе Спенсер Смит (бывший посланник), у которого как у частного лица руки были развязаны. Спенсер Смит вместе с английской эскадрой отправился к Занте. Когда Рикетс опубликовал декларацию, потребовав, чтобы английский флаг был немедленно спущен [79] и чтобы Календер был выдан английским властям, Спенсер Смит со всей энергией выступил на защиту главного зачинщика проанглийской демонстрации. Смит категорически потребовал от Рикетса, чтобы он не трогал Календера и зантийских главарей, которые виновны лишь в том, что «с величайшим энтузиазмом чтили Британию», и грозил в противном случае пожаловаться английскому правительству на «поспешные действия» Рикетса [80]. Отказ Рикетса подчиниться требованиям Спенсера Смита [81] не остановил последнего — недавний представитель Англии в Константинополе укрыл на своем корабле бежавшего с острова Занте Календера.

[78] Рикетс Эльджину 2(14) сентября 1801 г. (копия). АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, лл. 490—492. См. донесение Рикетса капитану Т. Роджерсу 2(14) сентября об экспедиции на о. Занте (The Keith Papers, vol. II, p. 196—198).

[79] АВПР, ф. Канцелярия, д. 2218, ч. 2, л. 493—493 об.

[80] Спенсер Смит Рикетсу 1(13) сентября 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, лл. 496—497. Копия.

[81] АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, лл. 498—499.

Английский флаг на Занте был спущен; планам об установлении протектората Англии над островом на время пришел конец. Все же открытая демонстрация Спенсером Смитом своей солидарности с этими планами весьма характерна. Эльджин (заклятый враг и соперник братьев Смит) конфиденциально говорил Томаре, что, кроме заступничества за Календера, Спенсер Смит «уважил другим образом прибежность к Англии мятежников и подкрепил их упрямство» [82].

В результате даже Томара, первоначально твердо уверенный в непричастности Англии к организации зантийской демонстрации, начал колебаться и поговаривать о наличии секретных инструкций у английских консулов на Занте и в Морее [83].

Томара считал, что предложения зантийцев об установлении английского протектората и настояния Спенсера Смита на этом оказали свое действие на английские правительственные круги, которым «свойственны сии диспарты» [84]. Зантийский нобиль гр. Николо Градениго-Сикоро также указывал в своей записке, что английский флаг на острове Занте «уловлениями консула Форести неправильно поднят был» [85].

Активизация английской политики на Ионических островах была совершенно новым явлением в международных отношениях, порожденным острой вспышкой противоречий европейских держав в Восточном Средиземноморье в конце XVIII в. Пользуясь смутной и изменчивой обстановкой, Англия исподволь прокладывала себе путь к обладанию Ионическими островами. Новым явлением того же порядка было и русско-английское соперничество в этой зоне, выявившееся в 1798—1801 гг., несмотря на связывавший Россию и Англию союзный договор. В последующем решении Александра I, принятом им в 1802 г., послать русские силы на Корфу [86] сыграли свою роль и события на острове Занте осенью 1801 г.

К проникновению на Ионические острова стремились представители английских военных кругов (Нельсон,

[82] Там же, лл. 482 об.— 483.

[83] Там же, лл. 274—276.

[84] АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2222, лл. 120—123 об.

[85] Записка гр. Граденигo-Сикоро 1(13) ноября 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2223, л. 101.

[86] См. об этом гл. V настоящей работы.

Виллетс, Календер). Активно действовала на Занте в 1801 г. и Левантийская компания в лице Спенсера Смита.

Непосредственным результатом англо-турецкой карательной экспедиции на Занте был рост и ранее преобладавших в широких греческих кругах недоверия и враждебности к Англии.

* * *

Захват Мальты Наполеоном в июне 1798 г. привлек внимание руководителей европейской политики к этому маленькому каменистому острову на Средиземном море, с давних пор, казалось, никому не нужному.

Несколько столетий Мальта была владением рыцарского ордена св. Иоанна Иерусалимского. В период борьбы Австрии и итальянских государств с Турцией обладание Мальтой давало ее хозяину важные стратегические преимущества, что и определило известный вес ордена в европейской политике того времени.

С конца XVII в. обстановка на Средиземном море постепенно изменилась, и прежний интерес великих держав к Мальте угас.

Египетский поход и завоевания Франции снова подняли стратегическое значение Мальты, расположенной на путях в Южную Италию, Левант, Египет. Мальта входила в тот круг объектов экспансии великих держав на Средиземноморье, который включал еще и Неаполитанское королевство, Албанию, Грецию, Ионические острова, Египет. Тому, кто хотел укрепиться на Средиземном море, Мальта была необходима.

Главными претендентами на обладание ею явились Франция и Англия. Россия также стремилась подчинить Мальту своему влиянию. Последнее было неизбежным следствием активизации политики Павла I на Средиземном море во второй половине 90-х годов.

В русской политике Мальта была тесно связана с Ионическими островами. Установление протектората России над Ионическими островами привлекло внимание Павла к Мальте — в руках какой-либо другой державы она могла стать угрозой для русских интересов на островах.

Иностранные и дореволюционные русские историки в большинстве своем с увлечением вели речь о фантастичности, нереальности «мальтийской затеи» Павла. В этом,

несомненно, сказалось непонимание специфики того особого этапа средиземноморской политики России, в который она вступила в конце 90-х годов XVIII. Открытие (хотя бы и временное) проливов для русского военного флота создало известную основу для экспансионистских замыслов царизма. Россия располагала в тот период также и необходимой военно-стратегической базой для проникновения на Мальту — порты Ионических островов могли служить этой цели. Наконец, Павел мог рассчитывать в своих мальтийских планах если не на прямую поддержку (она была слишком слабой), то хотя бы на дружественный нейтралитет ближайшего соседа Мальты — Неаполитанского королевства.

Замысел Павла, рассчитанный на то, чтобы прямо или косвенно завладеть Мальтой, не был фантастичен в такой степени, как это изображает русская дворянско-буржуазная и зарубежная историография. Однако реальные шансы царизма в этом отношении были невелики и вследствие численной незначительности русского средиземноморского флота, и вследствие растянутости и уязвимости русских морских коммуникаций.

Интерес Павла к Мальте объяснялся, однако, не только желанием сделать ее опорным пунктом русской экспансии на Средиземном море. В мальтийской политике Павла была еще одна весьма характерная сторона: царь мечтал возродить мальтийский орден рыцарей св. Иоанна Иерусалимского для борьбы против революции и революционных идей. То обстоятельство, что мальтийский орден издавна был хранителем аристократических традиций (в члены его принимались лишь представители католического дворянства древнего и «безупречного» происхождения), соответствовало замыслу царя. Формировавшаяся в это время идеология реакционного легитимизма, расцветшая пышным цветом в эпоху Реставрации, искала себе опоры, и ее представители были далеко не равнодушны к судьбе мальтийского ордена. Павел был уверен, что покровительствуя ордену, он привлечет к себе симпатии европейской феодальной реакции. Его мальтийский план был звеном в общей системе легитимизма.

Современники ясно представляли себе обе стороны мальтийской политики императора. «Решение сделаться мальтийским гроссмейстером скрывало в себе честолюбивую, но высокую цель, которая могла бы оказаться весьма

плодотворной, если бы она могла быть достигнута. Цель эта была — доставить русскому флоту надежную стоянку в Средиземном море и, кроме того, приобрести для России нравственную поддержку всего европейского дворянства, сильно заинтересованного сохранением целости мальтийского ордена»,— писал об этом проницательный и осведомленный гр. А. И. Рибопьер [87].

Сам Павел в манифесте 21 декабря 1798 г. (1 января 1799 г.) изложил эту цель открыто и недвусмысленно. В орден, гласил манифест, могут быть приняты «все, достойные добродетелей предков, все, желающие к сохранению дворянства и к доставлению оному новой славы». Законы и правила ордена «укрепляют узы подлежащего повиновения и предъявляют сильную преграду против бедствий, происходящих от безумной страсти к переменам и новостям необузданным, своевольству мыслей. Словом, орден представляет государствам способы укрепляться в ограждении безопасности и распространении славы» [88].

Трудно формулировать яснее, чем это сделал Павел, реакционно-охранительные цели того покровительства, которое он оказывал ордену. Мальтийский орден по замыслу царизма должен был служить орудием международной реакции. Гр. Ф. И. Бруннов в своем историческом обзоре основных актов внешней политики России, составленном им в 1838 г., писал, что предполагалось сделать орден своего рода школой послушничества для дворянства всей Европы, воспитывать в последнем «чувства верности и чести, необходимые ему для того, чтобы противиться победе идеи равенства, которая, казалось, уже поглощала все слои общества» [89].

Связи Павла с мальтийским орденом установились еще до захвата Мальты Наполеоном [90]. С 1795 г. в Петербурге находился посланник ордена гр. Литта, с которым 4(15) января 1797 г. была заключена конвенция об учреждении

[87] Записки гр. А. И. Рибопьера. «Русский архив», 1877, кн. 4, стлб. 482.

[88] АВПР, ф. Канцелярия, 1797—1798 гг., д. 7606, лл. 43—45 об. Рукописный экземпляр. Опубликовано (во французском переводе) в кн.: G. F. Martens. Recueil des principaux traités..., t. VII, p. 448—450.

[89] Сборник РИО, т. 31, стр. 234.

[90] E. von Berg. Op. cit., S. 184—269.

великого приорства Российско-католического [91] (в него принимались католики). 18(29) ноября Павел по просьбе ордена принял звание покровителя его и в особой декларации уведомил об этом европейские державы [92].

В июне 1798 г. Франция захватила Мальту. Гроссмейстер ордена Гомпеш 1(12) июня 1798 г. подписал акт капитуляции. Павел использовал свое влияние для того, чтобы противопоставить Франции высшие чины иоаннитов. Русский филиал ордена в особых манифестах 15(26) августа 1798 г. и декларации (protestation) 16(27) августа 1798 г. объявил о признании им протектората Павла, об аннулировании конвенции, заключенной Гомпешем с Бонапартом, и об отрешении от сана Гомпеша и других сановников ордена, заключивших акт капитуляции [93]. Вслед за тем Россия объявила о своем протекторате над орденом. Находившиеся в Петербурге бальи, носители ордена большого креста, командоры и кавалеры провозгласили Павла гроссмейстером ордена. Павел принял предложенное ему звание гроссмейстера [94] и включил его в российский императорский титул [95].

Желанию Павла, во-первых, превратить орден в орудие русской политики, во-вторых, использовать его для своего рода «политического воспитания» дворянской молодежи служили манифесты 29 ноября (10 декабря) об образовании великого приорства российского и о принятии в него русских дворян — православных [96] и 28 декабря 1798 г. (8 января 1799 г.) — о составлении ордена из двух великих приорств — российско-католического и российского [97].

[91] ПСЗ, т. XXIV, № 17708. См. также Сборник РИО, т. 2, стр. 210—211. О торжественном приеме гр. Литта Павлом в ноябре 1797 г. см. записки Гейкинга «Император Павел I и его время». «Русская старина», 1887, кн. 11, ноябрь, стр. 385.

[92] Д. Милютин. Указ. соч., т. I, стр. 64.

[93] G. F. Martens. Recueil des principaux traités..., t. VII, p. 434—443.

[94] См. декларацию Павла I 30 августа (10 сентября); прокламацию великого приорства российского с предложением Павлу I звания гроссмейстера 16(27) октября; декларацию Павла I 2(13) ноября о принятии звания гроссмейстера. G. F. Martens. Recueil des principaux traités..., t. VII, p. 444—448.

[95] Указ сената 22 декабря 1798 г. (2 января 1799 г.). ПСЗ, т. XXV, № 18790.

[96] ПСЗ, т. XXV, № 18766.

[97] Там же, № 18799.

В орден, таким образом, теперь принимались не только католики, но и православные.

В результате орден терял свой традиционный характер орудия воинствующего католицизма и становился какой-то смешанной католическо-православной организацией.

Прежний гроссмейстер ордена Гомпеш, переметнувшийся после капитуляции 1(12) июня на сторону Франции, и капитул ордена отказались, как и следовало ожидать, признать соглашения Павла с орденом. Франция и ее сателлиты продолжали считать Гомпеша гроссмейстером. Незаконным считал низложение Гомпеша и акты Павла I и папа римский [98].

Не говоря уже о том, что фактически Мальта оставалась в руках Франции и предстояло еще освободить ее от французов, соглашений Павла с орденом было далеко не достаточно для того, чтобы осуществить основную цель Павла — закрепление в той или иной форме русского влияния на Мальте. Прежде всего русское правительство должно было договориться о том, какова будет судьба Мальты после ее освобождения, как с Неаполем, король которого был формально сюзереном острова, так и с Англией. Первое было значительно легче: Неаполь, правда, был далеко не прочь сам прибрать Мальту к рукам, но не таковы были в то время обстоятельства неаполитанских Бурбонов, чтоб они могли позволить себе открыто противиться русскому правительству, от милостей которого во многом зависело самое их существование. В союзный договор России и Неаполя 18(29) декабря 1798 г. была включена сепаратная статья, в силу которой Россия, Англия и Неаполь должны были после освобождения Мальты от французов ввести на остров свои гарнизоны в равном количестве [99].

Сложнее обстояло дело с Англией, которая сама втайне лелеяла мечты о Мальте. Правда, в период формирования второй коалиции был момент, когда Англия, стремясь во что бы то ни стало втянуть Россию в войну с Францией, делала вид, будто она готова согласиться на мальтийские планы Павла. В 1798 г. между Россией и Англией было, казалось, достигнуто полное соглашение в мальтийском вопросе. Статс-секретарь по иностранным делам В. Гренвиль недвусмысленно заявил С. Р. Воронцову, что, если

[98] Дж. Берти. Указ. соч., стр. 166—167.
[99] C. di Somma. Op. cit., p. 164—173.

Павел «желает получить ее (Мальту.— *А. С.*) для себя», Англия «с искренним удовольствием на это согласится», если же у него нет подобного желания, то лучше всего будет вернуть остров ордену [100]. В октябре Гренвиль заявил, что у Англии нет планов захвата Мальты [101]. «Король отрекается за себя,— писал Гренвиль английскому посланнику в Петербурге Ч. Уитворту повторно в начале 1799 г.,— от всякой мысли или желания удержать за собой о. Мальту как британское владение». Уитворт в ноте русскому правительству опровергал предположение о наличии у Англии подобных намерений [102].

Гренвиль дал понять, что в компенсацию Англия хотела бы получить Минорку, на что Павел и дал согласие [103].

Англия сама предложила ввести на Мальту после ее освобождения не один лишь неаполитанский гарнизон, как это первоначально предполагалось, а гарнизоны трех держав — России, Англии и Неаполя [104]. Уитворт принимал деятельное участие в подготовке договора России и Неаполя 18(29) декабря 1798 г., в который, как сказано выше, была включена статья о введении гарнизонов.

Не ограничившись этим, Англия, Россия и Неаполь заключили еще одно соглашение о Мальте, окончательный характер которого, однако, английские дипломаты впоследствии отрицали. 20(31) декабря 1798 г.— через день после подписания русско-неаполитанского договора — три державы договорились о порядке введения их гарнизонов на остров. Было условлено, что русский гарнизон займет главный город и порт Ла-Валлетту и что верховная власть будет принадлежать военному совету, во главе которого будет стоять представитель русского командования [105].

[100] С. Р. Воронцов Павлу I 24 сентября (5 октября) 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 495, лл. 32—33.
[101] Гренвиль Уитворту в октябре 1798 г. Там же, лл. 38 об.— 39. J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 369; A. W. Ward. Op. cit., p. 297.
[102] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 5.
[103] С. Р. Воронцов Павлу I 3(14) декабря 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 497, лл. 4 об.— 5; Павел I С. Р. Воронцову 19(30) декабря 1798 г. АВПР, ф. Лондонской миссии, 1798 г., д. 528, л. 29 об.
[104] Английский посланник в Петербурге Ч. Уитворт Безбородко 13(24) декабря 1798 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1798 г., д. 657, лл. 107—108.
[105] В нашем распоряжении нет подлинника этого документа. Мы ознакомились с ним по копии, не имеющей ни названия, ни

Соглашение это не было подписано [106] и имело, видимо, характер вербальной конвенции. Однако в 1799 г. Англия и Россия считали ее официальным и обязательным для себя документом. Гренвиль писал в Адмиралтейство, что между Россией и Англией достигнуто соглашение (arrangement) о введении гарнизона трех держав на остров, и просил предписать командованию английскими военно-морскими силами на Средиземном море действовать в этом вопросе совместно с русскими и неаполитанским командованием. Адмиралтейство послало командующему английскими военно-морскими силами на Средиземном море Сент-Винсенту соответствующие распоряжения [107].

Павел был абсолютно убежден, что Англия согласилась на его планы относительно Мальты [108].

подписей и приложенной к дипломатической переписке неаполитанского посланника в Петербурге герцога А. Серра Каприола (АВПР, ф. Сношения России с Неаполем, 1799 г., д. 349, лл. 97—103. Ср. Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 659—660).

[106] J. Greppi. Op. cit., p. 183.

[107] Гренвиль в Адмиралтейство 28 апреля (9 мая) 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1799 г., д. 664, лл. 69—71; Адмиралтейство Сент-Винсенту 30 апреля (11 мая) 1799 г. The Keith Papers, vol. II, p. 159—160.

[108] В русских правительственных кругах сложилось твердое убеждение в том, что Англия связала себя официальными обязательствами и отказалась от единоличных притязаний на Мальту. См. косвенное упоминание об этом в письме В. П. Кочубея С. Р. Воронцову осенью 1800 г. (Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 229) и письмо Н. М. Муравьева-Апостола ему же 16(28) февраля 1801 г. (А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 617—618). Ф. В. Ростопчин позднее, во время конфликта с Англией, в циркулярной ноте дипломатическому корпусу прямо обвинил Англию в нарушении заключенного Англией и Россией 20(31) декабря 1798 г. соглашения о возвращении Мальты ордену (см. Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 659—660; F. Piggott and G. W. T. Omond. Documentary History of the Armed Neutralities 1780 and 1800. London, 1919, p. 422—424). Английские дипломаты отрицали, что между Англией и Россией было заключено окончательное соглашение о Мальте, но в то же время признавали, что у Англии были определенные обязательства перед Россией в мальтийском вопросе. Это доказывает переписка английского посланника в Неаполе сэра А. Пэджета, Кейта, командующего английскими войсками на Мальте генерал-майора Пигота и лорда В. Гренвиля, опубликованная в «Дипломатической переписке сэра Артура Пэджета», и, на наш взгляд, подтверждающая, что между Россией и Англией имелось официальное соглашение о Мальте (См. The Paget Papers, vol. I, p. 236—237, 255, 257—258, 265—266, 274—275, 301). Вопрос о наличии или отсутствии такого соглашения имеет

Окрыленный соглашениями с Англией, Неаполем и верхушкой мальтийского ордена, Павел решил направить русские военно-морские силы на операцию для освобождения Мальты. Ушакову был дан приказ действовать совместно с английским флотом, начавшим блокаду Мальты. Павел распорядился также отправить на Мальту русский гарнизон в составе трех гренадерских батальонов и трехсот артиллеристов, как это и было обусловлено русско-неаполитанским договором 18(29) декабря 1798 г.[109]; командиром его был назначен кн. Волконский [110].

Мальтийские планы Павла разбились, встретившись с упорным сопротивлением Англии, которая стремилась к гегемонии на Средиземном море.

Русско-английское соперничество в Средиземноморье нашло непосредственное живое воплощение в отношениях Нельсона и Ушакова, так интересно раскрытых Е. В. Тарле в известной его работе «Адмирал Ушаков на Средиземном море». Нельсон был и новой и вместе с тем по-своему типичной фигурой: новой потому, что ранее в английских военных и дипломатических кругах редки были такие горячие и последовательные проповедники британской агрессии на Ближнем Востоке, каким был он; типичной потому, что на рубеже XVIII—XIX вв. подобные взгляды становились господствующими в английских правящих классах. К тому же от Нельсона во многом зависело направление английской политики на Средиземном море.

Поэтому, говоря о борьбе России и Англии 1799—1801 гг. из-за Мальты, Ионических островов, влияния на Турцию, вокруг египетского вопроса, следует остановиться на позиции английского флотоводца в восточном вопросе и средиземноморских проблемах.

известное значение как для истории политики России на Средиземном море, так и для правильного понимания характера и причин русско-английского конфликта в 1800—1801 гг. Иностранные буржуазные историки, в особенности английские, обычно сознательно обходят этот вопрос: в их интересах говорить о том, что притязания Павла на Мальту явились полной неожиданностью. В действительности дело обстояло далеко не так.

[109] Павел I С. Р. Воронцову 19(30) декабря 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 249—250.

[110] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 5; Дневник словесных повелений императора Павла гр. Ф. В. Ростопчину. 1799—1801. «Русский архив», 1912, кн. 10, стлб. 265.

Нельсона можно с полным правом назвать самым ожесточенным и упорным из недоброжелателей России. Читая его переписку, нельзя не спросить иной раз, кого он больше ненавидел: непосредственного своего противника — Францию или союзника Англии — Россию. Союз с Россией Нельсон принципиально отвергал, считая его ненужным, бесполезным для Англии. «Такой союз никогда не приносил пользы нашей стране»,— писал он английскому посланнику в Неаполе Х. Эллиоту [111].

Основной причиной, вооружавшей Нельсона против России, был восточный вопрос. Нельсон один из первых понял, какие возможности открылись на рубеже XVIII—XIX вв. для английской экспансии на Ближнем Востоке, и боялся, как бы Россия не преградила Англии дорогу, не опередила ее. Подозрения о захватнических планах России на Ближнем Востоке владели Нельсоном и определяли его отношение к России. «Мое мнение о видах России давно сложилось, и до сего времени я вижу, как все, что она делает, ведет все к той же цели — обладанию всей Европейской Турцией» [112],— говорил он в 1804 г., т. е. в тот момент, когда Англия всего больше была заинтересована в союзе с Россией. Проникновение России на Мальту, в Грецию, на Ионические острова Нельсон считал первым шагом к завоеванию Константинополя. «Россия позаботится об Ионической республике, Морее и, под конец, Константинополе. Цели России совершенно ясны» [113]; приобретение Мальты будет для нее лишь «прелюдией к войне со славными турками, когда Константинополь переменит хозяина (т. е. к завоеванию Константинополя Россией.— *А. С.*). Это настолько ясно, что только слепой не увидит» [114],— настойчиво убеждал он своих коллег и начальников. В середине 1803 г., в момент, когда русское правительство недвусмысленно держало сторону Англии против Франции, Нельсон, вопреки всякому вероятию, подозревал Россию в сговоре с Наполеоном о разделе Турции [115].

[111] Нельсон посланнику в Неаполе Х. Эллиоту 26 июня (8 июля) 1804 г. Nelson. Dispatches, vol. VI. London, 1846, p. 99.

[112] Нельсон А. Д. Боллу 22 июля (3 августа) 1804 г. Nelson. Dispatches, vol. VI, p. 131.

[113] Нельсон Х. Эллиоту 26 июня (8 июля) 1804 г. Nelson. Dispatches, vol. VI, p. 99—100.

[114] Нельсон командующему английским флотом на Средиземном море адмиралу гр. Сент-Винсенту 9(20) марта 1799 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 297—298.

Со всей присущей ему холодной энергией Нельсон старался опередить Россию и прибрать к рукам Мальту и Ионические острова. Несмотря на все свое желание и усилия, вырвать у России Ионические острова Нельсону не удалось. В мальтийском же вопросе происки его против России увенчались большим успехом. По мере сил он пытался в 1799—1800 гг. ослабить завоеванные Россией на Средиземном море позиции. Для этого он пустил в ход испытанный прием британской дипломатии — игру на внутренних противоречиях союзников по коалиции, России и Турции, надеясь, что Англия, столкнув их, подчинит Порту своему влиянию. Своему ближайшему помощнику капитану Троубриджу Нельсон приказал с этой целью завоевать доверие командовавшего турецкой эскадрой на Средиземном море Кадыр бея и посеять раздор между русским и турецким командованием [116]. Сам Нельсон старался «обработать» уполномоченного великого визиря Келим эфенди, твердя ему об агрессивных замыслах России, об опасности, грозящей Турции, если она укрепится на Корфу [117].

Нельсон ставил себе в заслугу контроль, который он установил над русской политикой в Турции [118].

В последовавшем в 1800—1801 гг. кризисе русско-английских отношений враждебность Нельсона к России, отражавшая соответствующие политические настроения английских господствующих классов, сыграла свою роль.

Питт решил не допустить проникновения русских на Мальту. Правда, первоначально Англия действовала осторожно. Когда в марте 1799 г. мальтийский конгресс обратился к Англии с предложением об установлении британского протектората над Мальтой, английское правительство,

[115] Письмо Нельсона лорду Мойра 20 июня (2 июля) и главе английского правительства Генри Аддингтону 4(16) июля 1803 г. Nelson. Dispatches, vol. V. London, 1845, p. 115, 136.

[116] A. T. Mahan. The Life of Nelson. London, 1899, p. 347.

[117] Нельсон Спенсеру Смиту 6(17) декабря 1798 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 204—205. См. также T. Mahan. The Life of Nelson, p. 348; его же. Влияние морской силы на французскую революцию и империю, т. I. М.—Л., 1940, стр. 221.

[118] Нельсон Боллу 25 февраля (8 марта) 1799 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 287.

опасаясь вызвать недовольство России, дало отрицательный ответ [119]. В этот момент у англичан не было возможности поступить иначе — английское командование испытывало острую нужду в содействии русских военно-морских сил для блокады Мальты. Нельсону пришлось пойти на поклон к Ушакову, которого он еще недавно чествил последними словами [120]. Нельсон сам признавался, что помощь русских военно-морских сил ему необходима («Мы ждем с величайшим нетерпением прибытия русских сил»,— писал он Сент-Винсенту 22 апреля (3 мая) 1799 г.) [121]. Чтобы добиться этого, Нельсон грубо и беззастенчиво льстил не только Павлу и ненавистному ему Ушакову, но даже и сравнительно незначительному и маловлиятельному русскому посланнику в Неаполе А. Я. Италинскому [122]. В конце декабря 1799 г. эскадра Ушакова двинулась из Неаполя к Мальте. Русские корабли везли три гренадерских батальона под командованием кн. Волконского, которые должны были занять остров после освобождения его от французов. Но к этому времени уже начался отход Павла от коалиции, да и опыт экспедиции в Голландию отбил у царя охоту вести военные операции совместно с англичанами. Павел приказал Ушакову вернуться на Корфу. 8(19) января 1800 г. русская эскадра прибыла на свои базы на Ионических островах.

Нельсон надеялся сделать Ушакова слепым орудием британского командования. Когда же выяснилось, что Ушаков намерен вести блокаду Мальты самостоятельно, он начал кампанию против великого русского флотоводца, обви-

[119] J. H. Rose. The British Title to Malta. В кн.: The Indecisiveness of Modern War. New York, 1927, p. 148.

[120] См. письмо Нельсона Боллу 10(21) января 1799 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 236. Отношения Нельсона и Ушакова подробно освещены в русской дореволюционной и советской исторической литературе. См. об этом Д. Милютин. Указ. соч., т. II, стр. 437; т. III, стр. 597—598; Е. В. Тарле. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1768—1800 гг.). М., 1948, стр. 140—158; Г. Шторм. Ф. Ф. Ушаков. [М.] 1947, стр. 295—298. Переписку Нельсона и Ушакова см. в сборнике документов «Адмирал Ушаков», т. II. М., 1952, стр. 84—85, 102—103, 165, 243—244, 352, 391, 441; т. III, М., 1956, стр. 91, 96, 107, 111, 175, 305—306.

[121] Nelson. Dispatches, vol. III, p. 345. Ср. A. T. Mahan. The Life of Nelson, p. 411—414.

[122] См. письма Нельсона Павлу I и Италинскому. Nelson. Dispatches, vol. IV, p. 65—66, 78—79.

няя его в бездеятельности [123]. Это не помешало ему после возвращения русского флота на Корфу в отчаянии восклицать: «Уход русских меня почти что доконал!» [124].

Не удивительно, что у Ушакова и других представителей русского командования и русской дипломатии возникли подозрения относительно намерений англичан самим занять Мальту и не пустить туда русский гарнизон. Италинский, через которого шли дипломатические переговоры с англичанами, в июне-июле 1800 г. потребовал от них объяснений по этому поводу и сообщил о тревоге Ушакова. Пэйджет рассыпался в уверениях в чистоте намерений английского правительства [125].

В действительности, однако, Питт и его окружение давно решили, что сохранить верность принятым обязательствам не так уж необходимо и что Мальта нужна самой Англии. Особую роль в этом отношении сыграл Нельсон, высоко ценивший Мальту не только как важный стратегический пункт, но и как опору для дальнейшей экспансии. «Она (Мальта.— *А. С.*) дает нам большое влияние на Левант и на всю южную часть Италии. Из этих соображений я надеюсь, что мы никогда ее не отдадим»,— говорил он [126].

Мальтийский проект Павла крайне тревожил Нельсона[127], и даже не столько сам переход Мальты к России, сколько усиление в результате этого позиций последней на Ближнем Востоке.

Нельсон был не одинок: «Я надеюсь, что никогда нога русских не ступит на остров»,— вторил ему Кейт [128]. «Обладание Мальтой обеспечит любой европейской державе решающее влияние в этой стране (Турции.— *А. С.*), и я могу добавить, что если мы удержим этот остров, мы сможем тем самым пресечь честолюбивые планы России»,— писал в Лондон английский посол в Константинополе лорд

[123] Ibid., p. 158—160.

[124] Нельсон первому лорду Адмиралтейства гр. Спенсеру 12(23) января 1800 г. Nelson. Dispatches, vol. IV, p. 182.

[125] The Paget Papers, vol. I, p. 236—237. Ср. p. 256—258.

[126] A. T. Mahan. The Life of Nelson, p. 570.

[127] См. его письма капитану Боллу 25 августа (5 сентября) и гр. Сент-Винсенту 6(17) апреля 1799 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 330; vol. IV, p. 4.

[128] Кейт Пэйджету 12(23) июля 1800 г. The Paget Papers, vol. I, p. 256.

Т. Эльджин [129]. Того же мнения держался и один из видных английских дипломатов В. Окленд [130].

Англичане решили не допустить вступления русских военных сил на Мальту (что было включено, как уже сказано, в конвенцию 1798 г.) и использовали с этой целью свое влияние на неаполитанскую королевскую чету. Нельсону и английскому посланнику в Неаполе лорду В. Гамильтону удалось добиться от короля Фердинанда IV (напомним, что неаполитанский король считался сюзереном Мальты) обязательства никогда не отдавать Мальту какой-либо иностранной державе без согласия на то Англии. «Если Мальта когда-нибудь падет,— писал Нельсон своему соратнику и конфиденту капитану А. Д. Боллу,— то тогда неаполитанский король — ее законный сюзерен, его флаг должен там развеваться, и британская эскадра поддержит его» [131]. Само собой понятно, что «сюзеренитет» обессиленного и целиком зависившего от содействия английского флота Неаполя мог быть только номинальным, и Нельсон недаром с торжеством говорил, что Фердинанд IV согласится отдать Мальту Англии [132].

Еще в начале 1799 г. Нельсон приказал А. Д. Боллу после освобождения Мальты стать во главе управления островом [133].

Твердо решив сорвать переход Мальты под власть Павла как великого гроссмейстера ордена («... русские никогда не будут верховодить»,— твердил Нельсон) [134], Нельсон был готов использовать для этого любые средства и не останавливался даже перед угрозой заморить жителей Мальты голодной смертью, если только они осмелятся принять сторону России. («Если какая-либо группа населения вывесит русский флаг, король не потерпит, и я не допущу подвоза зерна из Сицилии или из какого-либо другого места».) Нельсон приказал при этом Боллу настраивать мальтийский конгресс против России [135].

Нельсон сумел также взяться за дело с другого конца, постаравшись расстроить намечавшееся в это время еще более тесное сближение России и Неаполя.

Генерал-майору Пиготу и генералу Аберкромби были даны из Лондона приказания удержать за Англией Мальту после того, как она будет освобождена от французов, и не разрешать, чтобы над крепостью Ла-Валлетты был поднят русский флаг [136]. При «особом мнении» остался А. Пэйджет, считавший, что «поднять (на Мальте.— *А. С.*) один только британский флаг означает прямо и открыто нарушить существующие договоры» [137].

Завладев 25 августа (5 сентября) 1800 г. Мальтой, англичане по приказу статс-секретаря по военным делам Генри Дандаса подняли один лишь британский флаг, что должно было символизировать безраздельное и абсолютное господство Англии на Мальте. Дандас распорядился при этом воспрепятствовать попыткам русских ввести на Мальту гарнизон и поднять свой флаг [138].

В лондонском кабинете были некоторые тактические разногласия в мальтийском вопросе. Представители военной партии — Г. Дандас и У. Уиндхем — стояли за захват Мальты. Статс-секретарь по иностранным делам Гренвиль некоторое время (приблизительно до середины октября 1800 г.) колебался, но затем также склонился к этому [139].

---

[129] Эльджин статс-секретарю по иностранным делам Гаукесбери 19(31) мая 1801 г. G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. L'Angleterre et l'Égypte. La politique mameluke (1801—1803), vol. I. Le Caire, 1929, p. 14.

[130] W. Auckland. The Journal and Correspondence, vol. IV. London, 1862, p. 137.

[131] Нельсон Боллу 24 января (4 февраля) 1799 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 255.

[132] Письма Нельсона гр. Спенсеру 26 марта (6 апреля) 1799 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 315; Нельсон Боллу 10(21) января. Ibid., p. 236—237.

[133] Nelson. Dispatches, vol. III, p. 272—273. Ср. A. T. Mahan. The Life of Nelson, p. 348—349.

[134] Нельсон Боллу 24 января (4 февраля) 1799 г. Nelson. Dispatches, vol. III, p. 256.

[135] Nelson. Dispatches, vol. III, p. 255—256. Ср. также p. 236—237.

[136] Письма Гренвиля Пэйджету 6(17) октября 1800 г.; Пэйджета генерал-майору Пиготу 1(12) августа 1800 г. и Кейту 10(21) июля 1800 г. The Paget Papers, vol. I, p. 274—275, 265—266, 255.

[137] Пэйджет Пиготу 3(14) сентября 1800 г. The Paget Papers, vol. I, p. 269—270.

[138] Еще 24 апреля (5 мая) 1800 г. Дандас сообщал генералу Р. Аберкромби, что в соответствии с соглашением 1799 г. Мальту должен занять объединенный гарнизон России, Англии и Неаполя. Но в письме Аберкромби 21 июля (1 августа) Дандас отменил это распоряжение и приказал не допускать русские войска на остров (The Keith Papers, vol. II, p. 88—89, 135—136. См. также J. H. Rose. The British Title to Malta, p. 151).

[139] A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 297—298.

В Петербурге захват Мальты англичанами произвел ошеломляющее впечатление. Действительно, столь грубое нарушение соглашения после всех торжественных клятв английского правительства могло бы вывести из равновесия и более спокойного человека, чем Павел.

Хорошо известно, сколь быстрой и болезненной была реакция Павла на захват Мальты. Павел обрушился на английское правительство с обвинениями в нарушении указанной выше конвенции 20 (31) декабря 1798 г. о Мальте. Ф. В. Ростопчин в октябре 1800 г. вручил членам дипломатического корпуса в Петербурге ноту соответствующего содержания [140]. Английская дипломатия не отрицала, что соглашение относительно Мальты действительно имело место. Однако она пыталась отразить обвинения Павла, ссылаясь на то, что конвенция 1798 г. была вербальной и не окончательной. При этом англичане указывали и на то, что русские войска не принимали участия в блокаде и взятии Мальты [141]. В октябре 1800 г. Гренвиль считал, что соглашение о Мальте потеряло силу [142].

Мальта — звено в комплексе средиземноморских и восточных проблем — занимала слишком видное место в политике правительства Павла I, и царь не мог отказаться от нее без сопротивления. Русско-английские отношения вступили в полосу кризиса еще до отказа англичан вернуть Мальту ордену (см. стр. 125). Но с осени 1800 г. расхождения обеих держав приняли открытый характер, и Мальта была одним из поводов к этому.

Основных русских сил к этому времени на Средиземном море уже не было. По приказу Павла эскадра Ушакова 6 (17) июля покинула Корфу. На острове осталась только небольшая артиллерийская команда полковника Гастфера. По просьбе неаполитанского правительства в Неаполь была направлена эскадра генерал-майора Бороздина. Остальные русские сухопутные войска и военные корабли 26 октября (6 ноября) 1800 г. вошли в севастопольский порт.

[140] Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 659—660; F. Piggott and G. W. T. Omond. Op. cit., p. 420—421.

[141] Пэйджет Италинскому 26 декабря 1800 г. (7 января 1801 г.). The Paget Papers, vol. I, p. 301—302. Ср. Д. Милютин. Указ соч., т. III, стр. 80.

[142] The Paget Papers, vol. I, p. 273—274.

3

Во второй половине 1800 г. последовал разрыв отношений Англии и России. 25 августа 1800 г. был наложен секвестр на находившееся в России имущество англичан, снятый, однако, уже в сентябре (заметим еще раз, что первый секвестр был наложен до захвата Мальты англичанами). 23 октября были вторично наложены секвестр и эмбарго на английские суда. На сей раз непосредственной причиной этого был конфликт России и Англии в мальтийском вопросе [143]. В тот же день Ростопчин обратился ко всем членам дипломатического корпуса в Петербурге с нотой, обвинявшей Англию в том, что она нарушила конвенцию 20 (31) декабря 1798 г. о Мальте (см. стр. 145). Россия предупреждала, что эмбарго не будет снято до тех пор, пока Англия не выполнит условия конвенции [144]. Одновременно Россия запросила английское правительство о его намерениях относительно Мальты. 19 ноября английским судам был закрыт доступ в русские порты; был запрещен вывоз в Англию абсолютно необходимых для английского кораблестроения материалов (naval stores). Указом Коммерц-коллегии 22 ноября в Петербурге, Архангельске и Риге были созданы «конторы по ликвидации» [145]. Тогда же были приостановлены платежи английским купцам [146].

Около двухсот английских судов, находившихся в русских портах, было задержано; команды их были высланы во внутренние губернии России. Когда экипаж двух английских кораблей, стоявших в Нарве, оказал сопротивление русским войскам и, потопив русское судно, ушел в море, Павел приказал сжечь остальные находившиеся в Нарве английские суда. Позднее, уже после примирения России и Англии, английское правительство оценило убытки, понесенные англичанами в связи с секвестром и эмбарго, почти в 4 млн. руб.[147] Нет сомнения, что эта сумма завышена.

[143] Ростопчин С. Р. Воронцову 18(30) июня 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 8, стр. 287.

[144] Д. Милютин. Указ. соч., т. III, стр. 659—660; G. F. Martens. Supplément au recueil des principaux traités..., t. II. Gottingue, 1802, p. 373.

[145] В. Александренко. Император Павел I и англичане. «Русская старина», 1898, кн. 10, октябрь, стр. 102—106.

[146] Указ 22 ноября (3 декабря) 1800 г. ПСЗ, т. XXVI, № 19660.

[147] На конференции с В. П. Кочубеем 20 февраля (4 марта)

В Англии первые известия о секвестре и эмбарго подняли сильную тревогу (впоследствии немного поутихшую); биржевые фонды несколько упали [148].

Дальнейшим важным этапом в развертывании конфликта России и Англии был второй вооруженный нейтралитет. В общем комплексе причин, приведших к кризису второй коалиции, существенную роль сыграли также русско-английские противоречия на Балтике. Хотя Англия и не была балтийской державой, она все же ревниво и недоброжелательно следила за усилением морского могущества России. В конце 80-х годов произошла острая и открытая вспышка англо-русских противоречий на Балтике. В 1788 г., в тот момент, когда Россия была связана войной с Турцией, Англия толкнула Швецию на военное выступление против России. Когда союзник России Дания в качестве вспомогательной державы (partie auxiliaire) начала успешные действия против Швеции, Англия в чрезвычайно опасный для Швеции и выгрышный для России момент предъявила Дании ультиматум и заставила ее выйти из войны. Вслед за тем в 1790—1791 гг. Англия всеми силами стремилась втянуть Данию и Швецию в коалицию против России, которую она пыталась в это время организовать.

Пользуясь своим бесспорным превосходством на море, Англия установила для других держав свой собственный «морской кодекс» (code maritime). Одним из первых правил его было так называемое «право визита», т. е. такой порядок, при котором во время войны английский военный корабль силой задерживал в море нейтральное торговое судно, подвергал его обыску и уводил в английские порты, если на нем была обнаружена военная контрабанда. Так как не было сколько-нибудь точно установлено, что, собственно, следует понимать под «военной контрабандой», то англичанам открывались широкие возможности для различных злоупотреблений. Далее, одним из основных «правил» английского морского разбоя была пресловутая «бумажная блокада». Англичане запрещали нейтральным

1802 г. тогдашний английский посол А. Сент-Эленс подал записку с изложением указанных претензий английских подданных. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7836, лл. 6—9.

[148] В. Г. Лизакевич Ростопчину 22 сентября (3 октября) 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1800 г., д. 532, л. 60.

судам доступ к блокированному ими порту. С течением времени действительная блокада превратилась в «бумажную» — английские власти лишь на бумаге объявляли блокированным тот или иной фактически свободный порт противника и захватывали нейтральные суда, пытавшиеся к нему приблизиться.

Когда 17 (28) февраля 1780 г. Россия выступила со знаменитой в истории морского права декларацией о вооруженном нейтралитете, это произвело большой международный эффект.

Нарастание конфликта с Англией толкнуло Павла на то, чтобы попытаться еще раз пустить в ход это однажды уже испробованное с таким успехом орудие.

Международная обстановка благоприятствовала его плану. Английские каперы и военные корабли свирепствовали. Торговля Дании и Швеции терпела большой ущерб.

Россия была готова оказать им поддержку. В декабре 1799 г. между Данией и Англией возник конфликт. Россия, к которой Дания обратилась за помощью [149], в августе 1800 г. предложила последней присоединиться к союзу северных держав.

16 (27) августа Россия выступила с декларацией, в которой резко осуждала английский морской разбой и призывала Данию, Швецию и Пруссию возобновить вооруженный нейтралитет 1780 г. [150] 4 (15) декабря 1800 г. Россия заключила морскую конвенцию о возобновлении вооруженного нейтралитета одновременно с Данией и Швецией. Русско-шведская конвенция следующим образом формулировала основные правила вооруженного нейтралитета [151].

1. Все нейтральные суда могут свободно плавать из порта в порт и вдоль берегов воюющих держав. Имущество, принадлежащее подданным воюющих держав, но

[149] Донесение русского поверенного в делах в Копенгагене П. Я. Убри 17(28) апреля 1800 г. и письмо Панина Убри 3(14) февраля. А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 529, 535—536, 543—544.

[150] G. F. Martens. Supplément au recueil de principaux traités..., vol. II, p. 368—371; А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 44—47; F. Piggott and G. W. T. Omond. Op. cit., p. 416—418.

[151] F. Piggott and G. W. T. Omond. Op. cit., p. 439—443; C. F. Martens. Supplément au recueil des principaux traités..., vol. II, p. 389—398. Содержание заключенных Россией в декабре 1800 г. конвенций с Данией и Швецией совпадает, поэтому мы ограничиваемся разбором русско-шведской конвенции.

находящееся на нейтральных кораблях, считается свободным за исключением предметов военной контрабанды, т. е. боеприпасов и оружия.

2. Действительно блокированным считается лишь тот порт, вход в который представляет непосредственную опасность.

3. Нейтральные суда могут быть задержаны лишь на основании веских причин и очевидных фактов; суд над ними будет происходить без промедления, судебная процедура должна быть единообразной, быстрой и закономерной; в случае незаконного задержания потерпевшим возмещаются убытки и дается удовлетворение за оскорбление флага данной державы.

4. Для того чтобы предотвратить обыск («визит») конвоируемого военным кораблем торгового судна, достаточно заявления офицера, командующего военным кораблем и сопровождающего торговые суда, что на последних нет предметов контрабанды.

Признавая за воюющими державами право преследовать морские перевозки военной контрабанды, Россия и Швеция точно фиксировали контрабандные товары.

Для защиты своей торговли на основе указанных принципов Россия и Швеция обязались снарядить военно-морскую эскадру. Конвенция устанавливала, что кораблем, действительно принадлежащим нейтральной державе, считается лишь тот, капитан и большая часть экипажа которого родом из данной страны. Существенное значение имела статья, говорившая о взаимодействии военного флота северных держав в целях конвоирования их торговых судов: тем самым устанавливалась действительно эффективная взаимопомощь балтийских держав в их борьбе за свободную морскую торговлю. Этим же целям служили статьи о взаимной дипломатической и военной поддержке в случае захвата торгового судна одной из договаривающихся сторон.

Декларация подчеркивала принципиальный и законополагающий характер конвенции: «принципы и меры, принятые настоящим актом, будут в равной мере применены и ко всем морским войнам... (в будущем.— *А. С.*). Данные условия будут рассматриваться, следовательно, как постоянные, и будут служить законом договаривающимся державам в делах торговли и навигации...»,— гласила десятая ее статья.

К вооруженному нейтралитету присоединилась и Пруссия, которая в это время находилась в конфликте с Англией. 6 (17) декабря 1800 г. была заключена русско-прусская конвенция об охране нейтральной торговли [152].

Павел мечтал привлечь к вооруженному нейтралитету также Соединенные Штаты Америки и Португалию [153].

Образование «Северной лиги» (так современники именовали блок держав, заключивших конвенции о вооруженном нейтралитете) было для Англии тяжелым ударом.

Вслед за тем конфликт северных держав с Англией начал быстро развиваться. 2(14) января 1801 г. Англия наложила эмбарго на суда России, Дании и Швеции. Пруссия закрыла порты, расположенные в устье рек Эльбы и Везера для английских товаров и оккупировала Ганновер. Дания заняла Гамбург.

* * *

Кризис второй коалиции дал толчок к сближению России с Францией. В то время как вторая коалиция постепенно разваливалась, Франция становилась все сильнее и быстро оправлялась от мощных ударов, нанесенных ей Россией. В октябре 1799 г. Бонапарт вернулся во Францию, бросив на произвол судьбы свою египетскую армию.

Переворот 18 брюмера покончил с разложившейся бессильной Директорией и отдал фактически неограниченную власть в руки Бонапарта — отныне первого консула Французской республики. 18 брюмера было встречено в Петербурге радостно и сочувственно. Русская реакция с самого начала французской революции не переставала надеяться, что она в конце концов изживет себя и приведет к военной диктатуре, а вслед за ней — к реставрации монархии. Еще в начале 90-х годов Екатерина писала об этом Грамму. Теперь, казалось, мечты эти были близки к осуществлению, и Ф. В. Ростопчин ждал, что Бонапарт быстро покончит с другими членами консулата и станет полновластным властелином, а Павел прямо рассчитывал на провозглашение наследственной монархии [154]. «Безразлично, кто будет

[152] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. VI, стр. 286—294.

[153] Павел I вице-канцлеру С. А. Колычеву 4(16) февраля 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 37.

[154] Ростопчин С. Р. Воронцову. «Русский архив», 1876, кн. 3, стлб. 102; Павел I Колычеву 19(30) декабря 1800 г. «Русский архив», 1874, кн. 12, стлб. 970.

царствовать во Франции, лишь бы правление было монархическое»,— говорил Павел Ростопчину в декабре 1799 г.[155] Примирение с Бонапартом — теперь уже не кровожадным исчадием революции, а кандидатом в наследственные монархи — перестало в глазах Павла быть предательством «правого дела» (de la bonne cause), каким оно казалось ему ранее.

В русской дворянско-буржуазной историографии, так же, как и в зарубежной, получила весьма широкое распространение легенда, что будто бы Павел в ослеплении бросился в объятия Бонапарта. В действительности дело обстояло отнюдь не так просто[156]: царь, во-первых, долго колебался перед тем, как откликнуться на предложения первого консула; во-вторых, был как нельзя более далек от того, чтобы послушно следовать его хитроумным внушениям, как это часто изображают. Русско-французские переговоры в 1800—1801 гг. показали, что Россия отнюдь не собирается «безвозмездно» уступать Франции преобладание в Европе. Русское правительство в ходе этих переговоров надеялось, что ему удастся, как правильно подчеркивает Ш. Д. Вербицкий, ограничить (на этот раз уже дипломатическими, а не военными средствами) французскую агрессию в Германии, в Италии, в бассейне Восточного Средиземноморья.

Определяющей целью русско-французского «альянса» 1800—1801 гг. было для павловского правительства, однако, не это (и здесь мы расходимся с Ш. Д. Вербицким, преувеличивающим, на наш взгляд, «оборонительные» тенденции политики Павла), а прежде всего желание создать

[155] Дневник словесных повелений... «Русский архив», 1912, кн. 10, стлб. 266. Ср. Н. К. Шильдер. Император Павел Первый. СПб., 1901, стр. 411—412.

[156] Впервые серьезную разработку русско-французских отношений в 1800—1801 гг. дал А. Трачевский в своем вводном очерке к известной многотомной публикации «Дипломатические сношения России с Францией в эпоху Наполеона I» (Сборник РИО, т. 70, стр. XV—XLIV). Слабее работы С. Татищева (S. Tatischeff. Paul I et Bonaparte. La nouvelle revue, 1887, vol. 47, livre 3, p. 631—665; vol. 48, livre 1, p. 41—58; vol. 49, livre 2, p. 233—260, livre 4, p. 754—785); его же. Alexandre I et Napoléon d'après leur correspondance inédite. 1801—1812. Paris, 1891. Правильный и глубокий анализ русско-французских отношений в этот период содержится в работе: Ш. Д. Вербицкий. Русско-французские отношения в 1800—1803 гг., ч. I. Херсон, 1950. Канд. диссертация, машинопись.

противовес Австрии и Англии. Последнее заставляло Павла примириться с фактом огромного роста международного влияния Франции и лишь стараться положить ему известные границы. Далее, Павел рассчитывал в союзе с Бонапартом закрепить за Россией Мальту и Ионические острова.

Русско-французские переговоры прошли несколько этапов. Первый период их — с конца 1799 г. до осени 1800 г.— характеризуется настойчивыми заигрываниями Бонапарта с Павлом и осторожной, выжидательной тактикой последнего. Хотя уже в январе 1800 г. Павел говорил о полной своей готовности откликнуться на сделанные при посредничестве Пруссии предложения Бонапарта[157], в течение 8—9 месяцев дело не двигалось. В середине и во второй половине 1800 г. произошли, однако, важные события, сделавшие Павла сговорчивее. Бонапарт начал новое наступление на позиции Австрии в Германии и Италии. 3(14) июня 1800 г. австрийская армия была наголову разбита в сражении при Маренго. Французы восстановили Цизальпинскую и Лигурийскую республики. Италия оказалась во власти Франции. Австрия в октябре 1800 г. начала в Люневиле мирные переговоры с Бонапартом (хотя военные действия и продолжались). 21 ноября (2 декабря) Моро при Гогенлиндене завершил военный разгром Австрии. Бонапарт вернул Франции ее позиции в Европе, утраченные Директорией, что, естественно, значительно повысило цену его авансов в глазах Павла.

России не было смысла продолжать войну против Франции. Планы Наполеона о создании грандиозной восточной империи рухнули, и опасность, грозившая югу России, была пока что устранена. Ионические острова Франция потеряла, и в этом отношении цель России также была достигнута. Италию французы удерживали прочно, и выбить их оттуда, так же как из Швейцарии и Голландии, было невозможно. Война становилась бесперспективной.

С другой стороны, к этому моменту уже завершился поворот Павла против Англии. 9(20) июня 1800 г. Англия

[157] А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 250—251. «Кабинет прусский старается выслужиться у Бонапарта сближением его с двором нашим»,— писал Ростопчин Томаре 2(13) октября 1800 г. (АВПР, ф. Посольство в Константинополе, 1800 г., д. 57, л. 8—8 об.).

и Австрия заключили новую субсидную конвенцию [158], которая была принята Павлом как недружелюбный акт со стороны Лондона. Захват Мальты англичанами решил дело. Осенью 1800 г. Павел окончательно сделал выбор в пользу Франции, «рыцарственное» поведение которой составляло в его глазах столь выгодный контраст с бесцеремонностью британцев [159]. В сентябре в Берлине начались переговоры русского посланника А. И. Крюденера и французского посланника генерала П. Р. Бернонвиля. Предложение Франции (июль) вернуть шесть тысяч русских военнопленных без обмена с почестями и оружием послужило основой для непосредственных переговоров Парижа и Петербурга. К Бонапарту был послан генерал Спренгпортен — формально для приема пленных, на самом деле для выяснения мирных условий и общей позиции Франции [160].

С этого начался второй этап русско-французского сближения. Павел добивался теперь военного союза с Францией против Англии. В завязавшейся вскоре личной переписке Павла и первого консула [161] был поставлен вопрос о присоединении Франции ко второму вооруженному нейтралитету и о совместном десанте в Англию [162]. В апробированной Павлом записке Ростопчина был разработан план союза с Францией для раздела Турецкой империи.

Однако, раньше чем совершить десант в Англию и делить Турцию, нужно было добиться хотя бы приблизительной договоренности по многочисленным спорным вопросам, разделявшим Россию и Францию. Это оказалось очень нелегкой задачей и в конце концов о нее разбился новоявленный русско-французский союз. Беспристрастный анализ тактики русского правительства в ходе переговоров с Францией свидетельствует, что Россия твердо решила защищать свои позиции в Средиземноморье, в Северной Италии и Германии от натиска Бонапарта и что, следовательно, обычные для зарубежных историков измышления, будто Наполеону удалось лестью и красивыми

[158] A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 296—297.

[159] Наполеон поднес Павлу I в подарок шпагу одного из гроссмейстеров ордена, полученную последним от папы Льва X.

[160] Донесения ген. Спренгпортена Павлу I см. в кн.: Н. К. Шильдер. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование, т. I. Изд. 2. СПб., 1904, стр. 341—353.

[161] Наполеон первым обратился к Павлу (письмо 10(21) декабря 1800 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 24—25).

[162] Сборник РИО, т. 70, стр. 32—33.

выдумками одурманить «романтического» Павла, относятся к области исторического анекдота.

Павел открыто, ультимативно, почти грубо, пренебрегая обычными дипломатическими формами, с самого же начала декларировал, что Россия пойдет на мир с Францией лишь в том случае, если та примет русские требования. Требования эти — известные «пять условий», сформулированные в ноте Ростопчина 26 сентября (7 октября) — сводились в основном к защите русского влияния в Германии, Италии и на Средиземном море. Россия настаивала на возвращении Мальты ордену (т. е. фактически Павлу как его великому магистру), на восстановлении независимости Пьемонта и его возвращении королю сардинскому Карлу-Эммануилу IV, на неприкосновенности и целостности (l'intégrité) Неаполитанского королевства, Баварии и Вюртемберга [163].

Вокруг этой программы России в мальтийском, неаполитанском, пьемонтском и германском вопросах завязалась продолжавшаяся почти год дипломатическая борьба Парижа и Петербурга. Наполеон, стремившийся обезвредить Россию и к тому же только что испытавший частичные неудачи (гибель генерала Клебера в Египте, капитуляция Мальты), поспешил дать в ноябре 1800 г. формальное и ни к чему по существу не обязывавшее согласие на «пять условий», умолчав, однако, о Мальте и потребовав для Франции границу по Рейну, Египет и покровительство французской торговле на Черном море [164].

Но почти сразу же во время предварительных переговоров Спренгпортена в Париже выявились различия в русской и французской точках зрения. По существу Наполеону нужно было, чтобы Россия вышла из войны, соглашение же по основным вопросам европейской политики было не в его интересах, так как оно могло лишь связать ему руки и уменьшить его долю добычи. Напротив, для России именно в подобном соглашении была одна из основных целей переговоров. В то время как Наполеон стремился ускорить заключение мирного договора с Россией и оттянуть заключение конвенции на основе «пяти условий», русская дипломатия добивалась, чтобы мирный договор и конвенция были подписаны одновременно.

[163] Сборник РИО, т. 70, стр. XX, 10—11.

[164] Сборник РИО, т. 70, стр. XXIII, XXVI, 26—27.

К тому же, дав формальное согласие на «пять условий» России, Наполеон не только не собирался сдержать свое обещание, но развивал наступление в Италии и Германии, явно стремясь при этом вытеснить оттуда Россию.

В декабре на смену Спренгпортену в Париж с чрезвычайной миссией был направлен вице-канцлер С. А. Колычев. В данной ему 19(30) декабря правительственной инструкции [165] нашли отражение изменения, происшедшие в международной позиции России с начала осени. Антианглийская направленность будущего союза с Францией стала еще более явственной: Павел настойчиво требовал совместной экспедиции в Англию, присоединения Франции к вооруженному нейтралитету, изгнания английских войск из Египта. По-прежнему настаивал он и на возвращении Мальты ордену (прибавив к этому требование о признании его великим магистром), на целостности Неаполитанского королевства и на восстановлении независимости Пьемонта.

Прошло немного времени, и невозможность союза павловской России и наполеоновской Франции стала очевидной. Тому способствовал Наполеон, с обычной своей изворотливостью уклонявшийся от заключения конвенции и твердивший, что достаточно заключить мирный договор.

Наибольшие противоречия между Россией и Францией были в Италии и Германии. Французские войска разгромили неаполитанскую армию, и лишь влияние России спасло Неаполь от захвата его Францией. Начиная переговоры с Бонапартом, Павел обещал Неаполю, что Россия будет охранять его интересы [166]. В дальнейшем России ценой больших усилий удалось отсрочить уничтожение Неаполя как самостоятельного государства.

Другим спорным пунктом была Мальта. Наполеон начал с того, что предложил ее Павлу (это сыграло большую роль в повороте политики последнего); когда, однако, дошло до дела, Франция постаралась свести фактически на нет свои «щедрые» предложения. Мальта в это время — 25 августа (5 сентября) 1800 г. — была уже занята английскими войсками, и только при объединенных усилиях России и Франции можно было надеяться вырвать ее из

[165] «Русский архив», 1874, кн. 12, стлб. 961—970.

[166] Павел I королю Фердинанду IV. АВПР, ф. Канцелярия, 1800 г., д. 8219, л. 3.

рук англичан. Русское правительство поэтому потребовало, чтобы Франция обещала при заключении мира с Англией включить в мирный договор статью об обязательном возвращении Мальты ордену [167]. Однако Бонапарт не имел ни малейшего желания отбивать Мальту у англичан ради Павла. К тому же, одно было — только посулить Павлу Мальту, а совсем другое — позволить, чтобы Россия на самом деле ею завладела. Этого первый консул вовсе не хотел. Поэтому когда в самом начале парижских переговоров, на первых же конференциях Колычева и Талейрана, русский представитель потребовал признания Павла великим магистром ордена и принятия Францией указанного выше обязательства, французский министр, согласившись на первое требование, отверг последнее [168], тогда как именно в нем было все дело.

28 января (9 февраля) 1801 г. Франция и Австрия заключили в Люневиле мирный договор. Франция получила Бельгию, земли на левом берегу Рейна и согласие Австрии на совершенные ею преобразования в Голландии, Швейцарии и Италии (признание вассальных республик). Австрия сохранила полученные ею в 1797 г. венецианские владения.

Заключение Люневильского мира развязало Франции руки, и Наполеон стал с этого времени говорить с Россией другим языком. Первые же конференции Колычева с Талейраном, начавшиеся 28 февраля (12 марта), показали наличие существенных расхождений. Снова заявив о своем согласии (чисто формальном) на мирные условия России, французское правительство фактически исказило их сущность и не включило их в свой проект мирной конвенции. Это вызвало резкий протест Колычева, и шансы на успех «альянса» сразу же понизились [169].

В дальнейшем дела пошли еще хуже. Предложенный Талейраном 15(27) марта проект тайной конвенции никак не мог удовлетворить русского представителя — со

[167] Инструкция Ростопчина Колычеву 15(27) января 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 34—35.

[168] Там же, стр. 52—53.

[169] См. протоколы конференции Колычева и Талейрана; ноту Талейрана 6(18) марта 1801 г. и французский проект мирного договора; ноту Колычева 7(19) марта; донесения Колычева в Петербург. Сборник РИО, т. 70, стр. 45—57, 60—75.

времени «пяти условий» (октябрь 1800 г.) обстановка во многом изменилась. Колычев выдвинул ряд дополнительных требований и представил 20 марта (1 апреля) французскому правительству русские проекты мирного договора и тайной конвенции, состоявшей из шестнадцати статей. Проект этот по духу своему был развитием первоначальных «пяти условий», но включал ряд дополнительных статей, продиктованных происшедшими в международной обстановке изменениями. После отрицательного ответа Франции в конце марта стало ясно, что переговоры зашли в тупик [170]. Дело дошло даже до ссоры Талейрана и Колычева: французский министр отказался принять крайне резкую, почти грубую ноту Колычева [171].

Однако формального разрыва переговоров не последовало, и Колычев оставался в Париже. Объяснялось это тем, что до определенного момента обе стороны равно желали союза против Англии.

Северная лига должна была ударить по английской морской гегемонии. Наряду с этим был выдвинут план энергичного удара также и по колониальным владениям Англии. Пресловутый проект похода в Индию преследовал именно эту цель. Завоевание Индии было заветной мечтой Бонапарта. В 1801 г. Павел и Бонапарт обсуждали возможность совместного похода русской и французской армий в Индию [172]. Этот план ни в какой степени не грозил английскому колониальному господству (Павел в начале 1801 г. направил в поход совершенно неподготовленные к столь грандиозной задаче и численно недостаточные казачьи части). Английские буржуазные политические деятели впоследствии использовали фантастический «поход в Индию» в 1801 г. для раздувания «русской угрозы».

Англо-американская буржуазная историография фальсифицировала историю распада второй коалиции и русско-английского конфликта. Умалчивая о коренных причинах, приведших Россию к выходу из второй коалиции, английские националистические историки твердят о «русском дезертирстве» и о «предательстве России» [173] и сваливают на Россию ответственность за неудачи корпуса Корсакова [174]. Анализ причин таких крупных исторических событий, как разрыв России с Англией в 1800—1801 гг., русско-французское сближение, провозглашение второго вооруженного нейтралитета, образование Северной лиги, подменяется обычно рассуждениями о личных свойствах Павла и сводится в конце концов к утверждению, что все дело во власти, которую Бонапарт имел над ним и которую он использовал для того, чтобы направить Россию на Англию. Страсть к примитивной беллетризации исторического повествования, к безвкусному смакованию исторических анекдотов владеет даже и «солидными», принадлежащими к старой школе английскими историками, когда они пишут о связях Павла с Наполеоном и о разрыве Павла с Англией [175]. Новейшие же буржуазные английские и американские историки теряют в подобных случаях всякое чувство меры и с полным пренебрежением к историческим фактам, свидетельствующим, как показано выше, о совершенно самостоятельной позиции России во время русско-французских переговоров в 1800—1801 гг., говорят о полном подчинении Павла Наполеону, о «детском энтузиазме», с которым царь принял авансы первого консула [176]. Второй вооруженный нейтралитет в той или иной форме изображается как создание Наполеона [177].

---

[170] См. французскую ноту и проект мирной конвенции от 15(27) марта; ноты Колычева 16(28) и 17(29) марта; ноту Талейрана 18(30) марта; ноту Колычева 19(31) марта и русский проект мирного договора и дополнительной конвенции с Францией от 20 марта (1 апреля) в шестнадцати статьях. Сборник РИО, т. 70, стр. 84—88, 96—100, 673—675.

[171] Там же, стр. 118—120, 138—139, 144.

[172] См. «Русская старина», 1873, кн. 9, сентябрь, стр. 401—410; 1876, кн. 1, январь, стр. 216—217; Stedingk. Mémoires posthumes. Paris, 1845, vol. II, p. 6—7; Баторский. Проект экспедиции в Индию... В кн.: Сборники материалов по Азии, вып. XXIII. СПб., 1886; П. Л. Юдин. На Индию. (По поводу небывалого похода атамана Платова). «Русская старина», 1894, кн. 12, декабрь, стр. 231—241; Н. К. Шильдер. Император Павел Первый, стр. 417—420; Е. Л. Штейнберг. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. «Исторические записки», т. 33, стр. 48—49.

[173] A. Bryant. The Years of Endurance, p. 296; Ch. Petrie. When Britain saved Europe: the Tale and the Moral. London, 1941, p. 124.

[174] A. Bryant. The Years of Endurance, p. 292.

[175] J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 388; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 299—300.

[176] A. Bryant. The Years of Endurance, p. 307, 312.

[177] J. H. Rose. The Life of Napoleon I. London, 1916, vol. I, p. 262; А. Т. Мэхэн. Влияние морской силы на французскую революцию и империю, т. II. М.— Л., 1940, стр. 23—27; его же. The Life of Nelson, p. 459; A. Bryant. The Years of Endurance,

Сближение России и Франции при всей резкости поворота курса русской дипломатии и фантастичности некоторых замыслов Павла (план похода в Индию) объяснялось политическими расчетами, а не прихотями самодержца. Сдвиги, происшедшие в отношениях России с коалицией, с одной стороны, и с Францией, с другой — сказались также и на восточной ее политике.

До середины 1799 г. русская дипломатия в Константинополе следовала принятому более года назад антифранцузскому курсу. Но уже во второй половине этого года в ней стали заметны новые веяния. Теперь русский император поставил себе целью настроить Турцию против Австрии. Томаре было приказано из Петербурга: «Вместо доверенности Порты Оттоманской (к Австрии.— *А. С.*) возбудите в ней совсем противные чувства и, если возможно, доведите до того, чтобы она Венскому кабинету совсем не верила и презирала и дела его, и силы» [178]. По мере обострения конфликта с Веной желание Павла натравить Турцию на Австрию разгоралось все жарче и привело в конце концов к тому, что император предложил Порте оказать ей поддержку, если она начнет войну против Австрии для возвращения земель, утраченных ею по Белградскому миру 1739 г. [179] Турки слушали антиавстрийские внушения Томары довольно охотно [180].

Попытки Австрии, испуганной яростью Павла и жаждавшей примирения (для того чтобы снова загребать жар русскими руками), пустить в ход старое средство и склонить к себе Россию, предложив ей раздел Османской империи, ни к чему не привели.

Ранее Россия и Англия старались сохранять в Константинополе единый фронт против Наполеона. В конце 1799 г.

---

p. 307—308; F. Pratt. Empire and the Sea. New York, 1946, p. 302—304; R. Grenfell. Nelson the Sailor. London, 1949, p. 136—137; C. Oman. Britain against Napoleon. London, 1942, p. 109.

[178] Павел I Томаре 31 августа (11 сентября) 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 886, л. 51—51 об.

[179] Павел I Томаре 3(14) января 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 905, лл. 2—3.

[180] «Нашел я в министрах турецких наилучшее расположение к принятию впечатлений о ненасытной к завладениям алчности Венского двора»,— доносил Томара императору 1(12) ноября 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 897, л. 60 об. См. также протокол конференции Томары с реис-эфенди (министр иностранных дел) 5(16) ноября 1799 г. Там же, лл. 65—73 об.

Томара надеялся даже, что Эльджин поддержит его попытки восстановить Турцию против Австрии [181].

С осени 1800 г. положение изменилось. Русская политика в Константинополе приняла резко враждебное Англии направление. Павел поставил себе целью вовлечь Турцию в формировавшуюся им против Англии коалицию и обратился к Селиму III с личным письмом, в котором предлагал ему примкнуть к «Северной лиге» [182].

Оборотной стороной кризиса русско-английских отношений было явное желание Павла в конце 1800 г. наладить отношения между Турцией и Францией (разумеется, под контролем России и в указанных ею границах). Турция охотно пошла навстречу России. В конце 1800 г. Порта обратилась к России с просьбой о посредничестве на условиях возвращения Турции Египта и признания Францией Ионической республики. Если же Наполеон обязуется вернуть Египет до заключения общего мира, Турция соглашалась заключить с Францией сепаратный мир (без участия Англии и Неаполя) [183]. Россия приняла турецкое предложение, и с этого времени вопрос об условиях франко-турецкого мира занял одно из самых важных мест в ее переговорах с Францией.

Относящиеся к Турции мирные условия России, изложенные в инструкции Колычеву, были сообщены Селиму III и им одобрены. Султан подчеркивал при этом, что надеется найти у России защиту от происков Бонапарта [184].

Симптомом поворота России от союза с Англией к сближению с Францией было давление, оказанное Томарой на Турцию в конце 1800 г. для восстановления дипломатических сношений между нею и Испанией [185].

Ухудшение отношений с Англией сказалось и на позиции России в египетском вопросе. Англия использовала

---

[181] Томара Павлу I 9(20) декабря 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 898, л. 14—14 об.

[182] Павел I Томаре 22 августа (2 сентября) 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 905, лл. 12—13; Томара Павлу I 16(27) октября 1800 г. Там же, 1800 г., д. 918, лл. 54—59.

[183] Ноты Турции России в конце ноября 1800 г. и 15 декабря 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 919, лл. 42—44 об. и 1800 г., д. 920, лл. 41—42.

[184] Письмо Селима III Павлу I. 1801 г. б/д. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6226, лл. 2—4 об. Копия.

[185] Томара Павлу I 16(27) ноября 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 919, л. 51—51 об.

безвыходное положение Турции для проникновения в Египет, куда в 1798 г. был направлен английский флот, а затем и войска для операций против Бонапарта. От безразличного отношения к Египту, характерного для первой половины 90-х годов [186], Англия на исходе XVIII в. перешла к экспансии.

Питт и Нельсон желали, чтобы русская эскадра приняла участие в экспедиции англо-турецкого флота в Египет как для того, чтобы отвлечь ее подальше от Ионических островов и Мальты, так и для того, чтобы использовать ее боевую силу. После срыва этих планов вмешательство России в египетские дела стало для англичан нежелательным: им нужен был русский флот, а не контроль России над английской политикой. Между тем для России события в Египте были далеко не безразличны. При штабе великого визиря в Египте находился русский драгоман, коллежский асессор Франкини, внимательно следивший за англичанами и доставлявший русскому правительству подробнейшую информацию. Франкини старался приобрести влияние на великого визиря, что было очень не по нутру англичанам. Английское командование в Египте во всем чинило препятствия Франкини и до такой степени не скрывало своего недоброжелательства к России, что Томара говорил об англичанах: «из них каждой, лишь только отдохнет (sic!) африканской воздух, почитает соперниками своими россиян паче французов» [187].

Французская армия, покинутая Бонапартом в Египте, была блокирована английским флотом и оказалась в ловушке. Преемник Бонапарта генерал Клебер 13(24) января 1800 г. заключил в Эль-Арише соглашение с Сиднеем Смитом, дававшее французской армии возможность беспрепятственно вернуться на родину. В Петербурге Эль-Аришская конвенция вызвала резкое недовольство и привела к неприятным объяснениям с английским правительством и к формальной жалобе России на действия Сиднея Смита [188].

---

[186] F. Charles-Roux. Op. cit., vol. I, p. 5—6; W. F. Lord. England and France in the Mediterranean. 1660—1830. London, 1901, p. 130.

[187] Томара Павлу I 1(12) июля 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 916, л. 6—6 об.

[188] Н. П. Панин С. Р. Воронцову в марте 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1800 г., д. 534, лл. 23—25 об.

С конца 1800 г. Россия в египетском вопросе открыто действовала против Англии. Ростопчин опасался, что Англия намерена завладеть Египтом [189]. В начале марта 1801 г. в Египет прибыли крупные английские силы под командованием генерала Р. Аберкромби. Некоторые проницательные турецкие сановники чуяли, что быть беде. Так, влиятельнейший Юсуф ага, кяхья (гофмейстер) султанши-матери, жаловался Томаре, что англичане «мимо желания и требования Порты пришли теперь с такими великими силами, когда сами напросились только на присылку 5000 высадных (т. е. десантных.— *А. С.*) войск» [190].

Ростопчин был уверен, что турки сами боятся «найти в англичанах других французов» [191]. Томара старался вбить клин между Англией и Турцией и добился в декабре 1800 г. от Порты обещания в течение 2—3 месяцев «держать в недеянии войски английские» [192]. Затем Томара стал настаивать на выводе английских войск из Египта [193].

При всех изменениях курса русской дипломатии в Константинополе стремление России сохранить добрые отношения («добрую гармонию», как говорил Ростопчин) [194] с Турцией (разумеется, в своих интересах) оставалось неизменным. Чтобы рассеять подозрения Турции относительно того, не вызвано ли русско-французское сближение желанием сговориться за ее счет, Павел весной 1801 г. снова решил послать русский флот на помощь Порте. В начале 1801 г. Томара вел переговоры о заключении секретной конвенции с целью совместной гарантии владений [195], что также имело целью внушить Порте уверенность в дружественных намерениях России.

---

[189] Письма его С. А. Колычеву 15(27) января 1801 г. (Сборник РИО, т. 70, стр. 33—34) и А. Я. Италинскому 8(20) января 1801 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 8219, лл. 1—2 об.).

[190] Томара Павлу I 23 февраля (7 марта) и 16(28) января 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 1, лл. 43 об.— 45, 113.

[191] Ростопчин Томаре 3(15) января 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2217, л. 2 об.

[192] Томара Павлу I 16(27) декабря 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1800 г., д. 920, лл. 20—22.

[193] Томара Павлу I 16(28) марта 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 1, лл. 157 об.— 158.

[194] Ростопчин С. Р. Воронцову 26 октября (6 ноября) и 1(12) ноября 1799 г. Архив кн. Воронцова, т. 8, стр. 259—260.

[195] Томара Павлу I 16(28) февраля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 1, лл. 63—70.

Весной 1801 г. русско-английские противоречия вылились в открытый военный конфликт. В марте английский флот в составе 18 линейных кораблей и 35 судов меньших размеров двинулся в Балтику. Командующим балтийской эскадрой был назначен адмирал Гайд Паркер, но фактически руководство военными действиями осуществлял Нельсон (он имел чин вице-адмирала и был вторым командиром). Первой жертвой англичан стала союзная России Дания. В сражении при Копенгагене 21 марта (2 апреля) был уничтожен датский флот; Дания фактически вышла из войны. Напуганная судьбой Дании и угрозами Англии, Швеция — второй участник «Северной лиги» и союзник России — в дальнейшем оставалась пассивной. Нельсон решил, что наступил момент осуществить его заветную мечту — сломить военно-морскую мощь России и в первую очередь уничтожить русский балтийский флот. По замыслу Нельсона английские военно-морские силы должны были двинуться сначала к Ревелю, а затем к Кронштадту, чтобы разбить поодиночке зимовавшие в этих портах русские эскадры, не дав им возможности соединиться [196]. 8(20) апреля двигавшийся на Ревель английский флот был уже у Карлскроны.

Русская армия готовилась к обороне. К западной границе было двинуто 120 тыс. человек. Для защиты балтийского побережья было выделено 60 тыс. под общим командованием генерала П. А. Палена. Под Петербургом находился резервный корпус М. И. Кутузова.

Однако прежде чем между Россией и Англией развернулись военные действия, в России произошли события, резко изменившие обстановку.

Некоторые стороны внутренней и внешней политики Павла оттолкнули от него дворянскую верхушку. В целях борьбы с революционной угрозой император стремился сосредоточить политическую власть в своих руках, укре-

[196] О нельсоновском плане уничтожения русского балтийского флота см. письма Нельсона первому лорду Адмиралтейства гр. Сент-Винсенту в марте 1801 г. (Сент-Винсент сменил ушедшего вместе со всем кабинетом Питта в отставку гр. Спенсера), премьеру Аддингтону, адмиралу Гайд Паркеру и др. (Nelson. Dispatches, vol. IV, p. 297, 341, 354—355, 361). См. также A. T. Mahan. The Life of Nelson, p. 492, 496; его же. Влияние морской силы на революцию и империю, т. II, стр. 38, 43, 47. A. Bryant. The Years of Endurance, p. 328. J. H. Rose. The Indecisiveness of Moderne War, p. 130—131.

нить центральный бюрократический государственный аппарат. В царствование Павла эта тенденция сказалась в сокращении прав Сената и в постепенной замене коллегиального управления единоличным.

В тех же целях укрепления государственной власти Павел до известной степени затронул дворянское самоуправление (запрещение губернских дворянских съездов, отмена права избрания дворянами заседателей в судебные учреждения и т. д.) и некоторые закрепленные в «Жалованной грамоте» Екатерины II сословные дворянские привилегии.

Как ни осторожны были эти мероприятия самодержавия, ни в малейшей степени не ущемлявшие интересы дворянства как класса, все же они вызвали резкое недовольство в среде высшей, особенно столичной прослойки.

Сумасбродство, жестокость, резкие смены настроений самого Павла, психически больного человека, способного на самые фантастические выходки, усиливали эту дворянскую фронду.

Росли опасения, что правление Павла приведет к падению престижа дворянства и тем самым разожжет стихийное крестьянское возмущение. «Если бы это бедственное время продолжалось, то должно было бы ожидать народного восстания»,— писал гр. С. Р. Воронцов [197]. Н. М. Карамзин впоследствии отмечал, что павловский террор оживил вольнодумные настроения в России, угасшие было в связи с «ужасами» французской революции [198].

Разрыв с Англией также не получил одобрения со стороны влиятельной части дворянства. В правительственных кругах обострилась борьба двух основных группировок (о которых мы уже говорили) по вопросам внешней политики.

Очень активизировалась группировка, не желавшая войны с Францией. В 1800 — начале 1801 г. она действовала намного решительнее, чем в 1797 г., и выдвигала предложения о соглашении с Францией. Записка Ростопчина (1800 г.) отражала эту точку зрения. За мир с Францией стояли также вице-канцлер А. Б. Куракин и

[197] С. Р. Воронцов Н. П. Панину 4(16) апреля 1801 г. А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, СПб., 1892, стр. 423.

[198] Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 42—43.

Н. П. Румянцев. В то же время эта группа была решительно враждебна Англии. Записка Ростопчина дышит ненавистью к Англии, которая возбудила «зависть всех кабинетов своею алчностью и дерзким поведением на морях. коих она исключительно хочет присвоить себе владычество», захватила Египет и Мальту, строит коалиции для достижения торговой гегемонии [199].

Переход Египта и Мальты к Англии Ростопчин считал шагом к установлению ее полного господства на морях и в левантийской торговле («и тогда дело дойдет до необходимости просить паспорт у британских чиновников, чтобы получить разрешение плавать по морю»). Францию Ростопчин считал менее опасной: «Я всегда держался того мнения,— писал он,— что можно легко достичь и сокрушить Францию, но трудно сделать это с Англией позиция которой неприступна и флот которой многочисленнее флотов всех европейских держав» [200].

На той же точке зрения, что Ростопчин, стоял и П. В. Завадовский, подчеркивавший стремление Англии к господству на морях [201].

О неблагодарности английского правительства, не оценившего вклад России в борьбу с французской агрессией, о враждебности его говорил вице-канцлер А. Б. Куракин [202].

Противоположных взглядов относительно Англии и Франции держалась другая группировка. Решительными противниками сближения с Францией и сторонниками продолжения войны с нею были Воронцовы. Группировка Воронцовых отражала взгляды влиятельных кругов крупнопоместного дворянства, ведших широкую торговлю с Англией через балтийские порты. Необходимость свободной торговли и союза с Англией была для них своего рода непререкаемой догмой.

Знаменосцем этой группировки был С. Р. Воронцов, создавший довольно стройное на свой лад «теоретическое обоснование» англофильства. Воронцов весьма пессимистически смотрел на возможности будущего промышленного развития России, считая, что она должна специализироваться на земледелии и скотоводстве и что в ближайшее время мануфактуры в ней появиться не могут из-за отсутствия наличных капиталов и сырья (шелка, хлопка, тонкой шерсти); не может в России якобы развиваться и торговое мореплавание, чему препятствуют условия физические, т. е. замерзание морей; политические — крепостное право; моральные — отвращение русских к морю. Прирожденная якобы неспособность русского человека к морскому делу — излюбленный аргумент Воронцова: «Ничем на свете русского крестьянина с матерой земли на море заманить не можно, разве только какого пьяницу и совсем отчаянного человека»; сфера России — суша, сфера Англии — море, поэтому «разделяя по себе сии две стихии, спора между ними и быть не должно» [203].

Поклонник А. Смита и свободы торговли, Воронцов был справедливо убежден, что никакие правительственные распоряжения не могут воспрепятствовать англо-русскому торговому обмену. Из этого он делал, однако, неверный вывод о бесплодности стремления России к освобождению от монополии английского торгового капитала в русском экспорте и в русском торговом мореплавании [204] и о невозможности экономического соперничества между Англией и Россией.

Союз с Англией Воронцов считал необходимым также и по внутриполитическим и международным соображениям. Это — залог спасения России от революции, которой ей грозит Франция («Если он (Наполеон.— *А. С.*) не возмутил сто Пугачевых и сто Костюшко, то не за недостатком желания, а потому что у него не хватило средств») [205]. Вооруженный нейтралитет (как первый, так и второй) был, с точки зрения Воронцова, огромной ошибкой. Флот Англии, писал он Александру I, «единственная сила, которая противостоит и несколько держит в узде чрезмерное превосходство Франции. Если Англия потеряет свою морскую мощь, то трезубец Нептуна перехватит Фран-

---

[199] «Русский архив», 1878, кн. 1, стлб. 105—106.

[200] Ростопчин С. Р. Воронцову 23 августа (4 сентября) 1803 г. Архив кн. Воронцова, т. 8, стр. 308, см. также письмо его С. Р. Воронцову 30 июня (12 июля) 1801 г. Там же, стр. 289—290.

[201] Завадовский А. Р. Воронцову 20(31) мая 1800 г. Архив кн. Воронцова, т. 12, стр. 247.

[202] Куракин Кочубею 28 мая (9 июня) 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7840, л. 1—1 об.

[203] Письмо С. Р. Воронцова А. Б. Куракину (1798 г.). Архив кн. Воронцова, т. 30, стр. 489, 486.

[204] С. Р. Воронцов Александру I 16(28) мая 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 353—367.

[205] С. Р. Воронцов. Записка о В. Питте. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 479.

ция, которая станет тогда мировой державой»[206]. В морской конвенции 4 (15) декабря 1800 г. Воронцов видел лишь результат происков Швеции, которую он считал злейшим, «естественным», по его излюбленной терминологии, врагом России.

После вступления Александра I на престол Воронцов приложил все силы к тому, чтобы убедить русское правительство отказаться от вооруженного нейтралитета и конвенций 4(15) декабря 1800 г., засыпая императора, Панина, Кочубея, брата своего А. Р. Воронцова бесчисленными доказательствами «вреда» его для России. В апреле 1801 г. Воронцов направил Панину мемуар «О вооруженном нейтралитете покойной императрицы и о морской конвенции императора Павла, ее сына»[207], в котором суммировал свои возражения против вооруженного нейтралитета.

В спорных вопросах, разделявших в 1799—1800 гг. Россию и Англию, С. Р. Воронцов неизменно брал сторону последней (например, в вопросе о командовании проектировавшейся русско-английской морской экспедицией на запад Франции, в вопросе о численности десантных войск)[208].

Не приходится говорить, что вину за англо-русский конфликт Воронцов целиком перекладывал на Россию. Уитворт был совершенно убежден, что русский посол — единомышленник английского правительства[209]. Воронцов был, видимо, посвящен в заговор против Павла, о чем свидетельствуют его письма Н. Н. Новосильцову в феврале 1801 г.[210]

Другим влиятельнейшим сторонником английской ориентации и союза с Австрией был вице-канцлер Н. П. Панин, роль которого в этом отношении мало освещена историками[211]. Панин гордился тем, что он инициатор союза с Англией и считал его одним из основных звеньев своей

[206] Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 359.

[207] АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6743, лл. 32—36 об.

[208] С. Р. Воронцов Павлу I 28 января (8 февраля) и 25 февраля (7 марта) 1800 г. АВПР, ф. Сношения России с Англией, 1800 г., д. 527, лл. 108—124, 175—184 об.; он же Ростопчину 3(14) марта. Там же, 1800 г., д. 530, лл. 24—25; он же Гренвилю 25 февраля (7 марта). Там же, д. 527, лл. 181—182.

[209] Уитворт С. Р. Воронцову, 1801, апрель, без даты. Архив кн. Воронцова, т. 29, стр. 394. На имения С. Р. Воронцова Павлом был наложен секвестр. ПСЗ, т. XXVI, № 19756.

[210] Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 380—381.

[211] За исключением работы Ш. Д. Вербицкого.

внешнеполитической системы, отрицая, в полном единомыслии с С. Р. Воронцовым, возможность торгового или морского соперничества с Англией. Панин подчеркивал и общность англо-русских экономических интересов и целей обеих держав на Ближнем Востоке: Англия и Россия равно хотят сохранить целостность Турецкой империи[212]. В 1800—1801 гг. Панин был противником сближения с Францией и старался удержать от этого Павла[213]. В 1799 г. он выступал против разрыва с Австрией, в 1800— против конфликта с Англией[214]. Одновременно с запиской Ростопчина и в противовес ей Панин в сентябре 1800 г. подал свою записку, в которой доказывал, что Россия не должна порывать с коалицией[215]. Резко враждебен Панин был и мальтийской политике Павла[216]. Верх взял Ростопчин, и в ноябре 1800 г. Панин получил отставку.

Подобно Воронцову Панин выступал против вооруженного нейтралитета и разрыва с Англией, старался предотвратить высылку Уитворта из России и сохранить дипломатические отношения с английским правительством[217]. Когда Уитворта все же выслали, Панин тайно поддерживал с ним переписку (написанные симпатическими чернилами письма Панина Уитворту пересылались через русского посланника в Копенгагене В. Г. Лизакевича). Через Лизакевича, С. Р. Воронцова, русского посланника в Берлине Крюденера Панин установил связь с Гренвилем, которого он заверил в своей верности союзу с Англией[218].

Против разрыва с Англией был и П. А. Пален, ставший в феврале 1801 г. членом коллегии иностранных дел вместо впавшего в немилость и получившего отставку Ростопчина.

[212] Панин Крюденеру 23 октября (3 ноября) 1799 г. А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 189—190; записка Панина 17(29) июля 1801 г. Там же, т. VI, стр. 23—25; Панин С. Р. Воронцову 9(20) апреля 1800 г. Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 113.

[213] А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 254—255, 416—417, 494—495.

[214] Письма Панина 3(14) ноября 1799 г. и 9(20) апреля 1800 г. Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 97—98, 113.

[215] А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 602—606.

[216] Панин Крюденеру 20 апреля (1 мая) 1800 г. А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 299—300.

[217] А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 424; Архив. кн. Воронцова, т. 11, стр. 107—110, 115—118.

[218] Панин Лизакевичу 18(29) апреля и Крюденер Панину 16(27) сентября 1800 г. А. Брикнер. Указ. соч., т. V, стр. 562—563, 460.

Пален был заодно и с С. Р. Воронцовым. В личном письме С. Р. Воронцову (после убийства Павла) Пален откровенно порицал разрыв с Англией [219].

Принятый Павлом антианглийский курс внешней политики был крайне непопулярен в тех кругах дворянства и купечества, которые вели торговлю с Англией. В начале 1801 г. последовали императорские указы, парализовавшие русскую торговлю. 9(21) февраля был запрещен выпуск товаров из всех русских портов. 11(23) марта этот указ был еще раз подтвержден и распространен на пограничные сухопутные таможни [220].

В противоположность этому была разрешена торговля с Францией, много лет бывшая под запретом [221]. Разрыв с Англией принес большие материальные убытки: шедшие обычно на английский рынок товары остались теперь на руках у дворян-экспортеров. Не получили они и кредитов, которые им предоставляли английские купцы.

«Разрыв с Англией,— говорит один из современников,— нарушая материальное благосостояние дворянства, усиливал в нем ненависть к Павлу, и без того возбужденную его жестоким деспотизмом» [222]. Еще больше, чем разрыв торговых связей, испугала дворянство война с Англией и движение английского флота к русским портам. Этим воспользовались враждебные Павлу лица, которые усердно раздували тревогу, «Петербург наполнили страхом близкого появления англичан и бомбардирования Кронштадта и предрекали Петербургу неминуемую гибель, чтобы этим приготовить публику, и без того уже недовольную» [223].

---

[219] Пален С. Р. Воронцову 13(25) марта 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6741, л. 116—116 об. См. также письмо лейб-медика Роджерсона С. Р. Воронцову 25 февраля (9 марта) 1801 г. об его беседе с Паленом. Архив кн. Воронцова, т. 30, стр. 181—182.

[220] ПСЗ, т. XXVI, № 19747, 19775.

[221] Указ 8(20) февраля 1801 г. Там же, № 19746.

[222] Цареубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников. СПб., 1908, стр. 203. Ср. запись Ф. Булгарина, говорящего, что «Россия жаждала мира с Англией, без которой не могла обойтись тогда ни привозная, ни отпускная русская торговля». Ф. Булгарин. Воспоминания. СПб., 1846, т. II, стр. 80.

[223] Я. И. де Санглен. Записки. «Русская старина», 1882, кн. 12, декабрь, стр. 496. Ср. запись голландского посланника гр. Гогендорпа, утверждающего, что «боязнь войны с Англией, на которую, казалось, решился император Павел, была причиной катастрофы, жертвой которой он сделался». «Русский архив», 1888, кн. 9, стлб. 115.

В результате против Павла был организован заговор, объединивший виднейших правительственных сановников и офицеров петербургских гвардейских полков. Во главе заговора стояли недавний вице-канцлер гр. Н. П. Панин, петербургский военный губернатор гр. П. А. Пален, генерал Бенигсен, кн. П. А. Зубов и ряд крупных офицеров петербургских гвардейских полков. В заговор был посвящен и наследник престола вел. кн. Александр Павлович, давший согласие на свержение императора. Определенную роль сыграла в организации дворцового переворота 11(23) марта и английская дипломатия, поддерживавшая, по мнению современников, личные связи с заговорщиками. В ночь на 12(24) марта 1801 г. Павел был убит заговорщиками.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Проблемы Средиземноморья в русско-английских и русско-французских отношениях (1801—1802)

1

Перед правительством Александра I в начале 1801 г. и в области внутренней, и в области внешней политики стояли сложные задачи. Новому императору нужно было в первую очередь успокоить дворянское общественное мнение, встревоженное теми актами политики Павла I, которые оно субъективно расценивало как ущемление своих привилегий. Александр поспешил посулить в манифесте 12(24) марта, что будет править «по закону и по сердцу» Екатерины II. Вслед за этим были восстановлены в правах лица, подвергшиеся опале при Павле (их насчитывалось до 12 тыс.), подтверждена жалованная грамота дворянству, уничтожена Тайная экспедиция.

Александр стремился привлечь на свою сторону либерально настроенные дворянские круги, понимавшие необходимость частичного приспособления к новым общественным условиям и более гибкой правительственной тактики, и в этих целях в первые годы своего царствования охотно пользовался либеральной фразеологией, маскировавшей реакционную сущность его политики. Отмена ряда полицейско-охранительных указов Павла I (запрещения свободного выезда за границу и ввоза книг из-за границы и т. д.), неофициальные, но получившие широкую известность речи императора о необходимости «реформы безобразного здания администрации империи», проекты Александра о даровании «грамоты российскому народу» свидетельствовали о том, что в сложной внутриполитической обстановке самодержавию приходилось, по выражению В. И. Ленина, заигрывать с либерализмом [1].

Для разработки проекта «реформы» в июне 1801 г. был образован возглавленный императором Негласный (т. е. не имевший официального характера) комитет [2], в который вошли хорошо известные и лично близкие Александру гр. П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцов, гр. В. П. Кочубей, кн. А. А. Чарторыйский. Деятельность Негласного комитета и вместе с тем вся правительственная политика Александра были направлены не к тому, чтобы провести реформу крепостнических отношений, неизбежность которой они сами сознавали, а к тому, чтобы оттянуть ее, ограничившись незначительными уступками складывавшимся буржуазным отношениям.

Обсуждение в Негласном комитете проектов частичного ограничения крепостного права — яркое свидетельство этого. Антикрепостническое крестьянское движение, расшатывавшее устои феодального общества, заставляло правительственные круги задумываться над необходимостью в какой-то степени улучшить положение крестьянства. «Что принадлежит до поселян,— писал канцлер кн. А. А. Безбородко еще в 1799 г.,— то состояние их требует поправления» [3]. Гр. П. А. Строганов твердил о необходимости что-нибудь сделать в пользу крестьян, которые доведены до самого плачевного положения и лишены гражданских прав.

Движущей силой этих дворянских проектов смягчения крепостного права был страх перед крестьянской революцией. Рассуждая о «привязанности» народа к верховной власти, тот же Строганов с содроганием говорил в Негласном комитете о том, что сохранение крепостного права усиливает возможность массового крестьянского восстания [4].

Негласный комитет разобрал проекты кн. П. А. Зубова о выкупе дворовых людей, самого Александра о дозволении недворянам покупать населенные земли, гр. Н. С. Мор-

[1] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 28.

[2] А. В. Предтеченский. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.— Л., 1957, стр. 90—145.

[3] Сборник РИО, т. 29, стр. 643.

[4] Великий князь Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов (1777—1817), т. II. СПб., 1903, стр. 41—42.

двинова о разрешении государственным крестьянам и мещанам покупать ненаселенные земли. В конечном счете обсуждение крестьянского вопроса в Негласном комитете свелось к указу 12(24) декабря 1801 г.[5], в основе которого лежал проект Мордвинова о разрешении лицам недворянского происхождения покупать ненаселенные земли. Указ 12(24) декабря несколько ограничивал господство феодальной собственности на землю, что содействовало развитию буржуазного землевладения.

За этим последовал указ 20 февраля (4 марта) 1803 г. о свободных хлебопашцах, разрешавший помещикам по желанию освобождать своих крестьян (поодиночке или большими группами) за выкуп при обязательном наделении их землей. Освобождавшиеся крестьяне зачислялись в особую категорию «вольных хлебопашцев». По мнению инициатора проекта этого закона С. П. Румянцева, подобным способом могло быть достигнуто «постепенное уничтожение рабства». В действительности указ о свободных хлебопашцах не имел реального значения: с 1803 по 1825 г. на основе его было освобождено лишь сорок семь тысяч душ мужского пола[6]. Для помещиков же, находивших невыгодным основанное на крепостном труде хозяйство, указ открывал возможность освободиться от него и получить при этом значительные оборотные средства (выкуп был очень велик, составляя в среднем 400 руб. за душу).

Другая группа правительственных мероприятий первых лет XIX в. была связана с идеями реформы государственных учреждений и некоторых конституционных ограничений самодержавия, распространенными как среди либерального дворянства, так и в консервативных дворянских верхах. Политическая программа дворянских верхов сводилась к частичному ограничению самодержавия, к установлению аристократической конституционной монархии и усилению непосредственного участия дворянства в управлении государством. Идеи аристократического конституционализма разделяли видные правительственные сановники: гр. В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов, гр. П. А. Строганов, графы С. Р. и А. Р. Воронцовы, гр. П. В. Завадовский и ряд других.

[5] Об аграрно-крестьянском законодательстве в начале XIX в. см. А. В. Предтеченский. Указ. соч., стр. 146—178.

[6] В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. I. СПб., 1888, стр. 253—266.

Наряду с этим в правительственных кругах выдвигались проекты и более широких преобразований государственного строя в целях большего приспособления его к новым общественным условиям. До известной степени эти взгляды представлял М. М. Сперанский (записки М. М. Сперанского 1802 и 1803 гг.).

Полицейско-централизаторские мероприятия Павла I и дворцовый переворот, возведший на престол Александра, усилили стремления олигархически настроенных дворянских верхов к аристократической конституции. В ряде проектов, выдвинутых в первые годы XIX в. крупнейшими сановниками — А. Р. и С. Р. Воронцовыми, П. А. Зубовым, Г. Р. Державиным, П. В. Завадовским, Н. С. Мордвиновым[7] и др.,— проводилась мысль об усилении власти и влияния Сената и о превращении его в независимое законодательное учреждение, а также о повышении значения Совета. Особенно страстными поборниками аристократической конституции были Воронцовы, засыпавшие Александра I различными письмами и проектами восстановления прав Сената и Совета[8]. «Молодые друзья» императора — В. П. Кочубей, П. А. Строганов, А. Чарторыйский и старые «екатерининские служивцы» — А. Р. и С. Р. Воронцовы заключили блок[9], сделавший их довольно значительной силой в правительственных кругах.

Александр, напуганный участью своего отца, был вынужден на первых порах считаться с консервативно-конституционалистскими кругами. Этим был продиктован указ 5(17) июня 1801 г., в котором император предлагал Сенату представить доклад «о существе его должностей, прав и обязанностей», и учреждение в марте 1801 г.

[7] В. И. Семевский. Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX в. Б/м, б/г, стр. 31—35; его же. Либеральные планы в правительственных сферах в первой половине царствования императора Александра I. В кн.: «Отечественная война и русское общество», т. II. М., 1911, стр. 152—172; А. В. Предтеченский. Указ. соч., стр. 70—77.

[8] Записки А. Р. Воронцова (1801 г.). Архив кн. Воронцова, т. 29, стр. 451—470; Письмо С. Р. Воронцова Александру I в октябре 1801 г. Там же, т. 10, стр. 389—400 (см. также стр. 100—101, 125—126, 136—139, 163—165). См. также А. Чарторижский. Мемуары кн. Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I, т. I. М., 1912, стр. 267—269.

[9] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 264—265; Вел. кн. Николай Михайлович. Граф П. А. Строганов, т. II, стр. 74—75.

Непременного Совета (в документах он иногда именуется Государственным Советом). Одновременно Александр еще раз получал возможность воздействовать на либеральное дворянство, пустив в ход демагогические фразы о своем желании «поставить силу и блаженство Российской империи на незыблемом основании законов».

В действительности Александр был как нельзя более далек от намерения ограничить свою власть. И на этот раз все разговоры о реформе государственного строя свелись к частным мероприятиям, несколько обновлявшим устарелые формы государственного управления. Указ о правах и обязанностях Сената провозгласил его верховным административным и судебным органом и дал ему право делать представления в случае противоречия царских указов закону. Однако попытка Сената в 1803 г. воспользоваться этим новым правом встретила со стороны уверившегося в своей силе Александра I самый резкий и недвусмысленный отпор.

Мечты консервативно-аристократических верхов и либерального дворянства о конституционных ограничениях потерпели крах.

8(20) сентября 1802 г. был издан манифест об учреждении министерств, что еще более усилило тенденцию самодержавия к укреплению государственного аппарата. Предусмотренная манифестом ответственность министров перед Сенатом также осталась на бумаге.

После относительно кратковременного периода колебаний и кокетства либерализмом Александр I укрепил основы своей самодержавной власти. Собрания Негласного комитета с конца 1803 г. почти прекратились.

В области внешней политики самой неотложной задачей было разрешение военного конфликта с Англией.

К этому времени в политической жизни Англии также произошли крупные перемены. В феврале 1801 г. ушел в отставку В. Питт. Во главе нового торийского правительства стал Г. Аддингтон, незначительный и не имевший большого политического влияния человек. Статс-секретарем по иностранным делам был теперь лорд Гауксбери (позднее, уже под именем графа Ливерпуля, он много лет возглавлял английское правительство).

Сразу же после убийства Павла между Лондоном и Петербургом начались мирные переговоры, происходившие одновременно с воинственными демонстрациями английского флота у русских берегов. Одним из первых актов внешней политики нового императора были указы об отмене похода донского казачьего войска в Индию. 14(26) марта последовал указ о снятии запрещения на вывоз русских товаров, 16(28) — на ввоз фарфора, фаянса, стальных инструментов, шелковых, бумажных и полотняных изделий — товаров английского происхождения [10]. 26 марта (7 апреля) была уничтожена «Контора по ликвидации» [11]. В личном письме Георгу III Александр заявил о готовности России покончить с конфликтом [12]. Гр. П. А. Пален — один из главных организаторов дворцового переворота 11(23) марта, ставший теперь первоприсутствующим в Коллегии иностранных дел, 13(25) марта предписал С. Р. Воронцову сделать первый шаг к «восстановлению между Россией и Великобританией гармонии и взаимопонимания, которые всегда отличали отношения обеих империй» [13].

Все это были лишь первые шаги к примирению, и русское правительство пока что готовилось к обороне. В Ревель был направлен П. А. Пален, который нашел, что ревельская эскадра не сможет долго сопротивляться, будучи плохо вооружена и снабжена [14]. Пален принял ряд мер к обороне Ревеля [15].

30 апреля (12 мая) Нельсон (знавший уже к этому времени о мирных переговорах) появился перед Ревелем. Русской эскадры, уничтожение которой было целью английской экспедиции, в Ревеле к тому времени больше не было: лед уже вскрылся, и русский флот успел уйти в Кронштадт на соединение с кронштадтской эскадрой. Обескураженный, потерпевший горькое разочарование, Нельсон постарался все же использовать обстоятельства и затянуть свое пребывание в Ревеле, прикрыв свои замыслы заверениями в мирных и дружественных намерениях. Как сообщал ревельский военный губернатор генерал-майор А. Д. Балашов в рапорте Александру I 30 апреля

[10] ПСЗ, т. XXVI, № 19783.
[11] Там же, № 19804.
[12] [М. Богданович.] История царствования императора Александра I и России в его время, т. I. СПб., 1869, стр. 53—54.
[13] ВПР, т. 1, стр. 11—12.
[14] Пален Панину 10(22) апреля 1801 г. А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 42—43.
[15] АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 4309, лл. 3—3 об., 9—9 об., 16—16 об.

1396—1

(12 мая), Нельсон потребовал разрешения на вход в ревельскую бухту под предлогом закупки провизии [16]. Балашов разрешил одной невооруженной шлюпке вход в Ревель, эскадре же запретил приближаться к Ревелю ближе, чем на пушечный выстрел [17]. Пален потребовал немедленного удаления эскадры и подчеркивал, что если Нельсон не исполнит этих требований, Россия будет вынуждена прибегнуть к силе [18]. Твердость русских властей была неожиданностью для Нельсона. А. Г. Спиридов, вручивший Нельсону указанное письмо Палена, писал последнему в рапорте 4(16) мая: «При чтении... я мог приметить, что содержание оного письма его опечалило» [19]. 5(17) мая эскадра Нельсона ушла из Ревеля.

После ухода английского флота из русских вод указом Александра 6(18) мая было снято эмбарго [20]. Были восстановлены также сношения с Австрией.

Бесславная экспедиция Нельсона в Ревель способствовала усилению антианглийских настроений среди представителей русской дворянской общественности. Н. М. Карамзин [21] и П. Г. Дивов [22] вспоминали о ней. Очень резко отзывался о «ревельском визите» Нельсона видный представитель просветительских кругов В. В. Попугаев. «Зная, что флот России был заперт льдами,— пишет Попугаев,— он (Нельсон.— *Л. С.*) имел малодушную дерзость приближиться к берегам Ревеля с изречением, свойственным британской дерзости: взять воды [23]. Он, конечно, погиб бы... если б миролюбивый Александр, принявший сие за действие политической горячки, уже несколько лет Англию мучащей, не простил ей то великодушно» [24].

[16] См. рассказ Балашова о пребывании Нельсона под Ревелем в кн.: Л. Н. Энгельгардт. Записки. М., 1867, стр. 220.

[17] АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 4310, лл. 14 и об.

[18] Пален Нельсону 2(14) мая 1801 г. А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 53—55.

[19] АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 4310, лл. 18—19 об.

[20] Архив Государственного совета. Царствование императора Александра I, т. III, ч. 2. СПб., 1878, стлб. 1126—1128; ПСЗ, т. XXVI, № 19857.

[21] «Вестник Европы», 1803, ч. XI, № 19, стр. 237. Раздел «Политика».

[22] П. Г. Дивов. Повествование о царствовании императора Александра I, для него одного писанное. «Русская старина», 1899, кн. 11, октябрь, стр. 80—81.

[23] Попугаев имеет в виду слова английского гимна «Правь, Британия, правь волнами».

[24] В. Попугаев. О благоденствии народных обществ, стр. 70.

Ликвидация военного конфликта открыла путь для прямых мирных переговоров между Россией и Англией. Вели их новый английский посол в Петербурге А. Сент-Элене и Н. П. Панин, сменивший впавшего в немилость Палена.

5 (17) июня 1801 г. была подписана англо-русская конвенция [25]. Конвенция восстановила мирные отношения и прежние договоры между Россией и Англией.

Английское правительство добилось большого успеха: статьи об определении блокады и о «праве визита» были приняты в его редакции. Восстанавливалось право «бумажной блокады», против которого был направлен еще первый вооруженный нейтралитет: признавался блокированным не только порт, на самом деле запертый расположенными вблизи него кораблями, но и порт, фактически свободный, «блокированный» лишь на бумаге. Было также сведено к нулю и другое важнейшее завоевание первой и второй конвенций о вооруженном нейтралитете — неприкосновенность торговых судов нейтральных государств в том случае, если их сопровождает военный конвой. В интересах Англии и в ущерб России была сформулирована и ст. 7 относительно того, что капитан нейтрального торгового судна и половина команды его должны быть уроженцами страны, которой принадлежит флаг. Сплошь и рядом экипаж торговых русских судов, плававших в Средиземноморье, был греческого происхождения, хотя и российского подданства. Новое постановление затрудняло южнорусскую торговлю и узаконивало английские захваты на Средиземном море. В ближайшем будущем англичане широко этим воспользовались. Наконец, несколько позднее по декларации 8(20) октября было принято условие Англии о пресечении связей Франции с ее колониями.

Нет ничего удивительного в том, что июньская конвенция была встречена в Англии с восторгом [26]. Даже С. Р. Воронцов на этот раз был доволен: «Конвенция совершенна»,— писал он брату А. Р. Воронцову 2(14) июля [27].

[25] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 28—45; [М. Богданович]. Указ. соч., т. I, стр. 55—57.

[26] С. Р. Воронцов Панину 2(14) июля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6743, лл. 131—133. См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 49.

[27] Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 105.

Сам «автор» конвенции Н. П. Панин не отдавал себе отчета в серьезности уступок, на которые пошло царское правительство. Июньская конвенция, писал он С. Р. Воронцову (который стал послом России в Лондоне), представляет собой компромисс «между правом войны и правом нейтралитета» [28].

В отличие от него Александр I сознавал, что в ходе переговоров Россия отступила от основ конвенции 4(15) декабря 1800 г. [29]

В русских правящих кругах конвенцию расценивали неодобрительно. «На скорую руку, худо или хорошо, устроили сделку, в которой чувствовалась поспешность и желание столковаться во что бы то ни стало. Интересы морских союзников (т. е. Дании и Швеции.— *А. С.*) были недостаточно охранены, и капитальные пункты о нейтральном флоте были или обойдены молчанием, или оставлены открытыми»,— писал об этом А. Чарторыйский [30]. Подобным же образом расценивал июньскую конвенцию и П. Г. Дивов: ее «каждое изречение навеки погружало в ничтожество все труды бессмертные Екатерины II» [31].

Июньская конвенция похоронила Северную лигу (Дания и Швеция в дальнейшем присоединились к конвенции 5(17) июня).

Если в балтийской политике правительству Александра I на этот раз пришлось отступить, то в Закавказье Россия одержала большую победу. В 1799 г. был возобновлен протекторат России над Грузией. Претендовавший на вековые права на Грузию Иран готовился к новому нападению на нее и потребовал от царя Георгия XII изъявления покорности, а от России — отказа от протектората, установленного по Георгиевскому договору. Отвергнув домогательства шаха, русское правительство по просьбе грузинского царя ввело в Грузию войска. Объединенные русско-грузинские силы нанесли в ноябре 1800 г. серьезное поражение отрядам дагестанских феодалов, вторгшимся в Кахетию.

[28] Панин С. Р. Воронцову 11(23) июня 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6741, л. 216.
[29] Александр I С. Р. Воронцову 10(22) июня 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 263.
[30] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 249.
[31] П. Г. Дивов. Повествование... «Русская старина», 1899, кн. 11, октябрь, стр. 80.

В 1800 г. в Петербург было направлено посольство с просьбой о принятии Грузии в подданство России. Манифестом 18(30) января 1801 г. было объявлено о присоединении Грузии к России. Для экономического и культурного развития Грузии присоединение к России имело большое прогрессивное значение. Сказалось оно и на международных делах. Вопрос о Грузии играл в дальнейшем важную роль в отношениях России с Турцией и Ираном. Франция и Англия использовали его в своей восточной политике.

Англия в этот период воздерживалась от открытого выступления против продвижения России в Закавказье: она не имела там непосредственных интересов. Однако английское правительство постаралось «уравновесить» присоединение Грузии усилением своей политической и экономической экспансии в Иране, где Англия уже в 60-х годах XVIII в. имела широкие торговые связи (опорным пунктом английской торговли в районе Персидского залива был Бушир). В январе 1801 г. возглавлявший специальное посольство в Тегеране Джон Малькольм заключил с Ираном союзный и торговый договоры. Торговый договор предоставлял английским купцам ряд очень важных льгот и привилегий и облегчал их проникновение в каспийские порты, где они конкурировали с русскими купцами. Союзный договор был направлен прежде всего против Франции, но вместе с тем давал Ирану основания надеяться на помощь Англии в борьбе против России. Договоры Малькольма не были ратифицированы шахом, но все же создали базу для дальнейшего проникновения Англии в Иран [32].

Мир с Англией развязал руки правительству Александра I. Император и его приближенные стояли перед необходимостью сделать выбор между той или иной ориентацией внешней политики России. Продолжать ли войну против Франции или же заключить мир? Сохранять ли курс на активную внешнюю политику, на деятельное участие в европейских делах? Поддерживать ли Англию или же сблизиться с Францией? Вести ли и далее политику сохранения и поддержки Османской империи? Таковы были проблемы, стоявшие перед новым императором, и то

[32] А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 38—54; С. В. Шостакович. Из истории английской экономической экспансии в Иране. «Труды Иркутского ун-та им. Жданова», 1956, т. XII, стр. 57—61.

или иное решение их должно было определить на несколько лет вперед направление внешней политики России.

Почти все группировки, на которые делились в это время правящие круги (панинская, воронцовская группировки, члены Негласного комитета), сходились на том, что заключение мира с Францией стало настоятельной необходимостью, так как затяжка войны увеличит внутренние трудности, тем более что Австрия в это время уже заключила мир, Англия же договаривалась с Бонапартом (в марте 1801 г. в Лондоне начались мирные англо-французские переговоры). Русское правительство дало соответствующий тон деятельности своих представителей за границей, подчеркнув в циркулярном рескрипте 5(17) июля намерение заключить мир [33]. Н. П. Панин (фактический автор этого рескрипта), ранее противившийся урегулированию отношений с Францией, из тактических соображений пришел к тому мнению, что «первым принципом политической системы должно быть сохранение мира» [34].

Однако некоторые дворянские круги не удовлетворялись одним лишь заключением мира и шли дальше этого, выдвигая требования о полном нейтралитете России в англо-французском антагонизме и об отказе от активной внешней политики, от участия в делах европейских держав. России нет дела до соперничества Англии и Франции, она ничего не может выиграть, приняв участие в их схватке, так как ей совсем не нужны новые земли — и без того уже Российская империя так велика, что управлять ею трудно и сложно; нужно поэтому держаться пассивно, стоять подальше от европейских дел, сохранять нейтралитет в международных конфликтах и не связывать себя союзом ни с Англией, ни с Францией — такова была в общих чертах точка зрения этих кругов.

Подобного рода тенденции во внешней политике непосредственно связаны с теми осложнениями в политике

[33] Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 264—276. См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 51—52; С. М. Соловьев. Император Александр I. Политика — дипломатия. Собрание соч. Изд. «Общественная польза», стр. 261—263; С. С. Татищев. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890, стр. 285—288. См. также рескрипт Александра I Моркову 27 июня (9 июля) 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 201—222.

[34] Записка Панина «О политической системе Российской империи» (1801 г.). А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 18.

внутренней, перед которыми стояли в это время правящие классы. Антикрепостническое крестьянское движение, обострение классовой борьбы порождали у ряда представителей дворянства желание сосредоточить силы на внутренних делах и воздержаться пока что от активной внешней политики. Финансовые затруднения (падение курса рубля, признаки инфляции) также связывались с дорогостоящими войнами. Наконец, в появлении указанных тенденций определенную роль играло и недовольство части дворянства теми расходами и тяготами, которыми частые войны обременяли дворянское хозяйство, в первую очередь рекрутскими наборами и налогами.

А. Р. Воронцов подал императору в 1801 г. ряд весьма любопытных в этом отношении записок, являющихся обоснованием тактики неучастия в европейских делах. В записке от 14(26) августа 1801 г. [35] Воронцов открыто говорил, что внутренняя обстановка в стране делает, с его точки зрения, невозможной активную внешнюю политику. «Прямое благополучие России,— говорит он,— состоит не в количестве войск, не в распространении границ и не в мнимой славе инфлюенции в европейских делах, часто толь дорого приобретаемой, из которой ничего существенного для пользы России, долженствующей быть первым предметом всякого России государя, не проистекает...»

Основной задачей Воронцов считал попечение о «л у ч ш е м в н у т р е н н е м у с т р о й с т в е и х о з я й с т в е» [36]. Исходя из интересов дворянского хозяйства, Воронцов требовал отмены на 1801 г. очередного рекрутского набора и сокращения численности армии. «Я и товарищи мои (т. е. помещики.— *А. С.*),— говорилось в той же записке,— упражняющиеся земледелием, кои на деле прямую силу государства составляют и трудами которых все надобности государства удовлетворяются, есть ли б на сей текущий год освобождены они были от рекрутского набора, и чтоб о сей милости в. и. в. к народу своему объявлено было указом при короновании вашем».

Другой энергичнейший сторонник тактики нейтралитета — В. П. Кочубей, который, как мы говорили, уже в 1797—1798 гг. был против войны. На заседаниях Негласного

[35] «Русский архив», 1908, кн. 6. Приложение, стр. 6—7.

[36] Подчеркнуто нами.

комитета 10(22) июля и 13(25) августа 1801 г.[37] Кочубей осуждал внешнюю политику Павла I за его систему союзов с европейскими государствами (сам Кочубей стоял за то, чтобы не связывать себя союзом ни с Англией, ни с Францией) и предложил Негласному комитету свою записку об основных принципах, которые должны быть положены в основу внешней политики России. Руководящая идея Кочубея сводилась в общем к тому, что Россия не нуждается ни в одной из европейских держав, они же все заискивают перед нею. Это вполне обеспечивает ее интересы и делает ненужным заключение других договоров, кроме торговых. В начале 1802 г. на заседании 22 января (3 февраля) Кочубей снова выступил с запиской, в которой по-прежнему настаивал на том, что Россия должна держаться «очень пассивного поведения» и не имеет оснований «беспокоиться тем, какой оборот примут дипломатические дела Европы»[38].

Ту же линию Кочубей отстаивал и в письмах своих к С. Р. Воронцову: «Я считаю, что мы хорошо сделаем, следуя, по крайней мере в течение некоторого времени, совершенно пассивной линии поведения»; только «система беспристрастия» (т. е. нейтралитета в конфликтах европейских держав) отвечает интересам России. «Мир и улучшение нашего внутреннего состояния — вот те слова, которые нужно написать золотыми буквами на дверях кабинетов наших государственных деятелей»[39].

Интересную характеристику тех политических настроений, которые вызвали к жизни «систему Кочубея», оставил в своих мемуарах А. Чарторыйский, правильно понявший в общем существо ее. «Кочубей,— сообщает Чарторыйский,— избрал для русской политики систему, которую считал вполне отвечающей воззрениям и планам императора и которая соответствовала также и его взглядам. Она заключалась в решении держать себя в стороне от дел Европы, возможно меньше вмешиваться в них, быть в дружбе со всеми для того, чтобы иметь возможность посвятить все свое время и внимание внутренним усовершенствованиям... Россия, говорил он (Кочубей.— *А. С.*) достаточно велика и могущественна по своим размерам, населению и положению; ей нечего бояться с той или другой стороны, лишь бы она оставляла других в покое. Она слишком вмешивалась без всякого повода в дела, которые прямо ее не касались. Ни одно событие не могло произойти в Европе без того, чтобы Россия не обнаружила притязаний принять в нем участие и не начинала вести дорогостоившие и бесполезные войны... Что приносили многочисленному населению России дела Европы и ее войны, вызывавшиеся этими делами? Русские не извлекали из них для себя никакой пользы, а только гибли на полях сражений и с отчаянием в душе поставляли все новых рекрутов, платили все новые налоги. Между тем для действительного благосостояния России требовались продолжительные и постоянные попечения умной и миролюбивой администрации»[40].

О тенденции к своего рода изоляционизму во внешней политике России в 1801—1802 гг. и о прямой связи ее с внутриполитической обстановкой свидетельствуют и сообщения иностранных дипломатов, побывавших в это время в России (разумеется, последних интересовал не вопрос о связи внешней и внутренней политики, а те практические последствия, которые вытекали из занятой Россией международной позиции).

Так, баварский поверенный в делах Ольри в 1802 г. не без раздражения писал: «Господствующая партия есть партия национально-русская, т. е. образовавшаяся из людей, которые большею частью думают, что Россия может довольствоваться сама собою и что она должна поддерживать с европейскими великими державами лишь общие отношения и прежде всего те, которые необходимы для вывоза ее земледельческих продуктов, что она не должна принимать никакого участия в обсуждении волнующих нас вопросов»[41]. Саксонский дипломат жаловался на изоляционистский курс А. Р. Воронцова, определявшийся, по его мнению, «политическим эгоизмом», который был вызван тем, что «войны чрезвычайно

[37] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 68—70, 94—95.

[38] Там же, стр. 169.

[39] Письма Кочубея С. Р. Воронцову 9(21) ноября. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 248—249; 27 сентября (9 октября). Там же, т. 14, стр. 172; 12(24) мая 1801 г. Там же, т. 18, стр. 241.

[40] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 256—258.

[41] Из донесений баварского поверенного в делах Ольри в первые годы царствования (1802—1806) императора Александра I. «Исторический вестник», 1917, № 1, январь, стр. 125.

обременяли богатых помещиков постановкою рекрут и понижением курса»[42].

Некоторое время нейтралистам противостоял Панин, отстаивавший необходимость активной внешней политики и системы союзов — предпочтительно с Англией, Пруссией и Австрией[43]. За борьбу против Франции в союзе с Австрией и Англией выступал и посол в Вене гр. А. К. Разумовский[44]. Но Панин попал в немилость, и в октябре 1801 г. во главе коллегии иностранных дел (в должности «присутствующего в коллегии») стал В. П. Кочубей, вместе с которым во внешней политике России на время возобладала «система беспристрастия».

Император в общем солидаризировался с Кочубеем. На секретных заседаниях («сеансах») Негласного комитета не раз дебатировались внешнеполитические проблемы, и Александр I с Кочубеем обычно ратовали при этом за невмешательство и нейтралитет в соперничестве Англии и Франции. Александр даже пошел дальше Кочубея, отвергнув надобность не только в союзных, но и в торговых договорах с европейскими державами[45].

Аналогичные тенденции имели место не только в узкой правительственной верхушке. Их разделяли и более широкие круги дворянства. Известный масонский деятель реакционер И. В. Лопухин считал, что «главное искусство российской политики должно состоять в том, чтобы сколько можно не только меньше зависеть от Европы, но и меньше связи с нею иметь как политическими сношениями, так и нравственными»[46]. Под «нравственными сношениями» с Европой здесь подразумевается, конечно, проникновение революционных идей в Россию.

До крайнего предела довел принципы изоляционизма В. Н. Каразин, выступивший за полный и окончательный разрыв политических связей с Европой. В европейских

[42] «Император Александр Павлович и его двор в 1804 г.» «Русская старина», 1880, кн. 12, декабрь, стр. 810.

[43] Записка Панина «О политической системе Российской империи» (1801 г.). А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 17—25.

[44] Записка 19 марта 1801 г. А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. III, ч. I. СПб., 1882, стр. 383—384.

[45] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 70, 94.

[46] И. В. Лопухин. Записки. «Русский архив», 1914, кн. I, стлб. 337 (Лопухин говорил это в 1807 г.).

войнах, по мнению Каразина, Россия помогала другим, сама же всегда была обманута и предана. Каразин считал, что недостаточно даже обычного нейтралитета: «Я в мысли моей иду гораздо далее,— пишет он,— я воображаю отрезать Россию от всей остальной части Европы... не только отказаться от пособия той или другой державе, но устранить себя от всякого участия в их делах, даже и официального об них сведения, прекратить все министериальные сношения, отозвать наших резидентов, какого бы они звания ни были, и взаимно выслать посланников других держав, не позволяя быть у нас ниже торговым консулам».

Между крайним изоляционизмом Каразина и его настояниями на необходимости сосредоточить силы на внутренних реформах есть тесная связь.

Влияние этих взглядов чувствуется и в позиции карамзинского «Вестника Европы» в 1802—1803 гг.[47]

Международная обстановка в 1801 г. способствовала изоляционистским настроениям. Война второй коалиции против Франции шла к концу. Однако трения профранцузской и англофильской группировок в правящих кругах продолжались.

Сторонники английской ориентации (Панин, Воронцовы, Строганов, Чарторыйский) были в этот момент ослаблены. Как ни сильны были англофильские симпатии среди многочисленной и влиятельной части русского дворянства, последние события все же ярко показали различие интересов России и Англии (средиземноморских, балтийских) и вызвали известную настороженность. Сам император отнюдь не был таким поклонником Англии, каким англичане хотели бы его видеть. Англофилы с воцарением Александра чрезвычайно оживились, надеясь на возобновление союза с Англией. Панин и С. Р. Воронцов осаждали императора докладами и записками о пользе английского союза для России[48]. Однако давление англофильской группировки в пользу союза с Англией было

[47] Записка Каразина Александру I 4(16) октября 1809 г. «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1863, кн. III, отд. V, стр. 124. «Вестник Европы», 1802, ч. II, № 8, стр. 375.

[48] См. указанную записку Панина (А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 23); письма и записки С. Р. Воронцова (Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 353—357; т. 15, стр. 455—480).

Александру весьма не по вкусу. На заседании Негласного комитета 1(13) июля он вел речь даже о коалиции против Англии. Когда для разработки вопроса об основах и направлении внешней политики России была предложена кандидатура С. Р. Воронцова, Александр отверг ее, считая, что это неизбежно привело бы к проанглийской ориентации (именно после этого разработка плана внешней политики была вверена сторонику «системы беспристрастия» — Кочубею). Отверг Александр и предложения о заключении торгового договора с Англией [49].

Император и Кочубей решили пока что воздержаться от заключения союза с Англией, сохраняя, однако, с ней тесные и дружественные связи.

Еще сложнее был вопрос об отношениях с Францией. Сторонники соглашения с ней — А. Б. Куракин, Ф. В. Ростопчин, Н. П. и С. П. Румянцевы — влиянием не пользовались. Император был настроен неопределенно. Хорошо известно, что Александр любил в эту пору кокетничать своими «вольнодумными» симпатиями к Французской республике и с наслаждением до тех пор именовал посланца Наполеона генерала Ж. Дюрока «гражданин Дюрок», пока этот давно покончивший со своим республиканским прошлым адъютант Наполеона не намекнул ему, что подобная манера обращения во Франции уже не принята [50]. Но либеральные фразы и «республиканские» замашки императора особой цены не имели, тем более что большая часть правительственных кругов сохраняла свою враждебность к Франции. Точка зрения этой преобладающей по силе и влиянию группировки сводилась к тому, что, хотя в данный момент и приходится заключить с Францией мир, доверять ей не следует и новая война с нею неизбежна. Нужно поэтому сблизиться с Англией и осторожно, исподволь готовить новую коалицию.

Уже в циркулярном рескрипте 5(17) июля совершенно ясно была видна эта тенденция. Панин открыто писал представителям России за рубежом о невозможности доверия к мирным демонстрациям Наполеона и о неизбежности продолжения войны, если последний будет по-прежнему продолжать свои завоевания.

[49] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 66, 70. Об антипатии Александра к Англии в этот период говорит и Чарторыйский. А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 250.

[50] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 250.

В дальнейшем на заседаниях Негласного комитета стали раздаваться голоса, явно враждебные Франции, а вместе с тем и «пассивной системе» Кочубея. На «сеансе» 10(22) июля 1801 г. Чарторыйский настаивал на необходимости обуздать Наполеона, если он не откажется от своей завоевательной политики. Когда Кочубей на заседании 22 января (3 февраля) 1802 г. вел речь о необходимости помедлить с разрывом с Францией и организацией новой коалиции (хотя и признавал конечную неизбежность этого), Строганов и Чарторыйский решительно выступили за твердую политику по отношению к Франции [50a]. Впоследствии, как увидим, антифранцузская тенденция, представленная в Негласном комитете главным образом А. Чарторыйским, все более усиливалась. С учреждением министерств в сентябре 1802 г. Коллегия иностранных дел была преобразована в министерство. Государственным канцлером и министром иностранных дел стал А. Р. Воронцов, товарищем министра — Чарторыйский. Кочубей был теперь главой министерства внутренних дел.

А. Р. Воронцов ненавидел Францию и постепенно вел дело к разрыву с ней. Но сказалось это не сразу, и в первое время его деятельности принятая Кочубеем система изоляционизма и нейтралитета сохранялась в силе [51].

Курс, взятый правительством Александра I в средиземноморской политике, сохранил преемственность курсу, установившемуся еще при правительстве Павла I. Россия по-прежнему считала своей тактической задачей сохранение союза с Турцией. В этом, наряду с влиянием международной обстановки, большую роль сыграли также и моменты внутриполитические. Стремление предотвратить обострение классовой борьбы и распространение оппозиционных настроений, необходимость укрепить государственный аппарат и смягчить финансовые трудности определили и «систему беспристрастия» и установку на сохранение статус-кво в восточном вопросе. Сказалось при этом и влияние непосредственных экономических интересов тех

[50a] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 169—170.

[51] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 295.

кругов дворянства и купечества, которые вели широкую торговлю через балтийские порты. Представители этих кругов опасались, что завоевания на Востоке ускорят развитие южнорусских районов и черноморской торговли, а это создаст для балтийской торговли опасную конкуренцию [52].

Сторонников «системы беспристрастия», нейтралитета и сторонников статус-кво в восточном вопросе отнюдь не следует отождествлять. С. Р. Воронцов и Н. П. Панин всегда отстаивали английскую ориентацию внешней политики России, однако были за статус-кво на Востоке. Подобно им англофилами были и А. Чарторыйский с П. А. Строгановым. Однако в отличие от Воронцова и Панина они являлись энергичными проводниками активной политики в восточном вопросе. С другой стороны, такой крайний изоляционист, как Каразин, стоял за экспансию на Балканах. В зависимости от сложившейся в данный момент обстановки среди русских политических деятелей могли возникать разнообразные группировки, что не снимает, на наш взгляд, общности указанных выше социально-экономических предпосылок таких заметных явлений русской внешней политики в начале XIX в., как попытка отстраниться от активного участия в европейских делах и стремление сохранить равновесие на Востоке.

Противники активной политики в восточном вопросе полагали, что войны XVIII в. истощали внутренние ресурсы дворянского государства, и осуждали в этой связи политику Екатерины II. Н. С. Мордвинов, определяя число сданных в XVIII в. в армию рекрутов, сетовал, что так много «превратилось земледельцев в воины», считая это потерей для народного хозяйства («таковы есть следы войны или завоеваний»,— замечал он) [53]. Отрицательное

[52] Не следует, однако, сводить причины критического отношения этих кругов к активной восточной политике лишь к узко торговым интересам. Вопрос намного сложнее. К числу сторонников статус-кво на Востоке принадлежали также и политические деятели, движимые отнюдь не интересами балтийской торговли, а более широкими политическими расчетами. Даже для Воронцовых, хозяйство которых было связано с балтийской торговлей, решающую роль в отрицательном отношении к продвижению на Востоке играли не торговые связи, а общеклассовая политическая позиция.

[53] «Исчисление о собранных в Российской империи в восемнадцатом столетии рекрутах». Архив гр. Мордвиновых, т. 2. СПб., 1901, стр. 483—484.

влияние русско-турецких войн второй половины XVIII в. на русскую экономику подчеркивал и С. Р. Воронцов [54]. А. Р. Воронцов не без иронии говорил о «большом блеске» внешней политики Екатерины II, но основным при оценке ее он считал не внешнеполитические успехи, а внутренние трудности, созданные постоянными войнами. О средиземноморских экспедициях А. Р. Воронцов замечал, что они «стоили государству много, делали несколько блеску, а пользы никакой» [55]. Оба Воронцова видели в тех войнах, которые Россия вела в XVIII в. (за исключением Северной войны), лишь их завоевательные тенденции [56].

Противники активной политики в восточном вопросе решительно выступали против новых завоеваний, делая при этом упор на то, что последние лишь осложняют внутреннюю обстановку. «Новые приобретения нам, конечно, не нужны и затруднительны б были, ни войны новые нежелательны, ибо России не что так не нужно, как умножение людей, коих по пространности земель весьма недостаточно, а война, и самая счастливая, людей стоит»; «государство, вверенное вам промыслом божьим, толь пространно, что нет, конечно, нужды каких-либо вновь завоеваний к расширению своего желать»,— убеждал А. Р. Воронцов в двух поданных Александру I в 1801 г. записках [57]. Брат его Семен Романович, в вопросах восточной политики вполне с ним солидарный, полагал, что дальнейшие территориальные приобретения лишь затруднят внутреннее управление [58].

Воронцовы считали проекты раздела Турции неосуществимыми, вредными и ненужными. «Я не находил никогда существенной пользы в совершенном истреблении турецкого владения в Европе, ни в дальних наших приобретениях и распространениях в тех краях, кои если б

[54] С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 12(24) октября 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 138—139.

[55] Записка А. Р. Воронцова Александру I в 1801 г., ноябрь. Архив кн. Воронцова, т. 29, стр. 459, 467.

[56] Записка А. Р. Воронцова Александру I 14(26) августа 1801 г. «Русский архив», 1908, кн. 6, приложение, стр. 6; С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 9(21) августа 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 122.

[57] Записка А. Р. Воронцова 1801 г., ноябрь. Архив кн. Воронцова, т. 29, стр. 468; его же записка 14(26) августа 1801 г. «Русский архив», 1908, кн. 6, приложение, стр. 7.

[58] С. Р. Воронцов А. Чарторыйскому 28 сентября (10 октября), 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 373.

случайно и сбылись, то настали б, конечно, какие другие потрясения и démembrements (расчленения.— *А. С.*), ибо все обнять и сохранить едва ль было б надолго в возможности»,— рассуждал еще в 1794 г. А. Р. Воронцов [59]. В «греческом проекте» он видел чистейшую химеру [60]. С Александром Романовичем был полностью согласен его брат, полагавший, что России «не нужны отдаленные страны, которые окружают Черное море», и что Балтика для нее намного важнее [61].

Разумеется, выступления представителей этой группировки против завоевательных войн и новых территориальных приобретений диктовались отнюдь не миролюбием и бескорыстием. Ими двигали указанные уже нами международные и внутренние интересы своего класса.

В первые годы XIX в. ставка на сохранение равновесия в восточном вопросе одержала победу и на время легла в основу внешней политики России.

Панин подчеркивал, что Россия заинтересована в сохранении слабой Турции и что России нужен союз с нею. «Одной из основ моей системы,— говорил он от имени императора,— будет всегда содействие всеми средствами сохранению государства, слабость и плохое управление которого — драгоценный залог безопасности» [62]. А. Р. Воронцов был того мнения, что «самое неустройство Турецкой империи соделывает сохранение ее для нас выгодным и заставляет нас пещись о сохранении политического ее существования» [63] и что «с тех пор как Россия оставила помышление о распространении границ своих на счет владений оттоманских, Турецкая империя, ослабленная прежними успехами оружия нашего и внутренними ее неустройствами, соделалась лучшим для России сосе-

[59] Записка 1794, май. Архив кн. Воронцова, т. 9, стр. 511.

[60] «Мемуар гр. Воронцова», 1804 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7855, л. 5) и его же замечания на письмо императора Франца II Александру I (там же, лл. 44 об.— 45 об.).

[61] С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 31 мая (11 июня) 1791 г. Архив кн. Воронцова, т. 9, стр. 173.

[62] Рескрипт Александра I С. Р. Воронцову 5(17) июля 1801 г. (рескрипт этот был написан Паниным). Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 274. См. также Панин С. Р. Воронцову 9(20) апреля 1800 г. Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 113.

[63] Мнение гр. А. Р. Воронцова по делам, касающимся Валахии, 22 февраля (6 марта) 1803 г. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 511.

дом» [64]. Так же рассуждал и С. Р. Воронцов, призывая «сохранить... этих бедняг — турок», ибо они — лучшие соседи, каких только может иметь Россия [65]. Хорошо известны слова Кочубея [66] о том, что «нет соседей покойнее турков, и сохранение сих естественных неприятелей наших должно действительно вперед быть коренным правилом нашей политики» [67].

Примерно тех же взглядов держался и П. А. Строганов [68].

Не следует идеализировать «великодушие» царских сановников: со всей откровенностью они, как видим, говорили, что им нужна лишь Турция слабая, находящаяся «под ее режимом деспотизма и невежества» [69]. Социально-экономическая отсталость Турции, раздробленность Османской империи, распространение центробежных сепаратистских тенденций среди местных турецких правителей были залогом успеха политики царизма в восточном вопросе, что правительство Александра I прекрасно понимало. Но слабую Турцию оно, как и правительство Павла I, готово было сохранять и защищать, и именно в этом заключалась специфическая черта политики России в этот период по сравнению с 70—80-ми годами XVIII в.

Руководители русской внешней политики в конце XVIII — начале XIX в. часто подчеркивали свой отход от тенденции «греческого проекта». Павел в 1799 г. говорил об этом Галло. Тогда же Павел отверг сделанные Австрией России предложения о разделе Турции [70].

А. Р. Воронцов в 1804 г. настаивал на том, чтобы при заключении нового союза с Австрией были аннулированы те статьи русско-австрийского соглашения 1795 г., в которых шла речь о планах раздела Османской империи между Россией и Австрией и о восстановлении греческой

[64] Доклад А. Р. Воронцова императору 12(24) ноября 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 411—412.

[65] С. Р. Воронцов А. Чарторыйскому 28 сентября (10 октября) 1804 г. (Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 373) и А. Р. Воронцову 9(21) августа 1801 г. (там же, т. 10, стр. 122).

[66] В позиции Кочубея были известные особенности, о которых речь будет ниже.

[67] С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 280.

[68] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 170.

[69] Записка Панина 1801 г. А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 19.

[70] См. гл. II, стр. 109.

империи. «К счастью, теперь у нас отошли от химерических планов относительно Восточной империи»,— писал канцлер по этому поводу в своих «Замечаниях» на проект союзного договора с Австрией [71]. Восстановление греческой империи он находил опасным для России, так как в этом случае слабую Турцию сменило бы новое сильное государство. «Не полагаю отнюдь,— говорил по этому поводу канцлер,— чтобы при нынешнем правлении химерические виды о восстановлении греческой империи существовать могли, которых и событие (т. е. осуществление.— *А. С.*), ежели бы возможным учинилось, более бы блеском почесться долженствовало, нежели существенную пользу России принесло. Всякое порядочное правление в Царьграде по времени сделалось бы гораздо тягостнее и опаснее для России, нежели настоящее ее неустроенное турецкое» [72].

Международные, так же как и внутриполитические, соображения заставляли Павла, а затем и Александра воздерживаться от экспансии за счет Турции и от раздела ее с великими державами. Раздел мог усилить соперников России. Огромная, но слабая и раздробленная Османская империя могла стать сравнительно небольшим, но крепким и, следовательно, опасным государством.

В конечном счете определяющей причиной сдержанной и умеренной политики России в восточном вопросе была новая историческая обстановка. В 70—80-х годах XVIII в. влияние и активность Франции на Ближнем Востоке были на ущербе, Англия же (за исключением 1787—1791 гг.) большого интереса к нему не проявляла и не успела еще пустить корней в экономике и политике Турции. С конца 90-х годов положение резко изменилось. Ближний Восток стоял теперь в центре внимания и Франции, и Англии.

Правительство Александра I официально провозгласило, что его программа заключается в сохранении Турецкой империи. Представителям России за рубежом, прежде всего в Константинополе, было приказано принять это положение за основное и непременное правило своей деятельности [73]. Турция же в русских правительственных кругах именовалась теперь не иначе, как «наилучшим соседом» или же «слабым соседом» — это стало ходячим выражением русской дипломатии.

Русско-турецкий союзный договор 1799 г. сохранил свою силу и при новом царе. Как упоминалось, в начале 1801 г., еще при Павле I, Томара вел в Константинополе переговоры о заключении новой секретной конвенции о взаимной гарантии владений. В связи с этим Селим III написал Павлу I личное письмо, которое, как говорил Томара, «есть сущая росписка в верности дружбы на всю его жизнь, заменяющая постановление всегдашнего союза» [74]. После воцарения Александра I переговоры эти были прекращены — новый император счел их излишними [75].

Принятое правительством Александра I направление политического курса сказалось прежде всего на характере русско-турецких отношений, отличительной чертой которых было желание России «менажировать» Турцию и сглаживать русско-турецкие противоречия.

Ставка на сохранение дружественных отношений с Турцией во многом определила политику России на Средиземном море и в египетском вопросе. Не предвидя для себя в ближайшем будущем крупных приобретений, правительство Александра I хотело бы поэтому, чтобы и другим досталось поменьше. Поэтому в 1801—1803 гг. оно стояло за удаление из Египта как французских, так и английских сил; за нейтрализацию Мальты (под преобладающим русским влиянием) путем возвращения ее мальтийскому ордену; за независимость и неприкосновенность Неаполитанского королевства. В политике своей на Ионических островах Россия отстаивала преобладание, завоеванное ею в результате побед Ушакова и русско-турецкой конвенции 21 марта (1 апреля) 1800 г.

---

[71] «Мемуар гр. Воронцова». АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7855, л. 5 об.

[72] А. Р. Воронцов. Замечания на письмо Франца II Александру I (не позднее 17(29) апреля 1804 г.). Там же, д. 7855, лл. 44 об.—45 об.

[73] Соответствующие рескрипты императора и указы его министров крупнейшим представителям тогдашней русской дипломатии — послу в Лондоне С. Р. Воронцову, посланнику в Париже А. И. Моркову, послу в Вене А. К. Разумовскому, посланникам в Константинополе В. С. Томаре и А. Я. Италинскому, полномочному представителю России при Ионической республике гр. Г. Д. Моченито — бесчисленны и приводить их здесь нет возможности. В дальнейшем они частично даны по ходу нашей работы, особенно в главе VI.

[74] Томара Александру I 16(28) мая 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, лл. 300—303 об.

[75] Александр I Томаре 17(29) апреля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2216, лл. 9—11 об.

Южная Италия, Мальта, Ионические острова, Египет по-прежнему составляли поэтому в европейской и русской политике единый военно-дипломатический комплекс. Нельзя было затронуть один из этих вопросов, не коснувшись в то же время других.

2

Планы Петербурга о замирении и нейтрализации Средиземноморья встретили главного противника в лице Наполеона. После блестящих военных успехов 1800 г. Франция снова господствовала в Голландии, Швейцарии, Италии. Война с Австрией закончилась, и руки у Наполеона были развязаны. Франция начала надеяться, что ей удастся удержать Египет, контролировать неаполитанские порты Бриндизи, Отранто и Тарант; протащить на вакантный пост гроссмейстера мальтийского ордена угодного ей кандидата; пыталась она добиться также признания своих особых прав на Ионических островах. Россия по всем этим пунктам сталкивалась с Францией и, стремясь ограничить ее наступление в Средиземноморье, добивалась освобождения Египта от французской оккупации, независимости Неаполитанского королевства, безраздельного своего преобладания на Ионических островах, нейтрализации Мальты [76].

Резкие расхождения России и Франции вскрылись еще при жизни Павла I [77]. Все же новое русское правительство решило продолжать переговоры [78]. Однако если Павел предполагал заключить с Францией военный союз против Англии, то с новым царствованием этому проекту пришел конец: Александр поспешил уведомить первого консула о том, что Россия не будет настаивать на присоединении Франции к Северной лиге [79]. Не приходится говорить,

[76] Эти направления средиземноморской политики России убедительно охарактеризованы А. Л. Шапиро в статье «Средиземноморские проблемы внешней политики России в начале XIX в.» («Исторические записки», т. 55, стр. 259—272).

[77] См. гл. III.

[78] О русско-французских переговорах в 1801 г. и заключении Парижской конвенции см. Ш. Д. Вербицкий. Русско-французские отношения в 1800—1803 гг., ч. I.

[79] Александр I Колычеву 16(28) апреля 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 134.

сколь тяжелым ударом был для Наполеона выход России из антианглийского блока — хорошо известно его отчаяние при получении известий об убийстве Павла. Сближение с Россией потеряло для него по крайней мере половину своей цены. С тем большим упорством он старался теперь осуществить в ходе парижских переговоров указанные выше цели.

Наполеон при всей своей проницательности разделял широко распространенное среди европейских политических деятелей мнение относительно того, что Александр I в восточной политике пойдет по стопам Екатерины II и что его легко можно будет поймать на приманку, предложив ему разделить Турецкую империю между Францией и Россией. Весной и летом 1801 г. из Парижа вдруг стали приходить тревожные сообщения С. А. Колычева, а затем А. И. Моркова (ставшего в июле 1801 г. русским посланником в Париже) о прозрачных намеках Наполеона на политические бессилие и ничтожество Порты, на необходимость серьезных «перемен» на Ближнем Востоке [80]. Аналогичные предложения Наполеон попытался сделать России и через своего адъютанта генерала Ж. Дюрока, прибывшего в Петербург в мае 1801 г. [81].

Думал ли первый консул действительно пойти на раздел Турции? Навряд ли — слишком усилилась бы тогда Россия, и притом к явному ущербу Франции. Цель его скорее всего состояла в том, чтобы сначала (до ухода французских войск из Египта) получить согласие России на свои планы в Египте, а потом (как правильно полагают Э. Дрио и Г. Дейч) отвлечь внимание России от Италии.

Но дипломатический ход Бонапарта произвел действие прямо противоположное тому, на что он рассчитывал: русское правительство с испугом увидело в предложениях Франции доказательство новых, еще более опасных замыслов против Турции. Россия поспешила отвергнуть идею

[80] Сборник РИО, т. 70, стр. 79—80, 484—485.

[81] См. о петербургской миссии Дюрока в Сборнике РИО, т. 70, стр. 114—117; С. С. Татищев. Из прошлого русской дипломатии, стр. 281—285; А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 173—187; H. C. Deutsch. The Genesis of Napoleonic Imperialism. Cambridge, (Mass.), 1938, p. 41—43; S. Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon, p. 3—4; А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 118—124; E. Driault. Napoléon et L'Europe. La politique extérieure du premier consul. 1800—1803. Paris, 1910, p. 208—210.

раздела [82] и затаила с этого момента тревожные подозрения против Франции.

Проявлением стремления России к ограничению французской агрессии на Ближнем Востоке была и борьба ее в 1800—1801 гг., как при Павле, так и при Александре, против захвата Египта Францией.

И на этот раз в политике Павла на всех ее этапах, а затем и в политике Александра при всех колебаниях и изменениях ее имела место единая линия. С самого начала переговоров с Францией Павел твердо решил настаивать на уходе французских сил из Египта и дал соответствующие указания С. А. Колычеву [83]. В ходе переговоров с Талейраном в марте 1801 г. Колычев многократно выдвигал соответствующие требования [84]. Вступление на престол Александра I ничего не изменило. Россия с прежней непоколебимостью требовала освобождения Египта [85].

Противоречия, разделявшие Россию и Францию в этом вопросе, казались непреодолимыми — Бонапарт ни за что не хотел выпустить из рук столь ценную добычу и с полной откровенностью не раз говорил об этом русскому правительству [86].

Стремление ограничить французскую агрессию побудило Россию одновременно с настояниями на освобождении Египта добиваться также принятия русского посредничества между Францией и Турцией. Цель России при этом заключалась в том, чтобы на правах посредника установить контроль над отношениями Франции и Турции и свести к минимуму те выгоды, которые Наполеон мог бы получить при предстоящем заключении мира с Портой. Вместе с тем русское правительство, надеясь, что настояния его на выводе французских войск из Египта произведут благоприятное впечатление в Константинополе и укрепят там русское влияние, постаралось, чтобы Порта была

[82] Панин Колычеву 17(29) апреля 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 140.

[83] Инструкция Колычеву 19(30) декабря 1800 г. и Ростопчин Колычеву 15(27) января 1801 г. «Русский архив», 1874, кн. 12, стлб. 963; Сборник РИО, т. 70, стр. 34—35.

[84] См. русские ноты 7(19) и 19(31) марта 1801 г. и русский проект добавочной конвенции в шестнадцати статьях 20 марта (1 апреля). Сборник РИО, т. 70, стр. 67—68, 99, 675.

[85] Александр I Колычеву 16(28) апреля 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 133—134. См. также F. Charles-Roux. Op. cit., vol. II, p. 237—238.

[86] Сборник РИО, т. 70, стр. 40—41, 93—94, 111—113, 115.

осведомлена о давлении России на Францию в пользу Турции в египетском вопросе [87].

Наполеон не только ничего не имел против русского посредничества, но и сам первым просил об этом Россию [88]. Поэтому, когда в марте 1801 г. Колычев предложил посредничество России, оно было сразу же принято Францией [89]. После убийства Павла Александр снова возобновил эти предложения, и снова они встретили в Париже благосклонное, казалось бы, отношение [90].

Но достигнутая по видимости договоренность обеих держав в действительности была иллюзорной. Во-первых, до тех пор пока французские войска оставались в Египте, Россия — решительная противница захвата Египта французами — не могла реализовать свое посредничество. Во-вторых, для осуществления русского плана установления контроля над отношениями Франции и Турции было необходимо, чтобы мирные франко-турецкие переговоры происходили в Константинополе под наблюдением русского посланника. Предлагая свое посредничество, Россия все время именно на этом и настаивала. Но Наполеон вел дело очень ловко и успешно и еще до Парижской конвенции начал в Париже сепаратные переговоры с турецким уполномоченным Али Эсад эфенди. Россия отнеслась к посылке Али в Париж очень неодобрительно, предвидя, что он не в состоянии будет противостоять Талейрану, и попыталась поправить дело. Еще в начале 1801 г. Томара добился, чтобы Али было предписано действовать по согласованию с Колычевым. Русский посланник и турецкие сановники обсудили проект инструкции Али Эсад эфенди [91]. Од-

[87] Александр I Томаре 17(29) апреля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2216, лл. 9—11 об.

[88] Письмо Наполеона Павлу I 15(27) февраля 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 40—41.

[89] Русская нота 16(28) марта 1801 г. Русский проект тайной конвенции от 20 марта (1 апреля). Доклад Талейрана первому консулу 16(28) марта. Нота Талейрана 18(30) марта. Сборник РИО, т. 70, стр. 80—90, 98, 675.

[90] Рескрипты Александра I Колычеву 16(28) апреля и Моркову 27 июня (9 июля); русские проекты тайной конвенции 16(28) апреля и 20 июня (2 июля) 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 133, 220, 683—684, 693; Инструкция Талейрана Дюроку 25 мая (6 июня). Там же, стр. 183.

[91] Протокол конференции Томары с турецкими сановниками реис-эфенди Челеби Мустафой и Исмет беем 11(23) февраля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 1, лл. 77—86, 94—94 об.

нако французская дипломатия сумела отстранить Россию от своих переговоров с Турцией — Али эфенди целиком попал под влияние Талейрана и совершенно игнорировал как Колычева, так и сменившего последнего Моркова [92]. Крайне недовольное русское правительство [93] тщетно требовало от Порты, чтобы Али эфенди было приказано «заимствоваться во всем опытными советами графа Моркова» [94].

Приняв формально русское посредничество, Франция еще до заключения Парижской конвенции фактически свела его к нулю.

Очень большую роль в отношениях России и Франции в 1800—1801 гг. играл вопрос о независимости Неаполя. Еще в конце 1800 г. русское правительство предвидело, что Бонапарт не оставит Неаполь в покое, и пыталось отвратить нависшую над ним грозу. Неприкосновенность, целостность (l'intégrité) Неаполя со времени «пяти условий» (нота Ростопчина 26 сентября (7 октября) 1800 г.) стали одним из основных требований России в русско-французских переговорах. Несмотря на это, Наполеон начал военные действия против Неаполя.

Франция желала занять неаполитанские порты Отранто и Бриндизи. Россия противилась этому [95] и отказалась признать перемирие, заключенное Неаполем под нажимом Франции на невыгодных для него условиях [96]. Но Наполеон и Талейран твердо решили отстранить Россию от итальянских дел. Когда начались мирные переговоры между Францией и Неаполем, Петербург потребовал, чтобы они шли в Париже при русском посредничестве, что дало бы представителю России возможность защищать интересы Неаполя, направлять и контролировать неаполитанского посла Галло. О посредничестве просил Россию сам Неаполь [97], давший затем Колычеву соответствующие полномочия. Вокруг вопроса о месте франко-неаполитанских переговоров (фактически здесь дело шло о контроле России над политикой Франции в Неаполе) весной 1801 г. между Колычевым и Талейраном развернулись горячие споры [98], которые вскоре решились в пользу Франции. 16(28) марта 1801 г. беспомощное неаполитанское правительство заключило во Флоренции мир, предусматривавший переход к Франции острова Эльбы и княжества Пьомбино, оккупацию французскими войсками неаполитанских портов Таранто, Отранто и Бриндизи.

Неаполь молил Россию о помощи [99]. Русское правительство и после Флорентинского мира противилось агрессии Наполеона [100]. В выдвинутом Россией в начале июля новом проекте мирного договора содержалось важное условие об обязательном уходе французских войск из Неаполитанского королевства немедленно после того, как Египет будет возвращен Турции (Наполеон продолжал держать свои войска на неаполитанской территории и после Флорентинского мира под тем предлогом, что это необходимо в связи с концентрацией английских войск в Египте). Тогда же Россия выдвинула предложение о признании воюющими державами нейтралитета Неаполя (впрочем, Александр не считал последнее обязательным условием) [101]. Но к этому моменту окрыленный успехами в Италии Бонапарт окончательно сбросил маску и напрямик завел речь

[92] Сборник РИО, т. 70, стр. 322. См. также Морков Томаре 8(20) октября 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801, г., д. 2218, ч. 2, л. 541—541 об.

[93] Александр I Томаре 28 октября (9 ноября) 1801 г. Там же, 1801 г., д. 2216, лл. 16—18 об. Ср. также рескрипт Александра I Моркову 4(16) ноября. Сборник РИО, т. 70, стр. 289.

[94] Александр I Томаре 31 октября (12 ноября) 1801 г. ВПР, т. I, стр. 127.

[95] Конференция Колычева и Талейрана 2(14) марта. Русский проект тайной конвенции от 20 марта (1 апреля). Сборник РИО, т. 70, стр. 54—57, 675.

[96] Пален Колычеву 19(31) марта. Нота Колычева Талейрану 14(26) апреля. Там же, стр. 103, 119.

[97] Письмо королевы Марии-Каролины Павлу I 14(26) января 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6179, лл. 2—3. Павел ответил на это согласием (см. письмо его Марии-Каролине. Там же, д. 6180, л. 2).

[98] Нота Колычева Талейрану 28 февраля (12 марта); протокол конференции Колычева и Талейрана 2(14) марта. Сборник РИО, т. 70, стр. 44—45, 53—57.

[99] Письмо Фердинанда IV Павлу I 29 марта (10 апреля). АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6177, лл. 5—7 об.

[100] Два письма Палена Колычеву 19(31) марта; нота Колычева 14(26) апреля; рескрипт Александра I Колычеву 16(28) апреля; русские проекты тайной конвенции от 20 марта (1 апреля) и сообщение Дюрока о его беседе с Александром I 15(27) апреля. Сборник РИО, т. 70, стр. 101—103, 118—119, 131—132, 177—178, 675, 683—684.

[101] Русский проект тайной конвенции 20 июня (2 июля) и рескрипт Александра I Моркову 27 июня (9 июля) 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 693, 220.

о том, что России в итальянские дела вмешиваться незачем [102].

В итоге господство Франции в Южной Италии стало совершившимся фактом. Россия в дальнейшем ограничилась настояниями на том, чтобы Наполеон вывел свои войска за пределы Неаполитанского королевства.

Меньшую роль в русско-французских противоречиях в 1800—1801 гг. играл вопрос о том, кому достанется Пьемонт — Франции или савойскому королевскому дому (т. е. королю Карлу-Эммануилу IV). Пьемонт был важен для России в тот момент, когда войска Суворова занимали Северную Италию. С тех пор утекло много воды, и реальной основы для планов усиления русского влияния в Северной Италии больше не было. К тому же Пьемонт не имел непосредственного отношения к проблемам Средиземноморья, в первую очередь занимавшим в этот период Россию. Все же русское правительство в переговорах с Францией все время настаивало на возвращении Пьемонта (за исключением Савойи и Ниццы) его «законному» королю Карлу-Эммануилу IV [103]. После того как первый консул без обиняков заявил, что Пьемонта он не отдаст и что судьба последнего вовсе не касается России [104], Александр продолжал еще некоторое время поговаривать о восстановлении Карла-Эммануила IV в его правах на Пьемонт [105], но в конце концов сдался, согласившись отложить вопрос до заключения мира между Англией и Францией [106].

[102] Наполеон Дюроку 12(24) апреля 1801 г. См. также доклад Талейрана 17(29) мая и Талейран Дюроку 25 мая (6 июня). Сборник РИО, т. 70, стр. 116, 164—165, 183.

[103] См. о политике России в пьемонтском вопросе в 1800—1801 гг. инструкцию Колычеву 19(30) декабря («Русский архив», 1874, кн. 12, стлб. 966—970); ноту Ростопчина 26 сентября (7 октября) за 1800 г.; ноту Колычева 19(31) марта и проект тайной конвенции 20 марта (1 апреля); ноту Колычева 14(26) апреля; рескрипт Александра I Моркову 16(28) апреля и русский проект тайной конвенции 15(27) апреля за 1801 г. (Сборник РИО, т. 70, стр. 11, 99, 118—119, 132—133, 675, 684).

[104] Талейран Дюроку 25 мая (6 июня) и 6(18) июля; Морков — Кочубею 9(21) августа. Сборник РИО, т. 70, стр. 183—184, 225, 490—492.

[105] Русский проект тайной конвенции 20 июня (2 июля) и рескрипт Александра I Моркову 27 июня (9 июля). Там же, стр. 693, 220.

[106] Александр I Колычеву 23 августа (4 сентября). Там же, стр. 254—257.

В мальтийском вопросе Александр пошел на уступки и почти сразу же отказался от ряда требований, ранее выставленных Россией [107]. В дальнейшем Россия и Франция столкнулись при выборе великого магистра ордена.

Несмотря на возникшие разногласия, Россия и Франция продолжали переговоры. Россию толкала на это боязнь, что разрыв их позволит Франции без помехи диктовать свои условия Турции и Неаполю и облегчит ей хозяйничанье в Германии, тогда как заключение конвенции даст России (как казалось русским дипломатам) законный повод для контроля над французской политикой. Наполеон же опасался, что в случае разрыва Россия пойдет на сближение с Англией.

Обе стороны хотели поэтому по возможности смягчить положение. Наполеон забрасывал Александра льстивыми, слащавыми письмами. Александр со своей стороны в знак доброй воли отозвал ставшего ненавистным Наполеону Колычева и назначил на его место А. И. Моркова, которому было поручено вести переговоры на базе нового проекта мирного договора и тайной конвенции от 20 июня (2 июля) [108].

Было очевидно, что Франция ни на какие уступки относительно Неаполя и Пьемонта не пойдет и что настаивать бесполезно. 26 сентября (8 октября) в Париже были, наконец, заключены мирный договор между Россией и Францией и тайная русско-французская конвенция, завершившие многотрудные переговоры. То обстоятельство, что конвенция и мирный договор были подписаны в один и тот же день, было победой России: в течение всех переговоров французских дипломатов не покидало желание заключить один лишь мирный договор с Россией, отложив подписание конвенции с нею по ближневосточному, итальянскому и немецкому вопросам на будущее время. Талейран безуспешно шел на всяческие хитрости, чтобы заставить Колычева, а затем Моркова согласиться на это [109], но

[107] Александр I Колычеву 16(28) апреля 1801 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 126.

[108] Александр I Моркову 27 июня (9 июля). Сборник РИО, т. 70, стр. 201—222, см. также S. Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon, p. 9—13; [М. Богданович]. Указ. соч., т. I, стр. 308—309; А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 125; проект тайной конвенции 20 июня (2 июля). Сборник РИО, т. 70, стр. 692—693.

[109] Сборник РИО, т. 70, стр. 61, 70—71, 85—87, 91, 104, 227—229, 241, 263, 268, 273.

в конце концов должен был уступить. Однако по настоянию Франции тайную конвенцию пометили двумя днями позднее, так что считалось, будто она заключена 28 сентября (10 октября) [110]. Под этой датой она обычно и фигурирует в различных исторических работах и публикациях документов.

Основные статьи русско-французского соглашения сводились к следующему:

1. При вознаграждении германских владетелей за утраченные ими по Люневильскому миру земли на левом берегу Рейна Россия и Франция должны действовать сообща, в «полном единодушии».

2. В итальянских делах они будут соблюдать «тесное согласие».

3. Франция приняла посредничество России для заключения мира с Турцией и согласилась на то, чтобы переговоры Франции и Турции проводились в Константинополе.

4. Франция обязалась соблюдать целостность (l'intégrité) Неаполитанского королевства в границах, установленных Флорентийским миром, и вывести оттуда свои войска после разрешения египетского вопроса.

5. После того как решится судьба Египта, Неаполитанское королевство должно будет считаться нейтральным государством; Россия при этом брала на себя заручиться согласием Англии и Турции на нейтралитет Неаполя.

6. Договаривающиеся стороны согласились «дружественно и в добром согласии» обеспечить интересы сардинского короля.

7. Россия и Франция условились, что Вюртемберг получит вознаграждение за понесенные им территориальные потери (в принципе право на вознаграждение было признано и за Баварией).

8. Была гарантирована независимость и конституция Ионической республики, с территории которой надлежало вывести иностранные (т. е. русские) войска [111].

Кому же — России или Франции — была в большей степени выгодна Парижская конвенция?

[110] Морков Александру I 1(13) октября. Сборник РИО, т. 70, стр. 273. 22 сентября (4 октября) был заключен мирный договор России и Испании, что было результатом урегулирования русско-французских отношений (Испания в то время шла на поводу у Франции).

[111] См. о Парижской конвенции Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XIII, стр. 263—270; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 272—273;

На наш взгляд, Бонапарт получил в итоге русско-французских переговоров преимущество, отнюдь не компенсировавшееся некоторыми выгодными для России статьями конвенции.

Россия была вынуждена признать приобретения Франции по Флорентийскому миру и согласиться на оккупацию (хотя и временную) Неаполитанского королевства. Франция сохранила Пьемонт, и злосчастный Карл-Эммануил IV так и остался при одних обещаниях.

Несомненным выигрышем Петербурга было признание Ионической республики (правда, Франция получила при этом права ее гаранта). Успехом России было также признание ее права на участие в германских и итальянских делах и принятие русского посредничества между Францией и Турцией. Однако три последние статьи имели очень уж неопределенный характер — здесь все зависело от того, насколько русская дипломатия сможет их реализовать на деле.

В итоге Наполеону удалось закрепить за собой по Парижской конвенции вполне реальные преимущества, основанные на военной силе; достижения же России (за исключением статьи об Ионической республике) были скорее формально-дипломатическими.

Что же заставило Россию пойти на соглашение, принесшее ей столь скромные выгоды? Прежде всего то бесспорное соображение, что отказ от конвенции с Францией был еще менее выгоден и пошел бы на пользу Бонапарту, который все время старался уклониться от заключения конвенции. К тому же Франция шла к миру с Англией, и затяжка с конвенцией могла лишь усилить ее позиции. Подписывая Парижскую конвенцию, Россия надеялась выиграть то немногое, на что вообще можно было рассчитывать при тогдашней международной обстановке.

В целом преимущества, полученные Францией по Парижской конвенции, были результатом ее положения преобладающей европейской державы, перевеса ее военных сил над силами соперников. Сказалась при этом и отмеченная выше неопределенность общего курса внешней политики правительства Александра I, что ослабляло сопротивление русской дипломатии напору Франции.

А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 135; S. Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon, p. 17—18; E. Driault. La politique exterieure du premier consul, p. 210—212.

3

По Парижской конвенции Франция приняла русское посредничество для заключения мира с Турцией и согласилась на ведение мирных переговоров в Константинополе. Это должно было дать России возможность установить частичный контроль над отношениями Франции и Турции. Однако Наполеон по понятным соображениям желал договариваться с Турцией без посредников.

С Парижской конвенцией он в этом отношении не очень считался: в те же самые октябрьские дни, когда она была подписана, он заключил еще два соглашения, касающиеся Турции.

27 сентября (9 октября) в Париже был подписан прелиминарный мирный договор Франции и Турции. Франция обязалась вывести свои войска из Египта, признала Ионическую республику и дала гарантию ее неприкосновенности. Французская торговля в Оттоманской империи получила все свои прежние привилегии [112]. Одновременно 19 сентября (1 октября) в Лондоне был заключен прелиминарный мирный договор с Англией, условия которого относительно Турции были те же, что в Парижской конвенции и в прелиминарном франко-турецком договоре (вывод войск из Египта, признание Ионической республики) [113].

Наполеон сумел, таким образом, без посредничества России договориться по восточному вопросу с Англией и с самой Турцией. Установление прямых связей между Францией и Турцией было первым шагом к восстановлению французского влияния в Константинополе.

Франко-турецкий прелиминарный договор фактически аннулировал соответствующую статью Парижской конвенции, хотя отделял их друг от друга лишь один день. Лондонский договор Франции и Англии и Парижский договор Франции и Турции имели предварительный характер. Оставалось неясным, где будут протекать дальнейшие переговоры Франции и Турции по этому вопросу — на общем ли мирном конгрессе в Амьене (этого хотела Англия) или в Париже (этого хотел Наполеон).

Усилия же России были в дальнейшем сосредоточены на том, чтобы вырвать у Франции дипломатическую инициативу и все-таки заставить ее вести переговоры о заключении предстоящего окончательного мирного договора в Константинополе под непосредственным контролем русской дипломатии.

В связи с двусмысленной тактикой Наполеона для России приобретали особое значение добрые отношения с Англией. Но и здесь не все было благополучно. Поводом к тому была Парижская конвенция, побудившая Англию считать, что Александр I пошел по стопам Павла и принял сторону Бонапарта. Слишком свежа еще была память о грозных днях второго вооруженного нейтралитета, и англичане с болезненной подозрительностью ловили признаки нового русско-французского сближения. Англия была особенно недовольна той статьей Парижской конвенции, которая говорила о русском посредничестве в переговорах Франции в Константинополе. Английское правительство относилось враждебно к самой идее двухстороннего франко-турецкого договора и требовало, чтобы переговоры велись на общем мирном конгрессе в Амьене [114]. Еще до заключения Парижской конвенции Георг III, столь редко в это время занимавшийся государственными делами, заявил С. Р. Воронцову о решительных возражениях Англии против сепаратного мира между Францией и Турцией и горько упрекал русское правительство за содействие этому [115]. Сам Воронцов, как и всегда, всей душой болел за интересы Англии и клеймил Парижскую конвенцию как прямую измену делу монархических держав, считая ее творением ненавистного ему Панина [116].

Англия попыталась нейтрализовать успехи Франции, предложив России в июне 1801 г. (еще до заключения Парижской конвенции) дать совместно с Россией гарантии целостности и независимости Турецкой империи (т. е.

---

[112] G. Noradounghian. Op. cit., t. II, p. 47—48; см. также А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 136; M. Herbette. Op. cit., p. 270—272, 325—328.

[113] G. F. Martens. Supplément au recueil des principaux traités..., t. II, p. 544.

[114] J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 343.

[115] Донесение С. Р. Воронцова о своей беседе с Георгом III 27 июля (8 августа). Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 218—223. См. также С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 265—266, 273—274.

[116] Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 401—402; т. 11, стр. 342—353; Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 65—66; ВПР, т. 1, стр. 163—164.

Египта). Россия от этого отказалась [117], так как в это время предпочитала сохранить нейтралитет в англо-французском соперничестве.

В Петербурге решили оставить протесты Англии без внимания: «Дело сие (т. е. русское посредничество между Францией и Турцией.— *А. С.*) имело самое естественное течение и не долженствовало оно произвести столь чувствительной импрессии над кабинетом Сент-Жемским»,— философски заметил по этому поводу Александр [118].

Колебания России между Англией и Францией и то обстоятельство, что Англия расценивала Парижскую конвенцию как сговор Парижа и Петербурга, привели к столкновению русской и английской дипломатии в Константинополе. Вокруг все того же вопроса о посредничестве между Францией и Турцией и о том, где — в Париже (французский вариант), Амьене (английский вариант) или Константинополе (русский вариант) будет заключен окончательный мирный договор Франции и Турции,— развернулась настоящая bellum omnia contra omnes: столкнулись интересы Англии и Франции, Франции и России, России и Англии.

В конце 1801 г. Т. Эльджин потребовал, чтобы Порта не посылала своего представителя на мирный конгресс, а дала все полномочия для ведения мирных переговоров от ее имени английскому представителю на Амьенском мирном конгрессе маркизу Ч. Корнуолису. Затем Порта и Эльджин сошлись на том, что в Амьен будет отправлен турецкий уполномоченный.

В. С. Томара, вообще враждебный англичанам и сейчас особенно встревоженный тем, что Англия в данном случае получит контроль над политикой Турции, советовал Порте «не распаляться благодарностью к англичанам до того, чтобы попустить их овладеть всею волею Порты, не оставляя ничего с оной для себя» [119]. Его антианглийская позиция еще более усилилась после того, как в Константинополь пришло известие о Парижской конвенции. Теперь Томара потребовал, чтобы переговоры велись в Константинополе при его посредничестве и чтобы полномочия, данные турецкому представителю для переговоров в Амьене, были аннулированы.

Турция, встревоженная откровенным посягательством как Англии, так и Франции на ее права самостоятельной и суверенной державы, также стала настаивать на том, чтобы переговоры велись в Константинополе, в чем, разумеется, получила полную поддержку Томары [120].

Англия и Россия столкнулись и в вопросе о ратификации франко-турецкого прелиминарного мирного договора. Англия постаралась сорвать ратификацию [121]. Томара же по приказу Петербурга [122] рекомендовал Порте ратифицировать (с рядом оговорок) парижские прелиминарии. Соглашаясь на это, Александр делал вынужденную уступку Наполеону: вновь проявилось влияние колебаний России между Англией и Францией.

Томара в некоторых вопросах иной раз даже поддерживал французскую дипломатию. Так, он дружественно встретил агента Наполеона, знаменитого впоследствии Себастиани, прибывшего в конце ноября в Константинополь с личным письмом Наполеона для того, чтобы получить от Порты ратификацию Парижского прелиминарного договора [123]. На пользу Бонапарту пошли настояния России

[117] Русская нота Англии 19(31) июля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 4307, лл. 2—3 об. Ср. также д. 6741, л. 291—291 об., и д. 6742, лл. 85—90. См. также Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 138, 145—146, 150, 192—194.

[118] Александр I Моркову 8(20) февраля 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 342. См. также возражения Александра I и Панина С. Р. Воронцову (Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 300—301; т. 11, стр. 150; А. Брикнер. Указ. соч., т. VI, стр. 522—523).

[119] Томара Александру I 16(28) сентября 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, лл. 512—512 об., 453—454.

[120] Томара Александру I 1(13) декабря 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, л. 545.

[121] В начале марта 1802 г. Эльджин потребовал отказа от ратификации, угрожая разрывом союзного договора Англии и Турции. Последняя просила Томару убедить Эльджина дать согласие на ратификацию. Томара Александру I 15(27) февраля и 1(13) марта 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г. д. 2222, лл. 49—51 об., 58—58 об., 68—69. См. также J. W. Zinkeisen. Geschichte des osmanischen Reiches in Europa, Bd VII. Gotha, 1863, S. 135—136 (далее: Op. cit.); M. Herbette. Op. cit., p. 275—278.

[122] При настоящих обстоятельствах, «что может выйти полезное для Порты от упорства ратификовать упомянутое постановление?» — писал Александр I Томаре 16(28) декабря 1801 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2216, лл. 22—23).

[123] Томара Александру I 1(13) декабря. АВПР, ф. Канцелярия, 1801, д. 2218, ч. 2, л. 546; донесения Эльджина Гауксбери 20 и 21 ноября (2 и 3 декабря) 1801 г. (копия, русский перевод). АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 4315, лл. 19—21 об. О первой миссии Себастиани в Константинополе см. E. Driault. La politique orientale de Napoléon. Sébastiani et Gardane (1806—1808). Paris,

на признании Портой вассала Франции — Батавской республики [124].

Под давлением Англии Турция отказалась ратифицировать Парижский прелиминарный мирный договор.

Реакция Лондона на тактику России в Константинополе была чрезвычайно острой. Гнев англичан пал на Томару и русского драгомана П. Фонтона, которых они обвиняли в прямом пособничестве Франции [125]. Между Томарой и Эльджином вспыхнула открытая вражда. Эльджин засыпал Лондон жалобами на Томару, что привело к официальному протесту со стороны английского правительства [126].

Между тем Россия в этот момент вовсе не собиралась ссориться с Англией. Правительство Александра считало, что усиление французского влияния в Константинополе представляет бо́льшую опасность для России, чем усиление влияния английского, что англичане «сами собою только случайно первое место занимать будут и всегда, конечно, желать могут опираться положением нашим у Порты»; что следует поэтому поддерживать у турецкого правительства «некоторую к англичанам доверенность» [127], что «интересы России и Англии в отношении Порты не могут быть разделенными» [128] и, наконец, что «было бы безумием ссориться с этой державой (Англией.— *А. С.*), интересы которой настолько тождественны с нашими» [129].

1904, p. 24—25; его же. La politique extérieure du premier consul, p. 205—207.

[124] Александр I Томаре 14(26) октября 1801 г. ВПР, т. 1, стр. 125, 146—147.

[125] Русские представители в Константинополе (т. е. Томара и П. Фонтон) стали «агентами Бонапарта», писал С. Р. Воронцов (как обычно, глашатай английской точки зрения) Кочубею 17(29) января. См. также его письмо А. Р. Воронцову 8(20) января 1802 г. (Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 357; т. 10, стр. 158; см. также ВПР, т. 1, стр. 170—172).

[126] Гауксбери С. Р. Воронцову 27 декабря 1801 г. (8 января 1802 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6742, лл. 222—226 об., 232—233. Там же, 1802 г., д. 4315, лл. 5—21 об.

[127] Александр I Томаре 16(28) декабря 1801 г. и 14(26) июля 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2216, лл. 22—26; 1802 г., д. 2220, лл. 5 об., 271—300; Александр I Томаре 30 января (11 февраля) 1802 г., ВПР, т. 1, стр. 173.

[128] Александр I Моркову 8(20) февраля 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 343.

[129] Кочубей С. Р. Воронцову 12(24) мая 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 241.

Россия была готова даже в этот момент поддержать домогательства Англии о свободном проходе английских торговых судов в Черное море [130], против чего так решительно возражал Павел и в лучшие времена англо-русского союза.

Александр решил пойти на компромисс с Англией и предложил вести переговоры в Париже при двойном посредничестве России и Англии; турецкий посол в Париже Али Эсад эфенди должен был, по мысли Александра, «руководствоваться» Морковым и английским посланником в Париже Ф. Дж. Джексоном [131]. Одновременно С. Р. Воронцову было приказано «убедить министерство аглицкое в неосновательности беспокойств или неудовольствия его» [132]. Русская дипломатия в Константинополе качнулась, таким образом, в сторону Англии.

Результатов это не дало. Томара сообщил Порте о новом русском плане и получил ее согласие на него. Эльджина, однако, переубедить не удалось: английский посол стоял на том, что переговоры должны происходить в Амьене [133]. Против переговоров в Константинополе был и английский посол в Петербурге Сент-Элене [134] (хотя он одобрил мысль Александра о проведении переговоров в Париже).

Англия отвергла предложенный Россией компромисс. В Амьене между Англией и Францией развернулись переговоры об условиях мира Франции и Турции, от которых Россия была отстранена [135].

[130] Александр I Томаре 28 октября (9 ноября) 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2216, лл. 16—18 об. См. письмо Кочубея С. Р. Воронцову 10(22) декабря 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 259—260. См также ВПР, т. 1, стр. 127—128.

[131] Рескрипты Александра I Томаре 30 января (11 февраля), 1(13) апреля 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 173, 193. Рескрипт Александра I Моркову 8(20) февраля. Сборник РИО, т. 70, стр. 342—344; рескрипт Томаре 15(27) февраля. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2220, лл. 12—13.

[132] Александр I С. Р. Воронцову 4(16) февраля. АВПР. ф. Канцелярия, 1802 г., д. 6746, л. 15 об. См. также ВПР, т. 1, стр. 706.

[133] Нота Томары Порте 6(18) марта; письма Томары Эльджину 6(18) и 7(19) марта; письмо Эльджина Томаре 7(19) марта; нота Эльджина Порте 7(19) марта. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2222, лл. 78—85 об.

[134] Сент-Элене А. Пэйджету 28 января (9 февраля) 1802 г. The Paget Papers, vol. II, p. 39.

[135] «Сожалительно, что конгресс Амьенский есть, так сказать, непроницаемая тайна»,— писал Александр I Моркову 8(20) февраля 1802 г. (Сборник РИО, т. 70, стр. 345).

15 (27) марта 1802 г. в Амьене был подписан мирный договор Франции, Испании и Батавской республики с Англией. Англия вернула указанным державам все их колонии (занятые ею в ходе военных действий), кроме островов Цейлона, Тринидада (они достались Англии) и мыса Доброй Надежды (он остался в совместном владении Англии и Батавской республики). Египет был возвращен Турции. Державы признали Ионическую республику. Франция обязалась вывести свои войска из неаполитанских портов и с острова Эльбы. Под ее влиянием, однако, остались Голландия (Батавская республика), левый берег Рейна, Италия (Пьемонт, Лигурийская, Итальянская, Лукская республики и королевство Этрурия), Швейцария (Гельветическая республика). Амьенский мир упрочил, таким образом, позиции Франции в Европе.

Амьенский договор распространялся также и на Турцию; державы приглашали ее присоединиться к договору, что и было сделано ею по особому «акту приступления» 1 (13) мая 1802 г.[136] Все это совершилось без посредничества России.

Русская дипломатия сделала еще одну попытку спасти положение, надеясь, что ей удастся все же посредничать между Францией и Турцией при заключении окончательного мирного договора[137] (переговоры об этом должны были идти в Париже, куда Турция направила своего нового представителя Мехмеда Саида Галиба эфенди). Но и на этот раз дело не удалось. 25 июня (7 июля) в Париже был заключен окончательный франко-турецкий мирный договор[138]. Франция получила разрешение на проход ее торговых судов в Черное море. Моркову снова пришлось жаловаться на то, что Галиб вел переговоры один на один с Талейраном и не дал ему даже копии мирного договора. Русское правительство строго распекло за это Порту[139]. Исправить, однако, уже ничего было нельзя.

[136] G. Noradounghian. Op. cit., vol. II, p. 50—51.

[137] Александр I Томаре 15(27) апреля 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2220, лл. 18—20.

[138] G. Noradounghian. Op. cit., vol. II, p. 51—54. См. также V. Puryear. Napoleon and the Dardanelles. Berkeley and Los Angeles, 1951, p. 2—4. E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 23—24.

[139] Морков Томаре 18(30) июня 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия. 1802 г., д. 2223, лл. 202—205. Александр I Томаре 14(26) июля. ВПР, т. 1, стр. 244.

Франции удалось решить свои дела с Портой без России. Одно из основных, с русской точки зрения, достижений Парижской конвенции — русское посредничество между Францией и Турцией — осталось на бумаге, и уступки в итальянских делах, на которые ради этого пошла Россия, оказались бесцельными.

Россия в 1801—1802 гг. решительно расходилась с Англией и в вопросе об английской оккупации Египта.

Основной причиной, толкнувшей Турцию на вступление в коалицию и войну против Франции, было желание вернуть Египет. Союзные договоры Турции с Россией и Англией включали соответствующую статью. После ухода французов из Египта в августе 1801 г. Турция рассчитывала на возвращение своей «собственности».

Пока еще шли военные действия Англия сулила Порте, что Египет будет ей возвращен немедленно после победы[140]. Но то было лишь маневром: в действительности Англия вовсе не собиралась немедленно уходить из Египта. Ярым сторонником проникновения в Египет был Эльджин, от которого (при всем его личном ничтожестве) многое зависело, так как он практически по служебному своему положению руководил британской дипломатией на Ближнем Востоке. Эльджин настаивал на том, чтобы английские войска остались в Египте до заключения общего мира, и на получение Англией компенсации в Египте[141].

Английское командование в Египте считало, что в Александрии должен остаться английский гарнизон[142].

Войска Англии в Египте были сравнительно немногочисленны, и англичанам нужно было прежде всего найти в самом Египте какую-то силу, на которую можно было

[140] Письмо Гауксбери Эльджину 7(19) мая 1801 г. G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. L'Angleterre et l'Égypte. La campagne de 1807. Le Caire, 1928, p. V—VI (далее: La campagne de 1807); их же. L'Angleterre et l'Égypte. La politique mameluke (1801—1803), vol. I. Le Caire, 1929, p. III—IV, 12—13 (далее: La politique mameluke). Ср. F. Charles-Roux. Op. cit., vol. II, p. 263—264.

[141] Эдьджин Гауксбери 26 августа (7 сентября) 1801 г. G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. La politique mameluke, vol. I, p. 63. См. также F. Charles-Roux. Op. cit., vol. II, p. 263—264.

[142] Командующий английской армией в Египте генерал Дж. Хелли-Хатчинсон Г. Дандасу 2(14) апреля 1801 г. G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. La politique mameluke, vol. I, p. 5—8.

бы опереться и противопоставить Турции. Наиболее подходящими для этой цели были мамлюкские беи — фактические хозяева Египта, лишь номинально подчинявшиеся турецкому паше в Каире. Сепаратистские, прогрессивные по своей объективной тенденции устремления беев-мамлюков во всей силе проявились еще в начале 70-х годов XVIII в., когда один из них, Али бей, фактически добился независимости. Несмотря на поражение и гибель Али, мамлюки продолжали (каждый для себя, в постоянном соперничестве) добиваться власти над Египтом. Англия решила сделать ставку на беев, надеясь, что, закрепившись в Египте, она сможет отбросить использованное ею орудие. Уже в мае 1801 г. командовавший английскими войсками в Египте генерал Хатчинсон принял мамлюка Осман бея Бардизи под покровительство Англии. В июле Лондон разработал план организации регулярного корпуса с английскими офицерами во главе, что означало установление контроля Англии над Египтом. Смекнувшая, к чему клонится дело, Турция приняла свои меры. В октябре несколько влиятельных беев были заманены турками в ловушку и зверски убиты. Хатчинсон спас уцелевших беев. Англия обрушилась на Порту, и Георг III в письме Селиму III просил принять беев под ее покровительство [143].

Теперь Англия уже открыто стала добиваться для мамлюков, т. е. для своих собственных захватнических планов, автономии, требуя уступки им Верхнего Египта. В середине 1802 г. генерал Дж. Стюарт вел об этом в Константинополе переговоры с Портой. Вслед за тем развернулись военные действия между турецкой армией и отрядами мамлюков во главе с Эльфи беем, в ходе которых Стюарт держал сторону последних [144]. Эльджин в Константинополе продолжал требовать для беев Верхнего Египта [145].

[143] G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. La politique mameluke, vol. I, p. VII—VIII, XI—XII, XVII—XIX, XXII—XXV, 9—10, 36—37, 48—50, 127—143; их же. La campagne de 1807, p. VI—VIII, IX—X; J. W. Zinkeisen. Op. cit., Bd. VII, S. 116—120; F. Charles-Roux. Op. cit., vol. II, p. 280—284, 290—291.

[144] G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. La politique mameluke, vol. I, p. XXVII—XXXII, XXXVIII—XLIII, 240—242, 257—261, 338—340; F. Charles-Roux. Op. cit., vol. II, p. 287—288, 292—293. Когда при наступлении мамлюков на Александрию турки обратились за помощью к генералу Стюарту, «он отвечал с холодностию, что беев опасаться не следует» (Томара Александру I 1(13) декабря 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2222, л. 442).

[145] Протокол конференции Эльджина и реис-эфенди 2(14) ноября 1802 г. (копия, перевод). Там же, д. 2222, лл. 418—421. Гауксбери, не желая раздражать Россию, заявил С. Р. Воронцову, что Эльджин в данном случае превысил свои полномочия (С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 3(15) февраля 1803 г., там же, 1803 г., д. 6754, л. 46—46 об.).

Турецкое правительство негодовало. Даже поклонник англичан знаменитый капудан-паша Кючук Хюсейн «отзывался на совете с великим негодованием на англичан; все члены совета разделяли его чувства». Та же метаморфоза произошла и с реис-эфенди Махмудом Раиф эфенди: этот «великий почитатель г. Питта и конституции английской» начал жаловаться Томаре, что англичане не слушают ничего, кроме собственных интересов, или действуют по капризу, по прихоти. Томара удачно (хотя, разумеется, и безотчетно) подметил колонизаторский дух английской политики, когда писал царю, что англичане «ставят Турцию вне черты нравственной Эвропы» [146].

Действия англичан в Египте были направлены на колониальное порабощение. Типичен в этом отношении варварский поступок англичан, разрушивших канал, по которому в Александрию поступала пресная вода, чтобы подорвать местную египетскую торговлю, конкурировавшую с торговлей Ост-Индской компании [147].

Турция со всей энергией вновь и вновь требовала прекращения помощи мамлюкам и вывода английских войск из Египта [148]. Англичане обещали и... оставались в Египте.

Отношение России к английской оккупации Египта на всех ее этапах было последовательно и решительно отрицательным. Ростопчин в свое время писал Колычеву, что «ежели же англичане укрепятся в Египте, то весьма трудно и силою их оттуда выжить по той причине, что, владея морем и Мальтою, всегда свежие войска привозить в Египет могут и открыто против Порты действовать, которая, дивясь своей глупости, будет сидя плакать на одном месте» [149].

[146] Реляция Томары Александру I, донесения его Кочубею и А. Р. Воронцову за 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2222, лл. 116—116 об., 442—442 об.; д. 2223, лл. 257, 333.

[147] Томара Александру I 1(13) июля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 2, лл. 362 об.—363.

[148] Письмо великого визиря английскому министру иностранных дел. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2222, лл. 422—431 об. (копия, перевод).

[149] Сборник РИО, т. 70, стр. 33—34.

При новом царе позиция России по существу не изменилась: Александр говорил Дюроку о своем нежелании видеть Египет под властью англичан почти в столь же решительных выражениях, что и Павел [150]. Томара в Константинополе держал сторону турок против англичан.

Сопротивление России французским и английским планам проникновения в Египет объясняется прежде всего нежеланием Павла, а затем Александра видеть усиление своих соперников. Но объективно подобная позиция России сыграла свою роль в освобождении Египта от французской оккупации и тормозила агрессию Англии в Египте.

Период от фактического распада второй коалиции до окончательного установления мира (1801—1802 гг.) был переходным периодом в истории средиземноморской политики России. Правительство Александра I не смогло вследствие международного и военного перевеса Франции задержать восстановление французского влияния в Средиземноморье. Наполеон получил по Парижской конвенции ряд преимуществ и умело их реализовал, несмотря на упорное сопротивление России. Россия по-прежнему была в Константинополе первенствующей державой, но Франция уже начинала прокладывать себе дорогу к преобладающему влиянию на Порту. В русско-английских отношениях, как и ранее, сталкивались стремление установить взаимодействие против Франции и дух соперничества. Русская политика колебалась между Францией и Англией. В результате Россия была отстранена от мирных переговоров в Амьене и до известной степени изолирована.

* * *

Одним из первых значительных актов внешней политики Александра был манифест 16 (28) марта 1801 г. об отказе от звания великого магистра мальтийского ордена, а вслед затем — снятие мальтийского креста с русского государственного герба [151].

Но то был лишь отказ от крайностей мальтийской политики 1797—1801 гг., чудачеств и фантазий Павла. От самого же основного в ней — желания в какой-то мере включить Мальту в сферу русского влияния — правительство Александра полностью отказываться не собиралось. После торжественного мартовского манифеста Александра мальтийский вопрос не потерял окончательно, как можно было бы думать, своего значения — в течение четырех лет (до середины 1805 г.) он занимал известное место в русской политике.

В 1801—1802 гг. Россия была прежде всего заинтересована в том, чтобы Мальта не досталась ни Англии (войска которой занимали ее), ни Франции. Поэтому русское правительство настаивало на выводе английских войск и на возвращении острова его прежнему «владельцу» — мальтийскому ордену. Главой же ордена Александр хотел сделать своего ставленника.

Перестав быть великим магистром, Александр все же оставил за собой звание протектора ордена. Правда, русские министры говорили потом, что сделано это было лишь в знак почтения к памяти покойного императора. Но дело здесь, конечно, было не в этом, а в желании сохранить за собой влияние на орден. В исторической литературе недостаточно изучены отношения Александра I с иоаннитами и попытки царя сохранить, хотя бы в другой форме, руководство орденом.

России противодействовали и Франция, и Англия. Талейран сначала намекнул, что следовало бы вообще покончить с властью ордена над Мальтой и превратить остров... во всеевропейскую больницу, но Александр упорно настаивал на возвращении Мальты ордену и на выборах нового великого магистра [152]. Однако одновременно с филантропическими планами насчет «больницы» Франция не пренебрегала и более реальными делами и в свою очередь старалась сделать верховным главой ордена французского прихвостня — того самого Гомпеша, который в июне 1798 г. сдал французам Мальту. Русское правительство в ноябре 1801 г. заявило по этому поводу Франции решительный протест [153].

Разгадать замыслы Франции не представляло труда. Тоньше и сложнее была тактика Англии. Англия с величайшей неохотой согласилась по Лондонскому прелими-

[150] Дюрок Наполеону 24 мая (5 июня). Сборник РИО, т. 70, стр. 177.
[151] ПСЗ, т. XXVI, № 19794.
[152] Сборник РИО, т. 70, стр. 275. Письмо Александра I Наполеону 3(15) декабря 1801 г. Там же, стр. 299.
[153] Сборник РИО, т. 70, стр. 709—710, 721—722.

нарному договору с Францией на возвращение Мальты ордену, но успокаивала себя тем, что от принятия формального обязательства до реализации его было еще очень далеко. Еще раньше Англия сделала вид, что покорилась неизбежному и попыталась извлечь из создавшегося положения наибольшие преимущества. В связи с напугавшими ее парижскими переговорами Англия особое значение придавала тому, чтобы вбить клин между Россией и Францией. Ради этого она пошла на маневр, за который с большим упорством держалась целых два года, и попыталась сделать Россию гарантом неприкосновенности Мальты. В сентябре 1801 г. английское правительство обратилось к России с просьбой принять на себя протекторат над Мальтой и ввести в мальтийские крепости русские войска. Предложения Англии обсуждались 30 сентября (12 октября) на заседании Совета, который выступил против них, считая, что это может втянуть Россию в конфликт Англии и Франции [154]. Русское правительство дало Англии отрицательный ответ: сказалось влияние тенденции к невмешательству в европейские дела. Вместе с тем Россия по-прежнему советовала вернуть остров ордену [155].

Нежелание России вмешиваться в мальтийские дела было вполне в духе той политики лавирования между Англией и Францией, которую отстаивал Кочубей. Именно он и рекомендовал Александру дать Англии отрицательный ответ [156]. Кочубей не одобрял того интереса, который Александр проявлял к Мальте [157].

За просьбами Англии о русской гарантии скрывалось стремление пустить корни на Мальте. Англия в отличие от России и Франции не имела надежных связей в самом ордене и старалась найти поддержку у коренного населения Мальты, жестоко угнетавшегося орденом. В феврале 1802 г. английское правительство вело в Лондоне переговоры с мальтийской депутацией [158], которой оно обещало открыть уроженцам острова доступ в орден и создать самостоятельное мальтийское отделение его. Но и Россия прекрасно понимала, сколь важно иметь на своей стороне местное население острова, и предлагала допустить мальтийцев к участию в управлении и расширить права гражданского правительства Мальты.

Первые предложения Англии в сентябре 1801 г. были только началом длинных и монотонных переговоров о русском посредничестве в мальтийском вопросе, останавливаться на перипетиях которых мы не будем. Отметим лишь основное. После того как по Лондонскому прелиминарному договору Англия и Франция согласились, что английские войска очистят Мальту, английское правительство в начале ноября 1801 г. снова повторило свои предложения относительно введения русских войск и гарантии англо-французского соглашения о Мальте (о протекторате России речи уже не было — лондонские прелиминарии сняли этот вопрос). От первого Россия вновь отказалась. В вопросе же о гарантии позиция России теперь изменилась. Русское правительство, опасаясь, что оно будет отстранено от предстоявшего тогда мирного конгресса в Амьене, решило принять на себя гарантию. В результате переговоров Англии, России и Неаполя [159], в Петербурге в ноябре-декабре 1801 г. было решено, что: 1) Мальта будет возвращена ордену; сюзереном ее будет считаться неаполитанский король, который и направит на остров свои войска; 2) на будущее время провозглашается нейтралитет Мальты; 3) окончательный договор Англии и Франции будет гарантирован Россией [160].

---

[154] Архив Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1255—1258.

[155] Инструкции Гауксбери Сент-Элексу 31 августа (12 сентября) и 21 сентября (3 октября) 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 4306, лл. 40—41 об., 47—48 об.; там же, 1801 г., д. 6741, лл. 73—75 об.; рескрипт Александра I С. Р. Воронцову 5(17) октября. Там же, д. 6741, лл. 70—72; протокол конференции с Сент-Элексом 2(14) октября. Там же, 1801 г., д. 7824, л. 42; письмо Куракина Кочубею 22 октября (3 ноября). Там же, 1801 г., д. 7832, лл. 2—3; письмо Сент-Элекса А. Пэйджету 17(29) октября. The Paget Papers, vol. II, p. 24—25; Ср. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 54. См. также ВПР, т. I, стр. 702—703.

[156] Письма Кочубея А. Р. Воронцову в 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 164; т. 18, стр. 246—247.

[157] Кочубей А. К. Разумовскому 6 октября 1801 г. А. А. Васильчиков. Указ. соч., т. V. СПб., 1894, стр. 314.

[158] J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 339.

[159] Неаполь просил русское правительство поддержать его в вопросе о введении на остров неаполитанского гарнизона и о признании сюзеренитета Неаполя. См. ноту Неаполя России 18(30) июля (АВПР, ф. Канцелярия, 1801—1805 гг., д. 7608, лл. 3—6 об.) и конференцию Кочубея и неаполитанского посланника Серра-Каприола 3(15) ноября 1801 г. (там же, 1801 г., д. 7824, лл. 83—85 об.).

[160] О русско-английских переговорах относительно Мальты в ноябре-декабре 1801 г. см. реляцию С. Р. Воронцова Александру I

Англия и Россия договорились также относительно допущения мальтийских уроженцев к управлению островом [161]. Согласие России на гарантию Александр обещал Наполеону, также просившему об этом [162].

Англия приняла русские условия [163]. Правительство Александра радовалось: в мальтийском вопросе был выработан модус, соответствующий в общем его целям. Уклонившись от чреватого опасностями протектората над Мальтой, подставив в качестве протектора вместо себя бессильный Неаполь, чисто фиктивный «сюзеренитет» которого над Мальтой никому не мог помешать, Россия вместе с тем обеспечила себе преобладающие позиции. К тому же Россия, как казалось Александру, застраховала себя и от грозившей ей изоляции. В действительности, однако, ни Наполеон, ни Англия не желали такого соглашения, которое способствовало бы проникновению России на Мальту. Каждый из них хотел перетянуть Россию на свою сторону, но так, чтобы позиции последней не слишком усилились. Наполеон, формально просивший Россию о гарантии, в переговорах с Англией возражал против этого и предлагал вместо русской гарантии демилитаризацию Мальты (разрушение крепостей Ла-Валлетты) [164].

Между тем в этот момент Александр старался укрепить свои связи с орденом. Главой его он хотел сделать бальи Реквеченца. В ноябре 1801 г. пребывавший в Петербурге совет ордена назначил Реквеченца своим уполномоченным для принятия управления Мальтой от английского командования [165] (напоминаем, что по лондонскому

5(17) ноября и протокол конференции Кочубея и Сент-Эленса 1(13) ноября (ВПР, т. 1, стр. 134—135, 140), рескрипт Александра I С. Р. Воронцову 10(22) декабря (Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 303); письма Кочубея А. Р. Воронцову (Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 164, 166—168); см. также ВПР, т. 1, стр. 151—153, 708.

[161] Характерно, что английский историк Дж. Х. Роуз извращает этот пункт русской программы, говоря, будто Россия требовала отстранения мальтийских уроженцев от дел ордена (J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 407).

[162] Сборник РИО, т. 70, стр. 340, 370, 372.

[163] С. Р. Воронцов Александру I 31 января (12 февраля) 1802 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 6748, л. 16.

[164] J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 338—340; E. Driault. La politique extérieure du premier consul, p. 250—252.

[165] Александр I С. Р. Воронцову 8(20) ноября 1801 г. (копия). АВПР, ф. Канцелярия. 1801—1805 гг., д. 7608, л. 64—64 об.

прелиминарному договору Англия должна была вернуть остров мальтийским рыцарям). Однако Англия считала, что полномочия, данные Реквеченца петербургским советом ордена, недействительны [166].

Папа римский, как сказано, не считал Павла правомочным великим магистром ордена и не утвердил поэтому совершенных им актов. Александр приказал вновь назначенному русскому поверенному в делах в Риме гр. В. И. Кассини добиться признания папой законности избрания Павла великим магистром и его указов по делам ордена [167].

Амьенский мир к большому недовольству Петербурга фактически аннулировал достигнутое ранее соглашение России, Англии и Франции по мальтийскому вопросу. Десятая статья Амьенского договора говорила о возвращении Мальты ордену; об эвакуации в течение трех месяцев после обмена ратификациями английских войск с острова; о временном введении неаполитанского гарнизона в 2000 человек и о том, что Франция, Англия, Австрия, Испания, Россия и Пруссия будут гарантами этого соглашения [168]. Как видим, русская гарантия занимает здесь самое скромное место. Основное же возражение России заключалось в том, что десятая статья Амьенского договора расходилась с ранее достигнутым ею и Англией соглашением [169].

Александру особенно не нравилось, что по Амьенскому договору было решено избрать великого магистра на собрании генерального капитула на Мальте, тогда как он хотел, чтобы выборы производились собранием приоров [170]; амьенское решение затрудняло проведение намеченного Россией кандидата в великие магистры.

Русское правительство решило, что нет надобности прикладывать руку к невыгодному для него соглашению;

[166] Ch. Auriol. La France, L'Angleterre et Naples de 1803 à 1806, t. I. Paris, 1904, p. 68—69.

[167] Предписания Кассини 29 мая (10 июня) и 11(23) июня 1802 г. (копия, без отметки об утверждении и подписи). АВПР, ф. Канцелярия, 1801—1809 гг., д. 7610, лл. 117—118, 122—123.

[168] G. F. Martens. Supplément au recueil des principaux traités, t. II, p. 567—569.

[169] Доклад Кочубея Александру I 1802 г., б/д.; АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, лл. 4—8 об.

[170] ВПР, т. 1, стр. 197—199.

на просьбу Англии о гарантии Амьенского договора [171] последовал очень резкий отказ (март-апрель 1802 г.) [172]. Совет, обсуждавший 14(26) апреля и 21 апреля (3 мая) мальтийский вопрос, высказался против гарантии. А. Р. Воронцов рекомендовал при этом порвать все связи с орденом [173].

Решением Амьенского конгресса о Мальте был недоволен и Неаполь. Как обычно, он обратился за поддержкой к России, ставшей на его сторону [174].

Английское правительство пыталось успокоить Россию, обещая признать в качестве великого магистра угодного ей кандидата [175]. Но все было тщетно. Отрицательный ответ получила и Франция, также просившая русское правительство дать гарантию Амьенского договора [176]. В течение нескольких месяцев Англия усердно старалась получить русскую гарантию. Несколько раз английское правительство смиренно обращалось к императору все с теми же просьбами. Александр был непреклонен [177]. Русское правительство было очень озлоблено против Англии [178].

В русских правительственных кругах в этот момент не было единодушия относительно гарантии Амьенского договора. Кочубей стоял за то, чтобы удовлетворить просьбы

[171] Гауксбери Сент-Элленсу 18(30) марта 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 4315, лл. 24—28. Ср. ВПР, т. 1, стр. 708.

[172] Протокол конференции Кочубея и Сент-Элленса 16(28) апреля. Там же, 1802 г., д. 7836, л. 46—46 об.; Кочубей С. Р. Воронцову 26 апреля (8 мая). Там же, 1802 г., д. 6747, лл. 26—29. См. также ВПР, т. 1, стр. 197—199.

[173] Архив Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1258—1264.

[174] Конференция Кочубея и Серра-Каприола 16(28) апреля 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7836, л. 49—49 об.; Кочубей Италинскому 20 апреля (2 мая). ВПР, т. 1, стр. 195—196.

[175] Заявление Гауксбери русскому поверенному в делах в Лондоне П. А. Николаи. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 6749, лл. 128—130 об.; Гауксбери Сент-Элленсу 29 июня (11 июля). Там же, 1802 г., д. 4315, лл. 40—41 об.

[176] Сборник РИО, т. 70, стр. 409, 459—460.

[177] Гауксбери Сент-Элленсу 17(29) июня 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 4315, лл. 40—41 об. Письмо Сент-Элленса Куракину 22 июля (3 августа) и ответ Куракина Сент-Элленсу 1(13) августа 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 272—275, 712.

[178] J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 406—407; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 311. См. также Сент-Элленс А. Пэйджету 19 апреля (1 мая) и 20 июля (1 августа) 1802 г. The Paget Papers, vol. II, p. 51—52, 58—60.

Англии. Куракин считал, что соглашаться на это не следует [179].

Вопрос снова обсуждался на заседаниях Совета 10(22) и 14 (26) июля 1802 г. [180] На этот раз мнения разделились и разгорелись горячие споры. А. Р. Воронцов, Кочубей, П. В. Завадовский, С. К. Вязьмитинов, Н. С. Мордвинов, П. В. Лопухин, П. А. Зубов выступили за гарантию. Это говорит об усилении тенденции к сближению с Англией и о постепенном отходе от политики невмешательства.

Им противостояли франкофилы Н. П. Румянцев, его брат С. П. Румянцев, А. Б. Куракин, А. А. Беклешов, Д. П. Трощинский.

Мальта не нужна России, говорил Н. П. Румянцев, гарантия может лишь вовлечь ее в войну. С особенным пылом против гарантии ополчился С. П. Румянцев (он подал об этом особое мнение), подчеркивавший, что она лишь усилит Англию, которая «и так уже захватила все моря» [181].

Споры о Мальте свидетельствовали об оживлении борьбы между сторонниками английской и французской ориентации. Это было вызвано усилением международного влияния Франции, что тревожило враждебно относившиеся к ней русские правящие круги.

В начале 1803 г. выяснилась неудача попыток русского правительства провести в великие магистры угодного ему кандидата (магистром стал Ж. Томази). Россия решила отстраниться от всех дел, касающихся ордена [182]. Английские войска продолжали оставаться на Мальте. Надежд на прямое и непосредственное утверждение русского влияния на орден больше не было. Между тем содержание русского приорства ордена стоило России немалых денег [183].

[179] Доклады Куракина императору 12(24) и 17(29) июня и доклад Кочубея (б/д, 1802). АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7835, лл. 34—41, 64 об.—69 об. О позиции Кочубея см. его письмо С. Р. Воронцову 18(30) июля 1802 г. (Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 281—282) и Архив Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1265—1267.

[180] Архив Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1263—1269.

[181] Там же, стлб. 1268.

[182] А. Р. Воронцов Кассини 20 июня (2 июля) 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801—1809 гг., д. 7610, лл. 388—389 (копия).

[183] Сент-Элленс считал, что на это расходуется 40 тыс. ф. ст. в год (The Paget Papers, vol. II, p. 59), Эдувиль — 1 млн. руб. (Сборник РИО, т. 70, стр. 509).

Канцлер А. Р. Воронцов рекомендовал поэтому императору ликвидировать учрежденный в Петербурге священный совет ордена [184], что и было сделано решением Совета 17(29) ноября 1802 г. Субсидии ордену были прекращены [185].

* * *

Попытки правительства Александра I добиться нейтрализации Мальты, закрепить свои связи с орденом и контролировать на правах гаранта мальтийскую политику Англии и Франции не удались главным образом из-за тайного сопротивления Англии. Английское правительство не раз заявляло о желании получить русскую гарантию, но на деле хотело действовать в мальтийском вопросе самостоятельно с целью удержать за собой Мальту. Не хотел вмешательства России в мальтийские дела и Наполеон. В результате Англия и Франция сорвали наметившееся было соглашение с Россией о Мальте и не допустили ее участия в решении мальтийского вопроса на Амьенском конгрессе.

---

[184] Доклад А. Р. Воронцова Александру I 15(27) октября 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, лл. 46—47 об.

[185] Архив Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1269—1272.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Разрыв отношений между Россией и Францией. Установление русско-английского взаимодействия в Средиземноморье (1802—1804)

1

1802 год был годом больших успехов Наполеона. В январе конгресс представителей Цизальпинской республики в Лионе провозгласил образование Итальянской республики с Наполеоном во главе в качестве ее президента. В сентябре Франция присоединила Пьемонт, а еще раньше остров Эльбу. В центральной Италии под контролем Бонапарта находились герцогство Пармское и королевство Этрурия (Тоскана). В октябре французские войска вступили в Гельветическую республику (Швейцарию).

Правительство Александра I во время этих событий вело себя осторожно и воздерживалось от решительных мер. Император в рескриптах Моркову твердил о необходимости «чинить наибольшую осмотрительность» и о том, что «Россия не может и не должна теперь одна с Францией завязываться» [1].

При всем том, очевидное намерение Бонапарта полностью подчинить себе Италию встретило сопротивление со стороны русской дипломатии. После образования Итальянской республики А. Р. Воронцов считал, что Россия не должна соглашаться на признание агрессивных актов, совершенных Бонапартом в Италии со времени Люневиля [2].

---

[1] Сборник РИО, т. 70, стр. 381, 302. См. также рескрипты Александра I Моркову 19(31) марта и 16(28) мая 1802 г. (Сборник РИО, т. 70, стр. 383, 409—410) и донесение адъютанта Наполеона А. О. Л. Коленкура Талейрану 15(27) марта. (Там же, стр. 373).

[2] А. Р. Воронцов Моркову 25 января (6 февраля) 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 332—333.

Франция вопреки условиям Парижской конвенции продолжала держать свои войска в неаполитанских портах. Россия в декабре 1801 г.— апреле 1802 г. не переставала настойчиво требовать их вывода [3]. Неаполь, жаждавший избавиться от разорявшей его французской оккупации, возлагал все свои надежды на Россию. Фердинанд IV и Мария-Каролина слезно упрашивали императора не покидать их в беде, и Александр обещал им свое содействие [4]. Судьба Италии зависит теперь от России, писал Д. Актон, глава неаполитанского правительства, посланнику Серра-Каприола [5].

Настояния России дали свои результаты: весной 1802 г. французские войска были выведены из неаполитанских портов. Настойчивость, проявленная Россией в данном случае, была вызвана ее желанием освободить Ионические острова — свою военно-морскую базу — от той угрозы вторжения, которую создавала для них концентрация французских сил в неаполитанских портах.

Другими соображениями было вызвано сопротивление России политике Франции по отношению к Пьемонту, где у царизма не было, как мы уже говорили, столь непосредственных интересов, как в Неаполе. Однако русская дипломатия понимала стратегическое значение Пьемонта, прикрывавшего пути из Франции в Италию. Александр хотел, чтобы между двумя государствами была естественная граница — Альпы, и считал, что Пьемонт ни в коем случае не должен окончательно попасть под власть Франции. Русское правительство первоначально отказалось пойти на соглашение с Бонапартом [6], хотя и отдавало себе отчет в том, что вырвать Пьемонт из его рук в данный момент невозможно [7]. Пьемонтское правительство так же, как и

[3] Сборник РИО, т. 70, стр. 309, 319—321, 345—346, 373, 382—383, 388—390.

[4] Мария-Каролина Павлу I 22 марта (3 апреля) 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 6182, лл. 1—2 об.; Фердинанд IV Александру I 14(26) августа 1801 г. Там же, д. 6177, лл. 9—12 об. Александр I Фердинанду IV 25 июня (7 июля) 1801 г. Там же, д. 6178, лл. 3—5 об.

[5] Д. Актон А. Серра-Каприола 23 сентября (5 октября) 1802 г. Там же, 1802 г., д. 10738, л. 56—56 об.

[6] А. Р. Воронцов Моркову 24 декабря 1802 г. (5 января 1803 г.). Сборник РИО, т. 70, стр. 622—623.

[7] Александр I посланнику в Сардинском королевстве Я. Г. Лизакевичу 16(28) мая 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 206.

Неаполитанское, искало помощи у России [8]. Александр щедро субсидировал сардинского короля и принял в Петербурге постоянного дипломатического представителя реально уже не существовавшего королевства.

Захваты Бонапарта в Италии снова активизировали политику России в пьемонтском вопросе (в период заключения Парижской конвенции Александр в этом отношении уступил Франции). Сыграло свою роль и то обстоятельство, что Бонапарт решал судьбу Пьемонта единолично, без России. Последняя не раз тщетно протестовала против этого, указывая, что по Парижской конвенции Бонапарт обязался соблюдать в итальянских делах «интимное согласие» с Россией. Морков резко протестовал против аннексии Пьемонта. Александр вновь выступил в качестве адвоката незадачливого сардинского короля, добиваясь, чтобы в возмещение за утраченный престол он получил Парму и Пьяченцу [9]. Бонапарт сначала пытался откупиться от Александра денежным возмещением, но затем — и в этом опять-таки сыграло свою роль давление России [10] — предложил новому сардинскому королю Виктору-Эммануилу I княжество Орбителло. России после некоторого сопротивления [11] пришлось в начале 1803 г. согласиться на это [12], хотя признать присоединение Пьемонта она по-прежнему отказывалась. Но даже и Орбителло Виктор-Эммануил I не получил.

Россия в этот период была единственной европейской державой, поддерживавшей Пьемонт против агрессии Франции. Англия держалась пассивно, Австрия сама не прочь была завладеть им.

В первой половине 1802 г. России пришлось идти на уступки. Но сдержанность России по отношению к Франции была рассчитана лишь на выигрыш времени. Уже в момент заключения Парижской конвенции русское правительство прекрасно понимало, что Наполеон его обманывает [13]. «Молодые друзья» (особенно Строганов и

[8] J. Greppi. Op. cit., p. 215—216, 224—225.

[9] Сборник РИО, т. 70, стр. 608—609, 611—613.

[10] Морков Александру I 4(16) октября 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 518—520.

[11] Морков Александру I 6(18) ноября, 1(13) и 11(23) декабря 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 555—556, 580—583, 589—591.

[12] Сборник РИО, т. 77, стр. 4—6.

[13] «Какие мошенники!»,— восклицал Александр. Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 161.

Чарторыйский) горели желанием «положить преграду властолюбивым видам Франции» и требовали, чтобы император апробировал враждебные Наполеону действия Моркова. Осторожные намеки Александра в первые месяцы 1802 г. на возможность заключения союза с Францией (с тем, чтобы вернее ее связать и обезвредить) и Пруссией встретили отчаянное сопротивление со стороны Негласного комитета. Сам Кочубей — глашатай «пассивной системы» — понимал, что в будущем новая коалиционная война против Франции неизбежна [14].

К концу 1802 г. явственно наметилась трещина в русско-французских отношениях. Русское правительство начало гораздо более решительно требовать возмещения сардинскому королю, освобождения от французских войск Неаполя и Швейцарии и по-прежнему отказывалось признать агрессивные акты Бонапарта [15].

Неизбежным следствием охлаждения между Россией и Францией был поворот Петербурга к Англии и постепенное вызревание в русских правительственных кругах идеи новой коалиции.

Английская дипломатия сетовала на пассивность и безучастие России и жадно ловила надежду на новый военный союз с нею [16]. Перемены, происшедшие осенью 1802 г. в руководстве внешней политикой России (вновь созданное министерство возглавили А. Р. Воронцов и Чарторыйский), были радостно встречены англичанами, надеявшимися на «возобновление прежней системы» (т. е. коалиции) [17].

В конце октября 1802 г. английское правительство через своего нового посла в Петербурге Д. Уоррена предложило России заключить союзный договор, к которому затем

[14] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 169—170. Ср. Сборник РИО, т. 70, стр. LXXIII.

[15] Морков А. Р. Воронцову 8(20) октября 1802 г.; Александр I Моркову 2(14) ноября; Морков Александру I 11(23) декабря; рескрипты и инструкции Моркову 24 декабря (5 января), 20 января (1 февраля) 1803 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 525, 549, 551—552, 592—593, 608—616, 622; т. 77, стр. 27—29.

[16] The Paget Papers, vol. II, p. 23; G. Rose. The Diaries and Correspondence, vol. I. London, 1860, p. 473—474, 508—509.

[17] Д. Уоррен А. Пэйджету 30 сентября (12 октября) 1802 г. The Paget Papers, vol. II, p. 63. О том же статс-секретарь по военным делам лорд Хобарт маркизу Уэлслею 2(14) ноября. The Wellesley Papers, vol. I, p. 160.

присоединилась бы и Австрия [18]. Россия ответила, что это было бы преждевременным, но что «мы не чужды к принятию мер для охранения Европы от нового какого-либо перековеркания» [19]. Отвергнув по тем же мотивам просьбу Англии о поддержке ее мероприятий в связи с событиями в Швейцарии, Россия опять-таки подчеркнула, что в принципе она солидарна с английским правительством [20]. Канцлер А. Р. Воронцов в своем докладе императору относительно союзных предложений Англии прямо говорил о возможности союза с Англией и войны против Франции [21]. Остроту антифранцузских настроений, охвативших Петербург уже в конце 1802 г., отчетливо характеризует письмо Александра неаполитанскому королю Фердинанду IV о надежде, что Неаполь поддержит «меры, которые могут обеспечить сохранение спокойствия Европы» [22].

Изменения международной позиции России во второй половине 1802 г. привели к тому, что русское правительство решило дать гарантию десятой статьи Амьенского договора относительно Мальты, в которой оно ранее отказывало Англии и Франции. Англия в середине ноября 1802 г. (т. е. после аннексии Пьемонта Францией и швейцарских событий) окончательно решила оставить свои войска на Мальте [23]. Ввиду ухудшения отношений с Францией Александру это сейчас казалось наименьшим злом — прежде всего нужно было позаботиться о том, чтобы Мальта не попала снова в руки французов. Тревожная обстановка на Ионических островах и страх перед возможностью нападения Наполеона на Турцию и на Неаполь еще более обострили желание России защитить Мальту

[18] H. Belley. A Project of Alliance with Russia in 1802. «The English Historical Review», 1934, vol. XLIX, N 195, July, p. 498—500.

[19] А. Р. Воронцов С. Р. Воронцову 7(19) ноября 1802 г. (ВПР, т. 1, стр. 330—331, 716—717) и 15(27) ноября (АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 6747, лл. 119—120 об.); см. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 68—69.

[20] Александр I С. Р. Воронцову 6(18) ноября 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 326—328.

[21] Доклад А. Р. Воронцова Александру I 6(18) ноября 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 556.

[22] Александр I Фердинанду IV 10(22) ноября 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 6181, лл. 3—4 об.

[23] O. Browning. England and Napoleon in 1803... London, 1887, p. 9; J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 404; The Windham Papers, vol. II. London, 1913, p. 200.

от Франции. Русская же гарантия могла служить этим целям.

В октябре 1802 г. Англия и Франция еще раз обратились к России с просьбой о гарантии Мальты [24]. Канцлер рекомендовал императору дать на это согласие. Комитет министров 17(29) октября с этим согласился [25]. В ноябре 1802 г. Россия решила дать Англии и Франции гарантии неприкосновенности Мальты, но лишь с условием, что будет аннулирована десятая мальтийская статья Амьенского договора и удовлетворены те требования, которые Россия выставляла в мальтийском вопросе в канун Амьенского мира [26]. Русское правительство предложило при этом Англии и Франции заключить особую конвенцию о Мальте (в виде дополнительных статей к Амьенскому договору); эту конвенцию оно и обещало гарантировать [27].

В мальтийском вопросе в русских правительственных кругах победила, таким образом, та точка зрения, на которой, вопреки Куракину и Румянцеву, уже в июле 1802 г. стояли А. Р. Воронцов и В. П. Кочубей. Россия постепенно отходила от политики невмешательства.

Английское правительство приняло русские предложения. Однако это было лишь пустой формальностью: Англия отвергла те статьи русского проекта дополнительной конвенции, в которых шла речь о правах мальтийских уроженцев; она заявила, что эти статьи расходятся с обязательствами, принятыми ею в переговорах с мальтийской депутацией относительно открытия для жителей острова доступа в орден и установления самостоятельного мальтийского отделения ордена. Не соглашалась Англия и на введение неаполитанского гарнизона на остров [28].

Тем временем быстро нарастал новый конфликт Англии и Франции. В основе его лежало давнее соперничество за мировое торговое и морское преобладание. Непосредственной причиной конфликта были агрессивные действия Франции в Италии и Швейцарии. Ближайшим поводом послужила все та же Мальта, столкнувшая уже в 1798 г. Россию и Францию, а в 1800—1801 гг.— Россию и Англию.

В силу десятой статьи Амьенского договора Англия должна была в трехмесячный срок вывести свои войска с Мальты. Английское правительство, однако, не торопилось с этим, несмотря на частые напоминания Наполеона, не без основания указывая, что оно вынуждено отсрочить вывод своих войск из-за наступательной политики Франции.

Давно назревавшие противоречия вспыхнули как зажженный костер, когда 18(30) января 1803 г. во французском официозе «Монитер» был опубликован вызывающий отчет агента Бонапарта полковника О. Себастиани об его поездке на Восток во второй половине 1802 г. [29] Себастиани писал, что «шести тысяч французов сейчас достаточно, чтобы завоевать Египет», и это вызвало самую бурную реакцию в европейских политических кругах. Питт назвал доклад Себастиани открытым провозглашением намерений Франции завладеть Египтом, т. е. дорогой в Индию [30].

Опубликование доклада Себастиани дало Англии желанную возможность связать мальтийский вопрос с египетским, а вместе с тем и со всем комплексом международных противоречий. Англия требовала согласия Наполеона на оставление за нею Мальты в течение 10 лет, после чего она (Англия) получит остров Лампедузу, а также освобождения Францией Голландии и Швейцарии и возмещения сардинскому королю. В этом духе был составлен

---

[24] Английская нота России 19 сентября (1 октября) 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 4315, лл. 97—100; нота французского посланника генерала Эдувиля 22 октября (3 ноября). Сборник РИО, т. 70, стр. 541—543.

[25] Журнал Комитета министров. Царствование императора Александра I, т. I, 1802—1810 гг. СПб., 1888, стр. 27—29, 15.

[26] Русский проект дополнительного соглашения Англии и Франции о Мальте. Приложен к русской ноте Англии и Франции 12(24) ноября 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 338—342.

[27] Русская нота Англии и Франции 12(24) ноября 1802 г Сборник РИО, т. 70, стр. 557—560; А. Р. Воронцов С. Р. Воронцову 7(19) ноября (ВПР, т. 1, стр. 329—330) и 15(27) ноября (АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 6747, лл. 100—102). См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр 68; А. Р. Воронцов французскому посланнику генералу Эдувилю 14(26) января 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 13—14.

[28] Нота Гауксбери С. Р. Воронцову 17(29) января 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г. д. 6754, лл. 33—38; С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 1(13) февраля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6754, лл. 29—32; вербальная нота А. Р. Воронцова Уоррену 9(21) марта 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 392—395.

[29] I. de Testa. Op. cit., vol. II, p. 46—61.

[30] G. Rose. The Diaries and Correspondence, vol. II. London, 1860, p. 18—20.

английский ультиматум Франции 11(23) апреля. Франция, однако, соглашалась на оставление Мальты за Англией лишь на два-три года.

Приближение войны обострило борьбу Англии и Франции за Россию как союзника. Англия, как мы видели, надеялась, что ей снова удастся использовать военную мощь России. Наполеон на это не рассчитывал, но полагал, что, если Россия примет его сторону, он заставит Англию очистить Мальту и признать его преобразования в Италии и Швейцарии.

Позиция России в этот момент имела огромное значение.

Зная о разногласиях России и Англии относительно Мальты, Наполеон попробовал перетянуть на свою сторону Россию [31]. С этой целью он 27 февраля (11 марта) в письме Александру I просил его о посредничестве [32].

Наполеон просчитался: несмотря ни на что, симпатии русского правительства были всецело на стороне Англии. Английское господство на Мальте, с его точки зрения, было меньшим злом по сравнению с преобладанием Франции в Средиземноморье. Канцлер Воронцов в докладе императору всецело оправдывал Англию и советовал в компенсацию потребовать от Наполеона гарантии неприкосновенности германских государств и Неаполя [33]. В рескрипте Александра I С. Р. Воронцову шла речь о том, что, удержав за собой Мальту, Англия нарушила лишь букву Амьенского договора и что она не собирается завладеть островом [34]. А. Р. Воронцов и Чарторыйский прямо говорили Уоррену, что Англия не должна уступать Мальту [35].

Все же предложения Наполеона о посредничестве были на руку русскому правительству. А. Р. Воронцов при всей своей уверенности в том, что рано или поздно столкновение России и Франции неизбежно, считал, что сначала нужно организовать новую коалицию. До этого в начале 1803 г. было еще далеко [36]. В данное же время война грозила оккупацией Северной Германии, Италии и даже Европейской Турции. Поэтому канцлеру представлялось весьма желательным еще на несколько лет оттянуть войну [37]. Положение державы-посредницы давало для этого известные возможности.

Далее, Россия была чрезвычайно заинтересована в том, чтобы обеспечить безопасность Северной Германии и нейтралитет Неаполитанского королевства, которым угрожала Франция. Роль посредницы была благоприятна и в этом отношении. Кроме того, русское правительство не хотело оказаться снова, как в дни Амьена, в стороне от решения жизненно важных международных вопросов, а французское предложение позволяло оказывать воздействие на развитие событий. Поэтому Россия приняла на себя миссию «добрых услуг» [38].

Петербург, при всем его предпочтении в пользу Англии, был в этот момент очень недоволен тем, что Франция, а не Англия прибегла к русскому содействию [39]. Впереди, однако, был еще бóльший сюрприз: Гауксбери, формально приняв русское посредничество, заявил С. Р. Воронцову, что теперь уже слишком поздно, что Англия затратила

---

[31] Разрыва между Францией и Англией весной 1803 г. и посредничества России касаются все работы по истории наполеоновской эпохи. См., в частности, А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 222, 225, 231, 244—256, 261—264; H. Deutsch. Op. cit., p. 122—123, 136—138, 145; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 319, 323—325; С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 277—281. Документы см. в сборнике РИО, т. 77 и в указанной публикации О. Браунинга. Русское посредничество между Англией и Францией в 1803 г. освещено в статье: J. Potrel. La Russie et la rupture de la paix d'Amiens. «Annales de l'école libre de sciences politiques», 1897. Статья А. Редкина «Участие России в расторжении Амиенского мира» («Русская старина», 1898, кн. 2, февраль, стр. 333—365) — пересказ статьи Ж. Потреля. См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XIII, стр. 278—287.

[32] Сборник РИО, т. 77, стр. 54—56.

[33] А. Р. Воронцов императору 1(13) апреля и 20 мая (1 июня) 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 89—94, 153—157.

[34] Александр I С. Р. Воронцову 10(22) апреля 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 409—412.

[35] J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 410; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 316; H. Belley. Op. cit., p. 500—501.

[36] «Умы и правительства еще не готовы к новой борьбе»; объединившись, европейские державы могли бы остановить французскую агрессию, «но как их до сего довести?» — писал Воронцов Моркову 10(22) апреля и 25 мая (6 июня) 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 108, 169.

[37] А. Р. Воронцов С. Р. Воронцову 25 мая (6 июня). ВПР, т. 1, стр. 438—440.

[38] Александр I Наполеону 10(22) апреля 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 100—103, см. также стр. 98—100, 103—112, 249; Александр I С. Р. Воронцову 10(22) апреля. ВПР, т. 1, стр. 409—412.

[39] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6752, л. 125—125 об.

большие средства на вооружение и что война неизбежна [40].

Действительно, 30 апреля (12 мая) английский посол покинул Париж. 6(18) мая война началась.

Все еще надеясь, что дело поправимо и что возможен мирный исход (а вместе с тем не забывая и о своих средиземноморских интересах), Александр по просьбе Франции предложил взять Мальту под охрану (en dépôt) и послать на остров русские войска. В виде компенсации Александр требовал от Франции сохранения нейтралитета Неаполя и Северной Германии [41].

Наполеон ухватился за этот проект — он также хотел оттянуть не нужную ему в этот момент войну — и пошел еще дальше, предложив в середине июня сделать Россию третейским судьей (арбитром) между Англией и Францией [42]. Другой точки зрения держалась Англия, которая решительно отвергла русский арбитраж [43]. Англия теперь уже требовала окончательной, т. е. в вечное владение, передачи ей Мальты и настаивала на том, что должна быть восстановлена независимость всех попавших под власть Наполеона европейских государств. Очень двусмысленную роль и на этот раз сыграл С. Р. Воронцов, столь рьяно уговаривавший английское правительство не отдавать Мальту, что даже его англофильствующий брат, канцлер Александр Романович, остался недоволен [44].

[40] Гауксбери С. Р. Воронцову 16(28) мая 1803 г. (подлинник). АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6754, лл. 368—370; С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 5(17) мая. (Там же, д. 6754, лл. 280—281 об., 365—367 об.) и 19(31) мая (ВПР, т. 1, стр. 435—436, 720). С. Р. Воронцов Александру I 7(19) мая. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 415—418.

[41] Александр I Моркову 24 мая (5 июня) 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 159—164; Александр I С. Р. Воронцову 24 мая (5 июня) 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6751, лл. 35—42 об. См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 69.

[42] Морков С. Р. Воронцову 1(13) июня. Сборник РИО, т. 77, стр. 203—205; С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 4(16) июня. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6755, л. 23—23 об.

[43] Гауксбери С. Р. Воронцову 15(27) июня. Сборник РИО, т. 77, стр. 228—230; нота Уоррена А. Р. Воронцову 2(14) июля. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 4316, лл. 87—91; С. Р. Воронцов Александру I 30 июня (12 июля). ВПР, т. 1, стр. 475—483; С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 12(24) июня. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6755, лл. 30—34 об. См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 74—75.

[44] С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 10(22) марта и 6(18) мая

В июле Россия отвергла предложенную ей роль третейского судьи, но заявила о согласии своем на посредничество и на принятие Мальты под русскую охрану (подразумевалось при этом, что на остров будут посланы русские войска) на 10 лет. Россия рекомендовала Англии и Франции заключить предварительное соглашение о Мальте и о прекращении военных действий. Русский проект этого предварительного соглашения предусматривал формальное возвращение Мальты ордену при фактическом установлении правления начальника того русского гарнизона, который будет введен на остров; переход Лампедузы к Англии; признание присоединения Пьемонта к Франции при возмещении сардинскому королю; восстановление независимости и признание нейтралитета Батавской, Итальянской и Швейцарской республик; неприкосновенность Неаполя, германских государств и Турецкой империи; вывод французских войск из Ганновера, Северной Германии, Голландии, Швейцарии и Италии; созыв общеевропейского конгресса [45]. Россия соглашалась дать гарантию будущего мирного англо-французского договора, заключенного на этих условиях. В свою очередь Россия шла на некоторые уступки, обещая признать, хотя и в косвенной форме, созданные Францией государства-сателлиты и присоединение Пьемонта.

Для России основным в выдвинутых ею условиях было обеспечить безопасность Турецкой империи, Неаполитанского королевства и Северной Германии.

В Петербурге были уверены, что отказ Англии от русского арбитража — лишь результат случайного недоразумения и что Англия не будет возражать против того, чтобы Россия взяла Мальту под охрану (en dépôt) [46]. Но и на этот

1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6754, лл. 137—138, 151—151 об. и Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 205—206. О позиции С. Р. Воронцова во время мальтийского кризиса и об обвинениях Наполеона против него см. J. Potrel. Op. cit., p. 81—86; Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 72—74; Сборник РИО, т. 77, стр. 196; переписку С. Р. Воронцова с Морковым. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6755, л. 7—10.

[45] Доклад А. Р. Воронцова императору 25 июня (7 июля) 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 246—250; Александр I Моркову 7(19) июля и русский проект предварительного соглашения. Там же, стр. 276—285; Александр I С. Р. Воронцову 1(13) июля. ВПР, т. I, стр. 483—485.

[46] А. Р. Воронцов С. Р. Воронцову 7(19) июля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6752, лл. 319—332 об.

раз Англия решительно воспротивилась русским планам. Причина этого ясна: Англия не хотела проникновения России на Средиземное море [47]. Подозрительное и враждебное отношение англичан к России заходило настолько далеко, что они обвиняли ее в двойной игре [48]. Гауксбери «частным образом» заявил С. Р. Воронцову, что русский проект прелиминарных условий мира от 7(19) июля выгоден Франции и резко расходится с интересами Англии [49].

Англия отвергла как переданные ей через Моркова и С. Р. Воронцова предложения Франции о русском арбитраже (середина июля) [50], так и русские рекомендации о заключении предварительного мирного договора. Английское правительство категорически отказывалось освободить Мальту [51]. Франция также не приняла русские предложения и посредничество, настаивая на третейском суде [52].

* * *

Все нараставшая агрессия Наполеона положила конец временным колебаниям России между Англией и Францией, политике нейтралитета в их борьбе. С конца 1802 г. начинается поворот России против Франции и сближение ее с Англией. Новые руководители внешней политики России А. Р. Воронцов и А. Чарторыйский толкали ее в этом направлении. Однако Россия все еще не сделала окончательного выбора между Англией и Францией и,

[47] Ср. A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 329. Английский историк утверждает, что Англия отказалась передать Мальту России по той причине, что опасалась возможного сговора России с Наполеоном о разделе Турции. Но английскому правительству было прекрасно известно непримиримо враждебное отношение России к планам Наполеона на Ближнем Востоке.

[48] J. H. Malmesbury. Diaries and Correspondence, vol. IV. London, 1845, p. 253.

[49] С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 4(16) августа. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6755, л. 255—255 об.; он же Александру I 11(23) сентября. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 420—426; Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 75.

[50] Сборник РИО, т. 77, стр. 265—267.

[51] Вербальная нота Уоррена 27 июля (8 августа) 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 501—503; нота Уоррена 9(21) октября. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 4316, лл. 113—123 об. Ответная нота А. Р. Воронцова 28 октября (9 ноября) развивала русские предложения (ВПР, т. 1, стр. 535—539).

[52] Сборник РИО, т. 77, стр. 321—325, 343—348.

не желая преждевременно себя связывать, отвергала английские предложения о союзе.

Во время конфликта между Англией и Францией Россия держала сторону Англии, хотя и соблюдала по понятным соображениям видимость беспристрастия. Правительство Александра I попыталось использовать обстановку, чтобы снова утвердить русское влияние на Мальте. Последнему решительно воспротивилась Англия. В свое время (весной 1802 г.) Англия отстранила Россию от участия в решении мальтийского вопроса на Амьенском конгрессе, хотя накануне этого между Англией и Россией и было достигнуто соответствующее соглашение [53]. То же повторилось и в 1803 г. Англия просила Россию о вмешательстве в мальтийские дела лишь для того, чтобы столкнуть ее с Францией, и не хотела действительного усиления России в Средиземноморье.

2

Мирные соглашения 1801—1802 гг., так или иначе касавшиеся восточного вопроса [54], не внесли разрядки в международное положение. К концу 1802 г. Наполеон мог считать, что ближайшие цели его политики в Южной, Центральной и Западной Европе достигнуты. Не ослабляя тисков, в которые были зажаты Италия, Швейцария, Голландия, отчасти уже и германские государства, Франция устремилась к отвоеванию тех господствующих позиций, которые в конце XVIII в. она занимала в левантийской торговле и в системе внешней политики Турции. Новому французскому послу в Константинополе генералу Г. М. А. Брюну было недвусмысленно приказано «всеми способами восстановить то верховенство, которым французы пользовались в течение двухсот лет» [55]. В сентябре отправился в свое турне по Востоку Себастиани, побывавший в Триполи, Египте, Сирии, на Ионических островах [56]

[53] См. гл. IV.

[54] Парижская конвенция 1801 г., Лондонские прелиминарии 1801 г., Парижские прелиминарии 1801 г., Амьенский договор 1802 г., франко-турецкий мирный договор 1802 г.

[55] Инструкция Наполеона Брюну 6(18) октября 1802 г. Correspondance de Napoléon I, vol. VIII, N 6378, p. 69—71; P. Coquelle. L'ambassade du maréchal Brune à Constantinople (1803—1805). «Revue d'Histoire diplomatique», 1904, N 1, p. 55—56.

[56] E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 25—

и всюду умело заводивший связи с местным населением. Брюн был принят в Константинополе с величайшим почетом — бо́льшим, чем посол союзной Англии. После некоторых усилий ему удалось добиться, чтобы в Париж был направлен турецкий посол (заметим, что в Лондоне и Петербурге турецкого посла не было).

Россия и Англия преграждали дорогу Франции, и наиболее опасной из них Наполеону казалась Россия. Чтобы нейтрализовать сопротивление Петербурга, первый консул снова попробовал пустить в ход старинное средство. С середины 1802 г. от Моркова из Парижа стали приходить известия о многозначительных намеках Наполеона на безнадежное одряхление турецкого режима, на неизбежность распада Оттоманской империи и, само собой разумеется, на то, что Франция и Россия должны при этом не упустить случая поживиться [57] (напомним, что в середине 1801 г. Наполеон уже делал России подобные предложения).

В какой степени были искренни соблазнительные посулы Наполеона? Был ли он на этот раз в самом деле готов пойти на раздел Турции между Россией и Францией? Ответом на это может служить история французской политики в восточном вопросе после Тильзита, показавшая, что Наполеон ни в коем случае не допустил бы перехода проливов и Константинополя к России. Предложения Наполеона о разделе Турции были провокацией, рассчитанной на то, чтобы обострить отношения Турции и России, и русское правительство это разгадало. Моркову было приказано отвечать на заигрывания Наполеона, что «император вовсе не расположен принимать участие во враждебных Турции планах: напротив, е. в. решил сохранять доброе соседство с этой державой» и что Россия будет защищать Турцию и не допустит ее раздела [58].

Практическими задачами политики России на Средиземном море стали защита Турции от нового нападения

---

26. Инструкция Наполеона Себастиани. Correspondance de Napoléon I, vol. VIII, N 6308, p. 25—26.

[57] Сборник РИО, т. 70, стр. 484—485, 490—491, 519, 530.

[58] А. Р. Воронцов Моркову 24 декабря 1802 г. (5 января 1803 г.) и 20 января (1 февраля) 1803 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 619; т. 77, стр. 22—25; см. также предписание А. Р. Воронцова С. Р. Воронцову 20 января (1 февраля) 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 379; рескрипт Александра I С. Р. Воронцову 20 января (1 февраля) 1803 г. Архив кн. Воронцова, т. 10, стр. 304—307.

Франции, борьба против усиления французского влияния в Константинополе, укрепление русско-турецкого союза.

В августе 1802 г. Томара был отозван из Константинополя и его сменил А. Я. Италинский, бывший ранее посланником в Неаполе (Италинский прибыл в Константинополь в самом конце 1802 г.). Во врученной Италинскому инструкции [59], которую русское правительство обычно давало всем представителям России при их назначении и которая должна была определить основное направление их деятельности, упор был сделан на то, что цель политики Александра I на Ближнем Востоке «поелику возможно сохранить настоящие мои с Турцией связи и предохранить, сколько от меня зависеть будет, целость ее». Много раз затем канцлер Воронцов повторял это Италинскому [60]. Союз Турции и России был укреплен в результате обмена дружественными письмами между Александром I и Селимом III [61].

В турецких правительственных кругах в это время у России были сильные сторонники. По-прежнему сохранял свое огромное влияние кяхья (гофмейстер) султанши-матери Юсуф ага. Сторонником союза с Россией Италинский считал и реис-эфенди Махмуд Раифа [62]. Однако ловкий и влиятельный кяхья-бей Челеби Мустафа эфенди, и тогдашний великий визирь были враждебны России. К числу поклонников Франции относился и капудан-паша Кючук Хюсейн. Италинский с разрешения Петербурга старался убрать опасного для России великого визиря [63]. Петербургское министерство заботилось вместе с тем о

---

[59] Инструкция Александра I Италинскому 30 августа (11 сентября) 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 283—287.

[60] Основная цель — «попечение дабы утвердить связь между Россией и Портой существующую», «сохранение политического ее (Турции.— *А. С.*) быту и неприкосновенности областей ее принято Россией за правило политики ее». А. Р. Воронцов Италинскому 16(28) февраля, 12(24) июля, 16(28) октября 1803 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 13 об., 215, 333—337 об.).

[61] Селим III Александру I 18(30) июля 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 627, лл. 4—5. Переписку султана и императора за 1803 г. см. ВПР, т. 1, стр. 722, 497—498.

[62] Италинский А. Р. Воронцову 5(17) мая 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, лл. 411—413.

[63] Италинский А. Р. Воронцову 2(14) марта, 5(17) мая, 17(29) июля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, лл. 227 об.— 228, 411—413; д. 2235, лл. 79—85.

расширении своих «каналов» (т. е. тайных агентов) и «непрямых связей» в Константинополе [64].

Сохранение союза было необходимо и России, и в еще большей мере Турции. Это было настолько очевидно, что обе стороны старались по возможности сглаживать острые углы и обходить спорные вопросы. А их, однако, было немало. Наибольшую опасность в этом отношении для русско-турецкого союза представляли греческий вопрос [65], Балканы, Дунайские княжества, Закавказье.

До определенного момента русско-турецкие противоречия удавалось примирять. Примером этому могут служить отношения обеих держав в связи с событиями в Грузии. Присоединение Восточной Грузии в 1801 г. открыло путь для дальнейшего продвижения России в Закавказье и для освобождения закавказских народов от чужеземного гнета. Западная Грузия — Мегрелия, Имеретия, Гурия в 1803—1804 гг. стали под покровительство России. Порта ни под каким видом не хотела выпускать из рук Закавказье. Турецкое правительство с 80-х годов XVIII в. в течение нескольких десятков лет подстрекало хищнические разорительные набеги отрядов Ахалцихского паши на Грузию. Порта пыталась запугать Имеретию [66]. Частые, настойчивые, резкие протесты русской дипломатии по этому поводу в Константинополе в 1801—1804 гг. не действовали на Порту [67]. В официальных турецких документах Грузия продолжала именоваться вассальной областью. В 1806—1812 гг. Турция при содействии иностранных держав пыталась вновь подчинить себе освобожденные от нее Россией народы Закавказья. Однако пока что Турция, затаив до времени свои реваншистские планы, не смела открыто выступить на Кавказе против России и, как сообщал Италинский в 1803 г., «ни в какое время не представился случай заметить, чтобы соединение оное было неприятно Порте» [68].

То же произошло и при принятии Мегрелии под покровительство России. «Оное не произвело в ней (у Порты.— *А. С.*) никакого расположения учинить какие-либо возражения или оказать какое неудовольствие»,— писал Италинский [69]. Русское правительство в некоторых случаях, чтобы не раздражать Порту, воздерживалось от своих экспансионистских поползновений. Так, в 1803—1804 гг. Россия первоначально хотела потребовать от Турции официального согласия на присоединение Поти. Затем, однако, она от этого отказалась и ограничилась получением фирмана об облегчении русского транспорта через турецкие области в Закавказье [70].

Серьезными осложнениями для русско-турецкого союза грозила и обстановка, сложившаяся в Дунайских княжествах. Чем дальше шел кризис османской военно-феодальной организации, тем тяжелее становился режим угнетения и произвола, которому Турция подвергала подвластные ей народы. Молдавия и Валахия были обложены непосильными податями и налогами. Постоянные набеги отрядов паши Видина Пазванд-оглу на Валахию разоряли жителей. Ставленники Порты господари-фанариоты грабили народ. В княжествах царили неустойчивость и тревога, еще больше обострявшиеся тем, что Порта по своему произволу сменяла и назначала господарей. Россия была заинтересована в том, чтобы стабилизировать политическое положение в соседних с нею областях и укрепить свое

[64] Чарторыйский Италинскому 15(27) февраля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 45—55 об.

[65] Об отношении России к греческому вопросу см. гл. VI.

[66] Н. Дубровин. Закавказье от 1803—1806 года. СПб., 1886, стр. 267.

[67] Томара Александру I 2(14) апреля 1801 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2218, ч. 1, лл. 158—159; Кочубей Томаре 8(20) октября 1801 г. Там же, 1801 г., д. 2217, л. 10; Томара Кочубею 1(13) декабря 1801 г. Там же, 1801 г., д. 2219, л. 266—266 об.; А. Р. Воронцов Италинскому 2(14) ноября 1802 г. (ВПР, т. 1, стр. 324—325), 31 августа (12 сентября) и 2(14) сентября 1803 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 270—275 об.); А. Чарторыйский Италинскому 3(15) сентября 1804 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 401—403 об.).

[68] Италинский А. Р. Воронцову 3(15) апреля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, л. 318—318 об.

[69] Италинский А. Р. Воронцову 18(30) августа 1803 г. и 3(15) сентября 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2235, лл. 221—222, 251—252.

[70] Предписания А. Р. Воронцова и Чарторыйского Италинскому 30 июня (ст. ст.) 1803 г., 3(15) июня, 3(15) сентября, 3(15) октября, 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 239—243; 1804 г., д. 2239, лл. 279—288, 401—403 об., 417—419 об.; Италинский Чарторыйскому 11(23) сентября 1804 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, лл. 464—467; см. также ВПР, т. 1, стр. 618; Н. Дубровин. Закавказье от 1803—1806 года, стр. 277—280.

О влиянии стремления России сохранить союз с Турцией на ее политику по отношению к Имеретии, Мегрелии и Ахалцыхскому пашалыку см. ВПР, т. 1, стр. 468—469 и А. В. Фадеев. Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960, стр. 112—114.

влияние на Дунае. Забота о сохранении русского влияния заставила правительство Александра I уделять внимание просьбам о покровительстве и защите, с которыми княжества часто обращались к России [71].

Русское правительство решило добиться смягчения турецкого режима в княжествах. В середине 1802 г. Россия потребовала от Турции прекращения частой смены господарей, установления точного срока их правления, до истечения которого Порта не имела бы права их смещать, отмены ряда установленных Портой после 1783 г. податей и налогов, полного освобождения княжеств от налогов на один год [72].

Выступление России в защиту жителей Молдавии и Валахии оказало свое действие. 12(24) сентября 1802 г. был дан хатти-шериф, возобновлявший и подтверждавший привилегии княжеств, и был установлен обязательный семилетний срок правления господарей. Турция имела право их сменить лишь в случае обнаружения какого-либо преступления. Введенные после 1783 г. налоги и подати были отменены. Валахия на год освобождалась вообще от всех податей. Турция обязалась точно фиксировать натуральные повинности [73]. Несколько позднее, в середине 1803 г., некоторые натуральные поставки были отменены [74]. По настоянию России господарем Валахии был назначен кн. К. Ипсиланти (ранее — господарь Молдавии), вполне преданный России. Иначе обстояло дело с господарем Молдавии кн. А. Мурузи, о котором канцлер А. Р. Воронцов говорил, что он «сердечно привязан к Франции» [75].

Для населения Молдавии и Валахии заступничество России имело большое положительное значение.

---

[71] В 1802 г. «представители валахского народа» (бояре и духовенство) подали Александру I несколько прошений («требования Валахского государства», «Причины разорения Валахии» и т. п.), умоляя о защите «от свирепой тирании варваров». (АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2223, лл. 153—154, 170—171, 181—184. См. также ВПР, т. 1, стр. 710, 278).

[72] ВПР, т. 1, стр. 232—233, 237—246, 250—254, 276, 280—281.

[73] G. Noradounghian. Op. cit., vol. II, p. 55—56; ВПР, т. 1, стр. 300—303, 713—715.

[74] Италинский А. Р. Воронцову 4(16) июля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2235, л. 33.

[75] Воронцов Италинскому 31 октября (12 ноября) 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2226, лл. 5—12 об.

Правительство Александра I пыталось защитить княжества и от разбойничьих набегов Пазванд-оглу. Много раз в 1801—1803 гг. Петербург требовал от Порты обуздания видинского паши, то предупреждая, что в противном случае России придется ввести свои войска в Валахию для охраны жителей [76], то добиваясь для господарей права держать собственную небольшую армию [77]. Под энергичным давлением Италинского [78] Порта старалась обуздать Пазванд-оглу (у нее были с ним и собственные давние счеты), но это плохо ей удавалось. К тому же и царь вел в этом случае двойную игру, поддерживая тайные связи с Пазванд-оглу [79].

Вынужденное частичное ограничение турецкого произвола в Молдавии и Валахии и недвусмысленные намеки России на возможность вступления русских войск в княжества вряд ли доставляли Порте особенное удовольствие [80]. Однако слишком еще свежи были в Константинополе воспоминания о наполеоновском походе в Египет, слишком велик был страх перед повторением его, и Турция уступала настояниям России. К тому же играли свою роль и тонкие, осторожные приемы русской дипломатии, старавшейся позолотить те пилюли, которые она иной раз подносила Порте.

В результате Порта не решалась открыто сопротивляться политике России на Кавказе и в Дунайских княжествах, хотя втайне ей противодействовала.

В начале 1802 г. в Европе — на краткий срок — наступил мир. Это способствовало временному оживлению средиземноморской торговли, а вместе с этим росту интереса европейских держав к торговле на Черном море. Одна за другой державы, добиваясь разрешения на проход их

---

[76] Рескрипты Александра I Италинскому 16(28) декабря 1801 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1801 г., д. 2216, лл. 22—26); 16(28) июня 1802 г. (там же, 1802 г., д. 2220, лл. 23—26); А. Р. Воронцов Италинскому 17(29) марта 1803 г. (там же, 1803 г., д. 2230, лл. 53—55); ср. А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 116, 376.

[77] А. Р. Воронцов Италинскому 3(15) июля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 2230, лл. 190—192.

[78] Донесения Италинского А. Р. Воронцову за 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, лл. 198 об.— 199, 229; д. 2234, ч. 2, лл. 523—525. 542—547 об., 602—602 об.

[79] Сборник РИО, т. 70, стр. CVI, 760, прим. 179; ВПР, т. 1, стр. 314, 716.

[80] А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 116.

торговых кораблей через Босфор, обращаются к России за содействием. Русское правительство очень охотно шло им навстречу. Политика России в вопросе о режиме торгового судоходства в проливах объяснялась экономическими соображениями. «Стечение торгующих разных наций в черноморских портах наших может быть полезно»,— говорил об этом Кочубей [81].

Принцип открытия проливов для торгового судоходства был принят Россией даже по отношению к Франции. Россия считала, что развитие торговли с Францией через черноморские порты в конечном счете может быть полезным, и в 1802 г. не препятствовала открытию Черного моря для французского торгового судоходства [82]. Русско-французский торговый договор 1786 г. стал считаться получившим силу [83].

Бонапарт в 1802 г. проявлял особую заботу о проникновении на Черное море французского торгового капитала [84]. Французская дипломатия в Константинополе в 1802—1803 гг. старалась завязать ради этого связи в Дунайских княжествах и хлопотала о разрешении послать туда своих комиссаров [85]. В 1802 г. Франция добилась большого успеха: по Парижскому мирному договору с Турцией ее торговые суда получили право на проход через Босфор, режим капитуляции был распространен также и на области турецкого Черноморья. Брюну в инструкции 6(18) октября 1802 г. Бонапарт приказал всемерно заботиться о расширении черноморской торговли Франции.

Еще более благожелательным было отношение России к хлопотам Англии об открытии Черного моря для ее торговых судов. Томара получил приказание поддерживать ее в этом вопросе.

Россия способствовала тому, что Турция в 1802 г. дала разрешение на проход через Босфор торговых судов Неаполя, Испании, Рагузы, Батавии, Ионической республики [86]. В 1804 г. Россия хлопотала за США, в 1805 г.— за Данию и Швецию, в 1806 г.— за Пруссию [87].

Россия сопротивлялась тому режиму притеснений, придирок и вымогательств, который Порта установила для торговых кораблей, проходивших через проливы. Когда в 1803 г. Порта задержала направлявшиеся в русские черноморские порты торговые суда Неаполя, Батавской республики и Испании, Россия добилась отмены мероприятий турецкого правительства. Канцлер А. Р. Воронцов предписал посланнику России в Константинополе А. Я. Италинскому заявить Турции, что «польза торговли наших черноморских портов требует, дабы все купеческие суда, в оные отправляющиеся, не встречали никакого препятствия со стороны Порты и никакого притеснения от ее чиновников» [88].

Русское правительство стремилось облегчить процедуру прохода иностранных торговых кораблей через проливы. В 1803 г. для государств, заключивших торговые договоры с Россией, было отменено обязательное ранее получение паспортов в русском посольстве в Константинополе [89] (эта процедура задерживала торговые суда на их пути в черноморские порты) [90].

Начало новой войны между Англией и Францией сказалось и на положении в Восточном Средиземноморье, которое снова стало театром военных действий. Для России непосредственной задачей была защита ее черноморской торговли. Опасаясь, что каперы воюющих держав перенесут свои операции в Черное море, русское правительство

---

[81] Кочубей Томаре 1(13) февраля 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 174.

[82] См. предписания Моркову и Томаре. ВПР, т. 1, стр. 173—174, 193—194; Сборник РИО, т. 70, стр. 371—372, 380, 382—383, 392.

[83] ВПР, т. 1, стр. 204.

[84] Сборник РИО, т. 70, стр. 341, 360—361.

[85] E. de Hurmuzaki. Op. cit., vol. II, p. 224, 272,

[86] ВПР, т. 1, стр. 174, 216, 272, 319—321, 352. Посланник Батавской республики в России генерал гр. Гогендорп особо отметил роль России в получении его страной свободного доступа на Черное море (Из записок гр. Гогендорпа. «Русский архив», 1888, кн. 3, стлб. 111).

[87] ВПР, т. 1, стр. 617, 669; Чарторыйский Италинскому 3(15) февраля 1805 г. и 3(15) мая 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 35—36; 1806 г., д. 2255, лл. 131—132.

[88] Донесение А. Я. Италинского А. Р. Воронцову 5(17) мая 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. II, лл. 434—435; А. Р. Воронцов А. Я. Италинскому 16(28) июня 1803 г. (там же, 1803 г., д. 2230, л. 183—183 об.).

[89] А. Р. Воронцов А. Я. Италинскому 16(28) апреля и 3(15) июля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 91—94 об., 196—201.

[90] [J. S. Anthoine.] Op. cit., p. 243—244.

предупредило, что каперские суда будут уничтожаться [91].

Отстаивая такой режим проливов, который стимулировал бы развитие южнорусской экономики, выступая за их открытие для европейской торговли, Россия в вопросе о режиме проливов для военного флота держав заботилась прежде всего о безопасности русского Причерноморья. Этим объясняется ее твердая решимость ни при каких обстоятельствах не допустить открытия проливов для иноземного военного флота, появления его на Черном море.

Наибольшую угрозу в этом отношении представляла Франция. При переговорах Франции и Турции в Париже летом 1802 г. о заключении мирного договора Талейран попытался вместе со статьей о свободном плавании французских торговых судов на Черном море протащить в договор подобное же разрешение и для военных судов [92]. Это стало известно России и крайне ее встревожило. Русское правительство энергично воспротивилось проектам Бонапарта и выдвинуло в противовес им принцип закрытия Черного моря для военных флотов нечерноморских держав. «Черное море иначе почитать не должно, как озером или морем запертым, в которое и входу иного нет, как через канал (Босфор.— *А. С.*), и владение коего принадлежит только тем державам, кои берегами своими оное окружают»,— писал А. Р. Воронцов Италинскому [93].

Россия не требовала постоянного открытия проливов для своего военного флота. Русско-турецкий договор 1799 г. открыл их для него лишь на время войны с Францией. С наступлением мира Томара выдвинул было проект предоставления военному флоту России постоянного разрешения на проход из Черного моря в Средиземное. Правительство этот проект не одобрило, считая, что он лишь поощрит Францию к подобным же притязаниям [94]. Россия подчеркивала, что и для себя она в вопросе о режиме проливов не делает исключения. А. Р. Воронцов предписал

---

[91] ВПР, т. 1, стр. 504—507.

[92] ВПР, т. 1, стр. 234, 244, 717—718.

[93] А. Р. Воронцов Италинскому 16(28) ноября 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 345—346. А. Р. Воронцов Моркову 24 декабря 1803 г. (5 января 1804 г.). Сборник РИО, т. 70, стр. 617—618.

[94] А. Р. Воронцов Италинскому 2(14) декабря 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 349.

Италинскому каждый раз заново испрашивать у турецкого правительства соответствующее разрешение на пропуск русского военного флота из черноморских портов на остров Корфу. При подобном порядке, указывал канцлер, «даемое от Порты позволение от прочих держав почитаемо будет случайным и не служащим им в пример» [95]. В дальнейшем действительно был принят подобный режим.

Италинскому удалось заручиться обещаниями Порты закрыть Босфор для военных кораблей всех европейских держав, кроме России [96].

В этот период Россия не проявила, таким образом, тенденции к захвату проливов.

Тем временем французская дипломатия упорно шла к своей цели: разрыву русско-турецкого союза и вовлечению Турции в орбиту наполеоновской политики.

Приближался срок, когда русско-турецкий союз должен был подвергнуться серьезным испытаниям. Франция придерживалась в Константинополе тактики кнута и пряника. Пряником были обещания помочь Турции вновь завладеть Крымом [97] (характерно, что в Петербурге предвидели попытку Франции сыграть на этом особенно уязвимом пункте русско-турецких отношений [98]). Кнутом была постоянно висевшая над Турцией угроза нового нападения Франции. Упоминавшийся уже нами доклад Себастиани Наполеону о поездке на Восток с его неприкрытой угрозой нового нападения на Египет и Ионические острова был принят всеми как открытая декларация воинственных намерений Наполеона. Султан и великий визирь этот доклад «читали с глубоким неудовольствием и делали приличные заключения об образе мыслей первого консула». Реис-эфенди потребовал в связи с этим от Брюна объяснений [99].

---

[95] А. Р. Воронцов Италинскому 16(28) мая 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 432.

[96] Италинский А. Р. Воронцову 3(15) января и 3(15) сентября 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, лл. 37—44; д. 2235, лл. 253—258. См. также ВПР, т. 1, стр. 719.

[97] Италинский А. Р. Воронцову 4(16) февраля 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 383.

[98] Инструкция Александра I Италинскому 30 августа (11 сентября) 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 284.

[99] Италинский А. Р. Воронцову 16(28) марта 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, лл. 293—294.

Французы распространили в Константинополе слухи о профранцузской позиции России, что окончательно сбило с толку и без того растерявшуюся Порту — теперь она стала бояться сговора Франции и России за счет Турции. Русское правительство заверило, что эти слухи ложны, твердо обещало Турции свою защиту и рекомендовало ей сохранять в англо-французской войне строгий нейтралитет [100], что произвело на турецкое правительство самое благоприятное впечатление. Селим через кяхью султанши-матери Юсуф агу передал Италинскому, что он возлагает все свои надежды на Россию и желает союза с нею [101].

Успокоившись насчет России, Турция, однако, еще сильнее трепетала перед Наполеоном.

* * *

В первые же месяцы войны Франция поспешила снова оккупировать неаполитанские порты Отранто, Таранто и Бриндизи. Отрантский полуостров в руках Бонапарта превратился в военный плацдарм для вторжения на Ионические острова и Балканы. Командовавший французским корпусом генерал Сен-Сир создал на островах и в Морее широкую агентуру [102]. Оккупация Отрантского полуострова рассматривалась политическими деятелями того времени как первый шаг к предстоящему нападению на Ионические острова и Грецию. Современники были уверены, что Бонапарт вновь попытается осуществить свои планы создания Восточной империи. Напуганная недавним опытом, Турция с трепетом ждала французского десанта. Россия также была встревожена: вторжение Бонапарта грозило опрокинуть сложившееся в ее пользу соотношение сил на востоке Средиземного моря. Вместе с тем возникла бы и опасность для южных областей России. Для последней защита Ионических островов и Греции от ожидаемого десанта Наполеона стала стержнем ее политики в Восточном Средиземноморье. Начиная примерно с августа 1802 г., русская дипломатия осаждала Порту, побуждая ее принять хотя бы самые неотложные меры для укрепления обороны Греции [103].

В какой степени были обоснованы эти опасения? Намеревался ли Наполеон действительно совершить десант? Окончательно этот вопрос в исторической литературе не решен [104]. Высказывания самого Наполеона по этому поводу неясны. Так, находясь уже на острове Св. Елены, он говорил о своем намерении поднять Грецию на восстание против Турции. Но в 1803—1804 гг. он в предписаниях своим агентам иной раз давал противоречивые указания [105]; это, на наш взгляд, свидетельствует, что в непосредственные и ближайшие его планы вторжение в Грецию (по крайней мере в 1803—1804 гг.) не входило.

В связи с ожидавшимся вторжением в Грецию Ионические острова приобрели для России еще большее значение. В 1802 г. на острова были направлены русские войска, подавившие развернувшееся там широкое демократическое движение. Проводником политики России на островах стал гр. Д. Г. Моченигo. Царизм старался добиться компро-

---

[100] Воронцов Италинскому 2(14) и 12(24) июля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 211—216, 221—222.

[101] Италинский А. Р. Воронцову 17(29) и 18(30) августа 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2235, лл. 201—205, 219—220.

[102] Ch. Auriol. Op. cit., vol. I, p. 431, 445—446, 450, 456—457 и др.

[103] Например, письма Воронцова Италинскому 16(28) октября и 13(25) ноября 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 328—332; 1802 г., д. 2226, лл. 45—49 об.; Италинский А. Р. Воронцову 17(29) декабря 1803 г., 3(15) января 1804 г. там же, 1803 г., д. 2235, лл. 624—628 об.; 1804 г., д. 2241, ч. 1, лл. 3—6 об.; см. также ВПР, т. 1, стр. 570—571 и доклад Александру I 12(24) ноября 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 411. Почти в каждом письме из Петербурга Италинскому и в донесениях Италинского в Петербург в 1803—1804 гг. шла речь о необходимости укрепить оборону Греции.

[104] Один из новейших историков английской политики в Средиземноморье П. Макези считает, что наполеоновский план десанта в Грецию был лишь прикрытием для замышлявшегося им плана вторжения в Англию (P. Mackesy. Op. cit., p. 22—23). Но в этом сказывается его желание преувеличить роль Англии в истории наполеоновских войн.

[105] Наполеон французскому генеральному комиссару на Корфу 24 января (5 февраля) 1804 г. I. de Testa. Op. cit., vol. II, p. 254—255. Французский историк Ш. Ориоль также считает, что целью Наполеона была не Греция, а Англия (Op. cit., vol. I, p. 452, см. также p. 448, 451). По мнению Э. Буржуа, историка внешней политики Франции, ярого антибонапартиста, Наполеон спровоцировал Англию на ненужную Франции войну лишь для того, чтобы снова завладеть Египтом и основать империю на Востоке (E. Bourgeois. Manuel historique de politique étrangére, t. II. Paris, 1926, p. 236—237).

миссa с буржуазной верхушкой ионического общества, примирить ее с собой путем частичных уступок. В конце 1804 г. Ионической республике была дана новая конституция, оставлявшая без изменений социальную основу, но несколько расширявшая политические права буржуазных верхов.

Французские агенты на островах и во всей Греции старались восстановить греков против России, изображая Наполеона будущим освободителем греческого народа от турецкого ига. В ноябре 1802 г. на острове Занте неожиданно появился полковник Себастиани, агент Наполеона, совершавший в это время своего рода «агитационную поездку» по Ближнему Востоку, и обратился к жителям с обещаниями помощи и покровительства Франции. Не забыл Наполеон и Албанию — с враждебным России правителем Южной Албании, пашой Янины Али Тепелены он поддерживал тайные связи.

Сложившаяся в Средиземноморье обстановка привела к новой переброске русских военно-морских сил на Ионические острова. 14(26) марта 1804 г. на Корфу прибыла эскадра под командованием капитана первого ранга Леонтовича в составе четырех фрегатов и одного транспортного судна, имея на борту около 1200 человек войска. Русские военно-морские силы на Средиземном море составляли теперь пять фрегатов. Не приходится доказывать, что для защиты островов и побережья Западных Балкан от ожидавшегося наполеоновского десанта этого было предельно недостаточно. При этом русская морская оборона была сконцентрирована на Корфу, другие же острова Ионической группы оставались почти без прикрытия. Беззащитен был остров Св. Мавры, отделенный от материка лишь небольшим расстоянием и поэтому являвшийся особенно выгодным пунктом для действий против Турции. Предполагалось, что именно сюда направит свой первый удар Наполеон [106].

В течение лета 1804 г. русские подкрепления продолжали прибывать на Корфу (эскадры под командованием капитанов первого ранга Салтанова, Белли, Мессера, Макшеева). В итоге к сентябрю 1804 г. русские военно-

[106] Письмо Моченого Нельсону 23 апреля (5 мая) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 117—119.

морские силы в Адриатике составляли два линейных корабля и три фрегата [107]. Все же и этого было недостаточно: Моченого считал, что для эффективной обороны нужно не менее двенадцати линейных кораблей и восьми фрегатов [108].

Командовал военно-морскими силами капитан-командор Сорокин. Командующим сухопутными силами был назначен генерал-майор Анреп, прибывший на Корфу 25 августа (6 сентября) 1804 г. Моченого, Анреп и Сорокин образовали по распоряжению Петербурга комитет [109], ведавший военными вопросами.

Направляя свои войска на Корфу, русское правительство уведомило об этом Турцию, подчеркнув, что мера эта вызвана французской угрозой Турции [110]. По условиям русско-турецкого договора 1798 г. Россия могла требовать от турецкого правительства субсидии для содержания своих войск на Ионических островах. Понимая, что слишком трудно было бы добиться от Порты выплаты субсидий, русское правительство после нескольких неудачных попыток решило на этом не настаивать [111].

На Анрепа были возложены серьезные задачи и чисто военного и политического характера [112]. Войска Анрепа предназначались прежде всего для отражения, во взаимодействии с английскими военно-морскими силами, ожидавшегося французского десанта. Если же десант не произойдет, их предполагалось использовать для экспедиции в Неаполь.

[107] К. Головизнин. Капитан-командор Сорокин в Ионической республике. «Морской сборник», 1882, № 9, стр. 35—37.

[108] Моченого Нельсону 9(21) июня 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 120—125 об.

[109] Генерал-майор Анреп Чарторыйскому 28 августа (9 сентября) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, л. 144—144 об.

[110] А. Р. Воронцов Италинскому 10(22) декабря 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия. 1803 г., д. 2230, лл. 422—425 об.

[111] Чарторыйский Моченого 8(20) февраля 1804 г. (так в подлиннике. Следует — 8(20) марта). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 39—40 об.

[112] См. инструкцию генерал-майору Анрепу (вручена 7(19) мая, утверждена 19(31) мая 1804 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 1—39 об. Цитируется в работе К. Головизнина («Морской сборник», 1882, № 9, стр. 40—51) и в книге: Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море. М.. 1954, стр. 22—23.

Порта не раз благодарила Петербург за принятые им меры, обещала сделать все, что в ее силах, для укрепления обороны и ничего не делала, так как знала, что она все равно не в состоянии осуществить действительно эффективную подготовку к обороне.

Политика России в Восточном Средиземноморье определялась стремлением сохранить для своего военного флота свободный проход через проливы и сосредоточить в Корфу и других ионических портах русские военные силы. В этих двух пунктах Наполеон и развил дипломатическую атаку русских позиций в Средиземноморье. Брюну было предписано убедить Турцию закрыть проливы и воспрепятствовать прибытию новых русских подкреплений на острова [113].

Турецкое правительство начало двойную игру. Обычно поворот Турции к сближению с Францией историки относят к периоду, последовавшему за Аустерлицем и Пресбургским миром (начало 1806 г.), и приписывают его тому, что Турция убедилась в слабости союзников и непобедимости Наполеона. На самом деле это началось гораздо раньше, и с 1803 г. русское правительство с возрастающей тревогой следило за усилением французского влияния в Константинополе. Россию беспокоило, что возможности французского давления на Порту расширились — в Париже теперь постоянно находился турецкий посол Мехмед Саид Халет эфенди, во всем подчинявшийся Талейрану и, невзирая на протесты Петербурга, игнорировавший Моркова и Убри [114]. Очень не нравились царю и установившиеся между Селимом III и Наполеоном в первой половине 1804 г. личные связи [115]. В Петербурге знали об их переписке и желали познакомиться с письмами султана и французского императора. Чарторыйский требовал этого от Порты [116].

[113] Наполеон Брюну 15(27) июля 1804 г. I. de Testa. Op. cit., vol. II, p. 270—271; Талейран Брюну 25 июля (6 августа). V. Puryear. Op. cit., p. 29—30.

[114] А. Р. Воронцов Италинскому 2(14) июня, 3(15) июля, 3(15) августа, 16(28) ноября 1803 г., 1(13) и 15(27) февраля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 162—167, 193—193 об., 257—265, 369—371 об.; 1804 г., д. 2239, лл. 36—38 об., 66 об.— 68 об.; А. Р. Воронцов Убри 16(28) сентября 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 350—351.

[115] I. de Testa. Op. cit., vol. II, p. 255—256.

[116] Чарторыйский Италинскому 30 мая (11 июня) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 237—249 об.

В мае 1804 г. Наполеон был провозглашен «императором французов». Показателем того, как то или иное европейское государство относится к Франции, стало признание императорского титула Бонапарта или отказ в нем. Россия на признание не пошла и требовала того же от Турции, как и от других монархических держав.

С середины 1804 г. в Константинополе началось настоящее дипломатическое сражение из-за вопроса о признании Турцией Наполеона «императором и падишахом» — на время все усилия русской дипломатии на Ближнем Востоке сосредоточились на том, чтобы заставить Порту отвергнуть соответствующие настояния Брюна [117].

Тревожным симптомом были и очевидные старания Франции проникнуть в Дунайские княжества и на Балканы. Господарь Молдавии Мурузи был сторонником французов и поддерживал с ними тайные связи, что было известно русскому правительству [118]. Господарь Валахии Ипсиланти был безраздельно предан России, и Франция поэтому уже с конца 1802 г. всячески настраивала против него Порту [119]. В этом ей помогала Австрия, в свою очередь недовольная преобладанием русского влияния в княжествах [120]. Добивалась Франция и разрешения Порты на допущение французских агентов — комиссаров в Молдавию и в турецкие черноморские порты (в частности, в Варну), чему энергично противилась Россия [121]. Настораживали русское правительство связи Франции с видинским пашой Пазванд-оглу [122]. За счет происков Франции

[117] Италинский Чарторыйскому 16(28) июня и 17(29) июля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, лл. 2—23 об., 153—171 об. См. также V. Puryear. Op. cit., p. 27—28. Подробнее об этом см. гл. VII.

[118] Переписка А. Р. Воронцова и Италинского. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 111—115; д. 2234, ч. 2, лл. 682—685.

[119] Томара Александру I 1(13) сентября 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 288; Италинский А. Р. Воронцову 16(28) января, 3(15) сентября 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, лл. 111—111 об.

[120] Переписка Италинского и А. Р. Воронцова. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2235, лл. 223—228; д. 2230, лл. 413—414 об. Ср. ВПР, т. 1, стр. 528—530.

[121] Переписка А. Р. Воронцова и Италинского. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 111—115 об., 162—167; д. 2235, лл. 561—562 об.; 1804 г., д. 2239, лл. 18—19.

[122] Чарторыйский Италинскому 14(26) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 201—202. См. также ВПР, т. 1, стр. 314—315.

русское правительство отнесло и укрепление крепостей в Хотине и Бендерах в начале 1804 г.[123].

В итоге Чарторыйский уже в середине 1804 г. предвидел опасность того, что Порта «мало-помалу преклонится на сторону Бонапарта» [124].

* * *

Обострение международной обстановки ускорило образование своего рода единого фронта Англии и России на Ближнем Востоке. Русское правительство старалось убрать с дороги препятствия к сближению. Жертвою этого пал Томара, ставший ненавистным англичанам, что было одной из причин его отставки. Англия в компенсацию отозвала Эльджина. На сменившего Томару Италинского была возложена задача установить полное взаимодействие с английской дипломатией и склонить Турцию на сторону Англии против Франции [125].

Для России непосредственной целью сближения с Англией была надобность заручиться поддержкой английского флота в случае французского вторжения в Западную Грецию. При всей необходимости возможно скорее договориться с Англией о взаимодействии Россия не хотела еще в этот момент окончательно связывать себе руки. В марте 1803 г. Англия предложила России заключить конвенцию о совместных действиях для защиты Турции и Неаполя и для охраны их нейтралитета в случае войны [126]. Но заключить подобную конвенцию значило бы открыто принять сторону Англии против Наполеона и позволить

[123] Письмо господаря А. Мурузи Италинскому 18(30) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, ч. 2, лл. 746—749; А. Р. Воронцов и Чарторыйский Италинскому 1(13) февраля и 14(26) марта 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 40—41, 117—117 об.

[124] Чарторыйский Италинскому 30 мая (11 июня) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, л. 239 об.

[125] Инструкция Александра I Италинскому 30 августа (11 сентября) 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 283—287.

[126] Письмо Уоррена А. Р. Воронцову 3(15) марта и вербальная нота 27 марта (8 апреля) 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 4316, лл. 25—30, 33—37 об.; протокол конференции Уоррена и А. Р. Воронцова 25 марта (6 апреля). Там же, 1803 г., д. 7846, лл. 60 об.—61; H. Belley. Op. cit., p. 501.

Лондону втянуть себя в новую, быстро надвигавшуюся войну. Россия ответила Англии отказом [127].

Несмотря на отказ России заключить официальное соглашение по средиземноморским делам, между Россией и Англией начались переговоры, давшие в итоге конкретные результаты. По просьбе Чарторыйского Гауксбери приказал новому английскому послу в Константинополе У. Драммонду действовать совместно с Италинским [128]. В дальнейшем на практике между Италинским и Драммондом установился полный контакт.

Италинский во многом направлял деятельность Драммонда. По совету Италинского Драммонд в связи с началом войны в июне 1803 г. заявил Порте о «дружественном взаимном соответствии» между Лондоном и Петербургом и о готовности Англии оборонять Турецкую империю от наполеоновского вторжения [129].

В результате давления английской дипломатии великий визирь дал Англии гарантию того, что Турция сохранит нейтралитет, в случае французского вторжения в пределы Турецкой империи начнет военные действия против Франции и присоединится к англо-русскому союзу, если таковой будет заключен [130]. Подобная позиция Турции была выгодна не только Англии, но и России, и Италинский остался доволен действиями Драммонда [131].

По мере того как все явственнее становился постепенный поворот русской политики против Франции, все горячее делалось желание России увидеть освобождение Египта от англичан. Теперь к обычному страху перед чрез-

[127] Вербальная нота А. Р. Воронцова Уоррену 9(21) марта. ВПР, т. 1, стр. 392—395; А. Р. Воронцов С. Р. Воронцову 12(24) марта 1803 г. Там же, стр. 396.

[128] Чарторыйский С. Р. Воронцову 26 февраля (9 марта) 1804 г. Там же, стр. 636; инструкция Гауксбери Драммонду 19(31) мая 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6755, лл. 96—98. См. также A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 332.

[129] Инструкция Драммонда английскому драгоману Пизани 3(15) июня и донесение Италинского А. Р. Воронцову 18(30) июня 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 2, лл. 637—645 об., 648—649.

[130] Письмо великого визиря Гауксбери 29 июня (11 июля) (копия, перевод) и донесение Италинского А. Р. Воронцову 4(16) июля 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2235, лл. 20—22 об., 12—15 об.

[131] Италинский С. Р. Воронцову 29 июня (11 июля) 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 295—297.

мерным усилением соперника присоединялось желание снова объединить Турцию и Англию против Наполеона. Русская дипломатия всячески урезонивала англичан, призывая их к умеренности, напоминая о святости союзных обязательств и т. п. Турцию же русское правительство старалось убедить в том, что задержка с выводом английских войск из Египта временна и вызвана только страхом перед Францией [132].

Русское правительство предпочитало не вмешиваться во внутренние дела Египта. Генеральный консул в Египте Россетти завязал было в первой половине 1803 г. сношения с мамлюками Османом и Ибрагимом, которые заявили ему, что в качестве «грузинских уроженцев» они просят Италинского заступиться за них перед Портой и передать султану и великому визирю их прошение. Италинский встревожился: «неприятно мне, что он (Россетти.— *А. С.*) поставил меня в отношения с беями»,— писал он А. Р. Воронцову и ограничился тем, что передал реису-эфенди письма Османа и Ибрагима [133]. В политике России возобладало желание «менажировать» Порту, не раздражать ее.

В начале 1803 г. конфликт Англии и Порты разрешился. В январе было достигнуто соглашение, по которому беям была дана область Ассуана в Верхнем Египте [134]. 4(16) марта английские войска покинули Египет.

Мартовская эвакуация не была, конечно, концом английских планов проникновения в Египет. Да и время было не такое, чтобы упускать Египет из виду — только что в Александрии и Каире побывал эмиссар Наполеона полковник Себастиани, также быстро смекнувший, что спекуляция на соперничестве беев и Порты сулит немалые выгоды. Себастиани потребовал от каирского паши, чтобы было принято посредничество Франции между Турцией и мамлюками [135]. Настаивал на французском посредничестве и Брюп [136].

Англия продолжала поэтому укреплять свои связи с мамлюками [137].

* * *

Важную роль в числе причин, приведших Россию к войне с Францией, играло их соперничество за влияние в Германии. Русская политика в Германии в начале XIX в. была направлена на защиту тех позиций, которые Россия завоевала в 80-х годах XVIII в. и которые были основательно расшатаны во время революционных и наполеоновских войн. Кампоформийский и Люневильский мирные договоры между Францией и Австрией открыли новый этап в германской политике европейских государств. Земли, лежащие на левом берегу Рейна, перешли к Франции. Так возникла проблема «германской индемнизации», т. е. возмещения тем германским князьям, владения которых находились на левом берегу Рейна, их потерь путем секуляризации владений церкви на правом берегу его.

Россия желала сохранить равновесие сил Пруссии и Австрии в Германской империи, что давало ей возможность играть на их противоречиях и обеспечивать свое влияние в германских делах. Россия была заинтересована также и в том, чтобы направить экспансию Пруссии в прирейнские районы и отвлечь ее от Балтики. Цели Наполеона были противоположны: чтобы ослабить Австрию, он был готов пойти на известное усиление менее опасной для него Пруссии с тем, однако, чтобы последняя получила территориальные приращения не на Рейне, а поближе к Балтике (это должно было столкнуть ее с Россией) [138].

---

[132] А. Р. Воронцов Италинскому 22 декабря 1802 г. (3 января 1803 г.) (ВПР, т. 1, стр. 363) и 3(15) января 1803 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, лл. 2—4 об.); Томара Кочубею 1(13) ноября 1802 г. и Италинский А. Р. Воронцову 16(28) февраля 1803 г. о своих переговорах с реис-эфенди. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2223, лл. 289—303; 1803 г., д. 2234, ч. 1, лл. 197 об.—198.

[133] Донесение Россетти Италинскому. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2235, лл. 93—95 об. (копия, перевод); Италинский А. Р. Воронцову 1(13) августа 1803 г., там же, лл. 187—190.

[134] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, лл. 63—68; G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. L'Anglettere et l'Égypte. La politique mameluke, p. XLI.

[135] J. W. Zinkeisen. Op. cit., Bd. VII, S. 143—144; J. H. Rose. The Life of Napoleon I, vol. I, p. 412; протокол конференции паши и Себастиани (копия, перевод). АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, лл. 263—266 об.

[136] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2235, лл. 381—386.

[137] G. Douin et E. C. Fawtier-Jones. La campagne de 1807, p. XIII; С. Р. Воронцов Италинскому 8(20) декабря 1803 г. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 318—319.

[138] Э. Д. Вербицкий. Германский вопрос в русско-французских отношениях 1800—1803 гг. «Уч. зап. Херсонского гос. пед. ин-та им. Н. К. Крупской», 1949, вып. 4, стр. 11.

Заключение Парижской конвенции до известной степени означало победу русских интересов: было достигнуто соглашение о «совершенном концерте» в германских делах. Реальное значение конвенции в борьбе России и Франции за преобладание в Германии оказалось, однако, невелико. Бонапарт к тому времени уже сумел привлечь к себе Баварию, Вюртемберг, Баден, покровительницей которых ранее считалась Россия; в мае 1802 г. договорился с Пруссией [139] и постепенно оттеснял Россию в германских делах на второй план. После долгих тройственных переговоров в Париже (в них участвовали Россия, Франция и Пруссия) 22 мая (3 июня) 1802 г. было заключено не отвечавшее интересам России в Германии русско-французское соглашение об индемнизации, усилившее Пруссию [140].

В 1803 г. имперский сейм принял решение, по которому земли второстепенных князей были распределены между более крупными германскими государствами. В результате этого усилились Баден, Бавария, Вюртемберг — сателлиты Наполеона, которому удалось изолировать Австрию и держать на поводу Пруссию. Политика же России в Германии по существу была пассивной, хотя внешне русская дипломатия проявляла кипучую деятельность. В итоге «политический престиж Франции заметно возрос, между тем как значение России очень упало» [141].

Возобновление войны между Англией и Францией летом 1803 г. создавало угрозу перенесения военных действий на Балтику. В июне Наполеон занял Ганновер и округ Ритцбюттель с портом Куксхафен. На очереди были Гамбург и Любек. Безопасность, неприкосновенность Балтики заняли с этого времени видное место в системе внешней политики России. Она стремилась не допустить оккупации Северной Германии Францией — это нанесло бы ущерб русской торговле с ганзейскими городами и привело бы к появлению французской армии на русской границе. Особые опасения вызывала также возможность захвата французами Зундского пролива, что могло создать величайшие трудности для русской торговли с Англией. В связи с этим Россия начала переговоры с Пруссией и Данией [142] и потребовала от Франции строгого соблюдения нейтралитета Северной Германии [143].

Резкой и грубой демонстрацией нежелания Франции считаться с Россией в германских делах была позиция французской дипломатии в связи с новым австро-баварским конфликтом в 1802—1803 гг. [144]. Россия, державшая сторону Австрии против Баварии, которая все более подчинялась Наполеону, желала совместно с Францией выступить посредницей между Австрией и Баварией. Наполеон от этого уклонился и действовал в этом вопросе самовластно, не считаясь с Россией [145].

В конце 1803 г. канцлер представил императору развернутый план обороны от французской агрессии в северной и южной Европе [146]. Считая наиболее угрожаемыми пунктами Мекленбург, Гамбург, Любек, Голштейн на севере, Грецию, Румелию, Ионические острова на юге, канцлер рекомендовал сосредоточить русские войска на границе от Курляндии и Литвы до южнорусских областей, ввести двадцатитысячный русский корпус в Молдавию и Валахию, перебросить черноморскую эскадру на Ионические острова. Не приходилось сомневаться, да А. Р. Воронцов и не скрывал этого, что вслед за тем начнутся военные действия.

Нараставший кризис русско-французских отношений имел для России известные последствия не только в международном, но и во внутриполитическом отношении. Решался вопрос о дальнейшем направлении внешней политики России, о том, сохранять ли ей нейтралитет во вновь

[139] H. Deutsch. Op. cit., p. 28—55; E. Driault. La politique extérieure du premier consul, p. 301—311.

[140] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 384—397. См. также Александр I Моркову 5(17) июля 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 477—481; Э. Д. Вербицкий. Германский вопрос..., стр. 31—38.

[141] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 261.

[142] ВПР, т. 1, стр. 434—435, 441—445, 452—454, 459—466, 469—473, 520—527, 558—561, 585—594, 720, 723, 725.

[143] Рескрипты и инструкции Моркову в мае — июне 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 162—164, 218, 237. См. также переписку канцлера А. Р. Воронцова и А. Чарторыйского. Сборник РИО, т. 77, стр. 179—180, 192—196.

[144] См. E. Driault. Napoléon et L'Europe. Austerlitz. La fin du Saint-Empire (1804—1806). Paris, 1912, p. 47, 51—53; H. Deutsch. Op. cit., p. 216—223.

[145] Нота Убри Талейрану 6(18) февраля 1804 г. Доклад Чарторыйского императору 28 марта (9 апреля) и инструкции его Убри 6(18) апреля. Сборник РИО, т. 77, стр. 476—478, 533—537, 565—569.

[146] Доклад А. Р. Воронцова императору 12(24) ноября 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 410—417. См. также доклад его императору 27 августа (8 сентября). Там же, стр. 330—339.

разразившейся войне Англии и Франции или открыто выступить против Франции. В правительственных кругах и среди представителей дворянской общественности наметились в связи с этим разногласия. Ряд влиятельных сановников — Ф. В. Ростопчин, министр народного просвещения П. В. Завадовский, А. Б. Куракин, министр коммерции Н. П. Румянцев — в период нового кризиса русско-французских отношений в 1803—1804 гг. были против разрыва с Францией. Ф. В. Ростопчин считал, что «воронцовское министерство» и С. Р. Воронцов («за англичан добрый стряпчий») втягивают Россию в ненужную ей войну. «Непростительно смотреть чужими глазами и чувствовать не русским сердцем»,— писал он генералу кн. П. Д. Цицианову, критикуя действия русской дипломатии в Париже, Лондоне и Вене [147]. Виновницу новой войны он, как и всегда, видел в Англии [148]. Франция же, по мнению Ростопчина, не могла принести вреда России [149].

П. В. Завадовский был убежден, что России совсем не нужна война из-за германских дел и возможности захвата французами Зундского пролива. «Необыкновенное будет токмо то ежели мы за грабежи германцам станем опустошать наши карманы», «...вооружение, поглощающее миллионы, чем вознаградим?» — говорил он [150].

Критически по отношению к Англии и примирительно к Франции был настроен и такой видный представитель консервативных общественных кругов, как Н. М. Карамзин. В своем «Вестнике Европы» — самом «читаемом» и популярном журнале того времени [151] — Карамзин очень резко осуждал «морской деспотизм» британцев и вспоминал о попытках Екатерины II противопоставить этому принципы вооруженного нейтралитета [152].

Показательны для антианглийских настроений части русского дворянства и рассуждения Карамзина о возможности континентальной блокады (в 1803 г.!) как средства борьбы против английской морской и торговой гегемонии. «Самовластие их (англичан.— *А. С.*) на морях оскорбляет все державы: рано или поздно они могут прибегнуть к чему-нибудь решительному, могут, наконец, затворить свои гавани для англичан тем охотнее и скорее, чем более консул (Бонапарт.— *А. С.*) уважал бы достоинство нейтральных государств и независимость Европы». Если Зундский пролив будет закрыт для английских торговых кораблей, то Англия «смирит гордость свою и захочет мира, чтобы индейские и американские товары не сгнили в лондонских магазинах и фабрики ее не остались бы без дела». Карамзин подчеркивает, что подобный удар по английскому господству на морях был бы в интересах России, и вспоминает в этой связи русско-английский военный конфликт и поход Нельсона на Ревель весной 1801 г. [153]

Совсем в другом тоне Карамзин первоначально, в 1802—1803 гг. говорил о Франции. Причиной тому то важнейшее обстоятельство, что Бонапарт был в глазах Карамзина спасителем Европы от революции. «Он, у м е р т в и в ч у д о в и щ е р е в о л ю ц и и, заслужил вечную благодарность Франции и даже Европы» [154]; «таким образом, Бонапарте представляет нам великие явления одно за другим. Торжественное восстановление религии есть, без сомнения, одно из важнейших дел его: оно утверждает французское правление едва ли не более побед и мирит его с Европою едва ли не более Амьенского трактата» [155]; «...Франция, несмотря на имя и некоторые республиканские формы своего правления, есть теперь не что иное,

---

[147] Письма Ф. В. Ростопчина П. Д. Цицианову 7(19) июля и 3(15) января 1804 г. См. «Письма Ф. В. Ростопчина кн. П. Д. Цицианову (1803—1806)». «Девятнадцатый век», кн. II. М., 1872, стр. 21, 32.

[148] Там же, стр. 12, 15.

[149] Ростопчин С. Р. Воронцову 30 июня (12 июля) 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 8, стр. 288—289.

[150] Письмо Завадовского 24 апреля (6 мая) 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 12, стр. 280.

[151] Об общественной позиции Карамзина в этот период и о роли «Вестника Европы» см. Ю. Л о т м а н. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789—1803).— Ученые записки Тартуского гос. университета. Труды историко-филологического факультета. Тарту, 1957, вып. 51, стр. 122—162.

[152] «Известия и замечания». «Вестник Европы», 1803, ч. X, № 15, стр. 232.

[153] «Известия и замечания». «Вестник Европы», 1803 ч. XI, № 19, стр. 236—237.

[154] Редакционная статья «Взор на прошедший год». «Вестник Европы», 1803, ч. VII, № 1, стр. 79. Подчеркнуто нами.

[155] «Торжественное восстановление католической религии во Франции». «Вестник Европы», 1802, ч. III, № 9, стр. 93—94.

как истинная монархия»[156],— так по-своему последовательно глашатай российских охранителей рассматривал консульство.

Из этого Карамзин делал вывод, непосредственно касающийся войны коалиционных держав против Франции в период, последовавший за 18 брюмера. В это время, пишет он, «война не могла уже иметь прежней цели своей»[157].

В англо-французском соперничестве Карамзин до времени оставался на позициях нейтралитета. Мы, подчеркивал он, «желаем, если можно, благоденствия и той, и другой державе»[158], «мы судим беспристрастно... любим Бонапарта, который умеет побеждать, но еще более любим народ английский, который умеет быть щастливым»[159]. Он видел различие между контрреволюционными войнами 90-х годов и начавшейся в 1803 г. войной Англии и Франции: «...во время революции всякий знал, кому желать успеха, но кому желать его в нынешней войне?»[160]. Несмотря на характерные слова о предпочтении в пользу «английского народа», Карамзин в разгаре англо-французского конфликта полагал, что «по всем обстоятельствам, кажется, главные державы европейские при начале войны не возьмут ничьей стороны»[161].

Революция кончилась. Франция первого консула — та же монархия. Бонапарт, смиритель революционных бурь, более не опасен монархической Европе. Война против Франции теперь потеряла прежнюю цель. России теперь нет смысла ввязываться в англо-французский конфликт — такова была в общем схема рассуждений Карамзина в 1802—1803 гг.

Но и позднее, в те годы, когда писалась «Записка о древней и новой России», Карамзин во многом остался на тех же позициях.

---

[156] «Всеобщее обозрение». «Вестник Европы», 1802, ч. I, № 1, стр. 72.
[157] Там же.
[158] «О мире». «Вестник Европы», 1802, ч. II, № 8, стр. 375.
[159] «Известия и замечания». «Вестник Европы», 1803, ч. X, № 13, стр. 83.
[160] «Известия и замечания». «Вестник Европы», 1803, ч. X, № 15, стр. 233.
[161] «Известия и замечания». «Вестник Европы», 1803, ч. IX, № 12, стр. 233.

Об опасности войны с самой мощной европейской державой, об отсутствии коренных противоречий между Францией и Россией, о том, что Россия будет истощать свои силы для блага Англии и германских держав, о неизбежном усилении финансового напряжения и хозяйственных трудностей рассуждали многие влиятельные лица. Однако в дворянских кругах в этот момент сильнее были антифранцузские настроения — их разжигала опасность господства Наполеона в Европе. Политика невмешательства в европейские дела и нейтральной позиции между Англией и Францией стала не популярной. Большим ударом для престижа правительства Александра I была германская индемнизация и связанное с ней ослабление русского влияния в Германской империи. Карамзин впоследствии резко осуждал императора за то, что он заключил с Францией соглашение о германской индемнизации, «новый раздел германских южных областей»[162]. Столичная знать была недовольна. «В гостиных злословили по поводу политического ничтожества, в которое впала Россия. Франция гордилась. Прусские министры потирали руки. Все это вредило императору в глазах высших общественных классов... Я слышал постоянные упреки в мягкости, в недостатке собственного достоинства и энергии, которые делались русскими своему правительству»,— так впоследствии характеризовал политические настроения этой части дворянства А. Чарторыйский[163].

О недовольстве «кротостию» Александра I, о «скуке» говорит и Н. И. Греч в своих мемуарах[164]. В популярной басне Д. Давыдова «Орлица, турухтан и тетерев» (1804) зло высмеиваются главным образом неудачи внутренней политики Александра I, но есть в ней и явные намеки на слабость, проявленную им в европейских делах[165].

В отличие от Карамзина некоторые представители дворянства, столь же консервативные, как и он, по-прежнему считали, что расширение сферы влияния Франции влечет за собой распространение революционных идей в

---

[162] Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 51.
[163] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 261, 343. См. также стр. 298, 308—310, 327.
[164] Н. И. Греч. Записки о моей жизни. М.— Л., 1930, стр. 209—213, 329—330.
[165] Д. Давыдов. Стихотворения. Л., 1959, стр. 71—75.

Европе и даже в самой России. Если Россия и не будет порабощена французским завоеванием, то все равно ее затронет «разврат умов, шествующий по следам успехов Франции». Особенно опасным представлялось утверждение Франции на Балканах: французы могут создать там демократическую республику, и «из смежных с нами провинций рассевать между жителями южных областей наших плевелы развратного их учения, последствия коего бедственнее самой неудачной войны»,— писал канцлер императору [166].

С русскими реакционерами в этом отношении были солидарны реакционеры английские: инспирированная Францией революция в Европейской Турции перекинется в Дунайские княжества и окажется на границах России, говорил С. Р. Воронцову Георг III [167].

Александр с острой тревогой прислушивался к доходившим до него толкам о падении международной роли России. Для него это было вопросом не только престижа, но и личной безопасности. Несколько ранее император надеялся, что лучше всего помог бы выпутаться из создавшегося положения классический в подобных случаях прием — не представляющий опасности, незначительный, но соответствующим образом преувеличенный и умело поданный общественному мнению конфликт с какой-либо малой европейской державой, в ходе которого правительство могло бы показать свою твердость и решительность. Подобную роль должен был, по замыслу Александра, сыграть конфликт со Швецией в 1802 г., возникший на почве пограничных споров и едва не приведший к войне. Одним из мотивов конфликта со Швецией, по мнению П. А. Строганова, была необходимость проявить твердость, так как «публика» (т. е. дворянская верхушка) сомневалась в способности правительства к сколько-нибудь решительным мерам [168].

Немаловажным было и то обстоятельство, что стоявшие во главе министерства иностранных дел А. Р. Воронцов и А. Чарторыйский [169] последовательно и систематически держали курс на разрыв с Францией. Для канцлера война и новая коалиция были лишь вопросом времени. В принципе канцлер по-прежнему стоял на том, что России нужен мир и что «поправление внутреннего состояния государства... важнее, конечно, для нас всяких новых приобретений», но многозначительно указывал при этом, что «есть случаи неминуемые. Спасая соседа от пожара, и свой собственный дом охраняется» [170].

Однако Петербург откладывал окончательное решение до тех пор, пока не будут достигнуты определенные результаты в переговорах с великими державами о новой коалиции. Несмотря на то, что по требованию Бонапарта Александр в октябре 1803 г. отозвал Моркова [171] и не назначил ему преемника (интересы России после отъезда Моркова из Парижа в декабре 1803 г. представлял секретарь парижского посольства П. Я. Убри), дипломатические отношения сохранялись. Толчок к дальнейшему кризису дал сам Наполеон. Похищение, а затем расстрел в марте 1804 г. члена французского королевского дома герцога Энгиенского было одновременно и вызовом монархической Европе, и нарушением суверенных прав Германской империи (герцог проживал во владениях баденского курфюрста; арестовавший его французский отряд перешел границу без разрешения).

Правительство Александра I еще далеко не завершило ни военных, ни дипломатических своих приготовлений. Оставаться в бездействии было, однако, решительно невозможно — и без того недовольная международным курсом России дворянская верхушка не простила бы этого императору.

5(17) апреля было созвано совещание членов Совета, министров и некоторых видных сановников, причастных к международным делам (Чарторыйский, Морков, Будберг),

[166] Доклады А. Р. Воронцова Александру I 27 августа (8 сентября) и 12(24) ноября 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 338—339, 412.

[167] Письмо С. Р. Воронцова 27 июля (8 августа) 1801 г. Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 221.

[168] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 187—189.

[169] О «системе Чарторыйского» и о причинах его антифранцузской позиции см. ниже.

[170] Записка А. Р. Воронцова «по делам германским». Без даты и без подписи, черновик. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 7844, лл. 1—11 об. Об антифранцузской позиции А. Р. Воронцова и об его высказываниях о необходимости новой коалиции см. также его письма Моркову. (Сборник РИО, т. 77, стр. 169, 190—191) и сообщения Эдувиля Талейрану (там же, т. 70, стр. 495—496; т. 77, стр. 89, 120—121, 305—306, 325—326, 340—342, 374—375, 386—392).

[171] Сборник РИО, т. 77, стр. 299—300, 379—381.

перед которым Чарторыйский от имени императора поставил вопрос о разрыве дипломатических отношений с Францией в качестве ответа на расстрел герцога Энгиенского [172]. Мнения участников совещания разделились. С принципиальными возражениями против войны с Францией решительно выступил сторонник сближения с нею Н. П. Румянцев и (несколько сдержаннее) П. В. Завадовский. Им противостояло большинство, настроенное против Франции. Однако совещание не высказалось и за немедленное начало войны. Сам Чарторыйский, хотя и настаивал на немедленном разрыве, не скрывал, что Россия к войне еще не готова, и лишь успокаивал Совет тем, что разрыв отношений не означает еще войны.

Против слишком поспешных мер был, видимо, и А. Р. Воронцов [173]. За «постепенность» стоял и Кочубей, позицию которого А. Чарторыйский в своих мемуарах изложил очень неточно, изобразив его безоговорочным сторонником энергичных мер [174]. В действительности Кочубей остался на заседании 5 апреля при особом мнении, о чем и подал соответствующую записку [175]. Кочубей считал необходимым прежде всего выяснить, какова позиция других европейских держав и есть ли возможность надеяться на их военное содействие. Пока же Кочубей был против немедленной войны, считая, что она лишь выручит Бонапарта, который «увяз» со своим планом вторжения в Англию, а теперь получит желанный предлог использовать собранные им силы для операции на континенте. Кочубей рекомендовал ограничиться разрывом дипломатических отношений с Францией и «расположить поведение наше постепенно», подчеркивая, что нужна «постепенная решительность», а не «открытая и скорая».

Осторожная и выжидательная позиция совещания в вопросе о войне являлась важным симптомом; Франция была

[172] См. протокол заседания Совета в Сборнике РИО, т. 77, стр. 547—563. См. также С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 294; А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 339—342; т. II. М., 1913, стр. 5—19.

[173] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 19—20.

[174] Там же, т. I, стр. 340. Упомянутый выше протокол заседания Совета 5(17) апреля также очень сбивчиво и неясно отразил точку зрения Кочубея.

[175] «Мнение министра внутренних дел гр. Кочубея». АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г. Протокол Совета 5(17) апреля 1804 г., д. 7854, лл. 1—6 об.

опасным противником, война осложняла внутреннее положение и требовала больших жертв и расходов, часть которых в какой-то степени пала бы и на дворянское хозяйство, а это дворянским кругам при всей их нелюбви к Франции и недовольстве частичным ослаблением международных позиций России в 1801—1803 гг. вовсе не нравилось.

Большая часть членов Совета согласилась с тем, что в недалеком будущем разрыв с Францией неизбежен. Но сам Чарторыйский подчеркивает, что это было вызвано прежде всего боязнью не угодить царю [176]. Пока же Совет считал нужным оттянуть разрыв на несколько месяцев с тем, чтобы продвинуть переговоры с державами о новой коалиции и провести военные приготовления.

В соответствии с этим Александр I отказался от первоначальных планов немедленного разрыва дипломатических отношений и ограничился тем, что в качестве гаранта Тешенского договора (1779 г.) и конституции Германской империи заявил протест против нарушения последней и вторжения французского отряда, захватившего герцога Энгиенского, на территорию Баденского курфюршества. Наполеон ответил на это обвинениями во вмешательстве России во внутренние дела Франции и язвительными намеками на неприглядную роль Александра в заговоре против отца. Главное же — Франция решительно отрицала права России на вмешательство в германские дела в качестве гаранта [177].

Теперь на передний план в русско-французском конфликте вышли средиземноморские проблемы. Как сказано, Франция в июне 1803 г. оккупировала неаполитанские порты и создала угрозу вторжения на Ионические острова и в материковую Грецию. Еще до этого, предвидя захват неаполитанских портов, Россия многократно требовала соблюдения нейтралитета Неаполя. С началом оккупации Россия стала настаивать на выводе французских войск из пределов Неаполитанского королевства.

Прежде чем окончательно порвать с Францией, Россия сделала попытку (в успех которой почти не верила) сохранить хотя бы официальные дипломатические отношения. Условием этого было поставлено точное исполнение статей

[176] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 340.

[177] Сборник РИО, т. 77, стр. 593—595, 606—609.

Парижской конвенции 1801 г. относительно освобождения и нейтралитета Неаполитанского королевства, «интимного концерта» в итальянских делах, вознаграждения сардинскому королю, а также вывода французских войск из Северной Германии и обязательства соблюдать ее нейтралитет [178].

Тогда Франция выступила со встречными требованиями об исполнении девятой статьи Парижской конвенции относительно вывода русских войск с Ионических островов, обвиняя Россию в концентрации сил на островах и в изменении, без согласования с Францией, конституции Ионической республики [179].

Россия ответила, что русские войска еще в 1801 г. выведены с островов [180], новые же направлены туда в 1802 г. по договоренности с Францией [181].

Итак, в июне Эдувиль покинул Петербург; в конце августа Убри выехал из Парижа. Задержавшись на некоторое время в Майнце, Убри начал неофициальные переговоры с адъютантом Наполеона Коленкуром. Но далее настояний России на освобождении Неаполя (Убри заявил, что это — conditio sine qua non) и требований Франции вывода русских войск с Ионических островов дело не пошло [182].

В сентябре последовал окончательный разрыв.

---

[178] Русская нота 9(21) июля. Сборник РИО, т. 77, стр. 668—678; см. также А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 24—25 и E. Bourgeois. Op. cit., t. II, p. 249.

[179] Французская нота 16(28) июля. Сборник РИО, т. 77, стр. 683.

[180] 3(15) июня 1801 г. Совет принял решение о выводе русских войск с островов (Архив Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1128—1129). См. также рескрипт Александра I Моркову 4(16) ноября 1801 г. (Сборник РИО, т. 70, стр. 288).

[181] Русская нота 16(28) августа. Сборник РИО, т. 77, стр. 710.

[182] Там же, стр. 760.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Греческий вопрос во внешней политике России начала XIX в.

Одним из важнейших вопросов, поставленных перед царизмом ходом исторического развития, был вопрос об отношении к нарастающему национально-освободительному движению народов Европы, в первую очередь — балканских народов. Своекорыстная игра на их национальных чувствах была излюбленным орудием царизма. В начале XIX в. освободительная борьба на Балканах вступила в новый этап и получила широкие, небывалые масштабы. В Сербии вспыхнуло народное восстание против турецкого господства; на подъеме было национальное движение в Греции и Дунайских княжествах.

Царизм до известной степени понимал, что ему в своей внешней политике впредь придется так или иначе считаться с национально-освободительными стремлениями народов Европы. Александр I и Чарторыйский в своих планах будущего переустройства Европы после ожидавшейся ими победы третьей коалиции над Наполеоном признавали необходимость «стремиться к тому, чтобы в состав каждого государства входило однородное население, могущее жить согласно между собою и с своим правительством» [1]. Однако правительство Александра I не было в состоянии решить те сложные задачи, которые ставил перед ним подъем национально-освободительного движения в

---

[1] Секретная инструкция Н. Н. Новосильцову 11(23) сентября 1804 г. А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 36.

Европе, и в частности греческий вопрос. Причиной тому являлась и его классовая природа, и особенности международной обстановки, сложившейся в начале XIX в.

Внимание русских дореволюционных и советских историков преимущественно привлекали отношение России к сербскому восстанию и деятельность Д. Н. Сенявина в Адриатике в 1806—1807 гг., имевшая большое значение в истории связей России с балканскими народами. Позиция же России в греческом вопросе на ранней его стадии, отношение ее в конце XVIII — начале XIX в. к зарождавшемуся греческому национально-освободительному движению оставались до сих пор мало изученными.

В 70-х годах XVIII в., во время русской экспедиции в Архипелаг, греческий вопрос впервые получил серьезное значение в системе внешней политики России. Действия русских были поддержаны греками и албанцами (сулиотами). В войну 1787—1791 гг. эскадры греческого патриота Ламброса Кацонис сражались на стороне России. Греческий народ был охвачен надеждой на скорое освобождение от турецкого ига.

Однако за уходом русского флота из Архипелага последовал спад этих настроений. В некоторые слои греческого общества проникли даже чувства горечи и разочарования в связи с бесплодным, как это им казалось, для Греции исходом русско-турецкой войны 1768—1774 гг. В большинстве же своем греки понимали, что Кючук-Кайнарджийский мир нанес удар Турецкой империи и, следовательно, приблизил час освобождения Греции.

До последнего десятилетия XVIII в. влияние и популярность России царили в Греции безраздельно. Франция считалась традиционной союзницей и покровительницей Турции. С конца 80-х годов в этой роли выступила и Англия, державшая сторону Турции против России в войне 1787—1791 гг. Австрия, всячески старавшаяся расширить свои связи с греками, поощрявшая переселение их в Венгрию и итальянские владения в Адриатике, засылавшая своих эмиссаров в Албанию и Черногорию, имела в Греции сторонников, но все же не могла соперничать с Россией.

Французская революция, а затем и египетский поход Наполеона во многом изменили положение. Франция приобрела популярность как страна революции, как родина освободительных идей. Нападение Наполеона на Османскую империю в свою очередь привлекло к Франции симпатии некоторых греческих кругов, надеявшихся, что за поражением Турции последует освобождение Греции. Правда, тираническое правление Наполеона на Ионических островах и в других европейских странах развеяло в Греции, как и в Италии, тот ореол освободителя, который начал уже было создаваться вокруг его имени. Но все же у Франции были в Греции сторонники, и русскому правительству приходилось теперь с этим очень серьезно считаться.

Русское правительство в 1803—1804 гг. ожидало, что Наполеон, базируясь на захваченные им порты Южной Италии, совершит нападение на Ионические острова и Грецию. В связи с этим, как мы уже говорили, на Ионические острова были посланы подкрепления. Но то была лишь одна сторона стоявшей перед правительством Александра I проблемы. Существенное значение имела также и другая ее сторона — необходимость привлечь на свою сторону народы Адриатического побережья и Балкан, добиться того, чтобы в предстоящем столкновении с Францией они приняли сторону России и с оружием в руках выступили против наполеоновской агрессии.

Трудность положения для русского правительства в первые годы XIX в. состояла в том, что бороться с французским влиянием одними лишь обычными дипломатическими средствами и приемами было невозможно. Несмотря ни на что, часть греческого общества все еще продолжала питать иллюзии об освободительном характере наполеоновской политики и надеялась найти в Наполеоне будущего освободителя Греции. Бонапарт в своей греческой политике, так же как и в польской, ловко и цинично спекулировал на национальных чаяниях греческого народа. Не изжитые еще окончательно народами Европы, а тем более политически отсталым греческим народом иллюзии о революционном освободительном характере французской политики делали наполеоновскую пропаганду (тайные агенты Наполеона наводнили Грецию) особенно опасной. Для того чтобы вырвать из сильных и умелых рук Бонапарта это оружие, русское правительство должно было в свою очередь что-то противопоставить французской пропаганде, наполеоновской игре на национальных чувствах греков, отчасти маскировавшейся еще освободительными идеями французской революции. Борьба за влияние в Греции приобретала, таким образом, до известной степени оттенок идеологической борьбы.

Что же, однако, могло противопоставить правительство Александра I демагогическим посулам Наполеона об освобождении Греции?

Быстро и успешно преодолеть французское влияние император мог бы лишь одним путем,— прямо и открыто провозгласив себя сторонником независимости Греции. Однако именно этот путь был заказан правительству Александра I как потому, что в силу своей классовой природы царизм был не способен на подобный освободительный по существу своему акт, так и потому, что в первые годы XIX в. этому препятствовала европейская международная обстановка.

Русско-турецкий союз был в 1802—1806 гг. одним из самых важных, а вместе с тем и одним из самых уязвимых звеньев в общей системе внешней политики России. В греческом вопросе Александру приходилось действовать поэтому чрезвычайно осторожно, с постоянной оглядкой на Турцию.

Далее, от прямого и решительного вмешательства в греческий вопрос русского императора тогда удерживали и опасения оттолкнуть от себя своих союзников в борьбе против наполеоновской Франции. Англия и Австрия ревниво следили за каждым шагом России, и не могло быть сомнения в том, какую позицию они займут, если Россия попытается выступить в пользу Греции.

Русская политика в греческом вопросе оказалась, таким образом, в замкнутом кругу. Борьба против наполеоновской агрессии, необходимость привлечь греков на сторону России в случае французского десанта на Ионические острова, в Западную Грецию и нейтрализовать происки эмиссаров Наполеона требовали, чтобы Россия заняла четкую и определенную позицию относительно независимости Греции. Однако в тех же целях противодействия наполеоновским планам господства в Европе важно было удержать Турцию на стороне союзников и, следовательно, воздержаться от открытого выступления в пользу греков.

Итак, перед правительством Александра I в 1801—1805 гг. стояли две основные задачи: взять верх в идеологической и политической борьбе с Францией за влияние в Греции, чтобы обеспечить себе помощь греков в случае французского вторжения, с одной стороны; сохранить союз с Турцией, с другой. Средство для этого было только одно — до определенного момента маневрировать между Турцией и греками, не лишая последних надежды на помощь России, но и не связывая себя определенными обязательствами.

1396—1

Ареной борьбы России и Франции за влияние на общественное мнение Греции стали прежде всего Ионические острова.

Современники народных волнений на Ионических островах в 1799—1802 гг. связывали их с влиянием «вольности французской», подчеркивали идейную связь событий на островах с французской революцией, проводили нередко прямую аналогию между ними.

Нет надобности говорить, что аналогии эти во многом были лишь внешними и что движение на Ионических островах имело свою собственную социальную, классовую базу и развивалось в иных конкретных исторических условиях, чем французская буржуазная революция конца XVIII в.

Однако оба эти явления стоят в одном ряду буржуазных движений эпохи восходящего капитализма, что создавало в известные моменты возможность воздействия революционной идеологии на передовую прослойку ионического общества. Франция Директории, а затем наполеоновская Франция продолжала иногда пользоваться в корыстных захватнических целях лозунгами (скорее фразеологией) Франции революционной и в некоторых случаях достигала при этом успеха.

Царское правительство, однако, в полной мере видело эту опасность. В 1802 г. из министерства иностранных дел вышла записка (без подписи, вероятно, принадлежит В. П. Кочубею) под характерным названием «Замечания на мероприятия, предложенные гр. Мочениго для того, чтобы приобрести влияние на греков и воспрепятствовать французскому влиянию» [2]. В конце 1802 г. В. С. Томаре было предписано следить за действиями французских агентов в Архипелаге и за их сношениями с греками-майнотами (маньятами), а главное — выяснить, есть ли у Франции сторонники из местного населения в Архипелаге, сколь велико ее влияние, ведет ли она агитацию за

[2] АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, лл. 108—114.

независимость Греции [3]. В дальнейшем в русских правительственных предписаниях Томаре и Мочениго это стало одной из преобладающих тем. До известной степени на стремление правительства Александра I предотвратить вторжение французов в Грецию оказывала влияние также и боязнь, что оно может привести к росту революционных настроений греческого общества. То обстоятельство, что французская армия перестала уже к этому времени быть носительницей революционных идей, смягчало подобные опасения царизма. При всем том оставалась реальная возможность, что наполеоновская Франция даже против своей воли может дать новый толчок народным волнениям в Греции, в частности на Ионических островах. А. Чарторыйский подчеркивал в феврале 1804 г., что русское влияние должно предотвратить «бедствия», которым подвергнутся острова, «если пагубные принципы французов пустят... корни» [4].

Для борьбы с французским влиянием в Греции царизм использовал положения формировавшейся в это время теории легитимизма о бесцельности и бесплодности революционных преобразований, за которыми, как утверждали легитимисты, следует лишь усиление тирании [5]. Еще во времена якобинской диктатуры были пущены в ход подобного рода аргументы. Царизм снова использовал их в своей греческой политике, пытаясь доказать, что послереволюционная Франция — страна рабства и произвола.

Чтобы подорвать влияние французской пропаганды, полагали петербургские правительственные круги, нужно сначала развеять представления об освободительном характере наполеоновского режима во Франции.

«Нельзя не удивляться,— писал в этой связи А. Р. Воронцов Мочениго 24 февраля (8 марта) 1803 г.,— судя по тактике Бонапарта в самой Франции, когда его агенты находят еще в этих краях (т. е. на Ионических островах.— *А. С.*) людей настолько ограниченных, что они внемлят речам, которые те им расточают». Необходимо, указывал А. Р. Воронцов, «исправить их представление о характере

[3] А. Р. Воронцов Томаре 16(28) октября 1802 г. ВПР, т. I, стр. 318—319.

[4] А. Чарторыйский Мочениго 20 февраля (3 марта) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, л. 27—27 об.

[5] О роли легитимистской теории в политике царизма см. гл. VII.

французского режима и о том, чего они могли бы ожидать от него» [6].

Мочениго было предписано распространять на островах иностранные газеты и литературу, освещающие в соответствующем духе политику Бонапарта, что он в дальнейшем и старался делать [7].

Для борьбы с французской пропагандой предполагалось использовать и одного из греческих патриотов, отставного майора русской службы Н. Панголоса. Панголос был принят А. Чарторыйским, который настойчиво твердил что «режим Бонапарта в его стране таков же, как режим султана в Константинополе» [8].

Русские дипломаты надеялись, что провозглашение Наполеона в 1804 г. императором раскроет глаза грекам. Политические настроения греков, писал Мочениго А. Чарторыйскому, «должны поразительно измениться в нашу пользу с тех пор, как Бонапарт сбросил маску, сделавшись главой императорской династии» [9].

Стараясь развеять иллюзии греков о революционности наполеоновского режима во Франции, русское правительство стремилось также использовать в своих интересах нараставшее недовольство народов Европы тираническим господством Франции в порабощенных ею странах. В составленном в Петербурге проекте манифеста (1804 г.), с которым предполагалось обратиться к грекам и албанцам в случае французского десанта, подчеркивалось, что французы несут не национальное освобождение, а порабощение [10].

Эту тему красноречиво развивал в беседе с Н. Панголосом и А. Чарторыйский, доказывавший, что «французы сулят независимость лишь для того, чтобы разграбить, поработить, разорить страну, в которую они вступили» [11].

Русское правительство всячески стремилось расширить свои связи с представителями греческого общества. Дипло-

[6] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5000, л. 11—11 об.

[7] Например, 1(13) июля 1806 г. Мочениго сообщал А. Чарторыйскому о мерах, принятых им для распространения известной антинаполеоновской брошюры «Картина европейской политики в 1805 г.». АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, л. 305—305 об.

[8] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5000, лл. 114 об.— 115.

[9] Мочениго Чарторыйскому 25 июня (7 июля) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, л. 107 об.

[10] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 313—314.

[11] Там же, 1803 г., д. 5000, лл. 114 об.— 115.

матические посты в Греции сверху донизу замещались обычно греками или албанцами, состоявшими на русской службе (Моченито, консул в Превезе Власопуло, консул в Арте Флори, генеральный консул на Корфу Л. П. Бенаки и т. д.), греком был и командир эпиро-сулиотского корпуса генерал-майор Э. Г. Папандопуло; видную роль в создании этого корпуса сыграли албанец майор И. Бичили и грек Кристаки Калогерос. Русское правительство всячески поощряло связи Моченито с влиятельными греками — капитанами Дмитрием Караискосом из Валотоса и Варнакиоти из Ксеромеро и особенно с доверенным Али Игнатием, митрополитом округа Арты (Эпир) [12].

Одним из средств для борьбы против французского влияния было учреждение в марте 1804 г. русских консульств в ряде греческих и албанских городов (Салониках, Арте, Эвбее, Превезе, Влёре) [13]. Консульства были учреждены по предложению Моченито, на которого и возлагалось фактическое руководство их деятельностью (формально они были подчинены русскому посланнику в Константинополе А. Я. Италинскому [14]). Цель консулов, говорилось в инструкции, отвлечь греков «от всякой связи с Францией и приобресть их приверженность к России», в случае же французского десанта в Греции или Албании — призвать жителей к вооруженному отпору.

На русских консулов в Греции возлагалась все та же задача борьбы с наполеоновской пропагандой. В чрезвычайно любопытной инструкции консулам [15] русское правительство предписывало вывести из заблуждения людей, «зараженных мечтою французской вольности», открыв им глаза на то, что «в самой Франции существует одно только имя вольности, а в самом деле господствует Бонапарте неограниченно, что законы там безвластны и все раболепствует перед его самовластием». Консулам предписывалось разоблачить французскую пропаганду об особой миссии Франции в национальном освобождении европейских народов. «Просвещенные народы европейские,— гласила инструкция,— видят на опыте, что вольность, проповедуемая французскими эмиссарами, есть только мнимая, что все их обещания суть суетные, и что везде, где распространилось пагубное их учение, они вместо законных властей утвердили свое самовластие с совершенным земель тех разорением», как показывает пример Голландии, Швейцарии, Италии. Необходимо, подчеркивал автор инструкции, вскрыть коварный и демагогический характер наполеоновской политики в Греции, разъяснить, что греки для Наполеона лишь удобное орудие против Турции, так как он считает их «легковернее других и податливее на все лестные внушения», показать, что цель Франции не способствовать созданию независимой Греции, а лишь «взволновать греков под предлогом вольности», вторгнуться с их помощью в Турецкую империю, а затем предать их Порте.

Для консулов была разработана целая система правил поведения. Они должны были завоевать «любовь и откровенность» наиболее влиятельных лиц из местного населения «и для того... приноровляться к слабостям каждого». Сторонников Франции следовало, как сказано выше, просветить относительно истинного характера наполеоновских порядков. Но вместе с тем автор инструкции не забывал и о более консервативной прослойке тамошних жителей. Чтобы добиться популярности и среди этой группы, консулам предписывалось, во-первых, строжайше соблюдать церковные правила и обряды, во-вторых, стараться распространять слухи о безверии и безнравственности французов. «Французы,— патетически повествовала инструкция,— ни во что вменяют дружбу и гостеприимство, напротив того — величаются, соблазнив жену, дочь или сестру своего друга или приявшего их в дом свой, в чем почти всегда успевают коварным своим красноречием и известной тонкостию, прикрытой наружною веселостию, которые неминуемо обольщают женщин».

Одних лишь рассуждений о тираническом правлении Наполеона и об обольстительном коварстве парижских покорителей сердец было все же недостаточно для того, чтобы одержать полную и решительную победу в борьбе с Францией за влияние на греческое общественное мнение.

Вопрос о том, кому — России или Франции — оно будет принадлежать, решался в конечном счете тем, какую позицию обе стороны займут в вопросе о независимости

[12] АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, л. 114.
[13] Указ министерства иностранных дел 3(15) марта 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 79—80.
[14] ВПР, т. 1, стр. 651.
[15] Инструкция на русском языке, подписана А. Чарторыйским, не датирована, не позднее 7(19) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 272—277.

Греции, насколько они смогут удовлетворить стремления греческого народа к национальному освобождению.

Какова же была позиция правительства Александра I?

Как сказано уже, серьезное значение для русской дипломатии в этом отношении имела необходимость избегать повода для конфликта со своими союзниками — Турцией, Англией и Австрией, конфликта, который был бы неизбежен, если бы Россия выступила с открытым провозглашением независимости Греции. В соответствии с этим строилась и программа русской политики.

Правительство Александра I в вопросе о независимости Греции стремилось уклониться от окончательного решения. Александр I, писал А. Р. Воронцов Мочениго 28 августа (9 сентября) 1803 г., далек от «того, чтобы навести эти народы (т. е. балканские — *А. С.*) на мысль о независимости от Турции и ускорить, таким образом, гибель империи, которая уже и так слишком неустойчива и в которой Россия в настоящий момент имеет соседа, не дающего никаких поводов для жалоб» [16]. Эту же мысль повторил и А. Чарторыйский, писавший Мочениго, что Турция в теперешнем своем состоянии «стала наилучшим соседом, какого мы можем пожелать — вот почему в наших интересах поддерживать ее существование и охранять ее провинции от всех покушений» [17]. То же А. Чарторыйский заявил и Панголосу: «...отнюдь не в интересах России ссориться со столь спокойным соседом» [18].

Логическим выводом, который сделало правительство Александра I из этого, было решение до времени воздержаться от открытой поддержки греческих национально-освободительных стремлений. «В наши намерения ни в какой степени не входит произвести революцию [19] в Греции и вырвать ее из-под господства Порты. Россия в настоящее время не может решиться на освобождение Греции»,— так твердо и определенно писал об этом несколько позднее А. Чарторыйский Мочениго [20]. Не следует спешить дать последний толчок греческому национальному движению, еще раз повторил он в новом письме от 31 июля (12 августа) 1804 г. [21]

[16] Цит. по АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5000, л. 86—86 об. Опубликовано в ВПР, т. I, стр. 516.

[17] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, л. 269.

[18] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5000, л. 121—121 об.

[19] В данном случае имеется в виду не социальная, а национальная революция, т. е. провозглашение независимости.

[20] 7(19) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, л. 269.

Предписания «менажировать» Турцию без конца повторяются в правительственных инструкциях этого периода Мочениго и Италинскому. Типичным примером может служить все та же циркулярная инструкция русским консулам, предписывавшая обращаться с мусульманами «ласково и дружески», проповедовать веротерпимость, указывать на благожелательное отношение к магометанам в России, заверить, что Россия желает лишь блага Турецкой империи и т. п. Консулам категорически запрещалось вмешиваться в дела турецких подданных и разрешалось лишь неофициально ходатайствовать за греков.

Активное вмешательство в греческий вопрос откладывалось правительством Александра I до последнего, решающего момента — до действительного вторжения французов в Западную Грецию. Если греки в этом случае не обманут надежд союзников и выступят с оружием в руках против Наполеона, тогда — но лишь тогда — «можно будет дать больший простор надеждам угнетенных подданных Порты» [22]; «если французы попытаются что-либо предпринять против Греции, то нет никакого сомнения, что только те жители, которые присоединятся к нам, чтобы сражаться против них, смогут надеяться на более счастливое будущее» [23]. Такова была в 1803—1804 гг. позиция Петербурга в этом вопросе.

Каково же было в представлении руководителей русской дипломатии это «более счастливое будущее»?

Как уже сказано, установление полной независимости Греции ими исключалось. Недостаточным в данный момент (до конца 1804 г.) считали в Петербурге и предоставление Греции частичной автономии, привилегий Дунайских княжеств. А. Чарторыйский полагал, что при данных обстоятельствах наилучшим было бы установление для Греции того же статута, который был принят для Ионических островов: это позволило бы, по его мнению, и удовлетворить

[21] Там же, лл. 367—368, 365.

[22] А. Чарторыйский Мочениго 31 июля (12 августа) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, л. 366.

[23] А. Чарторыйский Мочениго 8(20) марта 1804 г. ВПР, т. 1, стр. 652.

желания греков и не отступать от осторожной тактики в отношениях с Турцией [24].

На той стадии греческого национально-освободительного движения, какой оно достигло в первые годы XIX в., и при тогдашней международной обстановке распространение на Грецию статута Ионических островов действительно могло иметь для нее положительное значение.

Само собой разумеется, что добиться этой цели русская дипломатия предполагала отнюдь не «революционным путем», а лишь с согласия Турции, в результате переговоров Порты и России. В инструкции генерал-майору Анрепу 7 (19) мая 1804 г.[25] (он возглавлял в 1804—1805 гг. русские силы на Ионических островах) предписывалось обещать грекам, что Россия не оставит «согласиться с Портою о мерах, на коих основать благоденствие греков, чему турецкое правительство противиться, конечно, не будет». Пока же правительство Александра I призывало греков терпеливо ждать, надеяться на помощь России и... хранить верноподданнические чувства к султану. В проекте русского манифеста греческому народу (в случае войны с Францией) на все лады, с обычными приемами официального церковного красноречия, повторялись эти призывы к терпению и надежде. Освобождение Греции, вещал манифест, «придет оттуда, куда таинственно указывает священный Апокалипсис, и тогда, когда наступит время, предуказанное провидением». Пока же наступит указанное Апокалипсисом время, грекам рекомендовалось утешаться тем, что, во-первых, их зависимость от Турции все же легче того гнета, которому Франция подвергла европейские народы, во-вторых, тем, что вина за бедствия Греции лежит не на самом султане, а на местных пашах, которые рано или поздно будут султаном наказаны [26].

Одновременно Петербург пытался воздействовать в соответствующем духе и на турецкое правительство, надеясь убедить его в необходимости смягчить режим и дать грекам некоторые послабления. А. Р. Воронцов считал, что турецкому правительству следует вернуться к тому режиму, который Греция имела до Сулеймана III [27]. Смягчение режима, подчеркивал канцлер, было бы в интересах самой Порты, так как это могло бы, «примирив их (греков.— *А. С.*), так сказать, с правительством турецким, раззнакомить их с мыслею быть в независимости от оного» [28].

Эта осторожная тактика не была последним словом русского правительства.

В Петербурге понимали как значение балканской проблемы, так и то, что — в собственных интересах — следует пойти навстречу балканским народам. «Неужели же мы совсем покинем греков [29] и примем за правило содействовать их полному подчинению турецкой тирании? Кажется, и человеколюбие и политика одинаково не допускают этого... Это значило бы пожертвовать народами, которые привязаны к нам более столетия и только на нас и надеются: после такого поступка они уж никогда не доверяли бы русским, а наконец возненавидели бы их с такою же силой, с какой прежде восторгались ими»,— писал А. Чарторыйский в докладной записке императору 17 (29) февраля 1804 г. [30]

Считая возможным переход Турции на сторону Франции, Чарторыйский предлагал в этом случае обещать грекам образование Восточной империи, королевства Эпирского, Афинской и Спартанской республик [31]. Тогда же Чарторыйский составил проект манифеста грекам, в котором сулил им полную независимость: «Наконец, пришел момент отвоевать ваши права, отмстить вашим угнетателям, приобрести свободу и независимость». Снова в этом манифесте воскресал призрак греческого проекта: вел. кн. Константину, писал Чарторыйский, предназначено «отмстить за узурпированный трон великого Константи-

---

[24] А. Чарторыйский Моченигo 31 июля (12 августа) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, л. 366.

[25] АВПР, ф. Канцелярия, д. 1119, лл. 1—39 об. Цитируется в кн.: К. Головнинин. Капитан-командор Сорокин в Ионической республике. «Морской сборник» 1882, № 9, стр. 40—51; Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море, стр. 22—23.

[26] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 311—321 об.

[27] А. Р. Воронцов Италинскому 2(14) декабря 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 571. Так в подлиннике; имеется в виду, очевидно, Сулейман I.

[28] А. Р. Воронцов Италинскому 16(28) ноября 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2230, л. 382.

[29] В данном случае имеются в виду все балканские народы — христиане, порабощенные Турцией.

[30] Сборник РИО, т. 77, стр. 492—493.

[31] 1804, б/д. Замечания Чарторыйского на инструкцию генерал-майору Анрепу. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 75—77.

на» [32]. Но... на проекте манифеста стоит характерная пометка: «Не апробован и в дело не пошел» [33]. Александр не хотел подобных крайностей.

Все та же угроза французского вторжения на Балканы привела к возникновению плана высадки русских войск, находившихся на Ионических островах, в материковой Греции. План этот зародился еще в 1802 г.[34] В 1804 г. Чарторыйский снова выдвинул его [35]. Вторжение французских войск в Грецию не осуществилось, и план этот практического значения не получил. В дальнейшем в русских правительственных кругах возникали новые планы относительно Греции, принявшие более широкий и смелый характер и выдвинутые в 1806 г. в переговорах с Англией. В 1805 г. был также поставлен Россией чрезвычайно важный вопрос о равноправии христианских подданных Турецкой империи [36].

Положение правительства Александра I очень осложнил и вопрос о судьбе греческого населения той полосы Ионического побережья, которая до 1797 г. принадлежала Венеции и где находились греческие города Превеза, Парга и Воница (по принятой в то время терминологии — экс-венецианская Албания). Заключению конвенции 21 марта (1 апреля) 1800 г. предшествовала длительная дипломатическая борьба Турции с Россией, которая отстаивала эти города от притязаний турецкого правительства. Томаре удалось тогда в какой-то степени защитить интересы жителей, выговорив для греческих городов статут, ограждавший их от произвола турецких властей. Россия получила также права покровительницы православного населения этой области.

Установление в 1800 г. власти Турции над Ионическим побережьем вызвало острое недовольство христианского — и греческого, и албанского — населения этой области. Еще во время русско-турецких переговоров о заключении конвенции об Ионических островах оно пыталось как-то отвратить ожидавшее его турецкое владычество. Горячим желанием его был переход под покровительство России. Понимая, что вследствие создавшейся международной обстановки это неосуществимо, жители настойчиво добивались присоединения экс-венецианской Албании к Ионической республике. Еще до заключения конвенции 21 марта 1800 г., в сентябре 1799 г. в Константинополь прибыла депутация Парги и Превезы, выставившая указанные требования [37]. Когда все же было решено отдать области албано-греческого побережья Турции, на Ионических островах и на побережье поднялись протесты. Население обращалось к Ушакову с просьбами об отмене соответствующих статей конвенции 21 марта 1800 г., и просьбы эти находили у Ушакова сочувственный отклик, даже если и не в его силах было изменить создавшееся положение [38].

Хотя власть Турции над экс-венецианской Албанией была ограничена теми статьями конвенции 21 марта, которые установили для ее христианского населения определенный статут и дали ему ряд привилегий финансового и судебного порядка, на практике местные турецкие власти постоянно нарушали этот статут.

В 1803—1805 гг. Турция сделала попытки отнять у Превезы, Парги и Воницы те привилегии, которые были им гарантированы. Как и всегда в подобных случаях, население городов обратилось за помощью к России, вмешательство которой спасло их от грозившей им участи [39].

Жители греческих городов были искренне благодарны за это России [40]. Но создавшееся положение все же не могло удовлетворить их полностью. Стремление перейти под покровительство России или хотя бы присоединиться к Ионической республике продолжало жить среди греков.

---

[32] Имеется в виду Константин Палеолог, последний византийский император.

[33] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 68—74 об.

[34] «Замечания об экспедиции, которую следует снарядить в черноморских портах». АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, лл. 172—173, без подписи и даты.

[35] Записка Чарторыйского Александру I 17(29) февраля 1804 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 496; Чарторыйский С. Р. Воронцову 26 февраля (9 марта) 1804 г. ВПР, т. 1, стр. 635.

[36] Об этом см. гл. VII и VIII.

[37] АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 895, л. 12 об.

[38] См. обращение паргиотов к Ушакову 21 апреля 1800 г. и письмо его Ф. В. Ростопчину 24 апреля (5 мая) 1800 г. в поддержку их требований. «Адмирал Ушаков», т. III. М., 1956, стр. 304—305, 307—308.

[39] Подробнее об этом см. А. М. Станиславская. Греческий вопрос во внешней политике России в начале XIX в. (1798—1807 гг.). «Исторические записки», 1961, т. 68, стр. 151—152.

[40] См. письма их Моченого от 8(20) августа 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5009, л. 145—145 об.) и Италинскому от 17(29) июля (там же, 1804 г., д. 2242, лл. 207—212).

Попытки Турции в 1800—1804 гг. нарушить установленный статут городов лишь оживили это чувство. В обращении Парги, Превезы и Воницы к Мочениго 6 октября 1803 г. жители просили о присоединении городов к Ионической республике [41]. То же было повторено в письме депутации и совета Превезы Мочениго 6 (18) мая 1804 г., написанном в обычном для греческих документов той эпохи риторически-приподнятом стиле. Жители Превезы «во имя бога и человечности» просили Александра — «нежное утешение и надежду греческой нации» — принять их под покровительство России [42]. В беседе с уполномоченным Мочениго ионическим сенатором Наранци старейшины Превезы жаловались на конвенцию 21 марта 1800 г., подчеркивая, что Ушаков сочувствовал их стремлениям и был против передачи греческих городов под власть Турции, и твердили, что лишь от России они ждут своего избавления [43].

«Нежное утешение греческой нации», однако, отнюдь не спешило обрадовать своих поклонников. Сохранение добрых отношений с Турцией Александр предпочитал присоединению экс-венецианской Албании к Ионической республике, не говоря уже об установлении протектората России.

России в 1803—1807 гг. приходилось оборонять города Ионического побережья и от натиска Али Тепелены. Россия и Али в этот период враждовали. Али уже давно поставил себе целью завладеть албано-греческим побережьем и Ионическими островами, основным препятствием чему была Россия, покровительствовавшая им.

В 1799 г. Али подверг ужасному разгрому Превезу, и лишь заступничество Ушакова спасло от той же участи Паргу. В 1803 г. янинский паша сломил героическое сопротивление албанцев-христиан сулиотов. Беглецы-сулиоты нашли убежище и помощь на Ионических островах, что крайне озлобило Али против России. Еще до этого войска Али заняли Бутринто, Превезу, Воницу и угрожали Парге.

Под давлением России Турция приказала Али вывести его войска из Превезы и Воницы, что он и вынужден был

[41] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5001, лл. 304—305.

[42] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 12—13 об.

[43] Запись беседы сенатора Наранци со старейшинами Превезы 4(16) мая 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 228—232 об.

сделать в августе 1804 г. Россия не раз безуспешно просила Турцию сместить Али. Мочениго пытался противопоставить Али враждебных ему албанских феодальных владетелей [44]. При тайной поддержке Мочениго они в 1804 г. объединились (так называемая «чамерийская лига») и начали действия против Али. Но Турция запротестовала, и Петербург предписал Мочениго действовать осторожнее, не доводя дело до открытого конфликта с Али.

Али придерживался постоянного правила: ориентироваться на ту из великих держав, которая в данный момент брала верх. В 1797 г. он заигрывал с Бонапартом, но уже в 1798 г. вел на стороне России и Турции военные действия против Франции. В 1803 г. Али снова завязал тайные связи с командующим французскими войсками в Неаполитанском королевстве генералом Сен-Сиром. Осведомленное об этом, русское правительство считало, что Али примет сторону французов в случае их десанта в Западной Греции.

Покушения Али на Ионические острова и греческие области Ионического побережья, его связи с Наполеоном сталкивали янинского пашу и Россию. При всем том Али вовсе не был таким ожесточенным и непримиримым врагом России, каким любит изображать его западноевропейская буржуазная историография [45]. В период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Али предлагал России заключить союз против Турции, вел переписку с Потемкиным и Безбородко [46]. Новые попытки сблизиться с Россией Али предпринял в 1806 г. через русского консула в Арте Флори, которому он сообщил о своем желании заключить тайный союз против Турции [47]. Пытался Али поддерживать добрые отношения и с Сенявиным.

[44] О социально-экономическом строе и внутренних отношениях Албании см. Г. Л. Арш. Некоторые вопросы истории Южной Албании конца XVIII — начала XIX в. М., 1959. Кандидатская диссертация. Машинопись; его же. К вопросу об экономической политике Али паши Янинского. «Новая и новейшая история», 1958, № 6, стр. 103—112.

[45] J. W. Baggally. Aly-pacha and Great Britain. Oxford, 1938; W. Plomer. Aly the Lion. London, 1936.

[46] Г. Л. Арш. Русско-албанские связи в период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. «Исторические записки», 1958, т. 63, стр. 259—268.

[47] Запись беседы Али паши с Флори 11 мая 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, лл. 260—279; донесение Флори

Однако Россия в этот период считала, что сближение с Али затруднит ее отношения с греками.

Несмотря на невозможность удовлетворить стремление жителей Ионических островов и греческих городов побережья к национальному объединению, покровительство России имело для населения Северной Греции большое благотворное значение. Даже весьма враждебному России капитану В. М. Лику, направленному в 1804 г. для разведки в эти края и жадно искавшему признаков озлобления греков против России, пришлось признать, что жители Превезы полны благодарности к ней и что русский консул (Власопуло) бдительно охраняет их права. Лик называет Превезу счастливым городом [48]. Об удачной защите Россией греческих городов от покушений Али говорит и Пуквиль, бывший в то время французским генеральным консулом в Янине [49].

Политика правительства Александра I в вопросе о статуте и судьбе греческого населения Северной Греции была компромиссной и во многом непоследовательной. Результаты основного порока конвенции 21 марта 1800 г.— уступки Турции Ионического побережья с преобладающим греческим населением — сказывались и в 1803—1807 гг.

Однако, оставаясь в рамках конвенции, русское правительство много сделало для того, чтобы улучшить положение греческого населения и защитить его от поползновений Турции.

В какой же степени позиция правительства Александра I могла удовлетворить общественное мнение Греции?

Союз России с Турцией, несмотря на то, что он был вызван непосредственной и неотложной необходимостью, смущал и тревожил греков. В результате двойственной политики правительства Александра русское влияние в Греции несколько ослабело. Греки жаловались, что русское правительство не уделяет Греции должного внимания. «Если эта беззаботность продолжится, следует ожидать, что их (греков.— *А. С.*) привязанность к России умень-

Итальянскому 23 июня (5 июля). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2258, лл. 251—252 об.

[48] W. M. Leak. Travels in Northern Greece, vol. I. London, 1835, p. 178.

[49] F. G. H. L. Pouqueville. Histoire de la régénération de la Grèce, t. I. Bruxelles, 1825, p. 132—133.

шится... и французы на этом тем более выиграют»,— говорил Н. Панголос А. Чарторыйскому в сентябре 1803 г. [50] Недовольство греков союзом России с Турцией отмечал и Мочениго [51]. Сами руководители русской дипломатии стали с тревогой говорить о некотором падении русского влияния в Греции [52].

Известное представление о реакции греков на политику правительства Александра I в греческом вопросе (конечно, не исчерпывающее, но при чрезвычайной бедности материалов по данному вопросу и при недостаточной изученности его приходится довольствоваться и этим) могут дать донесения Мочениго. Благодаря своему греческому происхождению и широким и прочным связям на Ионических островах он был хорошо осведомлен о политических настроениях греческого общества. Горячие и глубоко укоренившиеся эллинофильские симпатии Мочениго сплошь и рядом заставляли его в ряде вопросов стоять скорее на точке зрения тех умеренно либеральных, но захваченных все же патриотическими настроениями греческих кругов, с которыми он был лично связан (группа И. Каподистрия — С. Теотоки), чем на официальных позициях русской дипломатии. В одном из писем к С. Р. Воронцову ему пришлось даже пугливо уверять русского посла в том, что греческое происхождение никак не влияет на его служебные действия. В конце концов Мочениго стал своего рода porte parole греческих кругов.

В обширной своей переписке с А. Р. Воронцовым и А. Чарторыйским о политике правительства в греческом вопросе Мочениго с особой энергией стремился прежде всего убедить своих петербургских начальников в том, что новая обстановка требует новых методов и что традиционные средства воздействия на угнетенные Турцией народы во многом устарели. Во время первой русской экспедиции в Архипелаг уже самый факт общности религии был для греков залогом того, что Россия будет их освободительницей. Но сейчас не времена Орлова, подчеркивал Мочениго, и русские правительственные круги преувели-

[50] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5000, лл. 120 об.— 121.

[51] Мочениго А. Чарторыйскому 16(28) декабря 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5018, л. 540—540 об.

[52] А. Р. Воронцов Мочениго 28 августа (9 сентября) 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 516.

чивают степень того влияния, которое может иметь общность религии [53].

Грекам, указывал Мочениго, нужна независимость. Никакие полумеры, никакие компромиссы удовлетворить их не могут. «Только самое быстрое исполнение всего, что хотят сделать для улучшения участи греков, могло бы обеспечить нам их привязанность и одновременно заметное преобладание в их доверии»,— писал Мочениго в апреле 1804 г. А. Р. Воронцову [54].

Надеясь, может быть, при этом на свою дружбу с А. Чарторыйским и на покровительство обоих Воронцовых, Мочениго позволял себе даже временами довольно смелую критику политики Петербурга в греческом вопросе. Попытки правительства балансировать между Турцией и греками, сохранить одновременно и союз с Турцией, и популярность в Греции Мочениго считал ошибочным и бесцельным (напомним еще раз, что в ряде вопросов Мочениго прямо и непосредственно выражал точку зрения греков). По правильному его убеждению, подобная компромиссная тактика могла лишь вызвать недовольство обеих сторон. Греки, подчеркивал Мочениго, прекрасно понимают, что Россия может по-настоящему помочь им, лишь порвав с Турцией. «Поскольку мы стеснены соображениями, относящимися до наших политических связей с Портой.., не остается ничего другого, как держаться с величайшей сдержанностью»; планы правительства о частичном улучшении положения греков при одновременном сохранении в силе русско-турецкого союза «не могут рассматриваться иначе, как иллюзорное обещание, так как нет ни одного грека, который не был бы совершенно убежден в том, что Порта никогда на это не согласится, если ее не заставить силой и не пойти даже при этом на разрыв с нею»,— писал Мочениго А. Чарторыйскому 18(30) сентября 1804 г. [55]

[53] Мочениго А. Р. Воронцову 18(30) января 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5010, лл. 41—49 об. См. также донесение Мочениго 25 ноября (7 декабря) 1805 г., в котором он настаивает на том, что грекам недостаточно обещаний и манифестов. Там же, 1805 г., д. 5018, л. 512—512 об.

[54] Донесение 19 апреля (1 мая) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5010, л. 189 об. См. также донесение Мочениго 7(19) февраля 1804 г. Там же, лл. 61—62 об.

[55] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 384—385. См. так-

Если Россия не откажется от союза с Турцией и не выступит с решительной декларацией в греческом вопросе, то не исключалась, по мнению Мочениго, возможность того, что греки в случае французского десанта пойдут за Наполеоном. «Греки в большинстве настолько угнетены и настолько увлечены мыслью, что для них есть возможность вследствие настоящих обстоятельств получить свободу, что, несмотря на религиозные связи, соединяющие их с Россией, всегда предпочтут первого, кто к ним с этим обратится, и захотят действовать в духе, на который рассчитывают французы», т. е. пойдут за любым, кто посулит им независимость,— с полной откровенностью неоднократно писал он в 1804—1805 гг. А. Р. Воронцову и А. Чарторыйскому [56].

Мочениго был не одинок в предположениях, что в случае французского вторжения греки могут принять сторону французов. Действительный статский советник К. К. Родофиникин, направленный в 1806 г. со специальной миссией в Константинополь, писал в августе 1806 г. министру иностранных дел А. Я. Будбергу: «Как турки, занимающиеся земледелием и торговлей, так и греки с жадностию ожидают вторжения французских войск в сии краи, дабы избавиться от несносных налогов и грабительств, причиняемых бунтовщиками (т. е. мятежными пашами.— *А. С.*)... Объяснял я им тяжкое положение народов, попавших под французское иго, насильный набор как молодых, так и старых во французскую армию и колико развратили нравы женского пола французские армии повсюду, где проходили — все сие бесполезно, ответ их непременен: хуже настоящего ничто быть не может» [57]. О том же говорил и неизвестный автор записки, приложенной к одному из мемуаров А. Чарторыйского за 1806 г. «Когда я был в Италии,— сообщалось в записке,— я говорил со многими греками, которые без колебания доверительно заявляли мне, что все греки надеятся стряхнуть иго Турции

же письмо Мочениго 1(13) мая 1804 г. Там же, 1804 г., д. 5010, л. 215 об.

[56] Письмо 19 апреля (1 мая); см. также письма 18(30) января 1804 г., 22 декабря 1805 г. (3 января 1806 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5010, лл. 41 и сл., 189; 1805 г., д. 5018, лл. 545—547.

[57] Родофиникин Будбергу 22 августа (3 сентября) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1880, лл. 24 об.— 25.

с помощью французских войск, а что русские — покровители Порты Оттоманской» [58].

Сами греки напрямик говорили о том же даже официальным представителям русской дипломатии. Так, Панголос в сентябре 1803 г. в беседе с А. Чарторыйским откровенно заявил, что у греков в этом вопросе нет выбора — Франция одна лишь бдит и действует, тогда как другие державы спят [59]. В личном письме Чарторыйскому Панголос писал: «По-видимому, кажется, что все греки отвратили себя от Севера и устремили взор свой на Запад» [60].

В беседе с Мочениго в июле 1804 г. капитаны Караискос (известный арматол) [61], Варнакиоти и другие, пользовавшиеся, по его словам, большим влиянием в Греции, на предостережения полномочного представителя России против Франции решительно ответили ему, что греки пойдут за первой державой, которая пообещает им освобождение [62].

К тем же выводам приходили английские дипломаты и военные, имевшие возможность познакомиться с настроениями греков. Английский генеральный консул в Албании и Морее Д. Ф. Морье сообщил в апреле 1804 г., что в случае французского десанта греки восстанут как один человек [63]. В. М. Лик не без злорадства писал в своем путевом дневнике, что, по всей видимости, греки готовы приветствовать французский десант [64].

Уклончивая тактика правительства Александра I привела к тому, что в некоторых греческих кругах начали зарождаться сомнения в серьезности отношения императора к делу независимости Греции. Караискос и Варнакиоти осторожно намекали на это. Если обстоятельства не позволяют пока России привлечь греков для уничтожения Турецкой империи, то было бы жестоко и неуместно лишь использовать их для попытки, не имеющей под собой прочной основы, говорили они Мочениго в июле 1804 г. [65]

[58] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7892, лл. 30 об.— 31.
[59] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5000, лл. 115—116.
[60] Панголос Чарторыйскому 20 декабря 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7864, л. 41 об.
[61] J. W. Baggally. Op. cit., p. 41.
[62] Мочениго А. Чарторыйскому 3(15) июля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия. 1804 г., д. 5011, лл. 258—259.
[63] J. W. Baggally. Op. cit., p. 11.
[64] W. M. Leake. Op. cit., vol. I, p. 21.
[65] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 258—259.

Н. Панголос в письмах к Чарторыйскому и А. Р. Воронцову упрекал царское правительство в равнодушии к интересам греков — «усердной к России нации», по-прежнему привязанной к ней, «невзирая на то, что имела очевидные примеры в самых умеренных возмездиях» [66]. Панголос взывал к руководителям русской политики: «Пора вам обнять греков, они пригодятся России, как хлеб — брюху» [67].

Однако, несмотря ни на что, симпатии и доверие подавляющего большинства греческого народа оставались на стороне России. Она была единственной державой, от которой греки могли ждать помощи. Панголос подчеркивал, что Россия самая популярная и любимая греками держава [68]. Появление русских подкреплений на Ионических островах было встречено жителями общим энтузиазмом [69] и ослабило влияние Франции, что отмечал даже враждебный России англичанин Морье [70]. Бей Майны (Маньи), области, бывшей предметом особого внимания Наполеона, просил Мочениго уведомить Александра I, что «все древние лакедемоняне, ныне майниоты, включая меня, отдаются на его милосердие...» [71].

Во время войны между Россией и Францией Ионическая республика (в июне 1806 г.) открыто приняла сторону России [72]. В Фессалии и Морее, по сведениям Мочениго и русских консулов, большинство населения держало сторону России, а не Франции [73]. Военные успехи французов в конце 1805 г. не изменили в этом отношении положения. После победы Наполеона при Ульме Мочениго направил в глубь острова Корфу своих агентов, чтобы «позондировать дух обитателей деревень и предместий». По сведениям агентов, «деревня (la campagne) расположена как нельзя более в пользу России». Так же как и

[66] Панголос А. Р. Воронцову 5 сентября 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7864, лл. 30—31.
[67] Панголос Чарторыйскому 20 декабря 1803 г. Там же, л. 43 об.
[68] АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 5000, л. 116.
[69] Мочениго А. Чарторыйскому 28 июня (10 июля) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 220—228.
[70] См. J. W. Baggally. Op. cit., p. 11.
[71] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, л. 205.
[72] См. прокламацию Сената 5(17) июня 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, лл. 285—287.
[73] Письма Мочениго 1(13), 14(26) февраля, 20 марта (1 апреля) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5018, лл. 21 об.— 22, 31—33, 89—90.

среди жителей более крупных селений, сторонники Франции там немногочисленны. «Я не сказал бы того же об обитателях города»,— оговаривался, однако, Мочениго, указывая, что в городах сторонников Франции больше, хотя и там число их незначительно [74]. Таковы же были в общем в 1805—1806 гг. политические настроения и на островах Занте и Кефалонии, считавшихся прежде центрами французского влияния [75]. Стоявшие ранее во главе волнений семейства Мартиненго и Анино также были теперь преданы России [76].

Война с Турцией открыла новую страницу в истории политики России на Ионических островах и в истории отношений Греции и России. Союз России и Турции, какую бы завесу ни набрасывали на него царские дипломаты, в глазах греков был изменой делу их национального освобождения. Уклончивая политика в греческом вопросе, стремление не обострять отношений с Портой и сдерживать в этих условиях нарастающее греческое национально-освободительное движение вызывали у них разочарование.

Разрыв России с Турцией положил конец этим опасным, с точки зрения русского царизма, настроениям. Вновь восстанавливалось традиционное, с точки зрения греков, положение: Россия с оружием в руках выступила на защиту угнетенных народов против султанской Турции.

Позиция греческого населения в начальный период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. [77] явилась новым доказательством большой популярности России в Греции. Вопреки утверждениям некоторых историков (Пуквиль, Дора д'Истрия) о равнодушии и безразличии греков в начале войны [78] факты свидетельствуют о патриотическом подъеме в Греции. Объявление Турцией войны России послужило сигналом также для разрыва между Портой и

[74] Мочениго Александру I 24 ноября (6 декабря) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5017, л. 10.

[75] Мочениго А. Чарторыйскому 15(27) января 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, лл. 22—23 об.

[76] Мочениго Будбергу 17(29) октября 1806 г. Там же, л. 383—383 об.

[77] О русско-турецкой войне 1806—1812 гг. см. гл. VIII.

[78] F. G. H. L. Pouqueville. Op. cit., t. I, p. 214; Dora d'Istria. Les îles Joniennes sous la domination de Venise et sous le protectorat britannique. «Revue des deux Mondes», 1858, vol. XVI, p. 401.

Ионической республикой. Турецкое правительство сообщило сенату республики об объявлении войны и предложило «считать русских врагами». Сенат дал на это «ответ, соответствующий чувствам, желаниям и истинным интересам нации» [79].

Война против Турции и Франции, писал Мочениго, обычно столь чуткий к общественным настроениям греков, приобретает в глазах жителей национальный характер [80]. Ионические острова постепенно становились центром общегреческого национального движения. Клефты — одни из первых борцов за независимость Греции — избрали острова своим опорным пунктом; сюда массами стекались беглецы из Албании и Греции, спасавшиеся от преследований турецких властей и Али. Среди них были знаменитые капитаны (предводители греческих вооруженных отрядов) Макрис, Боцарис, Кацандонис, Кристаки Калогерос, Колокотронис и др. Большинство из них позднее играло видную роль в греческом восстании 1821 г. К 1806 г., еще до русско-турецкой войны, число беглецов греков и албанцев (сулиотов) на островах Св. Мавры и Итаке достигло трех тысяч [81]. Турция, встревоженная тем, что греческое движение, до тех пор распыленное и неоформленное, получило на Ионических островах сильную опорную базу, потребовала в июне 1806 г. высылки беглецов. Италинский отклонил настояния турецкого правительства [82]. Капитаны дали присягу не оставлять оружия до тех пор, пока не будет завоевана независимость Греции под покровительством России [83].

Бежавшие на Ионические острова арматолы из Мореи поддерживали, находясь на островах, постоянные сношения с арматолами и клефтами, оставшимися в горах на

[79] Мочениго Александру I 11(23) февраля 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5029, л. 65—65 об.

[80] Мочениго Александру I 28 июня (10 июля) 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5029, лл. 204 об.— 205 об.

[81] A. Papadopoulo-Vretós. Mémoires biographiques-historiques sur le président de la Grèce le comte Jean Capodistrias, t. I. Paris, 1837, p. 10—11; F. G. H. L. Pouqueville. Op. cit., t. I, p. 205—206; J. W. Baggally. Op. cit, p. 40—41; донесение Мочениго 1(13) апреля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, л. 166.

[82] Донесение Италинского 2(14) июня 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2258, лл. 128 об.— 131 об.

[83] Dora d'Istria. Op. cit., p. 401; F. G. H. L. Pouqueville. Op. cit., t. II, p. 206.

материке, и побуждали их к восстанию. Возможно, что находившийся в это время на Ионических островах Колокотронис уже тогда разрабатывал совместно с вождем одной из албанских общин Али Фармаки планы освобождения Мореи [84].

Происходившие попытки восстания против Турции (во главе одной из них (1808 г.) стоял Влахавас) были связаны с центром национального движения на Ионических островах. На Ионических островах начал свою политическую жизнь в качестве секретаря по иностранным делам республики И. Каподистрия, близкий друг Мочениго.

Греческое национальное движение этой поры выдвинуло ряд интересных фигур, связи которых с Россией сравнительно мало известны. Среди них были представители как консервативных, так и более передовых кругов. К числу первых относится Игнатий, митрополит округа Арты.

Игнатий — человек больших способностей, имевший широкие политические связи [85], долгое время был личным секретарем и ближайшим доверенным лицом Али Тепелены. Свое положение и свое влияние на Али он использовал для тайной помощи греческому освободительному движению и России. Русские представители на островах получили в нем надежный и чрезвычайно ценный источник информации о замыслах Али, о его связях с Францией и Англией, об его отношениях с турецким правительством.

Али часто пользовался услугами Игнатия для дипломатических переговоров с Мочениго и правительством Ионической республики, что давало митрополиту широкие возможности оказывать России и делу освобождения Греции важнейшие услуги [86].

В конце концов связи митрополита Игнатия с Россией были раскрыты, и он, спасаясь от мести Али, бежал в начале 1806 г. на Ионические острова [87]. Здесь Игнатий

[84] Th. Gordon. History of the Greek Revolution, vol. I. London, 1832, p. 40; J. W. Zinkeisen. Geschichte der griechischen Revolution, t. I. Leipzig, 1840, S. 42.

[85] См., например, W. M. Leake. Op. cit., vol. I, p. 202—203. См. также глухое упоминание о митрополите Игнатии в кн.: Th. Gordon. Op. cit., vol. I, p. 38—39.

[86] Чарторыйский предписал Мочениго в письме от 8(20) марта 1804 г. сделать Игнатию богатый подарок. ВПР, т. 1, стр. 652. См. благодарственное письмо митрополита Игнатия Александру 18(30) сентября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 414—415.

[87] Мочениго А. Чарторыйскому 23 января (4 февраля) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, лл. 31—32.

вместе с Каподистрия (с которым он сблизился) играл видную роль в организации греков и сулиотов, бежавших на острова от турецкого гнета. Впоследствии Игнатий был митрополитом Бухареста [88]. В греческом национальном движении Игнатий занимал место на правом его фланге.

Своеобразной и сложной фигурой зарождавшегося греческого национального движения был также Н. Панголос, о котором в исторической литературе мы находим лишь отдельные случайные упоминания [89].

Панголос выделился еще во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг., когда он служил в русском флоте [90]. По словам Панголоса, Г. А. Потемкин тайно послал его с поручением к русскому посланнику в Константинополе Я. И. Булгакову, которого турецкие власти в 1787 г., с началом войны, заключили в Семибашенный замок [91]. Панголос объездил пол-Европы, побывав в Молдавии, Вене, Триесте, на Ионических островах, в Англии, Петербурге, и повсюду старался привлечь общественный интерес к делу освобождения Греции. Еще в 1799 г. В. С. Томара писал о Панголосе, что он «есть один из беспокойнейших греков, вития площадной, собирающий везде последователей. Таким я его видел в Молдавии, в Вене, в Триесте и в Венецких (Ионических.— *А. С.*) островах». Считая, что опасно пускать Панголоса на Ионические острова, где он «может произвести всякую суматоху», Томара решил направить его под арестом на пакетботе в Россию [92].

Политические взгляды Панголоса не отличались определенностью. Будущее греческое государство он представлял себе (насколько можно судить по высказываниям его в беседе с Чарторыйским) в качестве конституционной монархии с двухпалатной системой, причем в нижней палате будут представлены третье сословие и крестьянство.

[88] N. Jorga. Histoire des états balcaniques. Paris, 1925, p. 207—208.

[89] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 79—80; N. Jorga. Histoire des états balcaniques, p. 84, 204; его же. Geschichte des osmanischen Reiches, Bd V. Gotha, 1913, S. 241.

[90] Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 343; Архив гр. Мордвиновых, т. II, стр. 413—414.

[91] См. письмо А. Я. Булгакова Я. И. Булгакову от 22 мая (3 июня) 1804 г. из Неаполя об его знакомстве с Панголосом. «Русский архив», 1898, кн. 11, стр. 394.

[92] Томара Кочубею 1(12) июня 1799 г. АВПР, ф. Сношения России с Турцией, 1799 г., д. 902, лл. 47—48.

Панголос стоял при этом за полное уничтожение феодальных отношений и полное освобождение крестьян с землей.

Панголос не скрывал, что ради освобождения Греции он и его сторонники готовы пойти за любой иностранной державой — Англией или Францией — лишь бы она поддержала греческое национальное движение. А. Чарторыйский подозревал даже, что Панголос во время пребывания своего в Англии вел переговоры с английским правительством. Однако Панголос всегда убежденно заявлял, что лишь у России греки надеются найти бескорыстную и братскую помощь. Панголос указывал вместе с тем на некоторое падение влияния России в Греции в связи с тем, что Кючук-Кайнарджийский мир не принес непосредственного облегчения положения греков, в последующий же период царская дипломатия уделяла мало внимания греческому вопросу.

Правительство Александра I в 1803 г. решило попытаться использовать Панголоса. Чарторыйский, которому Панголос с редкой откровенностью раскрыл свои политические взгляды («... он говорил со мной с искренностью, которая, говорят, необычна среди его соотечественников»,— писал Чарторыйский о своей беседе с ним), видел в нем в первую очередь искреннего и страстного патриота — «человека, очень привязанного к интересам своей родины, и выше всего ставящего ее освобождение» [93]. В результате предложение Панголоса о создании в Греции греческого легиона (или корпуса, дивизии) [94] было одобрено.

Русское правительство было готово в 1803—1804 гг. сделать еще один шаг навстречу настояниям Панголоса, отражавшим национальные стремления греков,— по его предложению предполагалось организовать в России греческий батальон и создать воспитательные заведения для греческой молодежи [95].

Панголос был направлен в Грецию как для формирования греческого корпуса, так и — самая важная сторона его миссии — для пропаганды против Наполеона. В этом отношении русское правительство возлагало на Панголоса

[93] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7864, л. 1—1 об.

[94] Панголос А. Р. Воронцову 5 сентября 1803 г. Там же, л. 30—30 об.

[95] А. Р. Воронцов Панголосу 30 декабря 1803 г. (11 января 1804 г.) и 10(22) февраля 1804 г. Там же, лл. 62—62 об., 63.

особые надежды. Греки, писал ему в личном письме канцлер А. Р. Воронцов, «по нетерпеливости своей бросаются в руки тем, кто вместо доставления вольности, ими ожидаемой, причиняет им совершенное разорение» (т. е. в руки Франции.— *А. С.*). Канцлер просил Панголоса употребить «старания ваши внушить им истинную их пользу и выгоды и охранить их советами вашими от предстоящей им гибели, если они поддадутся на лестные обнадеживания французского правительства» [96]. В том же духе писал Панголосу и А. Чарторыйский [97].

К поддержке возложенной на Панголоса важной миссии русское правительство привлекло и Англию, где в конце 1803 г. находился Панголос. С. Р. Воронцов рекомендовал Панголоса английским министрам; английское правительство ассигновало ему 200 гиней и переправило его в Морею на английском военном корабле [98].

Необузданная и ни с чем не считающаяся энергия Панголоса внушала и Моченигo, и А. Чарторыйскому некоторые опасения: они боялись, что Панголос зайдет слишком далеко в своем страстном и нескрываемом желании возможно скорее увидеть Грецию освобожденной от турецкого ига. А. Чарторыйский все же отважился на этот эксперимент, полагая, как он писал Моченигo, что, несмотря на свой экзальтированный характер, Панголос способен понять те причины, «по которым Россия в настоящее время не может решиться на освобождение Греции» [99].

Но в надеждах на Панголоса правительство Александра I постигло жестокое разочарование. Попав на родину, Панголос попытался использовать предоставлявшиеся ему возможности, вышел за пределы, очерченные ему правительством Александра I, и стал распространять в Морее от имени царя подложное письмо, содержавшее формулу присяги греков-патриотов, клятву собираться под знаменем России, чтобы сражаться за освобождение Греции.

Турецкое правительство, естественно, всполошилось, получив известия о действиях Панголоса. Встревожился и Петербург, где никак не ожидали подобного оборота

[96] А. Р. Воронцов Панголосу 30 декабря 1803 г. (11 января 1804 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7864, л. 62—62 об.

[97] Письмо 8(20) марта 1804 г. Там же, л. 63 об.

[98] Панголос Чарторыйскому из Лондона 20 декабря 1803 г. (копия, перевод). Там же, л. 41.

[99] А. Чарторыйский Моченигo 7(19) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 269—270.

событий. Панголос был официально дезавуирован. Чарторыйский уведомил, что Россия не будет возражать, если Порта сочтет нужным арестовать его. (Это приняли в Константинополе с большим удовлетворением) [100]. Панголосу пришлось вернуться в Россию [101], и фавору его у Чарторыйского и А. Р. Воронцова пришел конец. Чарторыйский, впрочем, с огорчением писал С. Р. Воронцову, что «наш друг Пангало» (Воронцов также симпатизировал греческому патриоту) наделал немало ошибок, но что он попрежнему питает к Панголосу большой интерес и будет скорбеть, если он плохо кончит (Чарторыйский опасался, что с Панголосом расправятся турки) [102].

Вторично мы видим Панголоса на арене в конце 1805 г. Война с Францией дала ему повод снова выступить с предложениями о создании греческого легиона. В конце 1805 г. он предложил Чарторыйскому набрать для русской службы 2 тыс. греков в России и 10 тыс. за ее пределами [103]. В январе 1806 г. Панголос обратился к самому императору, прося разрешить ему сформировать корпус в двадцать с лишним тысяч «единородных охотников» [104]. Панголос попытался использовать для осуществления своих планов входившего уже в это время в силу А. А. Аракчеева. В своем письме Панголос страстно убеждал Аракчеева в губительности дальнейшего промедления: Россия должна возглавить национальные движения на Балканах. Панголос советовал немедленно двинуть находящиеся на Корфу русские силы в Морею и Эпир [105].

Как и следовало ожидать, Аракчеев не обнаружил желания ходатайствовать перед императором за освободительные планы Панголоса.

[100] Чарторыйский Италинскому 13(25) августа 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 372—374 об.; письмо Италинского 10(22) сентября 1804 г. Там же, д. 2245, лл. 16—20 об.

[101] См. протокол заседания русского Комитета на Корфу 17(29) сентября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 182—184.

[102] Чарторыйский С. Р. Воронцову 18(30) августа 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 243.

[103] Панголос Чарторыйскому 30 ноября 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 7889, л. 3—3 об.

[104] Прошение Панголоса Александру I 3 января 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806—1808 гг., д. 7913, л. 1.

[105] Панголос Аракчееву 14 мая 1806 г. (копия, перевод). Там же, л. 2—2 об.

В 1806 г. Паголос заключил договор с господарем Валахии К. Ипсиланти, обязавшись сформировать трехтысячный «эллино-греческий корпус». Корпус был действительно сформирован и принимал участие в военных действиях против Турции; численность его неясна, по словам Панголоса, в нем было 1500, по данным генерал-майора Исаева, 400 человек [106]. Корпус этот, однако, вскоре был расформирован вследствие конфликта Панголоса с генерал-майором Исаевым, обвинившим его в недисциплинированности и ряде служебных проступков. Исаев дал самую низкую оценку корпусу, характеризуя его как шайку дезертиров и мародеров. Вероятно, это было недалеко от истины — надо думать, что в отряде Панголоса было немало авантюристов и темных людей. И все же движущей силой основного ядра отряда несомненно были освободительные побуждения.

После роспуска отряда Панголос в течение нескольких лет упорно боролся за его восстановление, посылая на все стороны и кому только было возможно, в том числе и царю, рапорты, прошения и записки, описывая боевые заслуги греческого корпуса в кампании 1806 г. и жертвы, понесенные его соратниками. Но распря Панголоса с его противниками кончилась для него катастрофой. В апреле 1808 г. последовал приказ генерал-лейтенанта М. А. Милорадовича, гласивший: «Строжайше подтверждаю вам отныне и навсегда, дабы вы отнюдь не осмеливались впредь обременять его императорское величество недельными вашими просьбами» [107].

Греки стремились по возможности оказать содействие России в ее военных операциях против Франции и Турции. В феврале 1807 г. пять капитанов-арматолов, бежавших на Ионические острова от преследований Али паши, обратились к Мочениго, предлагая безвозмездно отдать под командование Д. Н. Сенявина на полгода свои суда и их команду. Капитаны подчеркнули, что они говорят не только от своего имени, но и от имени множества сотоварищей, предлагающих России свои корабли. Сенат Ионической республики поддержал просьбу капитанов. Дело несколько задержалось, так как, по мнению Мочениго и Сенявина, из-за недостатка средств трудно было сразу

[106] Рапор Панголоса генерал-лейтенанту Каменскому, 1806 г., б/д. Там же, лл. 3—8.

[107] Приказ генерал-лейтенанта М. А. Милорадовича Панголосу 13(25) апреля 1808 г. Там же, лл. 62—63.

наладить снабжение и военное снаряжение столь значительных сил [108].

Сам Сенявин одобрительно отзывался о жителях островов Идра и Специе, которые, как он писал Александру, «в полной мере оправдали ожидание мое и по первому от меня приглашению согласились отдать в распоряжение мое первые три, а вторые два вооруженных судов» [109].

Принятие греческих капитанов на русскую службу было отсрочено, что вызвало их недовольство, так как они, как писал Мочениго, жаждали биться против Турции. Этим попытался воспользоваться Али паша, старавшийся переманить их на свою сторону щедрыми посулами. Встревоженный Мочениго писал Александру, что «было бы неблагоразумно дать увянуть привязанности и явной склонности этих капитанов к России» и что это могло бы поколебать популярность России среди греков» [110]. Чтобы использовать боевой пыл арматолов и клефтов, русское командование создало план десанта греческих беженцев, находившихся на островах Св. Мавры, Паксосе и Итаке, на материк для действий против Турции. Подготовка этого десанта была возложена на И. Каподистрия и митрополита Арты, который сумел успокоить недовольных капитанов [111]. В конце концов они были приняты на шесть месяцев на русскую службу [112].

Наряду с этим к обороне островов было широко привлечено местное население. В 1804 г. Чарторыйский уведомил Мочениго, что полковнику Э. Г. Папандопуло, греку по национальности, и некоторым другим русским офицерам также греческого происхождения поручена организация греческих войск и милиции (народного ополчения) [113]. В июне 1804 г. ионический сенат принял решение об образовании регулярного войска. Командующим был назначен тот же Папандопуло [114]. В октябре 1804 г. регулярное войско республики насчитывало 700 человек, милиция — 4 тыс. человек [115]. В апреле 1805 г. поверенный в делах Ионической республики в Петербурге Д. Наранци сообщал, что организованная на островах милиция насчитывает уже 12 тыс. человек [116].

Этим, однако, дело не ограничилось. В конце 1805 г. с началом активных военных действий между Россией и Францией был создан план более широкого использования греков для обороны Ионических островов. 16(28) ноября 1805 г. последовал циркуляр Мочениго русскому командованию на островах об организации гражданского войска (la troupe civique) и о массовой мобилизации (levée en masse). Последнее мероприятие требовало определенной политической подготовки. Понимая это, Мочениго рекомендовал русскому командованию сблизиться с теми, кто пользуется влиянием, и особенно с игравшим видную роль в политической жизни острова Занте семейством Мартиненго [117].

Кроме организации регулярного войска и народного ополчения (милиции) из жителей Ионических островов, русские власти приступили также к формированию особого корпуса из бежавших с материка греков и албанцев (сулиотов, химариотов). Мысль об организации «албанского корпуса» была одобрена Чарторыйским в июле 1804 г. На Корфу с этой целью был направлен из Петербурга принятый в русскую службу майор И. Бичили, по характеристике Чарторыйского, «отпрыск одного из наиболее почтенных

---

[108] Мочениго Александру I 11(23) февраля 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5029, лл. 71—74.

[109] АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1908, лл. 2 об.— 3.

[110] Мочениго Александру I 15(27) марта 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5029, л. 149 об.

[111] Мочениго Александру I 15(27) марта 1807 г. Там же, лл. 150—156; F. G. H. L. Pouqueville. Op. cit., t. I, p. 205.

[112] Будберг Мочениго 5(17) мая 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5028, л. 78—78 об. Об участии греков в военно-морских действиях в 1807 г. см. также Г. М. Мельников. Дневные морские записки, веденные на корабле «Уриил» во время плавания его в Средиземном море с эскадрою, под начальством вице-адмирала Сенявина состоявшей, ч. 1—3. СПб., 1872—1873, ч. 2, стр. 357; Н. Каллистов. Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией 1806—1812 гг. «Морской сборник», 1910, № 1, стр. 7; Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина на Средиземное море, стр. 98—99.

[113] Чарторыйский Мочениго 8(20) марта (ВПР, т. 1, стр. 661—662) и 31 июля (12 августа) 1804 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 332—336).

[114] Мочениго Александру I 26 июня (8 июля) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5009, лл. 106—108.

[115] Доклад А. Чарторыйского императору (по сообщению генерал-майора Анрепа). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7853, лл. 81 об.— 82.

[116] АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5019, лл. 6—7.

[117] АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5017, лл. 24—25 об.

семейств Албании», во время войны с Турцией в 1787—1791 гг. уже состоявший на русской службе [118].

В феврале 1805 г. Александр I утвердил предложенный генерал-майором Анрепом план формирования албанского корпуса [119]. 11(23) мая Моченниго уведомлял Чарторыйского, что корпус будет насчитывать 2 тыс. человек (первоначально предполагалось зачислить лишь 600 человек). Ядро албанского корпуса составляли сулиоты. 31 октября (12 ноября) Моченниго сообщил об организации корпуса сулиотов [120].

Вместе с тем русское командование на островах принимало меры для привлечения и других албанских и греческих общин к обороне Ионических островов от Наполеона. В их число входили в первую очередь химариоты. В петербургских правительственных кругах строили широкие планы использования химариотов для русской службы. Моченниго было приказано протежировать им [121]. Н. Бичили, депутат провинции Химары, обратился к Моченниго с предложением набрать для русской службы 2 тыс. человек [122]. В середине 1804 г. Моченниго заключил секретную конвенцию с химариотами [123], но от организации корпуса воздерживался за недостатком средств [124]. В середине 1805 г. генерал-майор Папандопуло заключил с химариотами договор [125], и к октябрю 1805 г. корпус химариотов был уже сформирован [126]. Наконец, на русскую службу перешли также майниоты, с которыми Моченниго завязал связи еще в 1804 г. [127] 28 июня (10 июля) 1805 г. между Моченниго и беями Майны была заключена соответствующая конвенция. К октябрю 1805 г. на русскую службу было принято 500 майниотов [128].

В русских документах албанский корпус назывался «греческим корпусом» или «корпусом эпирото-сулиотов». В середине 1807 г. на русской службе состояло 3591 человек. В это число входил легион легких стрелков — 2340 человек и особый корпус [129]. В реляции Александру I от 14 (26) августа 1807 г. Моченниго указывает несколько бо́льшую численность «греческого корпуса» (corps de tirailleurs grecs) — 3867 человек, что не составляет значительной разницы [130]. Во главе корпуса сначала находился полковник Бенкендорф, затем генерал-майор Папандопуло. В исторической литературе история греческо-албанского корпуса почти не освещена [131]. Известно, что корпус принял участие в неудачной экспедиции русских войск в Неаполь в конце 1805 г.

Однако и после разрыва с Турцией правительство Александра I воздержалось от провозглашения независимости Греции, от окончательного и решительного шага в греческом вопросе. И на этот раз его программа не отвечала в полной мере чаяниям греков. Сравнение двух документов — «Проекта манифеста грекам», составленного Моченниго и отражающего в данном случае не официальную точку зрения петербургской дипломатии, а точку зрения греческого общества, и официального «Манифеста христианским народам» дает возможность убедиться в этом.

Проект манифеста, составленный Моченниго, открывался провозглашением независимости Греции: «Жители Греции,— гласил он,— наконец пришло время сбросить

---

[118] Чарторыйский Моченниго 6(18) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 263—264 об.

[119] Чарторыйский Моченниго 12(24) февраля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5016, л. 35.

[120] АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5018, лл. 139 об., 460—461.

[121] Чарторыйский Моченниго 6(18) апреля и 21 сентября (3 октября) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5008, лл. 253—253 об., 435—440 об.

[122] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 206—207.

[123] Письмо Моченниго 7(19) июня 1804 г. Там же, лл. 74—75.

[124] Письмо Моченниго 14(26) февраля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5018, лл. 31—33.

[125] Доклад Чарторыйского императору (по донесениям генерал-майора Анрепа). АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 7870, лл. 45—46 об.

[126] Моченниго Чарторыйскому 31 октября (12 ноября) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5018, лл. 460—461.

[127] Письма Моченниго 2(14) мая и 25 июня (7 июля) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5010, л. 240—240 об.; д. 5011, лл. 201—203 об.

[128] АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 5018, лл. 315—316, 460—461.

[129] Приложение к письму генерал-майора Папандопуло от 16(28) июня 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5030, л. 195.

[130] АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5029, л. 218—218 об.

[131] Этого вопроса касается вышедшая в 1815 г. в Венеции на греческом языке «История Сули и Парги», широко использованная в работе А. Пападопуло-Вретóс (A. Papadopoulo-Vretós. Op. cit., p. 124—127) и цитируемая В. М. Ликом (W. M. Leake. Op. cit., vol. I, p. 501, 522—523). См. об этом также Г. М. Мельников. Указ. соч., ч. I, стр. 97.

ненавистное рабство, под игом которого вы изнываете в течение многих веков». Далее от имени русского императора манифест провозглашал греков свободными. Союз с Турцией, подчеркивал этот документ, имел целью лишь защитить Грецию от насилия Наполеона.

Другим острием своим манифест был направлен против наполеоновской Франции. Автор манифеста стремился прежде всего разоблачить лживость утверждения об освободительном характере французских завоеваний. Французы, утверждал манифест, несут с собой лишь новое национальное порабощение. Франции противопоставлялась Россия, которая «даст вам истинную свободу, не ввергая вас в новые оковы». Манифест указывал на Ионическую республику как на первое греческое национальное государство: «В ней вы видите зачатки процветания греков» [132].

Однако этот манифест никогда не был опубликован. Вместо него был принят другой, более сдержанный. «Призываю вас во имя моего августейшего повелителя принять русские силы с тем чувством, которое должны внушить религия и память о благодеяниях. Присоединяйтесь к нашим войскам повсюду и всеми способами, которые в вашей власти, чтобы сражаться против нашего врага и врага всех христиан. Я вам обещаю и гарантирую... особую милость моего августейшего повелителя», гласил он [133]. Манифест этот, подписанный Сенявиным, вызвал воодушевление среди угнетенных Портой народов и поднял их на борьбу за свое освобождение от турецкого гнета. Однако различие в политическом характере первого и второго документов очевидно. Призыв к борьбе за национальную свободу был заменен обращением к религиозным чувствам. Обещание национальной независимости сменилось расплывчатым и неопределенным обещанием «особой милости августейшего повелителя». Пламенный стиль первого манифеста резко отличался от официальной монархической церковной фразеологии второго.

Сам Сенявин прекрасно понимал политическую ограниченность, умеренность своего манифеста. В чрезвычайно интересном письме своем Александру I Сенявин откровенно объясняет причины этого. «Объявления сии,— пишет Сенявин,— составлены в самых умеренных выражениях, а умеренность сия внушаема мне была опасением подвергнуть греков жестокому и для нас весьма предосудительному мщению со стороны турок на случай внезапного примирения нашего с Портою Оттоманскою, которое, по доходившим до меня сведениям, довольно имело вероятности. К сему должен я присовокупить, что, не быв снабжен решительными наставлениями относительно сих единоверцев наших, уже неоднократно за нас подвизавшихся, не должен был я чинить им таких обещаний, кои предусмотрительностью вашею, всемилостивейший государь, отсрочены может быть до удобнейшего времени» [134].

С отличавшим его прямым и здравым взглядом на вещи, Сенявин правильно уловил слабые стороны политики Александра в Греции: стремление царя отложить «до удобнейшего времени» окончательное решение греческого вопроса и его всегдашнюю готовность пожертвовать интересами греков для своих политических расчетов. Великодушного и честного по натуре Сенявина отталкивала привычная манера царской дипломатии играть судьбой балканских народов.

До русско-турецкой войны 1806—1812 гг. очень осторожно действовала Россия и в сербском вопросе. Начавшееся в 1804 г. сербское восстание создало для русского царизма столь же серьезное затруднение, что и греческое национальное движение. Сербы искали опоры и помощи у России. Но правительство Александра I, как и в греческом вопросе, заняло двойственную позицию. Отталкивать сербов оно не хотело, так как боялось, что они тогда обратятся к Франции и Австрии. Но и помочь им по-настоящему оно не решалось, так как, во-первых, испытывало глубокую ненависть ко всем массовым освободительным движениям, во-вторых,— и это было непосредственным поводом — опасалось встревожить Турцию.

В мае 1804 г. группа вождей сербского восстания обратилась к России (через Италинского) с просьбой о

[132] Проект манифеста был приложен к донесению Моченого Будбергу от 11(23) февраля 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 5030, лл. 64—66 об.

[133] Приложение к донесению Моченого Будбергу 11(23) февраля 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 5030, л. 67—67 об.

[134] Сенявин Александру I 14(26) марта 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1908, л. 3; см. также А. Л. Ш а п и р о. Адмирал Д. Н. Сенявин, стр. 188.

помощи [135]. Италинский поддерживал связь с прибывшей в середине 1804 г. в Константинополь для переговоров с Портой сербской депутацией и старался добиться от Порты уступок в пользу сербов и восстановления нарушенных янычарами сербских привилегий [136]. Но в то же время Чарторыйский откровенно говорил о недовольстве своем «неполитичным» образом действия сербов, которые подняли «знамя восстания против Порты», вместо того чтобы «принести повинную» и «объявить, что они желают всегда оставаться покорными своему суверену» [137]. Здесь имеет место как бы предвосхищение легитимистских деклараций царизма в первый период греческого восстания.

В ноябре 1804 г. в Петербург прибыла сербская депутация (М. Ненадович, П. Новакович, И. Протич) [138], переговоры с которой вел Чарторыйский. Правительство Александра решило пока что ограничиться дипломатической помощью сербам и добиться у Порты превращения Сербии в автономное княжество со статутом, подобным статуту Дунайских княжеств, но с тем различием, что во главе правления будет стоять серб, а не господарь из числа греков-фанариотов, как в Молдавии и Валахии [139]. Упоминавшаяся уже восьмая статья русского проекта нового союзного договора с Турцией об уравнении райи в гражданских правах с мусульманами также была в пользу сербских повстанцев. Чарторыйский считал, что после заключения нового союзного договора с Турцией станут возможными более решительные действия в интересах сербов «с тем,

[135] АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, ч. 2, лл. 811—817 (копия). Цит. в кн.: А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 372.

[136] Италинский Чарторыйскому 17(29) августа 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, лл. 274—276 об. Чарторыйский дал Италинскому соответствующие предписания (письмо 18(30) сентября. Там же, 1804 г., д. 2239, лл. 412—416).

[137] Чарторыйский Италинскому 17(29) июля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 345—349 об. В своем отчете за 1805 г. Чарторыйский «оправдывал» сербов тем, что восстание их было направлено не против «законной власти», а против «зверств насылаемых к ним правителей» (АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., отчет за 1805 г., д. 2988, лл. 74 об.—75).

[138] И. С. Достян. Борьба сербского народа против турецкого ига XV — начала XIX в. М., 1958, стр. 162; Н. Попов. Россия и Сербия, ч. 1. М., 1869, стр. 33—36.

[139] Чарторыйский Италинскому 3(15) октября и 4(16) декабря 1804 г., 3(15) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 424—425 об.; 505—510; 1805 г., д. 2247, лл. 6—8.

чтобы эта нация, найдя счастие в подчинении своему законному суверену, узнала также пользу, которую приносит преданность России» [140]. Пока же Италинскому было приказано ходатайствовать за сербов перед Портой с величайшей осторожностью «и более под образом советов, извлекаемых дружбою нашею к самой Порте, нежели в виде домогательств» [141].

В 1804—1805 гг. правительство Александра I и не могло сделать большего, чем преобразование Сербии в автономное княжество. В тот период открыто поставить вопрос о создании независимой Сербии значило бы для него рисковать союзом с Турцией.

В дальнейшем, по мере ухудшения отношений с Турцией, увеличивалась и помощь России сербам деньгами, оружием и т. д. С началом русско-турецкой войны 1806—1812 гг. создалось боевое содружество России и Сербии [142].

Передовое русское общественное мнение в первые годы XIX в. не питало еще такого страстного интереса к делу независимости Греции, которое охватило его в 20-х годах, в период греческого восстания. Но и тогда передовые круги внимательно следили за событиями в Греции. Так, А. С. Кайсаров одобрял мероприятия русского правительства на Ионических островах. «Кажется,— писал он в конце 1803 г.,— благословенной Руси и не узнаешь, возвратившись в нее: иное так скоро перевернули, что за несколько лет казалось совсем невозможно — в пустынях воздвигают храмы музам, *грекам дают вольность* [143], американцев учат русской азбуке...» [144] С другой стороны, нерешительная позиция царского правительства в греческом вопросе находила критиков как в лице представителей среднего провинциального дворянства (например, Г. С. Винского) [145], так и в кругах высшей знати,

[140] Чарторыйский Италинскому 3(15) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, л. 7 об.

[141] Чарторыйский Италинскому 4(16) июня 1805 г. Там же, лл. 162—163 об. То же почти дословно Чарторыйский повторил в своем отчете за 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, л. 75.

[142] См. гл. VIII.

[143] Подчеркнуто нами.

[144] А. С. Кайсаров И. П. Тургеневу 16(28) ноября 1803 г. Архив братьев Тургеневых, вып. 2. СПб., 1911, стр. 127.

[145] Г. С. Винский. Мое время. СПб., 1914, стр. 40.

боявшейся за русское влияние в Греции. П. В. Завадовский подчеркивал, что «чрез то исторгается из рук наших преважный способ, которым мы могли всегда действовать на Порту», и считал активную поддержку балканских народов более соответствующей интересам русской политики («мне кажется, что политика требует, чтобы народы, покровительствуемые нами в Туреции, не лишены были упования на нас»,— писал он канцлеру [146]). Реакционер Ростопчин брюзгливо рассуждал о неизбежности общего восстания в Греции в случае войны между Россией и Турцией («все греки взбунтуются по ненависти их к туркам и по ветренности природной») [147].

Через двадцать лет декабристы, полные братского сочувствия и революционной солидарности с восставшими греками, раскрыли своекорыстный характер игры царизма на греческом вопросе. «Единоверные нам греки, несколько раз нашим правительством возбуждаемые против тиранства магометанского, тонут в крови своей»,— говорил П. Г. Каховский [148]. Стоит только возникнуть войне с Турцией, как державы Священного союза, ныне отрицающие «законность» греческого восстания, немедленно ее признают, писал в 1823 г. М. А. Фонвизин [149].

Передовые русские люди (например, А. С. Кайсаров) горячо сочувствовали сербскому восстанию и требовали оказания помощи сербам [150]. Даже В. Н. Каразин (личность в политическом отношении темная и не брезговавшая доносами царю) видел двойственную позицию царского правительства между национально-освободительным движением на Балканах и Турцией и предлагал в своей записке выбрать для начала средний путь. Россия, говорил он, должна послать к сербам своего представителя и ходатайствовать за них перед Портой, добиваясь автономии Сербии. В случае же отказа Порты Россия должна возглавить всеобщее восстание на Балканах [151].

Главным вкладом России в дело национального освобождения Греции на первом его этапе было создание Ионической республики. Девятилетнее покровительство России Ионическим островам оставило заметный след в их истории, способствовало экономическому и культурному подъему [152]. Либеральная конституция, введенная при Ф. Ф. Ушакове в 1799 г., помогла выходу на политическую арену передовых общественных сил. Самостоятельность молодой республики была ограниченной: турецкий султан считался ее сюзереном (правда, лишь формально); русское правительство контролировало все сколько-нибудь важные ее мероприятия и в области внутренней, и в области внешней политики. Все же это был шаг вперед по сравнению с тем национальным порабощением, которому население Ионических островов подвергалось во времена венецианского господства и при военно-террористическом режиме, установленном в годы французской оккупации. Огромное значение имело то, что впервые за много веков вновь возникло греческое национальное государство, во главе с собственным правительством. Самый факт существования его действовал ободряюще на передовые круги греческого общества, стремившиеся к независимости.

---

[146] Завадовский А. Р. Воронцову 24 апреля (6 мая) 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 12, стр. 281.

[147] Ростопчин генералу П. Д. Цицианову 10(22) января 1806 г. «Девятнадцатый век», кн. II, М., 1872, стр. 106.

[148] Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 1. М., 1951, стр. 505.

[149] Там же, стр. 381.

[150] Письма А. С. Кайсарова осенью 1804 г. Архив братьев Тургеневых, вып. 4. СПб., 1915, стр. 71—77, 89—92; А. И. Тургенев отцу 15(27) октября 1804 г. Там же, стр. 51—53.

[151] Записки Каразина А. Чарторыйскому 21 и 27 ноября (3 и 9 декабря) 1804 г. «Русская старина», 1871, июнь, стр. 701—716.

[152] Подробнее об этом см. А. М. Станиславская. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в., стр. 75—76.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Россия и Англия в период формирования третьей коалиции (1804—1805)

1

После разрыва с Россией Наполеон начал наступление на ее основные опорные пункты в Восточном Средиземноморье, поставив себе задачей взорвать русско-турецкий союз, добиться закрытия проливов для русского военного флота, удалить Россию с Ионических островов, уничтожить ее популярность на Балканах.

Наполеон надеялся, что удастся запутать и запугать нерешительного и слабовольного Селима III, и постарался установить с ним личный контакт, обратившись к нему с письмом, в котором страстно призывал султана порвать с Александром I, закрыть проливы для русского флота, сменить дружественных России министров [1]. Французская дипломатия спекулировала на «русской угрозе» интересам Турции [2]. Французские агенты действовали против России на Ионических островах и в Албании и пытались использовать национально-освободительные стремления греческого народа в целях проникновения в Средиземноморье [3].

Создавшаяся обстановка была тревожной. К этому присоединялось давно уже томившее русское правительство ожидание французского вторжения на Ионические острова и в Западную Грецию. Между тем Россия не питала больших надежд на способность Турции отразить его, так как была не очень высокого мнения как о военных силах Турции, так и о стойкости Порты. Русское правительство тревожило, какова будет позиция Турции в случае французского вторжения.

Большое значение в этой связи имел вопрос о признании Портой Наполеона «императором и падишахом»: речь шла не только о престиже французской империи, но и о наглядной демонстрации того, к кому — к России или к Франции — склоняется Турция. Италинский и Брюн столкнулись в Константинополе в острейшей борьбе [4]. Франция требовала признания, угрожая отозвать своего посла [5]. Италинский в свою очередь намекал, что если Турция уступит, Россия будет считать ее прислужницей Наполеона со всеми вытекающими из этого последствиями [6], и сулил туркам за отказ выполнить требования Франции возобновление союза с Россией и военную помощь в случае нападения Франции на Турецкую империю [7]. Верх взяла русская дипломатия — Турция отвергла настояния Франции, и Брюн в декабре 1804 г. покинул Константинополь [8].

Очевидные намерения Наполеона вклиниться между Россией и Турцией заставили Петербург пойти навстречу желанию Порты возобновить русско-турецкий союзный договор 1799 г., срок которого истекал в конце 1806 г. Турция просила о возобновлении договора еще в 1803 г. Правительство Александра считало, что договор 1799 г. требует изменения, и тянуло с возобновлением его под тем предлогом, что нужно предварительно согласовать вопрос

[1] Письмо Наполеона Селиму III 18(30) января 1805 г. Correspondance de Napoléon, vol. X, p. 162—163; см. также E. Driault. Austerlitz, p. 155—156; J. W. Zinkeisen. Op. cit., Bd VII, S. 382—386.

[2] Циркулярная инструкция Талейрана 27 июля (8 августа) 1805 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 103—104.

[3] См. гл. VI.

[4] E. Driault. Austerlitz, p. 80—91, 15; I. de Testa. Op. cit., t. II, p. 339—352.

[5] Нота Брюна Порте 10(22) августа 1804 г. (копия). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, лл. 609—613 об.; нота Талейрана турецкому послу в Париже Халет эфенди (ноябрь 1804) (копия). Там же, лл. 732—735.

[6] Ноты Италинского Порте 26 сентября (8 октября) и 3(15) декабря 1804 г. Там же, лл. 524—545, 799—804.

[7] Чарторыйский Италинскому 3(15) ноября и 1(13) декабря 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 451—452, 460—467. См. также С. Горянинов. Договор 11(23) сентября 1805 г. между Россией и Турцией. «Известия МИД», 1912, кн. V, стр. 235—243.

[8] Италинский Чарторыйскому 2(14) и 3(15) декабря 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, лл. 765, 815—815 об.

с Лондоном [9]. Но Турция потребовала компенсации за свой отказ в признании императорского титула Наполеона, и Петербургу, боявшемуся, что в противном случае она переметнется к Франции [10], пришлось согласиться [11]; это вызвало удовлетворение Порты, подозревавшей, что задержка с возобновлением союза вызвана завоевательными намерениями Александра. Александр в личном письме сообщил Селиму III о своем решении возобновить союз, призывая его на борьбу против Наполеона. Последнее султан принял довольно холодно [12].

В декабре 1804 г. в Петербурге был разработан проект нового оборонительного союзного договора с Турцией [13], состоявший из 16 открытых статей, 8 секретных и одной сепаратной и секретной статьи. Он свидетельствовал о стремлении России закрепить за собой те позиции в Восточном Средиземноморье, которые она к этому времени уже занимала, и вместе с тем прочнее привязать к себе Турцию, не допустить ее перехода на сторону Франции. В ряде открытых статей проекта говорилось о взаимодействии сторон в случае нападения на них Франции и об обязательстве не заключать сепаратного мира (ст. 1, 2, 6, 7), а также о взаимной гарантии владений (ст. 15). Россия настаивала на принятии Портой обязательства не чинить препятствий проходу русских военных судов через проливы и согласиться на оставление русских войск на Ионических островах до ухода войск Наполеона из Италии (1-я открытая и 7-я секретная статьи). В других секретных статьях речь шла о присоединении Турции к антинаполеоновской коалиции (ст. 1); о том, что султан во всех международных вопросах будет «доверяться... мудрости

[9] Чарторыйский Италинскому 1(13) августа 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 350—355 об.

[10] Италинский С. Р. Воронцову 14(26) октября 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 297—299.

[11] Александр I Италинскому 18(30) октября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2238, лл. 7—9.

[12] Александр I Селиму III 16(28) декабря 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6230, лл. 2—10; Селим III Александру I 20 февраля 1805 г. Там же, 1805 г., д. 6231, лл. 2—4.

[13] Рескрипт Александра I Италинскому 17(29) декабря 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2238, лл. 10—12; проект договора от 17(29) декабря. Там же, лл. 13—50, 55—95. Ср. А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 116, 376 и А. И. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны в царствование императора Александра с 1806 по 1812 г., ч. 1. СПб., 1843, стр. 4.

своего августейшего союзника» (Александра I), т. е. фактически подчинит свою внешнюю политику руководству России (ст. 2); о признании захвата Зундского пролива Францией за casus foederis (положение, при котором одна из договаривающихся сторон обязана оказать союзническую помощь другой). В данном случае Александр I хотел использовать Турцию в интересах своей балтийской политики (ст. 4).

Проект отражал также желание царского правительства в интересах своего влияния улучшить положение подвластных Турции христианских народов и обеспечить себе право заступничества за них. Так, пятая и шестая секретные статьи были направлены на защиту Ионической республики и христианского населения Греции от произвола Порты и преследований Али Тепелены. Россия предлагала аннулировать диплом, данный Портой Ионической республике, и заставить Али улучшить положение греков и албанцев-христиан, проживавших в его владениях. Предполагалось в ходе переговоров поднять вопрос о восстановлении независимости сулиотов, о праве России на покровительство владетелям албанских областей Парамитии и Маргарити и о занятии пункта Бутринто объединенными русско-турецкими войсками [14]. Восьмая секретная статья устанавливала гражданское равноправие христианских подданных Турции и право России делать представления (intervention) в их пользу [15]. Девятая (секретная и сепаратная) статья говорила о прекращении насилий Порты в Черногории. Предполагалось также расширить привилегии Дунайских княжеств [16].

Стратегические соображения диктовали правительству Александра I включение в декабрьский проект третьей секретной статьи, предусматривавшей, что в крайнем случае (если не будет организована коалиция или же если военные действия примут неудачный оборот) русские войска будут временно — до конца войны или до очищения

[14] Чарторыйский Италинскому 27 февраля (11 марта) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 60—61.

[15] Эта статья опубликована в работе А. Ф. Миллера, впервые указавшего на ее большое значение (в ней задолго до танзимата была выражена мысль о равноправии). А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 376.

[16] Чарторыйский Италинскому 27 февраля (11 марта) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 37—39 об.

Италии Наполеоном — введены в Молдавию и Валахию (10—15 тыс. человек) и в город Паргу (2 тыс. человек), английские же — в Александрию (Египет) и какой-либо порт в Морее (эта статья отвечала желанию Англии и была согласована с нею). В военных планах правительства Александра I княжества играли роль оперативной базы, откуда русские войска «могли бы в случае коалиции против Франции отправиться к наиболее угрожаемым пунктам Турецкой империи (т. е. в Западную Грецию.— *А. С.*) или на семь островов и в Италию» [17]. Но даже временное пребывание русских войск в княжествах и Парге усилило бы влияние России и ослабило господство Турции.

Статьи о равноправии райи и о вводе войск в Дунайские княжества и Паргу преследовали далеко идущие цели. Однако тот договор, который после долгих переговоров был заключен в сентябре 1805 г. Россией и Турцией, во многом отличался от первоначального проекта — в ходе переговоров Россия показала готовность уступить необходимости и сузить, смягчить, сократить свою ближайшую программу ради сохранения союза с Турцией. Сначала русское правительство считало, что возобновление союза имеет смысл, лишь если Турция согласится на указанные выше условия [18]. Вскоре под давлением обстоятельств уже на этой первой стадии переговоров Александр I пошел на уступки: в случае отказа Порты признать присоединение Грузии, Мегрелии и Имеретии к России, что было предусмотрено тринадцатой статьей проекта, русское правительство соглашалось не настаивать на включении этой статьи в договор и довольствоваться тем, что в протокол будет занесена особая декларация России об ее правах на Грузию, Мегрелию и Имеретию и о непризнании притязаний Порты на них.

Русское правительство понимало, что наибольшие возражения со стороны Порты могут вызвать настояния на праве России оказывать покровительство подданным Порты — христианам — и о вводе русских войск в княжества и в Паргу, и готово было модифицировать соответствующие статьи своего проекта. В вопросе о вступлении русского гарнизона в Паргу Чарторыйский предлагал ряд смягченных и более приемлемых для Турции вариантов (первый вариант: русские войска не вступают в Паргу, но концентрируются поблизости экс-венецианской Албании, второй вариант: русские офицеры и соответствующие специалисты в небольшом количестве допускаются в Паргу для укрепления ее обороны) [19].

За предоставление гражданского равноправия христианским подданным Порты (русское правительство чрезвычайно энергично подчеркивало огромное значение восьмой секретной статьи проекта, предусматривавшей это) Россия была готова предоставить Турции известную компенсацию. Она обещала в свою очередь уравнять российских мусульман в гражданских правах с христианами.

Большее упорство Россия проявляла в вопросе о вступлении русских войск в княжества.

В целом проект был продиктован желанием вовлечь Турцию в антинаполеоновский блок и закрепить русские позиции в Восточном Средиземноморье; вместе с тем в целях усиления влияния России на славянские и балканские народы имелось в виду несколько улучшить их положение.

* * *

Отношения России и Англии в Восточном Средиземноморье после разрыва Амьенского мира определялись необходимостью преградить Наполеону путь на Ионические острова и не допустить распространения французского влияния. В Петербурге считали весьма желательным привлечь английские военно-морские силы к обороне островов и Западной Греции от ожидавшегося французского десанта. В ноябре 1803 г. Россия предложила Англии договориться о совместных мерах для защиты важнейших стратегических районов Восточного Средиземноморья и просила, чтобы Нельсон выделил из своих сил эскадру для

[17] Чарторыйский Италинскому 27 февраля (11 марта) 1805 г. АВПР ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, л. 49—49 об.

[18] Чарторыйский писал Италинскому 27 февраля (11 марта) 1805 г., что нет надобности заключать невыгодный договор, так как Порта заинтересована в союзе больше, чем Россия. Там же, лл. 56 об.— 58 об.

[19] Чарторыйский Италинскому 18(30) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 14—17 об. Первый вариант — русский проект договора от 17(29) декабря и рескрипт Александра Италинскому 17(29) декабря 1804 г. Второй вариант — письмо Чарторыйского Италинскому 27 февраля (11 марта) 1805 г. Там же, л. 53—53 об.

охраны Ионических островов. Одновременно Мочениго было приказано в случае французского десанта обратиться за помощью к Нельсону [20]. В ожидании же десанта Мочениго следовало совместно с Нельсоном разработать план будущих операций против французов и вообще сохранять контакт с британскими дипломатическими агентами и командованием (при этом, однако, как многозначительно намекала инструкция, следует «сдерживать их и направлять» и не открывать того, «чего им не следует знать») [21].

Английское правительство, столь рьяно старавшееся перетянуть на свою сторону Россию, встретило предложения Петербурга с нескрываемым ликованием [22].

В мае 1804 г. к власти вернулся Питт. Статс-секретарем по иностранным делам в его кабинете до конца 1804 г. был барон Гарроуби (в январе 1805 г. его сменил барон Г. Мюльгрейв). Аддингтону в Петербурге не доверяли, считая его ответственным за неудачный Амьенский мир, в Питте же с полным основанием видели непоколебимого противника Франции. После смены министерства сближение России и Англии пошло значительно быстрее. Этому содействовал также отзыв осенью 1804 г. неловкого и малоопытного в дипломатии Уоррена и замена его гибким и тактичным лордом Гренвилем Левесоном Гоуэром, вскоре завязавшим дружеские связи с Чарторыйским.

Англия обещала, что ее Средиземноморский флот окажет содействие русскому в случае французского десанта. Однако до реализации этих обещаний было очень далеко. Мочениго в письмах к Нельсону [23], который в мае 1803 г. стал командующим английским средиземноморским флотом, со всей ясностью подчеркивал, что русских сил для обороны Ионических островов и Западной Греции недостаточно. На его настойчивые призывы Нельсон сначала ответил сухим отказом [24] и лишь затем — через пять месяцев после обращения к нему — соблаговолил, наконец, заявить о своей готовности к совместным действиям с русским флотом [25]. Теперь, однако, в этом не было уже прежней необходимости.

[20] А. Р. Воронцов Мочениго 5(17) декабря 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 583.

[21] Чарторыйский Мочениго 8(20) марта 1804 г. ВПР, т. 1, стр. 661—662.

[22] Письмо Гауксбери С. Р. Воронцову 11 (23) января 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6760, лл. 14—16 об.

[23] Письма Мочениго Нельсону 9(21) марта, 23 апреля (5 мая) и 9(21) июня 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5010, лл. 97—100 и 1804 г., д. 5009, л. 64 об.; 1804 г., д. 5011, лл. 117—119, 120—125.

[24] Письмо Нельсона Мочениго 1(13) июня. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 281—282 об. (копия).

Зато Нельсон проявил живой интерес к тому, что отнюдь не касалось непосредственно Англии. В ноябре 1804 г. реис-эфенди уведомил Италинского, что Нельсон просит разрешить проход английского военного корабля в Черное море для «осмотра берегов». Италинский нимало не одобрил намерений любознательного английского вице-адмирала и посоветовал реис-эфенди отказать англичанам в их просьбе [26].

В английской историографии прочно укоренилась легенда об особой роли, принадлежащей будто бы Англии в борьбе греческого народа за свое освобождение, об освободительном характере английской политики в Греции. Работы советских историков показали, до какой степени эти апологетические вымыслы извращают действительную историю английской политики в греческом вопросе в 20-х годах XIX в.[27].

Малоизвестная, в русской дореволюционной и советской историографии совершенно не освещенная история борьбы европейских держав за Ионические острова в более ранний период — первые десятилетия XIX в. — убедительно показывает, что и тогда Англия скорее тормозила греческое освободительное движение, чем помогала ему.

Три основных момента определили позицию, занятую Англией в греческом вопросе: соперничество с Францией, боязнь усиления русского влияния в Греции, желание английского правительства укрепить и расширить свои связи с Турцией. Отношение Англии к греческому национально-освободительному движению было производным от этих

[25] Письмо Нельсона Мочениго 2(14) августа (копия). Там же, лл. 416—418. Ср. Nelson. Dispatches, vol. VI. London, 1846, p. 133.

[26] Италинский Чарторыйскому 17(29) ноября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, лл. 706—709 об.; доклад Чарторыйского Александру I 2(14) января 1805 г. Там же, 1805 г., д. 7870, л. 6.

[27] См. И. Г. Гуткина. Греческий вопрос и дипломатические отношения держав. «Ученые записки ЛГУ», вып. 130. Л., 1951, стр. 112—156; О. Шпаро. Внешняя политика Каннинга и греческий вопрос. «Вопросы истории», 1947, № 12, стр. 43—61; ее же. Роль России в борьбе Греции за независимость. «Вопросы истории», 1949, № 8, стр. 52—73.

решающих факторов ее ближневосточной политики. Опасаясь поставить под удар свое растущее влияние в Константинополе, англичане в стремлении греков добиться национальной независимости видели помеху своей восточной политике.

Английские агенты в Греции установили тесные и дружественные отношения с местными турецкими правителями, которых они настраивали против греков [28]. Эта тактика дала неожиданные для англичан результаты. Моченигo и другие русские дипломатические агенты в донесениях своих часто сообщали о ненависти, питаемой греками к Англии [29].

Д. Моченигo пришел к выводу о диаметральной противоположности целей и методов политики России и Англии в греческом вопросе [30]. Обстоятельства требуют союза Англии и России, писал Моченигo, «однако не менее верно (и поведение английских агентов лишь подтверждает это), что британское правительство имеет в этих краях свои, обособленные от России интересы и вследствие этого совершенно самостоятельные цели, которые могут быть невыгодны для России» [31].

То была лишь одна сторона английской политики в Греции. Ставка на сохранение статус-кво в восточном вопросе сочеталась у англичан с желанием расширить свои греческие связи. Опору Англия искала в реакционном нобилитете Ионических островов: Эльджин и С. Форести, английский консул на Корфу, поддерживали нобилей в их попытках сохранить власть.

Положение России как признанного протектора Ионической республики пробуждало у Англии дух соперничества. В 1803 г. Нельсон официально предложил республике «всяческое покровительство и содействие», что по совету Моченигo было отвергнуто ионическим сенатом.

[28] Донесение Моченигo 28 июня (10 июля) 1804 г. и 1(13) февраля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, л. 218; 1805 г., д. 5018, лл. 16—17 об.

[29] Донесения Моченигo 28 июня (10 июля) 1804 г. и 11(23) мая 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, л. 218; 1805 г., д. 5018, лл. 148—150 об.; рапорт русского консула в Превезе Власопуло 30 июня (12 июля) 1804 г. Там же, 1804 г., д. 5011, лл. 239—241.

[30] Донесения Моченигo 30 июня (12 июля) 1804 г. и 26 марта (7 апреля) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 5011, лл. 233 об.— 234; 1805 г., д. 5018, л. 99—99 об.

[31] Донесение Моченигo 1(13) июля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 5022, л. 634 об.

Россия и Англия понимали необходимость взаимодействия в Восточном Средиземноморье. Но на практике это оказалось неосуществимым. Моченигo и Форести слали своим шефам жалобы друг на друга. Чарторыйский, озадаченный неожиданным противодействием английской дипломатии, сначала надеялся, что это козни одного лишь Форести. Но постепенно ему стало ясно, что дело обстоит серьезнее.

Активизировалась и английская политика в Албании и Северной Греции. Решающую роль в этом, конечно, играла необходимость защитить албанский плацдарм от тянувшихся к нему цепких рук Наполеона. Но у англичан была и другая цель — создать на западном побережье Балкан такой же опорный пункт, какой Россия имела на Ионических островах. Проводником английского влияния стал Али Тепелены, паша Янины [32], крупнейший и влиятельнейший из полунезависимых владетелей Албании и Северной Греции. У Али в это время были весьма натянутые отношения с Россией: он хотел завладеть греческими городами Превезой, Паргой и Воницей, которым она покровительствовала, и был враждебен Ионической республике. Али искал сближения с Англией. Английский генеральный консул в Албании и Морее Д. Ф. Морье и С. Форести, установив с Али тесный и постоянный контакт, настраивали его и против России, и против греков. Враждебен России был и «путешественник» капитан В. М. Лик, автор известной книги о Северной Греции [33], агент английского правительства в Греции.

В начале 1804 г. русское правительство обратилось к Питту с официальной жалобой на английских дипломатов, потребовав отзыва Морье и Форести. Их заигрывания с Али, подчеркивал Чарторыйский, раздражают греков и отталкивают их от Англии, что в конечном счете идет на пользу лишь Франции.

Но Питт держался прямо противоположного мнения, считая, что ставку нужно делать не на греков, а на Али. Англия предложила своего рода раздел сфер влияния, при котором Россия взяла бы на себя задачу привлечь к антинаполеоновскому блоку греков, Англия — Али и других феодальных владетелей Албании и Северной Греции.

[32] J. W. Baggally. Op. cit.; P. Mackesy. Op. cit., p. 49—51.

[33] W. M. Leake. Travels in Northern Greece, vol. 1—4. London, 1835.

Чарторыйский согласился на этот компромисс. Англия и в дальнейшем поддерживала притязания Али на Парту, Превезу и Воницу. Морье не прекратил враждебной России деятельности, и во второй половине 1805 г. русское правительство снова потребовало его отзыва или хотя бы обуздания.

Выявившиеся в 1803—1804 гг. противоречия России и Англии в Греции и Албании были новым явлением международных отношений того времени.

Наряду с расхождениями на Ионических островах и в Албании сильное недовольство России по-прежнему вызывали действия Англии в Египте. Орудием Англии в начале 1804 г. стал Эльфи бей. Россия не одобряла настойчивые попытки Англии вклиниться между мамлюками и Портой и получить согласие последней на английское посредничество. Италинский в начале 1804 г. рекомендовал турецкому правительству отвергнуть соответствующие предложения английского поверенного в делах Стратона, что Турция и сделала [34]. Турецкое правительство особенно тревожили действия английского резидента в Египте Миссетта, почти открыто поддерживавшего связи с беями и вопреки сопротивлению Порты старавшегося под видом посредничества контролировать отношения Турции с ними [35]. Россия отрицательно относилась и к выдвинутому в это время Англией проекту оккупации Александрии [36]. Когда в январе 1804 г. Стратон завел речь о временном вступлении английских сил в Александрию и встревоженный реис-эфенди обратился за советом к Италинскому, последний обиняком дал понять, что Россия этого не поддерживает [37].

Русское правительство всячески убеждало Англию, что не следует раздражать Турцию [38]. Англия, однако, продолжала настаивать на своем проекте оккупации Александрии, что привело в середине 1804 г. к довольно резким расхождениям между обеими державами [39]. В конце концов Россия с большой неохотой внесла в свой проект союзного договора с Турцией статью о временном введении английских войск в Александрию.

Весьма характерна проявившаяся в этот период новая тенденция русской политики в египетском вопросе: в интересах создания антинаполеоновского фронта Россия старалась сгладить англо-турецкие расхождения. И в Лондоне, и в Константинополе русская дипломатия призывала к умеренности и взаимопониманию, желая прежде всего убедить Порту в том, что Англия пользуется своими связями с беями лишь против Франции. На турецкое правительство это оказало слабое действие, и реис-эфенди откровенно говорил Италинскому, что Англия хочет завладеть Египтом [40].

В свою очередь Англия была недовольна преобладанием русского влияния в Константинополе и Греции. Питт опасался, что активизация русской политики в этой зоне — лишь первый шаг, за которым в скором времени может последовать раздел Турецкой империи и полное господство России в Восточном Средиземноморье и на Балканах. Во второй половине 1804 г. подозрительность Лондона приняла особенно острый характер. Повод к этому дал Чарторыйский, который долгое время был во власти преобладавшего в русских правительственных кругах представления об общности интересов России и Англии в восточном вопросе и полагал поэтому, что Питт не будет противодействовать осуществлению тех изменений, которые Россия была намерена внести в союзный договор с Турцией. В надежде на это Чарторыйский решил в начале 1804 г., что пришло время нащупать почву. В феврале Чарторыйский уведомил Лондон о намерении России

---

[34] Италинский А. Р. Воронцову 17(29) февраля и 18 февраля (1 марта) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, ч. 1, лл. 285—290; Чарторыйский Италинскому 31 марта (12 апреля) 1804 г. Там же, 1804 г., д. 2239, лл. 75—76.

[35] Донесения Италинского 1(13) и 17(29) марта 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, ч. 1, лл. 299—306 об., 421—427.

[36] G. Duin et E. C. Fawtier-Jones. La Campagne de 1807, p. XVI—XXI.

[37] Италинский А. Р. Воронцову 17(29) января 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, ч. 1, л. 104.

[38] Чарторыйский С. Р. Воронцову 26 февраля (9 марта) (ВПР, т. I, стр. 636) и 30 апреля (12 мая) 1804 г. (Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 185—187); письмо С. Р. Воронцова Гарроуби 14(26) мая 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 16, стр. 360—362; см. также P. Mackesy. Op. cit., p. 50—51.

[39] См. письмо Гарроуби С. Р. Воронцову (1804 г., без даты). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6760, лл. 362—369; сообщения Уоррена о переговорах его с Чарторыйским и инструкции Гарроуби Гоуэру 28 сентября (10 октября) 1804 г. (J. H. Rose. The Third Coalition, p. 25—26, 47—48).

[40] Донесения Италинского 1(13) марта 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2241, ч. 1, лл. 299—306 об.

расширить свои связи с греческим и славянским населением Турецкой империи [41]. Ответ Англии свидетельствовал о явном недовольстве активизацией русской политики в греческом вопросе [42]. Тогда Чарторыйский пошел еще дальше и напрямик сообщил английскому правительству, что Россия считает нецелесообразным простое возобновление союзного договора с Турцией, так как он для нее (России) невыгоден, и намерена включить в новый союзный русско-турецкий договор статью об улучшении положения райи, пока же предпочитает тянуть с возобновлением договора. Чарторыйский намекнул, что Англии и России может быть придется на время занять некоторые области Османской империи. К подобной мере, полагал он, однако, можно прибегнуть лишь в крайнем случае (при неудаче попыток организовать коалицию) [43].

Сообщения Чарторыйского о желании оттянуть возобновление союза были встречены Питтом как прямое доказательство намерений России пойти на раздел Османской империи [44], чего в действительности вовсе не было. Английское правительство потребовало, чтобы Россия раскрыла, что́ она, собственно, имеет в виду, когда говорит об улучшении положения райи,— ограничивается ли царь планами незначительного уменьшения власти турецких пашей или предоставления греческим и славянским областям статута Молдавии и Валахии, либо же добивается установления фактической независимости Греции. Англия подчеркивала, что она никогда не согласится на раздел [45] (хотя сама же все это время, как уже сказано, строила планы проникновения в Египет).

[41] Чарторыйский С. Р. Воронцову 26 февраля (9 марта) 1804 г. ВПР, т. 1, стр. 665.

[42] Гарроуби С. Р. Воронцову, 1804 г., без даты. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6760, лл. 362—369; см. также P. Mackesy. Op. cit., p. 46—49.

[43] Чарторыйский С. Р. Воронцову 18(30) августа 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757б, лл. 248—256.

[44] С. Р. Воронцов Чарторыйскому 28 сентября (10 октября) 1804 г. (Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 271—272; т. 11, стр. 372—373) и А. Р. Воронцову (там же, т. 10, стр. 228). О том же С. Р. Воронцов говорил и Н. Н. Новосильцову (см. записку последнего от 4(16) ноября 1804 г. об их беседах АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6768, лл. 2—5). См. также письмо Чарторыйского С. Р. Воронцову 25 октября (6 ноября) 1804 г. (Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 277—279) и J. H. Rose. The Third Coalition, p. 47—48.

[45] J. H. Rose. The Third Coalition, p. 46—48.

* * *

По стратегическому плану союзников предполагалось использовать Италию как плацдарм для наступления во Францию. Отсюда большое внимание, уделявшееся Россией и Англией Италии. Что касается Пьемонта, то в 1803 г. Александр отказался от безнадежных попыток изменить в ближайшее время сложившееся положение. Ж. де Местр жаловался на равнодушие русских кругов к Пьемонту [46]. Однако это не значит, что Россия окончательно примирилась с захватом Пьемонта Наполеоном: после победы коалиции Пьемонт должен снова стать независимым государством, писал А. Р. Воронцов [47].

Центральное место в итальянской политике России в 1804—1805 гг. занимал Неаполь. Это объясняется тем, что Неаполитанское королевство представляло собой исключительно важную в стратегическом отношении позицию.

Неаполь в военных планах держав был тесно связан с Ионическими островами. Как уже сказано, русское правительство ожидало вторжения французских войск с их баз в неаполитанских портах на Ионические острова [48]. Французы в свою очередь также ждали русского десанта с Ионических островов в Неаполь [49].

Освобождение Неаполя от французской оккупации было, с точки зрения Александра, необходимо для сохранения тех позиций, которые Россия занимала теперь на Ионических островах. Вместе с тем Неаполитанское королевство играло важную роль и в стратегических планах союзников как плацдарм для переброски войск с Ионических островов и Мальты на континент и для последующего наступления в Северную Италию и далее во Францию.

План новой экспедиции в Неаполь зародился уже в середине 1804 г. Королева Мария-Каролина дала

[46] J. de Maistre. Mémoires politiques et correspondance diplomatique. Paris, 1858, p. 81—83, 96—97, 101.

[47] ВПР, т. 1, стр. 588.

[48] Чарторыйский в феврале 1804 г. приказал русскому поверенному в делах в Неаполе П. И. Карнову вести наблюдение за всем, что касается плана французского десанта. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 8244, лл. 3—5 об.

[49] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 24—28, 36—38, 43, 55—56, 62, 111, 129, 178, 236, 398, 512—513.

понять русскому правительству, что если Неаполю будет обещана военная помощь России, он присоединится к коалиции [50]. Россия в принципе согласилась на предложения Неаполя, но считала, что время для экспедиции в Неаполитанское королевство еще не пришло [51].

Наполеон тем временем усилил давление на Неаполь, требуя, чтобы он принял сторону Франции и закрыл свои порты для английских судов. Неаполитанское правительство колебалось и готово было удовлетворить притязания Наполеона в компенсацию за вывод французских войск из пределов королевства [52]. В ноябре 1804 г. русское правительство, решившееся уже на войну, дало Неаполю положительный ответ на его повторные и многократные просьбы об отправке русских войск в Неаполитанское королевство [53]. Россия обещала оказать Неаполю военную помощь в том случае, если Наполеон совершит новые акты агрессии против Неаполя (под этим Россия имела в виду вторжение французов в Калабрию или оккупацию столицы и крепостей). Русское правительство, однако, снова подчеркивало, что необходимо выждать и тщательно подготовиться [54].

Для ознакомления с военной и политической обстановкой в Южной Италии в Неаполь тайно (под видом «частного путешественника») направили генерала Б. П. Ласси, который был назначен командующим русским экспедиционным корпусом (основные силы этого корпуса пока что находились на Корфу). Ласси были даны полномочия в течение трех месяцев решить, есть ли у экспедиции в Неаполь шансы на успех, и действовать соответствующим образом [55].

[50] Мария-Каролина герцогу Серра-Каприола 27 мая (8 июня) 1804 г. (копия). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 10744, лл. 62—64 об.

[51] Вербальная нота Чарторыйского Серра-Каприола 1(13) августа 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 10745, лл. 11—15 об.

[52] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 92, 81.

[53] Письма Марии-Каролины и Фердинанда IV Александру I. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6183, лл. 10—11; д. 6185; 1805 г., д. 6187, лл. 2—4.

[54] Чарторыйский Серра-Каприола 24 ноября (6 декабря) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 10745, лл. 40—61.

[55] Рескрипт Александра I Ласси 2(14) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 1172, лл. 2—31; инструкция Александра I Ласси 6(18) января 1805 г. Там же, лл. 50—54 об.

Неаполитанская экспедиция была возможна лишь при взаимодействии с Англией. Однако точки зрения обеих держав не совпадали [56], хотя Россия, как и Англия, была заинтересована в безопасности Неаполя и требовала от Наполеона соблюдения его нейтралитета. Как уже говорилось, сделанные Англией весной 1803 г. предложения заключить конвенцию о совместных действиях для защиты Неаполя были отвергнуты, как преждевременные. Через год — в апреле 1804 г.— Англия снова возобновила свои настояния [57], и переговоры вступили в новую фазу.

Англия и Россия коренным образом расходились прежде всего в том, что должно быть основным объектом внимания союзников — Ионические острова и Греция или же Неаполь — и соответственно этому, куда именно следует направить их войска. Англия стояла за то, что главные силы союзников должны быть выделены для операций в Неаполе, Россия — для операций в Восточном Средиземноморье [58].

Расходились они и в вопросе о цели задуманной неаполитанской экспедиции. С точки зрения России, весь смысл ее был в том, чтобы не ограничиваться освобождением одного лишь Неаполя, а развивать после этого наступление в Северную Италию и Францию. Англия же отнюдь не хотела операции крупного масштаба: ее страшило, что в этом случае в Италии будут сконцентрированы значительные русские силы. Англичане желали прежде всего не допустить, чтобы Наполеон захватил Сицилию и, если возможно, сами занять ее. Англия считала поэтому, что операции экспедиционного корпуса должны ограничиться Калабрией и Сицилией. В связи с этим Англия отказывалась выделить для неаполитанской экспедиции сколько-нибудь значительное число войск, чего требовала Россия [59].

[56] См. Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 44—47, 68—69. 100—101; P. Mackesy. Op. cit., p. 53—56.

[57] Ответ России 8(20) апреля 1804 г. на ноту Англии от 6(18) апреля. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 4320, лл. 14—15 об.

[58] С. Р. Воронцов Чарторыйскому 28 сентября (10 октября) 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 261—262; Чарторыйский С. Р. Воронцову 27 ноября (9 декабря) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757б, лл. 348 сл.

[59] J. H. Rose. The Third Coalition, p. 44—45, 61, 65—66; его же. Life of W. Pitt, part II, p. 525—526; С. Р. Воронцов Чарторыйскому 28 сентября (10 октября) 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 275.

Наконец, между Англией и Россией не было единства и в вопросе о сроках экспедиции. Англия настаивала на немедленном ее начале в случае новых агрессивных актов Наполеона против Неаполя[60], Россия — на тщательной предварительной военной подготовке и с этой целью — на отсрочке экспедиции[61].

К концу 1804 г. обострились возникавшие уже и ранее споры о численности войск, которые Англия должна была выделить для экспедиции, и о порядке руководства.

Россия требовала, чтобы Англия дала не менее 10—15 тыс. человек[62], от чего Питт решительно отказывался. В конце концов русское правительство уступило и согласилось, чтобы английский корпус составлял 5 тыс. человек с тем условием, что Англия предоставит транспортные суда[63].

В вопросе о руководстве экспедиционной армией англичане настаивали на раздельном командовании. Русские, наученные горьким опытом голландской экспедиции 1799 г., требовали, чтобы силы обеих держав находились под единым русским командованием[64].

В конечном итоге тактика Англии сводилась к тому, чтобы использовать Россию для обороны Неаполя и завладеть Сицилией, не пуская при этом русские силы в глубь Италии. В русских кругах уже тогда понимали, что Англия метит на Сицилию, и были этим очень недовольны[65].

[60] Гарроуби Гоуэру 28 сентября (10 октября) 1804 г. J. H. Rose. The Third Coalition, p. 44—45.

[61] С. Р. Воронцов Гарроуби 14(26) мая 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 16, стр. 362—364; Чарторыйский С. Р. Воронцову 27 ноября (9 декабря) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757б, лл. 348—356.

[62] J. H. Rose. The Third Coalition, p. 61, 73; Чарторыйский С. Р. Воронцову 27 ноября (9 декабря) 1804 г. (Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 281) и 5(17) февраля 1805 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 241—244 об.).

[63] Александр I С. Р. Воронцову 29 апреля (11 мая) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6779, лл. 30—36 об.

[64] J. H. Rose. The Third Coalition, p. 72—73; Чарторыйский С. Р. Воронцову 27 ноября (9 декабря) 1804 г. и 5(17) февраля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757 б, лл. 348—356; 1805 г., д. 6780, лл. 241—244 об.; Чарторыйский Ласси 2(14) мая 1805 г. Там же, 1805 г., д. 1172, лл. 76—77 об.

[65] Ch. Auriol. Op. cit., vol. I, p. 367—370; P. Mackesy. Op. cit., p. 54.

2

Курс внешней политики России с середины 1804 г. был направлен на войну против Франции, сближение с Англией и активную политику в восточном вопросе и на Балканах. Эта ориентация в зарубежной буржуазной исторической литературе, в особенности польской и французской, связывается преимущественно с именем А. Чарторыйского, который в 1804—1806 гг. фактически возглавлял русское министерство иностранных дел, хотя формально числился лишь товарищем министра.

Сложная фигура Чарторыйского, представителя высшей польской знати, члена богатейшей и влиятельнейшей семьи, претендовавшей одно время на престол Польши и известной своим резко враждебным отношением к России, с давних пор интересовала историков. Как могло случиться, что поляк-националист стал во главе русского министерства иностранных дел? Кому на пользу была его деятельность — чуждой ему России или Польше? Таковы вопросы, занимавшие русскую и зарубежную буржуазную историографию.

Русские дворянско-буржуазные историки видели в Чарторыйском чуть ли не злого гения России, губившего ее в интересах Польши. Так, реакционер-националист С. Татищев относит на его счет все неудачи русской дипломатии не только первых годов XIX в., но и 50—70-х годов[66]. Вина Чарторыйского, по мнению Татищева, в том, что он ради Польши первый втянул Россию в чуждые ей конфликты европейских держав и спровоцировал ее на ненужную войну с Францией. В результате «русская политика, выбитая из исторической колеи, более трех четвертей столетия блуждала в пространстве, прежде чем могла обрести снова торный, естественный народный свой путь». Чарторыйский извратил характер русской дипломатии, «впервые оторвал ее от родной почвы, обезличил и опошлил»[67]. Так же смотрит на него и великий князь Николай Михайлович: поведение Чарторыйского в должности главы русского министерства иностранных дел (несмотря на его личное благородство), «цинично и даже преступно

[66] См. его статьи «Русская дипломатия, старая и новая» и «Князь Адам Чарторыйский». В кн.: С. С. Татищев. Из прошлого русской дипломатии. СПб., 1890.

[67] С. С. Татищев. Из прошлого русской дипломатии, стр. 341, 342; см. также стр. 16—17, 338—339.

для руководителя русских интересов», говорит он [68]. Несколько мягче, но в общем в том же плане высказывается и С. М. Соловьев [69].

Противоположную, на первый взгляд, оценку деятельности Чарторыйского как русского дипломата дает польская буржуазная историография. В специальной работе М. Гандельсмана о Чарторыйском последний рассматривается как зачинатель панславизма, основоположник русской национальной политики на Балканах [70]. Деятельность Чарторыйского, по мнению Гандельсмана, направляли его глубокие и искренние дружеские чувства к Александру I и вместе с тем его твердое убеждение в том, что польское дворянство должно ориентироваться на Александра, а не на Наполеона, что лишь русский император может осуществить восстановление Польши [71].

Безудержную апологетику и тенденциозную идеализацию Чарторыйского мы находим в монографии эмигранта генерала М. Кукеля, бывшего директора музея Чарторыйского в Кракове и военного министра польского эмигрантского правительства, а ныне профессора новой истории в польском университете в Лондоне [72]. Буржуазный националист Кукель не может нарадоваться тому, что поляк руководил внешней политикой России. Это он де положил начало славянской политике России, впервые завязал связи с деятелями славянского национально-освободительного движения, основал «великую программу политики Российской империи». После отставки Чарторыйского в 1806 г. Россия будто бы шла на поводу у Пруссии [73].

Западноевропейские и американские историки говорят о Чарторыйском преимущественно в связи с планами создания европейских федеративных союзов, выдвигавшимися русской дипломатией в 1804—1805 гг. Они также крайне преувеличивают роль Чарторыйского и влияние его

[68] Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I, т. 1. СПб., 1912, стр. 42, см. также стр. 32, 39, 41, 45—46. Ср. А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. III, ч. 1. СПб., 1882, стр. 447—448.

[69] С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 318, 329.

[70] M. Handelsman. Adam Czartoryski, t. I. Warszawa, 1948, p. 62—66.

[71] Ibid., p. 52—53, 63—66, 78—81.

[72] M. Kukiel. Czartoryski and European Unity. 1770—1861. Princeton, 1955.

[73] Ibid., p. 35—36, 77.

устремлений к восстановлению Польши на внешнюю политику России.

Методологически и русские националистические историки (С. Татищев, вел. кн. Николай Михайлович), и польские националисты (Кукель) близки друг к другу. Для тех и других решающим в освещении внешней политики России являются взгляды и убеждения главы министерства иностранных дел и его польское происхождение. Одни радуются последнему, другие возмущаются, но дальше этого их анализ не идет. В обоих случаях все сводится к личности Чарторыйского.

Некоторые основания для образовавшейся вокруг имени Чарторыйского легенды дал он сам. В своих мемуарах Чарторыйский впоследствии был не прочь стилизовать себя под Конрада Валленрода, романтического героя знаменитой поэмы Мицкевича, поляка, возглавившего тевтонский орден лишь для того, чтобы вернее предать и погубить его. Чарторыйский старался создать впечатление, что вся его деятельность в 1803—1806 гг. была подчинена одной лишь тайной цели — восстановлению Польши и обузданию «русского тщеславия» [74]. Быть может, субъективно это и было так. Но то обстоятельство, что Чарторыйский заботился прежде всего о том, чтобы управление Польшей перешло в руки польского магнатства, не меняло характера русского внешнеполитического курса. Реальной основой последнего были не субъективные планы и побуждения князя Чарторыйского, а классовые интересы той части русского дворянства, которая стремилась к войне с Францией и активной политике в восточном и балканском вопросах, и объективно Чарторыйский служил именно этим интересам.

В качестве руководителя русского министерства иностранных дел Чарторыйский отнюдь не был одиночкой, на свой страх и риск вершившим все дела. Нет, во все время своего фактического руководства министерством он выступал как член определенной русской правительственной группировки, разделяя и выполняя в области внешней политики ее программу. Чарторыйский находился в постоянном тесном контакте и с другими членами недавнего Негласного комитета [75], и с группой Воронцовых. Новосиль-

[74] См., например, А. Чарторижский. Указ. соч., т. 1, стр. 322, 330—333.

[75] С конца 1803 г. заседания Негласного комитета почти пре-

цов, Кочубей, Строганов, оба Воронцова обычно во всех подробностях обсуждали с Чарторыйским и общее направление внешней политики России, и конкретные ее мероприятия, и их мнение оказывало на него сильнейшее влияние.

Со своей стороны Воронцовы и Негласный комитет энергично поддерживали политику Чарторыйского. Воронцовы были солидарны с ним в таких важнейших вопросах, как необходимость войны с Францией и союза с Англией; разделяли они и враждебность его к Пруссии (в восточном вопросе их точки зрения расходились). Новосильцов, Кочубей и Строганов держались одних с ним взглядов. Доказательством служит тот факт, что когда во внешней политике России 1804—1806 гг. вставали особенно важные и сложные задачи, их брали на себя участники недавнего Негласного комитета, хотя они и не были дипломатами ни по профессии, ни по призванию. Так, для ответственных переговоров с Англией в 1804—1805 гг. был избран Н. Н. Новосильцов; его же послали для переговоров с Наполеоном летом 1805 г. Новые очень важные переговоры с Англией в начале 1806 г. было поручено вести П. А. Строганову.

Эффектная роль польского патриота, пекущегося прежде всего о благе угнетенной родины, была отчасти «примышлена» Чарторыйским позднее, когда ему понадобилось оправдать в глазах поляков свою службу Александру I [76]. Наконец, следует помнить, что при любых обстоятельствах планы Чарторыйского не шли далее восстановления политического господства польских магнатов, были направлены на новое подчинение польской шляхте коренных украинских и белорусских земель (Чарторыйский стоял за восстановление Речи Посполитой в ее старых границах) и не отвечали действительным интересам польского народа.

кратились. Однако и в 1804 г.— первой половине 1806 г. он сохранял свое влияние. Члены его (В. П. Кочубей, П. А. Строганов, Н. Н. Новосильцов, А. Чарторыйский) по-прежнему составляли тесно спаянную группу, солидарную в основных вопросах. В дальнейшем мы будем говорить о них, как о группировке Негласного комитета.

[76] Ср. K. Waliszewski. Le règne d'Alexandre I. Paris, 1923, vol. I, p. 131. Ближе других русских буржуазных историков подошел к пониманию роли Чарторыйского А. Н. Попов (см. его статью «Вопрос польский. 1806—1809». «Русская старина», 1893, март, стр. 670, 675).

Говоря о «системе Чарторыйского», мы лишь условно связываем с его именем направление внешней политики России в 1804—1806 гг.

* * *

Задолго до окончательного разрыва с Францией в русских правительственных кругах начала вызревать идея новой коалиции против Наполеона [77]. В основе ее лежало убеждение в необходимости союза с Англией: она, писал канцлер, «даст душу и силу коалиции» [78]. Летом 1803 г. Англия снова (в который раз!) просила Россию о взаимодействии [79]. В ноябре 1803 г. Россия предложила Англии принять совместные меры для защиты Ионических островов и Греции от французского вторжения [80].

Инициатива образования третьей коалиции исходила от Англии, которой угрожала непосредственная опасность. Видный английский историк Дж. Х. Роуз полагает, что первой с предложениями о коалиции и субсидиях выступила Россия, ссылаясь при этом на инструкцию А. Р. Воронцова С. Р. Воронцову от 20 ноября (2 декабря) 1803 г. [81] Но, как мы не раз отмечали, в 1802—1803 гг. именно Англия осаждала Россию предложениями о заключении союза против Франции.

В 1804 г. развернулись оживленные переговоры европейских держав о борьбе против Наполеона. Россия и

[77] А. Р. Воронцов Моркову 25 мая (6 июня) и доклады его императору 27 августа (8 сентября) и 12(24) ноября 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 169, 330—339, 410—417.

[78] Записка А. Р. Воронцова 23 июля (4 августа) 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 11, стр. 474.

[79] С. Р. Воронцов А. Р. Воронцову 19 июня (1 июля) 1803 г. ВПР, т. 1, стр. 459; Гауксбери Уоррену 30 июня (12 июля). АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 6753, лл. 30—37. (Цитируется в статье А. Редкина «Участие России в расторжении Амьенского мира». «Русская старина», 1898, февраль, стр. 356).

[80] А. Р. Воронцов С. Р. Воронцову 20 ноября (2 декабря) 1803 г. Опубликована впервые в кн.: J. H. Rose. Napoleonic Studies. London, 1904, p. 364—367. См. также ВПР, т. 1, стр. 557—558.

[81] J. H. Rose. The Third Coalition, p. VI—VII; его же. Life of W. Pitt, part II, p. 508; его же. Life of Napoleon I, vol. II, p. 5—6, 28. С Роузом полемизирует немецкий историк Г. Шедер, правильно, на наш взгляд, считающая, что первым предложение об образовании третьей коалиции сделал не Александр I, а Аддингтон в ноябре 1802 г. (см. H. Schaeder. Die dritte Koalition und die Heilige Allianz. Königsberg und Berlin, 1934, S. 8—9).

Дания условились о совместной защите Балтики [82]. С той же целью была достигнута договоренность с Пруссией [83] (реального значения она, однако, не получила). После долгих колебаний Австрия и Россия 25 октября (6 ноября) обменялись декларациями: Россия обязалась дать для предстоящей войны 115 тыс. человек, Австрия — 255 тыс. [84] Было условлено, что Австрия окажет военную поддержку России в случае агрессивных актов Наполеона против Турции или Неаполитанского королевства. В декабре заключили антинаполеоновскую конвенцию Англия и Швеция. Переговоры их затормозились из-за упорства Англии в вопросе о субсидиях. Англия требовала, чтобы в коалиции приняли участие обе германские державы — Австрия и Пруссия. Россия считала участие Пруссии в коалиции нереальным и настаивала на увеличении субсидии Австрии [85]. Задерживало переговоры и крайнее недовольство России англо-испанским конфликтом и в особенности грубым актом насилия со стороны Англии, захватившей в октябре 1804 г. три испанских корабля [86], что срывало планы России о привлечении Испании к коалиции.

Заключение нового союза стало первоочередной практической задачей. Все же русское правительство хотело раньше выяснить позицию Англии в ряде важнейших вопросов европейской политики. В Петербурге хорошо помнили плачевный исход первой и второй коалиций и полагали, что одной из причин этого была несогласованность целей и точек зрения коалиционных держав. Тем большее значение теперь придавали достижению возможно более

[82] Русская контрдекларация 17(29) марта 1804 г. ВПР, т. 1, стр. 670—672.

[83] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. VI, стр. 341—345.

[84] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 406—420.

[85] Чарторыйский С. Р. Воронцову 30 апреля (12 мая) 1804 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 172—176, 179—182; J. H. Rose. The Third Coalition, p. 6—8. См. ответ Гарроуби С. Р. Воронцову (ibid., p. 14—19) и дальнейшие настояния Чарторыйского в инструкциях его С. Р. Воронцову 15(27) августа, 26 октября (7 ноября) 1804 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757 б, лл. 259—266, 312—315).

[86] J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 514—515; его же. The Third Coalition, p. 71—72, 107; Чарторыйский С. Р. Воронцову 27 ноября (9 декабря) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757 б, лл. 393—396 об.

полной и всесторонней предварительной договоренности [87].

Наилучшим средством к тому, чтобы установить полный контакт с Англией, Александру и Чарторыйскому казался путь неофициальных переговоров (на официального русского представителя в Лондоне С. Р. Воронцова надежды было мало — к этому времени успели привыкнуть, что он неизменно в любом вопросе брал сторону Англии). Было решено послать в Англию со специальной миссией такого человека, который был бы близок к императору и пользовался одновременно доверием «молодых друзей». Выбор пал на Н. Н. Новосильцова, и решающую роль в этом выборе сыграл, надо думать, А. Чарторыйский: оба они во всем поддерживали друг друга [88]. Новосильцов в это время был товарищем министра юстиции, поэтому официально целью его миссии считалось ознакомление с английским законодательством.

Обычно основным источником для характеристики лондонской миссии Новосильцова в 1804—1805 гг. служат мемуары Чарторыйского и приложенные к ним материалы, в особенности пространная инструкция Александра I Новосильцову 11(23) сентября 1804 г. [89] (фактически автором ее был Чарторыйский), и записка Н. Н. Новосильцова об его переговорах с Питтом (опубликована лишь первая ее часть) [90]. Кроме того, Ф. Мартенс приводит отдельные случайные и сбывчивые выдержки из переписки Новосильцова с Чарторыйским и Александром I [91].

[87] Александр I С. Р. Воронцову 10(22) сентября 1804 г.; Чарторыйский С. Р. Воронцову 6(18) сентября. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757 а, лл. 42—44; д. 6757 б, лл. 284—288 об.

[88] Кочубей С. Р. Воронцову 11(23) апреля 1803 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 291.

[89] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 27—44 (отпуск хранится в АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805, д. 6762, лл. 21—55).

[90] Опубликована А. Чарторыйским (указ. соч., т. II, стр. 44—52). АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 39—58 об. (отпуск). См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 89—101.

[91] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 89—97. Некоторые архивные материалы, относящиеся к миссии Новосильцова, очень кратко излагаются в работе М. Богдановича «История царствования императора Александра I и России в его время» (т. I, 1869, стр. 351—362).

Однако для освещения той программы, которую русское правительство выдвинуло в переговорах с Англией в 1804—1805 гг., указанных документов недостаточно. Ценным источником для этой цели служит ряд неопубликованных материалов. В их числе следует назвать дополнительные замечания к инструкции Новосильцову от 11 (23) сентября 1804 г.[92], касающиеся восточного вопроса, проблем послевоенного переустройства Европы, военных планов России и Англии, их отношений с Пруссией и Австрией; вторую, неопубликованную часть записки Новосильцова о переговорах с Питтом[93], повествующую о спорах по восточному вопросу; приложения к этой же записке[94] (в них изложены предложения Новосильцова Питту относительно плана предстоящих военных действий, мероприятий по организации коалиции и привлечению к ней Пруссии и Австрии, послевоенного переустройства Европы, политического строя Франции после свержения Наполеона и ряда других важнейших вопросов; в этих же приложениях излагаются замечания Питта на русский проект); переписку Новосильцова с Александром и Чарторыйским.

Миссия Новосильцова преследовала многообразные цели. Первоочередной из них Россия считала организацию коалиции и разработку плана военных операций. Необходимой предпосылкой их успеха было присоединение к коалиции Австрии и Пруссии или хотя бы одной из них, а также Швеции и по возможности Дании и Турции. Англия должна была платить присоединившимся к коалиции державам субсидии и поставлять транспортные суда. Что касается военных действий, то здесь Россия предлагала следующий план: в Северной Германии будет действовать русский корпус в 40 тыс. человек, шведская армия, ганноверский корпус и английский десантный корпус; Южную Германию, Швейцарию и Северную Италию должны взять на себя австрийцы, но и Россия пошлет туда крупный вспомогательный корпус (до 60 тыс. человек); на юге Италии будет произведен десант объединенных русско-английских сил (по 10—15 тыс.)[95]. При определенных условиях Россия считала возможным также и десант английских сил в Голландию[96]. Одной из отличительных черт русского плана наступления на Наполеона была, как видим, установка на непосредственное и активное участие крупных английских сил в операциях на континенте.

[92] АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6762, лл. 55—60 об.
[93] АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 33—58 об.
[94] Там же, лл. 59—73 об.
[95] Приложение «А» к записке Новосильцова. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 59—62.

Важное место в возложенной на Новосильцова задаче занимал восточный вопрос. Какова была программа правительства Александра I в этом отношении?[97]

Раздел Турецкой империи в начале XIX в. не был и не мог быть непосредственной задачей правительственной политики царизма. Огромный рост могущества Франции заставлял Россию напрягать все силы, чтобы сдержать ее натиск. Не пошли бы в подобных условиях на раздел Турции и Англия с Австрией — доля, на которую они могли рассчитывать при этом, никак не компенсировала бы колоссальное усиление России, получающей Константинополь и проливы. Да и не было России смысла идти на рискованные авантюры — сложившаяся в Восточном Средиземноморье обстановка и без того вполне ее устраивала. Союз со слабой Турцией, контроль над турецкой дипломатией (турки в 1798—1804 гг. шагу не делали, не спросив совета у русского посланника), открытые для русского военного флота проливы, военно-морские базы на Ионических островах, постоянное присутствие на Средиземном море русского военного флота, протекторат и политическое преобладание на Ионических островах, дружба с Англией, контролировавшей средиземноморские коммуникации — всего этого было более чем достаточно, чтобы чувствовать себя удовлетворенной. Раздел же, сколь заманчив он ни был, мог лишь создать для России и внутренние и международные осложнения. Статус-кво, «замораживание» Османской империи, было для России наиболее выгодным.

[96] Дополнительные замечания к инструкции 11(23) сентября. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6762.
[97] Основными документами для характеристики ее служат записка Чарторыйского императору 17(29) февраля 1804 г. (Сборник РИО, т. 77, стр. 486—498); инструкция Новосильцову 11(23) сентября 1804 г.; неопубликованные «Дополнительные замечания» к этой инструкции (АВПР, ф. Канцелярия, д. 6762, лл. 55—60 об.); неопубликованная часть записки Новосильцова о переговорах его с Питтом (там же, д. 6764, лл. 52—58 об.); составленный Чарторыйским проект манифеста к греческому народу (приложение к инструкции ген. Анрепу 7(19) мая 1804 г.; там же, 1804 г., д. 1119, лл. 67—74 об.); замечания Чарторыйского на эту инструкцию (без подписи и даты; там же, лл. 75—77).

вание» восточного вопроса, сохранение «слабого соседа» казались русскому правительству наилучшей политикой: эту политику оно в 1798—1805 гг. и проводило.

Но беда заключалась в том, что благоприятная для России расстановка сил в Восточном Средиземноморье не могла быть длительной (хотя с 1798 по 1806 г. она все же сохранялась). Причиной тому были политика Наполеона, толкавшего Турцию на разрыв с Россией, и антирусские настроения части турецких кругов, строивших планы войны. Очевидное стремление Франции к господству в Европе, угроза с ее стороны русским интересам в Восточном Средиземноморье породили у руководителей внешней политики России сомнения в том, удастся ли сохранить союз с Турцией и статус-кво в восточном вопросе. Русское правительство в 1803—1805 гг. ожидало либо новой агрессии Наполеона на Ближнем Востоке, либо перехода Турции на сторону Франции (что и произошло спустя некоторое время). При подобных обстоятельствах в русских правительственных кругах появились тенденции к пересмотру ставки на сохранение «слабого соседа» [98]. Последнее по-прежнему казалось предпочтительнее. «Выгода иметь слабого и спокойного соседа...— вот уже достаточные причины, чтобы мы были довольны настоящим положением вещей и предпочитали его случайностям будущего»; лучше всего «сохранить Оттоманскую империю в ее нынешнем состоянии и не допускать покушений на нее»,— говорил Чарторыйский в своей записке императору 17(29) февраля 1804 г. [99] Но надежды на это было мало, и Чарторыйский начал подумывать о том, что же все-таки делать, если Франция снова нападет на Турцию или же Порта переметнется на сторону французов.

Программой-максимум на этот случай Чарторыйский, видимо, считал какие-то решительные перемены на Ближнем Востоке и на Балканах. Достаточно определенно, хотя и в завуалированной форме, об этом идет речь в инструкции Александра I Новосильцову 11(23) сентября 1804 г. (автор ее Чарторыйский). Внутренняя слабость Османской

[98] В частном письме Моченито 8(20) марта Чарторыйский писал, что в случае падения Османской империи «Россия не может ни в коем случае позволить, чтобы другая держава обосновалась в этой стране или приобрела там влияние» (ВПР, т. 1, стр. 656).

[99] Сборник РИО, т. 77, стр. 489.

империи и растущее недовольство ее христианских подданных, говорит Чарторыйский, угрожают спокойствию Европы. «Поэтому,— гласит инструкция,— конечно было бы желательно прийти к соглашению и устроить как-нибудь эту страну согласно с благом человечества и с принципами здравой политики». В настоящий момент, указывает Чарторыйский, этому препятствует лояльность по отношению к союзной Турции. «Но если Оттоманская империя присоединится к Франции (ведь никогда нельзя быть вполне уверенным в искренности ее чувств) или же, если нападки Франции и проистекающие из них последствия сделают существование Оттоманской империи в Европе невозможным, то в этом случае обе державы (Россия и Англия.— *А. С.*) смогут договориться между собой, каким образом лучше устроить судьбу ее различных частей»[100],— так осторожно намекает Чарторыйский на возможность раздела.

Что же в подобном случае должно будет достаться России? Чарторыйский об этом прямо не говорит. В упоминавшейся уже более ранней записке от 17(29) февраля 1804 г. он указывает, что Россия должна постараться «обеспечить тогда за нами некоторые главные местности, от которых зависит свободный сбыт наших товаров на Черном море» [101], подразумевая, надо полагать, под «главными местностями» Босфор и Дарданеллы. Некоторые существенные дополнения к характеристике этой стороны плана Чарторыйского дают составленный им проект русского манифеста, с которым предполагалось обратиться к грекам и албанцам-христианам в том случае, если Турция перейдет на сторону Наполеона, и замечания Чарторыйского по поводу инструкции генералу Анрепу [102]. Чарторыйский предлагал призвать тогда греков и албанцев-христиан к образованию Восточной империи, королевства Эпирского, республик Афинской и Спартанской.

[100] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 38—39. (Подчеркнуто нами).

[101] Сборник РИО, т. 77, стр. 497—498.

[102] Составленный Чарторыйским проект манифеста дан в качестве приложения к инструкции генерал-майору Анрепу 7(19) мая 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 68—74 об. См. также замечания Чарторыйского к этой инструкции (без подписи и даты). Там же, лл. 75—77.

Однако все это были лишь проекты и предположения. В официальную инструкцию Новосильцову они не вошли. Притязания на Константинополь и проливы Чарторыйский в 1804—1805 гг. официально не выдвигал даже в этой своей программе-максимум [103], рассчитанной на будущее время и на тот случай, если Турция порвет союз с Россией и присоединится к Франции.

Другим, более скромным вариантом восточной программы Чарторыйского был проект создания одной или двух греческих и славянских республик под верховным покровительством России и Турции (по образцу Ионической республики). В этом случае проекты раздела вообще не выдвигались и Турция как европейская держава сохранялась [104]. Но и этот второй вариант не был окончательным. Чарторыйский не решился поставить его в переговорах с Англией на обсуждение. Позиция Лондона в восточном вопросе, наставлял он Новосильцова, остается сомнительной, неясно еще, следует ли открыть ему свой план или же лучше «обойти его молчанием». Поэтому Россия предполагает при заключении нового союзного договора с Турцией ограничиться расширением прав христианских подданных Порты, «не лишаясь ее (Порты) привязанности, не тревожа других держав... Будет, быть может, более благоразумным сперва держаться подобного образа действия». Чарторыйский надеялся при этом, что еще будет возможность вернуться к первоначальным планам: слабость Турции — залог того, что мы всегда легко справимся с ней» (avoir bon marché d'elle) и что сейчас

[103] Буржуазные историки (А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 321; E. Driault. Austerlitz, p. 127; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 335; V. Puryear. Op. cit., p. 37), преувеличивающие степень агрессивности России, считают, что в 1804—1805 гг. она будто бы выдвигала планы овладения Константинополем и проливами, и ссылаются при этом на датированную 1804 годом записку Чарторыйского (А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 58—61). Однако текстологический анализ записки показывает, что датировка ее 1804 годом ошибочна и что она не могла быть написана ранее 1806 г., когда Чарторыйский уже не руководил русским министерством иностранных дел. Указанные сведения сообщены мне А. Л. Нарочницким, которому приношу свою искреннюю благодарность. См. также H. Schaeder. Op. cit., S. 31; M. Kukiel. Op. cit., p. 55, 80—81 (Шедер и Кукель впервые указали на неправильную датировку этой записки).

[104] Дополнительные замечания к инструкции Новосильцову 11(23) сентября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6762, лл. 58—59.

вполне возможно отложить решительные меры относительно нее [105].

Таков был восточный план Чарторыйского на ранней его стадии — в 1804—1805 гг. В 1806 г. он, как увидим, получил дальнейшее развитие.

Означает ли все изложенное, что Чарторыйский выдвигал в 1804—1805 гг. притязания на Константинополь и черноморские проливы? Нет, напротив того, и на этот раз дело ограничилось составлением проектов и докладных записок императору. Реально ближайшие цели восточной политики России сводились в этот момент к тому, чтобы сохранить свои позиции в Восточном Средиземноморье, отразить наступление Франции, усилить свое влияние в Греции, Сербии, Албании, Дунайских княжествах и в других подвластных Турции странах и ради этого добиться от Порты расширения прав их народов. В переговорах с Англией в 1804—1805 гг. не были поставлены ни вопрос о разделе, ни вопрос о создании славяно-греческого государства на Балканах. Чарторыйский ограничился тем, что сообщил Лондону через Новосильцова свой проект нового союзного договора с Турцией, подчеркнув необходимость потребовать от Порты равноправия для христианских ее подданных.

Однако появление тенденции к активизации политики России в восточном вопросе и к пересмотру курса на сохранение слабого соседа нельзя считать случайным. Чарторыйский не был исключением. Н. Н. Новосильцов в 1804—1805 гг. был посвящен во все тонкости его восточных планов и был проводником их во время своей лондонской миссии. В. П. Кочубей еще в 1798 г. говорил о Турции как о распадающемся государстве, которое примерно через пятнадцать лет само собой исчезнет из Европы [106]. В 1801—1802 гг. Кочубей все время видел перед собой возможность нападения Наполеона на Турцию и считал, что в подобном случае Россия тоже должна будет «сделать приобретения» [107]. К концу 1802 г. эти настроения Кочубея

[105] Дополнительные замечания. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6762, лл. 58—59 об. См. также А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 39.

[106] Кочубей С. Р. Воронцову 31 августа (11 сентября) 1798 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 165.

[107] Выступления Кочубея на собраниях Негласного комитета 13(25) августа 1801 г. и 22 января (3 февраля) 1802 г. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 94, 169—170.

усилились, и он стал склоняться к тому, чтобы пойти на раздел Турецкой империи с другими великими державами. Толкала его боязнь, что в противном случае Франция единолично произведет раздел, Россия же при этом останется ни с чем. В своем докладе императору в конце 1802 г. («Мнение графа Виктора Павловича») Кочубей писал: «Разные известия с некоторого времени единогласно утверждали о намерениях первого консула сделать новое покушение на области Оттоманские. Но сообщенный отзыв его гр. Моркову о поделе владений турецких и о видах его на Алжир и другие варварийские области [108] не оставляют уже никакого по сему сомнения, а известная отважность Бонапарта, уверенность его в счастии, которое доселе никогда его не оставляло, и разделение, посеянное тюильрийским кабинетом между первейшими европейскими державами, более, нежели вероятным, чинят, что он предпримет привести в действо планы свои.

Что в таковом случае Россия делать должна? Поведение ее не может быть иное, как приступить к поделу Турции с Францией и Австрией или чрез министерство аглицкое, ежели войдет в виды наши». Пока же Кочубей советовал императору предупредить Порту «о худых замыслах противу нея Бонапарта» и рекомендовать ей принять меры для укрепления обороны и «утишения внутренних беспокойств» [109].

Обычно эти определяющие моменты восточной политики России — планы раздела, желание договориться об этом с Англией и вместе с тем поощрение Турции к отпору Бонапарту — связываются с именем А. Чарторыйского. Как видим, в действительности одним из первых заговорил об этом Кочубей. Последнее существенно для правильного понимания настроений русских правительственных кругов и опровергает неверное представление зарубежных и русских дворянско-буржуазных историков о том, что курс внешней политики России в 1804—1806 гг. определял лишь один Чарторыйский.

Ряд других представителей дворянства также стоял за активизацию русской политики в восточном вопросе. В их

[108] Так дипломаты того времени называли Алжир, Тунис и другие государства Северной Африки.

[109] Мнение графа Виктора Павловича, 1802 г., без даты (не ранее июля-августа). АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 7834, лл. 24—25.

числе были министр просвещения П. В. Завадовский [110], А. К. Разумовский [111] и в особенности Ф. В. Ростопчин. Ростопчин считал, что Россия должна не воевать с Францией — это ей ничего не даст,— а обратить свои силы на дальнейшие завоевания [112]. Под этим Ростопчин подразумевал раздел Турции, хотя он и чувствовал фантастичность своего плана [113]. Очень одобрительно о греческом проекте говорил и адмирал П. В. Чичагов [114].

Мысль о неизбежности перемен на Ближнем Востоке возникла и в более широких кругах дворянской общественности. Подобные взгляды выражал Н. М. Карамзин. В «Вестнике Европы» он проявлял в 1802—1803 гг. большой интерес к восточной теме и часто помещал перепечатки заметок и сообщений о турецких делах, подбирая их таким образом, чтобы показать читателям картину внутреннего разложения Османской империи. Турцию он считал обреченной на гибель [115], хотя раздел турецких

[110] «Я удивляюсь, что и доселе ты полагаешь во что-нибудь гибнущую турецкую державу. Роля разрушения, а не действия предстоит ей»,— писал он сторонику политики «слабого соседа» А. Р. Воронцову 20(31) мая 1800 г. Архив кн. Воронцова, т. 12, стр. 247.

[111] Записка Разумовского 19(31) марта 1801 г. А. А. Васильчиков. Семейство Разумовских, т. III, ч. I, СПб., 1882, стр. 383—385.

[112] Осуждая англофильскую (по его мнению) политику канцлера А. Р. Воронцова, Ростопчин писал 20 марта (1 апреля) 1805 г. генералу П. Д. Цицианову: «Он любит из дружбы к брату Англию, а я уверен, что Россия может и должна иметь собственные виды и поведение, или мешая другим расширять свои владения, или, не взирая на других, приобретая и себе все что кстати». «Девятнадцатый век», кн. II, стр. 88 (разрядка наша.— *А. С.*).

[113] Ростопчин писал Цицианову 21 сентября (3 октября) 1804 г.: «Раздел Турции вещь самая легкая, но если мы тут не будем участвовать, то сей раздел будет для нас пагубен... И для сего бы надобно разделить Турецию по старинному моему плану, взяв Молдавию и Ромелию с Цареградом, прочее Австрии и Пруссии с променами между сими двумя, Грецию и острова образовать республикою, Египет — Франции, а там 50 тыс. под твоею командою отправить чрез Персию в Индию разорить до конца все аглицкие заведения..., откуда прямо я возвращаюсь в Воронове» (имение Ростопчина). «Девятнадцатый век», кн. II, стр. 62—63 (разрядка наша.— *А. С.*).

[114] [П. В. Чичагов]. Архив адмирала П. В. Чичагова, вып. 1. СПб., 1885, стр. 97—101.

[115] «Оттоманская империя явно отжила век свой,— не раз говорил он, указывая на внутренние ее беспорядки... — все связи в

владений представлялся ему делом рискованным и затруднительным [116]. Завоевательные планы нашли у Карамзина горячий отклик [117]. Не случайно он позднее давал подчеркнуто одобрительную оценку внешней политике Екатерины II [118].

В. Н. Каразин также вел речь о близком распаде раздираемой внутренними противоречиями Турецкой империи, очень сочувственно говорил о греческом проекте и выражал полную уверенность, что через 5—10 лет предстоит образование «славянского царства, на трон которого взойдет один из августейших братьев Александра» [119]. Взгляды Каразина имели, однако, свои особенности: главным для него были не Константинополь и проливы, а

ее политическом основании разрушаются» («Вестник Европы», 1802, ч. III, № 14, стр. 158—159; см. также «Вестник Европы», 1803, ч. XI, № 19, стр. 242). Об использовании Карамзиным аналогии между реформами Селима III и реформаторскими попытками русских дворян-либералов для агитации против «нововведений» см. Ю. Лотман. Эволюция мировоззрения Карамзина..., стр. 152—155.

[116] «Так ли мудра оттоманская политика, чтобы Европа имела в ней нужду?.. Но трудно согласить выгоды разных держав. Смерть богатого человека, у которого много наследников, рождает тяжбы и хлопоты. Если же предсказания некоторых политиков исполнятся, то начнется новая эпоха в свете, без сомнения, весьма благоприятная для разума и человечества. Тогда откроется просвещению Европы верный и легкий путь в Азию» («Известия и замечания». «Вестник Европы», 1802, ч. III, № 14, стр. 158—159).

[117] Излагая напечатанную в одном английском журнале статью об «угрозе» завоевания Россией Мальты, Турции и Египта, Карамзин радостно восклицает (тенденциозные рассуждения о «русской опасности» не встретили у него никаких возражений): «Вот предсказания и мысли непротивные русскому сердцу! Надобно заметить вообще, что в наше время только три державы играют первую роло в мире — Франция, Англия и Россия. Судьба республики зависит от жизни консула: впереди мрак и неизвестность — величие Англии есть напряжение, а Россия есть государство новое, в начале пути силы крепки и свежи: сколько надежды для патриотической гордости» («Известия и замечания». «Вестник Европы», 1803, ч. X, № 13, стр. 81). Мысль Карамзина об особой исторической миссии «крепкой и свежей» России в какой-то мере сходна с позднейшей славянофильской аргументацией.

[118] Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, стр. 38.

[119] Записки В. Н. Каразина А. Чарторыйскому 21 ноября (3 декабря) и 27 ноября (9 декабря) 1804 г. «Русская старина». 1871, июнь, стр. 714—715, см. также стр. 705, 707.

освобождение славян и греков. Дальнейшие завоевания он считал для России не нужными. Во время греческого восстания 1821—1829 гг. идея выступления великих держав против турецкого господства в Европе не в завоевательных целях, а ради дела освобождения балканских народов будет выражена передовыми русскими людьми ярче и определеннее [120]. Между проектом создания «славянского царства» Каразина и его настояниями на мире с Францией есть известная связь [121].

Как видим, выдвигаемые дворянством планы активизации русской политики в восточном вопросе были многообразны. Создавались далеко идущие проекты раздела Турецкой империи к выгоде России, проекты создания славянских и греческих государств под русским или русско-турецким протекторатом на Балканах и Средиземноморье и как минимальный вариант — план введения русских войск в княжества и город Паргу и установления гражданского равноправия райи. Из них только последний получил сколько-нибудь практический характер, был включен в новый проект русско-турецкого договора и поставлен на обсуждение с Англией. Ни создание славяно-греческого государства, ни тем более раздел в непосредственную программу правительственной деятельности в 1804—1805 гг. не входили, характера государственной политики не имели.

Это, однако, не значит, что указанные выше проекты при всей их нереальности и фантастичности были лишь делом, так сказать, личного творчества их авторов. Их породил ряд объективных международных и внутренних процессов. Существенную роль играли экономические моменты — часть дворянства и купечества юга России была заинтересована и в восточных рынках и в том, чтобы Франция, Англия и Турция не препятствовали русской торговле на Средиземном море. А это было невозможно без укрепления русских позиций в восточном вопросе.

[120] Например, Н. И. Тургенев писал в своем дневнике в 1822 г.: «Вопрос: обязаны ли были образованные европейские государства помогать грекам? Не разрешая сего вопроса, вижу, что существование турков в Европе делает вечный стыд образованности государств, которые терпели это существование» (Архив братьев Тургеневых, т. III, вып. 5. Пг., 1921, стр. 325).

[121] Отмечено Ш. Д. Вербицким. Русско-французские отношения 1801—1803 гг., ч. 1.

Очень существенны были и стратегические соображения: правительство Павла, а затем и Александра в 1798—1812 гг. не раз стояло перед угрозой, что Турция пропустит французский флот через проливы на Черное море, а французскую армию — через Балканы в Молдавию и Валахию. Чтобы предотвратить это, опять-таки требовалось расширить опорные пункты влияния России в Восточном Средиземноморье.

Далеко не последнее место в планах завоеваний на Ближнем Востоке занимали внутриполитические интересы русского дворянства. Дворянство как господствующий класс и самодержавное государство как его орудие были заинтересованы в разряжении внутренних противоречий посредством внешней экспансии. Завоевания в Восточном Средиземноморье могли бы служить этим великодержавным по своей природе целям. На активизацию политики в Восточном Средиземноморье толкало правительство Александра I и стремление сохранить влияние на балканские народы, а для этого частично поддержать их национально-освободительные чаяния. Очевидное стремление Франции и Англии завести собственные связи в Греции, Албании, в ряде других балканских стран усиливало эту необходимость.

Экономические, стратегические, международные и внутриполитические моменты, переплетаясь, порождали среди части господствующего класса феодально-крепостнической России стремление к экспансии в Восточном Средиземноморье и на Балканах, которой во внешней политике России противостояла тенденция к сохранению Турции как «слабого соседа».

Наряду с непосредственно стоявшими перед Россией и Англией вопросами на Новосильцова была возложена задача договориться с Питтом о тех проблемах, которые должны были возникнуть в будущем, после окончания войны. Послевоенное переустройство Европы: судьба оккупированных Наполеоном стран после их освобождения; судьба самой Франции в том случае, если Наполеон будет низложен коалицией; общая система послевоенных международных отношений; предстоящая перекройка европейских границ — все эти вопросы нашли отражение в инструкции Новосильцову 11(23) сентября 1804 г. и были поставлены в ходе лондонских переговоров. Русское правительство наметило обширный проект перемен в положении европейских государств после разгрома Наполеона и конца войны. Этот план имел непосредственной целью создать на будущее время известные гарантии против новых попыток Франции к завоеваниям. Предполагалось с этой целью восстановить независимость всех оккупированных французами стран и вернуть Францию в старые границы, окружив ее барьером второстепенных государств (Пьемонт, Голландия, Швейцария), которые должны были быть соответствующим образом усилены [122].

Другой целью русского плана было восстановление позиций России в Германии, основательно расшатанных Наполеоном, и вместе с тем ослабление Пруссии и Австрии как возможных соперников в борьбе за влияние в Германской империи. Русский проект в этом отношении имел довольно решительный характер и намечал коренную реформу: Австрия и Пруссия навсегда отделяются от Германской империи, остальные германские государства объединяются в федерацию; к ней присоединяются Швейцария и Голландия, получавшие территориальные приращения.

Преобладание в будущей, перестроенной по этому проекту Европе должно было принадлежать России и Англии, которые заключат постоянный союз: изолированные Франция, Австрия и Пруссия были бы не в состоянии сопротивляться им. Создание германской федерации и исключение из нее Австрии и Пруссии лишало последних реальной возможности претендовать на гегемонию в Германии. К тому же по русскому плану в случае победы над Наполеоном они не получали крупных земельных приобретений: Пруссии Александр в этот момент вообще ничего не хотел давать, для Австрии же считал достаточными некоторые приращения в Италии [123].

Наряду с этим правительство Александра I предполагало образовать из второстепенных европейских государств ряд федеративных союзов [124].

В плане европейских федераций Чарторыйского фигурировала идея создания после победы над Наполеоном

[122] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 36, 46, 50.
[123] Приложение «B» к записке Новосильцова.
[124] О русском плане европейских федеративных союзов см. А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 36—37, 50—51; дополнительные замечания к инструкции 11(23) сентября 1804 г.; записка Новосильцова о переговорах с Питтом и приложения «B» и «C» к ней (ссылки даны выше).

союза итальянских государств. «Следует, чтобы эти государства, оставив в стороне свои частные разногласия и проникшись лишь своими общими интересами, образовали своего рода конфедерацию»,— писал об этом Чарторыйский. Первым шагом к образованию такой конфедерации, по мнению Чарторыйского, мог послужить союз (концерт) Неаполитанского королевства и Пьемонта, к которому присоединятся затем мелкие итальянские государства [125].

Замыслы Чарторыйского не ограничивались созданием союза итальянских государств: он строил в это время далеко идущую программу федерации упомянутого Итальянского союза, Испании и Португалии [126].

Цель итальянской федерации была практическая — предотвратить на будущее время новую агрессию со стороны Франции. Об этом, а не об объединении Италии заботился прежде всего Чарторыйский. Однако, как правильно показал Дж. Берти, объективно этот план способствовал делу объединения Италии. Считая курс на усиление Пьемонта и Неаполитанского королевства традиционным курсом политики России в Италии с конца XVIII в. [127], Дж. Берти выделяет как особый качественно новый этап этой политики федеративный план Чарторыйского (1804—1805 гг.). Это были, говорит Дж. Берти, «смелые, передовые позиции, которые имели большое значение для судеб Италии и для будущего развития итальянской национальной политики... Ясно, что рано или поздно эта внешняя политика России должна была найти поддержку у наиболее передовых представителей итальянских правящих классов в Пьемонте и в Неаполитанском королевстве... На международной арене Россия была главной защитницей интересов Италии» [128].

Изложенный в инструкции Новосильцову план итальянской федерации [120] Дж. Берти расценивает как «первый не

[125] Чарторыйский товарищу министра иностранных дел Д. П. Татищеву 28 сентября (10 октября) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 8251, лл. 37 об.—38. См. также В. Г. Сироткин. Из истории внешней политики России в Средиземноморье в начале XIX в. «Исторические записки», т. 67, 1960, стр. 225.

[126] В. Г. Сироткин. Из истории внешней политики России в Средиземноморье... «Исторические записки», т. 67, 1960, стр. 231.

[127] Дж. Берти. Указ. соч., стр. 180—181.

[128] Там же, стр. 212, см. также стр. 209, 216.

[129] Дж. Берти осталось неизвестным цитированное нами выше письмо Чарторыйского Д. П. Татищеву 28 сентября (10 октября).

утопический, а конкретный политический и дипломатический план обеспечения независимости Италии» [130].

Так Александр и Чарторыйский представляли себе будущее Европы. Но наряду с этими вполне практическими планами в инструкции Новосильцову 11(23) сентября было и нечто иное. Мы имеем в виду ту ее часть, которая пользуется столь громкой славой в современной буржуазной историографии в качестве «плана европейской лиги», прообраза «соединенной Европы» и т. п. и в которой идет речь о подчинении будущей «умиротворенной» Европы новому международному закону (Чарторыйский именовал его «новым кодексом международного права» [131]), обязательному для всех европейских держав. Кодекс этот, в частности, должен был предусмотреть обязательство держав не начинать войны до тех пор, пока не будет использовано третейское посредничество. Принявшие этот «кодекс» державы образовали бы своего рода европейскую лигу. Россия и Англия стали бы инициаторами и гарантами нового международного порядка [132]. Чарторыйский не скупился на громкие и красивые слова, расписывая в инструкции 11(23) сентября благодетельность этого «кодекса» для Европы. В действительности, однако, заботился он не о благе Европы, а о том, чтобы подчинить второстепенные европейские государства воле великих держав.

Достаточно определенно говорят об этом его же собственные слова в упомянутой инструкции: «Ясно также, что существование слишком мелких государств не может согласоваться с имеющейся у нас в виду целью, ибо благодаря своему бессилию они будут служить только приманкой, предметом честолюбивых притязаний, не принося никакой

[130] Дж. Берти. Указ. соч., стр. 222. Дж. Берти, на наш взгляд, переоценивает прогрессивность итальянской политики Чарторыйского, говоря, что принципы ее соответствовали планам и идеям итальянских тайных политических обществ того времени (стр. 217). Нельзя согласиться и с тем, что Дж. Берти персонифицирует внешнеполитический курс России 1804—1805 гг. в лице Чарторыйского, оставляя в стороне как классовую основу этого курса, так и ту политическую группировку русского дворянства (Негласный комитет), которая его выдвинула.

[131] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 35.

[132] Интересный материал для характеристики планов Чарторыйского и Александра, связанных с «кодексом», содержится в неопубликованном приложении «D» к записке Новосильцова об его переговорах с Питтом. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 69—70.

пользы общему благу. Единственным выходом из такого затруднения является присоединение их к более сильным державам или сформирование их в федеративные союзы» [133].

Но именно эти черты правительственной инструкции Новосильцову привлекли к ней внимание современных буржуазных историков. Почти никто из них, начиная от солидных авторов фундаментальных трудов по истории международных отношений и кончая авторами написанных явно для заработка легковесных книжечек, не прошел мимо нее. Причина этого ясна: нынешние апологеты «объединенной Европы» ищут в прошлом историческое обоснование своих планов. Инструкция Новосильцову с ее умелой маскировкой вполне практических целей, платоническими рассуждениями о «международном законе» и «европейской лиге» явилась для них в этом отношении настоящей находкой. Современные буржуазные историки (как в работах 30—40-х годов, так в особенности в работах послевоенного периода) сделали из нее чуть ли не программный документ, имеющий якобы уникальное историческое значение,— «один из ключей к истории Запада», «один из самых грандиозных замыслов в истории (une des conceptions les plus grandioses de l'histoire)», «истинное произведение гения», по восторженной характеристике Г. Ферреро [134]. «Революцией в дипломатической истории» называет ее Х. Г. Шенк [135].

Проект создания «европейской федерации», установления системы «коллективной безопасности», «международной организации наций» видит в инструкции Александра I Новосильцову и ряд других европейских и американских историков (К. У. Б. Мидлтон, Б. Х. Самнер, Б. Липсон, М. Лейзерсон, П. Рэн, Ж. А. Пиренн) [136].

---

[133] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 36.

[134] G. Ferrero. Reconstruction. Talleyrand à Vienne (1814—1815). Paris, 1940, p. 85, 91.

[135] H. G. Schenk. The Aftermath of the Napoleonic Wars. London, 1947, p. 27.

[136] Еще в 1914 г. одним из первых привлек в этом плане внимание к инструкции Новосильцову английский историк В. А. Филлипс (W. A. Phillips. The Confederation of Europe. London, 1914, p. 30—48). После первой мировой войны интерес к ней усилился. Б. С. Миркин-Гецевич посвятил ей специальную работу, в которой подчеркивал роль инструкции в разработке нового международного права (Б. С. Миркин-Гецевич. Русский проект

Американский историк Ч. Морлей прямо указывает на ту служебную роль, которую, с его точки зрения, играет для «современности» федеративный план Чарторыйского: «понятие (concept) лиги так же, как и другие идеи Чарторыйского, не погибли; они остались жить, чтобы принести плоды в нашем столетии»,— говорит он [137].

С точки зрения упомянутых буржуазных историков, замыслы Александра I, лишь в общих чертах набросанные в его инструкции Новосильцову, получили дальнейшее развитие и воплощение в Священном союзе. По их утверждению, последний был попыткой, хотя и неудачной, создать конфедерацию европейских государств (К. У. Б. Мидлтон, Г. Вернадский), предшественником, а то и даже непосредственным родоначальником Лиги наций [138]. «Мечтатель-идеалист» Александр неоднократно сравнивается с Вудро Вильсоном [139]. Инструкции Н. Н. Новосильцову и Священному союзу как историческому прообразу «Объединенной Европы» посвящена целая книга, принадлежащая перу

международной организации Европы 1804 года. В кн.: «Сборник статей, посвященных П. Н. Милюкову. 1859—1929». Прага, 1929, стр. 435—449). В духе буржуазного пацифизма и культа Лиги наций трактовала инструкцию Г. Шедер (H. Schaeder. Op. cit., S. 28—69). Во время второй мировой войны, особенно после нее, число работ, касающихся инструкции, значительно увеличилось; тон же их стал поистине восторженным. См. K. W. B. Middleton. Britain and Russia. London, 1947, p. 27; B. H. Sumner. Survey of Russian History. London, 1947, p. 405—406; его же. A Short History of Russia. New York, 1943, p. 395; B. Lipson. Europe in the Nineteenth Century. 1815—1914. London, 1940, p. 213—215; M. Laserson. The American Impact on Russia, Diplomatic and Ideological, 1784—1917. New York, 1950, p. 100—102; P. Rain. Organisation de la paix en Europe depuis les origines jusqu'à l'O. N. U. Paris, 1946, p. 75—81; J. H. Pirenne. La Sainte Alliance, organisation européenne de la paix mondiale. Neuchatel, vol. I, 1946, p. 21—22; vol. II, 1949, p. 88—89; M. Kukiel. Op. cit., p. 44—50. (Кукель подчеркивает роль Чарторыйского в создании этого «великого плана»).

[137] Ch. Morley. Czartoryski's Attempts at a New Foreign Policy under Alexander I. «The American Slavic and East European Review», December, 1953, p. 485.

[138] K. W. B. Middleton. Op. cit., p. 31—32; G. Vernadsky. A History of Russia. New Haven, 1954, p. 197, 203—204; P. Rain. Op. cit., p. 103, 112.

[139] K. W. B. Middleton. Op. cit., p. 31—32; J. Thomson. Russia: the Old and the New. London, 1948, p. 83; J. G. Lockhart. The Peacemakers 1814—1815. London, 1932, p. 11; K. Waliczewski. Op. cit., vol. I, p. 145—146.

Г. Шенка, реакционера-эмигранта из Чехословакии, осевшего после второй мировой войны в Лондоне [140].

Блок монархических держав, созданный для удушения европейского революционного движения, получает под пером буржуазных фальсификаторов истории восторженную характеристику. Подобная идеализация политики царизма типична для современной буржуазной историографии.

* * *

Переговоры Новосильцова в Лондоне не принесли успеха планам Чарторыйского и Александра I. В некоторых вопросах, касавшихся отдаленного и неопределенного будущего (лига европейских держав, международный кодекс и т. п.), Питт охотно на все соглашался и вторил Новосильцову. В вопросах же, ближе затрагивавших интересы Англии, Питт упорно отвергал русские предложения. Так, он заявил, что вообще наиболее эффективный способ действия — это концентрация сил на Британских островах до тех пор, пока французы не очистят некоторые пункты побережья и не создадут тем самым возможности для десанта [141]. От ведения в ближайшее время крупных военных операций на континенте Питт, таким образом, фактически отказался.

Разногласия между Питтом и Новосильцовым возникли и по поводу перекройки границ Европы. В ходе лондонских переговоров Питт выдвинул свой собственный план «европейской реконструкции» (по излюбленному выражению английских буржуазных историков). В общих чертах план этот был намечен статс-секретарем по иностранным делам Гренвилем в конце 1798 г. Уже тогда он в инструкции Ч. Уитворту выдвинул в качестве основных послевоенных целей Англии возвращение Франции в старые границы, создание направленного против нее барьера европейских государств, предоставление Австрии территориальных приобретений в Италии [142].

Английский план 1805 г. был дальнейшим развитием и конкретизацией идей 1798 г. 7(19) января 1805 г. статс-секретарь по иностранным делам Мюльгрейв вручил С. Р. Воронцову пространный мемуар, автором которого был фактически Питт [143]. Мемуар этот содержал далеко идущий план переустройства всей системы европейских международных отношений после войны (подразумевалось, что она завершится поражением Наполеона) и вместе с тем изложение тех условий, на которых Англия готова была заключить мир с Францией после ее капитуляции. Первоочередным и обязательным условием явилось, разумеется, освобождение Италии, Швейцарии, Пьемонта, Голландии, Северной Германии, Ганновера от французского господства. Возвращенная в старые границы Франция попадала таким образом в полукольцо связанных с союзниками государств. Питт предлагал всемерно усилить их за счет Италии, Бельгии, немецких княжеств на левом берегу Рейна. С этой целью он считал необходимым отдать Австрии часть Итальянской республики (Ломбардию, папские легатства, Модену, Тоскану); сардинскому королю — Пьемонт, оставшуюся часть Итальянской республики, Парму, Пьяченцу и Геную; Голландии — часть Бельгии (по линии Антверпен — Маастрихт); Пруссии (если она присоединится к коалиции) — левый берег Рейна (между Мозелем и Маасом), остальную часть Бельгии и Люксембург. По фламандской границе и правому берегу Рейна намечалось создать систему крепостей-барьеров.

План Питта, как видим, был непосредственно направлен против Франции. Но у него имелась и другая сторона. Как упоминалось, русское правительство в инструкции Новосильцову выдвинуло проект полного преобразования Германской империи и выделения из нее Австрии и Пруссии. Предложения Питта о серьезном усилении Пруссии были

[140] H. G. Schenk. The Aftermath of the Napoleonic Wars.

[141] Приложение «А» к записке Новосильцова о переговорах его с Питтом. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 59—60.

[142] J. H. Rose. Life of W. Pitt. part II, p. 371; его же. Napoleonic Studies, p. 54—58; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 289—290.

[143] Опубликован в работе: C. K. Webster. British diplomacy. 1813—1815. London, 1921. p. 389—394. См. о нем J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 523—524; его же. Pitt's plans for the Settlement of Europe. Napoleonic Studies, p. 41—84; H. Temperley and L. M. Penson. Foundations of British Foreign Policy from Pitt (1792) to Salisbury (1902). Cambridge. 1938. p. 9—21; C. K. Webster. The Foreign Policy of Castlereagh. 1812—1815. Britain and the Reconstruction of Europe. London, 1931, p. 53—63. Изложение мирных условий Англии см. в инструкции Мюльгрейва Гоузру J. H. Rose. The Third Coalition, p. 90—96. Очень важный дополнительный материал о плане Питта содержат неопубликованные приложения «С» и «В» к записке Новосильцова об его лондонских переговорах. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 63—68 об.

контрмерой против русского проекта: он настаивал на том, чтобы любой ценой купить участие Пруссии в коалиции и для этого превзойти Наполеона в посулах и обещаниях, предложив пруссакам земли на берегу Рейна между Маасом и Мозелем, часть Бельгии и Люксембурга. Новосильцов возражал против этого, доказывая, что Пруссии ничего давать не нужно. В свою очередь проект России о послевоенной перекройке Германии и выделении Пруссии и Австрии из Германской империи натолкнулся на сопротивление Питта. Он заявил Новосильцову, что подобная идея очень соблазнительна, но практически слишком сложна и трудно осуществима. Более «практичным» Питт считал возведение крепостей на правобережье Рейна, охранять которые будут Австрия и Пруссия (эта система барьеров была направлена против Франции) [144].

Итак, одна из основных предпосылок русского варианта «послевоенной реконструкции» Европы — изоляция и ослабление Пруссии и Австрии, фактическое отстранение их от германских дел — столкнулась с прямо противоположным ей по своим целям английским вариантом. Движущей силой английского проекта было стремление предотвратить усиление русского влияния в Центральной Европе и противопоставить России сильную Пруссию [145].

По-разному Англия и Россия во время лондонских переговоров смотрели и на будущее Италии. Обе державы сходились в том, что следует укрепить Пьемонт. Однако Англия отдавала добрую часть итальянских земель Австрии, что означало усиление иноземного гнета над Италией. Россия же (хотя и не возражала против приобретений Австрии в Италии) выдвигала объективно прогрессивный для того времени план создания союза итальянских государств.

Как и следовало ожидать, не получили одобрения Питта и планы Александра I в восточном вопросе [146]. Новосильцов

[144] Приложения «B» и «C» к записке Новосильцова о переговорах с Питтом. См. также А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 47—49.

[145] Подобную политику проводил статс-секретарь по иностранным делам Кэсльри в 1813 г. (см. Л. А. Зак. Из истории английской политики в отношении Германии в последний период наполеоновских войн (конец 1812—1813 г.). «Ученые записки по новой и новейшей истории», 1957, вып. 6, стр. 511—514, 529).

[146] Дебаты Питта и Новосильцова по восточному вопросу изложены последним в неопубликованной части его записки о переговорах с Питтом (АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764,

должен был, воздерживаясь от конкретных предложений, прощупать, есть ли надежда получить согласие Питта на серьезные изменения на Балканах и в Восточном Средиземноморье, в частности на создание славянских и греческих государств под покровительством Порты и России [147]. Беседы Новосильцова с Питтом показали, что рассчитывать на это нельзя было: сообщение Чарторыйского в его инструкции от 18(30) августа 1804 г. о желании России изменить условия русско-турецкого союзного договора и уравнять христианских подданных Порты в гражданских правах с мусульманами вызывали в Лондоне сильные подозрения относительно завоевательных планов России. Есть много примеров тому, что «помогать какой-нибудь стране означает самый удобный способ завладеть ею»,— сказал Питт многозначительно, намекая на обещания России защитить Турцию в случае нападения на нее Франции. Новосильцов довольно вяло отрицал, что Александр питает подобные намерения (император согласится стать господином Константинополя лишь по истощении всех других способов к защите его от Франции, заявил он) и только пытался убедить Питта в том, что господство России в Константинополе... пойдет на благо английской торговле в Леванте. Несколько осторожнее Новосильцов держался со статс-секретарем по иностранным делам Гарроуби: его он уверял, что Россия хочет сохранения Турции и лишь желает несколько модифицировать русско-турецкий союзный договор 1799 г. [148]

Однако англичане решили пока что воздержаться от прямой атаки на Новосильцова в восточном вопросе — слишком уж нужен был им в этот момент союз с Россией. По некоторым пунктам было заключено тактическое соглашение. Питт в общем не возражал против русского проекта договора с Турцией, с которым познакомил его Новосильцов. Гарроуби же снова возобновил настояния на оккупации Англией и Россией турецких территорий (Гарроуби

лл. 52—58 об.) и сжато изложены Ф. Мартенсом (указ. соч., т. XI, стр. 98—100); см. также [М. Богданович]. Указ. соч., т. I, стр. 359—361.

[147] Дополнительные замечания к инструкции Новосильцову 11(23) сентября 1804 г.

[148] Записка Новосильцова о переговорах его с Питтом и Новосильцов Чарторыйскому 25 ноября (7 декабря) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6765, лл. 13—14.

подразумевал Александрию) в целях обороны от Наполеона [149]. Питт предписал представителю Англии в Константинополе поддерживать Италинского.

Было очевидно, что на большее Англия не пойдет; на создание славянских и греческих государств, вообще ни на какое усиление влияния России на Балканах и в Восточном Средиземноморье не согласится. Так это и воспринял Чарторыйский. Постепенно ему становилось все яснее, что Англия и Россия в восточном вопросе не могут сотрудничать. И не случайно ему все чаще стала вспоминаться антирусская политика Англии в Константинополе во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. и военная тревога 1791 г., когда обеспокоенная успехами России Англия была на волоске от войны с нею. «Я боюсь, что нас хотят провести,— писал Чарторыйский Новосильцову 26 октября (7 ноября) 1804 г.,— Питт усвоил эту систему в 1788 г., и он вполне может к ней вернуться» [150]. Еще решительнее Чарторыйский говорил об этом А. Р. Воронцову: «Его (Питта.— *А. С.*) политика уже в 1790 г. была проникнута величайшим недоброжелательством ко всяким новым приобретениям России» [151]. Чарторыйский подчеркивал, что вина за трудности, с которыми Россия встретилась в переговорах с Турцией, лежит на Англии [152] и делал в конце концов вывод, что России в восточном вопросе нужно «лететь на своих собственных крыльях» и ничего не ждать от англичан [153].

Не добившись результатов в переговорах с Питтом по восточным делам, Новосильцов тем более не мог рассчитывать на успех там, где Англия уже не раз показывала открытую свою враждебность планам России. Новосильцов даже не пытался начать переговоры относительно призна-

[149] Новосильцов Чарторыйскому 25 ноября (7 декабря) 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6765, лл. 11—12 об.

[150] АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6763, лл. 3—6. То же в письме Чарторыйского С. Р. Воронцову 25 октября (6 ноября) 1804 г.: «Г. Питт показал себя недружелюбным России в 88 г., и я боюсь, чтобы какая-то частица этой системы не замешалась в отношения, в которых должны преобладать лояльность и самая полная искренность» (Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 279).

[151] Письмо 2(14) декабря 1804 г. А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 56.

[152] Чарторыйский Новосильцову 15(27) декабря 1804 г. и 5(17) февраля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6763, лл. 10—12, 23—24.

[153] Там же, л. 11—11 об.

ния Англией основных начал вооруженного нейтралитета («морского кодекса») [154]. Чарторыйский это одобрил [155]. Умолчал Новосильцов и о Мальте.

Тактика Новосильцова в переговорах с Питтом во многом объясняется настоятельной необходимостью договориться с Англией. Вместе с тем важную роль играли и настроения русских правительственных кругов. Война против Франции и союз с Англией стали своего рода боевыми лозунгами «молодых друзей». Неудача лондонской миссии Новосильцова означала бы серьезное их поражение. Группировка, боявшаяся войны с Францией, хотя и не менее ей враждебная, не преминула бы использовать провал переговоров Новосильцова. В конце 1804 г. эта группа перешла в наступление, и Александр I начал колебаться и каяться, что решился на войну, и завязал переговоры с Англией. Отсутствие Новосильцова ослабило «молодых друзей». Чарторыйский требовал от Новосильцова, чтобы он форсировал переговоры, и недвусмысленно намекал, что необходимы «добрые новости» из Лондона. В переговорах с Англией, говорил Чарторыйский, Александр «зашел настолько далеко, что, отступив, он себя опозорит» [156]. На ставку был таким образом поставлен не только успех одной лишь дипломатической миссии, но и политический престиж группировки Негласного комитета и императора.

Новосильцов, разделявший тревогу Чарторыйского [157], решил, что при сложившихся обстоятельствах самым правильным будет создать хотя бы видимость успеха своих лондонских переговоров. В реляциях Александру и в донесениях Чарторыйскому он в самых радужных красках расписывал тот восторженный прием, который будто бы встретили со стороны Англии русские предложения [158].

[154] Новосильцов Александру I 24 декабря 1804 г. (5 января 1805 г.) АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, л. 16 сл.

[155] АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6763, л. 13 сл.

[156] Чарторыйский Новосильцову 28 ноября (10 декабря) 1804 г. и 5(17) февраля 1805 г. Там же, лл. 8—9 об., 23—24 об. Ср. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 94—95.

[157] Новосильцов Чарторыйскому 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6765, л. 19—19 об.

[158] Новосильцов Александру I 22 ноября (4 декабря) 1804 г., 24 декабря 1804 г. (5 января 1805 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 5—6 об., 16—21 об.; Новосильцов Чарторыйскому 20 ноября (2 декабря), 2(14) декабря 1804 г., 20 декабря 1804 г., (1 января 1805 г.), 8(20) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 6765, лл. 15—21 об. Новосильцов особенно был горд тем, что ему

Фактически эти донесения Новосильцова были не чем иным, как очковтирательством. «Даю вам слово, что нет ничего более удивительного, чем соответствие его (Питта.— *А. С.*) основных принципов с теми, принять которые считает нужным император»; «нет ни одного пункта, в котором мы бы расходились»,— так писал он Чарторыйскому [159].

В действительности дело обстояло как раз наоборот: за исключением одного — необходимости объединиться против Наполеона — не было почти ни одного пункта, в котором между Россией и Англией была бы достигнута окончательная договоренность. В вопросах об открытии Англией крупных военных действий на континенте, об отношении к Пруссии и послевоенном переустройстве Европы, о признании Англией вооруженного нейтралитета, в мальтийском деле и — самое главное — в ближневосточной политике Питт и Новосильцов стояли на разных позициях.

Миссия Новосильцова закончилась частичной неудачей. Так ее и расценивал впоследствии Чарторыйский. Но Чарторыйский, желая затушевать свою собственную роль, сваливает всю вину на Новосильцова, обвиняя его в том, что он поторопился с возвращением в Россию и был слишком уступчив [160]. А между тем подобный образ действия предписал Новосильцову не кто иной, как сам Чарторыйский. В своем отчете императору за 1805 г. он старался затушевать трудности, с которыми встретился в ходе лондонской миссии Новосильцов, и подчеркивал полный успех лондонских переговоров [161].

Единственным, но зато чрезвычайно важным практическим результатом миссии Новосильцова было то, что обе

будто бы удалось получить согласие принца Уэльского и видных вигов (Фокса, Шеридана и др.) на русский план (см. Новосильцов Александру I 22 ноября (4 декабря) 1804 г. Там же, д. 6764, л. 7; он же Чарторыйскому 20 декабря 1804 г. (1 января 1805 г.). Там же, д. 6765, л. 19—19 об.). В действительности же Фокс был против войны с Францией и считал, что Россия должна выступить в качестве посредницы между воюющими державами. (См. письмо Чарторыйского Фоксу 3(15) апреля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 4321, лл. 11—12).

[159] Донесения 20 ноября (2 декабря) и 2(14) декабря. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6765, лл. 15—17 об.

[160] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 335—336.

[161] Отчет Чарторыйского императору за 1805 г. Составлен 14(26) мая 1808 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 1, л. 12—12 об.

стороны закрыли глаза на все разногласия и противоречия. Был согласован проект союзного договора. Как только дело доходило до основных спорных вопросов [162], Новосильцов и Питт старались возможно скорее обойти их.

Переговоры о подписании союза вели в Петербурге Чарторыйский и Гоуэр. 30 марта (11 апреля) 1805 г. договор был подписан [163]. Первая статья предусматривала организацию «общего союза» против Франции, который должен поставить под ружье свыше 500 тыс. человек. Англия обязалась выплачивать участникам коалиции (России, Австрии, Швеции, Пруссии) субсидии в размере 1250 тыс. ф. ст. (и дополнительно Австрии — 1 млн. ф. ст.) за каждые 100 тыс. человек (ст. 3). Россия должна была выставить 115 тыс. человек (ст. 4 сепаратная); позднее это число было увеличено до 180 тыс. Англия — на этом настояла Россия — обязалась не только субсидировать военные действия, но и участвовать в них своими морскими и сухопутными силами (ст. 3).

Кроме этих первоочередных вопросов, договор 30 марта затрагивал и более отдаленные проблемы послевоенного переустройства. Была намечена в общих чертах послевоенная перекройка Европы. Здесь в ряде вопросов верх взяла Англия. Франция, по плану союзников, возвращалась в старые границы; восстанавливалась независимость оккупированных ею государств; на французских границах создавалась система крепостей. Союзники договорились отдать Австрийские Нидерланды (Бельгию) Голландии, Женеву и Савойю Швейцарии (ст. 3 сепаратная); Пруссия получала области на левом берегу Рейна и новые земли (ст. 7 сепаратная). Однако было условлено, что усиление Пруссии не должно нарушать «европейского равновесия». Первоначально Англия требовала для Пруссии более значительных территориальных приобретений, но Россия этому воспротивилась. По настоянию России в договор была включена восьмая сепаратная статья, также направленная против Пруссии: Англия и Россия условились о взаимных действиях против любой державы (подразумевалось Пруссии), поддерживающей Наполеона. По прусскому

[162] См. о разногласиях России и Англии в этот период C. K. Webster. The Foreign Policy of Castlereagh..., p. 56, 61—62; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 336; J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 526—528.

[163] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 433—464.

вопросу был, таким образом, достигнут известный компромисс, с перевесом в пользу Англии [164].

Что касается итальянского вопроса, то Россия и Англия договорились о восстановлении сардинского короля и территориальном усилении Пьемонта [165], о полном освобождении Италии от французской оккупации и о гарантии безопасности Неаполитанского королевства (вторая статья). Англия приняла посредничество России для примирения с Испанией (ст. 9 сепаратная).

Между Россией и Австрией в итальянских делах был достигнут компромисс: еще по союзным декларациям 25 октября (6 ноября) 1804 г. Россия согласилась на то, что Австрия получит новые территории в Италии (до линии реки Адды к западу и реки По к югу). Договор 30 марта подтвердил русско-австрийское соглашение (третья сепаратная статья).

Статьи об уступке Австрийских Нидерландов Голландии, а итальянских земель Австрии предвосхищали постановления Венского конгресса и имели реакционный характер. По сравнению с более либеральными проектами Чарторыйского по итальянскому вопросу то был шаг назад.

В договор 30 марта была включена десятая сепаратная статья, в силу которой раньше, чем начать военные действия, Англия и Россия должны были попытаться договориться с Наполеоном на приемлемых для последнего условиях. Под этим подразумевалось, что Англия откажется от Мальты. В 1804 г. Чарторыйский говорил Гарроуби, что при известных условиях английские войска должны покинуть Мальту [166]. Нарочитая неясность, в которой Питт и Новосильцов оставили данный пункт (надо думать, по взаимному безмолвному соглашению) [167], внушила Александру I полную уверенность, что английское правительство на это согласно. В свой проект договора Россия включила поэтому условие (ст. 10 сепаратная) об очищении Мальты Англией и о введении после этого на остров русского гарнизона (формально хозяином Мальты по-прежнему должен был оставаться орден, сюзереном — неаполитанский король). Со своей стороны Россия обещала вывести войска с Ионических островов (кроме гарнизона в 1500 человек), если Наполеон будет на этом настаивать.

К удивлению Александра Гоуэр отказался включить в договор обязательство о выводе английских войск с Мальты. Чтобы не задерживать дело, Чарторыйский подписал договор с оговоркой о праве России в дальнейшем вернуться к обсуждению статьи относительно Мальты. Русское правительство надеялось, что Питт примет требования России, и официально предупредило, что в противном случае договор не будет ратифицирован [168].

Теперь пришла очередь удивляться Питту — ничего подобного он не ожидал, ибо осторожность, проявленная Новосильцовым в вопросе о Мальте, успокоила его [169]. Лондон ответил безоговорочным отказом (май 1805 г.) [170]. Разумеется, и на этот раз С. Р. Воронцов во всем поддерживал не свою родину, а Питта [171]. Канцлер Александр Романович разделял точку зрения брата [172].

Сначала Россия в мальтийском деле не шла на уступки. Обусловленные договором 30 марта, переговоры с Наполеоном были поручены все тому же Новосильцову [173].

---

[164] О седьмой и восьмой статьях конвенции см. письмо А. Чарторыйского С. Р. Воронцову 3(15) апреля. 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 286—315.

[165] То была программа-максимум России и Англии. В качестве минимума они были согласны уступить кому-либо из членов семейства Бонапартов Пьемонт при условии, что он не будет зависеть от Франции (десятая сепаратная статья).

[166] J. H. Rose. The Third Coalition, p. 22—23.

[167] Питт сам признавал, что вопреки своему желанию он мог дать Новосильцову повод для подобного толкования: «Я был настолько несчастлив, что вселил в Вас во время одной из наших бесед такое впечатление о моих взглядах, которое очень отличается от того, что я мог когда-либо иметь в виду»,— писал он в частном письме Новосильцову 26 мая (7 июня) 1805 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6773, л. 8. Подлинник).

[168] Рескрипт Александра I и предписания Чарторыйского С. Р. Воронцову 3(15) апреля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6779, лл. 18—25 об., д. 6780, лл. 316—319. См. также J. H. Rose. The Third Coalition, p. 127—139.

[169] Питт был «сражен, как ударом грома»,— писал С. Р. Воронцов Александру I 26 мая (7 июня) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6781, л. 639 об.

[170] J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 527—528; его же. The Third Coalition, p. 145—147, 155—162.

[171] АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6781, лл. 639 об.—721; д. 6782, лл. 291—291 об., 323—326 об., 332. Ср. J. H. Rose. Life of W. Pitt. part II, p. 527; Memoirs of Prince A. Czartoryski and his Correspondence with Alexander I, ed. by A. Gielgud. London, 1888 vol. II, p. 74—78.

[172] Сборник РИО, т. 82, стр. 81—82.

[173] Об английских предложениях относительно русского по-

Александр I требовал от Англии, чтобы предъявленные Наполеону условия были возможно более умеренными [174] и в соответствии с этим включил в проект мирного договора статью об эвакуации Мальты Англией, передаче острова под охрану России, введении на него русского гарнизона и аннулировании статьи X Амьенского договора [175]. Россия заявила, что если Англия не откажется от Мальты, то русское посредничество станет невозможным [176].

Только что заключенный англо-русский договор находился под угрозой срыва. Александр I был вне себя от ярости и разочарования. В русско-английских отношениях уже появились черты, предвосхищавшие Тильзит. Англия, жаловался Чарторыйский, «хочет направлять континент в своих собственных целях и не заботится ни об общем положении вещей, ни о мнении других держав» [177].

Быстро улавливавший политические веяния Ж. де Местр доносил сардинскому королю: «Уже англичане начали видеть в черном свете успехи русских; здесь в английской миссии говорили даже по этому поводу кое-какие примечательные вещи, и в Леванте англичане говорят о России совершенно так же, как французы» [178].

Поняв создавшуюся опасность, Питт заколебался и был готов уступить в вопросе о Мальте в компенсацию за согласие России на усиление Пруссии (переход к ней части Бельгии) и на переход к Англии острова Минорки [179]. Однако к этому моменту положение уже изменилось. Наполеон сам вывел Россию и Англию из тупика, в который они зашли. Ряд агрессивных действий Франции в Италии (провозглашение Наполеона королем Италии, создание

средничества см. Новосильцов Александру I 3(15) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, лл. 74—77 об. и J. H. Rose. The Third Coalition, p. 94—96, 121—123.

[174] Чарторыйский С. Р. Воронцову 9(21) марта, 14(26) мая, 30 мая (11 июня), 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 269—275, 394—400, 411.

[175] Сборник РИО, т. 82, стр. 66—67.

[176] Чарторыйский С. Р. Воронцову 30 мая (11 июня) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 414—419.

[177] Чарторыйский С. Р. Воронцову 30 мая (11 июня). Там же, лл. 437—441 об.

[178] J. de Maistre. Mémoires politiques et correspondance diplomatique, p. 121, см. также p. 123.

[179] A. W. Ward. Op. cit., p. 369; письмо Питта Новосильцову 26 мая (7 июня) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6773, лл. 7—11; Мюльгрейв Гоуэру 26 мая (7 июня). J. H. Rose. The Third Coalition, p. 173.

княжества Пьомбино и присоединение к нему Лукки) завершился захватом в июне 1805 г. Лигурийской республики (Генуя). Россия использовала это как предлог для отказа от своего посредничества между Францией и Англией [180]. Вопрос же об условиях, которые Новосильцов должен был предложить Наполеону в связи с Мальтой, был автоматически снят с повестки дня.

Ради спасения союза с Англией Александр решил оставить мальтийский вопрос в стороне. 16 (28) июля 1805 г. договор с Англией был ратифицирован Россией за исключением статьи о Мальте [181], не вошедшей в акт ратификации.

Наряду с этим предметом споров был и вопрос о признании Англией основ второго вооруженного нейтралитета. Он был поднят в петербургских переговорах Чарторыйского и Гоуэра, причем скорее по соображениям тактического порядка (ради «менажирования» Дании и Швеции). Русское правительство не очень настаивало на внесении этой статьи в договор и при подписании его ограничилось тем, что вручило Гоуэру соответствующую декларацию [182]. Но Питт даже и слышать не хотел о пересмотре английского «морского кодекса» [183].

Одновременно с русско-английскими переговорами шли переговоры России с другими европейскими державами о совместных действиях против Франции. Петербургу удалось привлечь на свою сторону Швецию, оказав ей поддержку в шведско-прусском конфликте. 2 (14) января 1805 г. была заключена русско-шведская конвенция о совместной защите Северной Германии от Наполеона.

Значительно сложнее складывались отношения с германскими государствами.

[180] «Наилучшей возможной политикой было использование первой глупости корсиканского суверена, чтобы поставить на его счет разрыв переговоров»,— писал Чарторыйский С. Р. Воронцову 13(25) июня 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, л. 457; ср. сборник РИО, т. 82, стр. 78.

[181] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 469—471. См. также Александр I С. Р. Воронцову 17(29) июля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6779, лл. 120—124.

[182] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 112—115, см. также письмо Чарторыйского С. Р. Воронцову 3(15) апреля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 326—331 об.

[183] J. H. Rose. The Third Coalition, p. 161—163, 173—174; С. Р. Воронцов Чарторыйскому 26 мая (7 июня) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6782, лл. 332—337.

После заключения русско-английского союза Россия и Англия добивались от Австрии ее присоединения к союзному договору от 30 марта (11 апреля) 1805 г. Австрия затягивала свое решение, надеясь договориться с Наполеоном; все надежды на нее, казалось, были потеряны [184]. Дело решил захват Генуи Наполеоном — после этого Австрия, трепетавшая за свои владения в Италии и боявшаяся оказаться в изоляции, отважилась на энергичный шаг. 28 июля (9 августа) 1805 г. Россия и Австрия обменялись декларациями о присоединении Австрии к русско-английскому союзному договору [185].

С особенным упорством Наполеон и Александр старались перетянуть на свою сторону Пруссию. Она теперь нужна была союзникам для совместной защиты Северной Германии от французов, и русское правительство охотно пошло бы поэтому на союз с нею. Главным препятствием была сама Пруссия. При всей своей извилистости и неустойчивости, при всех своих бесконечных колебаниях Пруссия была на свой лад последовательна и все время имела целью завладеть Ганновером, не ввязываясь в войну, оставаясь нейтральной. Беда была лишь в том, что одно исключало другое. Пруссия надеялась, что Наполеон отдаст ей Ганновер в награду за нейтралитет, тогда как он соглашался вознаградить ее лишь за открытый переход на сторону Франции. Но и враждебные Франции державы ждали от Пруссии не нейтралитета, а военного сотрудничества. В годы третьей коалиции Берлин метался между двумя лагерями, тщетно пытаясь согласить несогласимое и получить одновременно и Ганновер, и нейтралитет [186].

Планы Пруссии были прямо противоположны тому, чего хотела от нее Россия, и, естественно, что Петербург был разочарован. В русских правительственных кругах (исключение составлял Александр I) росла враждебность к Пруссии. А. Р. Воронцов и А. Чарторыйский развернули

[184] Отчет Чарторыйского за 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 1, лл. 32—33 об.

[185] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 428—430.

[186] О русско-прусских переговорах в 1803 г. см. С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 291—292; Ф. Мартенс. Указ. соч., т. VI, стр. 309—321; H. Ulmann. Russisch-preussische Politik unter Alexander I und Friedrich Wilhelm III bis 1806. Leipzig, 1899; отчет канцлера А. Р. Воронцова за 1803 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2987, лл. 204 об.— 206.

настоящую кампанию, требуя прекращения переговоров с нею [187].

Чарторыйский готов был пожертвовать своими планами на Ближнем Востоке и Балканах для того, чтобы обратить русские войска против Пруссии [188]. Войну с Пруссией Чарторыйский считал необходимой и неизбежной [189].

В начале 1804 г. между Александром и прусским королем завязались переговоры о возможности русской помощи в случае агрессии Наполеона в Северной Германии. Пруссия в секретной декларации заявила, что будет оборонять ее вместе с Россией [190]. Но в то же время Пруссия признала императорский титул Наполеона и обещала ему не давать согласия на свободный проход русских войск через прусскую территорию [191]. В Константинополе Пруссия поддерживала Францию против России [192]. Россия в свою очередь агитировала Порту против Пруссии [193].

Переговоры с Пруссией в первой половине 1805 г. не дали никаких результатов. В январе в Берлин был послан близкий друг Чарторыйского генерал-майор Ф. Ф. Винценгероде с тем, чтобы оказать давление на пруссаков и предотвратить выступление Пруссии против Швеции в конфликте из-за Померании [194]. Россия предложила Пруссии заключить союз с Россией и Австрией (в форме об-

[187] Записка А. Р. Воронцова «по делам германским» 1803 г., без даты, начало года. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 8744, лл. 1—11 об. См. также доклад А. Р. Воронцова Александру I 27 августа (8 сентября) 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 330—335.

[188] Дополнительные замечания к инструкции Новосильцову (осень 1804 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6762, лл. 59 об.— 60.

[189] Записка Чарторыйского (без подписи и даты, его рукой). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7858, лл. 1—12 об.

[190] Секретная декларация 12(24) мая 1804 г. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. VI, стр. 341—345.

[191] H. Deutsch. Op. cit., p. 299.

[192] I. W. Zinkeisen. Op. cit., Bd. VII, S. 125 f. Донесения Италинского 2(14) марта 1803 г. и 17(29) июля, 18(30) октября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1803 г., д. 2234, ч. 1, л. 220; 1804 г., д. 2242, лл. 153—171 об., 580—607.

[193] Чарторыйский Италинскому 3(15) ноября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 451—452 об.

[194] Александр I Винценгероде 16(28) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 2, лл. 15—27. См. также Ф. Мартенс. Указ. соч., т. VI, стр. 357—358. Ср. отчет А. Чарторыйского императору за 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 1, лл. 5—8.

мена письмами) [195], и это положило начало длительным переговорам, тянувшимся весь 1805 год.

В Восточном Средиземноморье соотношение сил сложилось в пользу России: в Константинополе ей удалось пока что одержать верх над французской дипломатией.

Копию подстрекательского письма Наполеона от 18 (30) января (Селим III получил его 2 мая) султан переслал Александру I, что было демонстрацией доверия и дружбы. Александр в ответном благодарственном письме 5 (17) июля 1805 г. сделал особый упор на решительном отходе России начиная с 90-х годов от традиции «греческого проекта» [196].

Россия еще больше прежнего заботилась о том, чтобы по возможности срезать острые углы в русско-турецких отношениях. Когда в начале 1805 г. русские войска по ошибке заняли крепость Анаклею (форт в устье реки Ингура, между Сухуми и Батуми), Россия принесла Турции извинения и предложила возмещение [197]; русские войска были немедленно оттуда выведены.

Осторожность и уступчивость Россия проявила и при переговорах с Турцией о заключении нового союзного договора. Как сказано выше, Россия не хотела простого возобновления договора 1799 г., а требовала, чтобы Турция приняла ряд новых обязательств, из которых наиболее спорными были объявление ею войны Франции, равноправие для ее подданных-христиан (восьмая секретная статья) и согласие на временное (до конца войны) вступление русских войск в Дунайские княжества и Паргу (третья секретная статья).

На первом этапе переговоров (приблизительно до середины июля 1805 г.) русская дипломатия держалась довольно заносчиво, решительно требуя от Порты скорейшего подписания договора [198]. Но по мере того как становилось ясно, что главный удар Наполеона будет направлен не на Англию, а на континентальные державы,

[195] Чарторыйский Алопеусу 16(28) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 2, лл. 29—33 об.

[196] См. гл. I.

[197] Александр I Селиму III. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6232, л. 4 об.; Чарторыйский Италинскому 20 мая, 4 июня, 5 июля (1, 16 июня, 17 июля) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г. д. 2247, лл. 148—150 об., 154—156, 235—236.

[198] Чарторыйский Италинскому 19 июня (1 июля) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 177—203.

Россия обнаруживала все большую заинтересованность в открытом переходе Турции на сторону союзников. России был нужен не нейтралитет Турции, а ее военное сотрудничество в борьбе против Наполеона [199].

Большую роль сыграло и возникновение нового очага войны: Иран, желая закрепить свою власть над Восточной Арменией и Восточным Азербайджаном, в 1804 г. выступил против России. Летом 1805 г. русские войска действовали в Северном Азербайджане.

Порта тянула и колебалась. Симптомом этих колебаний была смена реис-эфенди: сторонника Англии реис-эфенди Махмуда сменил франкофил Васыф эфенди. Русское правительство надеялось поправить дело и добиться восстановления реис-эфенди Махмуда Раиф эфенди как посредством угроз (Италинскому предписали припугнуть Порту тем, что Россия двинет против нее русскую обсервационную армию на Днестре), так и при помощи уступок.

России приходилось сокращать свои требования к Порте. Чарторыйский говорил, что Петербург готов пойти на любые модификации своих условий ради присоединения Турции к коалиции [200]. Правительство Александра I уже в июле пожертвовало планом установления гражданского равноправия райи (восьмая секретная статья) [201]. Продолжительнее были переговоры о проекте введения русских войск в княжества. Чарторыйский, предвидя сопротивление Порты, с самого начала предполагал в качестве компромисса заменить требование о введении русского корпуса в 10—15 тыс. человек в Валахию и Молдавию организацией в Валахии национального, состоящего из местных жителей корпуса в 10 тыс. человек [202]. В сентябре 1805 г. вместо требования о введении русских войск в дунайские княжества в проект было включено условие о создании в Валахии корпуса из местных уроженцев (старая редакция третьей секретной статьи была заменена

[199] Чарторыйский Италинскому 19 июня, 18 июля, 16 августа (1 июля, 30 июля, 28 августа) 1805 г. Там же, д. 2247, лл. 177—203, 242 об., 260—270 об.

[200] АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 258 об.—259 об.

[201] Чарторыйский Италинскому 18(30) июля и 28 августа (9 сентября). Там же, лл. 242—243 об., 289—296.

[202] Чарторыйский Италинскому 20 мая, 18 июля, 4 августа (1 июня, 30 июля, 16 августа). Там же, лл. 128—131, 241—245, 258 об.— 259 об.

новой) [203]. Но и от этого пришлось отказаться. Турецкие уполномоченные 11(23) сентября подписали договор, не включив в него статьи 3 и 8. После этого Селим III обратился с письмом к царю, который воспользовался случаем, чтобы выдать вынужденную уступку за особую любезность [204]. Александр изъял из акта ратификации 3 и 8-ю статьи и лишь просил султана хотя бы в дальнейшем улучшить положение населения княжеств [205]. 11(23) сентября 1805 г. между Россией и Турцией был заключен союзный договор сроком на 9 лет [206]. Турция и Россия приняли обязательства о взаимопомощи (договаривающиеся стороны должны были по второй гласной статье в случае войны направить для совместных действий на море 6 линейных кораблей и 4 фрегата, на суше — не менее 10 тыс. человек пехоты и 2 тыс. кавалерии), о гарантии владений и о подтверждении ранее заключенных договоров. По секретным статьям Турция обязалась присоединиться к коалиции и считать за casus foederis агрессию Франции в Зунде (ст. 1, 2, 8). Ряд секретных статей имел целью защиту христианского населения городов Превезы, Парги и др.: Турция обещала прекратить преследования его и не нарушать привилегии, полученные им по конвенции 21 марта 1800 г. Она отказывалась также от некоторых стеснительных для Ионической республики статей той же конвенции (ст. 3, 5).

Россия закрепила право своего военного флота на проход через проливы: Турция приняла обязательство облегчить проход русских военных кораблей и транспортов (ст. 1, 4 секретные). В договоре было также обусловлено, что русские войска останутся на Ионических островах (срок при этом фиксирован не был). Подчеркивалось, что

[203] Два письма Чарторыйского Италинскому 28 августа (9 сентября). Там же, лл. 289—298 об.

[204] Александр I Селиму III 3(15) ноября 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6232, лл. 35—36 об.

[205] Рескрипт Александра I Италинскому 3(15) ноября. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2246, лл. 2—4 об.; Чарторыйский Италинскому 3(15) ноября. Там же, 1805 г., д. 2247, лл. 342—344 об.

[206] G. Noradounghian. Op. cit., vol. II, p. 70—77; С. Горянинов. Договор 11(23) сентября 1805 г. между Россией и Турцией. «Известия Министерства иностранных дел», 1912, кн. V, стр. 244—249; Б. А. Дранов. Черноморские проливы. Международно-правовой режим. М., 1948, стр. 64—66; С. Гагарин. Константинопольские проливы. «Русская мысль», 1915, апрель, стр. 105—106.

Ионическая республика — барьер между Турецкой империей и наполеоновским форпостом в Италии (пятая секретная статья).

Принципиальное значение имела седьмая секретная статья, провозглашавшая закрытие Черного моря для военного флота держав [207]. Россия и Турция условились считать попытку какой-либо державы провести свои военные корабли через проливы за casus foederis и сопротивляться ей всеми силами. Особым актом были подтверждены привилегии Дунайских княжеств [208].

18(30) декабря Порта ратифицировала договор [209].

Для России значение договора заключалось прежде всего в том, что Порта заняла место в лагере противников Франции. Весьма существенны были и статьи, подтверждавшие право русских военных кораблей на свободный проход через проливы. Подобные статьи фигурировали в русско-турецких договорах уже второй раз (впервые — в договоре 1799 г.), и, как подчеркивал Чарторыйский, можно было надеяться, что они останутся в силе и после заключения общего мира. Наконец, Турция фактически признала присоединение Грузии, Мегрелии и Имеретии к России [210].

Но те планы расширения влияния России на Балканах и ослабления зависимости балканских народов от Порты, которые первоначально содержались в русском проекте договора и фигурировали в ходе переговоров с Турцией, в силу обстоятельств реализованы не были.

Все более нараставшая напряженность делала особенно необходимым взаимодействие русской и английской дипломатии в Константинополе. Порта была встревожена признаками охлаждения между Россией и Англией (слухи об этом с особенным усердием распространял прусский посланник Кнобельсдорф) [211].

Россия с большой настойчивостью требовала от Англии дипломатической и военной поддержки. Прежде все-

[207] С. Горянинов. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, стр. 4—5.

[208] G. Noradounghian. Op. cit., vol. II, p. 77—78.

[209] Италинский Александру 25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.). АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2248, лл. 29—30.

[210] См. оценку русско-турецкого договора 1805 г. Чарторыйским в его отчете императору за 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 1, лл. 82—87.

[211] Италинский Чарторыйскому 13(25) декабря 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2242, лл. 785—788 об.

го было необходимо, чтобы Англия присоединилась к переговорам о русско-турецком союзе и чтобы был в полном составе возобновлен тройственный союз 1799 г. (Россия, Турция, Англия). Россия в очень определенной форме добивалась этого от Питта [212]. Английское правительство согласилась и начало с Турцией переговоры о заключении нового союзного договора. В английский проект договора (сентябрь 1805 г.) не было включено требование о согласии на введение английских войск в Александрию и в Морею: к тому времени было уже ясно, что Порта на это не пойдет. Однако англичане воспользовались случаем, чтобы попытаться осуществить свою давнишнюю цель и получить право на свободу торговли на Черном море [212а].

Стратону и новому послу Арбатноту было приказано (хотя и с большим запозданием) [213] поддерживать Италинского в его давлении на Турцию в целях скорейшего заключения договора. Однако этого было уже недостаточно. Россия нуждалась в том, чтобы Англия оказала ей не только дипломатическую, но и военную поддержку хотя бы в форме военной демонстрации.

Наилучший результат мог быть достигнут появлением английского военного флота в Дарданеллах. Начиная с весны 1805 г., вопрос этот занимал едва ли не центральное место в русско-английских отношениях. Уже в мае 1805 г. Александр настойчиво потребовал, чтобы Англия пригрозила Турции «неприятными для нее мерами», если та не порвет с Францией. В сентябре 1805 г. Александр формулировал свои требования: в случае сближения турецкого султана с Наполеоном английская эскадра должна войти в Дарданеллы и поддержать демонстрации России на суше и на море. Ответ Россия получила совершенно недвусмысленный: Питт заявил, что Англия не в состоянии выделить часть своих средиземноморских сил для демонстрации в

[212] Чарторыйский С. Р. Воронцову 3(15) мая 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 366—369; С. Р. Воронцов Чарторыйскому 5(17) апреля. Там же, д. 6782, лл. 217—220.

[212а] Инструкция статс-секретаря по иностранным делам Мюльгрейва английскому послу в Константинополе Арбатноту (сентябрь 1805 г., копия) и английский проект договора. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6783, лл. 186—202.

[213] Италинский много раз жаловался на то, что Стратон и Арбатнот не получают из Лондона соответствующих инструкций (Италинский С. Р. Воронцову 10(22) июля 1805 г. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 300—302).

Дарданеллах, даже если это и станет необходимым [214]. Англия, таким образом, не спешила оказать действенную помощь своему союзнику.

В 1805 г. ареной ожесточенной борьбы России с Францией стал Неаполь. На жалобные просьбы Неаполя о выводе французских войск Наполеон отвечал, что он не сделает этого до тех пор, пока русские не оставят Корфу, а англичане Мальту [215], и направлял в Неаполитанское королевство все новые подкрепления. В конце 1804 г. Неаполь пытался уговорить Россию дать обещание не увеличивать свои войска на Ионических островах, но получил отказ.

В начале 1805 г. усилилась угроза Неаполю: ожидалось, что войска Наполеона займут столицу, все пока еще свободные крепости и Калабрию. Тогда шансы на успех задуманной Россией и Англией экспедиции в Южную Италию уменьшались. К тому же Неаполь был готов дать Франции гарантию нейтралитета и закрыть порты для англичан, если Наполеон выведет свои войска. Чтобы предотвратить переход Неаполитанского королевства на сторону Франции и договориться об условиях экспедиции в Южную Италию, в Неаполь был направлен товарищ министра иностранных дел Д. П. Татищев. Цели миссии Татищева определялись тем, что русское правительство попрежнему ожидало французского десанта из неаполитанских портов на Балканы. Ближайшей задачей Татищева было предотвращение французской оккупации столицы, крепостей и Калабрии, основной же задачей — привлечение Неаполя к коалиции. Торопить, однако, его русское правительство не хотело: Татищев должен был удержать Неаполь от рискованного преждевременного выступления против Франции до тех пор, пока не будет завершена подготовка экспедиции [216].

[214] Рескрипт Александра I С. Р. Воронцову 29 апреля (11 мая). АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6779, лл. 26—36 об.; Чарторыйский С. Р. Воронцову 9(21) сентября. Там же, 1805 г., д. 6780, лл. 561—566 об.; Николаи Чарторыйскому 17(29) октября. Там же, 1805 г., д. 6783, лл. 313—314.

[215] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 178.

[216] Инструкция Татищеву 18 февраля (2 марта) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 8250, лл. 4—20 об. В. Г. Сироткин. («Политика России в Средиземноморье...», «Исторические записки», т. 67, 1960, стр. 225) считает, что Татищев должен был добиться, чтобы Неаполь не допустил захвата Сицилии Наполеоном и высадки его войск на Балканах, но выполнить Неаполю это было не под силу, и подобные задачи на Татищева не возлагались.

Татищева встретили в Неаполе с распростертыми объятиями. Королева заявила, что если корабли с русскими войсками прибудут в Неаполь, она сама пойдет на пристань и пожмет руку русскому гренадеру, который первым ступит на землю [217]. Неаполь просил о досрочном возобновлении союзного договора 1798 г. [218] (срок его истекал в конце 1806 г.), и Петербург на это соглашался. Но одновременно Неаполь обещал Франции нейтралитет в обмен на вывод французских войск. Положение создалось очень острое, и Татищев, не дождавшись санкции Петербурга, 29 августа (10 сентября) подписал секретную конвенцию с Неаполем. Конвенция гласила, что в случае новых покушений Франции на Неаполитанское королевство (т. е. оккупации столицы, крепостей или Калабрии) Неаполь окажет ей сопротивление, Россия же пошлет на помощь свои войска. Будет создана объединенная армия России, Англии и Неаполя под русским командованием, которая поведет операции не только на территории самого королевства, но и за его пределами до полной победы над Наполеоном в Италии [219].

Наполеон парировал удар союзников, заставив неаполитанского посла в Париже Галло 9(21) сентября подписать конвенцию о нейтралитете с обязательством не допускать иностранные (т. е. русские и английские) войска на территорию королевства [220]. Положение для неаполитанских Бурбонов создалось щекотливое — они ухитрились совместить несовместимое и одновременно связали себя и с коалицией, и с Наполеоном. Выход был найден своеобразный: несмотря на протесты Татищева, король 26 сентября (8 октября) ратифицировал конвенцию с Францией, но одновременно вручил Татищеву секретную декларацию, объявлявшую Парижскую конвенцию недействительной [221].

---

[217] Татищев Александру I 21 июля (2 августа) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 8252, л. 6.

[218] Министр иностранных дел Чирчелло Татищеву 11(23) августа 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 8253, л. 46.

[219] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 525—530. Конвенция, заключенная Татищевым на свой страх и риск (он не имел на то полномочий), была полностью одобрена и незамедлительно ратифицирована Александром I (АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 8251, лл. 39—48, 57—57 об.).

[220] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 595—596.

[221] Ibid., p. 603—604.

Во время разыгравшихся в Неаполе событий Татищев не получил должной помощи со стороны английского посланника Х. Эллиота. Ловкий англичанин отверг просьбу Татищева присоединиться к русско-неаполитанской конвенции, желая сохранить для Англии свободу действий [222]. Англия не хотела, чтобы неаполитанская экспедиция русско-английских войск приняла широкие масштабы и чтобы операции были перенесены в Северную Италию, и Эллиот это откровенно признавал [223]. Вместе с тем Эллиот подозревал Татищева в том, что он противодействует английским планам относительно Сицилии [224]. Татищев в свою очередь очень был недоволен действиями Эллиота [225].

К тому фронту средиземноморских держав, который Россия предполагала противопоставить Наполеону, она рассчитывала привлечь и Испанию. Переговоры с ней о присоединении к коалиции Россия первоначально поручила Неаполю [226]. Англо-испанский конфликт крайне осложнил положение. Россия в конце 1804 г. попыталась через Неаполь передать Испании, что она берется примирить Лондон и Мадрид, если последний заключит конвенцию о выступлении против Наполеона [227].

В соответствии с этим планом Россия настаивала на том, чтобы Англия вернула захваченные ею испанские суда, и предложила Питту свои услуги для примирения с Мадридом [228]. Первое условие английское правительство отвергло [229]. Добрые же услуги России были им приняты по договору 30 марта (11 апреля). Вслед за тем в Мадрид был направлен барон Г. А. Строганов, на которого была

---

[222] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 535, 782—783; см. также The Countess of Minto. A Memoir of the Right Honourable Hugh Elliot. Edinburgh, 1868, p. 381—383.

[223] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 535—537.

[224] Ibid., p. 781—783, см. также p. 391—392, 612—613.

[225] См. письма Татищева С. Р. Воронцову за август 1805 г. Архив кн. Воронцова, т. 18, стр. 408—416.

[226] Чарторыйский Серра-Каприола 8(20) апреля 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 10745, лл. 8—10 об.

[227] Чарторыйский Серра-Каприола 24 ноября (6 декабря) 1804 г. Там же, лл. 62—68.

[228] Чарторыйский С. Р. Воронцову 5(17) февраля и 12(24) мая 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 254—259, 388—393 об.

[229] С. Р. Воронцов Чарторыйскому 5(17) апреля и 25 августа (6 сентября) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6782, лл. 214—216; д. 6783, лл. 205—208 об.

возложена двойная задача: примирить Англию и Испанию и добиться присоединения последней к коалиции [230].

Во второй половине 1805 г. третья коалиция была сформирована. Она объединила Россию, Англию, Австрию, Швецию, Неаполь; Пруссию привлечь не удалось, и это было большой неудачей союзников.

Монархические державы хотели использовать против наполеоновской Франции не одну лишь силу оружия, но и более тонкие приемы идеологической борьбы.

Феодальная Европа прекрасно понимала, каким могучим оружием революции была проповедь революционных идей, и пыталась противопоставить ей теорию легитимизма. Одним из основных положений ее было утверждение об исторической обреченности, бесплодности, бесцельности революций. Революционные потрясения, говорили теоретики легитимизма (Шатобриан), стóят больших жертв, но не достигают своей цели: вослед революции идет террор и новая еще более тяжкая тирания, благо же несут лишь «законные» (легитимные), основанные на исторической традиции, освященные церковью порядки. Культ феодальных институтов, монархических и клерикальных начал, противопоставленный освободительной идеологии, полным цветом расцвел в эпоху реставрации. Но легитимистская теория складывалась еще на рубеже XVIII—XIX вв., и реакционные феодальные силы тогда же взяли ее на вооружение. Почувствовал ее антиреволюционные возможности и русский царизм.

Обстоятельства должны были, казалось, до известной степени благоприятствовать успеху легитимистской пропаганды: провозглашение Наполеона в 1804 г. «императором французов» развеяло последние заблуждения передовых людей того времени относительно истинного характера его господства и вместе с тем толкнуло вправо сочувствовавшие до тех пор ему умеренно-либеральные круги. Разочарование в Наполеоне как носителе революционной и национальной свободы коснулось представителей различных общественных слоев. Любопытно, что к хору тех, кто корил нового императора за стремление к «самовластью», присоединился и ...сам Александр I. «После его (Наполеона.— *А. С.*) пожизненного консульства завеса упала. Затем все пошло чем дальше, тем хуже... Теперь это один из самых знаменитых тиранов, которых знает история»,— писал Александр Ф. Ц. Лагарпу в начале 1803 г. [231] Поверхностный и решительно неспособный к самостоятельному мышлению Александр умел на лету ловить распространенные, общие взгляды.

Почти дословно то же говорил и А. Чарторыйский. «Восхищавшиеся французской революцией в ее первые моменты видели в Бонапарте героя либерализма... По мере того как Наполеон обманывал эти ожидания, симпатии к нему охлаждались... Он перестал быть оплотом справедливости и надеждой угнетенных народов, а отказавшись от этой роли, которая составляла всю силу республики, несмотря на все ее пороки и безрассудства, Бонапарт стал в ряды честолюбцев и обыкновенных монархов» [232].

Но царь и его министры недолго грустили об утраченных иллюзиях: они стремились воспользоваться новым поворотом общественных настроений, связанным с установлением империи во Франции. Чарторыйский полагал, что коронация Наполеона обратит общественное мнение к легитимизму. В своей неопубликованной записке [233] он с различных точек зрения разбирает вопрос о том, должна ли Россия признать Наполеона императором (вопрос этот стоял тогда перед всеми европейскими правительствами). Чарторыйский подчеркивал, что восстановление наследственной монархии во Франции несет с собой для монархических держав большие выгоды. «Во-первых, это докажет абсурдность так называемой системы преобразований, которая после сильных и гибельных потрясений кончилась тем, что привела государство к той же самой точке, из которой оно вышло, и восстановила там тот же самый порядок вещей, от которого хотели освободиться. Пример Франции безусловно послужит к разрушению тех злосчастных тенденций к нововведениям, которые возбуждают в наши времена все классы общества, и снова привяжет последние к старинным институтам».

---

[230] В. Г. Сироткин. Из истории внешней политики России в Средиземноморье. «Исторические записки», т. 67, 1960, стр. 229—231.

[231] S. Tatistcheff. Alexandre I et Napoléon, p. 43; K. Waliszewski. Op. cit., vol. I, p. 123.

[232] А. Чарторижский. Указ. соч., т. I, стр. 343—344.

[233] Записка Чарторыйского не позднее 5(17) мая 1804 г. (без подписи, черновик, написано рукой Чарторыйского). АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7858, лл. 24—29.

Трудно выразить более четко и определенно, чем это сделал Чарторыйский, легитимистскую теорию о неизбежном возвращении общества, лишь на время смятенного революционными бурями, к «старинным институтам». Наполеон действительно дал легитимистам благодарнейший материал для их пропаганды.

Поражение идеи революционных преобразований и торжество теории легитимизма видел во французских событиях и Карамзин — присяжный идеолог «законных порядков». «Революция кончилась не только во Франции, но и в умах, которые теперь от одних мудрых законных Властей ожидают лучшей доли для человечества в гражданском порядке» (иными словами — европейское общественное мнение разочаровалось в революции и вернулось к монархии),— так писал он еще до коронации Наполеона [234].

На возможность реставрации старых порядков надеялся в связи с коронацией Наполеона и Ж. де Местр [235].

Наряду с этим царизм ожидал, что коронация Наполеона принесет враждебным ему державам и непосредственную пользу: обострится вражда к новому императору как со стороны французских республиканцев, так и со стороны роялистов, и внутренние трудности заставят его отсрочить свои планы о мировом господстве («железный скипетр в умелых руках удержит на время недовольство, но не уничтожит ненависти и не всегда сможет предупреждать ее последствия»,— писал Чарторыйский там же).

Учение о ненужности и опасности революционных преобразований, о неизбежности смены революционной свободы «самовластием» стало казаться правительству Александра I удобным средством для достижения весьма практической цели: для борьбы с французским влиянием в Греции [236].

В этом отношении провозглашение империи во Франции было на руку русской дипломатии.

Правительство Александра I надеялось, что и сам Наполеон не будет теперь поддерживать связей с демократическими кругами Ионических островов. «Французское правительство ныне ненавидит несчастные софизмы, которые были ему так опасны и при помощи которых революционеры Корфу желали установить свою власть»,— говорил в 1802 г. Томара [237], Александр же в полном единомыслии с ним писал Моркову о событиях на Корфу, что «при всех монархических формах, ныне им (Наполеоном.— *А. С.*) во Франции вводимых, нельзя, кажется, полагать, чтобы он вздумал покровительствовать демократию буйственнейшую, каковая существовала» [238].

Легитимизм был любимым детищем феодальной реакции, включая и русский царизм. Но ближайшее окружение Александра I и в первую очередь «молодые друзья» понимали, что для идеологической борьбы с революцией одного легитимизма недостаточно, и отдавали себе отчет в необходимости как-то изменить тактические приемы.

Рост классовых противоречий и сложная общественно-политическая обстановка, создавшаяся в послереволюционное время в Европе, развитие буржуазных отношений, усиление крестьянского протеста и антифеодальных настроений, распространение передовых просветительских, а отчасти уже и революционных идей в самой России заставляли наиболее проницательных служителей царизма искать новые пути защиты своих классовых интересов.

С еще большим рвением выполняя на международной арене свои «жандармские» функции (подавление народных волнений на Ионических островах было тому новым доказательством), царизм в первые годы XIX в. пытался вместе с тем хотя бы отчасти примирить с собой умеренно-либеральное буржуазное общественное мнение Европы, верхушечные слои господствующего класса нового буржуазного общества. Александр I «разыгрывал в свое время роль героя либерализма во всей Европе» [239]. Частичное приспособление царизма к складывающимся буржуазным отношениям не меняло его классовой сущности, будучи лишь более гибким и тонким способом борьбы против революционной угрозы в самой стране и за ее пределами. Однако то, что царскому правительству пришлось прибегнуть к такому способу, свидетельствовало об его ослаблении.

---

[234] «О мире». «Вестник Европы», 1802, ч. II, № 8, стр. 376.

[235] М. Степанов. Ж. де Местр в России. «Литературное наследство». М., 1937, т. 29—30, стр. 585.

[236] Подробнее об этом см. в гл. VI.

[237] Томара русскому генеральному консулу на Корфу Л. П. Бенаки 5(17) января 1802 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1802 г., д. 2223, лл. 28—30.

[238] Александр I Моркову 16(28) мая 1802 г. Сборник РИО, т. 70, стр. 411.

[239] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14, стр. 511.

Политика царизма на Ионических островах в 1799—1807 гг. была проявлением указанных тенденций, а вместе с тем и своего рода экспериментом. Важно отметить при этом, что правительство Александра I, расширяя права буржуазной верхушки Ионических островов, действовало вполне сознательно. До известных, разумеется, довольно узких пределов оно отдавало себе отчет в политической направленности своих мероприятий, в том, что следует смягчить недовольство буржуазии, нейтрализовать ее и по возможности привлечь на свою сторону. При разработке ионической конституции 1804 г. А. Р. Воронцов твердил, что конституция эта должна быть построена так, «чтобы как можно меньше вызывать недовольства у народных масс, которые уже отведали свободы». Александр придавал особое значение тому, чтобы мероприятия России на островах поддержал «средний класс...[240], т. к. именно он может наилучшим образом обеспечить их прочность»; нужно стараться «привязать к России все классы жителей без исключения и в особенности средний класс». «Я особенно доволен,— писал в этой связи Александр I Моченого,— что средний класс высказался в пользу новых учреждений»[241].

Весьма существенно, что александровское правительство намеревалось попытаться осуществить свою тактику компромисса с верхушкой «среднего класса» на гораздо более широкой арене, чем Ионические острова. В 1804—1805 гг. Чарторыйский (при содействии аббата Пиатоли) разработал широкую программу перестройки международных законов, международного права. Она явилась составной частью того общего плана перестройки системы международных отношений и европейских границ, о котором шла речь выше, и была одобрена императором. Основной идеей этой программы была попытка приспособить внешнюю политику царизма к новым историческим условиям и склонить к нему европейское либерально-буржуазное общественное мнение. Значение последнего царизм прекрасно понимал. Самое могучее оружие в руках французов заключается в общем убеждении в том, что «их дело есть дело свободы и блага народов». Монархические державы

[240] Подчеркнуто нами.

[241] Цит. по работе А. М. Станиславская. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в., стр. 71—73.

должны «вырвать это оружие у французов и обратить его против них самих»,— так с полнейшей ясностью формулировала эту задачу императорская инструкция Новосильцову 11(23) сентября 1804 г.[242]

Русский царизм поставил себе, следовательно, целью убедить европейские народы в том, что и он не хуже других может быть слугой «свободы и блага народов». Одним из способов к тому были частичные уступки, и Александр ради завоевания либерально-буржуазного общественного мнения не зарекался от них.

Наиболее ярким проявлением этой готовности к уступкам (разумеется, вынужденной обстоятельствами) была позиция правительства Александра I в вопросе о характере будущего политического строя в тех странах, которые в дальнейшем будут освобождены коалицией от французского господства[243]. В 1804—1805 гг. Александр понимал, что откровенная реакция была бы политической ошибкой: повернуть вспять (rétrograder) человечество «было бы бесплодной попыткой, которая обернулась бы гибелью ее зачинщиков»; во Франции восстановление старого порядка невозможно; «его не примут умы, вкусившие независимости»,— так рассуждали император и Чарторыйский[244], обнаруживая неплохое в общем понимание тех изменений, которые произошли в политических настроениях народов Европы. Английскому послу Гоуэру Чарторыйский сказал еще более характерные слова: «После тех потрясений, которые умы получили благодаря этой великой революции, невозможно управлять людьми по-старому». Гоуэр передал это де Местру, и будущий певец папы и палача немало удивился, «встретив такие идеи в такой голове»[245] (де Местр

[242] АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6762, л. 24. См. также А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 29.

[243] См. об этом инструкцию 11(23) сентября. А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 29—34, 52—58; мемуар Новосильцова о беседе с Питтом. АВПР, ф. Канцелярия, 1804—1805 гг., д. 6764, л. 36; раскрипт Александра I С. Р. Воронцову 10(22) сентября 1804 г. Там же, д. 6757 а, лл. 39—46. См. также Дж. Берти. Указ. соч., стр. 211—215. Берти подчеркивает, что либерализм Александра был орудием его внешней политики, «товаром на экспорт».

[244] Инструкция Новосильцову 11(23) сентября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 6762, лл. 24 об.— 25. См. также А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 29.

[245] J. de Maistre. Op. cit., p. 177. Об отношении де Местра к «либерализму» Александра I см. Дж. Берти. Указ. соч., стр. 239—247.

и в 1814—1815 гг. решительно не одобрял «конституционную манию» русского императора) [246].

Восстановление монархии во Франции было для царизма необходимым условием. Но пока что он соглашался на конституционное ограничение королевской власти и даже подчеркивал, что будущему королю Франции придется пойти на это [247].

Сардинскому королевству, Голландии и Швейцарии также предполагалось по плану Александра дать конституцию. Все это Александр и его министры хотели преподнести народам Европы под видом осуществления их собственных желаний, уверить общественное мнение, что державы коалиции «стремятся лишь сделать их (народы.— *А. С.*) счастливыми и дать им правительство, наиболее соответствующее их желаниям» [248]. К Франции же они намеревались обратиться с декларацией относительно того, что коалиция ведет борьбу не против французского народа, а лишь против Наполеона [249].

Было бы неправильно связывать идею частичного приспособления внешней политики царизма к новым условиям с именем одного Чарторыйского — она давала себя знать еще до того, как он стал во главе министерства иностранных дел. Еще в 1801 г. в известном нам программном рескрипте 5(17) июля автор его Панин, щеголяя модной либерально-пацифистской фразеологией, вел речь о готовности России сохранить согласие с любой миролюбивой державой (независимо от ее внутреннего строя). В 1802 г. Александр говорил о необходимости дать Швейцарии новую, основанную на общем желании народа конституцию, так как слишком очевидна отсталость старинных институтов и расхождение их с «идеями века» [250].

В договорах, заключенных Россией в 1804—1805 гг., тактика частичных уступок буржуазной верхушке получила яркое и характерное отражение. В русско-австрийской союзной декларации от 25 октября (6 ноября) 1804 г. говорилось, что союзники не ставят себе целью совершение

[246] М. Степанов. Указ. соч., стр. 609.
[247] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 52—53.
[248] Александр I С. Р. Воронцову 10(22) сентября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 6757а, лл. 39—46.
[249] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 31.
[250] Александр I С. Р. Воронцову 6(18) ноября 1802 г. ВПР, т. 1, стр. 329.

контрреволюции во Франции [251]. По первой сепаратной секретной статье договора Россия и Англия условились обратиться к французскому народу с декларацией о том, что имущие слои (les propriétaires) и люди, занимающие определенное служебное положение (les gens en place), «могут рассчитывать на мирное пользование теми выгодами, которые приобретены ими вследствие революции» [252].

Что касается формы правления в Голландии, Швейцарии, Пьемонте и в самой Франции после победы над Наполеоном, то и в этом отношении союзники договорились «нимало не стеснять народную волю» [253]. Решения Венского конгресса, политика Александра I и Меттерниха в годы Священного союза вскрыли лицемерный характер этих заявлений. Но в 1804—1805 гг. Россия, Австрия и Англия не отваживались на открыто контрреволюционные действия.

* * *

В отношении дворянского общественного мнения к войне не было единодушия. Значительная часть дворянства была за войну. К этому вели угроза мирового господства Франции и ее теперь уже открытое наступление на русские интересы в Восточном Средиземноморье и Германии. К этому вели внутриполитические соображения: победа над Наполеоном могла повысить политический престиж царской власти и разрядить недовольство ослаблением международных позиций России. К этому вел и все еще сохранившийся, хотя и значительно уменьшившийся страх дворянства перед тем, что проникновение Франции на Балканы и Восточное Средиземноморье приведет к распространению революционных идей. Воинственные настроения порождались и экономическими связями с Англией, хотя их значения не следует преувеличивать. Представителями этой части дворянства в правительственных кругах были Н. Н. Новосильцов, А. Чарторыйский, С. Р. Воронцов, вице-адмирал П. В. Чичагов, генерал-майор П. К. Сухтелен и многие другие. Сторонники войны замещали в 1805 г. важнейшие дипломатические посты в России и за границей (С. Р. Воронцов в Лондоне,

[251] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 416.
[252] Там же, стр. 458.
[253] Там же, стр. 443.

А. К. Разумовский в Вене, Д. П. Татищев в Неаполе, Д. Мочениго на Ионических островах, А. Я. Италинский в Константинополе), и это имело известное значение.

Но дворянская группировка, стоявшая за соглашение с Францией, по-прежнему существовала и даже усилилась. Сторонники соглашения полагали, что международные противоречия России и Франции могут быть разрешены без войны и что соглашение с ней может укрепить позиции России в восточном вопросе [254]. Против войны были министр коммерции гр. Н. П. Румянцев, министр просвещения гр. П. В. Завадовский, Ф. В. Ростопчин, член Непременного совета кн. А. Б. Куракин, министр финансов А. И. Васильев, министр юстиции кн. П. В. Лопухин, обергофмейстер гр. Толстой, императрица-мать. Эти две группировки — «партия войны» и «партия мира», как их называли современники [255],— старались перетянуть на свою сторону дворянское общественное мнение. Интерес к международным делам возрос необычайно. В Петербурге и Москве в клубах, гостиных, департаментах шли горячие споры. Противники войны с Францией были очень активны [256]. Министр финансов А. И. Васильев напирал на плохое состояние русских финансов [257], П. В. Завадовский — на огромные расходы, связанные с войной [258]. Особенно резко высказывался против войны Ф. В. Ростопчин, считавший, что у России в ней нет никакой надобности и что воевать русские будут лишь за интересы Англии [259].

[254] Отмечено Ш. Д. Вербицким (Русско-французские отношения в 1801—1803 гг., ч. 1).

[255] См., например, Ф. Булгарин. Указ. соч., т. 2, стр. 165—166.

[256] Иностранные дипломаты пристально следили за борьбой этих группировок. Представители Франции и ее сателлитов с жадностью ловили малейшие признаки усиления «партии мира». См. письма посланника Эдувиля (Сборник РИО, тт. 77, 82) и баварского поверенного в делах в Петербурге Ольри («Исторический вестник», 1917, январь, № 1, стр. 112—132, февраль, № 2, стр. 425—470). Представителя стран коалиции — Англии (Гоуэр), Швеции (посол К. Штединг), естественно, держали сторону «партии войны». Донесения иностранных дипломатов содержат интересный материал о борьбе в рядах дворянства по международным вопросам.

[257] Донесения Ольри. «Исторический вестник», 1917, февраль, № 2, стр. 461—462.

[258] Архив кн. Воронцова, т. 12, стр. 280.

[259] «...Россия опять сделается орудием грабительской английской политики, подвергая себя войне бесполезной»,—писал он Цицианову 20 марта (1 апреля) 1805 г. («Девятнадцатый век», кн. II, стр. 87). О том же в письмах 12(24) июня, 21 сентября (3 октября) и 4(16) ноября 1804 г. («Девятнадцатый век», кн. II, стр. 51, 62, 67).

Противником войны был и Карамзин, о позиции которого в 1802—1803 гг. мы уже говорили. Карамзин в 1810 г. говорил, что ни безопасность, ни выгода России не требовали войны с Францией, которая велась в интересах Англии и Австрии. Войну 1805—1807 гг. и в особенности то, что перед Аустерлицем не был заключен мир, он прямо называл политической ошибкой [260]. Рискованной, слишком поспешной считал войну с Францией — результат «неопытной опрометчивости» и А. С. Шишков [261].

Представители охранительного крыла дворянства (Карамзин, Шишков, Ростопчин) были, таким образом, против войны; это, несомненно, связано с их страхом, что война может обострить антиправительственные настроения. Но против войны выступали и некоторые представители более прогрессивных кругов: В. Н. Каразин, по его словам, подал в 1805 г. царю записку, в которой он убеждал не рисковать и пойти на соглашение с Наполеоном [262]. Борьба с «партией мира» потребовала от императора и Чарторыйского больших усилий [263]. Мы уже говорили, что давление этой группы повлияло на ход миссии Н. Н. Новосильцова.

Расхождения среди дворянства в важнейших вопросах внешней политики страны осложняли обстановку, в которой Россия вступала в войну.

[260] «Россия привела в движение все силы свои, чтобы помогать Англии и Вене, т. е. служить им орудием в их злобе на Францию без всякой особенной для себя выгоды... Что будет далее — известно богу, но людям известны соделанные нами политические ошибки, но люди говорят: для чего гр. Марков сердил Бонапарте в Париже? Для чего мы легкомысленно войною навлекли отдаленные тучи на Россию?» (Н. М. Карамзин. Записка о древней и новой России, стр. 52, 54, 58).

[261] А. С. Шишков. Указ. соч., т. 1, стр. 95.

[262] О позиции Каразина в вопросах внешней политики России см. гл. IV.

[263] Об этом см. донесение Штединга шведскому королю 13(25) сентября 1805 г. [Stedingk]. Mémoires posthumes, t. II. Paris, 1845, p. 99—100.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Россия и Англия в борьбе против наполеоновской Франции. Разрыв русско-английского союза (1805—1807)

1

Союзные державы предполагали в ходе предстоящей кампании атаковать Наполеона одновременно во многих пунктах. По стратегическому плану, выработанному Россией и Австрией и согласованному с Англией, главные силы русской армии совместно с австрийцами должны были начать действия в Богемии (Чехия) и на Дунае.

Военные действия открылись наступлением австрийской армии в Баварии (номинально ее возглавлял эрц-герцог Фердинанд, фактически — главнокомандующий союзной армией в Германии фельдмаршал-лейтенант К. Мак). Австрийцы заняли Мюнхен и расположились лагерем в Ульме (к северо-западу от Мюнхена). 13(25) августа из Радзивиллова выступила армия Кутузова, подошедшая к Браунау (Бавария).

Наполеон, державший значительные силы в лагере у Булони, откуда предполагалось совершить десант в Англию, узнав о наступлении союзников, повернул свои войска против них. С необычайной быстротой его армия двигалась навстречу австрийцам, совершенно ее не ожидавшим. Армия Мака в Ульме была окружена и 7(19) октября капитулировала. Заняв Мюнхен, Наполеон начал наступление на Кутузова.

Австрия требовала, чтобы Кутузов начал наступление [1].

[1] А. К. Разумовский Кутузову 12(24) октября. В кн.: М. И. Кутузов. Сборник документов. Под ред. Л. Г. Бескровного, т. II. М., 1951, стр. 122—123 (далее М. И. Кутузов...).

Кутузов, правильно оценивая обстановку, считал это опасным и решил отойти на правый берег Дуная к Кремсу [2].

Отход от Браунау к Кремсу завершился победой стратегии русского полководца.

Далее Кутузов двинулся к Брюнну (Брно), 8(20) ноября у Вишау соединился с армией Буксгевдена и затем отошел к Ольмюцу (Оломоуц), куда прибыли русская гвардия и австрийская армия.

Знаменитый марш-маневр Кутузова от Браунау через Кремс к Брюнну и Ольмюцу разбил замыслы Наполеона об окружении русской армии [3]. Кутузов с исключительной быстротой, форсированным маршем прошел с боями 400—500 км, сохранив при этом боеспособность и живую силу армии и разбив французов при Ламбахе, Амштене, Кремсе, Шенграбене. После множества побед и триумфов Наполеона на европейском театре военных действий это были первые серьезные неудачи.

С началом военных действий особое значение приобрела Пруссия. Воюющие державы наперебой тянули ее в свою сторону. Наполеон чувствовал себя довольно прочно в Южной Германии: с Баварией, Баденом и Вюртембергом ему удалось заключить в августе — октябре 1805 г. союзные договоры [4]. Роль своего орудия в Северной Германии Наполеон предназначал Пруссии. В сентябре в Берлин прибыл генерал Дюрок, ультимативно потребовавший от Фридриха Вильгельма III заключения военного союза и пропуска французских войск через прусскую территорию. Но король упорствовал в своем намерении сохранить нейтралитет. Не большего сначала добилась и Россия. Резкий нажим России в августе — сентябре 1805 г. (она давала на решение весьма краткий срок и грозила в противном случае начать военные действия); концентрация

[2] Там же, стр. 109, 111—113.

[3] См. анализ марш-маневра от Браунау к Ольмюцу в письме Кутузова М. А. Милорадовичу 23 июня (5 июля) 1806 г. (М. И. Кутузов..., т. II, стр. 348—356). См. также А. И. Михайловский-Данилевский. Описание первой войны императора Александра с Наполеоном в 1805 году. Полное собрание сочинений, т. I. СПб., 1849, стр. 94—130; Г. В. Оксман. Марш-маневр М. И. Кутузова в кампании 1805 г. В кн.: Полководец Кутузов. Сборник статей. Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1955, стр. 52—85; Л. Н. Пунин. Фельдмаршал Кутузов. М., 1957, стр. 64—86.

[4] H. Deutsch. Op. cit., p. 332—342, 350—357; E. Driault. Austerlitz, p. 243—246; А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 372—373, 378, 389; E. Bourgeois. Op. cit., vol. II, p. 255.

русских войск на прусской границе; прибытие в Берлин в начале октября фаворита Александра I генерал-адъютанта кн. П. П. Долгорукого, от имени царя предложившего Фридриху Вильгельму III свидание и непосредственные переговоры,— все это не смогло заставить Пруссию согласиться на проход русских войск через ее земли [5]. С упорством отчаяния она цеплялась за свой нейтралитет. Но Наполеон снова, как и в тот раз, когда аннексия Генуи прекратила русско-английские препирательства из-за Мальты, сыграл на руку своим противникам: французские войска во время марша к Ульму прошли через прусскую территорию, нарушив суверенитет Пруссии. После этого она согласилась на требования России. Прусская армия, сосредоточенная на русской границе, повернула на Запад. Александр I, как желанный друг и союзник, прибыл в Берлин, и 22 октября (3 ноября) 1805 г. была заключена Потсдамская конвенция [6].

Пруссия приняла на себя вооруженное посредничество между союзниками и Наполеоном (это означало, что в случае неудачи она обязалась начать военные действия против Франции). В числе условий, которые Пруссия от имени союзников должна была предъявить Наполеону, фигурировало соблюдение неприкосновенности Турции. Россия позаботилась, следовательно, об охране своих интересов. В компенсацию она соглашалась на приобретение Пруссией Ганновера. В качестве крайнего предела уступок Франции Александр I соглашался резко сократить численность русских войск на Ионических островах. Россия держала Англию в стороне от своих переговоров с Пруссией. Потсдамская конвенция выбила у Англии почву из-под ног. Германский вопрос решался без ее участия и не так, как она хотела: вместо Бельгии и Рейнской области Пруссия получала Ганновер. Последнее было уже прямым ударом по престижу Англии, как ни любили английские политические деятели повторять, что интересы Георга, курфюста Ганновера, не тождественны с интересами Георга III, короля Великобритании. Питт твердо заявил,

[5] P. Bailleu. Briefwechsel König Friedrich Wilhelms III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander I. Leipzig, 1900, S. 68—81; Сборник РИО, т. 82, стр. 123—131; Ф. Мартенс. Указ. соч. т. VI, стр. 360—366; А. Сорель. Указ. соч., т. VI, стр. 382, 390.

[6] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 480—498.

что король не согласится на переход Ганновера к Пруссии [7] (в дальнейшем Англия не раз ставила России в вину ее согласие на уступку Ганновера). Осенью 1805 г. Питт послал в Берлин со специальной миссией Гарроуби, который должен был предложить Пруссии часть Бельгии и Рейнской области в компенсацию за присоединение к коалиции [8].

Несмотря на неудачное начало кампании, союзные державы не теряли надежды на победу. Англия, со дня на день ожидавшая вторжения, вздохнула свободно после того, как Наполеон в связи с продвижением русских и австрийских войск снял Булонский лагерь. Крупная морская победа Нельсона при Трафальгаре 9 (21) октября, в которой был разгромлен объединенный флот Франции и Испании, положила конец надеждам Наполеона на преобладание французского флота в Средиземном море [9].

Все зависело теперь от того, сумеют ли союзники найти правильное стратегическое решение.

Кутузов считал, что в данный момент следует избегать генерального сражения. Но австрийский штаб полагал, что Наполеон не выдержит удара. Александр I и Франц II требовали решительных действий, и в результате Кутузов фактически был отстранен от командования армией. 20 ноября (2 декабря) произошло сражение при Аустерлице (Славков), проигранное союзниками с большими потерями. Русская армия стойко сопротивлялась, но все ее мужество не могло спасти безнадежного положения, создавшегося по вине кабинетных венских стратегов (диспозиция сражения была составлена генерал-квартирмейстером австрийцем Вейротером) и из-за грубых просчетов австрийского командования и неопытности Александра I, который пытался играть бывшую ему решительно не по плечу роль полководца.

[7] С. Р. Воронцов Чарторыйскому 17(29) ноября 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6783, лл. 361—366; A. W. Ward. Op. cit., vol. I, p. 345—346; J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 541; его же. The Third Coalition, p. 232—233.

[8] О миссии Гарроуби см. J. H. Rose. Life of W. Pitt, part II, p. 538—547; его же. Pitt and Napoleon, p. 311—317; его же. The Third Coalition, p. 207—262; его же. The Life of Napoleon I, vol. II, p. 53—54; Мюльгрейв Гоуэру 29 августа (10 сентября) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6783, лл. 240 об.— 243.

[9] Ср. R. W. Seton-Watson. Britain in Europe. 1789—1914. Cambridge, 1937, p. 21.

Полная неудача постигла и неаполитанскую экспедицию союзников.

Первоначально казалось, что она имеет шансы на успех. В марте 1805 г. Англия, наконец, согласилась на то, что руководить объединенной русско-английской армией будет русское командование, т. е. генерал Ласси и другие русские генералы. В июле командующий экспедиционными частями генерал-лейтенант сэр Д. Крейг во главе четырехтысячной десантной армии прибыл на Мальту. Неаполь согласно конвенции 29 августа (10 сентября) 1805 г. предоставил в распоряжение союзников свои порты и армию. Части генерала Сен-Сира в соответствии с договором Неаполя и Франции от 9(21) сентября были выведены за пределы королевства, что также облегчало предстоящую высадку союзников.

Однако вскоре выяснилось, что от надежды на поддержку неаполитанской экспедиции со стороны австрийской армии в Северной Италии приходится отказаться. Запертые в Ульме австрийские части капитулировали, в Италии войска маршала Массена теснили австрийцев, заняли Триест и блокировали Венецию.

Ласси, которому было дано право принимать любые решения, связанные с экспедицией, послал приказ русскому командованию на Корфу (генерал-майору Анрепу) и английскому на Мальту (генералу Д. Крейгу) направляться в неаполитанские порты [10]. 19—20 ноября (1—2 декабря) объединенная русско-английская армия высадилась в Неаполе. Численность русских войск составляла 13,5 тыс., английских — 7—8 тыс. человек [11]. Вместе с неаполитанской армией силы союзников доходили до 32 тыс. человек. Армия Сен-Сира во второй половине декабря начала наступление на Неаполь. Союзники двинулись было ей навстречу. Однако до военных действий дело не дошло. 22 декабря 1805 г. (3 января 1806 г.) состоялся военный совет объединенной армии. Мнения участников разделились. Д. Крейг настаивал на немедленном выводе войск из Италии, Анреп — на обороне. В конце концов было решено отступить в Калабрию [12].

[10] Ласси Чарторыйскому 5(17) октября 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 1174, лл. 89—93 об.

[11] Татищев Чарторыйскому 8(20) ноября. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 8253, л. 60.

[12] Ch. A u r i o l. Op. cit., vol. II, p. 745—747.

Решение военного совета, принятое под нажимом английского командования, означало отказ от сопротивления французской агрессии в Италии и выдачу Неаполя на расправу Наполеону. Так это и расценивал Татищев, настаивавший на том, что войска союзников должны оборонять Неаполь [13]. Того же мнения был, как сказано, и Анреп.

Позиция Татищева и Анрепа объясняется в значительной степени тем, что в тот момент они еще не знали о поражении союзников при Аустерлице и об изменении в связи с этим планов Петербурга относительно Неаполя. А между тем произошла крутая перемена: сразу же после Аустерлица — 24 ноября (6 декабря) Чарторыйский направил Татищеву два письма, в которых сообщал о решении Александра I вывести русские войска из Италии на Корфу, а затем в черноморские порты и рекомендовал Фердинанду IV заявить, что Неаполь будет сохранять нейтралитет. Чарторыйский обещал, что Россия будет охранять интересы Неаполя в предстоящих мирных переговорах с Францией [14].

Получив 24 декабря (5 января) распоряжение Чарторыйского, Татищев вопреки своему твердому убеждению в том, что престиж и моральные соображения обязывали союзников сопротивляться французским войскам, вынужден был повиноваться и сообщил неаполитанскому правительству о предстоящем уходе русских сил [15]. В своих донесениях в Петербург Татищев красочно описывал драматические сцены, разыгравшиеся вслед за этим в королевском дворце в Неаполе, не скрывая при этом своего сочувствия Марии-Каролине, ужас, ярость и возмущение которой, по его словам, не знали предела. Отбросив придворный этикет, Татищев намекал, что он осуждает решение императора.

Неукротимая Мария-Каролина еще раз попыталась спасти свой престол. В Рим для дипломатических переговоров с французами был направлен кардинал Руффо. Русское командование, чтобы подкрепить позиции Неаполя, соглашалось задержать отход войск союзников. Однако Д. Крейг категорически отказался отложить эвакуацию и

[13] Ibid., p. 743—744, 749—754.

[14] Два письма Чарторыйского Татищеву 24 ноября (6 декабря). АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 8251, лл. 64—67.

[15] Нота Татищева 25 декабря 1805 г. (6 января 1806 г.). Ch. A u r i o l. Op. cit., vol. II, p. 764—765.

дал приказ о посадке своих войск на корабли, не согласовав это с русским командованием [16]. 2 (14) января английские суда покинули Неаполь. Отход англичан совершился с величайшей поспешностью и походил больше на паническое бегство, чем на планомерное отступление. Русские войска остались одни под ударом наступавших французов. В 20-х числах января вышли из неапольского порта и русские корабли, направляясь обратно на Корфу. Фердинанд IV, Мария-Каролина и неаполитанское правительство бежали на Сицилию. За ними последовал Татищев. 3(15) февраля французские войска заняли Неаполь. Так закончилась неаполитанская экспедиция [17].

Что было причиной ее плачевного финала?

Прежде всего, конечно, поражения союзников при Ульме и Аустерлице. При создавшихся обстоятельствах наступательные действия в Южной Италии были невозможны. А между тем русское правительство задумало экспедицию в Неаполь именно как часть общего наступления союзников в Италии.

Имело значение и полное военное бессилие Неаполитанского королевства. Ласси сразу же после своего прибытия в Неаполь пришел к заключению, что внутреннее состояние Неаполитанского королевства снижает шансы экспедиции [18].

Однако была еще одна немаловажная причина провала экспедиции в Неаполь: явное желание английского правительства и английского командования (в первую очередь Д. Крейга) насколько возможно сократить масштабы экспедиции и сузить ее цели. Как уже отмечалось, Англия

[16] Ch. Auriol. Op. cit., vol. II, p. 769—777.

[17] О неаполитанской экспедиции, кроме цитированной работы Ш. Ориоля, см. А. И. Михайловский-Данилевский. Описание первой войны императора Александра, стр. 209—212; [М. Богданович.] История царствования императора Александра I, т. II, стр. 101—102, приложение, стр. 16; P. Mackesy. Op. cit., p. 83—93; W. F. Lord. Op. cit., p. 249—250; E. Gachot. La troisième campagne d'Italie (1805—1806). Paris, 1911, p. 122—124; E. Driault. Napoleon en Italie (1800—1812). Paris, 1906, p. 377—378; В. Г. Сироткин. Из истории внешней политики России в Средиземноморье в начале XIX в. «Исторические записки», т. 67, 1960, стр. 229, 231—232.

[18] Ласси Александру I 9(21) июня 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 1173, лл. 23—49; Ласси С. Р. Воронцову 23 июля (4 августа). Архив кн. Воронцова, т. 22, стр. 212. См. также [М. Богданович]. История царствования императора Александра I, т. II, стр. 100—107 и приложение, стр. 16.

в противоположность России настаивала на том, чтобы после высадки в Неаполе союзные войска не продвигались в глубь страны, развивая наступление, а оставались в прибрежных районах, сохранив себе возможность быстрой эвакуации. Д. Крейгу были даны ясные предписания в этом духе [19]. Истинная цель Англии состояла не в совместном с Россией наступлении в Италии, а в том, чтобы закрепиться на Сицилии и сделать ее таким же опорным пунктом на Средиземном море, каким уже была Мальта. Это признают даже английские историки средиземноморской политики Англии [20].

Подобное понимание целей экспедиции привело к тому, что англичане отказались не только от наступательных, но и от оборонительных действий. Между тем представители России (Татищев, Анреп, Ласси) считали возможным создать хотя бы временную оборону в Калабрии.

Моральный и политический ущерб, понесенный союзниками в результате бегства из Неаполя без единой попытки сопротивления французам, был значителен, и Наполеон имел все основания насмехаться над ними.

Провал экспедиции повлиял и на русско-английские отношения: Россия заявила о своем неодобрении действий Д. Крейга [21].

П. Макези, новейший историк английской политики на Средиземном море в годы наполеоновских войн, делает попытку обелить английское командование и общую позицию Англии во время неаполитанской экспедиции. Он ссылается на то, что последняя с самого начала была задумана Лондоном как операция ограниченного масштаба и характера и что ее цели не шли далее занятия Сицилии. Макези подчеркивает, что в различии первоначальных стратегических планов России (стоявшей за развитие крупных наступательных операций) и Англии (стоявшей за то, чтобы ограничиться действиями местного значения в прибрежных районах и занятием Сицилии) сказалась коренная противоположность стратегии страны континентальной и страны морской. Английское командование, говорит Макези, стремилось не к победам на континенте.

[19] Инструкция Д. Крейгу 17(29) марта 1805 г. Ch. Auriol, Op. cit., vol. II, p. 208—209.

[20] См. P. Mackesy. Op. cit., p. 62, 93.

[21] Чарторыйский С. Р. Воронцову 26 апреля (8 мая) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 151—152.

а к господству на море, чего ему и удалось достигнуть. По парадоксальному и крайне натянутому выводу английского историка, неаполитанская экспедиция в общем будто бы дала положительные результаты [22].

Провозглашаемая Макези вслед за другими английскими буржуазными историками теория коренной противоположности морской и континентальной стратегии, резкое их противопоставление английской историографией служат оправданию вековой политики Англии, которая издавна предпочитала вести войну на континенте силами своих союзников. Рассказывая о событиях неаполитанской экспедиции, Макези старается затушевать вину английского командования в ее провале, упорное его нежелание вести наступательные операции, ответственность за поспешный уход из Неаполя. Прямая цель работы Макези — «историческое обоснование» стремления английской буржуазии к морскому господству.

Мы уже говорили, что во время лондонских переговоров Новосильцова Россия настаивала на том, чтобы Англия в предстоящую кампанию предприняла на европейском континенте военные действия крупного масштаба, и что соответствующее условие было включено в союзный договор 30 марта (11 апреля) 1805 г. В Петербурге составили детально разработанный план военных операций, в котором английским силам отводилась важная роль. Англия по этому плану должна была произвести десант в устьях Эльбы и Везера (корпус в 10 тыс. человек), совместно с русскими войсками совершить высадку в Неаполе (5 тыс. чел.) и как максимум — высадить десант на французском побережье или хотя бы создать угрозу высадки [23]. С развертыванием кампании 1805 г. Россия решительно потребовала, чтобы Англия произвела крупный десант в Северной Германии (в устье Эльбы и Везера), а также предприняла высадку на бельгийском побережье [24]. Англия долго

[22] P. Mackesy. Op. cit., p. 89—93.

[23] Рескрипт Александра I С. Р. Воронцову 29 апреля (11 мая) 1805 г. и приложенный к нему русский план кампании. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6779, лл. 26—66 об., 65—80.

[24] Чарторыйский С. Р. Воронцову 9(21) августа, 5(17) сентября и 24 октября (5 ноября) 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 537—553 об., 587—588. См. также А. И. Михайловский-Данилевский. Описание первой войны императора Александра, стр. 34, 91; Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 352, 354, 408—409.

не могла отважиться на совершение десанта. Высадка в устье Эльбы и Везера, рассуждало английское правительство, возможна лишь в том случае, если Пруссия примет сторону коалиции, а без этого лишь «подвергнет британские войска крайней опасности, к тому же без равноценной цели». Английские силы «можно употребить с большей пользой для общего дела в каком-либо другом месте» [25]. Пока же Англия будет накоплять войска и держать их наготове. Англия начала готовиться к десанту лишь, когда стало известно, что Пруссия приняла сторону союзников. 24 октября (5 ноября) отплыла первая британская десантная дивизия, направляясь в район Эльбы и Везера, 10(22) декабря — вторая.

Английские войска численностью около 20 тыс. человек под командованием генералов Каскарта и Дона высадились в устье Эльбы и Везера.

Но как только Кэсльри узнал о поражении союзников при Аустерлице, он поспешил принять меры к возвращению английских войск в Англию. Английская экспедиция в Северную Германию оказалась совершенно безрезультатной [26]. Между тем Англия в этот момент уже располагала довольно внушительной армией и могла бы внести больший вклад в военные усилия союзников. В 1805 г. английские вооруженные силы, по данным Кэсльри, составляли вместе с милицией 256 609 человек. Из них свыше 63 тыс. Кэсльри считал возможным выделить для операции за пределами Англии [27].

Кэсльри, зная о недовольстве России, указывал на трудности совершения высадки в зимних условиях. Доводы англичан были не лишены оснований. Существо дела, однако, заключалось в том, что английское правительство и командование опасались даже малого риска и

[25] Мюльгрейв Гоуэру 29 августа (10 сентября) (копия); английские ноты России 23 августа и 24 сентября (4 сентября и 6 октября). АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6783, лл. 111—131 об., 244—244 об., 271—277 об.

[26] Correspondence, Despatches and other Papers of Viscount Castlereagh. Second Series, vol. VI. London, 1851, p. 36—37, 83, 51—55, 97—100, 125—126 (далее: Papers of Castlereagh).

[27] Papers of Castlereagh, vol. VI, p. 28. По данным Ф. Е. Огородникова, армия Великобритании (без Ирландии и колоний) насчитывала свыше 160 тыс. человек. См. Ф. Е. Огородников. Военные средства Англии в революционные и наполеоновские войны. СПб., 1902, стр. 178—179.

старались переложить его на своих союзников [28]. Основное внимание уделялось тому, чтобы не удаляться от морских баз и сохранить возможность быстрой эвакуации войск в случае надобности. Все это осенью 1805 г. привело к потере темпа, к задержке высадки и медленному развертыванию английских войск.

В числе причин, приведших к поражению третьей коалиции, русское правительство называло и нежелание Англии начать крупные военные действия на континенте. «Если бы английские и ганноверские войска сделали своевременную высадку и если бы вообще английское правительство более активно употребило свою армию», союзники могли бы одержать верх над Наполеоном,— с горечью писал Чарторыйский после Аустерлица [29].

Семена раздора между Англией и Россией, взошедшие в Тильзите, были посеяны уже во время кампании 1805 г.

14(26) декабря 1805 г. Австрия заключила в Пресбурге мир с Францией. Прусский государственный министр гр. Гаугвиц, явившийся во французский штаб, чтобы в соответствии с Потсдамской конвенцией предложить Наполеону вооруженное посредничество Пруссии, вместо этого 3(15) декабря заключил в Шенбрунне союзный договор с Францией. Пруссия дала гарантии неприкосновенности Турецкой империи; в случае войны между Россией и Турцией Пруссия должна была поддержать последнюю. По замыслу Наполеона это должно было столкнуть Берлин и Петербург.

Одним из серьезнейших последствий Аустерлица был выход Франции на восточное побережье Адриатического моря. По Пресбургскому миру Франция получила от Австрии Истрию, Венецианскую область, Котор (Каттаро), Далмацию. Это означало, что французские владения непосредственно граничили теперь с турецкими и что возможности французского давления на Турцию чрезвычайно возросли, условия же для отражения французской агрессии на Балканах осложнились.

[28] См. письма Кэсльри Гарроуби 7(19) ноября и 9(21) декабря 1806 г. Papers of Castlereagh, vol. VI, p. 45—46, 81—85.

[29] Чарторыйский С. Р. Воронцову 24 ноября (6 декабря). АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 6780, лл. 593—600. С. Р. Воронцов и Строганов не выполнили предписания Чарторыйского принести жалобу английскому правительству на срыв десанта, сочтя упреки по адресу Англии необоснованными (см. письмо их Чарторыйскому 6(18) февраля 1806 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 373—375).

В январе 1806 г. умер Питт. В новое министерство вошли как тори, так и виги. Главой стал Гренвиль (тори), статс-секретарем по иностранным делам — Ч. Д. Фокс (глава вигов), по военным — У. Уиндхем (тори). Смена кабинета оказала влияние на международную обстановку: Фокс и возглавлявшаяся им часть партии вигов стояла за мир с Францией. Приход Фокса к руководству внешней политикой Англии, по общему мнению, облегчал начало мирных переговоров между Лондоном и Парижем. Россия насторожилась, опасаясь, не отойдет ли теперь Англия от союза с нею. В Петербурге считали смерть Питта большой потерей [30].

Третья коалиция распалась. «Наполеон избегнул бездны на самом краю оной, и в двадцать четыре часа рушились все надежды и погибли плоды толиких трудов и стараний»,— так образно характеризовал Чарторыйский сложившуюся после Аустерлица обстановку [31].

Военные события всколыхнули русское общественное мнение. Война 1805—1807 гг. не имела для России народного, освободительного характера. Но агрессия наполеоновской Франции уже тогда грозила национальной независимости народов Европы. Захватнические наполеоновские войны порождали «в *свою очередь* национально-освободительные войны *против* империализма Наполеона» [32]. Передовые русские люди сочувствовали попавшим под пяту Наполеона народам и понимали, что Россия не может остаться в стороне от европейских событий, что рано или поздно Наполеон нападет и на нее. «Нарушительницей всеобщего покоя» называет Францию А. И. Тургенев, проживавший в 1803—1804 гг. в Германии и собственными глазами видевший «до какого уничижения доведена германская нация», как Германия проклинает могущество Франции [33]. «О проклятый Бонапарте! ты *один* причиною

[30] «Смерть лишила нацию сию одного из величайших министров и век наш одного из величайших гениев»,— писал в 1808 г. Чарторыйский (отчет императору за первую половину 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, л. 8 об.), явно преувеличивая политическую роль Питта, сколь значительна она ни была.

[31] Отчет Чарторыйского императору за 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 1, л. 91.

[32] В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 295.

[33] Письмо А. И. Тургенева родителям 2(14) мая 1804 г. Архив братьев Тургеневых, вып. 4. Пг., 1915, стр. 8; Дневник А. И. Тургенева. Запись 13(25) июля 1803 г. Там же, вып. 2. СПб., 1911, стр. 237—238.

пролития *рек* крови человеческой»,— вторит ему брат Н. И. Тургенев, ненавидевший войну и Наполеона как ее зачинщика [34].

Неудачный для России ход войны 1805—1807 гг., и особенно Аустерлиц, вызвал недовольство части дворянства внешней политикой правительства. Александра I порицали за то, что он довел дело до сражения, в котором у русской армии не было шансов на победу. Нужно было еще до Аустерлица заключить мир с Наполеоном, говорили противники войны с Францией [35].

После Аустерлица они обрушились с градом упреков на представлявших «партию войны» «молодых друзей» и особенно на Чарторыйского. Причастность последнего к проектам преобразований (при всей их умеренности), а отчасти и его польское происхождение сделали Чарторыйского до крайности непопулярным в дворянских кругах. «Все заражены мыслью, что он скрытный враг России и первый пророк вольности, коею стращают дворянство»,— писал Ростопчин еще до Аустерлица [36]. После Аустерлица же «в средних классах называли его просто изменником» [37].

[34] Дневник Н. И. Тургенева. Запись 2(14) мая 1807 г. Архив братьев Тургеневых, т. 1, вып. 1, СПб., 1911, стр. 65. См. также запись, сделанную в июне 1807 г. Там же, стр. 73.

[35] «Для чего не заключили мира прежде Аустерлица?» — вопрошает Карамзин (Н. М. Карамзин. Древняя и новая Россия, стр. 58). Перед Аустерлицем Наполеон искал мира, утверждает П. Г. Дивов. (Повествование о царствовании императора Александра I. «Русская старина», 1899, октябрь, стр. 86). В. Н. Каразин накануне Аустерлица подал императору записку, в которой, как он говорит, «со слезами убеждаемо было не отваживаться славы России...» (т. е. не рисковать). Каразин сообщает об этой записке в другом письме Александру I от 1809 г. (В. Каразин. Письмо к императору Александру о невмешательстве в дела Европы. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1863, кн. III, июль — сентябрь, отд. V, стр. 123—124).

[36] Ростопчин Цицианову 5(17) апреля 1805 г. «Девятнадцатый век», кн. II, стр. 91—92.

[37] Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. 2, М., 1892, стр. 206—207. Обвинения против Чарторыйского принимали порой комический характер. Так, утверждали, что будто он спровоцировал войну, надеясь, что Наполеон займет Польшу и сделает его польским королем; ходили слухи, что Чарторыйский нарочно не покидает действующую армию, желая сдаться в плен (донесения баварского поверенного в делах Ольри в декабре 1806 г. «Исторический вестник», 1917, № 2, стр. 464—465). Показательна в этом отношении позиция Ростопчина, который высоко ставил Чарторыйского, но считал его опасным: «Жаль, право, что наш Адам в Польше родился, а не в

Противники активного участия в европейских делах оживились. Императору «не следовало бы путаться не в свое дело», говорили они [38]. В дворянских кругах росла тревога. «Все рушится, все падает и задавит лишь Россию»,— причитал желчный Ростопчин, неудачливый честолюбец, изнывавший от скуки в своем Воронове [39]. «Но все же не должно отчаиваться о спасении Европы... успехи сего рода (т. е. успехи Наполеона.— *А. С.*) должны ли приводить кого-либо в отчаяние? Никак!»,— бодро возглашал «Вестник Европы» [40].

И паникерские настроения Ростопчина и напускной оптимизм «Вестника Европы» свидетельствовали о неуверенности и сомнениях в правительственной политике. Армия роптала. Незаслуженное и в общем случайное поражение глубоко ее задело. Участились случаи добровольной отставки: старые служаки суворовских времен уходили, по словам Ольри, от «капральства» императора и великого князя, «говоря, что они могли видеть, к чему привели их все эти мелочи, вроде застегнутых пуговиц, перетянутых талий и автоматических движений на парадах». Особенное негодование вызывал великий князь Константин Павлович — он заставил свой корпус пройти весь поход до Ольмюца с тем же равнением и в том же порядке, как на параде [41]. Ж. де Местр писал, что после Аустерлица Александру I открыто говорили: «Государь, с вашими парадами вы погубите себя, Россию и Европу» [42].

Правительство пыталось пресечь общее возбуждение. Усилился полицейский надзор; письма перехватывались. С тем бо́льшим рвением жители Москвы и Петербурга старались добраться до фактов, о которых они получали

Козельске или в Угличе. Дарований много, а особливо для теперешнего места, но Россию ему любить нельзя»,— писал он Цицианову 21 декабря 1806 г. (2 января 1807 г.) («Девятнадцатый век», кн. II, стр. 78; см. также стр. 108).

[38] Ф. Вигель. Указ. соч., ч. 2, стр. 195. См. также донесения Ольри. «Исторический вестник», 1917, февраль, № 2, стр. 465.

[39] Ростопчин Цицианову 24 января (5 февраля) 1806 г. «Девятнадцатый век», кн. II, стр. 110; см. также стр. 103—106.

[40] «Вестник Европы», 1806, ч. 25, № 4, стр. 311—312. С 1805 г. редактором «Вестника Европы» был уже не Карамзин, а М. Т. Каченовский.

[41] Донесение Ольри в конце февраля 1806 г. «Исторический вестник», 1917, № 2, стр. 433—434. «Трудно себе представить, какие мучения он заставлял их терпеть»,— сообщает Ольри.

[42] J. de Maistre. Op. cit., p. 214.

скудную и смутную информацию. После того как газеты, напечатавшие письма кн. Долгорукого об Аустерлице, были задержаны, в Петербурге за номер платили по 5 руб., а в Москве — по 30 руб.[43] Особенно фрондировало московское дворянство[44].

Аустерлиц дал толчок критике царизма со стороны русских передовых людей того времени. На связь недовольства внешней политикой с общими антиправительственными настроениями указывал шведский посол в Петербурге бар. К. Штединг, говоря, что «это дурное расположение следует приписать духу сопротивления и мятежа, рожденному нынешними временами и распространившемуся повсюду»[45]. Основой общественного брожения был антифеодальный крестьянский протест, не затихший после подавления волнений 1798 г. Наиболее серьезный характер крестьянские выступления имели в 1801—1805 гг., когда для их подавления в 26 случаях из 45 были направлены воинские команды[46]. Серьезные волнения, охватившие около 3 тыс. человек, произошли в 1802 г. в Лифляндии. Правительство в ответ усиливало репрессии.

В начале января 1806 г. император созвал особый комитет высших сановников, который должен был обсудить курс внешней политики России[47] и заняться «указанием способов возвратить России ее влияние и оградить безопасность ее провинций»[48]. Большинство членов комитета сошлось на том, что основная опасность грозит Балканам и Ближнему Востоку: завладев Истрией и Далмацией, Наполеон «легко привести может в действие любимые свои на империю Оттоманскую виды», «разрушить Турецкую империю и возобладать Египтом»[49]. В подобном случае, по мнению ряда участников январского совещания (Строганов, Завадовский, Н. П. Румянцев, Кочубей и др.), возникнет непосредственная опасность не только для черноморской торговли России, но и для самого русского Причерноморья.

Комитет рекомендовал стараться сохранить доверие Турции и в то же время усилить связи со славянами и греками. В качестве превентивной меры на случай нападения Франции на Османскую империю было признано необходимым придвинуть русские войска к границам Молдавии и Валахии.

Перед комитетом снова стал вопрос о мире и войне, о выборе ориентации между Англией и Францией. За мир и союз с Францией на этот раз решительно высказался один лишь Куракин. Зато Н. П. Румянцев — в разрез со своей позицией в период разрыва с Францией в 1804—1805 гг. (он сам подчеркнул это) — был против «скоропостижных исканий мира», считая их при данных обстоятельствах унизительными для достоинства России[50]. Общее мнение склонилось к тому, чтобы начать неофициальные переговоры с Францией (против них высказались только Н. П. Румянцев и министр военно-сухопутных сил С. К. Вязьмитинов). Но это не означало разрыва с антинаполеоновским блоком — комитет со всей определенностью заявил, что нужно сохранить союз с Англией, добрые отношения с Австрией и предотвратить сговор Пруссии с Наполеоном.

Чарторыйский также полагал, что в ближайшее время внешняя политика России должна быть построена на этих основаниях[51]. В январе 1806 г. Чарторыйский начал совещания с французским генеральным комиссаром по торговым делам Лессепсом[52], оставшимся в Петербурге.

По справедливому мнению Чарторыйского, «в начале 1806 года политические дела Европы находились в нерешительном, трудном и опасном состоянии»[53]. Наполеон самовластно перекраивал карту Европы, по своему усмотрению смещал и назначал королей и министров. В марте

---

[43] Донесения Ольри. «Исторический вестник», 1917, февраль, № 2, стр. 434.

[44] «Исторический вестник», 1917, февраль, № 2, стр. 465; Ф. Вигель. Указ. соч., ч. 2, стр. 206; [Stedingk.] Op. cit., t. II, p. 150—151.

[45] [Stedingk.]. Op. cit., t. II, p. 151.

[46] И. Игнатович. Крестьянские волнения первой четверти XIX в. «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49, 55—56.

[47] См. запись мнений членов комитета в Сборнике РИО, т. 82, стр. 214—243 и Архиве Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1149—1187.

[48] Сборник РИО, т. 82, стр. 214—215.

[49] Там же, стр. 237, 217—218; см. также стр. 242.

[50] Там же, стр. 227.

[51] Записка Чарторыйского 16(28) января 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 285—295.

[52] Протоколы конференции Чарторыйского с Лессепсом. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, лл. 316—319 об., 322—328 об.

[53] Отчет Чарторыйского за первую половину 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, л. 3.

неаполитанским королем был сделан брат Наполеона Жозеф Бонапарт (позднее его сменил Мюрат). Венеция была присоединена к Итальянскому королевству (королем Италии был сам Наполеон). В мае брат Наполеона — Луи Бонапарт получил голландский королевский престол.

Наполеон изменил соотношение сил в Германии, усиливая своих сателлитов. Бавария (ставшая из курфюршества королевством) получила Ансбах (за счет Пруссии) и Тироль (за счет Австрии). Брисгау (Брейзах) поделили между Баденом и Вюртембергом, которые также были повышены в ранге — владетель Бадена стал великим герцогом, курфюрст Вюртемберга — королем. Пруссии достался Ганновер. Мюрат получил вновь созданное герцогство Бергское. Сама Франция приобрела Клеве и Невшатель. В июле был создан Рейнский союз (Бавария, Вюртемберг, Баден, Берг, Клеве, Гессен-Дармштадт и некоторые мелкие княжества, т. е. вся Южная Германия и правый берег Рейна до голландской границы), протектором которого был провозглашен Наполеон. Священная Римская империя германской нации прекратила свое существование — в августе Франц II отрекся от титула ее императора.

Участники развалившейся третьей коалиции грызлись друг с другом. В Балтике обстановка окончательно запуталась. Между Пруссией и Швецией возник конфликт из-за Померании, в котором русское правительство, считая правой Швецию, старалось примирить обе стороны [54]. Александр призывал шведского короля продолжать борьбу против Наполеона [55].

Англия и Пруссия находились в состоянии войны (причиной был захват Ганновера Пруссией). Англия блокировала северогерманские порты (это наносило ущерб русской балтийской торговле и вызывало протесты Петербурга), и требовала, чтобы Россия открыто приняла ее сторону и поддержала попытки вернуть Ганновер Георгу III, его курфюрсту [56]. Россия отвечала, что она никогда не признает захвата Ганновера Пруссией, но лучше отложить решение этого вопроса до заключения общего мира [57]. Чарторыйский подчеркивал различие позиции России и Англии по отношению к Пруссии: Россия, указывал он, не хочет отталкивать ее [58].

От посредничества между Пруссией и Англией, о котором просил Берлин, Россия отказалась, желая сохранить свободу рук [59].

Как и ранее, причиной тяжелых затруднений явились бесконечные колебания Пруссии. Фридрих Вильгельм III не ратифицировал Шенбруннский договор от 3(15) декабря 1805 г. Тогда Наполеон заставил Пруссию подписать 3(15) февраля 1806 г. в Париже новый союзный договор, еще крепче приковавший ее к Франции. Пруссия закрыла свои порты для английских кораблей. По требованию Наполеона получил отставку прусский министр Гарденберг, глава антинаполеоновской партии. Но по своему обычаю Пруссия одновременно начала переговоры с Россией. В феврале в Петербург прибыл герцог Брауншвейгский, который пытался склонить Россию к сближению с Францией, получить согласие на переход Ганновера к Пруссии и заручиться русским посредничеством для урегулирования конфликта с Англией. Чарторыйский в переговорах с герцогом резко упрекал его за Шенбруннский и Парижский договоры с Францией и особенно за то, что Пруссия обязалась поддерживать политику Франции в восточном вопросе (по Шенбруннскому и Парижскому договорам Пруссия дала Франции гарантию целостности и неприкосновенности Турецкой империи). Россия добивалась, чтобы Пруссия считала договоры с Францией

---

[54] Чарторыйский русскому посланнику в Стокгольме Д. М. Алопеусу 23 января (4 февраля) 1806 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, лл. 276—278 об.) и посланнику в Берлине М. М. Алопеусу 12(24) мая (там же, л. 298—298 об.).

[55] Александр I шведскому королю 11(23) января 1806 г. Там же, лл. 274—275.

[56] Чарторыйский С. Р. Воронцову 6(18) мая 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 130—131. Предписания Гоуэру 5(17) марта, 27 марта (8 апреля), 29 апреля (11 мая) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 4327, лл. 14—20; д. 4328, лл. 28—30, 50—54 об. Письмо Фокса Чарторыйскому 17(29) марта 1806 г. (Memoirs of Prince A. Czartorysky..., vol. II, p. 132—137).

[57] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III. СПб., 1903, стр. 67—73, 27—28; Чарторыйский Гоуэру 30 апреля (12 мая) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 4329 лл. 3—4.

[58] Письмо Чарторыйского Фоксу. 1806 г., май, б/д. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 4327, лл. 6—18.

[59] См. протокол конференции Чарторыйского с прусским посланником гр. А. Гольцем 6(18) мая (АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, лл. 286—289 об.) и его предписания М. М. Алопеусу 8(20) апреля и 12(24) мая 1806 г. (там же, лл. 291—293, 299—304 об.).

необязательными и оказала России помощь в случае нападения Франции на Турецкую империю [60].

Благоприятнее чем в Балтике складывалась обстановка в Восточном Средиземноморье: проникновение Франции на Западные Балканы отчасти уравновешивалось преобладанием русских военно-морских сил и тем, что Россия располагала рядом важнейших баз.

Численность русских войск на Ионических островах постепенно росла. В середине 1803 г. они насчитывали 1200 человек, через полтора года — уже 8 тыс. [61] 11(23) января 1805 г. на Корфу прибыла эскадра капитан-командора А. С. Грейга в составе двух линейных кораблей и двух фрегатов. В 1804—1805 гг. войсками и флотом командовал генерал-майор Анреп [62].

С началом войны было решено сосредоточить на Средиземном море еще более крупные военно-морские силы. Руководство ими, а вместе с тем и оборона Ионической республики и Балкан были возложены на вице-адмирала Д. Н. Сенявина.

18(30) января 1806 г. эскадра Сенявина в составе пяти линейных кораблей и одного фрегата прибыла на Корфу, пройдя за 130 дней путь от русских берегов через Атлантический океан и Гибралтар в Средиземное море. В конце февраля на Корфу вернулись русские войска, участвовавшие в неаполитанской экспедиции. Средиземноморская эскадра составляла теперь 10 линейных кораблей, 5 фрегатов, 11 малых кораблей и 12 канонерских лодок. Русские войска на Ионических островах насчитывали свыше 10 тыс. человек, а албанский корпус —2 тыс. человек [63].

После Аустерлица положение казалось русскому правительству столь безнадежным, что возникла даже мысль о полном отказе от крупных операций на Средиземном море. 24 ноября (6 декабря) Александр приказал вернуть

[60] См. записи бесед Чарторыйского с герцогом Брауншвейгским и мемуар, врученный последнему 26 февраля (7 марта); предписания Чарторыйского М. М. Алопеусу 8(20) апреля и 12(24) мая. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, лл. 215—252, 291—293, 299—302 об. См. также С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 343—344.

[61] А. Л. Шапиро. Адмирал Д. Н. Сенявин, стр. 87.

[62] К. Головизнин. Очерк из истории русского флота. Эскадра контр-адмирала А. С. Грейга. «Морской сборник», 1882, № 11, стр. 55—79; № 12, стр. 63—80.

[63] А. Л. Шапиро. Адмирал Д. Н. Сенявин, стр. 96.

из Неаполя на Корфу и далее в черноморские порты сухопутные войска, находившиеся под командованием генерала Ласси. 14(26) декабря было предписано возвращаться в Россию и Сенявину вместе со всеми морскими силами.

Однако, получив известия о Пресбургском мире и усилении Наполеона на Балканах, царь изменил свое решение об отзыве войск. Повлияло на него, надо думать, и мнение большинства участников январского комитета о необходимости усилить русский флот на Средиземном море, а также настояния Чарторыйского. Рескрипт 24 ноября (6 декабря) был отменен, и царь приказал Ласси оставить на Корфу большую часть своих сухопутных войск [64].

Еще не получив известия об изменениях в планах царя и о новом его приказе, но уже зная о Пресбургском мире, Сенявин самостоятельно решил, что в создавшейся обстановке выводить с Ионических островов войска невозможно. Адмирал сразу же понял, что ключевой позицией в Адриатике теперь становится Котор — первоклассный порт, и что в данный момент главное — не допустить перехода его в руки французов. У Сенявина созрел смелый и далеко идущий план занять Котор и поддержать борьбу против французов черногорцев и населения Которской области (бокезцев). Для этого нужны были силы, и Сенявин стал убеждать Ласси оставить ему 1500—2000 человек из его войск, указывая при этом на опасность, возникшую после Пресбургского мира [65]. Мочениго поддержал Сенявина. Ласси уступил уговорам и оставил на Корфу значительную часть своих войск. С другой их частью Ласси отправился в черноморские порты, разминувшись с курьером, который вез ему императорский рескрипт от 3(15) февраля об оставлении войск на Корфу. Тем временем Сенявин 21 февраля (5 марта) занял Котор [66].

Вступление русских войск в Котор резко изменило положение. Россия получила в Адриатике важную

[64] Александр I Ласси 3(15) февраля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1237, лл. 1—3 об.

[65] Сенявин Ласси 14(26) января и 9(21) февраля (копии). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1238, лл. 39, 37—37 об.

[66] Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море (1805—1807). М., 1954, стр. 29—31; А. Л. Шапиро. Адмирал Д. Н. Сенявин, стр. 114—118.

стратегическую базу, позволившую ей в дальнейшем начать наступление против французских войск в Далмации, а затем сковать их силы. Эскадра Сенявина развернула в Адриатике операции, нарушившие французские морские сообщения. Появилось новое средство давления на Турцию. Устанавливалась непосредственная связь с черногорцами, облегчались сношения с сербами. Отряды черногорцев и бокезцев соединили свои действия против французов с действиями русских войск.

Занятие Котора произвело большой международный эффект и укрепило престиж России.

В центральной зоне Средиземноморья дела союзников обстояли далеко не блестяще. Оккупация Неаполитанского королевства Францией была для них серьезным ударом. Однако это было частично компенсировано тем, что в середине февраля 1806 г. Англия заняла о. Сицилию. На русско-английских отношениях занятие Сицилии отразилось неблагоприятно. Англия сначала просила, чтобы Россия направила на Сицилию свои войска, на что русское правительство ответило формальным согласием[67] (в действительности же Чарторыйский считал, что целесообразнее не дробить, а сосредоточить русские силы на Корфу[68]).

На самом же деле англичане вовсе не хотели, чтобы русские войска были введены на Сицилию. Против этого был командующий английским флотом на Средиземном море вице-адмирал Коллингвуд[69]. Фокс, когда С. Р. Воронцов предложил ему договориться о совместных мерах для обороны Сицилии, также стал возражать против того, чтобы русский флот принял в ней участие[70].

[67] Запись беседы Гоуэра и Чарторыйского 30 января (11 февраля). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7900, лл. 58—64 об.; Чарторыйский С. Р. Воронцову 2(14) февраля. Там же, д. 6788, лл. 80—81; Чарторыйский Татищеву 8(20) февраля. Там же, 1808 г., д. 2989, л. 143—143 об.

[68] Чарторыйский Ласси 8(20) февраля. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7895, л. 3.

[69] Коллингвуд Х. Эллиоту 11(23) февраля 1806 г. A Selection from the Public and Private Correspondence of Vice-Admiral Lord Collingwood, vol. I. London, 1828, p. 256.

[70] См. письмо С. Р. Воронцова Фоксу 13(25) марта и ответ Фокса 18(30) марта 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6790, лл. 274—276, 284—292. О колебаниях Фокса в этом отношении см. P. Mackesy. Op. cit., p. 119; Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 391—393.

После провала неаполитанской экспедиции Мария-Каролина возненавидела англичан и противилась английской оккупации Сицилии, предпочитая занятие ее русскими[71]. Неаполь засыпал Россию просьбами снова послать войска для защиты Сицилии и новой экспедиции в Южную Италию[72]. «Неполитично было бы покинуть нас на одних англичан»,— говорила Мария-Каролина, убеждая русское правительство предпринять операции в Италии[73]. Но французская угроза на Балканах заставила Россию сосредоточить силы в восточном бассейне Средиземного моря и отказаться от попыток освободить Неаполь.

* * *

Новая международная обстановка, отличительной чертой которой было создание в Истрии и Далмации опорных пунктов для дальнейшей агрессии Франции и растущая ненадежность русско-турецкого союза, побудили правительство Александра I сделать еще один шаг к отходу от политики сохранения «слабого соседа». Балканские и восточносредиземноморские планы Чарторыйского и поддерживавших его Новосильцова, Кочубея и Строганова приобрели в начале 1806 г. более отчетливые очертания, чем год назад, в период лондонских переговоров Новосильцова[74].

Чарторыйский и его единомышленники понимали, что подъем национально-освободительного движения на Балканах создает для царизма особые трудности, что придется приспособиться к новой политической обстановке или

[71] W. F. Lord. Op. cit., p. 256—257; P. Mackesy. Op. cit., p. 109; The Countess of Minto. Op. cit., p. 401.

[72] Ноты Серра-Каприола 6 марта н. ст. и 3 апреля н. ст. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 10749, лл. 24—28 об., 48—50 об.

[73] Мария-Каролина Серра-Каприола 16 июня (копия, перевод). Там же, л. 93.

[74] О балканском плане Чарторыйского см. его записку 17(29) февраля 1804 г. (Сборник РИО, т. 77, стр. 492—498); четыре записки 11(23) января 1806 г. (Сборник РИО, т. 82, стр. 244—278); предписания его П. А. Строганову 6(18) февраля и 14(26) мая 1806 г. (Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 9—11, 25—26). Неопубликованные источники: предписания Чарторыйского С. Р. Воронцову 2(14), 6(18) февраля и 10(22) мая 1806 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 26—33 об., 91—92 об., 162—168); «Вопросы» 4(16) мая 1806 г. (там же, 1806 г., д. 7894, лл. 60—66 об.); мемуар Чарторыйского 30 мая (11 июня) 1806 г. (там же, 1806, д. 7897, лл. 1—55).

потерять свое влияние на балканские народы. Уже в начале 1804 г. Чарторыйский призывал императора пойти навстречу чаяниям греков [75].

В первые месяцы 1806 г. Чарторыйский подал Александру I несколько докладных записок [76], в которых с большим темпераментом развивал свои основные идеи. Настало время, взывал Чарторыйский к Александру, перейти на Балканах от слов к делу. Промедление недопустимо: греки, черногорцы и вся райя, даже сербы, «бросятся под французские знамена и с той поры будут смотреть на французов как на своих избавителей, а надежда, которую они с давних пор возлагали на Россию, исчезнет навсегда» [77]. «Не в наших ли интересах,— восклицал Чарторыйский,— поддержать греческие и славянские народы, защитить их и не допустить, чтобы они бросились в объятия Бонапарта, в своих прокламациях к ним уже начинающего говорить тем языком, который долгое время был языком России?» [78].

В принципе Чарторыйский по-прежнему находил, что лучше всего — сохранение «слабого соседа», в том случае, если останется статус-кво в восточном вопросе [79]. Но в этом «если» все дело. Подобного рода надежды Чарторыйский считал иллюзорными: окрыленный своими новыми приобретениями, Наполеон снова нападет на Турцию, крушение Турецкой империи неизбежно, Россия должна приготовиться к этому, «чтобы не быть застигнутой врасплох и не лишиться плодов сорокалетних трудов и настойчивости».

---

[75] Записка Чарторыйского в первой половине 1804 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 1119, лл. 96—99); записка 17(29) февраля 1804 г. (Сборник РИО, т. 77, стр. 492—493).

[76] Четыре записки от 11(23) января; записка 5(17) апреля 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 244—278, 334—339; «Вопросы» 4(16) мая; «Мемуар» 30 мая (11 июня). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, лл. 1—55.

[77] Доклад Чарторыйского 5(17) апреля 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 336.

[78] «Вопросы» 4(16) мая 1806 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, л. 62 об.

[79] «В самом деле, трудно иметь более удобного соседа, чем Турция, и это одно уже могло бы заставить петербургский кабинет употребить все усилия, чтобы увековечить, если возможно, состояние ничтожества этой империи, не давая ей, однако, разрушаться»,— писал Чарторыйский в одной из своих записок от 11(23) января (Сборник РИО, т. 82, стр. 252).

В предвидении перемен на Балканах Чарторыйский пытался наметить тот общий курс, по которому должна была в будущем следовать политика России. Выдвинутые им в связи с этим идеи имели весьма решительный характер: «Единственно подходящим планом будущих перемен в Оттоманской империи, которого может придерживаться Россия, явится создание там отдельных государств, пользующихся независимостью во внутренних делах, но находящихся под верховной властью России и под ее покровительством»,— говорил он. В числе этих государств Чарторыйский называл Сербию, Герцеговину, Черногорию, Македонию и Албанию. Раздел Европейской Турции он в общем не одобрял, полагая, что «всякий раздел Европейской Турции и в особенности всякий раздел, который даст французам господство в отдельных областях этой страны, ни в каком отношении нас не устраивает» [80] (в дальнейшем, как увидим, Чарторыйский нашел возможным пойти и на раздел).

План создания полунезависимых балканских государств под верховной властью и покровительством России был, с точки зрения Чарторыйского, программой-максимум, конечной целью, к осуществлению которой можно будет приступить лишь в случае падения Османской империи под ударами Наполеона. На ближайший же период Чарторыйский, исходя из того, что Османская империя еще продержится некоторое время, предлагал проект менее радикального, но все же весьма серьезного переустройства Балкан. Этот вариант балканского плана Чарторыйского предусматривал образование государств, находящихся уже не под верховной властью России, а под фиктивным сюзеренитетом Турции и покровительством России — наподобие Ионической республики. Одним из таких государств должна была явиться федерация Герцеговины, Черногории, Далмации, Которской области и Сербии; другим — греческая республика, образованная из Ионических островов и части греческих земель на материке [81], а возможно также и зависимое от Порты греческое

---

[80] Записка Чарторыйского 11(23) января 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 254.

[81] Записка Чарторыйского 11(23) января 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 273—275; предписания Чарторыйского П. А. Строганову 6(18) февраля. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 9—10.

государство в Морее [82]. Чарторыйский подчеркивал, что его план предусматривает федерацию греков и славянских народов [83]. В ней он видел «великую и единственную цель, к которой она (Россия.— *А. С.*) неизбежно должна стремиться» [84].

Отметим, что и на сей раз притязания на Константинополь и проливы в проектах Чарторыйского не выдвигались (в международной обстановке того времени это было невозможно), он ограничивался предложениями о присоединении Молдавии, Валахии и Бессарабии к России [85].

«Молодые друзья» поддержали балканский план. В. П. Кочубей, некогда инициатор «пассивной системы» и сторонник теории «слабого соседа», перешел на позиции активной политики на Балканах. На заседании особого комитета в начале января 1806 г. Кочубей заявил, что если не удастся обуздать наполеоновскую агрессию, то придется изменить «систему нашу противу Турции и стараться сделать на счет ее присоединения, дабы, ослабив ее, поставить еще в большую невозможность нам вредить» [86]. В Лондон для переговоров относительно балканского плана был послан Строганов, целиком его одобрявший [87]. Даже С. Р. Воронцов, всегда противившийся планам экспансии на Ближнем Востоке и Балканах, стал склоняться, если верить Строганову, на сторону «молодых друзей» [88].

Балканский проект Чарторыйского был продиктован классовыми интересами русского дворянства и желанием царизма использовать национально-освободительное движение балканских народов в своих завоевательных целях. Однако предложенное Чарторыйским в его программе-максимум создание независимых от Турции балканских государств под верховной властью и покровительством Рос-

[82] Чарторыйский П. А. Строганову 14(26) мая 1806 г. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 25.

[83] «Вопросы» 4(16) мая 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, л. 64 об.

[84] Чарторыйский Строганову 23 мая (4 июня) 1807 г. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 403.

[85] Записка 11(23) января 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 254—255.

[86] Сборник РИО, т. 82, стр. 238.

[87] О миссии Строганова см. ниже.

[88] Строганов Чарторыйскому 19(31) марта 1806 г. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 373.

сии объективно отвечало интересам балканских народов и было высшей точкой того, чего они могли бы достигнуть на данной стадии своей национально-освободительной борьбы. Положительное значение на том этапе освободительного движения на Балканах имел проект образования полунезависимых славянских и греческих государств под формальным сюзеренитетом Турции и покровительством России (по образцу Ионической республики).

Характерной чертой плана Чарторыйского была его установка на использование балканского национального движения. Чарторыйский много раз говорил, что Россия должна опираться на это движение, что для русской политики было бы пагубно пренебречь им, что сила России — в доверии и любви к ней славян и греков. Со стороны руководителя русского министерства иностранных дел то было трезвым политическим расчетом, сознательной попыткой приспособления к тем новым условиям, которые создались на Балканах в начале XIX в. в результате подъема национально-освободительного движения [89].

Чарторыйский был знаком с планами создания славянских государств на Балканах, которые в тот период строили

[89] Дж. Берти объясняет сочувственное отношение Чарторыйского к европейским национальным движениям его стремлением к освобождению Польши. По мнению итальянского историка, Чарторыйский, «будучи польским патриотом, стремился прежде всего к тому, чтобы восторжествовал принцип национальной независимости», и видел поэтому залог освобождения Польши в свободе Италии, Греции и других европейских стран (Дж. Берти. Указ. соч., стр. 214, см. также стр. 208). Это отчасти верно и во многом объясняет психологию и ряд моментов политической деятельности Чарторыйского. В отличие от многих царских дипломатов он отчасти понимал национальные устремления. «Я не могу не желать,— писал он Строганову 23 мая (4 июня) 1807 г.,— чтобы поляки снова стали нацией. Я был бы презренным существом, если бы чувствовал иначе... Я хотел бы, чтобы их (поляков.— *А. С.*) дело было делом всех славянских народов, от которых они не должны себя отделять, чтобы они не были лишь орудием несправедливости (т. е. орудием Наполеона.— *А. С.*), а объединились для борьбы за многие другие угнетенные народы». (Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 402). Однако Чарторыйский — представитель интересов польской аристократии — отнюдь не был принципиальным борцом за свободу европейских народов. Дворянский национализм Чарторыйского не давал ему возможности понять их подлинные интересы. Во время польского восстания 1831 г. он возглавлял его правое крыло и кончил предательством. Дж. Берти недостаточно учитывает эти стороны деятельности Чарторыйского.

представители балканского освободительного движения. Ему был известен выдвинутый сербским митрополитом Стратимировичем проект образования славяно-сербского государства[90]. Перекликался его балканский план и с планом, предложенным несколько позднее черногорским митрополитом, руководителем черногорской политики Петром Негошем[91]. Создавая свои проекты, Чарторыйский, несомненно, учитывал политические настроения балканских национальных деятелей.

Балканский план существенно отличается от «греческого проекта» Екатерины II. Ставка на использование балканских национальных движений, учет их политической роли сказались в балканском плане с большей определенностью. Далее, в этом плане при перекройке карты Балкан в большей мере, чем в «греческом проекте», принимался во внимание национальный принцип. Подобные идеи в правительственных кругах могли появиться лишь в начале XIX в. С другой стороны, проект Чарторыйского, как сказано, не выдвигал притязаний на Константинополь и проливы, что отличало (хотя и в замаскированной форме) «греческий проект» Екатерины II.

Установка на активизацию восточной политики России определяла те первоочередные мероприятия, которые Чарторыйский предлагал императору в 1806 г.

Прежде всего он считал необходимым сохранить завоеванные Россией военные позиции на Средиземном море и для этого не только оставить все находившиеся там русские сухопутные и морские силы, но и послать подкрепления в 15—20 тыс. человек[92]. Того же мнения были С. Р. Воронцов и Строганов[93]. Отмена распоряжения от 24 ноября (6 декабря) 1805 г. о возвращении русских войск в Россию произошла в значительной степени в результате настояний Чарторыйского.

Далее, Чарторыйский полагал, что центром балканской политики России в ближайшее время должна стать Черногория и что России следует поддержать общенародное движение черногорцев против угрозы порабощения со стороны Франции. Жители Черногории принесли России присягу в верности и просили ее принять их под свое покровительство. Чарторыйский стоял за то, чтобы дать на это согласие, укрепить связи с черногорцами и оказать им всемерную помощь деньгами, оружием и боеприпасами. По мнению Чарторыйского, нужно было стремиться соединить развертывавшееся в Черногории народное движение за независимость со вспыхнувшими в Которской области выступлениями против угрозы французского порабощения[94].

Для военных действий против Франции и для проникновения на Балканы России нужен был опорный пункт на западном балканском побережье. Наибольшие удобства представлял в этом отношении Котор. Однако, как сказано, по условиям Пресбургского мира Австрия обязалась уступить его Франции. Опасаясь, что задержка со сдачей Котора повлечет новую войну с Францией, Вена упрашивала Россию согласиться на эту уступку. Александр был готов пойти ей навстречу, но Чарторыйский воспротивился и стал уговаривать императора отменить приказ об оставлении Котора[95], что свело бы на нет результаты достигнутого Сенявиным крупного военного успеха. Значение последнего Чарторыйский вполне понимал[96].

Чарторыйский поддержал Сенявина и тогда, когда император решил вернуть его эскадру в Россию. Вопреки воле царя он настаивал на том, чтобы оставить эскадру в Адриатике, и даже усилить ее[97].

Сколь ни велика была роль Балкан и Восточного Средиземноморья в планах Чарторыйского, для него лично главную роль играл не восток, а запад. Создание славянского и греческого государств он откладывал на будущее,

---

[90] Записка митрополита Стратимировича. «Русский архив», 1868, стлб. 111—120.

[91] «Споменик», т. XXXI. Београд, 1898, стр. 107; Сборник РИО, т. 88, стр. 42—43; «Русская старина», 1908, январь, стр. 239—240.

[92] Записки Чарторыйского 11(23), 16(28) января и 5(17) апреля 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 246, 261, 292, 337.

[93] Строганов Чарторыйскому 30 декабря 1805 г. (11 января 1806 г.). Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 347—348.

[94] Записки 11(23) января и 9(21) апреля 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 265—276, 344—350.

[95] Записка 9(21) апреля. Там же, стр. 344—352.

[96] «Сей предусмотрительный и смелый поступок немало способствовал поддержанию всеобщего к нам уважения»,— писал о занятии Котора Сенявиным Чарторыйский в своем отчете императору за первую половину 1806 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, лл. 42 об.— 43).

[97] Записка Чарторыйского 26 апреля (8 мая) 1806 г.; см. также записку 9(21) апреля. Сборник РИО, т. 82, стр. 360—362, 348.

первоочередными же задачами считал войну с Пруссией, восстановление Польши, провозглашение Александра I польским королем. К этому он призывал Александра, намечая на август 1806 г. разрыв с Пруссией, которую считал наиболее опасным врагом России [98]. До известной степени «молодые друзья» разделяли его мнение — Строганов и Кочубей также были резко враждебны Пруссии [99].

Выдвигая на передний план проекты создания польского государства во главе с Александром I, Чарторыйский действовал в интересах крупного дворянства Польши. Реального значения, однако, подобные проекты в тот период иметь не могли. Александр I и правительственные круги относились к ним враждебно, и Чарторыйскому было не под силу направить внешнюю политику России в русло своих националистических расчетов и устремлений.

Чарторыйский непосредственно руководил деятельностью дипломатических представителей России за границей. Он оказывал сильное воздействие и на определение общего курса русской внешней политики. Однако последнее слово оставалось не за ним, а за Александром I. Между тем единства взглядов в важнейших вопросах у императора и Чарторыйского не было [100]. Александр не доверял советам Чарторыйского относительно восстановления Польши. Отталкивала его и пруссофобия Чарторыйского — союз с Пруссией император считал абсолютно необходимым для успеха коалиции.

Более сочувственный отклик встречали у Александра балканско-средиземноморские планы Чарторыйского. Но и здесь император стоял прежде всего за медленность и осторожность. «Несмотря на все мои настояния, не хотели ни задержать возвращения части войск с Корфу, ни послать новых подкреплений в Адриатику и на помощь неаполитанскому королю..., ни говорить энергичным языком в Константинополе: слепая дружба к Пруссии была стержнем нашей политики»,— жаловался Чарторыйский [101]. В мае 1806 г. Чарторыйский подал Александру I докладную записку, в которой без обиняков обвинил императора в том, что он не дает должного отпора наступлению Наполеона в Восточном Средиземноморье. Александр, писал Чарторыйский, в своей восточной политике поставил «принципом, что самое полное бездействие одно лишь должно противостоять самой поразительной и самой отважной деятельности» [102]. Того же мнения был и Новосильцов: император не хочет ничего, кроме полумер, и во всем препятствует Чарторыйскому, говорил он [103].

Не очень нравились Александру и призывы Чарторыйского использовать национально-освободительное движение славян и греков. В руках царизма то было орудие испытанное и полезное, но вместе с тем и обоюдоострое, и император, видимо, считал, что применять его нужно с осторожностью. Характерно, что он не утвердил предложенный ему Чарторыйским довольно решительный по содержанию и тону проект манифеста грекам [104].

Конфликт обнаружился сразу же после Аустерлица [105]. В марте-апреле 1806 г. Чарторыйский потребовал отставку и в ряде записок и личных писем Александру I резко и очень откровенно упрекал Александра за его пруссофильскую линию, за «систему пассивной политики» [106].

Консервативные дворянские круги порицали Чарторыйского за то, что он втравил Россию в войну с Францией ради осуществления своего плана восстановления Польши. Он же в ответ возражал, что его программа была направлена не на «самопожертвование во имя общего блага Европы», а на осуществление «различных комбинаций,

[98] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 61—147, 166—170; «Вопросы» 4(16) мая и «Мемуар» 30 мая (11 июня). О польском плане Чарторыйского см. M. Handelsman. Napoléon et la Pologne. 1806—1807. Paris, 1909, p. 57—60; E. Driault. Napoléon et l'Europe. Tilsit. France et Russie sous le premier Empire. La question du Pologne (1806—1809). Paris, 1917, p. 73—74 (далее: Tilsit); K. Waliszevski. Op. cit., vol. I, p. 157—158, 200—204.

[99] Строганов Чарторыйскому 10(22) декабря 1805 г. (Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 343—344); Кочубей С. Р. Воронцову 31 января (12 февраля) 1806 г. (Архив кн. Воронцова, т. 14, стр. 192).

[100] См. материалы об их полемике в первой половине 1806 г. в мемуарах Чарторыйского (т. II, стр. 61—147, особенно стр. 77, 92—93, 107—109, 112, 121).

[101] Чарторыйский С. Р. Воронцову 25 августа (6 сентября) 1806 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 415.

[102] «Вопросы», 4(16) мая 1806 г.

[103] Новосильцов Строганову 6(18) января 1806 г. (Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 168). Ср. письма Чарторыйского Строганову 6(18) февраля и 13(25) мая 1806 г. (Там же, т. II, стр. 361, 381).

[104] См. выше.

[105] См. письма Чарторыйского С. Р. Воронцову (Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 362—363, 412) и Строганову (Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 357, 381).

[106] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 83, 85, 90.

могущих быть полезными для России» (т. е., разумеется, для интересов ее господствующего класса), и что он всегда указывал императору на необходимость для России «заботиться о приобретениях для себя и об обеспечении себе выходов для сбыта товаров» (под этим Чарторыйский имел в виду «овладение Молдавией и Валахией, проведение границы по Висле, объединение славянских и греческих народов») [107].

Чарторыйский говорил правду: эта программа действительно отражала не его личные взгляды, а устремления правящего класса царской России.

Конфликт Александра I с Чарторыйским был вместе с тем и конфликтом его со всей группировкой былого Негласного комитета. Чарторыйский в своих записках императору подчеркивал связывавшую «молодых друзей» общность взглядов и упрекал Александра за недоверие не только к нему лично, но и к своим единомышленникам [108]. Строганов, Новосильцов и Кочубей полностью поддерживали Чарторыйского в его конфликте с императором и еще в начале 1806 г. решили уйти в отставку одновременно с ним [109].

Разногласия «молодых друзей» с Александром были не более, чем спорами по тактическим вопросам между представителями господствующего класса. Но следует все же обратить внимание на то, что планы Чарторыйского об использовании национально-освободительного движения славян и греков представляли собой продолжение попытки частичного приспособления внешней политики царизма к новым общественным условиям (о которых уже не раз говорилось выше). По мере «поправения» Александра эти робкие и осторожные попытки стали казаться императору чрезмерно смелыми, что, как можно предположить, и явилось одной из причин конфликта.

[107] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 97—98.

[108] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 93—94, 107—109, 112, 121. В письмах к Строганову Чарторыйский также говорил о разногласиях Александра I не только с ним, но со всей группировкой (Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 357, 395—396).

[109] Чарторыйский С. Р. Воронцову 6(18) февраля 1806 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 362; Новосильцов Строганову 6(18) февраля и 17(29) марта; Кочубей Строганову 1(13) февраля; Строганов своей жене гр. С. В. Строгановой 17(29) июля. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 168, 172—173, 186, 208.

Несмотря на расхождения с императором, связывавшие ему руки, Чарторыйский в начале 1806 г. попробовал осуществить балканский план путем дипломатических переговоров с Англией и Францией.

Франция выразила полную готовность начать неофициальные мирные переговоры (напомним, что соответствующие предложения были сделаны Россией еще в январе 1806 г.), и в Петербурге решили послать с этой целью в Париж второстепенного чиновника министерства иностранных дел, французского эмигранта П. Я. Убри. Это решение было согласовано с Англией [110], которая в свою очередь в феврале начала переговоры с Францией. Россия и Англия договорились, что они будут вести переговоры в Париже порознь, но поддерживать в то же время полный контакт и помогать друг другу [111].

Специфические условия, сложившиеся в Европе после Аустерлица и Пресбургского мира, внесли ряд особых черт во внешнеполитическую тактику правительства Александра I. «Все в Европе приняло новый вид», в ближайшее время сломить наполеоновскую Францию и вернуть ее в старые границы не удастся, пока что нужно заняться спасением «обломков Европы» — так расценивал обстановку сам Чарторыйский под свежим впечатлением аустерлицкого разгрома [112]. Россия, подчеркивал Чарторыйский, должна испробовать новые пути для того, чтобы путем переговоров с Францией и Англией обеспечить себе «приобретения» (acquisitious) и «преимущества» (avantages), эквивалентные тому, что получила Франция [113]. Будущий мирный договор, переговоры о котором должны были начаться в Париже, Чарторыйский предполагал заключить на основе обменов и эквивалентов: Франция сохраняет свои завоевания, Россия же получает за это соответствующие компенсации.

В чем же должны были состоять эти компенсации?

[110] Чарторыйский еще в начале февраля уведомил С. Р. Воронцова о решении России начать мирные переговоры (АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 52—53). Об отправлении Убри в Париж Чарторыйский сообщил Гоуэру в вербальной ноте 1(13) мая 1806 г. (Там же, д. 4329, лл. 5—8 об.).

[111] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 18—23, 38—39, 44—45.

[112] Чарторыйский С. Р. Воронцову 2(14) февраля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 23—33 об.

[113] Там же.

Мирные условия России были рассчитаны на то, чтобы приостановить французскую агрессию на Балканах и в Восточном Средиземноморье и закрепить влияние России в этих зонах [114]. Русское правительство считало необходимым признание Францией позиций России на Ионических островах (права держать там гарнизон и пользоваться портами) и обязательств, принятых Турцией в ее пользу (напомним, что в числе последних было открытие проливов для русского военного флота). Россия требовала отказа Наполеона от притязаний на Сицилию, вывода французских войск из Далмации и главное — «создания одного или нескольких независимых государств между Портой Оттоманской и Италией» [115] (т. е. в районе Западных Балкан и Восточного Средиземноморья). В возмещение Россия обещала признать императорский титул Наполеона. За восстановление независимости Неаполитанского королевства и территориальное возмещение сардинскому королю Россия соглашалась признать остальные приобретения и преобразования Наполеона в Европе (за исключением Северной Германии). Убри было запрещено соглашаться на такие условия, которые могли бы означать переход Ганновера к Пруссии, стеснение торговли Северной Германии и нарушение интересов Дании и Швеции. Если бы Наполеон отказался принять требования России, Убри должен был заключить не мир, а лишь перемирие сроком от одного года до десяти лет на основах, обеспечивающих безопасность Дании, Швеции и Турции от поползновений Франции [116].

Итак, Россия потребовала от Франции согласия на создание одного или нескольких славянских и греческих государств. Одновременно русское правительство желало склонить к этому и Англию.

Александр в это время начал уже сомневаться в пользе союза с Англией. Другого мнения был Чарторыйский. В феврале 1806 г. он подал императору пространный «Мемуар об отношениях России с Англией», который был настоящим манифестом англофильства и вполне мог бы принадлежать перу С. Р. Воронцова [117].

Союз с Англией был нужен, имея в виду и западные дела и восточные. Чарторыйский придавал значение тому, чтобы английский флот поддержал действия России в Восточном Средиземноморье [118]. Но он ждал от Англии еще большего; несмотря на опыт Russian Armament (о котором он сам вспоминал еще недавно [119], несмотря на частичную неудачу миссии Новосильцова, Чарторыйский все еще надеялся на содействие Англии для осуществления своего балканского плана. В Лондон с этой целью был послан П. А. Строганов [120]. Заметим, что и на сей раз особо важное задание было доверено одному из членов недавнего Негласного комитета. Это еще раз говорит о том, что система Чарторыйского была не его личным делом, а отражала внешнеполитическую линию целой группировки.

С. Р. Воронцов к этому времени закончил свою продолжавшуюся более двух десятилетий дипломатическую деятельность в Лондоне. Зная, что император недоволен его крайней англофильской позицией, он давно уже просил отставку. В апреле 1806 г. его на время сменил русский поверенный в делах в Лондоне бар. П. А. Николаи.

Строганову было поручено обсудить с Фоксом и Гренвилем план создания покровительствуемых Россией славянского и греческого государств на Балканах. При этом Чарторыйский намекал, что Россия не будет возражать против английских планов относительно Египта [121].

[114] Мирные условия России были кратко сформулированы в докладе Чарторыйского императору 5(17) апреля 1806 г. (Сборник РИО, т. 82, стр. 342—343). Полностью они изложены в данных Убри предписаниях — «Замечаниях, служащих инструкцией русскому уполномоченному для переговоров с Францией (negotiateur russe qui traitera avec la France)» (АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, лл. 342а—343 об.). Этот важный документ доныне не опубликован, однако точное, хотя и сжатое изложение его дано С. М. Соловьевым (указ. соч., стр. 348—349). Кроме «Замечаний», Убри были даны дополнительные предписания (АВПР, ф. Канцелярия, д. 2989, лл. 344—345). Оба документа не датированы и являются приложениями к полномочиям и инструкции Убри от 30 апреля (12 мая) 1806 г. (Сборник РИО, т. 82, стр. 364—365).

[115] АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, л. 342 а об.

[116] Там же, лл. 334—345.

[117] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, лл. 67—87 об.

[118] Сборник РИО, т. 82, стр. 244—251.

[119] См. в гл. VII о рассуждениях Чарторыйского (конец 1804 г.) по поводу антирусской позиции Питта во время войны с Турцией 1787—1791 гг.

[120] О миссии Строганова и лондонских переговорах 1806 г. см. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XI, стр. 121—126 и P. Shupp. Op. cit., p. 24—26, 99—100, 110.

[121] Чарторыйский П. А. Строганову 6(18) февраля (Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 9—11) и С. Р. Воронцову 2(14) февраля 1806 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 23—33 об.).

Тем временем Франция во время мирных переговоров в Париже сама предложила уступить Далмацию, Дубровник (он был занят французскими войсками в мае 1806 г.) и Албанию (которая ей вовсе не принадлежала) в обмен на Сицилию. Талейран при первой же встрече с Убри завел речь об этом, предупредив, однако, что у него нет официальных полномочий [122]. Строганов (Убри держал его в курсе своих переговоров с Талейраном) использовал момент и выдвинул для обсуждения с Англией план «создания независимого государства из Далмации и соседних с ней областей» [123].

Фокс был известен как давний сторонник союза с Россией, считавший продвижение ее на Ближнем Востоке и Балканах полезным для Англии. Во время военной тревоги 1791 г. Фокс с ожесточением нападал в парламенте на антирусскую политику Питта и поддерживал С. Р. Воронцова в его стараниях сохранить мир между Россией и Англией. Но с тех пор утекло много воды, и хотя Фокс все еще полагал, что «чем больше Россия продвинет свои завоевания на Востоке, тем более довольна будет Англия» [124], когда дошло до дела, он заговорил по-другому.

Теперь Фокс, не исключая в принципе идеи преобразований на Балканах и в Восточном Средиземноморье в случае французской агрессии против Турции, считал эти преобразования несвоевременными и чреватыми опасностями [125]. После некоторых колебаний Фокс и Гренвиль отвергли предложения России (июль 1806 г.) [126]. Англия особенно возражала против того, чтобы в проектируемое балканское государство вошла Албания: она сама хотела сделать Албанию своим опорным пунктом. Хотя англичане и не скупились во время переговоров на декламации

[122] Письма Убри Строганову и Чарторыйскому 27 и 28 июня (9 и 10 июля). Сборник РИО, т. 82, стр. 396—403, 415—416.

[123] Строганов лорду Гренвилю. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 59—60.

[124] Фокс Гоуэру 17(29) апреля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 4328, лл. 41 об.— 42. См. также письмо С. Р. Воронцова Чарторыйскому 19(31) марта 1806 г. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 391—393.

[125] Английская нота России 18(30) марта 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6790, лл. 284—292.

[126] Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 61—64, 80—82, 88—89.

о своем бескорыстии и т. п., они все же не преминули заявить, что если совершится раздел Турции, то Англия претендует на Александрию и Крит [127].

Русский план создания независимых славянских и греческих государств путем дипломатических переговоров был неосуществим: ни Англия, ни Франция не допустили бы подобного укрепления позиций России на Балканах и в Средиземноморье. Однако самая постановка Россией вопроса о праве балканских народов на национальную независимость способствовала вызреванию условий будущего освобождения славян и греков.

Мира с Францией заключить не удалось: переговоры Убри в Париже протекали неудачно. Этому исполнительному чиновнику, умевшему снискать благоволение начальства, было не по силам тягаться с Талейраном, который играл с ним, как кошка с мышкой. 8(20) июля 1806 г. Убри подписал сепаратный мирный договор, по которому Россия обязалась вывести войска из Котора и остальных областей Черногории, Далмации и Дубровника, ограничить свой гарнизон на Ионических островах четырьмя тысячами человек, признать переход Неаполитанского королевства, включая и Сицилию, к Жозефу Бонапарту.

Подобные условия означали полный отказ России от тех позиций, которые она завоевала в Средиземноморье. В компенсацию Россия получила от Франции гарантию целостности Турецкой империи, признание Ионической республики, восстановление статус-кво Дубровника и обещание через три месяца вывести войска из Германии [128].

Предельно невыгодный для России договор Убри не был ратифицирован. Тем не менее он успел дать отрицательные результаты: статья о выводе русских войск из Котора еще более запутала и без того сложную обстановку в Адриатике, где Россия столкнулась не только с агрессией Франции, но и с противодействием Австрии.

После Пресбургского мира во внешней политике России стало все сильнее сказываться соперничество с Австрией на Балканах и в Дунайских княжествах. Сербия, Босния, Хорватия казались Австрии возможной компенсацией за владения в Италии, Истрии, Далмации, отобранные у

[127] Запись беседы Чарторыйского и Гоуэра 9(21) июня 1806 г. Там же, стр. 34—66.

[128] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XIII, стр. 332—338.

нее Наполеоном. Главным препятствием в этом отношении была Россия. С другой стороны, Австрия опасалась, что Наполеон может пойти на сговор с Россией в ближневосточных и балканских делах.

Несмотря на крах третьей коалиции, Россия не оставила надежды на возвращение Австрии в антинаполеоновский лагерь. За новый союз с Австрией был Чарторыйский, что объясняется его враждебным отношением к сопернице Австрии — Пруссии [129].

Наполеон в свою очередь старался перетянуть Вену на сторону Франции и использовать русско-австрийское соперничество. Во французских правящих кругах были сильны тенденции к соглашению с Австрией за счет Турции. В октябре 1805 г. Талейран предложил Наполеону проект, по которому Австрия за отказ от дальнейшего продвижения в Италии и Германии получала компенсацию на Дунае и на Балканах (Молдавия, Валахия, Бессарабия и Северная Болгария) и становилась барьером «Запада» против России, оттеснявшейся в Азию [130]. Наполеон не одобрил план Талейрана. Он не желал усиления Австрии на Балканах. Но игра на балканских устремлениях Австрии была характерной чертой французской политики в Вене в 1806—1807 гг.

В отношениях России и Австрии появилась трещина. В начале 1806 г. одна немецкая газета напечатала статью (может быть, инспирированную Наполеоном) об австрийских планах овладения Сербией и Боснией, что немало встревожило Петербург [131].

[129] См. записку Чарторыйского 12(24) февраля 1806 г. «Об отношениях России и Австрии». АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, лл. 49—59.

[130] Письмо Талейрана Наполеону от 5(17) октября 1805 г. P. Bertrand. Lettres inédites de Talleyrand à Napoléon. 1800—1809. Paris, 1889, p. 156—174. О плане Талейрана см. С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 333—335; А. Вандаль. Наполеон и Александр I. СПб., 1910, т. I, стр. 9—11, 17; V. Puryear. Op. cit., p. 63—64; P. Shupp. Op. cit., p. 298; E. Driault. Austerlitz, p. 250—253; A. Beer. Zehn Jahre österreichischer Politik. 1801—1810. Leipzig, 1877, S. 203.

[131] Беседа Чарторыйского с австрийским послом в Петербурге гр. Мерфельдтом 19(31) января 1806 г.; Чарторыйский Разумовскому 20 февраля (4 марта). АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2989, лл. 200—204, 198—199 об. См. также A. Beer. Die orientalische Politik Österreichs seit 1774. Prag — Leipzig, 1883, S. 158—159; его же. Zehn Jahre..., S. 224; Я. Н. Бутовский. Сто лет австрийской политики в восточном вопросе, т. I. СПб., 1888, стр. 102.

Которское дело еще больше столкнуло Россию и Австрию. Вена вовсе не хотела отдавать Котор Франции, но не больше ей улыбалась и перспектива перехода его в руки России [132]. Еще в 1804 г. Австрия отказалась допустить русского консула Мазуревского в Котор, объявив последний закрытым военным портом [133]. Генерал-лейтенант гр. М. К. Ивелич, направленный в 1803 г. в Черногорию, жаловался на противодействие австрийского комиссара в Которе барона Розетти и на австрийские интриги в Рагузе [134].

Занятие Котора силами Сенявина вызвало резкие протесты Вены [135]. В мае Австрия по требованию Франции закрыла порты Триест и Фиуме для России и Англии.

Чарторыйскому не удалось окончательно убедить Александра в необходимости удержать Котор, хотя царь и одобрил действия адмирала [136]. Но одновременно Александр к ужасу Чарторыйского обещал австрийскому послу Мерфельдту вернуть Котор Австрии [137]. В конце концов Разумовскому послали из Петербурга хитроумный приказ, предписывавший при крайней необходимости сдать Котор австрийцам. Решить, когда придет для этого время, и дать соответствующие распоряжения Сенявину должен был сам Разумовский, ставший, таким образом, «директивной инстанцией» в которском деле.

Неустойчивая позиция царя связывала руки Сенявину. Ему пришлось отказаться от выдвинутого было им плана освобождения Далмации [138]. Однако боевые действия в Адриатике развивались успешно. Русские овладели островом Корчулой и начали наступление на Дубровник (Рагуза),

[132] О русско-австрийских отношениях в связи с которским вопросом см. А. Васильчиков. Указ. соч., т. IV, ч. 2. СПб., 1887, стр. 145—226; A. Beer. Zehn Jahre..., S. 217—222, 244—245.

[133] Чарторыйский Разумовскому 22 октября (3 ноября) 1804 г. и 16(28) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1808 г., д. 2988, ч. 2, лл. 379—389, 390—395. См. также А. А. Васильчиков. Указ. соч., т. IV, ч. 2. СПб., 1887, стр. 31—35; «Споменик», т. 31, стр. 99—107.

[134] Ивелич Чарторыйскому 1(13) января, 15(27) июля 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 7890, лл. 7—8, 23—23 об.

[135] А. А. Васильчиков. Указ. соч., т. IV, ч. 2, стр. 144—149, 155—160.

[136] Рескрипт Александра I Сенявину 23 мая (4 июня) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1246, лл. 9—11 об.

[137] Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 414. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. II, стр. 382.

[138] А. Л. Шапиро. Адмирал Д. Н. Сенявин, стр. 128—136.

захваченный частями генерала Лористона [139]. В сражении под Дубровником 6(18) июня русские и черногорцы нанесли поражение французам и блокировали город.

В этот момент для Сенявина возникли новые осложнения. Под нажимом Франции австрийцы — полковник Лэпин и генерал Беллегард в июне категорически потребовали от него сдачи Котора. Уступить Сенявин не хотел, однако положение его осложнилось тем, что к тому времени он получил от Разумовского приказ сдать Котор австрийцам. Но и на этот раз Сенявин взял на себя ответственность — отказался вывести свои войска из Котора и постарался затянуть переговоры. Тем временем пришло известие о мире с Францией и о принятом по договору 8(20) июля обязательстве уступить Котор Франции. Ссылаясь на это, французы усилили нажим. С величайшей выдержкой Сенявин, поддержанный русским консулом в Которе С. Санковским, упорствовал в своем решении не отдавать Котора, хотя на него сыпались из Вены (от Разумовского), из Парижа (от Убри) и из Петербурга самые противоречивые предписания. В конце концов Сенявину удалось выиграть время — после отказа в ратификации договора, подписанного Убри, Александр I решил удержать Котор [140].

Черногорцы и бокезцы всеми силами поддерживали Сенявина. Черногорию и Россию соединяли давние свя-

[139] Успеху французов в Дубровнике способствовала профранцузская ориентация реакционного аристократического сената республики и его явно враждебное отношение к России. Лишь с большим трудом генеральный консул России в Дубровнике К. К. Фонтон добился признания русского покровительства Ионической республике (В. Макушев. Задунайские и адриатические славяне. СПб., 1867, стр. 280—281). С Сенявиным сенат вел двойную игру и обещал ему принять русский гарнизон в город, если французские войска вторгнутся на территорию республики. Но вслед за тем сенат без сопротивления впустил в Дубровник французов. (В. Макушев. Материалы для истории дипломатических сношений России с Рагузской республикой. М., 1865, стр. 51—52).

[140] О дипломатической борьбе вокруг Котора см. Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море, стр. 52—66; [В. Броневский.] Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством вице-адмирала Д. Н. Сенявина от 1805 по 1810 год, ч. 2, СПб., 1819, стр. 56—65; его же. Письма морского офицера, ч. 2. М., 1825, стр. 145—148; П. Свиньин. Воспоминания на флоте, ч. I. СПб., 1818, стр. 184—195; Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 503—504; A. F. L. Marmont. Mémoires du marechal duc de Raguse, t. III. Paris, 1857, p. 5—9.

зи. В 1798 г. Черногория обратилась к России с жалобами на притеснения со стороны Австрии и Турции и просила принять ее под покровительство России. Павел в грамоте черногорскому народу 11(22) января 1799 г. обещал оказать соответствующее воздействие на Константинополь и Вену и установил для Черногории ежегодную субсидию в тысячу червонцев, умолчав, однако, о покровительстве, хотя правитель Черногории митрополит Негош продолжал к этому стремиться [141].

Наполеон пытался тайными путями склонить к Франции Негоша. Это дало толчок к оживлению русской политики в Черногории [142]. В качестве проводника русского влияния в Черногорию в конце 1803 г. был послан генерал-лейтенант пр. Ивелич с особой грамотой Александра I к черногорскому народу [143]. Между Негошем и Ивеличем возник конфликт, закончившийся, однако, восстановлением полного согласия митрополита и России [144]. Когда Франция предъявила претензии на Котор, митрополит поддержал бокезцев и призвал на помощь Сенявина. Ополченцы Черногории и Котора сражались бок о бок с русскими солдатами. Народное восстание против французской оккупации помогло Сенявину в операциях против Лористона.

Слухи о возможности сдачи Котора повергли черногорцев и бокезцев в отчаяние. «Воображение, что они принуждены сделаться австрийскими подданными, а потом к вящему своему несчастию порабощены будут и французами, крайне угнетало их дух, и они от сего потеряли всю свою бодрость против французов»,— писал Сенявин. Когда же стало известно, что Сенявин намерен оборонять Котор, «черногорцы и приморцы (так адмирал называл жителей Котора) приняли прежнюю свою бодрость и, кажется, довольно уже уверены, что россияне с ними

[141] Ж. П. Драгович. Черногория и ее отношения к России в царствование императора Павла. «Русская старина», 1881, август, стр. 364—368; П. Ровинский. Черногория в ее прошлом и настоящем, т. I. СПб., 1888, стр. 612—613, 662, 667—681; «Споменик», т. 31, стр. 95.

[142] ВПР, т. I, стр. 520, 531, 533; Сборник РИО, т. 77, стр. 411.

[143] П. Ровинский. Указ. соч., т. I, стр. 626—630; А. Попов. Очерк истории Черногорья. Журнал Министерства народного просвещения. 1846, март, стр. 124—125; В. Жмакин. Россия и Черногория в начале XIX века. «Древняя и новая Россия», 1881, т. 19, март, стр. 420.

[144] В. Жмакин. Указ. соч., стр. 437—452.

будут всегда неразлучны»,— сообщал Сенявин [145]. Бокезцы составляли прошения царю, посылали депутации к Сенявину, умоляя не выводить русские войска, и он, понимая, как важно для царизма иметь опору в местном населении, ходатайствовал за них перед Александром.

Пока тянулись переговоры Сенявина с австрийцами и французами, противник сумел подтянуть силы к Дубровнику. К тому же слухи о предстоящей сдаче Котора произвели свое действие, и обескураженные черногорцы начали покидать армию. Сенявину пришлось поэтому 23 июня (5 июля) 1806 г. снять осаду Дубровника. Однако начатое в сентябре командующим далматинскими дивизиями Мармона наступление было успешно отражено русскими.

2

Восток был в сложной игре Наполеона не только вспомогательным средством давления на великие державы, но и самостоятельной важной проблемой. Война между Россией и Турцией несла с собой для Франции прежде всего непосредственную выгоду: русские военные силы отвлекались с западного театра военных действий. Но Наполеон желал большего. Завоевать восточные рынки для французской буржуазии, превратить Турцию и Иран в орудие французской политики, использовать их военные ресурсы — такова была его восточная программа. Создание французской колониальной империи было конечной ее целью, хотя в условиях постоянных войн на западе осуществление ее и отодвигалось на будущее. В Константинополе главным врагом Наполеону казалась Россия, а не Англия: русские позиции в Турции в 1798—1806 гг. были намного сильнее английских, русская политика — значительно активнее.

После Пресбургского мира политика Наполеона в Константинополе резко активизировалась. Разорвать русско-турецкий союз, толкнуть Турцию на войну с Россией, объединить против нее султана и шаха — таковы были непосредственные задачи восточной политики Франции. Наполеон стремился устранить наиболее опасного из соперников и очистить место для безраздельного господства Франции на Востоке.

[145] Сенявин Александру I 20 июля (1 августа) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1247, лл. 60 об.—61, 69.

Аустерлиц быстро принес свои плоды. В январе 1806 г. секретарь Талейрана Леру ультимативно потребовал от Турции в трехдневный срок признать Наполеона императором. Турция, в 1804—1805 гг. устоявшая перед французским натиском, теперь капитулировала [146]. Селим III, правда, оправдывался потом перед Александром I [147], но эта капитуляция перед Францией была важным симптомом перемены в позиции Турции. Италинский правильно расценивал обстановку, когда говорил, что «сильная и, можно сказать, исключительная наша здесь инфлюенция кончилась, впредь разделяема она будет Францией и невозможно тому быть иначе» [148].

Все же в первое время после Аустерлица Россия еще надеялась сохранить союз с Турцией. Чарторыйский предписал Италинскому развеять то неприятное впечатление, которое произвели в Константинополе третья и восьмая статьи русского проекта договора с Турцией (в них шла речь о равноправии «райи» и о введении русских войск в княжества), обратить внимание турецкого правительства на усиление после Пресбурга французской угрозы Османской империи и обещать ей помощь России. Союз с Турцией, говорил Чарторыйский, необходим России более, чем когда-либо [149].

Давление Наполеона на Турцию сделало свое дело — русско-турецкие отношения начали быстро ухудшаться. Стремление к реваншу, которое умело разжигал Наполеон, возобладало в Константинополе над ориентацией на Россию, преобладавшей в турецкой политике почти целое десятилетие. Наполеон настойчиво привлекал внимание Порты к тем сторонам русско-турецких отношений, которые и без того вызывали подозрения Турции. Связи России с

[146] Приказ Селима III 25 января (6 февраля) 1806 г. I. de Testa. Op. cit., t. II, p. 339; P. F. Shupp. The European powers and the Near Eastern question. 1806—1807. New York, 1931, p. 48—49; Италинский Чарторыйскому 24 января (5 февраля) 1806 г.; нота Италинского Порте 23 января (4 февраля). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2257, лл. 56—69 об.

[147] Селим III Александру I 29 января 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 6233, л. 6—6 об.

[148] Италинский С. Р. Воронцову 17(29) января 1806 г. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 306—307.

[149] Предписания и частное письмо Чарторыйского Италинскому 18(30) января 1806 г.; Александр I Италинскому 18(30) января. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 18—19 об., 32—34; д. 2254, лл. 2—3 об.

греками, сербами, черногорцами, вошедшее уже в систему свободное движение ее военного флота через проливы, концентрация войск на Ионических островах, неразборчивость в предоставлении русскими властями паспортов, дававших христианским подданным Турции (обычно это бывали греки) права граждан Российской империи, широкое предоставление черноморским адмиралтейством права на плавание под русским флагом — все это тревожило Порту. Султанская Турция стремилась сохранить свое господство над угнетенными ею народами и видела в России одно из основных препятствий этому.

Уже в феврале 1806 г. стали поступать тревожные сигналы: Турция начала укреплять крепости Хотин и Измаил и перебрасывать войска на русскую границу. Правда, Селим III в личном письме Александру I заверил его, что эти вооружения не направлены против России, в специальном фирмане пытался опровергнуть широко распространившиеся к этому времени слухи о том, что между Россией и Турцией вот-вот вспыхнет война, и приказал великому визирю заявить о дружественной позиции Турции [150].

Несмотря на это, было ясно, что Турция все дальше отходит от союза с Россией.

Правительство Александра I предвидело, что Турция попытается поколебать краеугольный камень влияния России в Восточном Средиземноморье — право ее военного флота на свободный проход через проливы. Еще в марте Чарторыйский предупредил, что Россия не допустит пересмотра соответствующей статьи союзного договора 1805 г. и не оставит Ионические острова до тех пор, пока Франция сохраняет свои позиции в Адриатике (неаполитанские порты, Истрию, Далмацию) [151].

Италинский в нотах 8(20) и 19(31) марта заявлял, что Россия не остановится перед решительными действиями, если Турция будет продолжать враждебную политику. Турция 14(26) апреля наотрез отказалась удовлетворить ряд требований России и просила прекратить движение ее военных кораблей через проливы [152].

Россия стояла на том, что режим проливов, установленный русско-турецкими договорами 1798 и 1805 гг., должен сохраняться и далее. Не хотела она уступать Турции и в вопросе о сосредоточении русских сил на Корфу [153].

В некоторых пунктах Россия была готова до определенного предела пойти на уступки. Так, она оказалась сговорчивой в вопросе о выдаче баратов. Русское правительство само признавало, что жалобы Турции на связанные с этим злоупотребления справедливы [154]. Генерал-губернатору Новороссийского края герцогу Э. О. Ришелье в апреле 1806 г. был дан указ о новом, гораздо более строгом порядке предоставления иностранным торговым судам права пользования русским флагом. По новым правилам, иностранец — претендент на русский флаг для «большого плавания» (в Средиземном море вне турецких территориальных вод) должен был записаться в купцы первой гильдии и построить дом в одном из городов Новороссии; бараты выдавались не более, чем на три года; шкипер и не менее половины общего числа матросов торгового корабля, получавшего флаг, должны были быть русского происхождения. При получении флага для «малого плавания» (не далее Дарданелл) устанавливались те же правила, однако разрешалось нанимать команду и шкиперов не русского происхождения; срок барата был двухгодичным. Менялся также порядок выдачи паспортов: их разрешалось давать только тем турецким подданным, которые прожили в России не менее трех лет; кроме того, русский паспорт уже не давал его обладателю право на покровительство России [155].

---

[150] Селим III Александру I, 1806, март; фирман и хатти-шериф Селима III (копия, французский перевод). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2233, лл. 9—10; д. 2257, лл. 215—215 об., 254—255. См. также Н. Дубровин. Материалы для истории царствования Александра I. Турецкая война 1806—1812 гг. «Военный сборник», 1864, № 4, апрель, стр. 208.

[151] Чарторыйский Италинскому 18 февраля (2 марта) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 55 об.— 57.

[152] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2257, лл. 173—187, 273—285, 360—362, 365—368 об.; V. Puryear. Op. cit., p. 77; С. Горяинов. Босфор и Дарданеллы, стр. 6—8.

[153] Предписания Италинскому 18 февраля (2 марта), 1(13) июня и 18(30) июля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, д. 2255, лл. 55 об.— 57, 139—145, 192—193. Александр I «твердо намерен отнюдь не уступать этот ключ Оттоманского государства в здешних краях»,— говорил Будберг (л. 193).

[154] Чарторыйский Италинскому 18(30) апреля 1805 г. и 18(30) апреля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 101—108 об.; 1806 г., д. 2255, лл. 103—104.

[155] Указ Александра I Ришелье. Не позднее 25 апреля (7 мая) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 123—128 об.

Италинский предложил Порте войти в соглашение по вопросу о баратах [156]. Но Турция, искавшая уже в это время поводов для конфликта с Россией, в мае 1806 г. лишила баратеров (владельцев баратов) их привилегий и ограничила права русских представителей в Турецкой империи на предоставление турецким торговым судам русского флага и принятие турецких граждан в русское подданство. Магазины и лавки баратеров были запечатаны, им самим угрожала тюрьма [157]. Все же и тогда русское правительство продолжало считать, что претензии Турции в данном случае справедливы («жалобы оттоманского правительства основаны на правах каждого независимого государства»,— говорил Чарторыйский) [158]. Италинский получил выговор за злоупотребления при выдаче русских паспортов и приказание удовлетворить притязания Порты относительно порядка выдачи баратов и права пользования русским флагом и провести проверку баратеров [159]. Порта отменила после этого свой приказ.

Наполеон блестяще использовал обстоятельства. В августе 1806 г. в Константинополе снова появился знакомый нам генерал О. Себастиани — на этот раз уже в качестве французского посла, и выбор этот был как нельзя более удачен: изворотливость и такт дипломата сочетались в Себастиани с крепкой солдатской хваткой.

Главный удар Себастиани должен был направить на Россию — Наполеон считал ее своим основным противником в Константинополе. После того как с Англией и Австрией будет заключен мир, французское посольство в Константинополе сможет поддерживать добрые отношения с их представителями, говорил он; отношения же французского посольства с русским всегда останутся враждебными.

Новый посол должен был сколотить союз с Турцией и Ираном против России, добиться закрытия проливов и всех турецких портов для русского военного флота и запрещения плавания греческих судов под русским флагом, подорвать русское влияние в Дунайских княжествах [160]. Приманкой для Порты должны были стать Крым и Закавказье — Наполеон сулил Турции обладание ими [161]. В письме Селиму III он призывал султана восстановить господство Порты в Сербии и Дунайских княжествах [162]. «Освободительная» роль наполеоновской Франции, о которой так любят говорить националистические французские историки, на деле оборачивалась поддержкой турецкого ига на Балканах.

Наряду с этим Наполеон старался создать на Балканах ряд опорных пунктов против России [163]. Эмиссары его («генеральные консулы по торговым делам») в Яссах (Рейнар), Бухаресте (Паран), Травнике (Давид) плели против России сеть интриг и провокаций [164]. Центром разведывательной и пропагандистской службы Франции на Балканах стал Видин, куда был послан с особым заданием адъютант-комендант Мерьяж [165]. Мерьяж должен был также препятствовать установлению контакта между Россией и сербскими повстанцами.

Особенную опасность для России представляли происки французов в Молдавии и Валахии. Господарь Молдавии А. Мурузи переметнулся к Франции, которой он в конце 1806 г. предлагал организовать против России

[156] Нота Италинского Порте в феврале 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия 1806 г., д. 2257, лл. 116—121 об.

[157] Италинский Чарторыйскому 10(22) мая 1806 г. Там же, л. 502—502 об.; P. S h u p p. Op. cit., p. 132—133.

[158] Предписание Италинскому 17(29) июня 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 159—168 об. (приведенная цитата — л. 163 об.).

[159] Там же. См. также предписание Будберга Италинскому 16(28) июля (лл. 182—186).

[160] Инструкция Наполеона Талейрану 28 мая (9 июня) 1806 г. Correspondance de Napoléon, vol. XII, N 10339; см. также E. D r i a u l t. Tilsit, p. 113; е г о ж е. Austerlitz, p. 404—406; е г о ж е. La politique orientale de Napoléon, p. 59—60; P. C o q u e l l e. Sébastiani, ambassadeur à Constantinople. 1806—1808. «Revue d'histoire diplomatique», 1904, vol. XVIII, p. 576—578; P. S h u p p. Op. cit., p. 75—76; V. P u r y e a r. Op. cit., p. 80—85, 89—90; S. B r a d i s t e a n u. Die Beziehungen Russlands und Frankreichs zur Türkei in den Jahren 1806 und 1807. Berlin, 1912, S. 80—85.

[161] Наполеон Талейрану 8(20) июня 1806 г. E. D r i a u l t. La politique orientale de Napoléon, p. 59—60. Об игре Наполеона на агрессивных стремлениях Турции и Ирана в Закавказье см. О. П. М а р к о в а. Восстание в Кахетии 1812 г. М., 1951, стр. 233—310.

[162] Correspondance de Napoléon, vol. XII, N 10382.

[163] О деятельности наполеоновской дипломатии в Греции и Албании см. выше.

[164] Об агентуре Наполеона на Балканах см. P. S h u p p. Op. cit., p. 292—293, 59—71; A. B o p p e. L'Albanie et Napoléon (1797—1814). Paris, 1914, p. 63—64; E. D r i a u l t. La politique orientale de Napoléon, p. 164—165; P. P i s a n i. La Dalmatie de 1797 à 1815. Paris, 1893, p. 266—267.

[165] A. B o p p e. La mission de l'adiutant-commandant Mériage à Widin (1807—1809). «Annales de l'école libre des sciences politiques», 1886, t. I, p. 259—293.

федерацию пашей Видина (Пазванд-оглу), Рущука (Мустафа Байрактар) и Валахии (К. Ипсиланти) [166]. Франция хотела привлечь на свою сторону и К. Ипсиланти: Себастиани проездом в Константинополь в июле 1806 г. остановился в Бухаресте и пытался соблазнить господаря, который, однако, обо всем уведомил Россию.

Французская политика не имела корней в княжествах [167], хотя там и существовала профранцузская боярская группировка [168].

Но французские агенты развернули широкую пропаганду, распространяя слухи о военной слабости и внутренних затруднениях России, о стараниях Франции доставить княжествам полную независимость [169]. Это производило известное впечатление [170].

Как видим, приемы французской пропаганды в княжествах были те же, что и в Греции: спекуляция на стремлении к национальной независимости. Шансов на успех у нее здесь, однако, было намного меньше.

Италинский тщетно заявлял реис-эфенди протесты против назначения Рейнара в Яссы [171], и неудача его была симптомом усиления французского влияния в Константинополе.

Большое место в восточной политике Наполеона занимал проект создания тройственного союза Франции, Турции и Ирана [172]. В 1805—1806 гг. в Тегеране побывали французские агенты Ромье, Жобер, Жуанен, подстрекавшие Персию на войну с Россией. Наполеон в личных письмах склонял шаха к союзу с Францией и Турцией (шах первым предложил свои услуги Франции). Для переговоров о заключении союзного договора шах направил к Наполеону специального посла.

Вознаграждением Ирану должно было служить Восточное Закавказье. Наполеон требовал от шаха наступления на Грузию. Порабощение Закавказья Турцией и Ираном входило в программу его восточной политики.

Франция развивала на Востоке и на Балканах генеральное наступление против России. В Константинополе и в Тегеране, в Греции и в Албании, в Травнике, Видине и Рущуке, в Молдавии и Валахии — повсюду французские агенты старались создать опорные пункты. Закавказье и Крым были разменной монетой в торге Наполеона с Селимом III и Фетх-Али шахом.

Некоторые турецкие сановники (кяхья султанши-матери Юсуф ага, казначей «кассы новых доходов» Хаджи Ибрагим эфенди и др.) не одобряли раболепство Турции перед Францией и были дружественны России. Но внешнюю политику Турции в этот момент направлял сторонник Франции Ибрагим Кяхья (Ибрагим Несими эфенди), креатурой которого был реис-эфенди Васыф [173]. Старания Италинского то ласковыми речами, то угрозами «вернуть Порту на путь здравой политики» (как говорили в Петербурге) наталкивались на желание реваншистски настроенного турецкого правительства использовать благоприятные, с его точки зрения, обстоятельства и на уверенность в непобедимости Франции. «Порта,— писал Италинский,— считает французов всемогущими, а Россию — в последней степени бессилия. Они считают момент

---

[166] A. Boppe. La mission de l'adjutant-commandant Mériage..., p. 261—263.

[167] N. Jorga. Histoire des relations entre la France et les roumains. Paris, 1918, p. 120—121, 126, 130.

[168] J. D. Ghika. La France et les principautés danubiennes de 1789 à 1815. «Annales de l'école libre des sciences politiques», 1896, N 2, p. 208—209; N 3, p. 321—352.

[169] Донесения Родофиникина Будбергу 6(18) августа и письмо действительного статского советника И. С. Барощи 31 августа (12 сентября). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1880, лл. 6 об.— 7; д. 7909, лл. 7 об.— 8 об.

[170] Распространяемые французами слухи «сделали самое худое впечатление в народе и дворянстве»; «бояры, хотя действительно привязаны к России, начинают колебаться»,— писал Родофиникин Будбергу 6(18) августа и 1(13) октября 1806 г. (АВПР, ф. Канцелярия, д. 1880, л. 55—55 об.). Об известном успехе той профранцузской агитации, которую вели проживающие в княжествах греки, писал генералу И. И. Михельсону русский генеральный консул в Яссах Болкунов (там же, д. 1873, лл. 26).

[171] Чарторыйский Италинскому 16(28) мая 1806 г.; Италинский Чарторыйскому 16(28) июня. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 136—137 об.; д. 2258, лл. 185—187.

[172] О политике Наполеона в Иране в 1805—1806 гг. см. E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 170—185; V. Puryear. Op. cit., p. 41—60, 86; P. Shupp. Op. cit. p. 296, 435—437; О. П. Маркова. Восстание в Кахетии 1812 г., стр. 239—254, 259—262; А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 89—132.

[173] Письма Италинского Чарторыйскому 18 февраля (2 марта), 18(30) апреля, 18(30) сентября 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2257, лл. 154—158 об., 443 об.— 444; 1806 г., д. 2259, лл. 41—42 об., 65—67 об.

благоприятным для того, чтобы сбросить то, что они называют нашим игом» [174].

В середине сентября в составе турецкого правительства произошли некоторые изменения. Великим визирем стал Хильми Ибрагим паша, вышедший из янычаров. Усилились реакционные круги, враждебные реформаторским начинаниям Селима III, усилилась и профранцузская ориентация Порты.

Непосредственным поводом к конфликту между Россией и Турцией явилось решение ее сместить господаря Валахии К. Ипсиланти и господаря Молдавии А. Мурузи, что было нарушением привилегии княжеств — Порта в 1802 г. обязалась не смещать господарей досрочно (ранее 7 лет). Это решение наносило удар по влиянию и престижу России на Балканах, лишало ее важного политического орудия, содействовало антирусским планам Франции.

Русское правительство до конца стояло на том, что господарем Валахии должен быть только Ипсиланти (за Мурузи оно не держалось — он, как сказано, поддерживал связи с Францией). Россия своевременно предупредила, что она не допустит нарушения привилегий княжеств [175]. Но Франция требовала смещения господарей, и Турция в августе 1806 г. в прямом противоречии со своими обязательствами назначила вместо Мурузи и Ипсиланти новых господарей — кн. Калимаки и кн. Суццо. Ипсиланти Турция при этом обвинила в подстрекательстве сербов к возмущению и связях с мятежным рущукским аяном (градоначальником) Терсеникли-оглу [176]. Вовремя предупрежденный Италинским, господарь бежал в Россию.

Затем был нанесен новый удар по русско-турецкому союзу. Себастиани в ноте 4(16) сентября потребовал закрытия проливов для военного флота России [177], и турецкое правительство последовало французскому внушению [178]. Франция добилась осуществления своего заветного желания: кратчайший путь из черноморских портов к русским базам на Ионических островах был закрыт. Русские эскадры в Восточном Средиземноморье могли теперь получать подкрепления лишь кружным путем — через Атлантический океан и Гибралтар.

Петербург решил воздействовать на Порту силой. К этому пришли не сразу. Александр вначале упорно противился предложениям Чарторыйского о создании заслона для южных границ России. Наилучшим средством обороны русского юга Чарторыйский считал присоединение Молдавии и Валахии к России, а в качестве первого шага рекомендовал ввести в княжества русские войска. Соответствующий проект обсуждался уже в 1803 г. Канцлер А. Р. Воронцов тогда решительно возражал против него в связи с общей своей установкой на сохранение «слабого соседа» [179]. Но под влиянием успехов Наполеона он переменил точку зрения и неоднократно рекомендовал императору занять княжества [180].

В начале 1804 г. Чарторыйский снова выступил с аналогичными предложениями и повторил затем их в середине 1805 г.[181] С первых месяцев 1806 г. он в соответствии со своим общим планом активной политики на Балканах и в Восточном Средиземноморье с особой настойчивостью старался склонить императора к введению русских войск в княжества [182]. Но Александр, противник балканского плана, пока что отказывался от этого. Чарторыйский хотел бы, чтобы Италинский припугнул Порту тем, что в случае ее сближения с Францией Россия займет княжества, император же несколько раз вычеркивал такого рода предписания в проектах министерских инструкций в Константинополь [183]. Попытка Италинского заговорить с Портой

[174] Италинский Н. А. Строганову 4(16) сентября 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2260, лл. 45—46.

[175] Чарторыйский Италинскому 16(28) мая 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 134—136.

[176] Турецкая нота России 14(26) августа 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2258, лл. 431—432 об.

[177] I. de Testa. Op. cit., t. II, p. 279—281; P. Shupp. Op. cit., p. 153—154; V. Puryear. Op. cit., p. 104—105.

[178] Турецкие ноты Себастиани (1806 г., сентябрь); нота Порты Италинскому 14(26) сентября о закрытии проливов для русского военного флота; хатти-шериф Селима III (1806 г., сентябрь) АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2259, лл. 161—162, 59—64 об., 58—58 об.

[179] Записка А. Р. Воронцова 22 февраля (6 марта) 1803 г. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 508—511.

[180] Доклад А. Р. Воронцова 12(24) ноября 1803 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 413; его же «Замечания», 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 7855, лл. 8—9.

[181] Записка Чарторыйского 17(29) февраля 1804 г. Сборник РИО, т. 77, стр. 496; Чарторыйский Италинскому 3(15) января 1805 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1805 г., д. 2247, лл. 95—100.

[182] Сборник РИО, т. 82, стр. 249, 259—264, 292, 317—318, 323, 326—328, 338—339; А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 83; «Вопросы» 4(16) мая 1806 г.

[183] Так, император подверг подобной правке предписания Чар-

угрожающим тоном вызвала недовольство Александра [184]. Усиливавшиеся расхождения императора и Чарторыйского в вопросах внешней политики вносили непоследовательность и неопределенность в действия русской дипломатии в Константинополе.

Тем не менее такие меры турецкого правительства в первой половине 1806 г., как концентрация войск на русской границе, просьбы прекратить движение военных кораблей через проливы, отмена баратов, подействовали и на Александра. Франция явно брала верх в борьбе за влияние на Порту. Петербург решил поэтому изменить тактику и припугнуть турецкое правительство, не останавливаясь даже перед тем, что это может привести к разрыву с Турцией. Судя по предписаниям Чарторыйского Италинскому, уже в июне предполагалось, что конфликт неизбежен [185].

В июне 1806 г. Чарторыйский получил отставку [186]. Но сменивший его бар. А. Я. Будберг, безличный и бездарный чиновник, хотя и был противником «молодых друзей», в данном случае сходился с Чарторыйским во взглядах относительно необходимости действовать «вооруженною рукою».

Смещение господарей явилось сигналом к развязке. Александр, наставлял Италинского новый русский министр иностранных дел, решил, что пора «положить границы умеренности» и «с суровостию» потребовать от Порты, во-первых, восстановления господарей, а, во-вторых, полного разрешения всех спорных вопросов. Будберг обвинял Турцию в покушениях на установленные русско-турецкими договорами привилегии княжеств, в помехах русской торговле с Турцией, в ущемлении прав баратеров, в попытках нарушить конвенцию 21 марта 1800 г. об Ионической республике и привилегиях христианского населения городов Ионического побережья, в попустительстве насилиям и агрессии Али паши Тепелены, в назначении врага

торыйского Италинскому 3(15) января 1806 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 8—9) и проект рескрипта 1(13) марта (там же 1806 г., д. 2254, лл. 5—12 об.).

[184] Чарторыйский Италинскому 2(14) марта 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, л. 77.

[185] Чарторыйский Италинскому 1(13) июня 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 146—150.

[186] См. об этом ниже.

России контр-адмирала (патрона) Шермет бея командующим турецкой эскадрой в Ионическом море, в отказе заключить союзный договор с Англией и главное — в нарушении права русского военного флота на свободный проход через проливы [187]. Было, видимо, решено, что если Порта не примет русские требования в этих вопросах, то Россия начнет военные действия [188].

Италинский заговорил теперь в Константинополе другим языком и властно потребовал полного удовлетворения [189]. Турция сначала упиралась [190], но Италинский угрожал своим отъездом из Константинополя, что означало разрыв дипломатических отношений и войну. В середине октября Порта капитулировала, дав фирман о восстановлении господарей [191]. «Порта склонилась перед волей вашего императорского величества»,— с торжеством писал Италинский Александру I [192].

Но Петербург не спешил радоваться и отнюдь не считал дело решенным. Александр и его министры желали не одного лишь восстановления господарей, а полного разрешения всех спорных вопросов, как это и подчеркнул Будберг в своем предписании от 26 августа (7 сентября). До тех пор пока проливы оставались закрытыми для русского флота и турецкое правительство сохраняло профранцузскую ориентацию, конфликт с Турцией нельзя было

[187] Будберг Италинскому 26 августа (7 сентября) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 212—220 об. Цитируется в кн.: А. Петров. Война России с Турцией 1806—1812 гг., т. I. СПб., 1885, стр. 40—41.

[188] См. письма Будберга командующему русскими войсками на юге генералу И. И. Михельсону 27 августа (8 сентября) 1806 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1871, л. 26—26 об.) и Михельсона Будбергу 13(25) сентября (там же, 1806 г., д. 1879, л. 61). См. также Н. Дубровин. Материалы для истории царствования Александра I. «Военный сборник», 1864, № 4, стр. 209.

[189] Ноты Италинского Турции 16(28) августа, 17(29) сентября и 1(13) октября 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2258, лл. 422—429 об., 1806 г., д. 2259, лл. 141—143 об., 191—193. См. также Н. Дубровин. Материалы для истории царствования Александра I. «Военный сборник», 1864, № 4, стр. 210. Ср. E. de Hurmuzaki. Op. cit., vol. II, p. 350—353.

[190] См. ответную ноту Порты 14(26) сентября и хатти-шериф Селима III, 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2259, лл. 59—64 об.; 58—58 об.

[191] См. подробный рассказ об этих событиях в письме Италинского Будбергу 16(28) октября 1806 г. Там же, лл. 80—137.

[192] Италинский Александру I 6(18) октября. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2256, лл. 8—11.

считать ликвидированным [193]. Италинский поэтому вместо благодарности, которую он ожидал, получил от своего начальства разнос за то, что он удовольствовался малым [194].

Но, кроме указанных соображений, у России осенью 1806 г. была еще одна причина, в силу которой она оттягивала разрешение конфликта с Турцией. Русскому правительству стало известно, что Наполеон собирается занять Дунайские княжества и предназначает для этого дивизии генерала Мармона, находившиеся в Далмации [195].

Хорошо известный план Наполеона о переброске части его войск из Далмации за Дунай оформился лишь в начале 1807 г.— 17(29) января 1807 г. Наполеон писал об этом плане Талейрану, а начальник французского штаба маршал А. Бертье — Мармону [196]. Но примечательно, что Себастиани завел речь о переброске французских сил еще осенью 1806 г.: в упомянутой выше ноте Турции от 4(16) сентября он грозил, что если Порта откажется закрыть проливы для русского флота, Франция двинет свои войска на Днестр [197]. В декабре Себастиани уже торопил Мармона и требовал от Турции пропуска французских войск через ее территорию [198].

Россия в какой-то мере была осведомлена о наполеоновских планах. О них сообщал из Видина Бароцци [199]; к тому же Италинский переслал в Петербург копию ноты Себастиани от 4(16) сентября [200]. Нота Себастиани произвела на

[193] Будберг Италинскому 15(27) октября 1806 г. А. Петров. Война России с Турцией 1806—1812 гг., т. 1, стр. 68—69, 381—382.
[194] Там же, стр. 59.
[195] О наполеоновском плане переброски двадцатипятитысячного корпуса из Далмации через Боснию на Дунай см. E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 165—167, 219; A. Boppe. La mission de l'adjutant-commandant Mériage, p. 261, 263, 266; S. Bradisteanu. Op. cit., S. 130—162; V. Puryear. Op. cit., p. 132—133, 158; P. Shupp. Op. cit., p. 297, 439, 480—487.
[196] Correspondance de Napoléon, vol. XIV, N 11729, 11734; A. F. L. Marmont. Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III, p. 32—33, 87—89, 99—105.
[197] I. de Testa. Op. cit., t. II, p. 279—281.
[198] A. Boppe. La mission de l'adjutant-commandant Mériage..., p. 261.
[199] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7909, лл. 4 об.—5.
[200] См. глухой пересказ ноты Себастиани в работах Н. Ф. Дубровина («Сербский вопрос в царствование императора Александра I». «Русский вестник», 1863, т. 46, июль, стр. 95) и А. И. Михайловского-Данилевского («Описание турецкой войны с 1806 до 1812 года». Полное собр. соч., т. III. СПб., 1849, стр. 10—11).

русское правительство сильное впечатление. План Наполеона, видимо, стал предметом широкого обсуждения. Михельсон 19(31) октября писал Александру I: «Замыслы французов на Валахию и Молдавию явственны, их предприимчивость и быстрота известны... Ежели мы не упредим их до берегов Дуная, то ручаться нельзя, чтобы они нас не упредили, не овладели бы теми выгодами, кои нам принадлежат, и тогда трудно будет бороться» [201]. Того же мнения держался и Будберг: для России был бы гибельным удар французских войск со стороны Днестра, в то время как главные силы русских заняты на Висле. «Ясно, что мы должны ничего не упустить, чтобы предотвратить подобную катастрофу»,— писал он Италинскому в частном письме 15(27) ноября [202].

Желание опередить Наполеона, предотвратить французскую оккупацию княжеств играло важную роль в решении русского правительства не спешить примирением с Турцией и сначала занять княжества [203]. Царь рассчитывал вместе с тем, что это покажет готовность России к решительным действиям и заставит Турцию порвать с Францией.

Правительству Александра I сейчас нужно было не восстановление господарей, а предлог для вступления русских войск в княжества. Турция дала ему этот предлог, сместив господарей, и царь им воспользовался. 15(27) октября последовал приказ о занятии Молдавии и Валахии русскими войсками [204]. Депеши Италинского о капитуляции Турции пришли в Петербург 23 октября (4 ноября), когда была еще возможность задержать отданный приказ. Император этого не сделал, не сделал этого и Михельсон, хотя и он

[201] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1871, лл. 22 об.— 23. Цитируется А. Петровым (Война России с Турцией, т. 1, стр. 56). См. также письмо Михельсона Будбергу 19(31) октября 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1873, лл. 80—81.
[202] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 248—249. Цитируется А. Петровым (Война России с Турцией, т. 1, стр. 58—59). См. также официальное письмо Будберга Италинскому А. Петров. Война России с Турцией, т. 1, стр. 69—70.
[203] Ср. Н. И. Казаков. Полководческая деятельность М. И. Кутузова в период русско-турецкой войны 1806—1812 гг. (Кампания 1811 г.). В кн.: Полководец Кутузов. Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1955, стр. 86.
[204] А. Петров. Война России с Турцией, т. I, стр. 59—61, 375—377.

уже к 15(27) октября получил известие о восстановлении Мурузи и Ипсиланти [205]. 23 октября (4 ноября) Александр еще раз приказал занять княжества [206]. 11(23) ноября русские войска перешли Днестр.

Война с Турцией для русского общественного мнения не была неожиданностью. Еще в апреле 1806 г. «Вестник Европы» сообщил о вооружениях Турции на русской границе и прямо говорил, что «легко может последовать разрыв между двумя великими державами» [207]. Не было секретом и то обстоятельство, что занятие княжеств вызывалось необходимостью опередить Наполеона [208].

Непосредственный повод к русско-турецкой войне 1806—1812 гг.— реваншистская политика Порты, стремившейся отторгнуть от России Крым, поработить Закавказье, Молдавию, Валахию и Сербию. Продвижение России на Балканах, осуществлявшееся русским царизмом в интересах господствующего класса, объективно способствовало свержению султанского ига и ускорению капиталистического развития балканских стран — Греции, Сербии, Болгарии и др. Политика Турции была реакционной — целью ее было увековечение социально-экономического порядка, искусственно задерживавшего развитие входивших в состав Османской империи стран, из которых многие экономически опередили Турцию. Порта тщетно пыталась задержать наступление России. Резервом России были верившие в нее и тянувшиеся к ней славяне и греки, хотя для царизма они были лишь средством в его завоевательной политике.

Турция в начале XIX в. все больше теряла самостоятельность и инициативу в своей внешней политике и превращалась в орудие великих держав. Ответственность за возникновение русско-турецкой войны 1806—1812 гг. в значительной степени лежит на французской дипломатии.

[205] Михельсон писал об этом Будбергу 15(27) октября (АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1873, л. 79). Италинский, раздраженный неожиданным репримандом, упрекал Будберга за то, что приказ 15(27) октября не был приостановлен, хотя для этого была полная возможность. «Время объяснит то, что для меня поистине загадка»,— писал он (там же, 1806 г., д. 2259, лл. 511 об.—512).

[206] А. Петров. Война России с Турцией, т. I, стр. 380—381.

[207] «Известия и замечания», «Вестник Европы», 1806, ч. 26, № 8, стр. 317.

[208] См. переводную статью «Взгляд на политические отношения между Россией и Портой Оттоманской». «Вестник Европы», 1807, ч. 32, № 7, стр. 236—237.

Союз с Россией был полезен для Турции — ему она обязана спасением от французской агрессии в 1798—1799 гг. и мирной передышкой, позволившей Селиму III провести ряд реформ. Россия использовала союз для того, чтобы проникнуть на Ионические острова и закрепить за своим военным флотом право на проход через проливы. Трудно сомневаться в том, что при благоприятных обстоятельствах после окончательного поражения Наполеона царизм постарался бы использовать сильные позиции, полученные им в 1798—1806 гг., для дальнейшей экспансии на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Но до поражения Наполеона было еще далеко. Продление же мирной передышки было в интересах самой Турции. Война с Россией оказалась пагубной для реформ Селима III и довела до крайности бедствия турецких народных масс (как отмечает А. Ф. Миллер в своей работе о Байрактаре).

Позиция России в ходе конфликта менялась. Первоначально она войны не хотела. По мере того как усиливалось французское давление на Турцию и неизбежность войны становилась для России все очевиднее, она начала склоняться к более решительным мерам. В последний период конфликта Турция шла на частичные уступки, но правительство Александра I это уже не удовлетворяло. Восстановление господарей, на которое соглашалась Турция, не устраняло того, что с русской точки зрения было основным,— французской угрозы интересам царской России в Восточном Средиземноморье и на Балканах.

Россия, связанная войной на Западе, не могла выделить для действий против Турции значительных сил: численность армии Михельсона составляла около 40 тыс. человек (по списочному составу), Турция же могла противопоставить ей свыше 300 тыс. человек [209] (правда, значительную часть турецкой армии составляло плохо подготовленное и недисциплинированное ополчение).

Первые боевые действия протекали успешно. Русские войска в ноябре-декабре 1806 г. заняли Яссы, Хотин, Бендеры, Аккерман, Бухарест и начали осаду Измаила.

Отдавая приказ о переходе через Днестр, Александр I не считал это объявлением войны: он надеялся, что испуганная Турция порвет с Францией. Михельсон обратился к турецким пашам в княжествах и на Балканах с прокла-

[209] А. Петров. Война России с Турцией, т. I, стр. 130—132.

мацией провокационного содержания. Россией, говорил Михельсон, движут дружественные Турции чувства: она хочет лишь защитить ее от грозящей со стороны Наполеона опасности и отзовет свои войска, как только это будет достигнуто. Михельсон умело играл при этом на ненависти нашей к реформам Селима III: Наполеон — враг янычар, он способствует гонениям на них, говорилось в прокламации [210]. Прокламация произвела свое действие: паши Хотина, Бендер и Аккермана не оказали русским войскам сопротивления.

Одновременно Александр I постарался завязать связи с видинским пашой Пазванд-оглу и правителем Рущука Мустафой ага Байрактаром [211].

Русское правительство старалось уверить Порту, что Россия не ищет войны и желает сохранить союз с Турцией, а занятие княжеств вызвано лишь происками Франции. Это было не более, чем политическим расчетом, но в Петербурге и в самом деле надеялись, что Турция стерпит занятие княжеств и не отважится на разрыв, и старались поэтому действовать в княжествах возможно осторожнее. Когда гражданский губернатор Подолии ввел в Хотине и его округе русский порядок управления, Александр I отменил это распоряжение. Он хотел держать дверь открытой для ликвидации конфликта [212]. Еще в начале 1807 г. Будберг писал Михельсону «о желании е. в. дабы поскольку возможно избегать неприятельских действий и предохранять разрыв мира, пока оный явно не будет нарушен самою Портою». Будберг подчеркивал, что «княжества сии заняли мы временно не в том намерении, чтобы присоединить оные к России, и не с тем, чтобы отторгнуть их от Турции, но с тем, чтобы восстановить и права их, и доселе существовавший порядок, признавая их как и прежде в подданстве Порты» [213]. 15(27) декабря 1806 г. Турция объявила войну России. Но и после этого Михельсону было предписано воздерживаться от новых военных действий [214].

Надвигавшийся конфликт с Турцией, так же как и соперничество с Австрией и Францией, активизировали политику России по отношению к сербам. Связи с Австрией у сербов установились еще в 1804 г. В феврале 1806 г. сербское посольство побывало в Вене. Австрийский интернунций в Константинополе посредничал между сербами и Портой [215]. Наполеон буквально науськивал Селима III на сербов и обещал ему свою гарантию турецкого господства над Сербией [216], но в то же время ждал лишь часа, чтобы включить ее в орбиту своего влияния.

Россия еще до окончательного разрыва с Турцией начала действовать в сербском вопросе смелее и энергичнее, чем в 1804—1805 гг. Александр в письме Селиму III 30 апреля (12 мая) 1806 г. уже открыто заступался за сербов [217]. Россия удерживала Турцию от карательного похода на Сербию и побуждала Порту дать сербам автономное внутреннее управление (аналогичное привилегиям Дунайских княжеств) [218]. Осенью 1806 г. при посредничестве

---

[210] А. Петров. Указ. соч., т. 1, стр. 90—92, 397—399.

[211] Пазванд давно уже делал авансы России (см. письмо Чарторыйского Италинскому 3(15) ноября 1804 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1804 г., д. 2239, лл. 457—459 об.). Михельсону был послан составленный в Петербурге проект письма Пазванду. Вступление русских войск в княжества не означает войны, Россия надеется, что паша дружественно встретит ее войска, говорилось в нем (там же 1806 г., д. 1871, лл. 65—68 об.). На Байрактара предполагалось воздействовать через его приближенного армянина банкира Манука Мирзояна (Родофиникин, видимо, договорился с последним об этом) и через К. Инсиланти. См. письма Будберга Родофиникину 5(17) декабря 1806 г. (там же, 1806 г., д. 1879, л. 51—51 об.) и Будберга Михельсону 13(25) декабря 1806 г. (там же, 1806 г., д. 1871, лл. 205—206). Ср. письмо Михельсона Байрактару 19 ноября (1 декабря) 1806 г. (E. de Hurmuzaki. Op. cit., vol. II, p. 365—366). Но Пазванд вскоре умер, Байрактар же решил сопротивляться наступавшей русской армии. (См. письмо Будберга к Инсиланти от 1807 г., январь, без числа (там же, 1807 г., д. 1885, л. 53 об.). Ср. А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 127).

[212] Письма Будберга Италинскому 5(17) декабря 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 266—278 об. Одно из них цитируется А. Петровым (Война России с Турцией, т. I, стр. 112—113).

[213] Будберг Михельсону 30 декабря 1806 г. (11 января 1807 г.) и 13(25) февраля 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 1871, лл. 232—233 об.; 1807 г., д. 1885, лл. 44—45.

[214] Будберг Михельсону 16(28) января 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1885, л. 18—18 об.

[215] S. Gopčević. Russland und Serbien von 1804—1915. München, 1916, S. 63—36. О недовольстве Турции вмешательством Австрии см. донесения Италинского Чарторыйскому 31 марта (12 апреля) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2257, лл. 265—268 об.

[216] Наполеон Селиму III 19 ноября (1 декабря) 1806 г. Correspondance de Napoléon, vol. XIV, N 11338.

[217] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6234, лл. 2—5, 9—11.

[218] Н. Попов. Россия и Сербия..., ч. I, стр. 48; записка Чар-

России был заключен так называемый «Ичков мир», предоставлявший Сербии автономию [219].

С марта 1806 г. установились непосредственные связи между Михельсоном и главой восставших сербов Г. П. Кара-Георгием, просившим Россию о помощи. Россия послала сербам 13 тыс. червонцев и отправила к ним в качестве инструктора капитана русской службы Бея Новокрещенова (Угричича-Требинского).

Как только произошел разрыв с Турцией, Александр I решил, что пришло время оказать сербам прямую боевую помощь [220].

Кризис русско-турецких отношений заставил русскую дипломатию в Константинополе обратиться к Англии за поддержкой. Особым престижем Англия в Константинополе тогда не пользовалась. Турция в конце января 1806 г. отвергла ее предложения о возобновлении союзного договора, откровенно заявив, что боится мести Франции [221]. Содействие, оказанное Италинским английскому послу в Константинополе Ч. Арбатноту, не помогло [222]. Но Россия надеялась, что если Англия пригрозит послать на помощь России свой флот, то Порта уступит русским требованиям. Надежды эти не сбылись.

торыйского 11(23) января 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 275—278; Чарторыйский Италинскому 3(15) января и 3(15) февраля 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2255, лл. 4—9, 43—52; Италинский Чарторыйскому 16(28) марта 1806 г. Там же, 1806 г., д. 2257, лл. 242—246; нота Италинского Порте 19(31) марта 1806 г. (настояния на прекращении военных действий против сербов); ответная нота Порты 14(26) апреля. Там же, д. 2257, лл. 279 об.—281 об., 365—368 об.

[219] Договор этот не был утвержден ни Турцией, ни сербами в связи с началом русско-турецкой войны (см. А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 492 и Л. Добров. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПб., 1880, стр. 569—670).

[220] О связях России с сербами в 1806—1807 гг. (до Тильзита) см. А. Петров. Россия в борьбе Сербии за независимость. «Военный сборник», 1886, т. CLXVII, № 1, стр. 7—27; Н. Ф. Дубровин. Сербский вопрос в царствование императора Александра I. «Русский вестник», 1863, т. 46, июль, стр. 109—129; август, стр. 558—560.

[221] P. Shupp. Op. cit., p. 47—49. Письмо реис-эфенди Арбатноту 26 января 1806 г.; Италинский Чарторыйскому 18 февраля (2 марта) и 61 марта (12 апреля). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2257, лл. 78—81, 150—153, 270—272.

[222] Италинский требовал, чтобы Порта заключила договор с Англией. См. его ноту Турции 19(31) марта и письмо его Чарторыйскому 8(20) марта 1806 г. Там же, лл. 273—275, 180 об.—181.

Когда в августе 1806 г. в русско-турецких отношениях наступил кризис, Англия начала двойную игру. Цель ее заключалась в том, чтобы, во-первых, не допустить конфликта между Турцией и Россией — новая война означала частичное отвлечение русских сил с запада и могла привести к усилению России на востоке. Во-вторых, Англия хотела использовать момент для того, чтобы выступить в роли дипломатической посредницы и на этих правах взять под свой контроль русскую политику в Константинополе.

Действия Арбатнота в Константинополе служили этой программе, хотя, по-видимости, английский посол неплохо играл свою роль лояльного союзника и доброжелателя [223]. (Италинский не мог нахвалиться Арбатнотом [224], и в Петербурге он считался persona gratissima). После смещения господарей Италинский потребовал от Арбатнота поддержки, и он в ряде нот предупредил Порту, что Англия примет сторону России и пошлет на помощь ей свой флот. Но вместо того чтобы потребовать от Порты прямого, немедленного и гласного восстановления господарей (чего хотел от него Италинский), Арбатнот предложил обеим сторонам компромисс, по которому Селим III должен был обратиться к Александру I с личным письмом о своей готовности восстановить Ипсиланти и Мурузи [225]. Предложения Арбатнота означали перенос дела с восстановлением господарей в долгий ящик, и Порта, понятно, охотно их приняла, но по тем же причинам их наотрез отверг Италинский [226], несмотря на слезные мольбы британского посла («во имя бога, добрый и дорогой друг, согласитесь

[223] О позиции Арбатнота во время разрыва между Россией и Турцией см. P. Shupp. Op. cit., p. 149—152, 157—168, 237, 239, 242, 255, 259—264, 366—367; J. W. Zinkeisen. Op. cit., Bd. VII, S. 415—416; V. Puryear. Op. cit., p. 121—122.

[224] См. отзывы Италинского об Арбатноте в его письмах Строганову, Воронцову и Будбергу за 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6794, лл. 46—47 об.; д. 2260, л. 7—7 об.; д. 2259, лл. 515—516 об.

[225] Италинский Будбергу 16(28) октября 1806 г.; письма Арбатнота Италинскому 24 сентября (6 октября), 29 сентября (11 октября), 11(23) октября; письма и ноты Арбатнота реис-эфенди 17(29) сентября и 29 сентября (11 октября). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2259, лл. 80—137, 157—160 об., 165 об., 183—184, 144—147, 185—190.

[226] Италинский Арбатноту 29 сентября (11 октября) 1806 г. Там же, л. 187—187 об.

или на этот акт, или на другой, который Вы составите на подобной же основе... Я действую без инструкций и должен думать о своей собственной ответственности»,— писал ему Арбатнот) [227].

Арбатноту действительно приходилось действовать на свой собственный страх и риск: Лондон месяцами отмалчивался на его просьбы дать указания, какой тактики держаться. Турция об этом знала и не придавала большого значения демаршам Арбатнота, считая, что он не уполномочен на них своим правительством [228].

Когда стало ясно, что сохранить мир не удастся, тактика Арбатнота изменилась. Раньше он старался склонить Турцию на уступки, теперь же, напротив, стал призывать к умеренности Россию.

Все, что нужно, говорил он, уже достигнуто в результате его переговоров с Турцией, политика же России «несправедлива и неразумна» [229]. Между тем основные вопросы, вызвавшие конфликт, не были урегулированы, и Арбатнот это прекрасно знал.

После вступления русских войск в княжества Арбатнот почти не скрывал от Порты своего отрицательного отношения к этому шагу. По его совету Селим III в личном письме просил Георга III о сохранении мира между Англией и Турцией. Михельсону Арбатнот по просьбе реис-эфенди писал очень резкие письма, требуя вывода войск из княжеств [230].

Двусмысленное поведение Англии сыграло свою роль в возникновении русско-турецкой войны 1806—1812 гг. При желании английская дипломатия могла удержать Порту — она не решилась бы на разрыв, если бы верила, что Англия действительно начнет военные операции в поддержку России.

Правительство Гренвиля было недовольно действиями России во время разрыва и призывало ее к уступкам [231].

[227] Арбатнот Италинскому 29 сентября (11 октября). АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 2259, л. 183 об.

[228] Италинский Будбергу 18(30) сентября. Там же, лл. 43 об.— 44.

[229] Арбатнот командующему английским флотом на Средиземном море вице-адмиралу Коллингвуду 4(16) февраля 1806 г. The private correspondance of Admiral Collingwood. London, 1957, p. 200—201.

[230] А. Петров. Война России с Турцией, т. I, стр. 123—124, 130—131.

[231] Русский поверенный в делах в Лондоне Николаи Будбергу

При всем том оно не могло себе позволить испортить отношения с Петербургом. В августе 1806 г. умер Фокс, и новый статс-секретарь по иностранным делам Ч. Хоуик (будущий глава вигов лорд Грей) в ноябре предписал Арбатноту потребовать от Турции удовлетворения требований России [232]. Но Арбатнот получил эти инструкции лишь в январе 1807 г., когда Турция уже объявила войну России. Тщетно он требовал от Порты удаления Себастиани из Константинополя и возобновления союзного договора [233]. В конце ноября Англия, чтобы воздействовать на Турцию, послала к Константинополю небольшую эскадру во главе с Т. Луисом. Но турецкое правительство сомневалось в серьезном характере этих демонстраций. В конце января отношения Турции и Англии были порваны [234].

Так пришел к концу союз, соединивший восемь лет назад Россию и Турцию. В январе 1807 г. Босфор был закрыт не только для русского военного и торгового флота, но и для торговых кораблей иностранных держав [235], что причинило значительный ущерб русской черноморской торговле. Связь с русскими базами на Ионических островах и с эскадрой Сенявина теперь в значительной степени зависела от воли Англии — подкрепления им Россия могла направлять лишь через Гибралтар.

Позиции России в Восточном Средиземноморье с закрытием проливов и разрывом русско-турецкого союза были основательно подорваны.

3

Русско-турецкая война началась при самых невыгодных для России обстоятельствах: на западе к этому времени возобновились военные действия.

1(13) января 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6805, л. 61—61 об.; P. Shupp. Op. cit., p. 209, 210, 236, 357—359, 362.

[232] P. Shupp. Op. cit., p. 359, 363.

[233] Английская нота Турции 13(25) января 1807 г. E. de. Hurmuzaki. Op. cit., vol. II, p. 378—379.

[234] Историк-эмигрант Б. Муравьев считает, что войну между Россией и Турцией вызвали интриги Англии. Однако никаких аргументов для доказательства своей точки зрения он не приводит. B. Mouravieff. L'Alliance russo-turque au millieu des guerres napoléoniennes. Neuchatel, 1954, p. 216—217, 225—226.

[235] Циркулярная нота Турции 26 декабря 1806 г. (7 января 1807 г.). I. de Testa. Op. cit., t. II, p. 332—333.

На этот раз против Франции выступила Пруссия. Созданный Наполеоном Рейнский союз был ударом по прусским планам гегемонии в Германии. Попытки Берлина уравновесить Рейнский союз образованием Северо-Германского союза с Пруссией во главе встретили сопротивление Франции. К тому же во время мирных переговоров с Англией летом 1806 г. Наполеон обещал вернуть Георгу III Ганновер, и Пруссии это стало известно [236]. Политика сговора с Францией потерпела полный крах, и туповатый Фридрих Вильгельм III, чистосердечно убежденный, что Наполеон до сих пор одерживал победы лишь потому, что не имел дела с прусской армией, решился на войну.

Александр I не без радостного чувства следил за нарастанием франко-прусского конфликта. В июле 1806 г. царь и прусский король обменялись декларациями, подтверждающими русско-прусский союз. Пруссия дала гарантию целостности Турецкой империи в границах, установленных Пресбургским миром [237], т. е. обещала помогать России, если Франция нападет на Турцию.

Пруссия примирилась со Швецией и, сняв блокаду с устьев германских рек, начала мирные переговоры с Англией. Возникла четвертая антифранцузская коалиция России, Пруссии, Англии и Швеции.

Во время конфликта с Турцией Александра I вдохновляла надежда на новую коалицию. В значительной степени по этой причине царь на последнем этапе конфликта решил не идти в Константинополе ни на какие уступки. Но расчеты на то, что война с Пруссией свяжет руки Наполеону, были ошибочны. Исход франко-прусской войны решился с ошеломившей современников быстротой: в один и тот же день 2(14) октября 1806 г. Пруссия была на голову разбита в сражениях при Иене и Ауэрштедте. Французские войска вступили в Берлин.

Вслед за тем в борьбе Англии и Франции начался новый этап. Наполеон решил подорвать экономику Англии, закрыв для английского торгового капитала европейские

[236] А. Сорель. Указ. соч., т. VII. СПб., 1908, стр. 74—75; M. E. Bonnal. La diplomatie prussienne depuis la paix de Presbourg jusqu'au traité de Tilsit. Paris, 1880, p. 58.

[237] Шарлоттенбургская и Каменноостровская декларации 19 июня (1 июля) и 12(24) июля 1806 г. Ф. Мартенс. Указ. соч., т. VI, стр. 380—389.

рынки. По знаменитому берлинскому декрету 9(21) ноября 1806 г. была объявлена блокада «британских островов». Подчиненным Франции странам запрещалось вести торговлю с Англией. Континентальная блокада, предпринятая в интересах французской буржуазии, разоряла не только английских купцов — она наносила большой ущерб экономическому развитию стран континента.

Осенью 1806 г. военные действия шли на территории Польши — 15(27) ноября французы заняли Варшаву. Наполеон решил еще раз использовать поляков как боевую силу и как разменную монету в своей дипломатической игре с Россией и Пруссией. Я. Г. Домбровский и кн. Ю. Понятовский по его приказу начали формировать польские легионы. В прокламациях к полякам, в переговорах с польскими политическими деятелями Наполеон старался создать впечатление, что он готов восстановить Польшу. После взятия Варшавы 2(14) января 1807 г. была создана так называемая Правительственная комиссия (польский орган внутреннего управления), что, по замыслу Наполеона, должно было свидетельствовать об его намерении даровать полякам национальное правительство [238].

Надежды части польского шляхетства на Францию были призрачны. Наполеон был по существу враждебен национальным устремлениям поляков («он ненавидит все великие народы и еще больше дух независимости»,— говорил о нем Т. Костюшко) [239].

Все же игра Наполеона на польском вопросе серьезно встревожила русский царизм и заставила его считаться с возможностью восстановления Польши в своих международных расчетах.

Несмотря на то, что после поражения Пруссии Россия могла фактически рассчитывать лишь на собственные силы, она решила продолжать борьбу. Русская армия добилась успеха в сражении под Пултуском 14(26) декабря. В кровопролитном бою у Прейсиш-Эйлау 27 января (8 февраля) Наполеон оказался не в состоянии, несмотря на многократные атаки, поколебать русскую армию и отрезать от Кенигсберга.

[238] M. Handelsman. Napoléon et la Pologne, p. 18—19, 69—73, 87—88.

[239] Ibid., p. 14—15.

Неудачи антинаполеоновского лагеря, приближение театра военных действий к границам России взволновали русское общественное мнение [240]. Политическое возбуждение, вызванное Аустерлицем, возрастало. Национально-освободительные устремления патриотической молодежи Германии и Италии, выступившей на борьбу против наполеоновского господства, находили сочувственный отклик у русских людей. Усиливалось сознание, что и для России может возникнуть угроза наполеоновского завоевания. В московских книжных магазинах продавалась получившая широчайшую известность брошюра «Германия в глубоком унижении своем». В русском переводе она сопровождалась выразительным подзаголовком: «Сочинение, за продажу которого расстрелян по повелению Буонапарте книготорговец Пальм» [241].

Крепнет национальное чувство, задетое поражением под Аустерлицем. Ненависть к наполеоновской тирании, патриотический подъем наблюдает московский чиновник С. П. Жихарев, оставляющий о них незатейливые записи в своем дневнике [242]. На премьере трагедии «Дмитрий Донской» В. А. Озерова в зрительном зале разыгрываются горячие патриотические демонстрации [243]. Художник О. А. Кипренский пишет картину «Дмитрий Донской на Куликовом поле» (1805 г.). Н. И. Тургенев уже предчувствует «грозу двенадцатого года» (хоть и надеется, что она не разразится). «Мне кажется все,— пишет он в дневнике,— что Бонапарте придет в Россию, я воображаю санкюлотов, скачущих и бегающих по длинным улицам московским», и призывает всех, кто только в состоянии носить оружие, идти на войну против «нарушителя общего спокойствия» [244].

По глубокому выводу М. В. Нечкиной, международные события 1805—1807 гг. сыграли немалую роль в вызревании тех условий, в которых шло разграничение основных

[240] М. В. Нечкина. Москва в начале XIX века (1800—1811). В кн.: История Москвы, т. III. М., 1954, стр. 51—54.
[241] Там же, стр. 54.
[242] С. П. Жихарев. Записки современника, т. I. М.— Л., 1934, стр. 307, 321.
[243] Там же, т. II. М.— Л., 1934, стр. 31—33. Ф. Булгарин. Указ. соч., т. II, стр. 285, 303—304.
[244] Дневник Н. И. Тургенева. Запись 9(21) декабря 1806 г. Архив братьев Тургеневых, вып. 1, стр. 15.

лагерей русского общественного движения, в складывании патриотической идеологии будущих декабристов [245].

Александр I, вовсе не желавший раздражать «публику» (т. е. столичное дворянство), искал контакта с дворянским общественным мнением. В правительстве произошли важные перемены. В июне 1806 г. Чарторыйский оставил пост товарища министра иностранных дел (сохранив свое место в Сенате и Государственном совете). По предварительному соглашению с Чарторыйским сразу же демонстративно потребовал отставки с поста товарища министра юстиции и Новосильцов [246]. За ними последовал товарищ министра внутренних дел Строганов (он был в это время в Лондоне), столь недовольный действиями императора, что он подумывал даже о полном разрыве с правительством и об эмиграции [247]. С. Р. Воронцов также резко порицал Александра за отставку Чарторыйского и Новосильцова, роковую, по его мнению, для России и самого царя [248], и осыпал «князя Адама» знаками внимания и сочувствия.

Отставка «молодых друзей» была данью крайним консерваторам, которые видели «якобинизм» даже в слабых и фактически нереализованных реформаторских потугах, направленных на укрепление основ дворянско-крепостнической России. Вместе с тем она развязала руки императору и в области внешнеполитической: покладистый Будберг не тревожил его призывами к решительным действиям на Балканах, к быстрой и энергичной помощи славянам и грекам, как это делал Чарторыйский. Но у Александра левая рука не всегда знала, что делает правая. Уволив Чарторыйского, Строганова и Новосильцова, он отнюдь не перестал прислушиваться к их советам. Столь важные меры, как занятие Дунайских княжеств русскими войсками и распространение декларации Михельсона,

[245] М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I. М., 1955, стр. 93.
[246] Новосильцов Строганову 27 июня (9 июля) 1806 г. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 174.
[247] «Я скорее уеду в Индию или в Америку, чем вернусь...»,— писал он жене гр. С. В. Строгановой 17(29) июля 1806 г. Там же, стр. 208. В письме С. Р. Воронцову 21 августа (2 сентября) Чарторыйский писал, что «наши друзья» хотят на время покинуть Петербург. Архив кн. Воронцова, т. 15, стр. 423.
[248] Воронцов Строганову 12(24) июля 1806 г. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 147.

были осуществлением предложения Чарторыйского — он рекомендовал это в записке «Размышления относительно Турции», написанной еще в июле 1806 г.[249].

Занятие Дунайских княжеств русскими войсками, предпринятое в ноябре 1806 г., также было давней мыслью Чарторыйского.

Сокрушительные удары Наполеона по прусской армии поколебали часть русской правительственной верхушки. Начали поговаривать, что затяжка войны может привести к беде, что вслед за Пруссией может наступить очередь самой России, что лучше пока не поздно заключить мир. Престиж царя стал падать, ропот усиливался. Велись громкие и открытые споры, продолжать ли войну, заключить ли мир[250]. Ростопчин в конце 1806 г. писал Александру о распространении оппозиционных настроений[251]. 11(23) ноября Новосильцов, Строганов и Чарторыйский подали Александру темпераментную записку[252]. «Россия в опасности, в опасности великой, необыкновенной. После столетних побед и триумфов пределы империи угрожаемы близким нападением сильного врага»,— писали они. Пруссия на краю гибели; французы идут на Варшаву, можно ожидать восстановления Польши и восстания в губерниях, присоединенных к России по разделам; на юге возможно движение французских войск на Днестр и турецкий десант в Крыму. Могут помочь «одни великие и сильные меры». За прозрачными намеками на то, что общественное (т. е. дворянское) мнение не доверяет власти, следовал тонкий совет «привесть в действие все способы..., воспламеняя дух народный и обращая всеобщее мнение на причины, цель и необходимость войны», т. е. привлечь на свою сторону общественное мнение и разъяснить ему, что война имеет оборонительный характер. «Молодые друзья» советовали царю внести единство в управление, преобразовать министерства военное и иностранных дел, поставив во главе их людей, пользующихся общим доверием, и что особенно важно — создать временное ополчение. В области внешней политики рекомендовалось создание польского королевства с Александром I во главе (т. е. личная уния Польши и России) и укрепление связей с союзниками по коалиции.

[249] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7898, лл. 1—11 об. Чарторыйский не представил эту записку императору, но он мог изложить ее содержание Александру I лично.

[250] См. запись в дневнике С. П. Жихарева 3(15) февраля 1807 г. С. П. Жихарев. Записки современника, т. II, стр. 60—63.

[251] А. В. Предтеченский. Указ. соч., стр. 218.

[252] Записка трех товарищей министров императору Александру I. «Русская старина», 1894, август, стр. 212—216 (Подчеркнуто нами).

Александр до известной степени принял во внимание мнение «неразлучных» (так в придворных кругах называли Чарторыйского, Строганова и Новосильцова). 30 ноября (12 декабря) 1806 г. был опубликован известный манифест о создании «повсеместных временных ополчений или милиции» численностью в 612 тыс. человек[253]. В исторической литературе не отмечено должным образом, что манифест этот был едва ли не первым в практике русских самодержцев открытым обращением к общественному мнению, демагогической попыткой использовать его для борьбы с Наполеоном. Поражения Австрии и Пруссии, говорилось в манифесте, «показывают ныне необходимость в мерах необыкновенных, в усилиях великих и твердых, которые внушаемы могут быть единственно ревностнейшею любовью к отечеству, духом мужества и истинным ревнованием славы». За этим следовала совсем уж необычная для царизма декларация о... значении патриотического подъема для обороны страны: «Таковыми только чувствованиями воспламененный и движимый народ поставить может повсеместным ополчением непроницаемый оплот противу враждебных сил, сколь бы они велики ни были». Пруссию и Австрию царь критиковал за... недооценку роли народа в войне: их погубило «нерадение о составлении таковых внутренних вооружений».

Чтобы склонить к себе общественное мнение, царизм привлек церковь: синоду указом 6(18) декабря[254] было приказано призвать верующих содействовать ополчению и разъяснить его оборонительные цели: «Да внушают им, что не искание тщетной славы, но безопасность наших пределов, безопасность отечества, их собственное личное благосостояние влагают им в руки оружие». Послушный царской воле синод приказал читать в церквах высокопарное «Объявление», в комически-торжественных выражениях провозглашавшее Наполеона антихристом и

[253] ПСЗ, т. XXIX, № 22374 (Подчеркнуто нами).

[254] ПСЗ, т. XXIX, № 22394.

лжемессией и призывавшее показать ему, «что он тварь, совестию сожженная и достойная презрения» [255].

Лицемерные обращения Александра I к народу, подсказанные, видимо, названной запиской «молодых друзей», были продиктованы желанием создать в противовес передовым идеям охранительную идеологию. Официальная теория «самодержавия, православия и народности», единства царя и народа, ставшая знаменем николаевской реакции, начала складываться еще в первые годы XIX в., и манифест 30 ноября был, на наш взгляд, одним из первых ее документов.

Рост патриотических настроений нашел выражение в притоке пожертвований в фонд ополчения — их вносили не только дворяне, но и купцы, чиновники, казенные крестьяне [256]. Однако дворянство было недовольно организацией ополчения — оно стоило денег и отвлекало рабочие руки. «Нет никого, кроме водимых видами личных выгод или легкомыслием, кто бы не находил учреждение милиции тягостным и могущим расстроить общее хозяйство и мирность поселянской, особливо, жизни»,— писал Александру I сенатор И. В. Лопухин [257] (ему был поручен надзор за организацией ополчения в центральных губерниях).

Сильное возбуждение вызвал манифест 30 ноября среди крепостных крестьян, толковавших его как освобождение ополченцев от крепостной зависимости.

Но наряду с демагогическим обращением к «обществу», царь не пренебрегал и другими хорошо испытанными средствами. 13(25) января 1807 г. к вящей радости «благонамеренных» был для борьбы с «крамолой» учрежден Комитет общей безопасности [258].

[255] ПСЗ, т. XXIX, № 22394.

[256] В «Санктпетербургском журнале» в 1807 г. из номера в номер сообщались сведения о «приношениях для милиции». В списках жертвователей встречаются чисто плебейские имена. «Санктпетербургский журнал», 1807, т. I, стр. 131—136; т. IV, стр. 143—145; т. VI, стр. 105—109; т. VII, стр. 142—146; т. VIII, стр. 117—122; т. XII, стр. 130—135. См. также И. А. Горповский. Сто лет назад. «Русский архив», 1904, кн. 7, стлб. 534—554.

[257] Записки И. В. Лопухина. «Русский архив», 1914, кн. 1, стлб. 320.

[258] «Слава богу! Пора обуздать болтовню людей неблагонамеренных»,— писал Жихарев 17(29) января 1807 г. С. П. Жихарев. Указ. соч., т. II, стр. 37.

* * *

Возобновление войны с Францией побудило союзников снова обратить внимание на Австрию, тем более что Наполеон в канун прусской кампании предложил Вене союзный договор [259]. После разгрома Пруссии Александр I удвоил усилия, чтобы склонить Австрию к выступлению против Наполеона. В Вену был направлен недавно принятый на русскую службу корсиканец-эмигрант гр. К. О. Поццо ди Борго, которому, равно как и Разумовскому, было поручено рассеять подозрения Австрии относительно завоевательных планов России на Ближнем Востоке [260].

Миссия Поццо ди Борго оказалась нелегкой — русско-турецкая война сделала Вену особенно подозрительной [261]. Чтобы нейтрализовать Австрию, Поццо ди Борго в конце сентября намекнул, что Россия не будет возражать, если Австрия захочет взять из «турецкого наследства» Сербию, Боснию и турецкую Хорватию (себе Россия в этом случае предназначала Дунайские княжества) [262]. Со стороны Александра I то был лишь дипломатический зондаж, и Австрия, видимо, поняла это, решительно отвергнув заманчивые посулы.

Англия усиленно старалась сгладить русско-австрийские расхождения — они мешали присоединению Австрии к коалиции, что было целью английской политики в Вене. Английские дипломаты А. Пэйджет и сменивший его Р. Эдэр упрашивали Разумовского и Поццо ди Борго возвратить Котор Австрии [263]. В декабре 1806 г. Р. Эдэр предложил Австрии английское посредничество и гарантию того, что Англия не допустит каких-либо агрессивных актов против Турции [264]. России приходилось, таким образом, быть готовой к тому, что Англия на правах союзника и посредника окажет в восточных делах поддержку настороженно враждебной Австрии.

[259] A. Beer. Zehn Jahre..., S. 242, 250—252.

[260] А. Васильчиков. Указ. соч., т. IV, ч. 2, стр. 275—277, 283.

[261] Там же, стр. 239—242, 321—324; A. Beer. Die orientalische Politik Österreichs seit 1774, S. 166—167.

[262] A. Beer. Die orientalische Politik Österreichs seit 1774, S. 165, 168.

[263] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. II, стр. 504; P. Shupp. Op. cit., p. 85, 209.

[264] P. Shupp. Op. cit., p. 311—316; R. Adair. Historical Memoir of Mission to the Court of Vienna in 1806. London, 1844, p. 161, 168—169, 184.

* * *

Война между Россией и Турцией окрылила Наполеона: у него возник теперь широкий план одновременного удара по России на Черном море, в Закавказье и на Дунае [265].

Вновь ожили выдвигавшиеся еще во времена Директории планы вытеснения России из Северного Причерноморья. Наполеон горел желанием разрушить русские порты на Черном море, подорвать черноморскую торговлю России. В письме Селиму III он убеждал султана сделать центром операции турецкого флота Черное, а не Средиземное море [266]. На помощь Турции Франция предлагала послать шесть французских военных кораблей [267]. У Наполеона в это время появилась далеко идущая мысль: под предлогом защиты Константинополя он обещал Селиму III послать в турецкую столицу своих офицеров и артиллерию [268]. Это должно было служить Франции новым рычагом воздействия на Порту.

Немало усилий Франция положила и на то, чтобы осложнить положение России в Закавказье. И шаха, и султана Наполеон подстрекал к атаке на Грузию. Для этого он предполагал использовать не только турецкие и иранские войска, но и силы мелких феодальных владетелей Закавказья, и в частности абхазского владетеля Келешбека [269]. Франция завязала также связи и с антирусски настроенными грузинскими феодалами [270].

Наполеон все еще пытался осуществить план переброски частей Мармона из Далмации в Дунайские княжества. С этим, однако, дело у него не ладилось. Селим III был готов согласиться на проход французов через турецкие владения, но янычары и улемы (представители высшего мусульманского духовенства) видели в этом измену заповедям корана. Против пропуска французских войск были и местные турецкие паши, в особенности Байрактар [271]. Лишь нового видинского пашу Моллу, сменившего Пазванд-оглу (он умер в начале 1807 г.), Мерьяжу удалось склонить в пользу французского проекта. Турции Наполеон обещал не заключать мира с Россией, пока не будет восстановлена власть Порты в княжествах [272].

Осуществление французских планов принесло бы величайшие бедствия народам Грузии, Молдавии и Валахии.

Цель комбинированного удара на Дунае, в Закавказье и на Черном море состояла прежде всего в том, чтобы отвлечь силы России с западного театра войны. Но французские кущы несомненно поспешили бы проникнуть на побережье Каспийского и Черного морей, если бы только французским солдатам удалось вытеснить оттуда Россию.

С началом русско-турецкой войны военный союз Турции и Ирана стал казаться Наполеону еще более желанным [273].

При сложившейся обстановке царизму не приходилось рассчитывать на территориальные приобретения за счет Турции. Затягивание войны становилось ненужным, и русское правительство было готово заключить мир, если только Турция согласится восстановить довоенное положение, т. е. возобновить союз с Россией и Англией, порвать с Францией, отменить решение о закрытии проливов.

Наилучшим средством к тому, чтобы заставить Турцию возможно скорее согласиться на эти условия, в Петербурге считали мощный комбинированный удар русского флота и десантных войск по Константинополю. В конце 1806 г. был принят проект прорыва через Босфор

---

[265] Этот план изложен в письме Наполеона Селиму III 8(20) января 1807 г. (Correspondance de Napoléon, vol. XIV, N 11671) и в инструкции Талейрана Себастиани от того же числа (I. de Testa. Op. cit., t. II, p. 290—291).

[266] Наполеон Селиму III 26 марта (7 апреля) 1807 г. Correspondance de Napoléon, vol. XV, N 12324.

[267] Наполеон Талейрану 17(29) января 1807 г. Correspondance de Napoléon, vol. XIV, N 11729. I. de Testa. Op. cit., t. II, p. 293; V. Puryear. Op. cit., p. 131—133.

[268] А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 171—172.

[269] Наполеон Фетх-Али 5(17) января 1807 г. Correspondance de Napoléon, vol. XIV, N 11651. Талейран Себастиани 8(20) января.

[270] О. П. Маркова. Восстание в Кахетии в 1812 году..., стр. 220—223.

[271] E. de Hurmuzaki. Op. cit., vol. II, p. 413, 415, 421. A. Boppe. La mission de l'adjutant-commandant Mériage à Widin..., p. 274—275. S. Bradisteanu. Op. cit., S. 167—168.

[272] Наполеон Селиму III 30 октября (11 ноября) 1806 г. Correspondance de Napoléon, vol. XIII, N 11232.

[273] Наполеон Селиму III 22 марта (3 апреля). Ibid., vol. XV, N 12277. Он же Фетх-Али 5(17) января и 22 марта (3 апреля) 1807 г. Ibid., vol. XIV, N 11651 и vol. XV, N 12278. См. также А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 145—147.

и Дарданеллы с последующей атакой на Константинополь.

Чичагов в январе 1807 г. дал вице-адмиралу П. В. Пустошкину предписание пройти Босфор и высадить десант в Буюкдере. Одновременно в инструкции от 8(20) января и 20 января (1 февраля) 1807 г. Чичагов предписал Сенявину провести свою эскадру через Дарданеллы, совершить высадку в Сан-Стефано и на время занять Константинополь с тем, чтобы заставить Турцию заключить мир[274].

Проект Босфорской операции скоро отпал: главный командир черноморского флота и портов адмирал маркиз И. И. де Траверсе и генерал-губернатор Новороссийского края герцог Э. Ришелье сообщили в Петербург, что предназначенные для экспедиции войска ни по численности, ни по подготовке не отвечают этой задаче. Не был готов и черноморский флот — в начале 1807 г. он насчитывал лишь 6 линейных кораблей и 6 фрегатов[275]. Тем большее значение придавалось Дарданелльской операции, возложенной на Сенявина.

В конце 1806 г. русская средиземноморская эскадра составляла 14 линейных кораблей и 5 фрегатов, численность же сухопутных войск достигала 13 тыс. человек[276]. Между тем Турция располагала сильным, хорошо вооруженным флотом, стоявшим на значительно более высоком уровне, чем турецкая армия. По сведениям Сенявина, турецкий флот насчитывал 18 линейных кораблей и 6 фрегатов[277].

Осуществить столь рискованную операцию, как прорыв через Дарданеллы, при таком соотношении сил было

[274] Н. Каллистов. Прорыв через Дарданеллы и Босфор и взятие Константинополя с моря как первоначальная руководящая идея в плане войны России с Турцией 1806—1812 гг. «Морской сборник», 1910, № 1, отдел неофициальный, стр. 13—15, 21—28; Д. М. Афанасьев. К истории черноморского флота (1768—1816). «Русский архив», 1902, кн. 2, стлб. 258—259. См. также записку Чичагова 18(30) декабря 1806 г. Сборник РИО, т. 82, стр. 484—485.

[275] Д. М. Афанасьев. Указ. соч., стр. 258.

[276] А. Л. Шапиро. Адмирал Д. Н. Сенявин, стр. 178.

[277] Сенявин Александру I 14(26) марта 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1908, л. 6 об. А. Л. Шапиро исчисляет турецкий флот в 16 линейных кораблей и 10—16 фрегатов. (Указ. соч., стр. 174).

трудно: для успеха ее наступающая сторона должна была бы располагать безусловным превосходством. Русское правительство решило обратиться к Англии с просьбой придать в помощь Сенявину несколько английских кораблей.

Вопрос об экспедиции английской эскадры в Мраморное море был поднят давно — от Аустерлица и до разрыва с Турцией осенью 1806 г. русское правительство без конца обращалось в Лондон с просьбами о военной демонстрации в Дарданеллах с тем, чтобы внушить страх Турции и побудить ее порвать с Францией[278].

После долгих проволочек настояния России, а также мольбы Арбатнота, все время писавшего в Лондон, что британский престиж в Константинополе пострадает, если Англия не подкрепит дипломатические демарши внушительной морской демонстрацией, в конце концов оказали действие — в октябре 1806 г. английское правительство решило послать эскадру к Константинополю и уведомило об этом Россию. Это означало победу русской дипломатии над упорным нежеланием англичан поддержать средиземноморскую политику России.

Остался, однако, нерешенным важный вопрос, будут ли русские и английские военно-морские силы, направленные в Дарданеллы, подчинены единому командованию, или же обе эскадры будут действовать самостоятельно. На первом варианте настаивало русское правительство[279]. По его замыслу в Дарданелльской экспедиции эскадре Сенявина отдавалась главная роль, английской же эскадре — подчиненная. Но английское правительство держалось мнения прямо противоположного, считая, что корабли Сенявина должны быть не более, чем придатком к английской эскадре и влиться в нее[280]. В конце концов дело

[278] Чарторыйский С. Р. Воронцову 19 февраля (3 марта) 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 6788, лл. 104—106; С. Р. Воронцов Фоксу 6(18) апреля. Там же, 1806 г., д. 6790, л. 387; Строганов Чарторыйскому 16(28) апреля. Вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов, т. III, стр. 15; Будберг Строганову 14(26) августа. Там же, стр. 135; Италинский С. Р. Воронцову. Архив кн. Воронцова, т. 20, стр. 309—314.

[279] Сборник РИО, т. 82, стр. 486—487; Русская нота Англии 8(20) января 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 4331, лл. 3—6 об.; Будберг русскому поверенному в делах в Лондоне Николаи 11(23) января. Там же, д. 6804, лл. 22—31.

[280] Гренвиль статс-секретарю по иностранным делам Хоуику 1(13) ноября 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 4328, лл. 191—

свелось к тому, что командование обеих эскадр действовало самостоятельно. В исходе Дарданелльской операции это сыграло роковую роль.

Английское правительство вознамерилось использовать экспедицию в Дарданеллы для проникновения в Восточное Средиземноморье. Инструкции вице-адмиралу Дж. Т. Дакуорту, возглавлявшему дарданелльскую эскадру, имели весьма недвусмысленный вид. Дакуорту было приказано потребовать от Турции возобновления союза с Россией и Англией, удовлетворения требований России и — самое главное — выдачи английскому командованию турецкого флота и кораблестроительных материалов. Если бы Турция проявила упорство, Дакуорт должен был бомбардировать Константинополь.

Нет надобности подробно описывать хорошо известную историю Дарданелльского прорыва [281]. Напомним читателю лишь основные факты. 7(19) февраля 1807 г., не дожидаясь Сенявина, английская эскадра под командованием вице-адмирала Дакуорта в составе 7 линейных кораблей, 2 фрегатов и 2 бомбардировочных кораблей (десантных войск у Дакуорта не было) с боем прорвалась через Дарданеллы и стала на якорь у Принцевых островов в 8 милях от Константинополя. 9(21) февраля Арбатнот вручил Порте ультиматум, в котором требовал выдачи турецкого флота и шестимесячных запасов кораблестроительных материалов, установления контроля Англии над проливами, высылки Себастиани, согласия на оставление русских войск в княжествах до заключения общего мира.

192 об. Командующий английским флотом на Средиземном море вице-адмирал Коллингвуд потребовал от Сенявина, чтобы он послал в его распоряжение четыре корабля для операции в Дарданеллах. Сенявин отказался и выдвинул контрпредложение о присоединении английских кораблей к его эскадре (Н. Каллистов. Прорыв через Дарданеллы... «Морской сборник», 1910, № 1, стр. 17—18; Коллингвуд Дакуорту 1(13) января 1807 г. A Selection from the Public and Private Correspondence of Vice-admiral Lord Collingwood, vol. I. London, 1828, p. 359—360; см. также. P. Shupp. Op. cit., p. 304—308 и P. Mackesy. Op. cit., p. 177—178. Макези неправ, утверждая, будто Сенявин получил приказ присоединиться к английской эскадре).

[281] См. А. Л. Шапиро. Адмирал Д. Н. Сенявин, стр. 191—197; V. Puryear. Op. cit., p. 113, 128, 134, 139—146; P. Shupp. Op. cit., p. 354—391; E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 89—100; J. H. Rose. Admiral Duckworth's Failure at Constantinople in 1807. «The Indecisiveness of Modern War». London, 1927, p. 156—179; P. Mackesy. Op. cit., p. 154—181.

Инструкции предписывали Дакуорту дать Порте на решение лишь тридцать минут и затем начать обстрел Константинополя. Вместо этого англичане начали переговоры, затянувшиеся на много дней. Тем временем турки, которых подгонял Себастиани, развивший необычайную энергию [282], с большим подъемом и редкой для них быстротой укрепляли оборону столицы. С 5(17) по 15(27) февраля на побережье Дарданелл было дополнительно установлено 306 пушек и 6 мортир; Порта призвала под ружье 100 тыс. человек.

Дакуорт слал Порте одну за другой грозные ноты (сокращая в то же время свои требования — под конец он настаивал лишь на высылке Себастиани и возобновлении союзного договора), но продолжал бездействовать. В конце концов стало ясно, что шансы на успех экспедиции окончательно потеряны. В ночь на 18 февраля (2 марта) английский флот ушел из Константинополя. При проходе Дарданелл на обратном пути эскадра Дакуорта была обстреляна турецкими батареями и потеряла около трехсот человек убитыми и ранеными. Себастиани имел все основания смеяться над англичанами, когда писал Мармону: «Мы тешили англичан переговорами ровно столько времени, сколько было необходимо, чтобы привести столицу в состояние обороны» [283].

Бесславный исход начатой с такой помпой английской экспедиции поставил кабинет Гренвиля в крайне неловкое положение. В парламенте был поднят вопрос о причинах ее провала [284].

Действия английского командования под Константинополем были настолько нелепы, что стали казаться загадочными и преследующими какие-то тайные цели. Говорили даже, что Дакуорт был подкуплен турками.

Безусловно, попытка одними лишь военно-морскими силами заставить Константинополь капитулировать имела мало шансов на успех. Военные специалисты-современни-

[282] A. de Juchereau de Saint-Denys. Op. cit., vol. II. Paris, 1819. p. 75—76; J. T. de Mesmay. Horace Sébastiani. Paris, 1948. p. 62—67; P. Coquelle. Sébastiani, ambassadeur à Constantinople. Revue d'histoire diplomatique, dix-nutième année, 1904, N 4, p. 585—589.

[283] Marmont. Mémoires du maréchal duc de Raguse, t. III, p. 97.

[284] Cobbet's Parliamentary Debates, vol. X. London, 1808, p. 384—385, 487—534.

ки не считали, впрочем, ее безнадежной и полагали, что в момент появления английского флота перед Константинополем турки были беззащитны [285].

Очевидно, во всяком случае, что для успеха экспедиции были необходимы крупные военно-морские силы и десантные войска. Если бы Дакуорт, вместо того чтобы в одиночку идти на Константинополь, дождался Сенявина, то экспедиция располагала бы двойным количеством линейных кораблей и двухтысячным десантным войском. Но именно соединения с эскадрой Сенявина Дакуорт и не хотел: англичане стремились одни распоряжаться в Константинополе и проливах.

К тому же англичане надеялись, что дело вообще обойдется без военных действий. Дакуорту было предписано подчиняться Арбатноту, который предпочитал все уладить одними лишь дипломатическими переговорами. Еще до подхода эскадры Дакуорта Арбатнот фактически обрек ее на бездействие. «У меня было тайное желание помешать употреблению наших морских сил»,— писал он, указывая на то, что турецкие войска успешно укрепляют Дарданеллы и военные действия против Турции становятся делом все более рискованным [286]. Да и сам Дакуорт еще до прорыва через Дарданеллы говорил, что он сомневается в возможности успеха [287].

В провале экспедиции сыграли свою роль как факторы стратегические (численная недостаточность эскадры Дакуорта, отсутствие у него десантного войска), так и политические (желание английского командования действовать самостоятельно, без Сенявина, с тем, чтобы завладеть — хотя бы на время — Константинополем и проливами, а также расчет на дипломатические переговоры). Факторы политические, однако, преобладали [288].

[285] Так думал Коллингвуд (см. A Selection from the Public and Private Correspondence..., vol. II. London, 1828, p. 25. Private Correspondence of Admiral Lord Collingwood. London, 1957, p. 206). В том же духе рассуждал и Себастиани. Еще 9—10 (21—22) февраля Дакуорт мог бы заставить Турцию капитулировать, писал он Талейрану (P. Shupp. Op. cit., p. 387—388).

[286] Арбатнот Хоуику 5(17) февраля 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 2263, лл. 78—79 об. (копия). См. также J. H. Rose. Admiral Duckworth's Failure at Constantinople..., p. 169; P. Mackesy. Op. cit., p. 170.

[287] P. Mackesy. Op. cit., p. 169—170.

[288] Английская и американская историография обеляет роль

Действовали и естественные условия — Дакуорт жаловался на штиль и безветрие, не дававшие возможности приблизиться к Константинополю. Но думается, что «ни при какой погоде» (говоря словами С. Есенина) не могли бы добиться успеха в опасной военной операции руководители, больше всего боявшиеся, подобно Дакуорту и Арбатноту, действовать военными средствами.

Дарданелльская экспедиция показала, что в русско-английских отношениях борются две тенденции. Россия и Англия в принципе признавали сотрудничество в Восточном Средиземноморье необходимым ради общих интересов борьбы против Наполеона. Но на практике взаимодействие оказывалось неосуществимым: и английское, и русское командование видело в партнере по союзу не союзника, а соперника и предпочитало действовать в одиночку.

Тем временем Сенявин шел к Дарданеллам [289]. 23 февраля (7 марта) обе эскадры встретились у острова Тенедоса, и ошеломленный русский флотоводец в растерянности слушал страшную повесть о подвигах Дакуорта у Принцевых островов [290]. Сенявин все же решил попытаться пройти Дарданеллы и обратился к Дакуорту с просьбой усилить его эскадру 5—6 линейными кораблями и несколькими фрегатами, доказывая, что если и невозможно взять Константинополь с моря при сравнительно небольшом числе кораблей и десантных войск, то все же можно внезапным ударом принудить турецкое правительство к капитуляции и заключению мира (а это и было, как мы помним, целью русского правительства). Но ничто не могло склонить Дакуорта к повторению поиска на Константинополь — теперь, с его точки зрения, это было и вовсе не нужно, так как

английского командования и английский ультиматум в Дарданелльской операции (см. P. Shupp. Op. cit., p. 387—388; P. Mackesy. Op. cit., p. 179—181) и без всяких оснований сваливает вину за провал ее на Сенявина, не сумевшего будто бы вовремя прибыть на соединение с Дакуортом (см. J. H. Rose. Admiral Duckworth's Failure at Constantinople..., p. 160—161).

[289] Сенявин в свою очередь решил прорваться через Дарданеллы один, без англичан и так спешил с этим, что не стал дожидаться предписаний Петербурга, а, по своему обыкновению, принял самостоятельное решение. О том же, что Дакуорт уже на путях к Константинополю, Сенявин, направляясь к Дарданеллам, еще ничего не знал (Н. Каллистов. Указ. соч., «Морской сборник», 1910, № 1, стр. 17).

[290] Сенявин Александру I 14(26) марта 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1908, л. 5—5 об.

отдало бы турецкую столицу и проливы во власть русских [291].

В русско-английских отношениях скандальный провал Дарданелльской операции оставил глубокий след. И не только потому, что это означало серьезную военную неудачу, срыв долго обдумывавшегося плана. Русское правительство упрекало англичан (и с полным основанием) за чрезмерность их требований к Турции. «Е. и. в.,— писал Будберг Михельсону,— никак одобрить не может чрезмерность требований аглинского посла, а именно о занятии до общего мира Дарданелл аглинскими, Молдавии же и Валахии российскими войсками»,— это могло бы лишь затянуть войну [292].

В начале 1806 г. в Лондон прибыл М. М. Алопеус. Ему было приказано принести новому английскому правительству [293] жалобу на «странное поведение» Дакуорта и Арбатнота [294], в частности на то, что предъявленные Порте требования о выдаче флота и о занятии Дарданелльского пролива английскими силами никак не входили в намерения России, которая хотела лишь высылки Себастиани и возобновления старых договоров. Русские подчеркивали, что англичане в ходе операции взяли на себя то, о чем никто, собственно, их не просил. Главной действующей стороной должна была быть эскадра Сенявина, от англичан же требовалось лишь, чтобы они дали ей на подмогу несколько кораблей. «Факты, однако, доказывают (по меньшей мере, по всей видимости), что британский кабинет пожелал играть первую роль в этом деле, которое во всех отношениях не затрагивает его непосредственно,— писал Будберг Алопеусу.— Англия хочет во всех морских экспедициях действовать самостоятельно и изолированно и отстраняет от них своих союзников; англичане преследуют «собственные цели». Таковы были те обвинения, которые русское правительство предъявило Англии. Каннинг в ответ мог лишь признать неудачу экспедиции и пытался отговориться ссылками на неспособность Дакуорта [295].

Политика Англии в 1806—1807 гг. оживилась не только в Дарданеллах — она начала проявлять довольно неожиданный интерес к Балканам и княжествам. Английский посланник в Вене Р. Эдэр предлагал давать сербам или черногорцам субсидии для борьбы против французской армии в Далмации [296]. В Рагузе в 1805 г. действовал английский агент, старавшийся к неудовольствию Сенявина привлечь к Англии черногорцев [297]. В Бухаресте большую и вряд ли полезную России активность проявлял английский консул Саммерс, о котором Михельсон гневно писал, что «Суммерс не обращает на себя внимание и доверие, ибо больше действует как секретный эмиссар, нежели как консул великой нации» [298].

После краха экспедиции Дакуорта влияние Франции в Константинополе достигло апогея. Теперь Селим III был готов разрешить проход армии Мармона в княжества [299]. Полным ходом шли переговоры о заключении союза. Вел их посол Эмин Вахид эфенди сначала в Варшаве, затем в Данциге. Французские дипломаты (Талейран, Коленкур) добивались от турецкого посла согласия на пропуск армии Мармона в княжества, заключения союзного договора с Ираном, разрешения на вступление французских войск в Константинополь, закрытия Босфора для России, а Дарданелл для Англии также и после окончания русско-турецкой войны. Франция соглашалась гарантировать Турции возвращение Крыма, но... «с небольшой» оговоркой — завоевать его должны были сами турки. Вахид упирался, требуя военной помощи для операции в Крыму и не соглашаясь на пропуск войск Мармона через Боснию и на допущение французских войск в Константинополь. Не соглашался

---

[291] Переписка Сенявина и Дакуорта в марте 1807 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1908, лл. 11—20). Частично опубликована в работе Б. Муравьева. (B. Mouravieff. Op. cit., p. 395—404).

[292] Будберг Михельсону 14(26) апреля 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1885, лл. 90—96 об.

[293] В марте 1807 г. Гренвиля на посту премьера сменил тори герцог Портленд. Статс-секретарем по иностранным делам нового кабинета был Дж. Каннинг, по военным — Кэсльри.

[294] Будберг Алопеусу 19 апреля (1 мая) и 8(20) мая 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6807, лл. 93—96 об., 141—142 об.

[295] Алопеус Будбергу 18(30) июня. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6810, лл. 70—71.

[296] P. Mackesy. Op. cit., p. 154.

[297] Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Д. Н. Сенявина в Средиземное море, стр. 34—35; П. Свиньин. Воспоминания на флоте, ч. I, стр. 164.

[298] Михельсон Разумовскому 20 февраля (4 марта) 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1887, л. 85—85 об. См. также письмо Михельсона Будбергу 10(22) марта (там же, л. 83—83 об.).

[299] Себастиани Талейрану 26 февраля (10 марта) и 11(23) мая 1806 г. E. de Hurmuzaki. Op. cit., vol. II, p. 399, 422.

Вахид и заключить наступательный договор против России и Англии — ему было разрешено заключить оборонительный договор против одной России.

Наполеон дал Вахиду аудиенцию и обещал ему все, о чем только могли грезить турки: аннулирование Ясского договора и всех соглашений, заключенных после Кючук-Кайнарджийского мира, обладание Крымом и Грузией, полновластие в княжествах, изгнание русских из Причерноморья. Но требовал он еще большего: высадки в Крыму и наступления на днестровской границе. С заключением союзного договора Наполеон спешить перестал: Турция и без этого была теперь прочно привязана к его победной колеснице. Турция же, не заключив договора и не получив от Франции формальных гарантий, сделала большую дипломатическую ошибку [300].

Иначе протекали переговоры с иранским послом Мирза-Мохаммед-Реза ханом в Финкенштейне (Восточная Пруссия) — с Ираном пока что приходилось церемониться. 23 мая (4 июня) 1806 г. был подписан франко-иранский союзный договор. Наполеон гарантировал неприкосновенность владений шаха и обещал ему военную помощь против России. Франция признала «права» шаха на Грузию и обязалась помочь Ирану заставить Россию вывести из нее войска. Ряд статей финкенштейнского договора был направлен против Англии. Шах обещал оказать Франции помощь в экспедиции в Индию [301].

Для оказания Ирану военной помощи против России и для руководства действиями иранской армии в Тегеран было направлено специальное посольство во главе с генералом К. М. Гарданом. Гардан должен был контролировать политику шаха, не допустить мира между Ираном и Россией и форсировать переговоры о тройственном союзе Франции, Турции и Ирана [302].

[300] А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 171—175; о миссии Вахида см. также О. Маркова. Указ. соч., стр. 266—268; P. Shupp. Op. cit., p. 431—433; S. Bradisteanu. Op. cit., S. 159—160; V. Puryear. Op. cit., p. 171—175.

[301] О. Маркова. Указ. соч., стр. 263—265; А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 147—149; V. Puryear. Op. cit., p. 167; P. Shupp. Op. cit., p. 437; E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 181—182.

[302] Инструкция Наполеона Гардану 28 апреля (10 мая) 1807 г. См. E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 183—184;

Финкенштейнский договор подчинил внешнюю политику Ирана интересам Франции.

Неудача экспедиции к Константинополю и международная обстановка толкали Россию к миру с Турцией. Русские условия были в общем довольно умеренными. Россия настаивала на возобновлении старых договоров, а следовательно, и права русского военного флота на проход через проливы. Должны были также быть возобновлены привилегии Дунайских княжеств, включая и хатти-шериф 1802 г.; господарем Валахии, по русским условиям, снова становился Ипсиланти (против смещения Мурузи Россия не возражала). Для Валахии Россия требовала права держать корпус в полторы-три тысячи человек (этого давно добивался Ипсиланти).

Гарантией возвращения Турции к союзу с Россией и разрыва ее с Францией должна была явиться высылка Себастиани, что также предусматривал русский проект. Россия предполагала также выговорить преобразование Сербии в полуавтономное княжество, глава которого свободно и пожизненно избирался самими сербами (при последующем утверждении султаном).

Русский проект, однако, допускал замену этой статьи другой (по предложению Порты), также отвечавшей интересам сербов.

Ряд других статей проекта (например, статьи о выводе французских войск из Далмации и об оставлении Хотина и Бендер за Россией вплоть до заключения мира с Францией) не имел обязательного характера — Россия была готова снять их, если Порта станет возражать. Не собиралась Россия и настаивать на статье, говорившей о возобновлении союзного договора Англии и Турции — ее включили в проект лишь для успокоения Лондона [303].

Уполномоченным для ведения мирных переговоров был назначен Поццо ди Борго, ставший к этому времени полковником русской службы, которому предоставлялось

Mission du général Gardane en Perse sous le premier empire. Paris, 1868, p. 81—94; А. Р. Иоаннисян. Указ. соч., стр. 149—151.

[303] Инструкция и письмо Будберга Поццо ди Борго 7(19) марта 1807 г., письмо Будберга Поццо 25 апреля (7 мая) 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1901, лл. 2—16 об., 17—19 об., 39—44. Цитируется в кн.: А. Петров. Война России с Турцией..., т. I, стр. 269—270; см. также A. Maggiolo. Corse, France et Russie. Pozzo di Borgo. 1764—1842. Paris, 1890, p. 128—130.

право решать, вести ли переговоры вместе с Арбатнотом или же сепаратно [304].

Александр I возлагал свои надежды не только на дипломатические переговоры Поццо ди Борго — чтобы сломить воинственные настроения Турции в начале марта 1807 г. эскадра Сенявина заняла остров Тенедос и блокировала Дарданеллы. В Дарданелльском бою 10—11 (22—23) мая и в крупном морском сражении у Афонской горы 19 июня (1 июля) Сенявин отразил попытки турок прорвать блокаду Дарданелл и нанес турецкому флоту тяжелые поражения. В результате блокады был затруднен подвоз продовольствия в Константинополь, население которого голодало.

Менее успешными были в кампанию 1807 г. действия русского черноморского флота. Экспедиции его к Синопу (март) и Трапезунду (июнь) не удались, что лишь отчасти было возмещено взятием Анапы 28 апреля (10 мая).

Наполеоновские стратеги разработали для турецкого командования широкий план наступления от Силистрии и Журжева на Бухарест. Но в сражении при Обилешти 2 (14) июня генерал М. А. Милорадович обратил в бегство части армии великого визиря Ибрагима Хильми-паши. Главные силы русской армии держали в осаде Измаил [305].

Посылая Мерьяжа в Видин, Наполеон поставил себе целью сорвать установление непосредственной связи между русской армией в княжествах и сербами. Но в июне 1807 г. отряд генерал-майора Исаева занял остров Кербов (Большой) на Дунае, что обеспечило коммуникации с армией Кара-Георгия. Вслед за тем объединенные силы русских и сербов начали осаду Неготина. В лагерь под Неготин были направлены К. К. Родофиникин и полковник маркиз Ф. О. Паулуччи, первый в качестве снабженного особыми полномочиями представителя России при сербском командовании, второй для переговоров с Кара-Георгием о характере той помощи, которую могла оказать Сербии Россия. В Неготине 28 июня (10 июля) Паулуччи и сербские вожди заключили соглашение, по которому Сербия просила принять ее под покровительство России.

[304] Будберг Поццо ди Борго 25 апреля (7 мая). АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 1901, лл. 39—44.

[305] А. Петров. Война России с Турцией, т. I, стр. 186—190; А. И. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны, стр. 39—46.

Русская армия, действовавшая в Дунайских княжествах, приняла на себя удар главных турецких сил и отвлекла их от сербов. Боевое содружество русских и сербских сил в войну 1806—1812 гг. способствовало освобождению Сербии в будущем.

Война с Турцией положила конец нерешительной тактике России в сербском и греческом вопросах. «Когда в 1804 году вспыхнула сербская революция, Россия немедленно взяла под свою защиту восставших «райя» и, поддержав их в двух войнах, гарантировала им в двух договорах независимость их страны во внутренних делах»,— говорит Ф. Энгельс [306]. Русско-турецкая война дала сильный толчок и греческому национальному движению [307].

Важное значение имел Кавказский театр. Частям генерала гр. И. В. Гудовича не удались предпринятые в марте — мае 1807 г. наступательные действия при Карсе, Ахалкалаки и Поти. Но в сражении на реке Арпачай 18 (30) июня русские войска, одержав крупную победу над силами эрзерумского паши сераскира (главнокомандующего) Юсуфазия, предотвратили вторжение турецких войск в Грузию [308].

Россия не смогла заключить мир с Ираном, хотя в октябре 1806 г. Гудович предложил шаху перемирие. Военные действия на иранском фронте в 1807 г. фактически прекратились. Все же часть русских сил была отвлечена от основной задачи — борьбы против Наполеона.

Разрыв с Россией создал новые трудности для Селима III в его борьбе с противодействовавшими внутренним реформам реакционными силами [309]. Военные поражения Турции ускорили выступление блока высшего мусульманского духовенства и янычар против султана. 17 (29) мая 1807 г. Селим III был свергнут с престола и заключен в тюрьму. Причастные к его реформам министры и сановники (за немногими исключениями) погибли от рук янычаров. Новый султан Мустафа IV, беспомощный ставленник турецких реакционеров, сохранил вопреки ожиданиям России в своей внешней политике ориентацию на

[306] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 9, стр. 32.

[307] См. гл. VI.

[308] А. В. Фадеев. Россия и Кавказ..., стр. 148; А. Петров. Война России с Турцией, т. I, стр. 315—319; А. И. Михайловский-Данилевский. Описание турецкой войны..., стр. 52—61.

[309] А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 117—118.

Францию [310]. Предпринятая Россией попытка заключить мир была Портой отклонена. В мае 1807 г. на Тенедос прибыл Поццо ди Борго. Но Порта по требованию Себастиани в ноте от 16(28) июня выдвинула такие неприемлемые для России условия, как невмешательство в дела дунайских княжеств, уступка Грузии и Анаклеи, вывод русских войск с Ионических островов [311].

После провала экспедиции Дакуорта Англия также решила начать мирные переговоры. Русско-турецкая война, на взгляд английского правительства, была ненужным осложнением, с которым следовало возможно скорее покончить (при том непременном условии, чтобы Россия не получила за счет Турции никаких новых преимуществ и приобретений). В марте 1807 г. английское правительство предложило России посредничество при условии, что последняя сосредоточит свои силы на западном театре военных действий и откажется от приобретений за счет Турции [312]. В подобном же духе была составлена и инструкция посланному для переговоров с Турцией сэру А. Пэйджету. Каннинг подчеркивал в ней, что Англия «с особым сожалением видит отвлечение столь значительной доли внимания и военных сил России к целям увеличения за счет Турции» и не желает помогать падению Порты. Пэйджету предписывалось пресекать любые попытки Поццо ди Борго в этом направлении [313]. В конце июля Пэйджет прибыл на Тенедос, где в это время уже находился Поццо ди Борго, и начал тайные переговоры с Портой, впрочем, столь же безуспешные. В 20-х числах октября — уже после Тильзита — они были прерваны [314].

Отвергая мирные предложения России, Турция возлагала свои надежды на Наполеона, который в это время уже вел в Тильзите переговоры с Александром I.

На континенте Россия фактически противостояла Наполеону одна. Правда, Пруссия, которой Наполеон после сражения при Прейсиш-Эйлау предлагал мир [315], предпочла

[310] А. Ф. Миллер. Указ. соч., стр. 162—166.

[311] E. de Hurmuzaki. Op. cit., vol. II, p. 435—436; E. Driault. La politique orientale de Napoléon, p. 222.

[312] P. Shupp. Op. cit., p. 442.

[313] The Paget Papers, vol. II, p. 290—293.

[314] О миссии Пэйджета см. The Paget Papers, vol. II, p. 283—298, 306, 373; P. Shupp. Op. cit., p. 548; V. Puryear. Op. cit., p. 183—184.

[315] E. Driault. Tilsit, p. 87—91.

остаться на стороне России. 14 (26) апреля 1807 г. Россия и Пруссия заключили в Бартенштейне конвенцию, в главных статьях которой шла речь о продолжении войны, заключении лишь общего, а не сепаратного мира, гарантии независимости Турции [316]. Но державшаяся из последних сил Пруссия стоила немногого.

Не радовала и Австрия. В начале 1807 г. Россия пригласила Вену присоединиться к Бартенштейнской конвенции и, чтобы склонить ее к этому, чисто формально приняла австрийское посредничество. Но в конце концов ни Наполеон, предлагавший в начале 1807 г. Францу II раздел Турции [317], ни Россия с Англией ничего не добились — во время кампании 1806—1807 гг. Австрия осталась в стороне.

Больше чем когда-либо было важно, чтобы Англия открыла военные действия на континенте. Нужны были и деньги (какую-то долю средств для покрытия военных расходов Россия надеялась получить у Англии).

Русское правительство сделало все возможное, чтобы заставить Англию понять серьезность положения. Строганов, Николаи, а затем Алопеус в Лондоне, Чарторыйский в Петербурге бесчисленное множество раз, сначала настойчиво, но вежливо, потом резко, наконец уже просто грубо твердили, что так больше продолжаться не может, что пора англичанам перестать отсиживаться на своем острове и «накапливать силы» [318] (как помним, такова была аргументация Питта и Мюльгрейва, когда в начале 1805 г. решался вопрос об участии Англии в предстоящей кампании). Вес-

[316] Ф. Мартенс. Указ. ссч., т. VI, стр. 409—418.
Россия предложила Англии присоединиться к Бартенштейнской конвенции, но Каннинг ответил, что препятствие этому — прусские планы образования Северогерманского союза. См. письма Александра I Георгу III 7(19) мая 1807 г. (копия) и Алопеуса Будбергу 5(17) мая 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6807, л. 124 и 124 об.; д. 6809, лл. 567—570.

[317] А. Вандаль. Наполеон и Александр I, т. I, стр. 29—31.

[318] Об этом см. вел. кн. Николай Михайлович. Гр. П. А. Строганов..., т. III, стр. 7—8; Николаи Будбергу 1(13) января 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6805, лл. 61—63; Будберг Николаи 14(26) января. Там же, 1807 г., д. 6804, лл. 48—49; русские ноты Англии 1(13) февраля, 2(14) марта. Там же, 1807 г., д. 4331, лл. 10—15, 46—49; Алопеус Каннингу 19(31) марта, 17(29) мая, 5(17) июня. Там же, 1807 г., д. 6809, лл. 322—323 об., 608—609; Будберг Алопеусу 25 апреля (7 мая). Там же, 1807 г., д. 6807, лл. 65—72.

ной 1807 г. Россия категорически потребовала, чтобы Англия, во-первых, дала составленное по всей форме обязательство начать действия на континенте, а во-вторых, во всех подробностях сообщила планы десанта.

В марте-апреле 1807 г. русское правительство возмутилось: время шло, а дело с десантом не двигалось. Если Англия еще замешкается, она окажется ничем не лучше Пруссии и Австрии, которых столько винили за бездействие. Русская армия выдержала удар французов, выиграла два сражения (Пултуск и Прейсиш-Эйлау), заставила Наполеона отступить, Англия же ничего не сделала в помощь союзникам. У России достаточно сил, чтобы защищать свою собственную границу, но недостаточно, чтобы вести двойную войну. Сейчас самый благоприятный момент для десанта — силы Наполеона сосредоточены на Висле, запад оставлен почти без прикрытия, со стороны английского правительства «будет по меньшей мере столь же непростительно, сколь и не политично, если оно не пустит в ход всех ресурсов, чтобы разбить общего врага».

С таким отчаянным, пронизанным чувством полной безнадежности призывом обратился Петербург к Лондону [319].

Английские министры не пускались в споры — слишком уж основательны были аргументы России; обещали послать на континент крупные силы, но... поспешали медленно. Алопеус вел долгие беседы с Кэсльри, который неторопливо обсуждал возможность десанта в районе Эльбы или Везера и обещал направить туда... доверенное лицо для изучения таковых возможностей [320]. Правда, дальновидный и полный жажды действия Каннинг понимал всю серьезность положения, но очень многого сделать он не мог и тоже лишь тешил Алопеуса общими фразами о полной готовности Англии помочь России в момент, когда это станет необходимым, в пункте, который будет признан наиболее подходящим [321].

Кэсльри в это время выдвинул проект крупного десанта в Северной Германии или в Голландии [322].

[319] Будберг Алопеусу 13(25) марта и 19 апреля (1 мая). АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6807, лл. 23—32 об., 73—78 об.

[320] Алопеус Будбергу 29 марта (10 апреля), 30 марта (11 апреля). АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6809, лл. 337 об., 333—334, 339.

[321] Нота Каннинга 30 марта (11 апреля). АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6809, лл. 346—349; ср. P. Shupp. Op. cit., p. 507.

[322] The Papers of Castlereagh, vol. VIII, London, 1851, p. 66—68.

Лишь в мае наступили признаки оживления. «Наконец-то этим занялись,— писал Алопеус,— но обычная для этой страны медлительность заставила меня потребовать от Каннинга точного указания срока отбытия корпуса, предназначенного для действий на континенте». Каннинг обещал, что суда с десантным корпусом отплывут через 15 дней [323]. Но затем Алопеусу пришлось сообщить, что, несмотря на все рвение Каннинга, «дело идет черепашьим шагом». Военное министерство никак не могло договориться с командованием: командующий десантным корпусом генерал-лейтенант Каскарт требовал корпус в 30 тыс. человек. Кэсльри же давал ему лишь 17 тыс. [324] Все время менялись решения и о месте десанта — то называли устье Везера, то Штральзунд. В конце концов было решено высадить в Штральзунде корпус в 10 тыс. человек, вместо первоначальных 30 тыс. человек (!) [325].

В июне отплыл первый отряд десантного корпуса под командованием Каскарта (3500 человек) [326]. Но дальше дело не пошло. Алопеус пытался добиться, чтобы были исполнены обещания о высадке в районе Эльбы или Везера, Каннинг его обнадеживал, но Кэсльри заявил, что высадка в ближайшее время не состоится [327].

Английский десантный корпус высадился на острове Рюген за два дня до подписания Тильзитского договора. Но использован он был не для помощи союзникам, а для пиратского нападения английского флота на Копенгаген в сентябре 1807 г.

Каннинг сам признавал и неудачу дарданелльской экспедиции, и бесполезность десанта в Штральзунде [328]. Английское правительство, желая загладить провал экспедиции Дакуорта, предполагало снова послать свой флот в Дарданеллы. Сенявин и Коллингвуд начали переговоры

[323] Алопеус Будбергу 22 апреля (4 мая). АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6809, лл. 477—479 об.

[324] Алопеус Будбергу 14(26) мая. Там же, лл. 586—587.

[325] Алопеус Будбергу 24 мая (5 июня), 28 мая (9 июня). Там же, лл. 601—601 об., 603 об.— 604.

[326] Алопеус Будбергу 8(20) июня. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6810, л. 6—3 об.

[327] Алопеус Будбергу 28 мая (9 июня) и 10(22) июня. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6809, л. 606—606 об.; д. 6810, лл. 5—6; Алопеус Каннингу 5(17) июня. Там же, 1807 г., д. 6810, лл. 9—10 об.

[328] Каннинг Алопеусу 6(18) июня. Там же, д. 6810, лл. 23—24.

о совместных действиях. Но Россия, наученная горьким опытом, плохо верила в реальность обещаний Англии.

Насколько медлительной и вялой была Англия, когда речь шла о военной помощи союзникам, настолько же настойчивой она стала тогда, когда дело коснулось ее торговых интересов. В марте 1807 г. истекал срок действия англо-русского торгового договора 1797 г. Задолго до этого Англия поставила вопрос об его возобновлении. На это Россия ответила, что англичане нарушают конвенцию 1801 г. и препятствуют русской морской торговле [329]. Переговоры продолжались до самого Тильзита. Русские настаивали на существенных изменениях условий англо-русской торговли, а пока соглашались лишь продлить торговый договор на два года.

Русское правительство сделало попытку сыграть на слабой струнке англичан, чтобы хотя бы этим способом добиться от Англии начала военных действий на континенте, и заявило, что торговый договор будет возобновлен лишь в том случае, если Англия предпримет десант [330]. Тщетно Англия протестовала против этого [331] — договор 1797 г. не был возобновлен.

На худой конец Россия, может быть, согласилась бы удовольствоваться денежной помощью со стороны Англии. Но и в этом отношении Лондон обманул ее ожидания. Россия в ноябре 1806 г. попыталась получить у английских банкиров заем в 6 млн. ф. стерлингов на 20 лет из 5—6% под гарантией английского правительства. России заем этот был абсолютно необходим, и она придавала ему особое значение. Но Каннинг заявил Алопеусу, что у него «руки связаны» и что до начала 1808 г. он ничего не может сделать [332].

[329] Английская нота России 23 сентября (5 октября) 1806 г., АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 4328, лл. 140—141 об.; Русская нота 27 ноября (9 декабря) 1806 г. Там же, д. 4329, лл. 25—36 об.

[330] Русские ноты 1(13) февраля, 22 февраля (6 марта), 2(14) марта 1807 г. АВПР. ф. Канцелярия, 1807 г., д. 4331, лл. 10—15, 20—21, 46—49; Будберг Алопеусу 19 апреля (1 мая). Там же, д. 6807, лл. 79—82 об.

[331] Алопеус Будбергу 26 февраля (10 марта); нота Каннинга 30 марта (11 апреля) 1807 г. Там же, 1807 г., д. 6809, лл. 242—243 об., 358—366. Ср. P. Shupp. Op. cit., p. 502—503.

[332] Русская нота 15(27) ноября 1806 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 4329, лл. 21—24 об.; Будберг Алопеусу 13(25) марта, 19 апреля (1 мая) 1807 г. Там же, 1807 г., д. 6807, лл. 2—12, 120—121; Алопеус Будбергу 4(16) мая 1807 г. Там же, 1807 г., д. 6809, лл. 564—565.

Не удивительно, что русское правительство саркастически вопрошало: если уже Англия решила «не вводить в действие свои сухопутные войска и не употреблять их на континенте, то почему же не употребляет она свои гинеи?» [333].

Затягивая десант на континенте, Англия проявила максимум инициативы и расторопности там, где дело касалось ее собственных захватнических планов. Война с Турцией была использована Англией для попытки оккупировать Египет. Хотя правительство Гренвилля и говорило, что эскадра Дакуорта снаряжена лишь для оказания помощи России, действительной целью ее был десант в Александрии. Уже в ноябре 1806 г. военный министр Уиндхем дал соответствующие предписания английскому командованию на Средиземном море. Сам Дакуорт рвался принять участие в египетской экспедиции, чем отчасти и объясняется его уход из Константинополя и отказ от предложения Сенявина попытаться вторично пройти Дарданеллы. Из Эгейского моря английский флот двинулся к берегам Египта. Захват Александрии англичанами вызвал протесты Петербурга, негодовавшего на то, что силы союзника отвлекаются от основной цели.

На Среднем Востоке Англия также не оказала поддержки России. Английский торговый капитал прочно обосновался в Иране. Союзный договор Англии и Ирана, подписанный в январе 1801 г., был непосредственно направлен против Франции. Но некоторые статьи его давали Ирану основание рассчитывать на английскую помощь против России. Против России предлагали заострить английскую политику в Иране и резиденты Ост-индской компании в Багдаде (Харфорд Джонс) и в Басре (Манести). С началом русско-иранской войны англичане оказывали скрытую военную помощь Ирану.

Англия не имела в этот период собственных экономических и политических интересов в Закавказье. Но Закавказье в ее политике было непосредственно связано с Ираном. Поэтому русское продвижение в Закавказье ей было не по вкусу: русские приближались к тем зонам, которые облюбовал себе английский торговый капитал. Английские дипломаты сначала не без тревоги следили за военными

[333] Будберг Алопеусу 13(25) марта 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6807, л. 29 об.

действиями в Закавказье и спрашивали Чарторыйского, намерены ли русские проникнуть в глубь Персии и Армении [334]. За этим последовала прямая попытка приостановить военные успехи России. Английский поверенный в делах в Петербурге Стюарт в июне 1806 г. обратился к своему правительству с мемуаром [335], в котором предостерегал его от возможных последствий утверждения России в Закавказье. Овладение Гиланом и Мазандераном, по его мнению, позволит России установить коммуникации с Басрой и стать опасной соперницей Англии, овладение Баку даст ей контроль над важными торговыми путями. Интересы Британии, писал он, не могут мириться с этим, поэтому нужно побудить Россию заключить с Ираном мир при английском посредничестве. Почти теми же словами о нежелательности для Англии усиления России в Закавказье говорил и Арбатнот (июнь 1806 г.), которого Италинский и Чарторыйский считали чуть ли не первым другом России. Не отстал от других упоминавшийся выше Харфорд Джонс, который в январе 1807 г. также подал своему правительству мемуар с все той же рекомендацией об английском посредничестве между Россией и Ираном [336].

Так возник проект английского посредничества между Россией и Ираном, продиктованный желанием затормозить продвижение России в Закавказье. Англия в начале 1807 г. действительно сделала попытку навязать свое посредничество, но в Петербурге это было принято самым несочувственным образом (доверенным лицом для посредничества Каннинг намечал не кого иного, как Харфорда Джонса) [337].

Фактический отказ Англии принять на себя соответствующую долю военного бремени сочетался с широко развернувшейся экспансионистской политикой. Свалив на плечи союзников войну на континенте, английская буржуазия тем временем расширяла свою колониальную империю. Англия в эти годы завладела в Индии новыми обширными территориями, захватила ряд принадлежавших ранее Франции и Голландии колоний.

[334] Донесения Уоррена Гарроуби 18(30) июля и 18(30) августа 1806 г. J. H. Rose. The Third Coalition, p. 28, 34.

[335] P. Shupp. Op. cit., p. 531.

[336] Ibid., p. 531—533.

[337] Ibid., p. 435, 534—536. Находившийся в это время в Лондоне Гоуэр в феврале 1807 г. также говорил Алопеусу об английских планах посредничества (АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6809, лл. 207 об.—210 об.).

* * *

Отношение русского дворянского общественного мнения к Англии в конце XVIII — начале XIX в. было неодинаковым — в нем сталкивались антианглийская и англофильская тенденции.

Источники критического отношения к Англии, сомнений в пользе союза с нею для России были различны. Известную роль играло монопольное положение английского торгового капитала в русском морском экспорте. Дворяне и купцы, вывозившие свои товары через балтийские порты на английских кораблях и при посредничестве английских купцов, часто бывали недовольны той зависимостью от англичан, в которую они при этом попадали [338]. В целом же балтийские экспортеры были сторонниками Англии.

В годы наполеоновских войн возник новый источник недовольства Англией. Уже войны второй коалиции, тяжесть которых несла Россия, выгоды же получала английская буржуазия, вызвали сильные нарекания против Англии [339].

События 1805—1807 гг. подобные сомнения усилили. Англию теперь все чаще обвиняли в том, что она сознательно и систематически приносит интересы союзников в жертву своим собственным интересам и ведет войну чужими руками. Английский союзник, «конечно, ничем не пожертвует без тысячных выгод своих собственных, не взирая на то, что предприятиями в последнюю кампанию сменили, так сказать, с часов целую его нацию и дали ей способ истребить важную часть флота неприятельского»,— говорил на январском комитете 1806 г. министр военно-сухопутных сил Вязьмитинов [340]. «В обеспечении операции наших противу Франции обольщала она (Англия.— *А. С.*) нас одними бесплодными обещаниями»,— писал Н. П. Румянцев фельдмаршалу кн. А. А. Прозоровскому после Тильзита [341].

С особенным ожесточением ополчились на Англию русские моряки, служившие в эскадре Сенявина и своими глазами видевшие, к чему привели действия английского

[338] См. гл. I.

[339] См. гл. III.

[340] Сборник РИО, т. 82, стр. 233—234.

[341] А. Петров. Война России с Турцией, т. II. СПб., 1887, стр. 1.

командования во время Дарданелльской экспедиции. Среди них распространились даже слухи, что Дакуорт преследовал провокационные цели. «Сею бесполезною экспедициею англичане имели в виду предостеречь турок от нас, открыть им глаза и уверить, что Дарданеллы их не непроходимы»,— так думал В. Броневский [342] (в то время молодой офицер эскадры Сенявина, не раз отличившийся в морских сражениях 1805—1807 гг.). Недоумение и возмущение вызывало и то, что Дакуорт двинулся к Дарданеллам, не дожидаясь подхода эскадры Сенявина, а затем и вовсе отказался от совместных действий. «Если бы Дукворт списался с адмиралом откровеннее и подождал нас, то обоюдными силами могли бы предпринять мы нечто важнее и нанести решительный удар Стамбулу. Но англичане, по старой привычке, везде хотят торжествовать — и получили порядочный урок» [343]— говорит об этом П. П. Свиньин (он служил тогда в министерстве иностранных дел и в качестве дипломатического чиновника находился на корабле «Рафаил» во время кампании 1805—1807 гг.). Толки сподвижников Сенявина дошли до глубокого тыла [344].

В конце концов была потеряна вера в серьезность обещаний англичан помочь союзникам [345].

Убеждение в бесплодности союза с Англией, в нереальности ее обещаний оказать военную помощь союзникам, в «эгоизме» английского правительства проникло как в правительственные сферы, так и в более широкие круги дворянской общественности [346]. Некоторые русские политические деятели считали, что Англия в своих властолюбивых устремлениях не уступает Франции [347]. Распространилось мнение, что победа Англии над Наполеоном приведет к установлению опасной для европейских держав английской морской и торговой гегемонии. Видный просветитель В. Попугаев в своей работе «О благоденствии народных обществ» посвятил целую главу торговому соперничеству Англии и Франции и, придя к выводу, что «гордость и корыстолюбие» Англии «посягали на власть исключительную морей», призывал европейские державы к отпору ее экономической экспансии. Лучшим средством для этого Попугаев считал меры континентальной блокады. «Политики Европы должны желать, что обольщение Англии исчезло... Европа может ее наказать и войною и без войны. Пусть на один год, на два запрет она гавани, и Англия погибла»,— писал он в 1807 г. [348]

---

[342] [В. Броневский]. Записки морского офицера, ч. 3. СПб., 1819, стр. 16—17. Подобным же образом смотрел на экспедицию Дакуорта П. И. Панафидин, участник экспедиции Сенявина. См. «Письма морского офицера (1806—1809)». («Морской сборник», 1916, № 4, стр. 17).

[343] П. Свиньин. Воспоминания на флоте, ч. 2. СПб., 1819, стр. 18.

[344] Жихарев, которому брат П. Свиньина пересказал содержание письма последнего о Дарданелльской экспедиции, дивился «бездействию и нерешительности англичан». С. П. Жихарев. Записки современника, т. II, стр. 264.

[345] Например, А. Б. Куракин. См. его письмо императрице Марии Федоровне 1(13) июня 1807 г. («Русский архив», 1868, стлб. 68, 85).

[346] «...мы видели в две прошедших войны..., каковы союзники англичане», видели доказательства «исступленного, можно сказать, эгоизма их министерии», говорил в 1809 г. Каразин (письмо Каразина Александру I. «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1863, кн. III, отд. V, стр. 126). Почти в тех же самых выражениях рассуждал на эту тему и Панафидин: «Англичане говорили нам, что мы друзья, что они явятся там и там, но вышло, что они являлись туда, где их были выгоды, но происшествия доказали, что все дела оканчивались дурно, где только был эгоизм» (П. И. Панафидин. Письма..., «Морской сборник», 1916, № 5, стр. 27). Того же мнения был и Н. И. Тургенев. «Во всех предприятиях Питт имел в виду исключительную пользу Англии, а не общую пользу государств европейских»,— 7(19) сентября 1817 г. писал он в своем дневнике. (Архив братьев Тургеневых, вып. 5. Пг., 1921, стр. 55). На заседании комитета общей безопасности 16(28) октября 1812 г. разбиралось дело губернского секретаря ведомства хозяйственной адмиралтейской экспедиции Фрязиновского, обвинявшегося в том, что он носил перстень с портретом Наполеона, и в составленной им записке взывал к французскому императору: «Слава века сего! Истреби Англию!» (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной е. и. в. канцелярии, вып. XI. СПб., 1902, стр. 266—268). Для распространения антианглийских настроений дело Фрязиновского весьма характерно.

[347] См. записку Куракина Александру I 31 декабря 1805 г. (12 января 1806 г.). Архив Государственного совета, т. III, ч. 2, стлб. 1159.

[348] [В. Попугаев.] О благоденствии народных обществ, стр. 69, 71—72. Сходные соображения, как мы уже отмечали, развивал в 1803 г. Н. М. Карамзин (см. гл. V настоящей работы). Об угрозе английского морского и торгового господства см. письма Ростопчина С. Р. Воронцову от 23 августа (4 сентября) 1803 г. (Архив кн. Воронцова, т. 8, стр. 308) и Завадовского от 20 (31) мая 1800 г. (там же, т. 12, стр. 247). «Главный плод войны, мне кажется, собирается утвердить за собой Англия. Силы ее распространяются на воды всего мира, подымается новая эпоха, равно и господствования повсюду торговли»,— писал об этом Завадовский.

Русские политические деятели осознали далеко не в полной мере противоречия русско-английских интересов в восточном вопросе. Однако уже слышались голоса, говорившие о стремлении Англии к господству в Восточном Средиземноморье (Ростопчин, Чичагов, Томара и др.). Очень характерна в этом отношении записка Чичагова (1805 г.). Англичане, говорил он, завладев Мальтой, постараются «утвердить себя на Средиземном море и потом почтут себя вправе распространить влияние свое и на окрестные владения. Первая цель их будет взять под защиту свою Египет, а тем усугубить влияние свое на турок, потом на греков и на весь тот край. Отсюда пойдут они далее обеспечивать себя в завладении восточной торговли, которая одна могла противовесить той, которую они уже исключительно себе присвоили... Они знают, что край сей со всеобщею торговлей представляет непочатые способы к содержанию обширного флота. Конечно, имеют англичане сие в виду и хотят у нас из рук вырвать сии выгоды». Сфера влияния Англии, говорил Чичагов в другой записке от 18(30) декабря 1806 г., должна ограничиться Западным и Центральным Средиземноморьем [349].

Зарождавшееся соперничество с Англией за господство на Ближнем Востоке отражено в записке Чичагова очень отчетливо.

Представители противоположной англофильской тенденции, сторонники союза с Англией (С. Р. и А. Р. Воронцовы, Чарторыйский, Кочубей, Новосильцов, Строганов и др.) в своей полемике с противниками указывали обычно на общность экономических и международных интересов обеих стран. Наиболее полно аргументы в пользу союза изложены, пожалуй, в поданном Чарторыйским в феврале 1806 г. «Мемуаре об отношениях России и Англии» [350]. Чарторыйский последовательно отрицал даже самую возможность противоречий между Англией и Россией. Торговые отношения их складывались, по его мнению, к выгоде русских, и от разрыва их в большей мере пострадала бы русская экономика, так как она не могла обойтись без английских капиталов и английского рынка. Торговое соперничество между Россией и Англией, полагал Чарторыйский, возможно лишь в Азии, но то дело отдаленного будущего, «пройдет много времени прежде, чем могут возникнуть серьезные дискуссии по этому поводу».

[349] Сборник РИО, т. 82, стр. 483. В том же духе рассуждал и Ростопчин в указанном выше письме к С. Р. Воронцову.

[350] АВПР, ф. Канцелярия, 1806 г., д. 7894, лл. 67—87 об.

С особой силой Чарторыйский подчеркивал полное единство России и Англии на Ближнем Востоке — обе они равно заинтересованы в целостности и неприкосновенности Турецкой империи и в том, чтобы она не попала под власть Франции. Англия, страна морская и торговая, и Россия, страна континентальная и аграрная, должны находиться в союзе — такова в общем была основная идея мемуара Чарторыйского.

Тех же взглядов держался и Кочубей. Осенью 1807 г., после Тильзита, он составил записку, в которой самым решительным образом, с необычной для этого осторожного, уклончивого и расчетливого карьериста смелостью возражал против надвигавшегося разрыва с Англией [351]. Кочубей выдвинул в пользу сохранения нормальных отношений с Англией аргументы, обычно широко применявшиеся сторонниками английской ориентации: Англия, говорил он, абсолютно необходима как противовес наполеоновской агрессии. Мир с Францией Кочубей в общем одобрял, но был уверен (уже в 1807 г.), что надолго сохранить его не удастся и что новый конфликт с Наполеоном («новая с ним брань», по его выражению) неотвратим. Англия же, «занимая нового государя французского, менее дает ему средств обращать войски свои к другим державам» [352].

Отнюдь не лишенный проницательности, Кочубей предвидел те экономические трудности, которые разрыв с Англией и присоединение к континентальной блокаде действительно принесли с конца 1807 г. русской экономике (застой экспорта вследствие потери английского рынка, трудности, создавшиеся для русской промышленности, падение курса рубля).

Другого порядка аргументы выдвигали некоторые симпатизировавшие Англии представители просветительских кругов. Так, в 1805 г. в «Северном вестнике» была помещена статья «Опыт о Великобритании и последственные рассуждения» [353]. Неизвестный автор ее восторженно

[351] Там же, 1807 г., д. 5137, лл. 15—22 об. Записка не датирована, без подписи, на полях помета: «Написано гр. Виктором Павловичем Кочубеем».

[352] О том же см. в записках Л. Л. Бенигсена («Русская старина», 1896, декабрь, стр. 509—514).

[353] «Северный вестник», 1805, ч. V, № 2, стр. 150—156; № 3, стр. 247—260.

говорит о преимуществах конституции и государственного строя Англии, о благородных чертах британского национального характера. «Один только патриотизм граждан поставил Великобританию на сию возвышенность перед многими другими государствами» [354], восклицал автор, призывая русских людей любить родину и не впадать в низкопоклонство перед иностранщиной. Об английской конституции очень сочувственно говорил и Попугаев [355].

Хвалу, воздававшуюся русскими просветителями английской конституции и патриотизму британцев, следует, думается нам, рассматривать как замаскированный выпад против самодержавия, как предлог для доказательства превосходства политической свободы. Нет оснований говорить о прочных англофильских симпатиях просветителей (об этом свидетельствуют хотя бы приведенные выше слова того же Попугаева).

Есть ли у нас причины полагать, что в русском дворянском общественном мнении начала XIX в. сложились уже определившиеся проанглийские и антианглийские направления, имевшие собственные экономические корни и программу? Нам кажется, что на этот вопрос следует ответить отрицательно.

Антианглийские настроения были довольно широко распространены, но были в общем расплывчаты и не очень устойчивы. Охваченные ими представители различных политических кругов — правительственных, военных, просветительских (В. Попугаев, Н. И. Тургенев) — не были связаны друг с другом, не имели общей программы. Нельзя говорить о появлении на русской политической сцене начала XIX в. какой-либо сложившейся объединенной антианглийской партии.

Нет оснований также и переоценивать роль экономического фактора, считать борьбу за турецкий рынок непосредственной причиной антианглийских настроений. Несомненно, что уже в начале XIX в. южнорусские дворяне и купцы начинали видеть в английском торговом капитале своего соперника на восточных рынках, и их интересы в какой-то мере отражались в высказываниях политических деятелей дворянской России против союза с Англией. Однако дворянство и купечество, связанные с южнорусской

[354] «Северный вестник», 1805, ч. V, № 3, стр. 250.
[355] [В. Попугаев.] Указ. соч., стр. 74.

торговлей, отнюдь не выступали солидарно против Англии. Связанные с южнорусской экономикой представители дворянства далеко не всегда держались антианглийской ориентации в области внешней политики. Кочубей и Чарторыйский — а оба они имели крупные земельные владения на юге — были самыми рьяными из защитников союза с Англией. А главное — на рынках Османской империи между русским и английским торговым капиталом особого соперничества тогда еще не было.

Какую роль в развитии критического отношения к Англии и к союзу с нею в первые годы XIX в. играли русско-английские политические противоречия в Восточном Средиземноморье? Было бы неверно говорить, что сторонники продвижения России в Восточном Средиземноморье и на Балканах в это время, как правило, относились к Англии отрицательно. Пример «молодых друзей» доказывает обратное.

Однако основная тенденция заключалась в том, что именно соперничество в восточном вопросе определило последующий поворот русского дворянского, а затем и буржуазного общественного мнения против Англии. Уже в конце XVIII в. и в первые годы XIX в. ряд видных дипломатов и военных и в их числе Ростопчин, Томара, Ушаков, Чичагов были враждебны Англии более всего потому, что понимали наступательный характер ее восточной политики и смотрели на нее как на препятствие продвижению России в этих зонах.

Антианглийская ориентация части дворянской общественности в 1798—1807 гг. определялась разочарованием в Англии как в союзнике и постепенным осознанием расхождения восточносредиземноморских интересов обеих стран. Первый из этих факторов имел более непосредственное значение, второй начал играть определяющую роль в сравнительно недалеком будущем.

При слабой изученности политических и в особенности внешнеполитических взглядов складывавшейся русской буржуазии трудно судить о том, преобладали ли в этой среде про- или антианглийские симпатии [356]. Во

[356] Можно лишь предположить, что выпады Попугаева против Англии диктовало то завистливое чувство, которое внушал слабой русской буржуазии далеко опередивший ее английский конкурент.

всяком случае на внешнеполитический курс правительства Александра I они пока что не могли оказывать существенного воздействия.

Англофильские симпатии во многом определялись экономическими соображениями. В высказываниях тех, кто отстаивал союз с Англией, этот мотив звучал очень отчетливо. Тем не менее торговые интересы балтийских экспортеров были далеко не единственным источником проанглийской ориентации. И здесь большое значение имели соображения международно-политические, т. е. представление о России и Англии как об «естественных союзниках» в борьбе с Наполеоном. Однако в моменты кризиса русско-английских отношений (в 1801 г., после Тильзита и присоединения России к континентальной блокаде) в результате насильственного нарушения торговых связей экономическая сторона и интересы балтийских экспортеров на время начинали играть в русско-английских отношениях очень заметную роль.

* * *

За шестнадцать лет, протекшие после того, как в 1791 г. в Англии столь горячо вспыхнула дружба и доверие к России, в английских правящих классах усилились настроения прямо противоположные тем, которые привели к провалу антирусскую политику Питта. Резко враждебным было отношение к России таких влиятельнейших представителей военных и политических кругов, как Нельсон, Сидней и Спенсер Смит, лорд Мальмсбери, Хью Эллиот (посланник в Неаполе). Как правило, они выдвигали одни и те же аргументы: русские и английские интересы на Ближнем Востоке расходятся. Россия угрожает английскому господству в Индии, стремится к разделу Турецкой империи и готова ради этого на союз с Францией. Союз с Россией они считали непадежным и бесплодным.

Те же английские политические деятели, которые в силу необходимости шли на союз в Россией, как, например, Питт, в свою очередь были проникнуты духом лишь едва прикрытых недоверия и враждебности к русской политике в Восточном Средиземноморье.

Так же, как и в антианглийских высказываниях представителей русского дворянства (например, Чичагова и

Ростопчина), в антирусской позиции английских деятелей сказалось нарастание торгового и политического соперничества обеих стран в Восточном Средиземноморье. В Англии, однако, этот процесс зашел дальше, чем в России. Общий тон политических настроений английских господствующих классов получил уже довольно определенно выраженное антирусское звучание, тогда как среди русских деятелей все еще преобладало представление о России и Англии, как об «естественных союзниках».

Это не означает, конечно, что позиция английского общественного мнения не менялась на протяжении десятилетия 1797—1807 гг. Бывали годы, когда «русский союзник» в глазах англичан был окружен ореолом доблести, когда они возлагали на него свои надежды. Так, совершенно исключительной популярностью в 1799—1800 гг. пользовался в Англии Суворов [357]. В 1803—1805 гг. в ожидании французского десанта и во время третьей коалиции (до Аустерлица) Англия надеялась, что русские войска избавят ее от нависшей угрозы. Но и тогда враждебные России политические и военные деятели продолжали смотреть на нее с опаской.

Виги, в 1791 г. сделавшие союз с Россией своим знаменем и со всей страстью выступившие против попытки Питта начать войну, стали постепенно менять позиции. Здесь отчасти сыграло роль и отрицательное мнение вигов об антифранцузской политике царизма. Влияло и то обстоятельство, что после заключения торийским правительством Питта в 1798 и 1805 гг. союза с Россией виги потеряли возможность обвинять кабинет в антирусской политике и спекулировать на русофильских симпатиях англичан (что они сделали в 1791 г.).

В результате по сравнению с временами Russian Armament произошли некоторые сдвиги: в отношении вигов к России появилась трещина, с годами углублявшаяся [358].

---

[357] Л. Шепшина. Англия и Суворов. «Военно-исторический журнал», 1940, № 5, стр. 108—111; M. S. Anderson. Britain's Discovery of Russia. 1553—1815, London, 1958, p. 207—208.

[358] M. S. Anderson. Op. cit., p. 203—205; J. H. Gleason. The Genesis of Russophobia in Great Britain. Cambridge. Harvard University Press, 1950, p. 19. Андерсон, на наш взгляд, преувеличивает роль «идеологической вражды» в отношении вигов к России (под этим он понимает отрицательную оценку ими разделов Польши и контрреволюционной политики царизма). Решающее

Все же Фокс в своих парламентских выступлениях в 1803—1804 гг. поддерживал предложенное тогда Россией посредничество между Англией и Францией [359].

В общем же принципиального различия в русской политике двух крупнейших партий английских господствующих классов не было: виги, если этого требовали их интересы, готовы были поддержать Россию, но относились к ней с недоверием, тори же, несмотря на правительственную политику союза с Россией, отнюдь не были русофилами.

* * *

Английское правительство еще до Тильзита подозревало, что в русских правительственных кругах зреет решение порвать неоправдавший возлагавшихся на него надежд союз с Англией. В марте 1807 года Ч. Стюарт утверждал, что русское правительство будто бы готовит законодательный акт, который закроет английским торговым кораблям вход в русские порты [360].

В сражении при Фридланде 2(14) июня 1807 г. русская армия потерпела поражение. Это решило судьбу русско-английского союза. Продолжение войны означало движение французской армии к русской границе. Большинство в правительственных кругах стояло за скорейшее заключение мира. За мир была императрица-мать Мария Федоровна, доверенный ее А. Б. Куракин, великий князь Константин Павлович (более по природной трусости, чем по политическим соображениям). Против продолжения войны были теперь и «молодые друзья», подавшие в декабре 1806 г. императору записку о необходимости заключить мир [361].

Враждебные друг другу дворянские группировки на этот раз сошлись во мнениях [362]. Их объединял страх перед

значение имело не это, а рост реальных экономических и политических противоречий на Ближнем Востоке.

[359] Parliamentary History of England, vol. XXXVI. London, 1820, p. 1517—1525; Cobbet's Parliamentary Debates, vol. I. London, 1804, p. 959.

[360] Стюарт Гоуэру 23 февраля (7 марта) 1807 г. Lord Granville Leveson Gower. Private Correspondence 1781 to 1821, vol. II. London, 1917, p. 244—245.

[361] А. Чарторижский. Указ. соч., т. II, стр. 151—166.

[362] С. М. Соловьев. Указ. соч., стр. 373—375.

тем, что продвижение французской армии в глубину России приведет к росту антикрепостнического движения в стране. То был основной аргумент «партии мира».

Военные неудачи, боязнь внутренних осложнений, давление виднейших представителей правительственной верхушки — все толкало Александра I к выходу из войны. Далеко не последнюю роль в этом играл и крах надежд на военное и международное сотрудничество с Англией. В беседе с Гоуэром в июне 1807 г., крайне взволнованный, потерявший власть над собой, император осыпал Англию язвительными упреками и за уклонение от десанта на континенте, и за бездействие в Италии, и за отказ в займе. Когда Гоуэр предложил субсидии, Будберг воскликнул: «России нужны не британские деньги, а британские солдаты» [363]. Нельзя воевать, не имея союзников, говорил Александр I Куракину в канун Тильзита, Англия же с самого начала плохо себя показала, да и сейчас обещает лишь незначительную военную и финансовую помощь [364].

9(21) июня Россия и Франция заключили перемирие. 18(30) июня Будберг заявил Гоуэру о выходе России из войны. Александр I, писал Будберг, «никогда не помыслил бы отступить от системы, которой он следовал до настоящего времени, если бы союзники на самом деле его поддержали» [365].

Для английского правительства разрыв не был неожиданностью: еще не получив известия о Фридланде, Каннинг заявил Алопеусу, в ответ на его упреки, что Россия, видимо, лишь ищет предлога для ссоры с Англией [366].

После знаменитого свидания Александра I и Наполеона на Неманском плоту и окутанных тайной переговоров двух императоров в Тильзите (Советск) 25 июня (7 июля) 1807 г. были подписаны Тильзитский мирный договор России и Франции и тайный договор их о союзе [367].

[363] Гоуэр Каннингу 5(17) июня 1807 г. Цит. по кн.: P. Shupp. Op. cit., p. 541.

[364] Куракин императрице Марии Федоровне 10(22) июня 1807 г. Н. К. Шильдер. Император Александр I, т. II. СПб., 1904, стр. 176, 292.

[365] Будберг Гоуэру 18(30) июня 1807 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 4331, лл. 64—68.

[366] Каннинг Алопеусу 6(18) июня 1807 г. (подлинник). АВПР, ф. Канцелярия, 1807 г., д. 6810, лл. 14—28.

[367] Ф. Мартенс. Указ. соч., т. XIII, стр. 309—326.

Направление внешней политики России круто изменилось. Англия и Россия находились теперь в разных лагерях, Наполеон и Александр I стали союзниками. В Тильзите Россия обязалась объявить войну Англии, если она не примет русского посредничества для мирных переговоров с Францией, и признала изменения, произведенные Наполеоном в Европе. Все же Александру удалось отстоять Пруссию, сохранившую, хотя и в сильно урезанных границах, свою государственную самостоятельность. На русской границе появилось новое государство — герцогство Варшавское, ставшее плацдармом Наполеона.

Тильзит принес отказ России от целей, определявших все последнее десятилетие русскую политику на Средиземном море. Ионические острова отошли к Франции; русское командование должно было сдать французам Котор (первая и вторая сепаратные и секретные статьи мирного договора). Россия приняла посредничество Франции для переговоров с Турцией и обязалась вывести свои войска из Дунайских княжеств с тем условием, что турецкие войска в них не вступят (ст. 21, 22 и 23 мирного договора). Эскадра Сенявина должна была удалиться из Восточного Средиземноморья.

Россия потеряла исключительно важные политические и стратегические позиции в Восточном Средиземноморье. Пострадали и престиж ее на Балканах, влияние ее на славян и греков. Отношения России и Турции были поставлены под контроль Франции, как державы-посредницы.

Александр I предполагал возместить эти тяжелые неудачи своей политики за счет раздела Османской империи. Но переговоры его с Наполеоном в Тильзите о разделе не вылились в окончательное официальное соглашение, которое могло бы связать Наполеона. Единственным их результатом явилась 8-я статья тайного союзного договора, гласившая, что, если Турция откажется от французского посредничества или же в течение трех месяцев не заключит мира, то Франция и Россия выступят против нее и договорятся об освобождении Европейской Турции (за исключением Константинополя и Румелии). Эта неопределенная и относившаяся к будущему статья никак не могла считаться реальной компенсацией за понесенные Россией потери. К тому же не было решено, какова будет доля каждой державы в турецкой добыче.

В дипломатической игре Наполеона предложения о разделе Турции были средством далеко не новым — он не раз пытался соблазнить ими и Россию, и Австрию. Другой вопрос, какие у него были при этом намерения, действительно ли он был готов делить Турецкую империю со своими европейскими соперниками. Последующие русско-французские переговоры 1808—1809 гг. достаточно ясно показали, что Наполеон вовсе не собирался исполнять те обещания, которые он расточал в Тильзите Александру.

Для Порты известие о примирении России и Франции было громовым ударом. Толкнув Турцию на войну, Наполеон предал ее в Тильзите.

Мир с Францией явился для России необходимостью — затяжка войны стала делом рискованным и бесперспективным. Тильзитский мирный договор обеспечил ей необходимый перерыв. Вместе с тем, защитив от Наполеона Пруссию, Россия дала ей возможность собраться с силами для дальнейшей борьбы. В. И. Ленин, сравнивая Тильзитский и Брестский мир, указывал, что, претерпев в Тильзите величайшее унижение, Пруссия через несколько лет оправилась и в освободительной войне свергла иго Наполеона [368]. Заключение же союзного договора с Францией усилило последнюю и не дало России реальных преимуществ.

Английское правительство (главным образом Каннинг) некоторое время еще пыталось уговорить Александра I не разрывать союза — Англии хотелось бы и далее загребать жар чужими руками. Но после варварской бомбардировки англичанами Копенгагена и отказа Лондона от русского посредничества Россия в ноябре 1807 г. порвала отношения с Англией и присоединилась затем к континентальной блокаде. С этого времени недавние союзники находились в состоянии войны.

31 июля (12 августа) Котор был сдан французам. Войска генерала Бертье заняли Ионические острова. 19 сентября (1 октября) эскадра Сенявина покинула Корфу. Ионическая республика — первое греческое национальное государство, центр зарождавшегося освободительного движения, более не существовала.

Политика России в Восточном Средиземноморье в 1798—1807 гг. опиралась на союз с Турцией, открывший проливы для русского военного флота и позволивший

[368] См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 31.

сосредоточить на Ионических островах крупные силы, и на союз с Англией, которая — плохо или хорошо — все же в какой-то мере оказывала ей военное и дипломатическое содействие.

Война с Турцией закрыла проливы для русских кораблей. Разрыв русско-английского союза привел к тому, что средиземноморский флот Англии превратился из дружественной России силы во враждебную. Русские эскадры на Средиземном море оказались запертыми с двух сторон, коммуникации их были нарушены. При сложившихся обстоятельствах у правительства Александра I не оставалось другого исхода, кроме вывода русского флота из Восточного Средиземноморья.

Так закончилась одна из самых своеобразных глав в истории средиземноморской политики России.

Заключение

В первые годы XIX в. Россия достигла в Восточном Средиземноморье больших успехов. В течение восьми лет проливы были открыты для ее военного флота, что дало возможность сосредоточить крупные силы на Средиземноморье и в Адриатике. Порты Ионических островов стали оперативной базой эскадр Ушакова и Сенявина, Ионическая республика — опорным пунктом влияния России в Греции. Русские силы в боевом сотрудничестве с черногорцами и бокезцами овладели важнейшими стратегическими пунктами в Восточной Адриатике. Активную политику Россия вела и в центральных районах Средиземного моря, оказывая военную и дипломатическую поддержку союзному Неаполитанскому королевству против Наполеона.

Некоторое время царское правительство пыталось установить контроль над Мальтой с тем, чтобы сделать ее своей военно-морской базой в Центральном Средиземноморье. Реальных возможностей у него для этого, однако, не было.

Постоянный интерес России вызывал Египет — русское правительство, не желая усиления Англии и Франции на Ближнем Востоке, настаивало на выводе из него как французских, так и английских войск.

Победы великих флотоводцев Ушакова и Сенявина обеспечили преобладание русского флота в восточном бассейне Средиземноморья.

Царская Россия вела в Восточном Средиземноморье широкую экспансионистскую политику.

Главным, наиболее опасным соперником России была наполеоновская Франция. Конечной целью Наполеона было создание французской империи на Востоке. В 1798—

1799 гг. он предпринял прямую попытку добиться этой цели, захватив часть Египта. Франция превратилась из традиционного союзника Турции в ее врага и в наиболее агрессивную силу на Ближнем Востоке. В дальнейшем, в условиях постоянных войн на Западе, Наполеону пришлось отложить полную реализацию своих восточных планов и надеть маску друга и союзника турецкого султана. Но и тогда он не расставался с мыслью о создании восточной империи, а пока что старался подчинить Турцию своему влиянию.

В первые годы XIX в. основным военно-политическим фактором в Восточном Средиземноморье было русско-французское соперничество. Подорвать позиции России, добиться, чтобы русский военный флот ушел из Средиземного моря, запереть его в Черном море; вырвать у России Ионические острова и Котор; превратить Турцию в свое орудие; укрепить французское влияние на Балканах — таковы были цели Наполеона.

Осуществление их грозило безопасности русского Причерноморья, к которому французский император проявлял особый интерес, то пытаясь добиться для французских военных кораблей права на проход в Черное море, то подстрекая султана захватить Крым.

Русское правительство считало Черное море закрытым морем для военного флота нечерноморских держав. В то же время Россия в интересах своей черноморской торговли содействовала получению рядом европейских стран права на свободное плавание их торгового флота в проливах.

С антирусской политикой Франции в Восточном Средиземноморье и на Балканах была непосредственно связана и большая ее активность на Среднем Востоке, попытки создать направленный против России союз Турции и Ирана под эгидой Наполеона.

Одна из своеобразных черт сложившейся в Восточном Средиземноморье обстановки заключалась в том, что Россия укрепила свое влияние в этой зоне на путях союза с Турцией. За русско-турецкими войнами XVIII в. последовал неожиданный для современников и крутой поворот в расстановке международных сил на Ближнем Востоке: Россия и Турция объединились перед угрозой французской агрессии.

Союз с Россией был выгоден для Турции. Русский флот и войска, вместе с английскими силами, остановили

1367—1

наступление Наполеона в Средиземноморье в 1798—1800 гг. Победы Сенявина пресекли французскую агрессию на Западных Балканах. Россия по существу предотвратила расчленение Османской империи. Селим III смог в течение нескольких мирных лет, полученных благодаря русско-турецкому союзу, развернуть свои военные и административные реформы.

Отношение России к Турции в это время определялось стремлением удержать ее на своей стороне, не допустить, чтобы французское влияние в Константинополе возобладало над русским.

В конце XVIII — начале XIX в. царская Россия не ставила себе непосредственной задачей раздел Османской империи и овладение проливами. Это потребовало бы от России ослабления западного фронта борьбы против Наполеона, на что она пойти не могла. К тому же, русские правящие круги и без этого были в общем удовлетворены исключительно выгодным положением в Восточном Средиземноморье.

Сохранить до конца войны с Францией, а если удастся, то и далее тот режим проливов, который установился по русско-турецким договорам 1799 и 1805 гг.; удержать Ионические острова, как опорный пункт русской политики; отстоять преобладающие позиции в Константинополе; расширить связи с балканскими народами — такова была практическая, реальная программа политики России в Восточном Средиземноморье и на Балканах.

В русских правящих кругах получила широкое признание идея статус-кво в восточном вопросе. О сохранении Османской империи — «слабого соседа» — некоторые царские сановники говорили как о цели русской политики.

Тенденция к сохранению «слабого соседа» играла заметную роль во внешней политике Николая I. Впервые, однако, она выявилась в исходе XVIII в., когда Наполеон создал реальную угрозу французского господства на Средиземноморье. Тенденция эта имела свои экономические корни — помещики северо-западных губерний, вывозившие свои товары через балтийские порты, без особого доброжелательства смотрели на быстрое развитие южнорусской экономики, считая, что оно отвлекает капиталы и рабочие руки. Политика статус-кво в восточном вопросе в значительной мере объяснялась не только экономическими интересами части дворянства, но и факторами меж-

дународными и внутриполитическими: попытка осуществить раздел Турции неизбежно должна была привести Россию к тяжелым международным осложнениям, к конфликту (или даже войне) с великими державами. Это потребовало бы огромного напряжения, результатом которого могло явиться резкое обострение классовой борьбы, рост антифеодального движения. Понимая те опасности, которые покушение на раздел Турции несло с собой царской России, многие представители правящей верхушки предпочитали от него воздерживаться.

Однако в политике России была и другая тенденция. Некоторые царские сановники (Ф. В. Ростопчин, В. П. Кочубей, А. А. Чарторыйский) в конце XVIII — первые годы XIX в. не раз выдвигали планы раздела Османской империи, отражавшие агрессивные, захватнические устремления господствующего класса. Конечной целью этих проектов было установление той или иной формы преобладающего влияния России на Балканах и выгодного для нее режима проливов.

Экспансия в Восточном Средиземноморье и на Балканах служила экономическим интересам части помещиков юга, а также купечества, заинтересованных в турецком рынке. Но при этом южнорусские помещики и купцы не выступали как определенная сложившаяся группировка. Следует помнить также, что войны с Турцией приносили большой ущерб их хозяйству, приводили к застою торговли.

Активная политика царизма в Восточном Средиземноморье и на Балканах определялась отнюдь не одними только узко экономическими потребностями южнорусских помещиков и купцов. От режима проливов, от того, будут ли они закрыты для военного флота нечерноморских держав, на чем энергично настаивала Россия, во многом зависела безопасность юга страны. Опасения, что европейские державы проникнут на Балканы и захватят контроль над проливами, также оказывали действие на царское правительство.

Сильным стимулом политики царизма было вместе с тем желание обеспечить «своей» стране положение первенствующей европейской державы со всеми вытекающими из этого международными преимуществами. Успехи в Средиземноморье и на Балканах должны были вместе с тем укрепить внутренние позиции господствующего

класса, поднять престиж царизма, разрядить общественное недовольство.

Балканскую и средиземноморскую политику царизма направляли экономические, стратегические, международные и внутриполитические интересы господствующего класса в их сложном и иной раз противоречивом сочетании. Царское правительство не оставляло при этом без внимания и экономические потребности купечества. Развитие внешней торговли приносило экономические выгоды дворянскому государству, и оно ее поощряло.

В боевом содружестве, в совместной борьбе против французских агрессоров и турецких поработителей крепли и ширились связи России с балканскими народами. При помощи России Ионическая республика стала центром греческого национального движения, Черногория и Котор отстояли свою независимость от французских полчищ, Сербия развернула знамя борьбы за освобождение.

Предпосылкой успехов России в Восточном Средиземноморье наряду с русско-турецким союзом 1798—1806 гг. был и союз ее с Англией. Действиям русского флота на Средиземном море в 1797—1800 гг. и 1805—1807 гг. помогали дружественные отношения с нею (без этого эскадра Сенявина не могла бы пройти в Средиземное море).

Русская и английская дипломатия в Константинополе до определенного предела оказывали друг другу поддержку. Наконец, если не удалось осуществить взаимодействие на море против Франции, а затем и против Турции, то угроза его все же связывала и тревожила противников России.

На Средиземном море Англию и Россию в конце XVIII — первые годы XIX в. объединяла известная общность интересов — для них обеих величайшей опасностью было бы превращение Средиземного моря во французское озеро, о чем мечтал Наполеон.

Те же общие интересы борьбы против французской агрессии объединяли обе державы и на Западе.

Наконец, очень важную роль в англо-русском сближении играли и тесные экономические связи (хотя они и складывались преимущественно к выгоде Англии).

В русских правящих кругах в этот период были сильны дружественные Англии настроения, отчетливо выражена тенденция к военному и дипломатическому взаимодействию с нею. За союз с Англией стояли помещики северо-западных губерний, которые были заинтересованы в

английском рынке, поглощавшем продукцию их хозяйства. За союз был и ряд крупных дворянских политических деятелей, экономически с Англией не связанных, но убежденных в коренной общности интересов обеих стран.

При всем том, уже с 90-х годов XVIII в. все заметнее становились противоречия Англии и России в восточном вопросе. Первым крупным этапом в развитии этих противоречий был период русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Следующий этап наступил в годы второй коалиции, когда Россия и Англия столкнулись в споре за обладание Мальтой, расположенной на путях к Леванту и Египту, и соперничали на Ионических островах. К этому присоединились противоречия на Западе. В возникшем в 1801 г. военном конфликте России и Англии две основные тенденции русско-английских отношений — к взаимодействию и союзу и к соперничеству — столкнулись с особенной силой. Верх взяла первая из них — заинтересованные в экономических и политических связях с Англией дворянские круги открыто выступили против войны.

В 1803—1807 гг., когда Россию и Англию, казалось бы, сближала борьба против наполеоновской угрозы на Средиземном море, развитие русско-английских противоречий вступило в новую фазу. Англия была недовольна преобладанием России в Константинополе. Английская агентура пыталась подорвать русские позиции на Ионических островах и, опираясь на реакционный ионический нобилитет, расширить свои связи. В греческом вопросе Англия из страха перед ростом влияния России ориентировалась на охранение турецкого господства над Грецией. В разрез с русской политикой Англия действовала в Албании, которую она старалась сделать своим опорным пунктом и где она поддерживала Али пашу Янинского, в данный момент враждебного России.

Попытки Александра I договориться с Англией о существенных изменениях положения в Восточном Средиземноморье и на Балканах (миссия Новосильцова 1804—1805 гг. и миссия Строганова 1806 г.) не имели успеха. Англия недоброжелательно отнеслась к предложениям России о коренном изменении положения угнетенных Турцией балканских народов, в чем проявилась реакционная сторона английской политики на Балканах.

Русско-английское взаимодействие на Средиземном море потерпело неудачу. Провал экспедиций в Неаполь

(1805 г.) и в Дарданеллы (1807 г.) показал, что Россия не только не может рассчитывать на военную поддержку Англии, но должна ожидать упорного, хотя и скрытого ее противодействия.

К середине 1807 г. стало очевидно, что и на Западе Англия не окажет России эффективной поддержки. Тильзит и разрыв с Англией были тем выводом, который сделало из этого русское правительство.

Еще раньше распался союз России и Турции. Русско-турецкая война 1806—1812 гг. возникла в результате как давления Франции на турецкое правительство, так и реваншистских устремлений самой Порты. Проникновение России в Восточное Средиземноморье (а в особенности постоянное движение ее военного флота через проливы, концентрация русских военно-морских сил, утверждение ее на Ионических островах), политика правительства Александра I в Сербии, Черногории, Дунайских княжествах в эти годы очень тревожили Турцию. При всем этом непосредственной угрозы для нее со стороны России не было. Наполеон же — главный виновник русско-турецкой войны 1806—1812 гг.— сторговался за счет Турции в Тильзите с Александром I (с тем, чтобы потом в свою очередь обмануть и его).

Тильзит стал концом того ознаменовавшегося особыми и не повторявшимися уже в дальнейшем успехами периода в истории средиземноморской политики России, который открылся в 1798 г. Согласившись на переход Ионических островов к Франции и на уход эскадры Сенявина из Восточного Средиземноморья, Александр I свел на нет все то, что русские военно-морские силы и русская дипломатия завоевали в бурные годы наполеоновских войн.

Ряд причин привел русскую политику в Средиземноморье к подобному финалу. К их числу относится непрочность союза России с Турцией и Англией. Происки французской дипломатии в Константинополе, стремление самой Турции к реваншу, противоречия России и Турции обрекали русско-турецкий союз на неудачу. С разрывом же его была потеряна возможность посылать русские военные корабли через проливы на Средиземное море. Нарастание русско-английских противоречий в восточном вопросе и на Западе взорвали в 1807 г. и русско-английский союз. Средиземноморский флот Англии стал враждебной русскому флоту силой, Россия не могла более перебрасы-

вать подкрепления на Средиземное море через Атлантический океан и Гибралтар. Эскадра Сенявина, отрезанная от своих баз, по существу попала в ловушку. Политика России в Восточном Средиземноморье на этом этапе потеряла свою реальную основу — преобладание русского флота.

Россия не могла одна вести на Средиземном море борьбу одновременно с Турцией и Англией, от Франции же, несмотря на Тильзитский союзный договор, поддержки ждать не приходилось.

Продвижение в Восточном Средиземноморье, успешно осуществлявшееся царской Россией в конце XVIII — начале XIX в., в конце концов оказалось ей не под силу.

Внутренние ресурсы, военные средства царизма не соответствовали столь широким целям. Царизм показал, что уже в первые годы XIX в. он был не в состоянии решить в области внешней политики те задачи, которые он ставил.

Английская экспансия на Средиземном море в 1798—1807 гг. получила широкий размах и ставила далеко идущие цели. Англия прибрала к рукам Мальту, заняла Сицилию, пыталась проникнуть в Египет, подбиралась к Ионическим островам и Албании.

Все же политика Англии на Средиземном море в начале XIX в. не представляла для России такой непосредственной опасности, как политика Наполеона. Активность и влияние Англии в Константинополе были относительно невелики, далеко уступая влиянию Франции. Конкуренция английского торгового капитала на восточных рынках также пока не очень тяготила Россию — английский экспорт в Турцию был не так уж значителен.

Через сравнительно короткий срок положение изменилось, и к 20-м годам XIX в. Англия и Россия етали в восточном вопросе ожесточенными противниками. В основе этого процесса лежала усилившаяся борьба обеих стран за восточные рынки и рост английской агрессии на Ближнем Востоке, где она сталкивалась с захватнической политикой царской России.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I. Политика России в Восточном Средиземноморье в конце XVIII в. и ее социально-экономические предпосылки. Русско-английские отношения в 80—90-х годах XVIII в. 19

Глава II. Основные направления политики России в Восточном Средиземноморье в годы второй коалиции (1798—1800) 77

Глава III. Соперничество великих держав в Восточном Средиземноморье и распад второй коалиции. Военный конфликт России и Англии (1798—1801) 115

Глава IV. Проблемы Средиземноморья в русско-английских и русско-французских отношениях (1801—1802) 180

Глава V. Разрыв отношений между Россией и Францией. Установление русско-английского взаимодействия в Средиземноморье (1802—1804) 233

Глава VI. Греческий вопрос во внешней политике России начала XIX в. 277

Глава VII. Россия и Англия в период формирования третьей коалиции (1804—1805) 318

Глава VIII. Россия и Англия в борьбе против наполеоновской Франции. Разрыв русско-английского союза (1805—1807) 390

Заключение 495

О... 1962 г.
А... 1675
ЗР-62458

Августа Михайловна Станиславская

Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807)

Утверждено к печати
Институтом истории Академии наук СССР

Редактор Издательства *Б. Г. Вебер*
Технический редактор *Г. С. Симкина*
Корректор *В. Г. Богословский*

РИСО АН СССР № 46-82В Сдано в набор 3/II 1962 г.
Подписано к печати 25/IV 1962 г. Формат 84×108¹/₃₂
Печ. л. 15,75. Усл. печ. л. 25,83. Уч.-изд. л. 28,2
Тираж 1200 экз. Т-05801
Изд. № 5419. Тип. зак. № 243

Цена 1 руб. 89 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
94	13 св.	к ним	к тому
95	2 и 6 сн.	1798 г.	1797 г.
97	11 сн.	1797 г.	1798 г.
	5 сн.	стр. 134.	стр. 129.
222	6 сн.	т. 14, стр. 64; т. 8, ст. 129.	т. 14, стр. 64, 84, 87.
249	20 св.	боев	беев
257	10 сн.	3 (15) июня	3 (15) августа
260	21 св.	16 (28) октября	16 (28) октября 1803 г.
320	11 сн.	25 июля (6 августа)	14 (26) августа
354	19 сн.	1-я открытая и 7-я секретная	1 и 7-я секретные
	12 сн.	130	129